LADY FANTASY
БАШНЯ РАССВЕТА
САРА ДЖ. МААС
18+
Просто ошеломляюще... Хор голосов, требующих продолжения, оглушителен...
Booklist
АЗБУКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Шаол Эстфол, капитан королевской гвардии Адарлана и ближайший друг Селены Сардотин, в битве с демонами, захватившими столицу королевства и разрушившими стеклянный замок, получает серьезные увечья. Единственное, что ему может помочь, – поездка в далекую Аттику, столицу могущественной империи, где в высокой башне обитают искусные целительницы, способные творить чудеса. Помимо этого, у Шаола и другая задача – в наступившие тяжелые времена убедить правителя Южного континента объединиться с ним в союз против демонов и оказать поддержку соседям. Иначе тьма падет не только на Эрилею, но охватит все земли и континенты.

- Сара Маас
  - ○
  - ○
  - ○ Часть первая. Город богов
  - ○ Часть вторая. Горы и моря
  - ○ Огненное сердце
  - ○ Благодарности

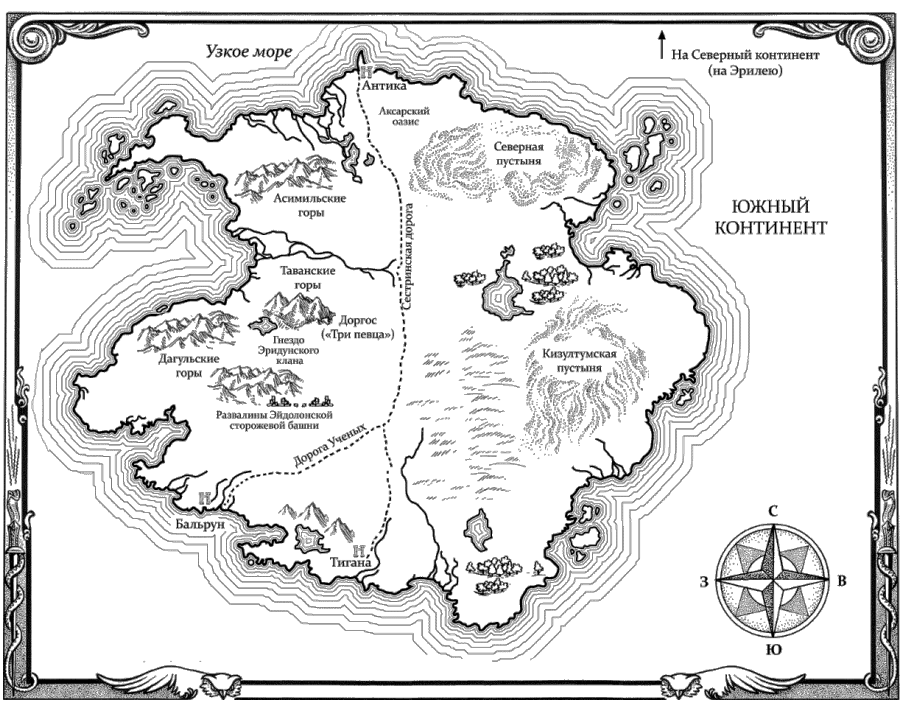
Сара Маас
Башня рассвета

Sarah J. Maas
Tower of Dawn

© Sarah J. Maas 2017
© И. Б. Иванов, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство АЗБУКА

* * *

Посвящается моей бабушке Камилле, странствовавшей по горам и морям. Удивительная эпопея ее жизни была у меня самой любимой историей



Часть первая. Город богов

1

Бывший капитан королевской гвардии, а с недавних пор – главный советник нового адарланского короля Шаол Эстфол сделал неутешительное открытие: среди звуков, досаждавших ему, один вызывал самую настоящую ненависть.

Звук крутящихся колес.

Особенно возненавидел Шаол их дребезжание по палубным доскам корабля. За три недели плавания по бурным морям оно превратилось в пытку. Но колеса продолжали греметь и дребезжать и здесь, хотя теперь они катились по сверкающим полам из зеленых мраморных плит с искусными мозаичными узорами. Впрочем, здесь сверкали не только полы. Во дворце *хагана* Южного континента (дворец находился в Антике – самом северном городе континента) сияло и сверкало все.

По правде говоря, ненависть Шаола к колесам была лишь отчасти вызвана их дребезжанием. Куда сильнее королевского советника угнетало то, что они приделаны к креслу, на котором он (тоже с недавних пор) передвигался. Кресло стало его тюрьмой и в то же время – единственной возможностью повидать мир. И сейчас, поскольку Шаолу было нечем себя занять, он внимательно разглядывал просторный дворец, возведенный на вершине одного из бесчисленных столичных холмов. Все, из чего дворец был построен, все, что слагало внутреннее убранство, было когда-то привезено из разных уголков могущественной империи хагана.

Зеленый мрамор для сверкающих полов, по которым сейчас дребезжали колеса Шаолова кресла, доставили в Антику из каменоломен на юго-западе континента. Неотъемлемой частью зала приемов были красные колонны, вытесанные в форме деревьев. Ветви их крон тянулись по сводчатым потолкам. Камень для колонн волокли в столицу из северо-восточных пустынь, где песчаные бури – повседневное явление.

Мозаичные картины, вкрапленные между зеленым мрамором пола, создавали ремесленники Тиганы – весьма ценимого хаганом города на южной оконечности континента. Каждая представляла сцену из богатой событиями, жестокой и славной истории хаганата. Начало ее тонуло во тьме веков, когда далекие предки хагана веками кочевали по травянистым степям восточной части континента. Мозаики запечатлели появление первого хагана – военачальника, который объединил разрозненные племена,

сделав их народом-завоевателем. С тех пор начался последовательный захват континента. Шаг за шагом, сочетая военную силу с проницательностью и умением мыслить стратегически, государство бывших кочевников превращалось в обширную империю. История последних трех веков представала в деяниях хаганов. Они продолжали дело предков, расширяя границы империи. Хаганы распределяли богатства, стекающиеся отовсюду, строили бесчисленные мосты и дороги – кровеносные артерии громадного континента, которым они управляли с ясным пониманием цели и точностью действий.

«А ведь таким мог бы стать и Адарлан», – подумалось Шаолу под скрип колес и приглушенные разговоры придворных и слуг. Их голоса заполняли пространство между колоннами и поднимались выше – к позолоченным сводам потолков. Мог бы, если бы Адарланом правил кто-то другой, неподвластный королю-демону. У демона, прорвавшегося в этот мир, было иное стремление – превратить Адарлан (а затем и другие земли) в место пиршества и забав его орд.

Изогнув шею, Шаол бросил взгляд на Несарину. Это она катила его кресло. Ее лицо оставалось каменным. Лишь взгляд темных глаз, скользивший по каждому окну, колонне и лицу, которые встречались по пути, выдавал сдержанный интерес к внушительному дворцу хагана.

Оба надели самое лучшее из своего скудного дорожного гардероба. Несарина, произведенная королем в капитаны гвардии, была в красной с золотом гвардейской форме. Такую же вплоть до недавнего времени с гордостью носил и Шаол. Где Дорин раздобыл форму для Несарины, оставалось загадкой.

Поначалу Шаол хотел одеться в черное просто потому, что другие цвета… За исключением гвардейской формы, ему всегда было неуютно в цветной одежде. Но черный стал цветом солдат Эравана, одержимых валгскими демонами. Это они, одетые во все черное, бесчинствовали в Рафтхоле, расправляясь с горожанами и бывшими сослуживцами Шаола. После зверских пыток и убийств солдаты Эравана развесили тела королевских гвардейцев на воротах дворца и оставили качаться на ветру.

На местных солдат он старался не смотреть, а они встречались и на улицах, по пути сюда, и в самом дворце. Гордые, бдительные, с мечами и кинжалами у пояса. Даже сейчас Шаол противился сильному желанию взглянуть, как они расставлены по залу. Наверное, еще и потому, что интуиция подсказывала: они стоят там, куда бы он поставил своих гвардейцев. Когда-то и он стоял в карауле, тщательно наблюдая за помещением и за посланцами какого-нибудь иноземного королевства.

Несарина перехватила его взгляд. Ее черные немигающие глаза были холодны. Только черные, до плеч волосы раскачивались в такт шагам. На ее прекрасном суровом лице не отражалось ни малейшего беспокойства. Ничто не выдавало ее состояния. А ведь ее и Шаола ждала встреча с одним из самых могущественных правителей мира. Только он мог изменить судьбу Эрилеи – их континента, где на землях Адарлана и Террасена уже наверняка полыхала война.

Шаол молча смотрел вперед. По пути сюда Несарина предупредила его, что здешние стены, колонны и арки имеют уши, глаза и уста.

Только эта мысль и удерживала Шаола от желания теребить одежду, которую он после раздумий выбрал для встречи с хаганом: светло-коричневые штаны, каштанового цвета сапоги почти до колена и белую рубашку из тончайшего шелка. Рубашка почти целиком скрывалась под зеленовато-голубым камзолом. Камзол был довольно простого покроя; на его истинную стоимость указывали лишь изящные медные застежки и блеск золотистых нитей, окаймляющих высокий воротник и кромки. Меча на кожаном поясе на этот раз не было, и Шаолу не хватало привычной, успокоительной тяжести оружия.

Своих ног, обутых в сапоги, он тоже не ощущал.

Шаол отправился на Южный континент, чтобы выполнить два задания. И до сих пор не знал, какое окажется в большей степени невыполнимым.

Первое. Шаолу предстояло убедить хагана и его шестерых потенциальных наследников и наследниц поддержать Эрилею в войне против Эравана и отправить туда свою внушительную армию…

Второе. Найти в Торре-Кесме целителя, способного вернуть ему возможность ходить.

Словом, починить его. Само это слово вызывало у Шаола отвращение. Он ненавидел его наравне с лязгом и скрипом колес. «Починить». А ведь так будет звучать просьба… даже мольба, с которой он обратится к легендарным целителям. И все равно от проклятого слова у Шаола сводило живот.

По пути сюда он старательно гнал из разума и само слово, и мысли о своей неподвижности. Из гавани к дворцу Шаола и Несарину сопровождала стайка молчаливых слуг. Их обоих усадили в карету и повезли по извилистым и пыльным улицам Антики. Последний отрезок пути они проделали вверх по склону – туда, где на вершине холма виднелись купола и тридцать шесть минаретов дворца.

И повсюду, куда ни глянь, взгляд натыкался на белые

лоскуты. Шелковые, полотняные, даже войлочные. Они свешивались из каждого окна, раскачивались над каждой дверью, мелькали на фонарях. Несарина шепотом пояснила: недавно умер какой-то сановник или родственник хагана. В каждом уголке Южного континента были свои ритуалы погребения. Когда эти земли попали под власть хаганата, ритуалы изменились, перемешавшись с обычаями других мест. Белый цвет был наследием кочевого прошлого, когда умерших заворачивали в белую ткань и оставляли в степи под широким всевидящим небом.

Впрочем, город отнюдь не выглядел угрюмым. Горожане все так же сновали по улицам в своих диковинных одеждах, торговцы предлагали товары, а служители деревянных и каменных храмов звали прохожих зайти. Шаол еще раньше узнал от Несарины, что в Антике у каждого бога есть храм. Но над всеми храмами и даже над дворцом возвышалась башня из светлого камня. Она стояла на одном из южных холмов.

Торра. Башня, где обитали самые лучшие целители в мире смертных. Шаол старался особо не разглядывать ее из окошек кареты, хотя громадная башня была видна с любой столичной улицы. Слуги не сказали о ней ни слова и вообще как бы ее не замечали. А ведь башня вполне могла соперничать с дворцом хагана.

Нет, вышколенные слуги говорили только по необходимости. Никакой посторонней болтовни. Они даже не упомянули траурные лоскуты, развевающиеся на сухом и жарком ветру. Женщины оказались ничуть не общительнее мужчин. Одежда всех слуг состояла из шаровар и свободных камзолов глубоко-синего и ярко-красного цветов, окаймленных светло-золотистым шитьем. Это были наемные слуги – потомки рабов, которыми когда-то владели предки хагана. Рабство отменили сравнительно недавно. Его упразднила мать нынешнего хагана – мечтательница и бунтарка. Отмена рабства была одним из многочисленных ее улучшений жизни в империи. *Хагана* (так именовались женщины-правительницы) освободила рабов, но оставила их в качестве наемных слуг. Затем в услужение поступили их дети, а теперь уже и внуки.

Судя по виду слуг, ели они досыта и во всем остальном не чувствовали себя обделенными. Шаола и Несарину они сопровождали почтительно и без робости. Похоже, что и нынешний хаган унаследовал от матери достойное обращение со слугами. Хорошо бы эта традиция затем перешла к его преемнику.

В отличие от Адарлана и Террасена, здешнее

престолонаследие не определялось старшинством, и мужчины не имели преимущества перед женщинами. Многодетность правителя лишь отчасти облегчала выбор. А соперничество между братьями и сестрами превращалось в кровавое состязание. Все уловки и ухищрения предпринимались с единственной целью – показать отцу или матери, кто из детей самый сильный, самый мудрый и наиболее пригоден для правления империей.

Учитывая, что хаган может умереть или погибнуть, не успев назвать преемника, закон обязывал делать предварительный выбор. Имя избранника писалось на особом листе пергамента, лист скреплялся печатью хагана, помещался в неприметную шкатулку, а шкатулка – в тайное хранилище. Предварительный выбор можно было в любое время изменить. Главное, чтобы шкатулка не оставалась пустой. Закон создавался с целью предотвратить то, чего в хаганате боялись с самого момента его создания, – распада империи. Обрушение не под натиском внешних сил, а изнутри.

Предок нынешнего хагана был мудр. За все триста лет в хаганате ни разу не вспыхнула гражданская война.

Миновали приемный зал. Слуги распахнули двери тронного зала, и Несарина вкатила туда кресло Шаола. Между двумя громадными колоннами в изящном поклоне застыли другие слуги – рангом выше. Тронный зал поражал роскошью и изяществом отделки. Десятки придворных собрались возле позолоченного возвышения, сверкающего на полуденном солнце. На троне восседал хаган. Перед ним стояли пятеро его детей: сыновья и дочери. К кому из них однажды перейдет власть над хаганатом?

В зале слышен был лишь шелест одежд полусотни придворных (Шаол наметанным глазом быстро подсчитал их), стоявших по обе стороны возвышения. Две живые стены, пестрящие шелками и драгоценностями, образовали внушительный коридор, по которому Несарина катила его кресло.

Шелест одежд и скрип колес. Еще утром Несарина тщательно их смазала, однако три недели путешествия морем не лучшим образом сказались на металле. Звук был отвратительным, словно гвоздями царапали камень.

Но Шаол держал голову высоко поднятой, а плечи – расправленными.

Несарина остановилась на почтительном расстоянии от возвышения. Правильнее сказать, от стены детей хагана, вставших между незваными гостями и отцом. Все пятеро были взрослыми людьми, в расцвете сил.

Первой обязанностью принца и принцессы была защита не отца. Хагана. Правителя империи. Так легче всего показать свою

верность и повысить шансы на избрание. И эти пятеро…

Шаол придал лицу нейтральное выражение и снова пересчитал детей хагана. Только пять. Не шесть, как говорила Несарина.

Шаол не стал оглядывать зал в поисках отсутствующей младшей дочери хагана. Он поклонился в пояс. Поклон он добросовестно отрабатывал всю последнюю неделю их плавания, когда погода становилась все жарче, а воздух – все су́ше. Да и солнце припекало нещадно. Кланяться, сидя в кресле, было непривычно, однако Шаол добросовестно нагибался, пока его взгляд не уткнулся в безупречно начищенные сапоги. Под сапогами скрывались ноги, утратившие чувствительность и подвижность.

По шороху одежды слева Шаол понял: Несарина тоже застыла в глубоком поклоне. Она говорила, в таком положении нужно замереть на три полных вдоха и выдоха.

Шаол употребил это время на то, чтобы собраться и спрятать ощущение тяжести, лежавшее на плечах их обоих.

Когда-то он умел стоять в карауле не шелохнувшись. Он годами служил отцу Дорина, беспрекословно выполняя приказы. А еще раньше – годами выдерживал общение с собственным отцом, чьи слова и кулаки были одинаково тяжелы. Теперь отцовская должность управителя Аньеля – его родного города – перешла к Шаолу.

Слово «управитель» перед именем Шаола воспринималось как насмешка. Насмешка и ложь. Но Дорин, невзирая на все протесты Шаола, отказался освободить его от должности.

Управитель Шаол Эстфол. Главный советник короля.

Он ненавидел свое звание. Даже сильнее, чем скрип колес. Сильнее, чем тело, которое ниже бедер было бесчувственно. Даже сейчас, когда с момента увечья прошла не одна неделя, это продолжало удивлять Шаола.

Если и называть его управителем, то управителем ничтожеств. Управителем клятвопреступников. Управителем лжецов.

Шаол выпрямился и встретился взглядом с прищуренными глазами седовласого человека на троне. Смуглое морщинистое лицо хагана расплылось в легкой ехидной улыбке… Может, хаган знал, какие мысли теснились в голове Шаола?

2

Несарине казалось, что она раздваивается.

В какой-то мере она являлась капитаном королевской гвардии Адарлана. В этом качестве она поклялась королю Дорину сделать все, чтобы человек в кресле на колесах получил надлежащее лечение, а человек, восседающий на троне, согласился помочь Эрилее своей армией. Поэтому она стояла с высоко поднятой головой и широко расправленными плечами, держа правую руку подальше от эфеса старинного меча.

Но было в ней и кое-что другое.

В глубине души она проглотила слезы, завидев на горизонте шпили, купола и минареты города богов и, конечно же, громаду Торры. Сойдя с корабля, Несарина вдохнула аромат паприки, отдающий дымом, резкий запах имбиря и манящую сладость тмина и поняла: она дома. Пусть она служила Адарлану и готова была умереть за королевство Дорина, пусть там осталась ее семья, но здесь когда-то жил ее отец. И даже ее адарланской матери в Антике дышалось легче. Несарина оказалась среди своих.

У ее соплеменников были разные оттенки кожи: от коричневой до бронзовой. У всех – густые блестящие черные волосы – ее волосы. Форма глаз тоже различалась. Встречались глаза раскосые, глаза широкие и круглые, а также глаза-щелочки. В основном черные и карие, но иногда попадались люди со светло-карими и даже зелеными глазами. Ее народ. Уроженцы разных частей Южного континента, однако на здешних улицах никто бы не шипел ей вслед. В детстве сверстники не кидались бы в нее камнями. Дети ее сестры не ощущали бы себя чужаками, мало того – изгоями.

И поэтому, хоть Несарина и стояла с распрямленными плечами и поднятой головой, у нее подкашивались колени при взгляде на тех, кто был перед нею. И на то, что они собою олицетворяли.

Несарина не отважилась открыть отцу, куда и зачем отправляется. Намекнула лишь, что король Адарлана посылает ее с поручением, выполнение которого может занять продолжительное время.

Скажи она правду, отец не поверил бы. Она и сама до конца не верила.

О нынешнем хагане в ее семье рассказывали истории, когда зимними вечерами все собирались у очага. О его детях говорили в отцовской пекарне, меся тесто для бесчисленных караваев. Несарина помнила легенды о предках хагана, которые она слушала перед сном. Одни помогали Несарине заснуть, другие заставляли ночь напролет ворочаться в постели, сжимаясь от ужаса.

Хаган был живым мифом. Таким же божеством, как и тридцать шесть богов, что правили городом и империей.

Мест поклонения памяти прежних хаганов в Антике было не меньше, чем храмов. А то и больше. Это благодаря хаганам столицу называли городом богов. И сейчас Несарина видела живого бога, восседавшего на троне из слоновой кости. Трон стоял на золотом возвышении.

Легенды, которые ей шепотом рассказывал отец, не соврали: возвышение было из чистого золота.

А шестерых детей хагана Несарина могла бы назвать сама, не дожидаясь, пока их ей представят. Да и Шаол тоже: сколько раз она ему рассказывала о семье хагана во всех подробностях.

Однако сама встреча должна была происходить совсем не так.

Пока плыли сюда, Несарина рассказывала Шаолу о родине предков, а он посвящал ее в тонкости придворного этикета. Сам он крайне редко участвовал в придворных церемониях, зато часто их наблюдал, будучи на королевской службе.

Наблюдатель чужих игр нынче превратился в главного игрока. А ставки в этой игре были немыслимо высоки.

Шаол и Несарина ждали, когда хаган заговорит.

По пути в тронный зал Несарина старалась не глазеть по сторонам. Отец несколько раз возил ее в Антику, но дворец она видела лишь снаружи. Внутри не бывали ни отец, ни дед, ни кто-либо из их предков. В городе богов дворец хагана был наисвятейшим из всех храмов. И самым хитроумным из лабиринтов.

Хаган сидел не шелохнувшись.

Этот трон из слоновой кости сменил прежний лет сто назад. Тогдашний хаган – седьмой по счету – отдал такой приказ, поскольку уже не помещался на сиденье. По свидетельству историков, причиной смерти хагана стали обжорство и неумеренные возлияния. Правда, ему хватило здравомыслия назвать имя преемника раньше, чем он сам, схватившись за грудь, замертво свалился с нового трона.

Нынешнему хагану, которого звали Арас, было не более шестидесяти, и обликом своим он выгодно отличался от грузного предка. Конечно, его волосы успели поседеть и стать одного цвета с резным троном. Шрамы на морщинистой коже напоминали о войне за трон, происходившей накануне смерти матери. Но его черные, как оникс, раскосые глаза сверкали яркими звездами. Они все видели и все понимали.

Короны на седой голове хагана не было. Боги, обитающие среди смертных, не нуждаются в особых знаках своей власти.

Позади трона, на жарком ветерке из открытых окон,

трепетали белые шелковые лоскуты. Покойный был весьма важной персоной, если траурный шелк присутствовал даже в тронном зале. Мысли хагана и его семьи невольно уносились туда, где душа умершего соединилась с Вечными Синими Небесами и Спящей Землей. Хаган и его предки почитали то незримое место, а своим подданным оставляли право выбирать, кому из тридцати шести богов поклоняться.

Не исключено, что пантеон разрастется вследствие присоединения к империи новых земель и их собственных богов. За тридцать лет правления нынешний хаган преуспел в этом, захватив несколько заморских королевств.

Пальцы хагана, испещренные шрамами, были унизаны кольцами со сверкающими драгоценными камнями. Каждое кольцо – память о присоединенном государстве.

Это был воин в наряде правителя. Все так же молча хаган снял руки с подлокотников трона, сделанного из бивней могучих зверей, что нынче почти исчезли, а еще сто лет назад бродили по степям срединной части континента. Руки хагана переместились на колени и утонули в складках синего, с золотым окаймлением шелка. Синюю краску добывали в густых, жарких и влажных лесах западной части державы. Ткани красили в городе Бальруне, где когда-то жили предки Несарины по отцовской линии. Но любопытство и честолюбие заставили ее прадеда взять семью и отправиться через горы, степи и пустыни на засушливый север, в город богов.

Род Фелаков и раньше занимался торговлей. Их товары не относились к числу редких и дорогих. Добротные ткани, пряности, потребные в любом доме. Дядя Несарины и сейчас торговал ими. Заработанные деньги он не прятал в сундук, а прибыльно вкладывал, благодаря чему стал не сказать что богатым, но довольно зажиточным человеком. Сейчас он с семьей владели красивым домом в столице. На сословной лестнице дядя стоял выше отца Несарины, решившего покинуть родину и стать пекарем.

– Не каждый день новый король отправляет к нашим берегам столь важных посланцев, – наконец произнес хаган – на адарланском, а не халхийском, основном языке Южного континента. – Полагаю, мы должны посчитать это честью.

Как и отец Несарины, хаган говорил с акцентом, но в его голосе не ощущалось ни тепла, ни легкой насмешливости. С детства хаган жил в подчинении, затем сражался за власть. Он казнил двух братьев, показавших себя жалкими неудачниками. Из оставшихся троих один отправился в изгнание, а двое других принесли клятву верности хагану. А поскольку словесной клятвы

ему было мало, искусные целители Торры сделали их бесплодными.

– Это я считаю честью предстать перед вами, великий хаган, – склонив голову, ответил Шаол.

Привычные слова «ваше величество» были бы здесь неуместны и даже оскорбительны. Они годились для королей и королев. Чужеземные титулы не отражали могущества этого человека. Только «великий хаган» – титул, взятый себе самым первым хаганом.

– Ты считаешь, – будто размышляя вслух, произнес хаган. Его черные глаза скользнули по Несарине. – А что скажет твоя спутница?

Несарина подавила настойчивое желание снова поклониться. Она вдруг поняла, как разительно отличался от хагана Дорин Хавильяр. Но Аэлина Галатиния… пожалуй, у той нашлось бы с Арасом больше общего. Или найдется, если она уцелеет и воссядет на троне Террасена.

Поймав на себе пристальный взгляд Шаола, Несарина поспешно отбросила эти мысли. По плечам Шаола чувствовалось, как он напряжен. Не из-за речей или обстановки. Довольно присутствия могущественного правителя и воина; а ему еще приходится запрокидывать голову, чтобы видеть трон Араса. Ох, непростой день выдался сегодня у главного советника адарланского короля.

Несарина ограничилась легким поклоном:

– Меня зовут Несарина Фелак. Я – капитан королевской гвардии Адарлана. Господин Эстфол занимал эту должность до меня, пока нынешним летом король Дорин не назначил его своим главным советником.

Как хорошо, что за годы жизни в Рафтхоле она научилась не улыбаться, не сжиматься и не показывать страх. Научилась говорить ровным, спокойным голосом, даже когда у нее дрожали колени.

– Но мои предки по отцовской линии родом с Южного континента. Признаюсь вам, великий хаган: часть моей души принадлежит Антике.

Несарина прижала руку к сердцу. Мозоли на ладонях задевали тонкие золотистые нити, которыми был расшит ее мундир. Цвета империи, не раз преследовавшей и унижавшей ее семью.

– Оказаться в вашем дворце – высокая честь для меня.

Возможно, она говорила правду.

Если у нее найдется время навестить дядину семью, живущую в Рунни – тихой зеленой части Антики, где обитали

преуспевающие торговцы, – она расскажет родным о посещении дворца хагана. Они наверняка согласятся, что Несарина удостоилась высокой чести.

– В таком случае добро пожаловать в твой настоящий дом, капитан, – слегка улыбнулся хаган.

Несарина не столько увидела, сколько почувствовала вспышку раздражения Шаола. Трудно сказать, что́ именно его задело: то, что родным домом Несарины назвали Антику, или то, что его прежняя должность теперь принадлежала ей.

Но Несарина поклонилась еще раз, выражая благодарность.

– Сдается мне, что вы оба явились сюда уговаривать меня примкнуть к вашей войне, – сказал Шаолу хаган.

– Мы прибыли по распоряжению моего короля, – напряженно ответил Шаол, с гордостью произнеся последнее слово. – Мы надеемся открыть эру новых отношений между нашими континентами, построенных на основании мира и взаимовыгодной торговли.

Одна из дочерей хагана – молодая женщина с черными, как ночь, струящимися волосами и глазами, полными темного огня, – искоса посмотрела на брата, стоящего слева. Тот был года на три старше ее.

Хасара и Сартак. Третья по старшинству среди детей хагана, а ее брат – второй. Оба были одеты в одинаковые широкие шаровары и вышитые камзолы. На ногах – такие же одинаковые высокие сапоги из тонкой кожи. Красивой Хасару не назовешь, но эти глаза… Огонь, пляшущий в них, и то, как она посмотрела на старшего брата, преображали ее лицо.

И Сартак – командир отцовской воздушной армии, солдаты которой назывались руккинами.

Воздушная кавалерия его соплеменников с давних пор обитала в высоких Таванских горах. Они летали на рукках – громадных птицах, внешне напоминающих орлов. Рукки легко могли справиться с быком и завалить лошадь. Размерами и весом они уступали драконам Железнозубых ведьм, зато отличались быстротой, проворством и поистине лисьей хитростью. Идеальные крылатые кони для легендарных лучников, сражавшихся в воздухе.

Лицо Сартака оставалось бесстрастным. Он стоял широко расправив плечи. Похоже, как и Шаолу, ему было неуютно в нарядной одежде. Несарина даже знала имя рукки, на которой летал Сартак, – Кадара. Возможно, та сейчас устроилась на одном из тридцати шести дворцовых минаретов, поглядывая на испуганных слуг и караульных и нетерпеливо дожидаясь возвращения хозяина.

Если Сартак во дворце… Должно быть, здесь заранее знали о приезде посланцев Адарлана.

Понимающий взгляд, каким обменялись Сартак и Хасара, многое сказал Несарине. Во дворце хагана уже обсуждали и визит северных гостей, и цели визита.

Взгляд Сартака переместился на Несарину.

Она невольно моргнула. Кожа командира руккинов была смуглее, чем у его братьев и сестер. Возможно, сказывалось постоянное пребывание в воздухе и под солнцем. Глаза Сартака казались кусочками черного камня: бездонные и непроницаемые. Прядь его черных волос была заплетена в косичку и закинута за ухо, остальные свободно ниспадали на плечи и мускулистую грудь. Они слегка качнулись, когда Сартак насмешливо (в этом Несарина могла бы поклясться) наклонил голову.

Нечего сказать, посланцы Адарлана! И как только угораздило короля отправить к хагану эту жалкую парочку: покалеченного бывшего капитана и простолюдинку – его преемницу? Возможно, изначальные слова хагана о чести являлись завуалированным намеком на оскорбление, которое ему нанесено этим выбором послов.

Взгляд Сартака не отпускал; усилием воли Несарина отвела глаза, но продолжала ощущать этот взгляд, как призрачное прикосновение.

– Мы привезли с собой дары его величества короля Адарлана. – Шаол подал знак слугам за спиной.

Еще весной королева Гергина, мать Дорина, вместе со свитой отбыла в горный замок. Туда же отправилась изрядная часть богатств адарланской короны. Остальное за несколько месяцев успел куда-то переправить его отец. Когда встал вопрос о подарках, Дорин спустился в подземелья, где хранились сокровища. Несарина и сейчас слышала эхо грязных ругательств, вылетавших из королевского рта. Она и подумать не могла, что новый король умеет так ругаться. Но иных слов у Дорина не было: в кладовых, некогда ломившихся от золота и драгоценностей, он нашел лишь несколько монет.

Как обычно, у Аэлины появился замысел.

Несарина находилась возле нового короля, когда слуги притащили два больших сундука, набитых сокровищами. Внутри сверкали драгоценности, достойные королевы… королевы ассасинов.

Дорин попытался возражать, но Аэлина не пожелала слушать. «У меня достаточно средств, – сказала она. – Это пусть отправится к хагану как дар от адарланского короля».

Уже потом, на корабле, Несарина часто раздумывала над

щедростью Аэлины. Может, Аэлина была рада избавиться от всего, что она когда-то покупала на «кровавые деньги»? Может, радовалась, что адарланские сокровища не попадут в Террасен?

И вот теперь слуги хагана открыли крышки четырех сундуков. (Еще один совет Аэлины: так дар покажется более внушительным.) Придворные, до сих пор хранившие молчание, подошли ближе.

Блеск золота, серебра и драгоценных камней вызвал оживленное перешептывание.

И не успел хаган наклониться и взглянуть на сокровища, как Шаол снова заговорил:

– Это совместный дар адарланского короля Дорина Хавильяра и террасенской королевы Аэлины Галатинии.

Услышав второе имя, принцесса Хасара пристально поглядела на Шаола.

Принц Сартак лишь мельком взглянул на отца. Аргун, старший сын хагана, хмуро посматривал на привезенные дары.

Аргуна называли принцем шпионов. Он был политиком. Его обожали крупные торговцы и все те, кто пользовался властью и влиянием на континенте. Пока двое его братьев оттачивали воинское мастерство, Аргун оттачивал ум. Нынче он возглавлял совет, куда входили тридцать шесть визирей хагана. И этот его хмурый взгляд на сокровища…

На бриллиантовые и рубиновые ожерелья. На золотые и изумрудные браслеты. На сапфировые и аметистовые серьги, напоминающие маленькие люстры. А какие изумительные кольца лежали в сундуках. Некоторые украшали самоцветы величиной с ласточкино яйцо. Поблескивали золотые гребни, булавки, всеми цветами радуги переливались броши. Сокровища, добытые кровью и кровью же купленные.

Из всех детей хагана самый искренний интерес дары вызвали у Дувы – стройной и миловидной женщины. Здесь она была самой младшей. Ее изящную руку украшало толстое серебряное кольцо с громадным сапфиром. Рука Дувы покоилась на заметно округлившемся животе.

Похоже, она забеременела полгода назад, хотя одежда с обилием складок (Дува предпочитала розовые и пурпурные тона) и худощавая фигура не позволяли точно определить срок. Это наверняка ее первый ребенок. Дуву выдали замуж за какого-то принца – уроженца заморских земель далеко к востоку от континента. А южной соседкой принца была Доранелла. Заметив опасные поползновения фэйской королевы, он решил через брачный союз обезопасить свою родину и обрести могущественного покровителя в лице хагана. Возможно, что это

был политический шаг самого хагана, решившего в очередной раз расширить свои и без того внушительные владения.

Несарина не позволила себе слишком долго разглядывать выпирающий живот Дувы.

Ей не хотелось думать о будущем этой милой женщины, но мысли сами лезли в голову. Если новым хаганом станет брат или сестра Дувы, они постараются произвести на свет как можно больше собственных детей. А затем начнут устранять всех, кто может оспорить их права на трон. Иными словами, братьев и сестер наряду с племянниками и племянницами.

Несарину продолжали захлестывать мысли о будущем Дувы. Выдержит ли? Полюбила ли она дитя, растущее в ее чреве, или ей хватило мудрости не поддаваться этому чувству? Сумеет ли отец ребенка сделать все, что в его силах, и надежно спрятать малыша, если у нового хагана дойдет до расправ?

Арас откинулся на спинку трона. Его дети вновь встали живой цепью. Рука Дувы соскользнула с живота.

– Эти драгоценности изготовлены лучшими адарланскими ювелирами, – пояснил Шаол.

Хаган не торопился отвечать, вертя на пальце кольцо лимонно-желтого цвета.

– Если прежде они лежали в сундуках Аэлины Галатинии, не сомневаюсь, что так оно и есть.

Несарина и Шаол онемели. Они знали, по крайней мере подозревали, что у хагана есть шпионы повсюду: на суше и на море. Если всплывет прошлое Аэлины, это осложнит разговор с Арасом.

– Ты ведь не только главный советник адарланского короля, – продолжал хаган, – но еще и полномочный посол Террасена. Я не ошибся?

– Все верно, – подтвердил Шаол.

Арас встал, выказывая едва заметную хромоту. Его дети тут же расступились, дабы не мешать отцу спускаться с золотого возвышения. Самый высокий из сыновей, крепкий и, быть может, более порывистый (если сравнивать с наблюдательным Сартаком), пристально разглядывал собравшихся, словно оценивая потенциальные угрозы. Кашан. Четвертый по старшинству.

Если Сартак командовал руккинами на севере и в срединной части континента, Кашан управлял войсками хагана на земле. Главным образом пехотой и конницей. Аргун ведал государственной политикой и приглядывал за визирями, а Хасара, по слухам, командовала корабельными армадами. Кашан не заботился о внешнем лоске. Его темные волосы были

заплетены в тугую косу, открывая широкое скуластое лицо. Обаятельный? Пожалуй. Казалось, жизнь среди солдат повлияла на него, но не в дурную сторону.

Хаган спустился с возвышения. Он ступал неслышно; шуршали лишь складки его синей одежды. Глядя, как он ступает по зеленому мрамору, Несарина убеждалась: этот человек когда-то командовал не только руккинами в небе. Ему подчинялись военачальники конницы. Ему подчинялись моряки военных кораблей. А затем Арас и старший брат сошлись в поединке. Так приказала их умирающая мать. Болезнь, сжигающую ее, не могли остановить даже лучшие целители Торры. Кто из сыновей победит, тот и станет хаганом.

Прежняя хагана обожала зрелища. Для жестокого поединка между сыновьями она избрала амфитеатр в самом сердце города. Двери были открыты для всех, кто сумеет протолкнуться и найдет себе место. Зрители сидели на всем, чуть ли не головах друг друга. Еще тысячи горожан, не вместившиеся в белокаменное здание, заполонили прилегающие улицы. На колоннах верхнего яруса расположились рукки с всадниками. Немало руккинов кружило в воздухе, следя за поединком с высоты.

Сражение наследников длилось шесть часов.

Они боролись не только друг с другом, но и с внезапно появляющимися противниками. Так хагана устраивала сыновьям дополнительную проверку на стойкость. Из клеток, скрытых под ареной, выпрыгивали разъяренные дикие кошки. Из сумрака входных туннелей выкатывались колесницы, усеянные шипами. Колесницами правили копьеметатели.

В тот памятный день отец Несарины находился на улице, среди взбудораженной толпы, жадно ловившей крики тех, кто сумел взобраться на колонны и следил за ходом кровавого зрелища.

Последний удар не был проявлением жестокости или ненависти.

Орада – старшего брата Араса – ранил копьем в бок воин с колесницы. После шести часов кровавой битвы и борьбы за выживание этот удар свалил его. Орад лежал, не имея сил подняться.

И тогда Арас отбросил свой меч. Зрители замерли, ожидая, как он поступит. Арас протянул брату окровавленную руку, помогая встать.

Орад выхватил припрятанный кинжал и ударил Араса, метя в сердце. Он промахнулся на полпальца. Арас с криком вырвал кинжал из раны и вонзил в брата.

Арас не промахнулся.

У него наверняка остался шрам. Несарина думала об этом, глядя, как Арас неторопливо идет к сундукам с дарами. Интересно, оплакивала ли хагана гибель старшего сына, убитого другим сыном, который через несколько дней унаследует ее власть? Или, заранее зная участь своих детей, она не позволяла себе их любить?

Арас, хаган Южного континента, остановился перед Несариной и Шаолом. Он был выше Несарины на целых полтора локтя. Его плечи оставались широко расправленными, а спина – прямой.

Нагнувшись с едва заметным усилием, говорящим о возрасте, хаган подцепил из сундука ожерелье из бриллиантов и сапфиров. В его морщинистых, покрытых шрамами руках оно сверкало, словно живая река. Подбородком Арас указал на узколицего принца, наблюдавшего за гостями и придворными:

– Это мой старший сын Аргун. Недавно я слышал от него удивительный рассказ, касающийся королевы Аэлины Ашерир-Галатинии.

Несарина ждала удара. Шаол выдержал взгляд Араса.

Только сейчас Несарина заметила, что у Сартака отцовские глаза. Темные глаза Араса буквально плясали в такт произносимым словам.

– Двадцатилетняя королева многих привела бы в замешательство. Дорина Хавильяра хотя бы с рождения готовили к тому, что однажды он станет королем и будет править двором и королевством. Но Аэлина Галатиния…

Хаган швырнул ожерелье обратно в сундук. Оно упало с громким лязгом, какой издает металлический предмет, ударяясь о каменный пол.

– Наверное, кто-то сочтет десять лет ее опыта как ассасина достаточным.

В тронном зале снова зашептались. Глаза Хасары сверкали, как угли. Лицо Сартака ничуть не изменилось. Возможно, умение владеть лицом он перенял от старшего брата. Что ж, у Аргуна и впрямь искусные шпионы, если они разузнали о прошлом Аэлины. Между тем сам Аргун старательно прятал довольную улыбку.

– Пусть наши континенты и разделены Узким морем, – сказал хаган Шаолу, в лице которого тоже ничего не изменилось, – но даже мы слышали о Селене Сардотин. Дары, что вы мне привезли, явно из ее сокровищницы. Однако вы их привезли мне, тогда как моя дочь Дува (кивок в сторону его милой беременной дочери, стоящей рядом с Хасарой) до сих пор не получила свадебных подарков ни от вашего нового короля, ни от вернувшейся

королевы. А ведь остальные правители прислали ей подарки еще полгода назад.

Несарина едва не вздрогнула. Оплошность, никто не спорит. Причин для нее было достаточно. Убедительных причин, но о них не скажешь во дворце хагана. Шаол тоже не произнес ни слова.

– Но, – продолжал хаган, – невзирая на эти сокровища, которые вы свалили к моим ногам, как мешки с зерном, я бы хотел услышать правду. Особенно после подвигов Аэлины Галатинии. Это ведь она разрушила стеклянный замок в Рафтхоле, убила вашего прежнего короля и захватила столицу.

– Если принц Аргун располагает сведениями, возможно, вам незачем повторно выслушивать их от меня, – с непоколебимым спокойствием сказал Шаол.

С вызывающим спокойствием, так показалось Несарине. В отличие от ног, голос Шаолу подчинялся.

– Возможно, и незачем, – согласился хаган. Меж тем Аргун чуть прищурился. – Но думаю, тебе и твоей спутнице стоит выслушать правду из моих уст.

Шаол ни о чем не спрашивал. Не выказывал даже малейшего интереса, ограничившись дерзким:

– Да?

Кашан напрягся. Похоже, он был самым ревностным отцовским защитником. Аргун лишь переглянулся с каким-то визирем и улыбнулся Шаолу, словно гадюка, готовая ужалить.

– А сейчас я расскажу, зачем ты пожаловал в наши края, господин Эстфол, главный советник короля.

Тронный зал затих. Только чайки, кружащие высоко над его куполом, осмеливались нарушать эту тишину.

Хаган опустил крышки трех сундуков:

– Думаю, вы оба явились сюда убеждать меня примкнуть к вашей войне. Адарлан разделен. Террасен находится в плачевном состоянии, и уцелевшую тамошнюю знать будет трудно убедить сражаться за неопытную королеву. Они бы еще поняли, если бы эти десять лет она провела в изгнании. Но она безбедно жила в Рафтхоле и покупала драгоценности на свои кровавые деньги. Список ваших союзников невелик, да и их надежность вызывает сомнения. Силы герцога Перангтона вовсе не на стороне нового короля. Остальные королевства на вашем континенте находятся не в лучшем состоянии, чем Террасен. К тому же они отделены от ваших северных земель войсками Перангтона. И потому вы примчались сюда на всех парусах, чтобы убедить меня отправить армию к вашим берегам и проливать нашу кровь за проигранное дело.

– Иные считают это дело благородным, – возразил Шаол.

– Я недоговорил, – махнул рукой хаган.

Шаол встрепенулся, но не решился дальше перебивать хагана. У Несарины гулко колотилось сердце.

– Многие, – поднятая рука Араса указала в сторону Аргуна, Хасары и нескольких визирей, – выскажутся против нашего вступления в войну. Или посоветуют примкнуть к побеждающей стороне, с которой все эти десять лет мы прибыльно торговали.

Все визири (среди них были и женщины) носили одинаковые золотистые одежды. Хаган указал на других визирей, затем на Сартака, Кашана и Дуву:

– Иные скажут, что вступать в союз с Перангтоном опасно, ибо это может кончиться высадкой его войск в наших гаванях. Они мне скажут, что теперь, когда в Адарлане сменился король, потрепанные королевства Эйлуэ и Фенхару вновь поднимутся и станут процветающими и что торговля с ними наполнит наши сундуки золотом. Вы наверняка пообещаете мне то же самое. Предло́жите мне наивыгоднейшие условия торговли, хотя и в ущерб себе. Напрасные усилия. У вас нет ничего такого, чего бы уже не было у меня. Или чего я не могу заполучить, если захочу.

Хвала богам – Шаол не раскрывал рта. Только его карие глаза вспыхнули в ответ на скрытую угрозу.

Хаган вгляделся в содержимое четвертого сундука, все еще открытого. Там лежали гребни и щетки, отделанные драгоценными камнями, а также изящные флаконы для духов – плоды труда лучших адарланских стеклодувов. Они же выдували стекло для разрушенного Аэлиной за́мка.

– Итак, вы оба явились убеждать меня примкнуть к вашему делу. И мне надлежит обдумать ваши предложения, пока вы здесь. Ты, бывший капитан королевской гвардии, имеешь и собственную причину посетить наш континент.

Хаган небрежно указал на кресло. Загорелые щеки Шаола побледнели, но сам он не вздрогнул и не опустил головы. Несарина тоже заставила себя хранить невозмутимость.

– Аргун сообщил мне, что увечья ты получил совсем недавно. Пострадал во время взрыва стеклянного замка. Похоже, террасенская королева не очень-то заботилась о защите своих союзников.

У Шаола едва заметно дрогнула челюсть. Сейчас все – от принца до слуги – смотрели на его ноги.

– Поскольку ваши отношения с Доранеллой испорчены, за что опять-таки надо благодарить Аэлину Галатинию, Торра-Кесме остается единственным местом, где ты можешь рассчитывать на исцеление.

Хаган пожал плечами, и в нем на мгновение промелькнул

дерзкий воин, каким он был в юности.

– Если бы я отказал изувеченному человеку в шансе на исцеление, это глубоко опечалило бы мою любимую жену. – (Несарина только сейчас с удивлением заметила, что жены хагана нет в тронном зале.) – Посему я, конечно же, позволю тебе обратиться к целительницам Торры. Согласятся ли они взяться за тебя – им решать. Даже я не смею приказывать Торре.

Торра. Знаменитая башня на южной окраине Антики, на вершине самого высокого холма, круто обрывавшегося к зеленому морю. Обитель знаменитых целительниц. Храм Сильбы – богини врачевания и блаженной смерти, покровительствующей им. За несколько столетий существования империи она приняла под свое крыло тридцать шесть богов и богинь, которым поклонялись в разных уголках континента. Иные насчитывали множество приверженцев, другие – единицы. И только власть Сильбы не ослабевала, и никто не смел на нее покуситься.

Вид у Шаола был такой, словно он глотал горячие угли, но он заставил себя поклониться и произнести:

– Благодарю вас за милосердие, великий хаган.

– Сегодня отдыхай. Я их оповещу, что завтра утром ты будешь готов к встрече. Поскольку ты не можешь добраться туда сам, они пришлют кого-то сюда. Если согласятся.

Пальцы Шаола, лежащие на коленях, дернулись, но не сжались в кулак. Несарина стояла затаив дыхание.

– Я в их распоряжении, – сдавленно сказал он.

Хаган захлопнул крышку четвертого сундука:

– Эти дары, главный советник короля и полномочный посол Аэлины Галатинии, можешь оставить себе. Мне они не нужны и не интересны.

– Почему? – вскинул голову Шаол, задетый словами хагана.

Несарине захотелось сжаться в комок. Вопрос Шаола показал, что он переступил черту дозволенного. Глаза хагана гневно вспыхнули. Его дети настороженно переглядывались.

Но в глазах хагана мелькнуло и другое чувство. Несарина не знала, заметил ли его Шаол. А она заметила… усталость.

Внутри будто разлилось нечто липкое и маслянистое. Эти траурные белые лоскуты… В окнах дворца, по всему городу. Несарина вновь пересчитала детей хагана. Их должно быть шестеро.

А в тронном зале – только пятеро.

Эти «знамена смерти» во дворце и по всей Антике.

Жителям Южного континента было несвойственно долго оплакивать умерших. Случись такое в Адарлане, там нарядились бы в черное, а скорбь и уныние растянулись бы на несколько

месяцев. Даже в семье хагана, когда смерть выбирала себе жертву, жизнь продолжалась. Здесь умерших не хоронили в гробах и не заполняли подземелья склепами. Тела заворачивали в белое, отвозили в дальние степи, где имелось особое место для покойников, и оставляли под открытым небом.

Сколько ни считай, в тронном зале находились только пятеро наследников. Не было Тумелуны – самой младшей из детей хагана. Едва эта мысль пронзила Несарину, она услышала слова Араса, обращенные к Шаолу:

– Твои шпионы и вправду бесполезны, если ты ничего не знаешь.

Сказав это, хаган направился к трону. Сартак выступил вперед. Бездонные глаза принца подернулись пеленой скорби. Он едва заметно кивнул, подтверждая догадку Несарины. Да, она не ошиблась.

А потом под сводами зала зазвучал твердый, но не лишенный мелодичности голос Сартака:

– Наша любимая сестра Тумелуна скоропостижно скончалась три недели назад.

Боги милосердные! Несарина представила, сколько всего произошло здесь за эти три недели. Особенно в первые дни после кончины Тумелуны. А они с Шаолом явились просить помощи в войне, да еще разглагольствовали о дарах и «благородном деле». Ее захлестнул жгучий стыд.

Тишина показалась Несарине особенно напряженной. Шаол выдержал взгляды всех детей Араса, а затем и тяжелый, усталый взгляд его самого.

– Примите мои глубочайшие, хотя и запоздалые соболезнования.

– Да перенесет ее северный ветер на прекрасные небесные равнины, – добавила Несарина.

Только Сартак кивком поблагодарил их. Остальные замерли с холодными лицами.

Несарина глазами послала Шаолу предостережение: ни в коем случае не спрашивать о причинах смерти. Он понимающе кивнул.

Хаган скреб пятнышко на подлокотнике трона. Молчание было тяжелым, словно плащи, какие и сейчас надевали конники, спасаясь от пронизывающих северных ветров в степях и жесткости деревянных седел.

– Мы три недели находились в море, – попытался оправдаться Шаол, уже более мягким тоном.

Хаган даже не сделал вида, что понимает причину:

– Что ж, тогда это объясняет ваше неведение и по части

других новостей. Я не напрасно сказал, что эти камешки и побрякушки могут вам пригодиться.

Губы хагана сложились в невеселую улыбку.

– Нынче утром люди Аргуна узнали от матросов… Королевская сокровищница в Рафтхоле – вне досягаемости. Герцог Перангтон и его жуткая воздушная армия разгромили адарланскую столицу.

Несарину обдало волной звенящей тишины. Ей показалось, что Шаол перестал дышать.

– О местонахождении короля Дорина сведений нет, но Рафтхол он не удержал. Если верить слухам, сбежал под покровом ночи. Город пал. Все земли к югу от Рафтхола принадлежат Перангтону и его ведьмам.

Первыми Несарина увидела лица племянников и племянниц.

Затем – лицо сестры. Лицо отца. Их кухню. Пекарню. Пироги с грушами, остывающие на длинном столе.

Дорин бросил своих подданных. Скрылся… ради чего? Чтобы найти помощь? Просто уцелеть? Не к Аэлине ли он сбежал?

А как повела себя королевская гвардия? Хоть кто-нибудь вступился за ни в чем не повинных горожан?

У Несарины затряслись руки. Пусть. Ее не волновали насмешливые взгляды здешних придворных.

Дети сестры. Величайшая радость в жизни Несарины…

Шаол пристально смотрел на нее. На лице – ни следа ужаса или потрясения.

Красный с золотом мундир адарланской гвардии сделался тесным и удушающим.

Ведьмы на драконах. В ее городе. Свирепые ведьмы с железными зубами и ногтями, издевающиеся над беззащитными жителями. Лужи крови, куски тел. А ее семья… ее семья…

– Отец, – произнес Сартак, делая еще один шаг вперед. Его черные глаза глядели то на гостью, то на хагана. – Наши гости проделали долгий путь. Политика политикой…

Сартак неодобрительно посмотрел на старшего брата. Казалось, Аргуна забавляло, как гости восприняли весть о падении их родного города. Неужто он не видел, что у Несарины мраморный пол уходит из-под ног?

– Мы всегда были гостеприимным народом. Пусть посланцы Адарлана передохнут с дороги, а затем пообедают с нами.

К Сартаку подошла Хасара. Она тоже хмурилась, но не в упрек Аргуну, а от досады, что не она первой узнала утренние новости.

– Наш обычай – принимать гостей так, чтобы они чувствовали себя как дома.

Учтивые, благожелательные слова Хасара произнесла совершенно ледяным тоном.

– Конечно, – подхватил Арас, с некоторым ошеломлением глядя на детей.

Он махнул слугам, застывшим у дальних колонн:

– Проводите гостей в их покои. И отправьте гонца в Торру, к Хазифе. Пусть пришлет сюда того, кого сочтет нужным.

Несарина едва слышала остальные слова хагана… Ведьмы захватили город. А еще раньше, в начале лета, появились солдаты, одержимые валгскими демонами. И некому было им противостоять. Некому защитить ее семью.

Если ее семья уцелела.

Несарина не могла дышать. Мысли смешались.

Ей нельзя было уезжать из Рафтхола. Нельзя было соглашаться на эту должность.

Возможно, ее близких уже нет в живых. Или на них обрушились немыслимые страдания. «Мертвы. Мертвы», – эхом звучало в мозгу Несарины.

Она не видела подошедшую служанку, которая взялась за спинку кресла Шаола. Едва почувствовала, как Шаол потянул ее за руку. Покидая тронный зал, Несарина лишь поклонилась хагану.

Она повсюду видела их лица. Лица улыбающихся, пузатеньких детей сестры.

Ей ни в коем случае нельзя было ехать сюда.

3

Несарина будто оледенела. Но Шаол не мог подойти к ней, подхватить на руки и прижать к себе.

Словно призрак, она проскользнула в спальню роскошных покоев, отведенных им на первом этаже дворца. Войдя, она плотно закрыла дверь и тут же забыла о существовании Шаола и окружающего мира.

Шаол понимал ее состояние.

Он позволил служанке – молодой женщине с мелкими чертами лица и длинными каштановыми волосами, что волнами ниспадали до ее узкой талии, – вкатить кресло в другую спальню. Эта комната выходила окнами во фруктовый сад, где журчали фонтаны. На балконе второго этажа стояли вазы, и оттуда свешивались гибкие ветви с целыми каскадами розовых и пурпурных цветков, служа живыми занавесами для высоких окон. Впрочем, это были не окна, а двери.

Служанка что-то говорила о необходимости наполнить купель. Адарланским она владела значительно хуже, чем хаган и его дети. «Но мне ли судить?» – подумал Шаол. Сам он с трудом объяснялся на других языках Эрилеи.

Служанка скрылась за резной деревянной ширмой, загораживавшей вход в купальню. Дверь спальни оставалась открытой. Точно такая же дверь спальни Несарины (их разделял отделанный мрамором коридорчик) по-прежнему была плотно закрыта.

Не стоило им ехать сюда.

Шаол понимал: в его состоянии он ни на что не годен, однако… Он представлял, как сейчас мучается неведением Несарина. А он сам?

«Дорин не погиб», – мысленно твердил себе Шаол. Король сумел выбраться из замка и бежать. Попади он в руки Перангтона, точнее, в руки Эравана, они бы знали. Принц Аргун точно бы знал.

Ведьмы уничтожали Рафтхол. Уж не Манона ли Черноклювая командовала нападением?

Шаол безуспешно пытался вспомнить, все ли долги отданы с обеих сторон. Весной, сражаясь с Маноной в развалинах храма Темизии, Аэлина пощадила ведьму. Затем Манона сообщила им крайне важные сведения о том, что Дорин находится под властью валгского демона. Означало ли погашение долгов возобновление вражды? Или можно было надеяться хоть на какое-то

сотрудничество?

Вряд ли. Глупо рассчитывать, что Манона восстанет против Мората. Шаол не знал, слушают ли его сейчас боги, но все же обратился к ним с молитвой, прося защитить Дорина и направить короля к дружественным берегам.

У Дорина это получится. Король слишком умен и одарен, чтобы не найтись в изменившихся обстоятельствах. Никакого иного варианта развития событий не было; точнее, Шаол отказывался принимать иные варианты. Дорин жив и в безопасности. Либо направляется в безопасное место. Шаол непременно улучит момент и выудит сведения из старшего сына хагана. Траур трауром, а им движет не праздное любопытство. Все, что известно Аргуну, узнает и он. А потом попросит эту служанку сходить в гавань и расспросить матросов с торговых судов про нападение на Рафтхол.

И ни слова об Аэлине. Где она сейчас, какие действия предпринимает? Не исключено, что Аэлина может оказаться камнем преткновения в союзе с хаганом.

Шаол скрипнул зубами. Потом еще раз. Этот звук не помешал ему услышать, как дверь, ведущая в покои, открылась и вошел рослый широкоплечий человек. Он держался так, словно владел этим дворцом.

Наверное, так и было. Принц Кашан явился один, без оружия. Он двигался с непринужденностью человека, уверенного в своей телесной силе.

Когда-то и Шаол ходил так по королевскому замку в Рафтхоле.

Шаол склонил голову в знак приветствия. Принц плотно закрыл дверь спальни и стал осматривать гостя. Он делал это с солдатской откровенностью и тщательностью. Потом его карие глаза встретились с глазами Шаола.

– Такие увечья, как у тебя, здесь не в диковинку, – по-адарлански сказал принц. – Я их часто видел. Особенно у конников – соплеменников моей семьи.

Шаолу вовсе не хотелось говорить о своем увечье ни с принцем, ни с кем-либо еще. Он кивнул, но все же из вежливости добавил:

– Не сомневаюсь.

Кашан наклонил голову и вновь стал разглядывать Шаола. Косичка свесилась на мускулистую грудь принца. Возможно, он понял нежелание гостя продолжать разговор на эту тему.

– Отцу будет очень приятно видеть вас обоих на обеде. Приглашение распространяется не только на сегодня, но и на все дни, пока вы в Антике. Для вас будут приготовлены места за

высоким столом.

Шаол напомнил себе: это не личная просьба Кашана. Сидеть за одним столом с хаганом – большая честь. Но послать сына с напоминанием о приглашении… Шаол тщательно подбирал слова для ответа, потом задал свой вопрос, простой и очевидный:

– Почему?

Казалось бы, после потери младшей дочери и сестры к чему семье присутствие за трапезой чужестранцев?

Принц стиснул зубы. В отличие от двух старших братьев и сестры, он не привык скрывать чувства.

– Аргун утверждает, что шпионы герцога Перангтона пока не проникли в наш дворец и мы можем чувствовать себя спокойно. Я не разделяю его уверенности. И Сартак…

Принц спохватился, не желая упоминать брата и возможного союзника:

– Я не просто так предпочел жить среди солдат. Эти двусмысленные придворные речи…

Шаола подмывало сказать, что он понимает Кашана. Он и сам тяготился придворной болтовней, когда говорится одно, а подразумевается другое. Но вместо этого он задал принцу новый вопрос:

– Думаешь, шпионы Перангтона успели проникнуть в ваш дворец?

Сам не зная почему, Шаол почувствовал, что к Кашану можно обращаться на «ты».

Интересно, насколько Кашан и Аргун осведомлены о силах Перангтона? Знают ли они, что нынче в его теле обитает валгский король, а войска, которыми он командует, страшнее любых кошмаров? Но эти сведения лучше пока приберечь. Они могут стать сильным козырем, если Аргун и хаган имеют лишь общие представления о Перангтоне.

Кашан почесал в затылке:

– Не знаю, подосланы ли они Перангтоном или кем-то из Террасена, Мелисанды или Вендалина. Я знаю лишь, что моя сестра мертва.

У Шаола замерло сердце, однако он все же решился спросить:

– Как это произошло?

Глаза Кашана стали еще темнее от горя.

– Тумелуна всегда была необузданной и беспечной. Настроение у нее менялось без всяких причин. То полна счастья и заливисто смеется. А на следующий день забьется в угол и никого не хочет видеть. Сидит вся разнесчастная. Говорят… – У Кашана дрогнул кадык. – В тот день она была особенно мрачной и подавленной. А вечером, не выдержав тоски, прыгнула с балкона.

Дува с мужем вышли прогуляться и нашли ее бездыханное тело.

Для семьи любая смерть трагична, но самоубийство…

– Я скорблю вместе с тобой, – тихо сказал Шаол.

Кашан тряхнул головой. Солнечный свет, проникавший сквозь зеленую завесу, скользнул по его волосам.

– Я не верю в такую причину. Моя Тумелуна ни за что бы не покончила с собой.

«Моя Тумелуна». Эти слова показывали, насколько принц и его младшая сестра были близки.

– Ты подозреваешь чье-то вмешательство?

– При всех перепадах настроения Тумелуны… Я знал ее, как знаю свое сердце. – Кашан прижал руку к груди. – Она бы не спрыгнула вниз.

Шаолу вновь пришлось тщательно обдумывать каждое слово.

– Я представляю всю глубину твоей утраты, но все же вынужден спросить. У тебя есть какие-либо подозрения о причинах, заставивших чужое государство подстроить это чудовищное происшествие?

Кашан прошелся взад-вперед:

– На нашем континенте никто не решился бы на такое злодейство.

– Но и в Адарлане, и в Террасене не нашлось бы безумцев, чтобы столь гнусным способом втянуть вас с войну.

– И даже королева, которая некогда сама была ассасином? – спросил Кашан, пристально поглядев на гостя.

Шаол напряг волю, сохраняя бесстрастное лицо:

– В ремесле ассасина у Аэлины были запреты, которых она не нарушала. Один из них – не убивать детей и не причинять им зла.

Кашан остановился возле комода из черного дерева, рассеянно потрогал золоченую шкатулку.

– Знаю, – сказал он. – Об этом я тоже читал в донесениях брата. Подробности ее убийства. Я тебе верю, – добавил Кашан, содрогнувшись всем телом.

Естественно, иначе принц не пришел бы сюда и не затеял этот разговор.

– Чужеземных сил, способных на такую подлость, совсем не много. И Перангтон занимает первое место в этом списке.

– Но почему мишенью избрали твою сестру?

– Сам не знаю. – Кашан опять прошелся взад-вперед. – Она была юной, бесхитростной. Мы вместе ездили с дарганцами. Наша мать родом из дарганцких кланов. У Тумелуны еще даже не было своего *сульде*.

Заметив недоуменно вскинутые брови Шаола, принц объяснил:

– Так называется копье, которое имеют все дарганцкие воины. Мы выстригаем прядь из гривы любимого коня и привязываем к древку, почти у самого острия. Предки верили: в какую сторону ветер отклонит конский волос, там нас ждет судьба. Кто-то и сейчас продолжает в это верить, но даже те, кто усматривают в этом лишь дань традиции… копья постоянно при нас. Во дворце есть внутренний дворик, где воткнуты в землю сульде всех нас, а также отцовское. Копья чувствуют ветер. А после смерти…

В глазах принца снова вспыхнуло горе.

– Сульде после смерти – единственный предмет, который мы оставляем. Копье несет душу дарганцкого воина в вечность. Мы оставляем сульде вместе с телом в священном месте упокоения.

Принц закрыл глаза:

– Теперь ее душа будет странствовать с ветром.

Те же слова говорила в тронном зале Несарина.

– Я скорблю вместе с тобой, – повторил Шаол.

Кашан открыл глаза:

– Среди моих братьев и сестер нет единого мнения о причине смерти Тумелуны. Одни мне не верят, другие верят. Наш отец… пока не решил, кто прав. Мать с тех пор не покидает своих покоев. Я бы не посмел усугублять ее горе своими подозрениями.

Он потер подбородок:

– Я убедил отца позволить вам ежедневно обедать с нами. Сослался на дипломатические соображения. Но в действительности мне хочется увидеть наш двор глазами чужестранцев. Услышать ваши наблюдения. Возможно, вы увидите то, что ускользает от нас.

Помочь хагану и его семье… и, возможно, получить ответную помощь.

– Если ты настолько доверяешь мне, что ведешь со мной этот разговор и просишь моего содействия, почему вы не хотите сражаться вместе с нами?

– Я не вправе строить предположения или что-то говорить.

Ответ, достойный опытного солдата. Кашан и сейчас держался так, словно высматривал затаившихся врагов.

– В военных делах я ничего не предпринимаю без отцовского приказа.

Если силы Перангтона уже проникли и сюда, если убийство принцессы осуществлено по замыслу Мората… Это было бы слишком легко. Слишком легко подтолкнуть хагана к союзу с Дорином и Аэлиной. Перангтон-Эраван действовал куда изощреннее.

А если бы Шаолу понадобилось склонить на свою сторону командующего наземными войсками хагана… Должно быть, эти

мысли отразились в его глазах, и Кашан их прочитал:

– Господин Эстфол, я не играю в подобные игры. Убеждать надо не меня, а моих братьев и сестер.

Шаол постучал по подлокотнику кресла:

– Может, дашь совет на этот счет?

Кашан фыркнул, улыбнувшись одними губами:

– Вы с Несариной – не первые, кто наведывается к нам. До вас были посланцы государств намного богаче вашего. Одни добивались успеха, другие – нет.

Кашан бросил взгляд на ноги Шаола, и в его глазах мелькнула жалость. Шаол вцепился в подлокотники. Жалость человека, в котором бывший капитан почувствовал соратника, была особенно тягостна.

– Я могу лишь пожелать удачи.

Сказав это, принц повернулся и широкими шагами направился к двери.

– Если у Перангтона здесь есть свой лазутчик, тогда всем, кто находится во дворце, грозит смертельная опасность, – произнес вдогонку Шаол.

Кашан остановился. Пальцы замерли на резной ручке.

– А зачем, по-твоему, я попросил чужеземного посланника о помощи? – Принц обернулся.

Кашан ушел, но его слова повисли в воздухе, пронизанном сладковатым ароматом цветов. Слова, произнесенные на прощание, не были жестокими или оскорбительными. Но их солдатская искренность…

Шаол никак не мог совладать с дыханием. В голове лихорадочно кружились мысли. Он не видел здесь ни черных колец, ни ошейников, но он и не приглядывался. Он и подумать не мог, что тень Мората протянулась так далеко.

Он поскреб саднящую грудь. Осторожность. При дворе хагана ему придется быть вдвойне осторожным, тщательно обдумывая все, о чем он говорит на людях. Да и в этой комнате тоже.

Шаол продолжал глядеть на закрытую дверь, раздумывая над услышанным от Кашана, когда из купальни вернулась служанка. Она переоделась в халат из тончайшего шелка. Чувствовалось, что под халатом на ней ничего нет.

Шаол подавил желание спровадить служанку и крикнуть себе в помощь Несарину.

– Вымой меня, и только, – сказал он со всей четкостью и твердостью, на какую был способен.

Служанка не вздрогнула, не покраснела и не выказала ни малейшей нерешительности. Она уже делала это неведомо сколько раз. Шаол пришел к такому выводу, услышав ее

единственный вопрос:

– А я тебе не по нраву?

Честный, искренний вопрос. Ей хорошо платили за работу. Здесь всем слугам хорошо платили. Она выбрала прислуживать ему, но если она не в его вкусе, найдут другую, и ее положение не пострадает.

– Ты очень… приятная, – ответил Шаол, говоря полуправду и стараясь не опускать взгляд ниже ее лица. – Но я хочу всего лишь вымыться. Больше мне от тебя ничего не надо, – добавил он, чтобы у служанки не оставалось сомнений.

Он ожидал благодарности, однако служанка лишь безучастно кивнула. Даже в разговорах с нею нужно проявлять осторожность. И не тешить себя мыслями, что в этих покоях они с Несариной могут беседовать, не рискуя быть подслушанными.

А из-за закрытой двери спальни Несарины не раздавалось ни малейшего шороха, словно там никого не было.

Шаол махнул служанке, и та покатила его кресло в купальню. Стены, отделанные белыми и голубыми плитками, скрывались в клубах пара.

Кресло прокатилось по ковру и плиткам, огибая мебель. Накануне отплытия сюда Несарина разыскала это кресло в катакомбах целителей под королевским замком. В числе немногих вещей оно осталось от разбежавшихся целителей.

Кресло оказалось легче и подвижнее, чем ожидал Шаол. Большие колеса по обе стороны от сиденья вращались будто сами собой, даже когда он их двигал, нажимая на тонкий металлический рычаг. В прежней жизни здорового человека Шаолу иногда попадались калеки на креслах. Зачастую те кресла двигались только по прямой. Передние колесики его кресла, прикрепленные к площадке для ступней, могли вращаться вокруг своей оси, и потому Шаол без труда поворачивал кресло в нужном направлении. Сейчас они послушно повернулись туда, откуда наплывал пар.

Бóльшую часть помещения занимала купель. К счастью для Шаола, она находилась вровень с полом. На поверхности воды поблескивала пленка из смеси душистых масел, в которой, словно кораблики, плавали лепестки цветов. Окошко в верхней части противоположной стены выходило прямо в зелень сада. Света, льющегося оттуда, вполне хватало, но служанка зажгла свечи, и их золотые огоньки перемигивались через завесу пара.

Роскошь. Умопомрачительная роскошь, когда его страна испытывает чудовищные страдания. Когда там уповали на помощь, которая так и не подоспела. Только крайние обстоятельства могли заставить Дорина покинуть Рафтхол.

Только сознание полного поражения, понимание, что королевству он полезнее живым. Интересно, помогла ли магия Дорину и хоть кому-то из подданных короля?

Дорин наверняка сумел выбраться из этого ада и попасть к союзникам. Так говорило Шаолу его чутье, хотя живот сводило от тревоги. Находясь здесь, главный советник мог помочь своему королю только единственным способом – добиться союза с хаганом. Пусть интуиция кричит во весь голос, требуя возвращения в Адарлан и поисков Дорина, Шаол будет придерживаться избранного курса.

Он едва заметил, как служанка проворно стянула с него сапоги. Шаол мог бы раздеться и сам, но не стал возражать, когда женщина взялась за его зелено-голубой камзол, а потом и за рубашку. Однако он не мог позволить ей одной снимать с него штаны. Скрипя зубами от боли в спине, Шаол наклонился и стал помогать. Оба молча и сосредоточенно трудились над завязками.

Увечье оборвало его близкие отношения с Несариной. Три дня назад, на корабле, его вдруг охватил настоящий приступ страсти, окончившийся ничем. Ни до, ни после Шаол не предпринимал никаких попыток. Но обездвиженные ноги не погасили в нем телесных желаний. В их каюте была всего одна постель, и каждое утро, когда Шаол просыпался, ему до боли хотелось близости с Несариной. Следом он вспоминал, что не в состоянии овладеть ею как прежде… Мысли о собственной ущербности гасили любые всплески желаний, хотя Шаол благодарил судьбу, что в остальном его тело здорово.

– Я сам, – бросил Шаол.

Не дав служанке опомниться, он собрал всю силу, какая была у него в руках и спине, и стал выбираться из кресла. За время плавания он делал это не раз и вполне освоился.

Вначале он застопорил колеса, щелкнув другим рычагом. Благодаря близости воды звук получился громче, чем в каюте. Шаол подвинулся к краю сиденья и, помогая себе руками, сдвинул ноги с подставки, наклонив их влево. Правой рукой он упирался в край сиденья, двигая колени книзу, а левой, сложенной в кулак, – в прохладные, влажные и скользкие плитки пола.

Служанка молча подала ему белый плотный коврик и снова отошла. Шаол сдержанно улыбнулся одними губами. Теперь его кулак упирался в белый бархат. Левая рука приняла на себя основную тяжесть тела. Шаол набрал в легкие побольше воздуха. Правая рука все так же сжимала край сиденья. Шаол с осторожностью опустил туловище на пол, не чувствуя произвольно согнувшихся коленей.

Плавно завершить маневр ему не удалось. Он шумно повалился на коврик. Главное, он был на полу и не перекувырнулся, как в первые дни их плавания, когда учился самостоятельно выбираться из кресла.

Передохнув, Шаол уцепился за лесенку, ведущую в купель, и погрузил свои бесчувственные ноги в теплую воду, прямо на вторую ступеньку. Служанка прыгнула в воду с изяществом цапли. Ее халат, намокнув, стал совершенно прозрачным. Она взяла Шаола под руку (ее руки были нежными, но сильными) и помогла спустить туловище по ступенькам, пока он не оказался по плечи в воде, а его глаза – на уровне ее полных, выпирающих грудей.

Кажется, служанка этого не заметила. Шаол немедленно повернулся к окну. На краю купели служанка оставила поднос с маслами, щетками и мягкими мочалками. Пока она выбирала мочалку, Шаол снял нижние штаны и бросил на край купели. Раздался громкий чавкающий звук.

Несарина так и не вышла.

Тогда Шаол закрыл глаза и вручил себя заботам служанки, пытаясь понять, чем все это кончится.

4

Из всех помещений Торры-Кесме эту комнату Ириана Торас любила больше всего.

Возможно, потому, что комната находилась на самом верху каменной громады и отсюда открывался бесподобный вид на Антику в лучах закатного солнца.

А может потому, что именно здесь она впервые почти за десять лет почувствовала себя в безопасности. Здесь она впервые увидела старуху, ныне восседающую за столом, заваленным бумагами и книгами, и услышала слова, изменившие всю ее жизнь: «Добро пожаловать к нам, Ириана Торас».

С тех пор прошло более двух лет.

Два года она работала и жила здесь, в этой башне, в этом людном городе, где столько знаний и ничуть не меньше разнообразной, дразнящей еды.

Все происходило так, как ей виделось в мечтах и снах. Обеими руками Ириана хваталась за открывающиеся возможности, не страшась никаких трудностей. Жадно ловила разговоры целителей, училась всему, чему могла, усердно упражнялась. Она спасала и меняла человеческие жизни, поднимаясь выше и выше по ступеням целительского мастерства.

Наконец к дочери безвестной целительницы из Фенхару начали прислушиваться не только сверстницы, но и те, кто занимался этим всю жизнь. Все искали ее совета и помощи.

Ей самой помогала магия. Прекрасная, изумительная магия, от которой у Ирианы перехватывало дыхание. Та же магия порою забирала у нее все силы, и уроженка Фенхару целыми днями не могла встать с кровати. Магия взимала плату и с целителя, и с пациента. Но Ириана платила с радостью. Она никогда не жаловалась на немилосердные последствия проведенного исцеления.

Если ее магия спасала жизнь… Сильба даровала ей такую возможность. Другой подарок Ириане преподнесла молодая незнакомка в ту, последнюю ее ночь в Иннише. Ириана делала все, чтобы не посрамить ни богиню, ни незнакомку.

Сейчас она молчаливо ждала, пока сухопарая старуха закончит чтение. Красивый палисандровый стол, за которым сидела старуха, был постоянно чем-нибудь завален. Любые усилия слуг навести там порядок давали лишь временный результат. Вскоре поверхность вновь покрывалась бумагами, кусками старинного пергамента с заклинаниями, банками и склянками со снадобьями.

Две такие шарообразные склянки покоились на серебряных подставках в виде ног ибиса. Их содержимое очищалось на солнечном свету. Башня и ее помещения постоянно купались в солнечных лучах.

Хазифа – верховная целительница Торры-Кесме – взяла одну склянку, поболтала голубую жидкость, нахмурилась и вернула на подставку.

– Этот чертов настой всегда готовится вдвое дольше, чем я рассчитываю, – сказала она на родном языке Ирианы. – Как ты думаешь – почему?

Ириана, сидящая напротив, привстала с потертого кресла, чтобы получше разглядеть настой. Каждая встреча с Хазифой, каждый разговор с нею давали шанс узнать что-то полезное и важное, получить урок или пройти испытание. Ириана взяла склянку, в золотистом свете заходящего солнца рассмотрела густую лазурно-голубую жидкость и спросила:

– Это для кого?

– Для девочки лет десяти. Полтора месяца назад у нее начался сухой кашель. Врачи посоветовали медовый напиток, покой и свежий воздух. Девочке полегчало. Думали, скоро поправится, но неделю назад кашель возобновился еще сильнее, чем прежде.

Врачи Торры-Кесме были лучшими в мире и от целительниц

отличались лишь тем, что не владели магией. Для целительниц они были первым этапом проверки. Жилища врачей располагались вокруг башни.

Как уже говорилось, магия истощала силы тех, кто ее применял. Несколько веков назад тогдашняя верховная целительница издала распоряжение: когда обращаются за помощью в Торру-Кесме, первыми заболевших осматривают врачи. Кто-то считал это политическим маневром, костью, брошенной врачам, поскольку люди уповали на всесилие магии и не хотели тратить время на врачей.

Однако и у магии были пределы возможностей. Она не могла остановить смерть и воскресить умершего. С этой печальной истиной Ириана сталкивалась постоянно: как здесь, так и на родине. И даже прочитав заключения врачей, она нередко отправлялась к больным по узким, идущим все время под уклон улицам Антики.

– Думаю, настою вредит чрезмерное тепло, – сказала Ириана, наклоняя склянку в разные стороны. – Здесь даже для нас слишком жарко.

К концу лета на город всегда наваливалась жара. За два года жизни в Антике Ириана так и не привыкла к изнуряющему сухому зною города богов. Правда, другие здания меньше страдали от жары. Более ста лет назад один умелец придумал *бидгиры* – башенки-ветроуловители. Они ставились на крышах и гнали свежий воздух в нижние помещения. Некоторые действовали совместно с подземными каналами, змеящимися под Антикой, и превращали жаркий ветер в потоки прохладного воздуха. Этими башенками, словно остриями копий, были усеяны все столичные постройки: от скромных глинобитных домов до особняков с тенистыми дворами и прозрачными прудами.

К сожалению, Торру-Кесме построили раньше, чем появились бидгиры. Воздушные каналы в ее стенах неплохо охлаждали воздух в самом низу, а что касалось середины и верха… Ириана не раз мечтала, чтобы в башню позвали ремесленников и исправили положение. От жаркого солнца и многочисленных очагов, горящих на разных этажах Торры, кабинет Хазифы превращался в сковородку.

– Я бы предложила отнести снадобье куда-нибудь пониже, где прохладнее.

– А откуда там взять достаточно солнечного света?

Ириана задумалась:

– Пусть туда принесут зеркала. Зеркала будут ловить солнечный свет и передавать склянке. Положение зеркал нужно менять сообразно положению солнца. Сочетание более

прохладного воздуха и направленного солнечного света ускорит приготовление настоя.

Ответом был легкий, удовлетворенный кивок Хазифы. Ириана очень ценила эти скупые знаки одобрения, этот свет в карих глазах верховной целительницы.

– Сметливый ум спасает жизни намного чаще, чем магия, – только и сказала Хазифа.

Ириана часто слышала от верховной целительницы эти слова (порою они произносились с воспитательной целью, чтобы не загордилась), но, как всегда, с благодарностью кивнула и поставила склянку на место.

Хазифа разгребла бумаги и сложила руки на сверкающей розовой поверхности стола:

– Итак, если верить мнению Эреции, ты готовишься нас покинуть.

Ириана выпрямилась. В этом же кресле она сидела два с лишним года назад. Тогда, поднявшись на тысячу ступеней, она вошла кабинет Хазифы с просьбой принять ее в ученицы. Просьба была самым малым из унижений, пережитых Ирианой в тот день. Кульминация наступила, когда она швырнула Хазифе на стол мешочек с золотом и выпалила: «Мне плевать, сколько стоит учеба у вас. Берите все».

Она не подозревала, что Хазифа не берет денег с учеников. За свое обучение они платили иным способом. За год работы в таверне «Белый поросенок» – это был грязный и ветхий постоялый двор – Ириана притерпелась к оскорблениям и унижениям. Но никогда еще она не чувствовала себя такой раздавленной, как в тот момент, когда Хазифа сухо приказала убрать деньги со стола. Ириана сметала золотые монеты в коричневый кожаный мешочек, и у нее дергались пальцы, словно у картежника, торопящегося поскорее спрятать выигрыш. Но если игрока захлестывала радость, то Ириана боролась с желанием выпрыгнуть в сводчатое окно за спиной Хазифы.

Многое изменилось с тех пор. Исчезло домотканое платье и чрезмерная худоба. Ежедневные подъемы и спуски по бесконечным ступеням Торры уберегали ее талию от расползания вширь. Поначалу Ириана никак не могла наесться. Она долго не привыкала к трапезам в Торре-Кесме, где каждый ел столько, сколько хотел, и все кушанья были соблазнительно вкусными. А тут еще городские базары, заваленные деликатесами, и уютные шалманчики чуть ли не на каждой улице.

Ириана сглотнула, безуспешно пытаясь понять, что скрывается за словами верховной целительницы. Хазифа была здесь единственной, в чьи мысли Ириана не могла проникнуть и

чьи действия не могла предугадать. Она ни разу не видела Хазифу разгневанной или хотя бы раздраженной. Этим верховная целительница сильно отличалась от других наставниц и прежде всего – Эреции. Хазифа даже голоса не повышала. Лицо старухи имело лишь три выражения: довольное, недовольное и бесстрастное. Два последних были для Ирианы хуже любого наказания.

Впрочем, наказания остались в ее прежней жизни. В Торре-Кесме этого слова не знали. Здесь не оставляли без обеда и не угрожали побить. А в «Белом поросенке» Нолан вычита́л у нее из жалованья за малейшее нарушение установленных им правил. Провинностью считался даже излишне любезный разговор с посетителем, не говоря уже о попытках тайком подкармливать объедками полудиких уличных мальчишек с грязных улочек Инниша. Объедки полагалось выливать в чаны, где они шли на корм свиньям или попросту гнили.

Ириана приехала в Антику, предполагая, что и здесь столкнется с таким же отношением: у нее заберут деньги, а потом окажется, что этих денег мало и надо платить еще. В «Белом поросенке» она хлебнула такого сполна. Нолан без конца повышал плату за ее каморку под лестницей, уменьшал жалованье и забирал себе почти все ее чаевые. Но большинство ее сверстниц в Иннише торговали собой на улицах, и заведение Нолана, при всей его гнусности, было гораздо более достойным вариантом.

«С меня хватит». Эти слова Ириана повторяла, пока добиралась до Антики. Их она твердила, поднимаясь по ступеням, – вплоть до мгновения, когда швырнула золото Хазифе на стол. Тогда Ириана вдруг поняла, что готова снова влезать в долги и даже торговать собой за шанс учиться целительству.

Хазифа была прямой противоположностью людям вроде Нолана. Ириана и сейчас помнила голос старухи и слова, произнесенные с ее неповторимым акцентом. Те же слова, что Ириана часто слышала от матери: там не берут денег ни с учеников, ни с пациентов. Ведь Сильба – богиня врачевания – даровала, а не продала им способность исцелять других.

Ириана и сейчас не знала имена всех здешних богов. Главное, что на Южном континенте почитали Сильбу.

Хаганат поступал мудро: завоевывая и присоединяя земли других народов, он не навязывал им своих богов, а включал тех, кому поклонялись они, в общий пантеон хаганата. Главенство Сильбы над целителями утвердилось здесь очень давно. Непосредственной наставницей Ирианы была Эреция, от которой она однажды услышала фразу: «История пишется победителями».

Получалось, боги, как и простые смертные, не в силах сопротивляться победителям.

Но это не помешало Ириане мысленно вознести молитву Сильбе и другим богам, способным услышать ее сейчас.

– Да, готова, – наконец ответила она Хазифе.

– Покинуть нас?

Лицо и голос Хазифы были спокойны, как всегда.

– Или ты обдумала другое мое предложение?

Ириана без конца думала над предложением Хазифы, сделанным две недели назад. Старуха позвала ее к себе в кабинет и произнесла всего одно слово: «Оставайся». Слово, железным обручем сдавившее ей сердце.

Остаться и учиться дальше. Учиться и пожинать плоды многообещающей жизни, которую она начала строить.

Ириана коснулась груди, словно и сейчас чувствовала давящий обруч:

– На мою родину снова пришла война. Ею охвачена бóльшая часть Северного континента. – Так здесь называли Эрилею. Ириана сглотнула. – Я хочу помогать тем, кто сражается против владычества империи.

Наконец-то, после стольких лет, власть Адарланской империи пошатнулась. Если верить слухам, сам Адарлан оказался ареной битвы противоборствующих сил: нового короля Дорина Хавильяра на севере и герцога Перангтона, сподвижника прежнего короля, на юге. Дорина поддерживала Аэлина Галатиния – королева, которую считали погибшей, а она выжила, обрела могущество и была полна желания отомстить. Но и у Перангтона имелись союзники. Если слухи не врут, на его стороне воевали существа, каких не увидишь даже в самом кошмарном сне.

Но если это единственный шанс освободить Фенхару…

Ириана отправится на родину и будет помогать всем, что может и умеет. Ее ноздри и сейчас ощущали запах дыма. Так бывало, если она просыпалась посреди ночи или тратила много сил на магическое исцеление. Дым костра, на котором адарланские солдаты заживо сожгли ее мать. Ириана до сих пор слышала крики матери и ощущала кору дерева, в которую впивалась ногтями. Дерево стояло на краю Задубелого леса. Ириана спряталась в дупле и оттуда смотрела, как сгорает ее мать. Ее сожгли в наказание за убийство адарланского солдата. Мать убила его, чтобы отвлечь внимание на себя и позволить Ириане сбежать.

С того дня прошло десять… нет, почти одиннадцать лет. И хотя Ириана пересекла горы и моря… иногда ей казалось, что она

и сейчас находится в Фенхару, а ее ноздри вдыхают дым костра. Ошметки коры летят у нее из-под ногтей. Расправившись с матерью, солдаты взяли факелы и с нескольких сторон подожгли ее дом.

Дом, в котором жило много поколений целительниц рода Торас.

Наверное, ей суждено было попасть в знаменитую башню. Кольцо на левой руке – единственное доказательство существования одаренной династии целительниц, некогда живших на юге Фенхару. Мирной династии, от которой люди не видели ничего, кроме добра и помощи. Мать, бабушка и другие предки по женской линии только созидали, не гонясь за богатством и славой. Это кольцо Ириана никогда не продаст, даже если иначе пришлось бы продать себя. Это кольцо и еще кое-что…

Хазифа молчала. За спиной верховной целительницы солнце погружалось в море, окрашивая воды гавани в желто-зеленый цвет.

– Да, магия вернулась на Северный континент. Но много ли целителей там осталось? И многое ли умеют оставшиеся? Я могла бы спасти много жизней.

– И отдать войне свою.

Ириана это знала. Слова Хазифы не смутили ее.

– Я понимаю риск. – Она вскинула голову.

– Конечно. – Карие глаза Хазифы потеплели. – Конечно понимаешь.

Ириане снова вспомнилась первая встреча с верховной целительницей.

Она не плакала много лет. С того дня, как мать превратилась в пепел на ветру. Но стоило Хазифе спросить ее о родителях, как Ириана спрятала лицо в ладонях и зарыдала. Хазифа встала из-за стола, обняла ее и принялась гладить по спине, чертя круги ладонью.

Хазифа часто так делала, и не только с Ирианой, но со всеми целительницами, уставшими от многочасовой работы. Ириана тоже знала это состояние: спину сводит судорогами, магия забрала у тебя все силы, а остановиться нельзя, иначе достигнутое пойдет насмарку. И тогда одно присутствие Хазифы успокаивало и открывало второе дыхание.

Хазифа стала ей почти как мать. И сейчас, накануне своего двадцатидвухлетия, Ириана сомневалась, встретится ли ей когда-нибудь женщина, сравнимая с Хазифой.

– Я сдала экзамены, – сказала Ириана, хотя верховная целительница и так это знала.

Она сама проверяла Ириану в течение недели нелегких испытаний. Знания. Навыки. Работа с пациентами. Ириана получила самые высокие оценки, оставив позади тех, кто обучался вместе с нею. Ее достижения граничили с совершенством.

– Я готова.

– Согласна. Ты готова. Но если ты сумела достичь таких успехов всего за два года, представляю, чего бы ты добилась за пять или десять лет учебы.

Обе умолчали о том, что Ириана пришла в Торру-Кесме уже знающей и умеющей многое и ей не требовалось начинать с азов.

Она начала учиться в раннем возрасте, едва умея ходить и говорить. Ириана обучалась медленно, год за годом, как и все целительницы в ее роду. В одиннадцать лет она знала больше, чем иные успевали узнать к двадцати годам. После гибели матери Ириану приютила семья двоюродной тетки. Там девушка прожила шесть лет, выполняя любую работу, какую ей поручали, и стараясь держаться тише воды ниже травы. С одной стороны, теткина семья получила безотказную помощницу. А с другой – такое родство, когда идет война и Адарлан может уничтожить их всех… Знали бы они, что все эти годы Ириана тайком упражнялась!

Немного. Так, чтобы не заметили. В те годы соседи могли продать за одно лишь подозрение в причастности к магии. Правда, магия исчезла, а с нею исчез дар Сильбы. Ириана старательно играла роль скромной девчонки. Так случилось, что в детстве бабушка научила ее готовить простые снадобья, помогающие при лихорадке и родовых схватках. Еще она немного умела врачевать растяжения и переломы. Вот и все ее навыки.

Когда Ириане исполнилось семнадцать, теткин муж сказал ей, что она уже достаточно взрослая и может отправляться на все четыре стороны. Так она оказалась в Иннише. Свои скудные карманные деньги Ириана тратила на травы и мази. Но здесь за нею следили пристальнее, чем у тетки, – сам Нолан, а также его обожаемая подавальщица Джесса. Та не спускала с Ирианы глаз ни днем ни ночью. Естественно, что, попав в Торру, Ириана стремилась научиться всему, чему только возможно. Впервые за столько лет ей не надо было подавлять свои способности, таиться и озираться по сторонам.

Когда в Антике она сошла с корабля и почувствовала, как в ней пробудилась магия, а нити магической силы потянулись на помощь хромому, ковыляющему по улице… Ириана была потрясена и оправилась от потрясения только через три часа, когда оказалась в этом кресле и заплакала от вопроса Хазифы.

Ириана непроизвольно вздохнула:

– Я ведь могу сюда вернуться и продолжить обучение. Но при всем уважении к Торре я уже имею право считаться знающей и опытной целительницей.

Сказанное означало, что она вполне может отправляться туда, где понадобится ее искусство.

Хазифа удивленно подняла седые брови. Смуглая кожа делала их особо заметными.

– А как же принц Кашан?

– При чем тут принц Кашан? – удивилась Ириана.

– Когда-то вы были добрыми друзьями. Он и сейчас высокого мнения о тебе, и это отнюдь не пустяк.

Ириана посмотрела на верховную целительницу так, как немногие отваживались смотреть:

– Неужто его волнует мой отъезд?

– Он принц и может получить все, кроме трона хагана. Возможно, твой отъезд ему не понравится.

Ириану охватил ужас. Он возник где-то в спине и распространился по всему телу вплоть до живота.

– Я не поощряла его и еще в прошлом году высказалась достаточно ясно.

В то время это было настоящей бедой. Ириана без конца вспоминала ту сцену и слова, сказанные ею во время нелицеприятного разговора в большом дарганцком шатре. Она хорошо помнила и сам шатер, и бескрайнюю степь, продуваемую холодными ветрами.

История началась через несколько месяцев после ее приезда в Антику. У Кашана заболел слуга, которым принц очень дорожил. Ириану позвали во дворец. Ее поразило, что наследный принц сидел у постели больного. Несколько часов Ириана трудилась без устали. Все это время она разговаривала с принцем и вдруг обнаружила, что улыбается. После гибели матери она почти разучилась улыбаться. Ей удалось вылечить слугу за один раз. Кашан лично проводил Ириану до ворот Торры. Так между ними возникла дружба.

Отношения с принцем складывались легче и свободнее, чем с Хасарой. Ириана лечила и ее, и принцессе понравилась чужеземная целительница. К близости с наследниками хагана Ириана особо не стремилась. Наоборот, пыталась подружиться со сверстницами, обучающимися в Торре, но с ними не получалось, по большей части из-за зависти девушек. Вот так принц и принцесса стали ее единственными друзьями. Вскоре она сблизилась и с возлюбленной принцессы – миловидной Ренией, отличавшейся не только приятной внешностью, но и покладистым

характером.

Странная получилась компания, но Ириане было приятно находиться с этими людьми. Кашан и Хасара часто приглашали ее во дворец на обед. Кашан всегда старался сесть рядом с нею или поблизости. Отмалчиваться ей не удавалось – принц непременно вовлекал ее в общий разговор. Месяц за месяцем их дружба развивалась, не омрачаемая ничем. А потом Хасара позвала ее в сте́пи, в родные края семьи хагана. Дескать, один конник покалечился, нужна помощь. Кашан отправился их сопровождать…

Верховная целительница смерила Ириану взглядом и слегка нахмурилась:

– Ты ему не потворствовала. И возможно, этим лишь сильнее раззадорила.

Ириана потерла переносицу:

– С тех пор мы и двух слов друг другу не сказали.

Теперь Ириана старалась избегать Кашана на обедах, куда Хасара и Рения по-прежнему ее приглашали.

– Принц не из тех, кто легко отступает. Особенно в сердечных делах.

Ириана это знала. Ей даже нравилась настойчивость Кашана – пока ему не захотелось того, чего она не могла ему дать.

– Неужели мне придется бежать отсюда по-воровски, под покровом ночи? – простонала Ириана.

Хасара ей этого не простит, но Рения постарается погасить гнев принцессы и объяснить причины. Если Хасара была неукротимым пламенем, Рения напоминала водный поток.

– Если решишь остаться, тебе вообще не придется волноваться из-за таких вещей.

– Ты готова с помощью Кашана удержать меня здесь? – встрепенулась Ириана.

– Нет, – беззлобно рассмеялась Хазифа. – Но ты уж прости старуху за попытку любым способом оставить тебя у нас.

Гордость боролась в душе Ирианы с чувством вины. Она промолчала. Ей было нечего ответить верховной целительнице.

Вернуться на Северный континент… Ириана знала: никто ее там не ждет, если не считать безжалостной войны и тех, кому понадобится ее помощь.

Она даже не знала, куда ей плыть, где искать войска и раненых. Ей уже доводилось путешествовать. Она научилась не попадаться на глаза врагам, готовым без раздумий убить ее. И теперь все ужасы повторятся снова… Кто-то сочтет ее спятившей. Неблагодарной, легкомысленно отказывающейся от предложения Хазифы. Мысли о собственном поведении уже давно терзали

Ириану.

Но не проходило дня, чтобы она не смотрела в морскую даль. На север.

И сейчас внимание Ирианы переместилось с верховной целительницы к окну, к темнеющему горизонту, который притягивал ее, как магнит.

– Тебе незачем принимать решение в спешке, – смягчила тон Хазифа. – Войны длятся долго.

– Но я понадоблюсь…

– Пока что, Ириана, ты понадобишься мне. У меня есть для тебя одно поручение.

Ириана напряглась. Хазифа умела приказывать мягко, без металла в голосе. Ириана вспомнила о письме, за чтением которого застала Хазифу.

– Какое поручение? – осторожно спросила она.

– К хагану прибыл именитый гость. Я прошу тебя его осмотреть и помочь. Сделай это, а уж потом будешь решать, срываться отсюда и плыть в неизвестность или все же лучше остаться.

Ириана в удивлении склонила голову набок. Хазифа очень редко передавала поручения хагана кому-то другому.

– Кто он и что с ним? – задала Ириана обычный вопрос целительницы, получающей задание.

– Молодой человек двадцати трех лет. Организм здоровый и крепкий. Летом он серьезно покалечился, и у него парализована нижняя часть тела. Ниже бедер чувствительность потеряна. Он не ощущает своих ног, не может ходить и передвигается в кресле на колесах. Врачебный осмотр я сочла излишним и решила сразу обратиться к тебе.

В мозгу Ирианы лихорадочно понеслись мысли. Исцеление таких увечий было длительным и тяжелым. Позвоночник по сложности устройства мало уступает мозгу. К тому же они тесно связаны. Здесь недостаточно окутать магической силой поврежденную часть. Исцеление позвоночника требует иного подхода.

Понадобится отыскать поврежденные места, затем каналы, по которым нужно будет отправлять точно выверенное количество магической силы. Необходимо сделать так, чтобы приказы мозга вновь беспрепятственно понеслись по позвоночнику к ногам. Это все равно что латать тончайшие трубки, удаляя крошечные поврежденные участки и заменяя их новыми. А потом, даже когда ноги вновь обретут подвижность, пациента надо будет заново учить ходить. Исцеление займет недели, если не месяцы.

– Он вел очень подвижную жизнь, – продолжала Хазифа. – Его

увечье схоже с увечьем воина, которого ты прошлой зимой врачевала в степи.

Ириана уже догадалась. Наверное, потому Хазифа и поручала ей гостя хагана. Тогда Ириана провела в холодных степях целых два месяца, исцеляя предводителя племени, который при неудачном падении с коня повредил позвоночник. Такие увечья часто встречались среди дарганцов, ездивших на лошадях и летавших на рукках. Исцеления они по давней традиции искали в Торре. Тогда Ириана прошла свое первое серьезное испытание, применяя на практике все, чему научилась. Потому Хазифа и отправилась вместе с нею. Но сейчас Ириана не сомневалась, что справится и одна. А потом… Хазифа снова взглянула на письмо, и это заставило Ириану задуматься и спросить:

– Как зовут пациента?

– Шаол Эстфол. Да, нездешний, – добавила Хазифа, выдерживая взгляд Ирианы. – Прежде он был капитаном королевской гвардии, а нынче является главным советником адарланского короля.

Ириана молчала.

Молчали ее уста. Умолкли разум и сердце. В небе кричали чайки, кружившие над Торрой. С улиц доносились голоса торговцев, возвращавшихся домой.

– Нет, – выдохнула Ириана.

Хазифа поджала тонкие губы.

– Нет, – повторила Ириана. – Я не стану с ним работать.

Лицо Хазифы, только что бывшее по-матерински мягким и заботливым, обрело знакомое бесстрастие.

– Вступая на путь целительства, ты принесла клятву.

– Нет, – упрямо твердила Ириана, не находя других слов.

– Я прекрасно сознаю всю трудность этого поручения…

У Ирианы задрожали руки.

– Нет.

– Почему?

– Ты знаешь почему, – сдавленно прошептала Ириана.

– Если ты увидишь на поле битвы раненых адарланских солдат, ты что же, переступишь через них и пойдешь спасать своих?

Никогда еще Хазифа не вела себя с нею так жестко.

Ириана сопела, вертя на пальце материнское кольцо.

– Если он был капитаном гвардии у прежнего короля, если служил человеку, который… – Она не решилась произнести слово, вертевшееся на языке. – Он выполнял королевские приказы.

– Но сейчас он служит Дорину Хавильяру.

– Который наслаждался отцовским богатством… богатством моего народа. Даже если Дорин Хавильяр и не участвовал в отцовских зверствах, одно то, что он стоял в стороне и не вмешивался, пока творились эти зверства…

Ириане показалось, что каменные стены надвигаются на нее, а сама башня утратила незыблемость.

– Ты ведь знаешь, как вели себя подданные адарланского короля. Его солдаты, его гвардейцы. Знаешь и просишь меня исцелить одного из его ближайших подручных?

– Такова особенность ремесла, избранного тобой и всеми нами. Таков выбор, через который вынуждены проходить все целители.

– И часто вы стояли перед выбором? В вашем-то мирном государстве?

Лицо Хазифы потемнело. Не от гнева. От воспоминаний.

– Однажды меня попросили оказать помощь человеку, который покалечился, уходя от погони. А перед этим он совершил немыслимое по жестокости преступление… Прежде чем провести меня в камеру, тюремщики рассказали об этом преступлении. Их начальник хотел, чтобы я подлатала преступника для суда. Его, конечно же, ждала казнь. То преступление было последним, но не единственным. Имелись очевидцы его злодейств. Собранных доказательств хватило бы на несколько смертных приговоров. Эреция собственными глазами видела его последнюю жертву и готовилась выступить в суде с дополнительными обвинениями.

У Хазифы сдавило в горле.

– Его приковали цепями к стене, да так, чтобы усугубить страдания. Состояние у него и так было тяжелым. Я знала… знала, что своей магией могу усилить внутреннее кровотечение. Никто бы и не узнал. К утру он бы умер, а мне никто бы не осмелился учинять допрос.

Она снова взялась за склянку с голубой жидкостью.

– Никогда еще я не находилась так близко к убийству. Я искренне хотела убить его за содеянное. В мире стало бы чуточку легче дышать. Я положила руки ему на грудь. Я была готова это сделать. Но я помнила принесенную клятву. Меня же просили исцелить его, чтобы затем с ним обошлись по законам правосудия. Чтобы его жертвы и их близкие были отмщены.

Хазифа пристально посмотрела на Ириану:

– Он заслуживал смерти, но не от моих рук.

– И что было дальше? – с трудом ворочая языком, спросила Ириана.

– Он изворачивался, пытался убедить суд в своей невиновности. Его не смущали доказательства, представленные

Эрецией, и рассказ последней жертвы. Он был законченным чудовищем. Естественно, его признали виновным и на следующий же день, рано утром, казнили.

– Вы видели казнь?

– Не видела. Я вернулась сюда. А Эреция видела. Она стояла в первом ряду зрителей и оставалась до тех пор, пока труп не бросили в телегу. Она присутствовала от лица жертв, у которых не хватило душевных сил смотреть казнь. Когда Эреция вернулась, мы с нею проплакали почти целый день.

Ириана молчала. Хорошо хоть руки перестали дрожать.

– Значит, мне надлежит исцелить этого человека, чтобы правосудие над ним свершилось в другом месте?

– Ириана, ты же не знаешь истории его жизни. Я предлагаю познакомиться с нею и потом уже рассуждать о подобных вещах.

– Ему не будет оправдания, – покачала головой Ириана. – Особенно если он служил прежнему королю и служит новому. Если своей пронырливостью он удержался у власти. Мне знакома тактика Адарлана.

Прежде чем заговорить, Хазифа долго смотрела на нее.

– В тот день, когда ты вошла сюда – ужасающе тощая, покрытая пылью сотен дорог… Я и не думала, что боги сделают мне такой подарок. Я заглянула в твои прекрасные глаза и едва не вскрикнула, поражаясь, сколько же в тебе магической силы. Ты была как самоцвет, требующий огранки.

Недовольство было написано на лице верховной целительницы, звучало в ее голосе.

– Я подумала: «Где до сих пор скрывалась эта девушка? Какой бог, наблюдающий за тобой, привел тебя ко мне?» – продолжала Хазифа. – Подол твоего платья был истрепан, но ты вошла с достоинством знатной дамы, словно наследница самой Камалы.

Пока «знатная дама» не швырнула ей деньги на стол и не забилась потом в рыданиях. Вряд ли Камала – первая верховная целительница – вела себя подобным образом.

– Даже твоя фамилия – Торас – была намеком на то, что твои далекие предки по женской линии имели связи с Торрой. Мне тогда подумалось: «Я нашла преемницу, которая со временем заменит меня».

Эти слова были как удар в живот. Ириана и представить не могла, что еще два с лишним года назад…

Верховная целительница предлагала ей остаться. Не только для продолжения учебы. В ней Хазифа видела преемницу.

Однако в замыслы Ирианы не входило стать хозяйкой этого кабинета. Она все время помнила, что находится в чужом государстве. И даже сейчас ей оказывали невообразимую честь.

Умом Ириана это понимала, но в сердце ощущалась пустота.

– Я тогда спросила: на что ты употребишь полученные от меня знания, – продолжала Хазифа. – Помнишь, какой ответ ты мне дала?

Ириана помнила. Такое не забывается.

– Я сказала, что хочу употребить их во благо мира. Сделать что-то, дабы наверстать бесцельно прожитые годы.

Эти слова сопровождали Ириану на протяжении двух с лишним лет. Они – и записка, которую она постоянно носила с собой, перекладывая из кармана в карман и из платья в платье. Слова таинственной незнакомки. Возможно, богини, принявшей облик потрепанной жизнью молодой женщины. Ее мешочек с золотом привел Ириану сюда. Спас ее.

– И ты, Ириана, обязательно это сделаешь, – убежденно произнесла Хазифа. – Однажды ты вернешься на родину и будешь творить добро, совершать чудеса. Но прежде, чем покинуть нас, выполни мою просьбу. Помоги этому парню. Ты доказала свою способность исцелять такие увечья. У тебя получится и сейчас.

– А почему ты сама не можешь?

Раздражение и неблагодарность так и лезли сегодня из Ирианы. Прежде она бы не осмелилась столь непочтительно говорить с Хазифой.

Хазифа печально улыбнулась:

– Здесь требуется твое, а не мое вмешательство.

Ириана понимала: речь идет не только о телесном исцелении этого адарланца. У нее сдавило горло, и она с трудом сглотнула.

– Ириана, это душевная рана. И годами позволять ей гноиться… Я не вправе тебя винить. Но если ты позволишь ей разъесть тебе душу, виноватой окажешься только ты. И я буду скорбеть по тебе, как если бы ты умерла.

У Ирианы задрожали губы. Она плотно стиснула их, смаргивая подступающие жгучие слезы.

– Ты прошла испытания и сделала это лучше, чем кто-либо на моей памяти, – тихо сказала Хазифа. – Пусть это станет моей личной проверкой тебя. Окончательным испытанием. Чтобы потом, когда ты решишь уехать, я могла бы с чистой совестью тебя благословить и отправить на войну, зная… – Хазифа приложила руку к груди. – Зная: по какой бы дороге ты ни пошла, пусть и темной, с тобой ничего не случится.

Ириана не позволила себе всхлипнуть. Она смотрела на город, светлые камни которого отражали последние лучи заходящего солнца. В окна за спиной верховной целительницы дул вечерний ветер, пахнущий лавандой и клевером. Он нес прохладу раскрасневшемуся лицу Ирианы и теребил копну седых

волос Хазифы.

Ириана сунула руку в карман голубого платья. Пальцы нащупали знакомую гладкую поверхность сложенного кусочка пергамента. Ириана сжала пергамент. Так она поступала, плывя в Антику и потом, в первые недели, когда ей не верилось, что она сумеет овладеть здешними премудростями. Записка была ее талисманом, дававшим опору в трудные минуты, если что-то не получалось или одолевали сомнения.

Записка незнакомки, которая спасла Ириане жизнь и подарила свободу. Ириана так и не узнала ее имени. Похоже, незнакомка была ее ровесницей. Ириану удивило, что свои шрамы она носила так, как знатные дамы носят изысканные украшения. Незнакомка в совершенстве владела ремеслом убийцы, но она же дала Ириане деньги на учебу. Они обе не знали, что в Торре учат бесплатно.

Та ночь дала начало многим событиям. Много хорошего произошло после встречи с незнакомкой. Порою Ириану одолевали сомнения: а действительно ли все было именно так? Но у нее в кармане лежала записка и вторая вещь, которую Ириана не посмела продать, даже когда золото в мешочке истаяло наполовину.

Это была изумительно красивая золотая брошь с рубином, стоившая как часть Антики.

Цвéта Адарлана. Ириана так и не узнала, откуда родом эта незнакомка и кто оставил отметины на ее красивом лице. Но отношение их обеих к Адарлану совпадало. Как и у всех детей, потерявших по вине Адарлана близких, жилища и прежнюю жизнь. После вторжения имперского войска оставались лишь пепел, кровь и развалины.

Держа руку в кармане, Ириана водила пальцем по гладкому пергаменту. Содержание записки она давно знала наизусть: «Куда бы ты ни отправилась, это тебе на дорогу и на обустройство. Миру требуется больше целителей».

Первый вечерний бриз нес в окна Торры пряные запахи трав и морской соли.

Наконец Ириана решилась посмотреть на Хазифу. Лицо верховной целительницы было спокойным. Терпеливым.

Если она откажется, то впоследствии пожалеет. Хазифа уступит ее напору, но потом… Уедет ли она или решит остаться, она будет жалеть. Постоянно думать о сегодняшнем разговоре. Спрашивать себя: почему так скупо отплатила за удивительную доброту, проявленную к ней в Торре-Кесме, и как отнеслась бы к ее решению мать?

Даже если этот человек родом из Адарлана, даже если он

выполнял приказы злодея-короля…

– Я пойду к нему и оценю его состояние, – слегка дрожащим голосом согласилась Ириана. Ее пальцы снова сжали записку незнакомки. – А потом решу, возьмусь ли за исцеление.

Хазифа задумалась.

– Достаточно честный ответ, девочка, – тихо сказала она. – Ты не слукавила.

– Когда мне идти во дворец? – торопливо спросила Ириана.

– Завтра, – ответила Хазифа. Ириана вздрогнула. – Хаган просил тебя быть в покоях господина Эстфола завтра с утра.

5

Ночью Шаол почти не сомкнул глаз, и не только из-за немилосердной жары. Были причины посерьезнее. Он находился во дворце хагана, пока ничем не выказавшего готовности стать их союзником в войне. Подозрения принца Кашана о том, что дворец полон потенциальных шпионов (возможно, даже моратских) и неведомых опасностей, тоже не способствовали крепкому сну. И конечно же, Шаола волновала судьба Рафтхола и всех, кто был ему дорог.

Отчасти его бессонницу вызывала и скорая встреча с целительницей: он ждал ее с минуты на минуту.

Спокойствие изменило даже Несарине. Шаол почувствовал это по ее походке, глядя, как она пересекает гостиную, где целительница и будет его осматривать. Гостиная была уставлена низкими диванами. Рядом на полу лежали целые горы подушек. Блеск полов перемежался с яркими прихотливыми узорами ковров разнообразной плотности и манеры ткачества. Все это выходило из-под умелых рук ковровщиц западной части континента, о чем Шаол узнал от Несарины. Гостиную украшали предметы искусства и множество роскошных безделушек из разных концов империи. Убранство гостиной довершали пальмы в кадках, страдающие от жары и солнца из окон и дверей.

Вчера за обедом старшая дочь хагана сообщила ему, что целительница явится в десять часов утра. Принцесса Хасара не отличалась красотой, но ни у кого из детей хагана не было таких свирепых глаз. Улыбалась она лишь приятной молодой женщине, сидевшей рядом. Своей возлюбленной или жене, если судить по частым прикосновениям и продолжительным взглядам.

Потом Хасара улыбнулась и ему – хищно, вызывающе. Он не стал спрашивать, кого пришлют к нему из Торры.

Шаол до сих пор не решил, как ему относиться к здешним

людям и к месту, где оказался. Этот город, где высоко ценились знания, где смешивались и уживались без вражды самые различные традиции и обычаи… Совсем не такой была жизнь в недавней Адарланской империи, погубившей и сломавшей столько жизней. Гнев, что продолжал бурлить в душах уцелевших, годы нескончаемого ужаса, настороженность и недоверие. Его родина была повинна в отвратительных преступлениях, совершенных на землях завоеванных королевств.

За обедом его спросили об истреблении рабов в Калакулле и Эндовьере.

Вернее, спрашивал один – этот скользкий тип, принц Аргун. Попадись в свое время Шаолу такой новобранец, капитан королевской гвардии легко бы сбил с него спесь. Показал бы силой слова (а понадобилось бы, и силой кулака), кто здесь командует. Однако положение гостя вынуждало Шаола терпеть и отвечать так, чтобы не задевать коварного высокомерного принца.

С каторжных поселений Аргун перешел на рабство в прежней Адарланской империи. Шаолу пришлось выдерживать и эти вопросы. Аргун желал знать, почему прежний король считал необходимым порабощать своих подданных и низводить до уровня скотов. Почему не обратился к опыту Южного континента, дабы узнать об ужасах рабства, калечащего не только тела, но и души людей.

Шаол отвечал коротко, балансируя на тонкой грани между лаконичностью и неучтивостью. Наконец Сартак (единственный, кто, помимо Кашана, вызвал у Шаола симпатию) устал от вопросов брата и направил разговор в другое русло. Куда – бывший капитан не понимал. От чрезмерного любопытства Аргуна у него и сейчас шумело в ушах. К тому же, выполняя просьбу Кашана, Шаол внимательно наблюдал за детьми хагана, визирями и слугами. Последние то и дело исчезали и появлялись в обеденном зале. Пока что Шаол ни у кого не заметил черных колец и ошейников. Ничье поведение не показалось ему странным.

Поймав взгляд Кашана, Шаол слегка покачал головой, передавая ему свои наблюдения. Принц сделал вид, будто не заметил, но глаза его предостерегающе вспыхнули. «Продолжай наблюдать», – говорили они.

И Шаол продолжал, разделяя внимание между потоком изысканных кушаний, подаваемых на стол, и словами, взглядами и даже восклицаниями тех, кто его окружал.

Смерть младшей сестры не сделала наследников мрачными и угрюмыми. Разговор за столом протекал оживленно – в основном на незнакомых Шаолу языках. Ничего удивительного: гости,

визири и слуги были родом из самых разных уголков хаганата. За столом находился и муж принцессы Дувы: темноволосый молодой человек с печальными глазами, родина которого была очень далеко от Антики. Он смотрел преимущественно на свою беременную жену и почти не общался с окружающими. Но всякий раз, когда Дува улыбалась мужу, вряд ли свет, озарявший лицо принца, был наигранным. Возможно, дело тут вовсе не в природной молчаливости этого человека, а просто в недостаточном знании родного языка принцессы.

Молчание Несарины объяснялось другими причинами. Она сидела с отсутствующим видом, и чувствовалось, ее мысли далеко отсюда. Перед обедом она успела вымыться с дороги. Шаол узнал об этом по крику и хлопнувшей двери ее спальни, откуда вышел слуга с обиженным и раздраженным лицом. Назад он не вернулся. Замену ему тоже не прислали.

К обеду Шаола одевала Каджа (так звали его служанку). Она же помогала ему раздеться и лечь в постель, а утром, едва он проснулся, подала завтрак.

Судя по вчерашнему обеду, хаган явно понимал толк в еде.

Шаол вспомнил подававшиеся яства. Мясо разных видов, богато сдобренное пряностями и настолько сочное, что само отделялось от костей. Разноцветный рис с подливой из терпких трав. Чесночные лепешки с маслом. И конечно же, вина на любой вкус: совсем легкие и крепкие. Виноградников и виноделен в империи хагана было более чем достаточно. Правда, Шаол ограничился лишь одним бокалом, когда хаган произнес весьма прохладный тост за новых гостей. Но для человека, недавно потерявшего любимую дочь, это было проявлением такого радушия, какого Шаол никак не ожидал.

Несарина лишь пригубила вина и почти не притронулась к еде. Она с трудом дождалась момента, когда слуги стали убирать со стола, и предложила Шаолу вернуться в отведенные им покои. Он согласился. Да и мог ли он возражать? Но едва они вернулись к себе, Шаол спросил, есть ли у нее желание поговорить. Несарина ответила коротким «нет». Потом добавила, что хочет спать и появится у него только утром.

Шаолу не хватило смелости предложить Несарине спать вместе – в его или ее спальне. Громкий хлопок двери сказал ему больше, чем слова.

Каджа помогла ему улечься в просторную кровать, где Шаол ворочался с боку на бок, потел и жалел, что не может скинуть простыни, как прежде. Даже прохладный воздух, струившийся из невидимых отверстий, не облегчал его состояния. Чтобы отвлечься от тягостных мыслей, он вспоминал рассказ служанки о

хитроумном снабжении помещений дворца прохладным воздухом. Оказалось, среди шпилей и куполов были спрятаны особые башенки. Они затягивали в себя воздух. Каналы под дворцом его охлаждали, а паутина труб, проложенная в стенах, подавала охлажденный воздух по всему дворцу.

Разговора у них с Несариной не получалось и раньше. Нередко эти попытки оканчивались ссорами.

У них и отношения не клеились. Шаол без конца упрекал себя за это. Если они оба упрямы, почему бы ему первому не попытаться изменить характер?

За десять минут, пока ждали целительницу, Несарина почти не смотрела в его сторону. Лицо у нее было усталым, волосы разметались по плечам. Надевать капитанский мундир она не стала, предпочтя свою обычную темно-синюю блузу и черные штаны. Казалось, государственные цвета Адарлана ей ненавистны.

На Шаола Каджа надела вчерашний зелено-голубой камзол и до блеска начистила медные застежки. В ее работе ощущалась спокойная гордость и ни капли робости и страха, присущих множеству слуг и служанок королевского замка в Рафтхоле.

– Она запаздывает, – угрюмо пробормотала Несарина.

Циферблат роскошных напольных часов в углу показывал десять минут одиннадцатого.

– Может, послать кого-нибудь туда? Пусть узнают, собирается ли она вообще во дворец?

– Она не находится у нас в подчинении. Вдруг ее что-то задержало? Давай еще подождем.

Несарина остановилась перед ним.

– Нельзя медлить, – заявила она, сердито хмуря брови. – Мы не имеем права понапрасну растрачивать время.

– Я понимаю твое желание поскорее вернуться домой, – осторожно сказал Шаол.

– Не думай, я не стану тебя торопить, но даже один день имеет значение.

Шаол отметил, как напряжен ее рот. Наверняка и его собственный выглядит так же. Утром Шаолу пришлось усилием воли прогнать мысли о судьбе Дорина.

– Когда целительница придет, может, сходишь в город? Навестишь родственников. Быть может, им что-то известно о твоей семье в Рафтхоле.

Худенькая рука Несарины полоснула по воздуху.

– Подожду, пока она тебя осмотрит.

– И все это время будешь мерить комнату шагами?

Несарина плюхнулась на ближайший диван. Золотистая

обивка мягко зашелестела.

– Я приплыла сюда, чтобы тебя поддержать. И в лечении, и в нашем деле. Болтовня с дядиной родней не должна заслонять главное.

– А если я тебе прикажу?

Несарина замотала головой, отчего заколыхалась волна темных волос.

Но не успел Шаол по-настоящему отдать приказ, как в тяжелую дубовую дверь постучали – коротко, но уверенно.

Несарина что-то крикнула на халхийском. Вероятно, это означало «войдите». Шаол прислушивался к легким, негромким шагам. Затем медленно открылась дверь в гостиную. Мелькнула рука янтарного цвета.

Первыми Шаол заметил ее глаза.

От таких глаз люди должны замирать на месте, а потом оборачиваться вслед. Золотисто-карие, полные внутреннего огня. У целительницы были слегка вьющиеся густые волосы сочного каштанового цвета, в которых мелькали темно-золотистые прядки. Волосы достигали ее тонкой талии.

Целительница двигалась с изяществом. Ее ноги были обуты в простые черные туфли, приспособленные для хождения по горбатым улицам Антики. Сейчас они мягко ступали по коврам дворцовой гостиной, а их хозяйка либо не замечала роскошного убранства, либо ее это не волновало.

Молодая. Года двадцать два, не больше.

Но эти глаза… Они были гораздо старше.

Вошедшая остановилась возле стула с резной спинкой. Несарина вскочила на ноги, разглядывая свою ровесницу. Конечно же, эта женщина, обладавшая спокойным изяществом движений, ясными глазами и одетая в неброское голубое муслиновое платье, могла быть только целительницей. Ростом она уступала Несарине, но если спутница Шаола и сейчас выглядела угловатым подростком… Шаол постарался не смотреть на женственные округлости тела целительницы.

– Тебя прислали из Торры-Кесме? – по-адарлански спросила Несарина.

Целительница не торопилась отвечать. Она молча смотрела на Шаола. В ее дивных глазах промелькнуло нечто вроде удивления и гнева.

Потом она сунула руку в карман платья. «Наверное, принесла что-то вроде рекомендательной записки», – подумал Шаол. Меж тем рука целительницы оставалась в кармане. Казалось, она сжимает какой-то предмет внутри.

Отнюдь не робкая олениха, готовая умчаться. Целительница,

скорее, напоминала оленя, для которого бегство унизительно. Каким бы ни были его шансы в сражении, сейчас он опустит голову и ринется на противника.

Шаол выдержал ее холодный, пристальный взгляд. За годы службы он пересмотрел достаточно юных оленей и каждому умерял пыл.

Несарина произнесла фразу на халхийском, повторяя свой вопрос.

На шее целительницы Шаол заметил тонкий косой шрам в палец длиной.

Он знал, какое оружие оставляет на теле подобные отметины. В мозгу лихорадочно закружились возможные обстоятельства, при которых она могла получить этот шрам. Все они, равно как и причины, породившие их, были не из приятных.

Несарина молча смотрела на Шаола и гостью.

Целительница прошла к письменному столу, стоявшему возле окон, села и взяла лист пергамента из стопки на углу стола.

Кем бы ни были эти целительницы, хаган вчера сказал сущую правду: они не подчинялись его приказам. Казалось, у них внутри есть свой трон, а потому титулы и власть не застилают им глаза.

Целительница достала из ящика ручку со стеклянным пером, сняла крышку с хрустальной чернильницы, обмакнула перо и спросила по-адарлански:

– Имя?

Она говорила без акцента. Точнее, без здешнего акцента.

– Шаол Эстфол.

– Возраст?

Акцент у нее все-таки был, но другой. Так говорили в…

– Фенхару, – вслух произнес Шаол.

Перо замерло в воздухе.

– Возраст? – повторила она.

– Ты родом из Фенхару?

«Что ты делаешь здесь, так далеко от родины?» – мысленно добавил он.

Целительница холодно и безучастно смотрела на него.

– Двадцать три, – сглотнув, ответил Шаол.

Она что-то записала и задала новый вопрос:

– Расскажи, откуда начинаются повреждения в твоем теле.

Каждое слово она произносила тихо и отрывисто. Даже с каким-то недовольством, как показалось Шаолу.

Может, ей неприятно заниматься его увечьем? Может, ее направили сюда, оторвав от других, более важных дел? Он вспомнил вчерашнюю язвительную улыбку Хасары. Наверное, принцесса знала: эта женщина вовсе не отличается

сострадательным обращением с больными.

– Как тебя зовут? – спросила целительницу Несарина, начинавшая терять терпение.

Целительница лишь взглянула на Несарину, словно только сейчас заметила ее присутствие.

– Ты здешняя? – спросила целительница вместо ответа на вопрос.

– Мой отец родился здесь. Переехал в Адарлан, женился на моей матери, и теперь одна часть моей семьи там, другая – здесь.

Несарина ничем не выдала своей тревоги за адарланскую часть семьи, но сочла необходимым для пущей важности добавить:

– Я – Несарина Фелак, капитан королевской гвардии Адарлана.

Удивление в глазах целительницы сменилось тревогой, а ее взгляд снова устремился на Шаола.

Она знала, кто он. Шаол понял это по ее глазам. Она знала, что прежде он командовал королевскими гвардейцами, но сейчас занимает другую должность. Значит, все эти вопросы про имя, возраст – просто дурацкая игра. Или следование нелепым правилам, установленным у них в Торре. Последнее предположение казалось ему маловероятным.

Уроженка Фенхару, встретившая двух посланцев адарланского двора…

Шаол довольно легко представил, каких ужасов навидалась эта женщина и кто мог наградить ее отметиной на шее.

– Если не хочешь возиться со мною, пусть твое начальство пришлет другую, – грубо сказал ей Шаол.

Несарина резко повернулась к нему. Целительница спокойно выдержала его взгляд:

– У нас больше нет никого, способного тебе помочь.

«Они прислали самую лучшую свою целительницу», – догадался Шаол.

Судя по манере держаться, так оно и было. Вновь обмакнув перо, целительница повторила просьбу:

– Расскажи, откуда начинаются повреждения в твоем теле.

Тишину гостиной нарушил стук в дверь – на этот раз громкий и требовательный. Шаол вздрогнул, ругая себя за то, что не услышал шаги.

Но к ним явилась принцесса Хасара, одетая в зеленые и золотистые шелка.

– Доброе утро, господин Эстфол, – произнесла она, жмурясь по-кошачьи. – Доброе утро, капитан Фелак.

Каждый ее шаг был исполнен чванливости, коса колотила

принцессу по спине. Хасара подошла к целительнице, посмотрела на нее – Шаолу показалось, что с досадой, – затем наклонилась и поцеловала в обе щеки:

– Ириана, обычно ты не бываешь столь угрюмой.

Вот как ее зовут.

– Утром забыла выпить *кахаве*.

Сегодня к завтраку Шаолу подали этот густой горький напиток, сдобренный пряностями. Он чуть не поперхнулся. Несарина объяснила, что к кахаве надо привыкнуть.

Принцесса присела на краешек стола:

– Вчера тебя не было на обеде. У Кашана испортилось настроение.

Плечи Ирианы заметно напряглись.

– Мне требовалось подготовиться.

– Ириана Торас, добровольная затворница Торры, приносящая себя в жертву работе? Я бы померла со скуки.

Принцесса сказала больше, чем намеревалась. Значит, лучшей целительницей Торры-Кесме Ириана стала благодаря упорству и редкому трудолюбию.

– Все еще в кресле? – удивленно спросила Хасара, взглянув на Шаола.

– Исцеление требует времени, – спокойно ответила принцессе Ириана, без тени угодливости или даже почтения. – Мы только начинаем.

– Значит, ты согласилась взяться за его ноги?

Ириана сердито посмотрела на принцессу, отсекая дальнейшую болтовню.

– Я занималась осмотром господина Эстфола. – Она качнула подбородком в сторону двери. – Зайти к тебе, когда закончу?

Несарина выразительно и даже с опаской поглядела на Шаола. Целительница, выпроваживающая принцессу, дочь правителя самой могущественной империи.

Хасара подалась вперед и взъерошила золотисто-каштановые волосы Ирианы.

– Не имей ты дара богов, я бы собственными руками вырвала твой язык, – сказала она медоточивым голосом, но в меде этом ощущался растворенный яд.

Ириана лишь слегка улыбнулась. Хасара спрыгнула со стола и насмешливо кивнула Шаолу:

– Можешь не волноваться, господин Эстфол. Ириана врачевала похожие увечья и даже те, что намного тяжелее твоего. Пройдет совсем немного времени, и ты снова окажешься на ногах и продолжишь верно служить своему хозяину.

Несарина застыла. Довольная произведенным впечатлением,

принцесса удалилась.

Все трое ждали, когда хлопнет внешняя дверь.

– Ириана Торас, – только и сказал Шаол.

– И что такого?

Легкое изумление, с каким Ириана смотрела на принцессу, исчезло. Уже хорошо.

– Ниже бедер ничего не чувствую. Ног вообще не ощущаю.

Глаза Ирианы переместились к его бедрам.

– А отклик на мужские желания есть? Там по-прежнему набухает? – спросила целительница, указав на его промежность.

Шаол невольно вздрогнул. Даже Несарина заморгала, услышав столь откровенный вопрос.

– Да, – глухо ответил Шаол, безуспешно стараясь сохранить невозмутимость, но чувствуя, что краснеет.

Ириана поочередно посмотрела на них обоих и задала новый вопрос:

– И ты удовлетворял свою потребность до конца?

– Какое отношение это имеет к моему состоянию?

Шаол до скрипа зубов сжал челюсти. И как она сумела понять, что у них с Несариной все прекратилось?

Ириана невозмутимо водила пером по пергаменту.

– Что ты там пишешь? – взвился Шаол.

Проклятое кресло! Если бы не оно, сейчас подскочил бы к столу и вырвал у нее из рук этот пергамент.

– Я пишу большое «нет».

Мало того, свое «нет» она еще и подчеркнула.

– Теперь, наверное, будешь спрашивать, сохранилась ли у меня способность справлять большую и малую нужду?

– Эти вопросы тоже у меня в списке.

– Отвечаю: все сохранилось, – зло бросил Шаол. – Надеюсь, ты не станешь спрашивать у Несарины, так ли это.

Ириана с прежней невозмутимостью повернулась к Несарине:

– Ты замечала у господина Эстфола трудности с отправлением естественных надобностей?

– Не отвечай! – рявкнул он Несарине.

Несарине хватило благоразумия усесться на стул и молчать.

Ириана отложила перо, потом встала из-за стола. Утреннее солнце отражалось от ее волос, образуя подобие нимба. Подойдя к Шаолу, она опустилась на колени и спросила:

– Ты можешь снять сапоги или тебе помочь?

– Сам сниму.

Она уселась на корточки и стала наблюдать за его движениями. Еще одна проверка – на подвижность рук и верхней части туловища. Ириане хотелось понять, как Шаол сейчас

ощущает вес своих ног, необходимость постоянно приноравливать их положение… Скрежеща зубами, Шаол обхватил колено, сдвинул ногу с деревянной подставки, затем наклонился и несколькими рывками стянул сапог. Сняв второй, спросил:

– Штаны тоже снимать?

Шаол понимал: ему нужно проявлять учтивость, нужно упрашивать Ириану о помощи, однако…

– Только после нескольких рюмок крепкого вина, – ответила она, затем, повернувшись к оторопелой Несарине, добавила: – Извини.

Впрочем, извинение было произнесено столь же язвительным тоном.

– Почему ты извинялась перед нею?

– Думаю, ей сейчас очень нелегко делить с тобой постель.

Шаолу понадобилось все самообладание, чтобы не схватить Ириану за плечи и как следует не встряхнуть.

– Я тебя чем-то задел?

Ириана ответила не сразу. Вначале сняла с него носки, бросила их поверх сапог и лишь тогда сказала:

– Нет.

Вранье. Он носом чуял ее вранье. Ощущал языком.

Главное, Ириана наконец-то занялась осмотром. Ее изящные руки трогали и мяли его ногу. Мышцы живота еще что-то чувствовали. А ниже – ничего. Шаол мог лишь смотреть. Он не знал, сильно ли ее пальцы щиплют ему кожу, глубоко ли впиваются ногти. Он просто смотрел.

Безымянный палец Ирианы украшало кольцо.

– Твой муж отсюда? – спросил он.

Могла быть и жена.

– Я не…

Ириана хмуро поглядела на кольцо, не договорив.

Значит, не замужем. Серебряное кольцо было простеньким, с маленьким гранатом. Возможно, носила, защищаясь от приставания мужчин. Так поступали многие женщины на улицах Рафтхола.

Ириана добралась до пальцев ноги. Ощупывая каждый, спрашивала:

– Чувствуешь что-нибудь?

– Нет.

Настал черед другой ноги. И снова Шаол пять раз ответил «нет».

Похожий осмотр он уже проходил в замке, с Рованом.

– Изначально у Шаола был поврежден весь позвоночник, – заговорила Несарина. Видно, и она вспомнила фэйского принца. –

Наш друг, обладающий целительскими способностями, сделал все, что мог. Подвижность верхней части туловища вернулась, а вот с ногами у него ничего не получилось.

– При каких обстоятельствах господин Эстфол покалечился?

Руки Ирианы мяли ему лодыжку, постукивали по ноге, царапали кожу. Похоже, прицесса Хасара сказала правду и уроженке Фенхару уже приходилось врачевать схожие увечья.

Вопрос погрузил Шаола в поток воспоминаний. Он заново переживал ужас, боль и гнев. Несарина открыла было рот, но он ее опередил:

– Это произошло во время сражения. Я получил удар в спину. Магический удар.

Пальцы Ирианы поднимались выше, продолжая мять и постукивать по каждой ноге. Шаол ничего не чувствовал.

– Должно быть, твой друг был удивительным целителем, если сохранил тебе такую степень подвижности.

– Он сделал все, что в его силах. Затем велел мне ехать сюда.

Ее руки добрались до бедер Шаола. С нарастающим ужасом он следил, как они поднимаются все выше и выше. Он уже хотел спросить, не собирается ли она осматривать и его «мужскую снасть», когда Ириана подняла голову. Их глаза встретились.

Вблизи ее глаза были золотым пламенем. Не холодным металлом, как у Маноны Черноклювой, в чьих глазах запечатлелось столетие кровавых битв и хищных инстинктов… Глаза Ирианы больше напоминали пламя очага, горящего долгим зимним вечером.

– Мне нужно осмотреть твою спину, – сказала Ириана и отошла. – Ложись на ближайшую кровать.

Шаол не успел ей напомнить, что в его положении это не так-то просто сделать. Подскочив к его креслу, Несарина покатила Шаола в спальню. Каджа успела застелить кровать и поставить на столик букет оранжевых лилий. Ириана принюхалась и поморщила нос, словно запах был отталкивающим. Шаолу стало любопытно, но он воздержался от вопросов.

Несарина хотела ему помочь перебраться на кровать, но Шаол отмахнулся. Кровать была достаточно низкой. Сам справится.

Ириана стояла в проеме открытой двери и смотрела, как он, упершись одной рукой в кровать, а другой – в сиденье, сильным толчком переместился на мягкую поверхность кровати. Там Шаол расстегнул сверкающие застежки и сбросил с себя камзол. Потом и белую рубашку.

– Ничком ложиться?

Ириана кивнула.

Обхватив колени и сжав живот, Шаол распластал неощущаемые ноги вдоль матраса. Но лежал он не на животе, а на спине.

Ноги затряслись, будто сведенные судорогой. Правда, это внешне напоминало настоящие судороги. Впервые такое с ним случилось пару недель назад. Шаол и сейчас ощущал неимоверную тяжесть в груди. Он понимал: это каким-то образом связано с увечьем. Обычно подобные ощущения возникали, когда он несколько раз подряд перемещал тело.

– Судороги при таких увечьях бывают довольно часто, – пояснила Ириана, наблюдая, как слабеет и исчезает дрожь в ногах Шаола. – Со временем они пройдут.

Жестом она напомнила, что просила лечь на живот.

Шаол молча сел, положил одну ногу поверх другой, затем снова лег на спину и только тогда перевернулся на живот, увлекая за собой ноги.

Возможно, Ириану и впечатлила его способность управляться со своим телом. Вслух она не сказала ничего. Даже бровью не повела.

Уперев ладони в подбородок, Шаол смотрел, как Ириана неспешно идет к нему. По пути она махнула Несарине, велев той не расхаживать взад-вперед, а сесть.

Шаол внимательно следил за Ирианой, стараясь заметить проявление магии. Вот только какой? Он и сам не представлял. Магия Дорина повелевала льдом, ветром и вспышками света. Магия Аэлины была яростным, испепеляющим пламенем. Но исцеляющая магия… Ощутима ли она? Увидит ли он что-то сам, или же свидетелями будут только его кости и кровь?

В прошлом такие вопросы заставили бы его сердито нахмуриться. Возможно, он воспротивился бы самой затее отдаться во власть магии. В прошлом он отрицал магию и боялся ее. Но тот прежний человек остался погребенным под развалинами стеклянного замка, и нынешний Шаол этому радовался.

Некоторое время Ириана просто смотрела на его спину. Когда же ее ладони легли ему между лопатками, он ощутил тепло утреннего солнца.

– Удар по тебе пришелся сюда, – спокойно отметила она.

Кружок бледной кожи. Место, куда его ударил король. Перед отъездом Дорин с помощью двух зеркал показал ему эту отметину.

– Да, – коротко подтвердил Шаол.

Пальцы Ирианы медленно двинулись вниз по ложбинке между лопатками.

– Потом удар, как наконечник копья, пошел ниже, калеча и разрывая все на своем пути.

Она обращалась не к Шаолу. Казалось, Ириана как зачарованная говорила сама с собой.

Шаол гнал от себя воспоминания о боли, онемении тела и забытьи, куда он провалился.

– Это тебе сказала его спина? – удивилась Несарина.

– Это говорит мой дар. – Рука Ирианы достигла середины спины, надавливая и царапая кожу. – Твой противник был ужасающе силен.

– Да, – только и ответил Шаол.

Руки Ирианы опускались все ниже. Достигнув талии Шаола, они приспустили ему штаны, продолжая осмотр.

– Не увлекайся, – прошипел он сквозь сжатые зубы.

Равнодушная к его предостережению, Ириана достигла поясницы. Дальше начинались ягодицы. В этом месте Шаол ничего не чувствовал.

Тогда ее пальцы с паучьей легкостью скользнули вверх, словно считая позвонки…

– А здесь?

– Здесь чувствую.

Ириана надавила пониже:

– Здесь как?

– Опять ничего.

Ириана наморщила лоб, мысленно обозначая границу чувствительности. Потом ощупала его спину по краям, проверяя, где он перестает воспринимать надавливание ее пальцев. Через несколько минут руки Ирианы обхватили голову и шею Шаола. Она вертела его голову влево и вправо. Зачем – он не понимал. В этом месте у него было все в порядке.

Наконец Ириана велела ему передвинуться. Не подняться, а снова перевернуться на спину.

Шаол смотрел в расписной сводчатый потолок. Ириана тыкала и пощипывала его грудные мускулы, мышцы живота и пространство между ребрами. Ее рука снова опустилась ниже. Пальцы неутомимо мяли кожу. Никак она…

– Тебе это действительно нужно? – не выдержал Шаол.

Ириана встретила его вопрос недоуменным взглядом и тоже спросила:

– Ты боишься, что я увижу там нечто необычное?

Да, этой Ириане Торас из Фенхару палец в рот не клади. Шаол молчал, выдерживая ее дерзкий взгляд.

– Я совсем забыла, что мужчины Северного континента густо опутаны стыдливостью.

– А здешние мужчины – другие?

– Здесь тело почитают и не прячут под грудой одежды. Это касается мужчин и женщин.

Тогда понятно, почему служанка не стыдилась показываться ему голой. Намокший халатик не в счет.

– За обедом я что-то не видел полураздетых, – буркнул он.

– Дождись празднеств, – сухо возразила Ириана, но руки от приспущенных штанов убрала. – Если увечье никак не отразилось на твоей «мужской снасти», мне незачем проверять.

Шаолу вдруг почудилось, что ему снова тринадцать лет и он в первый раз пытается заговорить с понравившейся девчонкой, а язык мелет какую-то чушь.

– Вот и прекрасно, – пробубнил Шаол.

Ириана подала ему рубашку, и он надел ее, напрягши руки и живот.

– И что ты можешь сказать? – спросила Несарина, подходя к ним.

– Мне нужно подумать, – ответила Ириана, теребя крупный локон. – Поговорить с наставницей.

– А я думала, ты у них – самая лучшая, кому ни с кем советоваться не надо.

Чувствовалось, терпение Несарины подходит к концу.

– У нас много опытных целительниц. Я – одна из них, – без малейшей обиды пояснила Ириана. – Но верховная целительница превосходит нас опытом. Она поручила мне заняться этим делом. Естественно, я должна обсудить с нею свои наблюдения.

– У него все так плохо? – спросила Несарина.

Шаол был ей благодарен. Сам бы он не решился спрашивать.

Ириана лишь взглянула на него, искренне, без страха:

– Ты и сама знаешь. Да, так плохо.

– Но ты сможешь ему помочь? – уже резче спросила Несарина.

– Я исцеляла схожие увечья. Но это… пока ничего не могу сказать, – ответила Ириана, не сникая под ее колючим взглядом.

– А когда сможешь?

– Когда все тщательно обдумаю.

«Ей надо принять решение, – догадался Шаол. – Определиться, будет ли она мне помогать».

Он перехватил взгляд Ирианы, показывая, что понимает ее состояние. И хорошо, что Несарину воспитали в почтении к целительницам Торры-Кесме. Их она воспринимала едва ли не как богов. Она не смела усомниться в словах Ирианы. В противном случае она бы размазала Ириану по стенке.

– Когда ты вернешься? – спросила Несарина.

«Никогда», – едва не вырвалось у Шаола.

– Я сообщу. – Ириана засунула руки в карманы.

Не сказав больше ни слова, она покинула комнату.

Несарина смотрела ей вслед, затем принялась тереть себе лоб.

Шаол молчал.

Несарина вдруг выпрямилась и стрелой вылетела в гостиную. Оттуда донесся шелест пергамента. Через мгновение Несарина вернулась и застыла в дверях. Хмуря брови, она помахивала листом, оставленным Ирианой на письменном столе.

– Это как вообще понимать? – спросила Несарина, протягивая ему лист.

На листе торопливым, сбивчивым почерком были написаны четыре женских имени:

Ольния
Мэрта
Росана
Жозина

Последнее имя Ириана написала несколько раз и несколько раз подчеркнула.

Жозина. Жозина. Жозина.

– Наверное, это имена других целительниц из Торры, способных мне помочь, – соврал он. – Скорее всего, она боялась назвать их вслух, чтобы здешние шпионы не подслушали.

Несарина скривила губы:

– Послушаем, что́ она скажет, когда вернется. По крайней мере, мы знаем про ее знакомство с Хасарой. В случае чего принцесса подскажет, где ее искать.

Или Кашан. Одно упоминание его имени почему-то рассердило Ириану. Конечно, принц не может ее заставить исцелять Шаола, но такие сведения всегда полезны.

Шаол снова посмотрел на торопливо написанные имена. На жирную волнистую линию ниже последнего.

Похоже, находясь здесь, Ириана нуждалась в каком-то напоминании, и эта необходимость непонятным образом была связана с Шаолом. Выводя имена, Ириана убеждала себя, что знает этих женщин.

Шаолу вспомнилась другая искусная целительница из Фенхару. Дорин так в нее влюбился, что собирался бежать вместе с нею. Счастье с любимой было ему дороже королевской власти. Шаол знал, какие ужасы творились в Фенхару, когда они с Дорином были еще мальчишками. Судьба не благоволила к

несчастной Сорше (так звали возлюбленную Дорина) ни в родном Фенхару, ни в Рафтхоле.

Несколько раз Шаолу довелось проехать по опаленным степям Фенхару. Ему встречались сожженные и покинутые дома с развороченными соломенными крышами. Жители их были убиты, порабощены или бежали куда глаза глядят. Подальше от своей истерзанной родины.

Он мял в руках пергамент с именами и все отчетливее понимал: Ириана Торас не вернется.

6

Ириана уже знала его возраст, но никак не ожидала, что бывший капитан выглядит настолько… молодым.

Она вообще старалась о нем не думать, пока не вошла в гостиную и не увидела его привлекательного лица. Открытого, со следами пережитого и смешанным чувством тревоги и надежды.

Из-за его надежды она и потеряла самообладание. Заметив тонкий косой шрам на его щеке, она вдруг захотела добавить второй.

Она вела себя на редкость неподобающим для целительницы образом. Никогда прежде она не была настолько грубой и черствой с пациентами.

К счастью, приход Хасары чуть охладил ее пыл. Но осмотр этого адарланца, размышление о том, как ему помочь…

Естественно, Ириана и не думала писать имена четырех поколений предков своей семьи по женской линии. Особенно имя матери, которое она писала снова и снова, делая вид, будто заносит сведения о пациенте. Это не помогло унять бурю в душе.

Где-то через час вспотевшая, покрытая уличной пылью Ириана добралась до кабинета Хазифы. Путь из дворца по людным узким улочкам, затем подъем по бесконечным ступенькам башни показались ей вечностью.

Начать с того, что она опоздала к назначенному времени. Ириана никогда не позволяла себе опаздывать. Однако ровно в десять часов утра она находилась не в покоях адарланских гостей, а в коридоре, напротив двери. Обхватив лицо ладонями, она дышала ртом, не находя сил постучаться и войти.

Вопреки ее ожиданиям, он оказался вовсе не чудовищем.

Говорил он гладко; скорее как придворный, а не как солдат. Но его тело было телом воина. Ириана врачевала достаточно любимых воинов хагана и знала эту крепость мышц под кожей. Шрамы, покрывавшие смуглую кожу господина Эстфола, весьма

красноречиво рассказывали, ценой каких усилий он превосходно развил свое тело. Даже сейчас силы рук и верхней части туловища ему хватало, чтобы самому перебраться с кресла на кровать.

Что же касается позвоночника…

В кабинете Хазифы Ириана застала всхлипывающую и шмыгающую носом младшую ученицу.

– Мне нужно поговорить, – напряженным тоном произнесла Ириана, сжимая дверную ручку.

– Непременно поговорим, когда освобожусь, – спокойно ответила Хазифа, протягивая плачущей девчонке платок.

Целители-мужчины были редкостью. В основном дар Сильбы доставался женщинам. Ириана прикинула возраст этой плаксы. От силы четырнадцать… Она в ее годы вовсю работала у тетки, делая все, что скажут. Мечтала попасть сюда и никому не плакалась на свою тяжкую участь.

Но не ей судить о чужих горестях. Ириана вышла, тихо закрыла дверь и осталась ждать в узком коридоре, привалившись к стене.

Помимо двери кабинета, здесь были еще две: одна, запертая, вела в личную мастерскую Хазифы, вторая – в ее спальню. Первую дверь украшала резная сова, готовящаяся взмыть в небо. На двери спальни тоже была сова, но сонная. Символ Сильбы. Совы в башне встречались повсюду: в камне и дереве, вырезанные и нарисованные. Порою их находили в самых неожиданных местах: наивных и даже глуповатых, словно когда-то давно некая юная ученица решила пошутить. Но сова на двери личной мастерской верховной целительницы…

Эта сова восседала на скрюченной железной ветке, растянувшейся на всю ширину двери. Крылья птицы были широко разведены, словно она намеревалась взлететь. Однако необычность сове придавала отнюдь не поза. Она казалась живой. Зорко следящей за всеми, кто появлялся в коридоре, а особенно за теми, кто слишком долго смотрел на дверь мастерской. Ключ имелся только у Хазифы. Когда-то она получила его от своей предшественницы. Ученицы шептались, что в мастерской хранятся манускрипты с полузабытыми знаниями и странные, сверхъестественные предметы, которые лучше держать под замком, чем выпустить в мир.

Ириана всегда посмеивалась над их перешептываниями, но молчала о том, что ей, наряду с еще несколькими избранными ученицами, было даровано удовольствие помогать Хазифе в мастерской. Но там, если не считать некоторых старинных инструментов и такой же мебели, не было ничего, о чем болтали

девчонки. Тайны мастерской верховной целительницы уже не один век входили в число любимых легенд Торры, передаваемых от ученицы к ученице.

Ириана обмахивала вспотевшее лицо. После подъема сюда она еще не отдышалась. Прислонившись затылком к прохладному камню стены, она опустила руку в карман и коснулась пергамента. Интересно, заметил ли адарланец, что она часто сует руку в карман и трогает записку незнакомки? Может, подумал, что у нее там спрятано оружие? В наблюдательности ему не откажешь. Он следил за каждым ее движением, подмечал каждый вздох.

Его этому учили. Иначе и быть не могло, если он служил прежнему королю. А теперь и Несарина Фелак – дитя этого континента – служила правителю государства, которое совсем не жаловало чужестранцев.

Ириана не понимала, что связывает Шаола и Несарину. Вряд ли любовь. Скорее, дружба соратников с примесью взаимной симпатии. Насколько сильной?.. Ей-то какое дело? Единственное, адарланцу потребуется не только телесное, но и душевное исцеление. Он не привык говорить о своих чувствах, страхах, надеждах и огорчениях. Ириане это стало понятно с первых же минут.

Наконец дверь кабинета Хазифы открылась, и оттуда вышла ученица – красноносая, с блестящими от слез глазами. Она виновато улыбнулась Ириане.

Ириана ответила девчонке улыбкой, но не устремилась в кабинет. При всей своей занятости, она всегда находила время для таких вот молоденьких учениц. Особенно тех, кто тосковал по дому.

Когда она только появилась в Торре, никто не подсаживался к ней в трапезной и не звал к своему столу.

Ириана и сейчас помнила те одинокие дни. Даже радость от обилия пищи и возможности наесться досыта не скрашивала ее одиночества. Через несколько дней она не выдержала и стала брать еду с собой в библиотеку. Обширная библиотека находилась в подземелье под башней. Ириане приходилось таиться от строгих библиотекарш, запрещавших есть в читальных залах. Ее спутниками были только совы, вырезанные в камне, и юркие бастинские кошки, которые внезапно появлялись, терлись о ее ноги и так же внезапно исчезали.

Потом Ириана втянулась в занятия, перезнакомилась с другими ученицами и как-то незаметно вернулась в трапезную, где теперь встречала много знакомых лиц. Большой зал перестал казаться ей чужим. Ей нравилось, когда ее окликали, она

смеялась чужим шуткам и чувствовала себя все увереннее. А в библиотеку ходила, лишь когда требовалось что-то почитать к занятиям.

Она потрепала девчонку по плечу и шепотом сообщила:

– Утром Повариха пекла миндальное печенье. Я учуяла запах, когда выходила. Попроси у нее от моего имени шесть штук. Четыре возьмешь себе, а два отнесешь ко мне в комнату.

Она весело подмигнула ученице. Девчонка просияла и торопливо закивала. Повариха, пожалуй, стала первой здешней подругой Ирианы. У этой женщины, конечно же, было имя, но ее все звали Поварихой. Заметив, что Ириана ест в одиночестве, Повариха незаметно подкладывала ей дополнительные куски, приносила еду в комнату и даже в ее любимый тайный уголок в библиотеке. В прошлом году Ириана отплатила Поварихе за доброту, вылечив ее внучку от коварной болезни, вгрызавшейся в легкие. Теперь, увидев Ириану, Повариха не могла сдержать слез благодарности, а Ириана взяла за правило раз в месяц навещать и осматривать девочку.

Когда она уедет, нужно будет перепоручить внучку Поварихи заботам другой целительницы. Вырваться из жизни, которую она здесь построила… Это будет непросто и оставит после себя сильное чувство вины.

Продолжая шмыгать носом, ученица понеслась по винтовой лестнице вниз. Ириана проводила ее взглядом, затем поглубже вдохнула и пошла в кабинет Хазифы.

– Ну как, молодой адарланец будет снова ходить? – вместо приветствия спросила верховная целительница, вопросительно изогнув седые брови.

Ириана опустилась на знакомый стул, еще хранивший тепло юной ученицы.

– Будет. Его случай очень похож на то, что я врачевала минувшей зимой. Но без сложностей не обойдется.

– С чем они связаны? С особенностями увечья или с тобой?

– Я вела себя… отвратительно, – покраснев, призналась Ириана.

– Этого следовало ожидать.

Ириана отерла вспотевший лоб:

– Мне даже стыдно тебе рассказывать про свое поведение.

– Тогда не рассказывай. В следующий раз будешь держаться как надо, и мы сочтем урок усвоенным.

Ириана ссутулилась, вытянув саднящие ноги. Половину пола в кабинете Хазифы занимал вытершийся красно-зеленый ковер. Сколько бы служанки ни умоляли ее, верховная целительница отказывалась заменить его новым. Если ковер верно служил пяти

ее предшественницам, послужит и ей.

Ириана уперлась затылком в мягкую спинку стула, глядя на безоблачное небо за окнами кабинета.

– Думаю, я смогу его исцелить, – сказала она не столько Хазифе, сколько себе самой. – Если он будет мне помогать, я поставлю его на ноги в полном смысле слова.

– А он готов тебе помогать?

– Сегодня и он вел себя не лучшим образом. Возможно, у адарланцев это в характере.

– Когда ты снова к нему пойдешь? – усмехнулась Хазифа.

Ириана мешкала с ответом.

– Но ты ведь пойдешь, правда? – напирала верховная целительница.

Ириана царапала ногтями выцветшую обивку подлокотников.

– Мне было тяжело. Тяжело смотреть на него. Слушать его речь и… – Ее рука замерла. – Но ты права. Я обязательно постараюсь. Хотя бы ради того, чтобы Адарлан не занес меня в число своих врагов.

– Думаешь, такое возможно?

– У этого адарланца могущественные друзья, которые могут оказаться злопамятными. И спутница, с которой он прибыл в Антику, – новый капитан королевских гвардейцев. Ее отец родом отсюда, а она служит Адарлану.

– И о чем это тебе говорит?

Хазифа учила ее во всем видеть урок, каждое событие воспринимать как испытание.

– О том… – Ириана шумно выдохнула. – О том, что я знаю меньше, чем предполагала. Но я вовсе не намерена прощать любые их злодеяния.

В жизни ей встречалось немало плохих людей. В Иннише она жила среди них, прислуживала им. Но господин Эстфол к таким не относился. Ириана поняла это интуитивно, заглянув в его карие глаза. Да и его угрюмая спутница не была злодейкой.

А учитывая возраст адарланца… Он был еще мальчишкой, когда прежний король творил те зверства. Конечно, потом, поступив на королевскую службу, Шаол мог внести и свою лепту, причем немалую. От этой мысли все внутри Ирианы переворачивалось, однако…

– Когда я осматривала его спину… Он утверждает, что ему нанесли магический удар.

Ириана вспомнила, как отметина на спине адарланца искривила и оттолкнула поток ее магической силы.

– Неужели?

Ириана вспомнила ощущение, и ее передернуло.

– С таким я еще не сталкивалась. Кажется, будто внутри… что-то гнилое и пустое. И холодом оттуда веет, как в самую длинную зимнюю ночь.

– Придется поверить тебе на слово.

Ириана хмыкнула, оценив шутку. Хазифа никогда не видела снега. В Антике было тепло круглый год. Правда, однажды произошло серьезное похолодание, и утром лимонные деревья и кусты лаванды покрылись сверкающей коркой инея.

– Это было…

Прикоснувшись к тому пятну, Ириана испытала еще одно, не менее странное ощущение: эхо. Казалось, что под пятном скрыта громадная полость. Говорить об этом Хазифе она не стала.

– Словом, с такими магическими ранами я никогда не сталкивалась.

– Это повлияет на исцеление его позвоночника?

– Не знаю. Я пока не прощупывала позвоночник магической силой… Я обязательно сообщу.

– Всегда готова тебе помочь.

– Даже если я прохожу свое последнее испытание?

– Хорошая целительница знает, когда нужно попросить о помощи, – улыбнулась Хазифа.

Ириана рассеянно кивала. А когда она поплывет домой, навстречу войне и кровопролитию, к кому она обратится за помощью?

– Когда ты продолжишь? – спросила Хазифа.

– Завтра. Вечером спущусь в библиотеку. Посмотрю, что́ там есть о повреждениях позвоночника и параличе нижних конечностей.

– Я скажу Поварихе, где тебя искать.

– Ничего-то от тебя не ускользает, – печально улыбнулась Ириана.

Ответный взгляд Хазифы не успокоил ее, а лишь сильнее взбудоражил. Как всегда, верховная целительница знала больше, чем говорила.

Несарина рассчитывала, что дерзкая целительница вернется. Она ждала час-другой. Шаол сидел в гостиной, коротая время за чтением. Поняв бесплодность дальнейших ожиданий, Несарина решила навестить родственников, о чем и сказала Шаолу.

Последний раз она видела своего дядю, его жену и их детей несколько лет назад. Несарина искренне надеялась, что они живут на прежнем месте.

Минувшую ночь она провела почти без сна. Ужасающие новости из Адарлана отбили у нее аппетит и даже прогнали

усталость.

Да и приход целительницы не способствовал успокоению.

Никаких встреч с хаганом или его детьми сегодня не намечалось, а потому Несарина вполне могла распорядиться временем по своему усмотрению.

– Ты же знаешь, я умею себя занимать, – сказал Шаол, откладывая книгу. – Если бы мог, пошел бы вместе с тобой.

– Скоро сможешь, – пообещала ему Несарина.

Целительница не дала им ни крупицы надежды, но чувствовалось: она действительно искусна в своем ремесле.

Если же у этой Ирианы ничего не получится, Несарина найдет другую. Третью. Она была готова сама отправиться к верховной целительнице и просить о помощи.

– Навести своих, – сказал Шаол. Его слова звучали как приказ. – Ты ведь не успокоишься, пока не побываешь у них.

Несарина потерла шею, затем встала с золотистого диванчика и подошла к Шаолу. Его кресло стояло у открытой двери в сад. Несарина наклонилась к нему. Их лица почти соприкасались, чего давно уже не было. Глаза Шаола светились чуть ярче, чем вчера. Наверное, ему стало чуточку лучше.

– Я постараюсь не задерживаться.

– Не торопись. – Он слегка улыбнулся. – Посиди с ними.

Несарина знала: мать и брата Шаол не видел много лет. А отца… Об отце он почему-то вообще не говорил.

– Возможно, мы сумеем ответить на вопрос целительницы, – сказала Несарина.

– На какой? – не сразу понял Шаол.

– О полном удовлетворении, – прошептала она.

Блеск в глазах Шаола погас.

Несарина отпрянула. История повторялась. Шаол остановил ее на корабле, когда она буквально прыгнула на него. А сегодня, увидев его мускулистую спину и такой же мускулистый живот… Несарина была готова умолять целительницу, чтобы та позволила ей провести осмотр.

«Докатилась», – подумала она, хотя никогда не отличалась умением сдерживать всплески страсти. Ее близкие отношения с Шаолом начались летом. Несарина не видела смысла противиться влечению тела. Тогда он интересовал ее лишь в постели. Чувства к Шаолу появились уже потом.

– К обеду вернусь, – тряхнув волосами, сказала Несарина.

Шаол помахал ей рукой и вновь погрузился в чтение.

Они не давали друг другу никаких клятв и обещаний. Выйдя из покоев, Несарина напомнила себе об этом. Шаол не настаивал, не давил, оставляя решение за нею. Но когда стеклянный замок

обрушился и Несарине подумалось, что Шаол погиб, все прежние страхи показались ей ерундой. Никогда еще Несарина не молилась так горячо, как в те минуты. Уцелев сама, она молила, чтобы магическое пламя Аэлины пощадило Шаола.

Волевым усилием Несарина отогнала мысли о минувших днях. Она шла по коридорам дворца. Путь к воротам она помнила, но смутно.

Все ее прежние желания потеряли смысл после вчерашних слов хагана о нападении на Рафтхол. Она покинула близких, чего ни в коем случае нельзя было делать. Кто защитит ее престарелого отца, взбалмошную сестру, племянников и племянниц?

– Капитан Фелак.

Услышав приятный мужской голос, Несарина остановилась. Для нее все еще было непривычно слышать упоминание ее должности. Она достигла перекрестка (их хватало в дворцовых коридорах). Место показалось ей знакомым. Вроде бы вчера они здесь проходили. Если идти прямо, доберешься до главных ворот. Вчера она по привычке пыталась запоминать все входы и выходы, но потом запуталась.

Ее окликнул принц Сартак. Он шел к перекрестку из другого коридора, перпендикулярного этому.

Вчерашнюю роскошную одежду он сменил на облегающие кожаные доспехи с металлическими накладками на запястьях, коленях и лодыжках. Нагрудника не было. Длинные черные волосы он заплел в косу и стянул тонким кожаным ремешком.

Несарина низко поклонилась. Ниже, чем поклонилась бы остальным детям хагана. Но если слухи верны, этот наследник может стать союзником Адарлана.

Если от Адарлана что-нибудь останется и они сумеют туда вернуться.

– Ты куда-то торопилась? – спросил Сартак. – Как понимаю, за пределы дворца.

– У меня в городе родственники. Собралась их навестить, – ответила Несарина и только из вежливости добавила: – Конечно, если у вашего высочества нет никаких дел ко мне.

Принц лукаво улыбнулся. Несарина сообразила, что отвечала ему на его языке. На *их* языке.

– Я собрался полетать на Кадаре. Это моя рукка, – пояснил он, тоже перейдя на родной язык.

– Знаю. Слышала истории про нее.

– Даже в Адарлане? – удивился Сартак.

Воин и обольститель. Опасное сочетание. Хотя никаких упоминаний о жене Сартака она не слышала. И кольца на его

пальце тоже не было.

– Даже в Адарлане, – сказала Несарина, не вдаваясь в подробности.

Жители Рафтхола могли и не знать этих историй, но в ее семье… Сартака называли Крылатым Принцем.

– Тебя проводить? Здешние улицы – настоящий лабиринт. Порою и сам в них плутаю.

Ей делали великодушное предложение. Оказывали честь.

– Не посмею отвлекать вас от полета.

Почему она отказалась? Прежде всего потому, что не умела разговаривать с такими мужчинами, с рождения наделенными властью. Их приучали властвовать. Наверняка Сартак привык находиться среди прекрасных женщин и коварных политиков. Но его руккины происходили из всех слоев здешнего общества. Если верить легендам, там ценилось не происхождение.

– Кадара привыкла ждать, – сказал Сартак. – Я провожу тебя хотя бы до ворот. Там сменился караул. Я им скажу, чтобы запомнили твое лицо и не задерживали, когда будешь возвращаться.

Из-за одежды и волос, наскоро заплетенных в косу, караульные вполне могли ее не впустить. Объясняться с ними, рассказывать, откуда она на самом деле… Она могла попасть в унизительную ситуацию.

– Благодарю, ваше высочество, – ответила она и пошла рядом.

Они молча миновали белые траурные лоскуты, колышущиеся в открытых окнах. Шаол вчера пересказал ей слова Кашана. Принц допускал, что самая младшая из сестер умерла не по своей воле и к ее гибели могут быть причастны лазутчики Перангтона. Неужели и здесь? К тревогам за судьбу близких в Рафтхоле добавилась настороженность. Это заставляло Несарину всматриваться в лицо каждого, кто встречался им по пути к воротам. Каждый темный угол мог таить опасность.

Окна с лоскутами остались позади. Принцу встретились несколько мужчин и женщин в золотистых одеждах. Все низко кланялись Сартаку. Он отвечал легким кивком.

– А визирей действительно тридцать шесть? – полюбопытствовала Несарина.

– Да. Странное это число, – хмыкнул Сартак. Похоже, воин в нем был сильнее принца. – Отец одно время подумывал, не уменьшить ли их число вдвое, но убоялся не столько политических последствий, сколько гнева богов.

Слушать слова родного языка и говорить на нем было для Несарины как глоток прохладного осеннего воздуха. Никто не оборачивался и не глазел на нее. Это чувство посещало ее всякий

раз, когда она попадала в Антику.

– Господин Эстфол уже встречался с целительницей?

Несарина решила, что ничем не повредит Шаолу, если скажет правду.

– Да. Утром к нему приходила Ириана Торас.

– А-а, знаменитая Золотая Дева.

– Что вы сказали?

– Согласись, она – яркая женщина.

– Смотрю, вы ее обожаете, – сказала Несарина, позволив себе слегка улыбнуться.

– Я бы не посмел, – усмехнулся Сартак. – Моему братцу Кашану это не понравилось бы.

– Так у них отношения?

Хасара недвусмысленно намекала на это.

– Они друзья. Или были друзьями. В последние месяцы они почти не разговаривают. Откуда мне знать, что́ у них там произошло? Да и я, рассказывая тебе такие вещи, уподобляюсь придворным сплетникам.

– Это не сплетни. Полезно знать о той, кто взялась помогать господину Эстфолу.

– А как она оценила состояние господина Эстфола? Обнадежила?

– Ириана не спешит высказывать свои соображения, – пожала плечами Несарина.

– Так поступают многие целительницы. Они не любят обнадеживать, чтобы потом, в случае чего, не отнимать надежду. – Сартак перекинул косичку через плечо. – Но не далее как минувшей зимой Ириана исцелила одного из конников Кашана после схожего увечья. Падения нередки и у кавалеристов, и у руккинов. У целителей Торры достаточно опыта.

Несарина не позволила себе ухватиться за вспыхнувшую надежду. Они достигли главного двора, по другую сторону которого была стена и ворота.

– Позвольте спросить, принц: и давно вы летаете на своей рукке?

– Я думал, ты слышала и эти истории, – пошутил Сартак.

– Только домыслы. Мне хочется услышать правду.

Темные глаза Сартака вперились в нее. Не хотелось бы ей часто оказываться под его пристальным взглядом. Не из страха… уж слишком будоражащим был этот взгляд, целеустремленным. Так смотрят орлы и, наверное, рукки. Не мигая, пронизывая насквозь.

– Мне было двенадцать, когда отец повез нас в горы, где находился отряд руккинов. Улучив момент, я взобрался на

командирского рукка, взмыл в небеса и потребовал, чтобы остальные меня догоняли. Отец в ответ крикнул: если я свалюсь и размозжу себе голову о камни, смерть будет мне расплатой за глупость. Но я не свалился. Тогда в наказание отец оставил меня жить среди руккинов. Быть может, со временем я наберусь ума. Он рассчитывал, что на это у меня уйдет целая жизнь.

Несарина негромко рассмеялась. Они вышли во двор, и она зажмурилась от слепящего солнца. Резные арки и колонны украшали изображение растений и животных. За спиной поднималась громада дворца, напоминающая сказочное морское чудовище.

– Отец думал меня наказать, а сделал мне настоящий подарок. Мне понравилось летать, понравилась жизнь руккинов. Не думай, будто там передо мной пресмыкались, как во дворце. Совсем наоборот! Но я довольно скоро доказал им, что происхождение не мешает мне быть воином. Кадара появилась на свет, когда мне было пятнадцать. Я вырастил ее сам и с тех пор летаю только на ней.

В черных глазах Сартака светилась неподдельная гордость за его рукку. Чувствовалось, он нежно любит крылатую подругу.

И тем не менее Несарине и Шаолу придется просить, возможно, умолять его отправиться вместе с этой чудесной Кадарой на страшную войну и сражаться против драконов. Те превосходили рукков весом и свирепой силой, не говоря уже о ядовитых шипах на хвосте. Несарину замутило.

Они подошли к высоченным бронзовым воротам. Сейчас была открыта лишь небольшая дверь в левой створке, через которую входили и выходили слуги. Несарина остановилась. Сартак представил ее вооруженным до зубов караульным, приказав им беспрепятственно выпускать и впускать ее. Солнце играло на эфесах тяжелых мечей за спинами караульных. Каждый поклонился Несарине, приложив кулак к сердцу.

Вчера Шаол даже не взглянул на здешнюю стражу: ни в гавани, ни во дворце.

Сартак вывел ее через дверь. Вчера ворота были открыты, и она не заметила внушительной толщины их створок. Принц и Несарина очутились посреди мостовой, вплетавшейся в лабиринт городских улиц. На другой стороне стояли красивые дома, возле которых прохаживались стражники. Здесь жили очень богатые люди, гордящиеся тем, что обитают в тени дворца. Между тем улицу заполняли прохожие всех сословий. Кто торопился по делам, кто неспешно брел куда глаза глядят. Попадались и путники из других мест, поднявшиеся сюда посмотреть на дворец вблизи. Заметив приоткрытую дверь, они вытягивали шеи,

пытаясь увидеть уголок двора. Принца никто не узнавал, но Несарина знала: стража у ворот и на улице зорко следила за каждым жестом и словом прохожих.

Несарина мельком взглянула на принца. Конечно же, и он знал о бдительности караульных, хотя толпа вокруг видела в нем обычного человека. После тишины дворцовых коридоров весь этот шум и гам действовали раздражающе. И тише не будет, а до дядиного дома ей идти не меньше часа. Пешком она доберется быстрее, чем верхом, а карета бы вообще ползла еле-еле.

– Ты уверена, что обойдешься без провожатого?

Сартак поглядывал на нее, не торопясь уходить.

– Я вполне дойду сама, но я благодарю вас, принц, за оказанную честь.

Еще один взгляд – теперь в пространство улицы. Воинская привычка оценивать обстановку. И никакого страха перед толпой.

– Если у тебя будет время и желание, очень советую полетать на рукке. В небесах – простор. А как легко дышится! Не то что здешняя пыль.

Простор и никаких посторонних ушей, способных подслушать их разговор.

– Я бы с удовольствием, – ответила Несарина и снова поклонилась.

Она чувствовала: принц продолжает смотреть ей вслед. Несарина шла по залитой солнцем улице, лавируя между прохожими и огибая повозки с ворчливыми кучерами. Обернуться она не решалась. Почему – и сама не знала.

7

Несарина ушла более часа назад. Что ж, теперь можно звать Каджу. Шаол отложил книгу и крикнул служанку. Она ждала в коридоре, напротив двери покоев, и сразу же проскользнула внутрь. Шаол слышал ее быстрые легкие шаги. Войдя, Каджа замерла, опустив глаза и ожидая приказаний.

– Хочу попросить тебя об одном одолжении.

Он говорил медленно, тщательно выговаривая каждое слово и мысленно ругая себя за упущенную возможность. Когда Дорин изучал халхийский язык, Шаол не стал заниматься вместе с принцем. Тогда язык далекого континента казался ему совершенно ненужным.

Каджа ответила легким кивком.

– Сходи в гавань. Узнай, не появились ли новые сведения о нападении на Рафтхол.

Служанка вчера была в тронном зале и, конечно же, слышала об атаке на адарланскую столицу. Поначалу Шаол хотел попросить об этом Несарину, поскольку она все равно собиралась в город. Но если вести тяжелые и печальные… Он представил, как потом она будет возвращаться, в одиночку неся этот страшный груз.

– Ты справишься с моим поручением?

Каджа подняла глаза, но не голову.

– Да, – только и ответила она.

Вряд ли Каджа пойдет с донесением к детям хагана или кому-то из визирей. И потом, его интересовали сведения о родной стране. Его положению это никак не повредит. А если тревогу о судьбе родины во дворце сочтут проявлением слабости или глупости, плевать ему на их мнения.

– Вот и прекрасно, – сказал Шаол. Он развернул кресло, стараясь не хмуриться из-за скрипа колес и собственной беспомощности. – А перед уходом выполни другую мою просьбу.

Если Несарина отправилась навестить родных, это не означало, что Шаол должен бездельничать. Найдутся дела, которыми можно заняться даже в его состоянии. Так он думал, пока Каджа не прикатила его кресло в покои Аргуна. Оказавшись там, он задумался о разумности своего поступка. Не стоило ли дождаться возвращения Несарины?

Приемная старшего сына хагана была такого же размера, как все комнаты их покоев сразу. Дальний конец этого протяженного

овального зала выходил во внутренний двор, где журчал фонтан и несли караул два белых павлина. Птицы важно прохаживались взад-вперед. Их белые перья слегка шуршали по плитам двора, а маленькие короны на головах вздрагивали при каждом шаге.

– Чудесные создания, правда?

Двойные двери слева бесшумно распахнулись. Узколицый принц с холодными глазами смотрел на птиц, а не на гостя, без приглашения явившегося в его покои.

– Потрясающие, – согласился Шаол.

Его бесила необходимость наклонять голову, чтобы видеть глаза собеседника. Стой он сейчас в полный рост, оказался бы на целых пол-локтя выше Аргуна. Порою это давало свои преимущества. Стой он сейчас на ногах, преимуществ было бы больше.

Шаол прогнал досадные мысли.

– Моя любимая пара, – пояснил Аргун. Он бегло говорил на адарланском. – Мой загородный дом полон их потомства.

Шаол подыскивал ответ. Дорин или Аэлина быстро бы нашли нужные слова. Ему же лезла в голову разная чепуха: пустые, неискренние фразы.

– Не сомневаюсь, что это редкое зрелище, – только и мог сказать он.

Губы Аргуна изогнулись в улыбке.

– Конечно, если не обращать внимания на их пронзительные крики, когда начинается пора ухаживания.

Шаол стиснул зубы. Его соотечественники умирали в Рафтхоле; возможно, там вообще не осталось живых, а он вынужден поддерживать дурацкие разговоры о брачных воплях павлинов. Неужели за этим он отправился к Аргуну?

Он не знал, поддерживать ли эту пустую болтовню или все же перейти к делу. Аргун сам пришел ему на помощь:

– Сдается мне, ты явился сюда спросить, что́ еще я знаю о твоем городе.

Холодный взгляд принца переместился на Шаола. Шаол выдержал этот взгляд. Такие поединки он мог вести и в кресле. У него имелся достаточный опыт общения с дерзкими гвардейцами и спесивыми придворными.

– Вы снабжаете сведениями своего отца. Я хочу знать: кто сообщил вам подробности нападения на Рафтхол? – спросил Шаол, интуитивно чувствуя, что Аргуну тыкать нельзя.

В темно-карих глазах Аргуна вспыхнуло изумление.

– А ты прямолинеен и напорист, господин Эстфол.

– Моя родина истекает кровью. Гибнут ни в чем не повинные люди. Естественно, что я стремлюсь узнать как можно больше.

– Ну что ж. – Аргун ногтем сковырнул соринку, приставшую к золотой вышивке на его изумрудном балахоне. – Честности ради я не скажу тебе ничего.

Шаол удивленно моргнул.

– В этом дворце, господин Эстфол, – Аргун указал на внешние двери, – слишком много пристально следящих глаз. Увидев меня говорящим с тобой, они поспешат сообщить о нашей встрече. Как это отзовется на мне, я не знаю. Даже если мы будем говорить исключительно о павлинах, об этом все равно донесут. Я признателен тебе за визит, однако прошу покинуть мои покои.

Слуги возле дверей шагнули вперед – вероятно, чтобы увезти Шаола отсюда.

Видя, как один протянул руки к спинке кресла, Шаол оскалил зубы:

– Не смей.

Слуга замер. Возможно, он и не знал адарланского, однако гримаса на лице Шаола была весьма красноречивой.

– Вы всерьез хотите играть в эту игру? – спросил Шаол, оборачиваясь к принцу.

– Это не игра, – ответил Аргун, возвращаясь в кабинет, откуда ранее вышел. – Сведения точны. Мои шпионы не выдумывают истории от нечего делать. Всего хорошего, господин Эстфол.

Двойные двери, украшенные изысканной резьбой, плотно закрылись.

Шаолу хотелось подъехать к этим дверям и колотить по ним, пока Аргун не заговорит. А еще лучше – двинуть кулаком прямо по его самодовольной физиономии. Но двое слуг следили за каждым его жестом. И ждали.

Шаол пересмотрел достаточно придворных и научился распознавать ложь, даже если этот опыт так сильно его подвел в последние месяцы. С Аэлиной. С другими. Со… всем.

Но Аргун не лгал. От кого бы принц ни добыл эти сведения, они были точны.

Рафтхол опустошен нападением ведьм. Дорин исчез. Судьба жителей столицы и королевства неизвестна.

Он больше не противился, когда слуга подошел и развернул его кресло, чтобы отвезти назад. И эта покорность почему-то злила Шаола даже сильнее, чем разговор с Аргуном.

Несарина не вернулась к обеду.

Нельзя, чтобы хаган, его дети и тридцать шесть визирей с хищными глазами заметили хотя бы тень беспокойства на лице Шаола. А тревога в его душе с каждой минутой усиливалась. Несарина отсутствовала уже несколько часов, не подавая о себе

вестей.

За час до обеда вернулась Каджа. Она держалась с подчеркнутым спокойствием. Лицо служанки сказало Шаолу все. Она не сумела узнать ничего нового о нападении на Рафтхол. Каджа лишь подтвердила то, о чем говорил Аргун. Торговцы и капитаны кораблей не называли источники сведений, ограничиваясь фразами: «Слышали от надежных людей». Кто-то из таких людей проплывал мимо Рафтхола, а кто-то едва сумел унести оттуда ноги. Нападение подтверждали все. О числе погибших и состоянии города – ни слова. Говорили о полном прекращении торговли с Рафтхолом и землями к северу от адарланской столицы. О судьбе Дорина – вообще молчок.

Конечно, это добавило Шаолу тягостных мыслей, но выказывать их он не имел права. Каджа взялась одевать его к обеду. Мысли о Рафтхоле опять сменились тревогой за Несарину. Шаол ждал до последнего, а потом велел Кадже везти его в трапезный зал хагана. По пути он тешил себя еще одной надеждой: быть может, Несарина вернулась и, не заходя в их покои, отправилась прямо на обед. Надежда рухнула, едва служанка вкатила его кресло в трапезный зал. Несарины здесь не было. Теперь Шаолу стоило изрядных усилий сохранять внешнее спокойствие.

С Несариной могло случиться что угодно. Именно так, особенно если подозрения Кашана о причинах смерти Тумелуны верны. Если посланцы Мората уже проникли в Антику, довольно скоро они узнают о приезде Шаола и Несарины и начнут охоту за ними.

Думать об этом ему нужно было днем, до ее ухода. Оттеснить свои заботы и подумать, чем Несарине может грозить этот поход к родственникам. Но если отправить солдат на поиски, потенциальные враги сразу узнают его уязвимые места, а потом ударят.

Шаол с усилием заставлял себя глотать пищу и с еще бóльшим усилием поддерживал разговор с соседями по столу. Справа от него сидела беременная Дува и беззаботно щебетала, расспрашивая о предпочтениях адарланцев по части музыки и танцев. Аргун, сидевший слева, делал вид, будто их встречи не было, и донимал Шаола расспросами о торговых путях – старых и предлагаемых новым королем. Шаол отвечал уклончиво. Принц улыбался, словно понимал, что адарланскому гостю не до того.

Несарина не появлялась.

Зато на обед пришла Ириана.

Она подошла где-то в середине трапезы. Платье цвета аметиста было чуть изящнее голубого, но такого же

незатейливого покроя. Оно прекрасно оттеняло блеск ее золотисто-коричневой кожи. Хасара и возлюбленная принцессы поднялись, шумно приветствуя целительницу. Они пожимали Ириане руки, целовали в щеки. Потом принцесса довольно грубо прогнала визиря, сидевшего слева, и усадила на его место Ириану.

Ириана поклонилась хагану. Тот мельком взглянул на нее и махнул рукой. Следующий поклон предназначался наследникам. Аргун вообще не обратил на нее внимания. Дува засияла от радости, а ее муж приветствовал целительницу сдержанной улыбкой. Только Сартак наградил Ириану легким кивком. Кашан улыбнулся одними губами.

Однако взгляд Кашана потом сопровождал Ириану, пока та усаживалась рядом с Хасарой. Шаол вспомнил, как утром принцесса поддразнивала целительницу.

Но Ириана не удостоила принца улыбкой. Лишь сдержанно кивнула и села на отвоеванный Хасарой стул. Принцесса и Рения тут же втянули ее в разговор. Возлюбленная принцессы наполнила тарелку Ирианы сочными кусками мяса, сокрушаясь по поводу усталости, бледности и худобы целительницы. Ириана смущенно улыбалась и благодарно кивала. Туда, где сидели Кашан и Шаол, она старалась не смотреть.

– Господин Эстфол, я слышал, твоим лечением назначили заниматься Ириану, – по-адарлански произнес голос справа.

Шаола ничуть не удивило, что Кашан подался вперед и чуть ли не перегнулся через стол. И слабо замаскированное предупреждение, сквозящее во взгляде принца, его тоже не удивило. «Здесь занято». Такое Шаол видел достаточно часто.

Мнение самой Ирианы не имело для Кашана никакого значения.

Однако ее подчеркнутое равнодушие к знакам внимания принца говорило о независимости характера. Вот только почему она так поступает? Из всех сыновей хагана Кашан был самым привлекательным. Помнится, в замке женщины лезли из кожи вон, добиваясь внимания Дорина. И самодовольный взгляд, брошенный принцем на Шаола, он часто видел у Дорина на лице.

Давно это было. Можно сказать, в другой жизни. До появления Аэлины, каменного ошейника и всего остального.

Караульные, расставленные по всему залу, вдруг показались Шаолу очень высокими. Словно столбы пламени, они притягивали его взгляд. Шаол и здесь удержался, не посмотрев даже на ближайшего, локтях в двадцати. Уж слишком это напоминало другой зал и другого короля, за чьей спиной ему не раз приходилось стоять.

– Да, назначили, – запоздало произнес Шаол.

– Ириана – самая искусная наша целительница, не считая верховной, – продолжал Кашан, поглядывая на нее.

Ириана, конечно же, слышала его слова, однако всем видом своим показывала, что поглощена разговором с Ренией.

– Так мне говорили, – ответил Шаол, мысленно прибавив: «И еще самая острая на язык».

– Когда в Торре проверяют, чему научились целительницы, поблажек не делают никому. Ириана получила самые высокие оценки, – продолжал петь дифирамбы Кашан.

Ириана и ухом не повела, и на лице принца мелькнула досада. Чувствовалось, его самолюбие уязвлено.

– Столько усилий, и все напрасно, – пробормотал Аргун.

Слова были обращены к Сартаку, но их слышали Дува, ее муж и Шаол. Аргуну пришлось еще и нагнуться, помешав Дуве донести очередной кусок до рта. За это сестра хлопнула его по руке.

Кашан либо не слышал язвительных слов старшего брата, либо не подал вида. Сартак, надо отдать ему должное, тоже не обратил на них внимания, разговаривая со своим соседом-визирем в золотистой одежде.

– Столь высокие оценки тем более впечатляют, что обучение Ирианы длилось немногим более двух лет, – продолжал Кашан.

Еще одна полезная крупица сведений. Значит, Ириана появилась здесь два с небольшим года назад.

Шаол вдруг заметил, что Ириана наблюдает за ним из-под опущенных ресниц. Она… его предупреждала: ни в коем случае не втягивать ее в этот разговор.

А так ли уж бескорыстно ее предупреждение? Может, берет реванш за его утренние колкости? Или…

Она взялась ему помочь. Или, по крайней мере, раздумывала, как это сделать. Глупо отталкивать ее от себя.

– Я слышал, в Антике ты бываешь наездами, а основное время проводишь в Бальруне, командуя наземными войсками.

– Совершенно верно, – горделиво выпрямился Кашан. – Там я провожу бóльшую часть года. Слежу за обучением наших солдат. И постоянно езжу в степи. К конникам, откуда произошел наш род.

– Хвала богам, – пробормотала Хасара.

Сартак недовольно посмотрел на сестру. Хасара лишь выпучила глаза и что-то шепнула Рении на ухо. Та засмеялась мелодичным серебристым смехом.

Ириана продолжала наблюдать за Шаолом. На ее лице ясно читалось раздражение, словно само присутствие Шаола портило

ей обед. Кашан пустился рассказывать, из чего состоит его жизнь в Бальруне и насколько легче ему дышится в степях, среди лошадей и ветра.

Воспользовавшись паузой – Кашану понадобилось промочить горло, – Шаол наградил Ириану таким же недовольным взглядом, а потом стал расспрашивать принца о его военной жизни. Кашан ненароком мог выдать ценные сведения об их армии.

Аргун тоже это понял и оборвал брата на полуслове. Кашан увлеченно рассказывал о кузницах, построенных где-то на севере континента.

– Брат, давай хотя бы за столом не говорить о делах.

И Кашан, дисциплинированный солдат, послушно закрыл рот.

Неожиданно для себя и довольно быстро Шаол понял: Кашан не входит в число претендентов на трон. Иначе он бы не стал подчиняться приказу брата, словно рядовой. Но честности у принца не отнимешь. Шаол подумал, что скорее предпочел бы видеть хаганом его, нежели язвительного, замкнутого Аргуна или хищную Хасару.

Может, потому Ириана так стремилась держаться от Кашана подальше? В какой-то мере да, однако единственной причиной это быть не может. Впрочем, какое Шаолу до всего до этого дело? Его должно занимать собственное здоровье, а не симпатии целительницы. Ну вот, опять смотрит на него, поджав губы. Чем же я тебе не угодил, госпожа целительница?

Шаолу вдруг захотелось спросить ее напрямую: означает ли такое поведение отказ Ирианы заниматься его увечьем? Но если Кашан к ней неравнодушен, такой выплеск повредит не только целительнице. Как бы то ни было, Шаол здесь в гостях.

За спиной послышались шаги. Шаол обернулся. Муж одной женщины-визиря подошел к жене, шепнул что-то на ухо и тут же исчез.

Несарина не возвращалась.

Слуги уносили грязные тарелки. Очередная перемена блюд. Судя по вчерашнему обеду, такие пиршества могут затягиваться до ночи. До подачи десерта было еще далеко.

Шаол снова взглянул на двери, старательно избегая смотреть на караульных. Ну где, где сейчас она?

Повернувшись к столу, Шаол обнаружил, что Ириана наблюдает за ним. В ее золотистых глазах по-прежнему читалась настороженность и недовольство, однако он уловил предостережение.

Целительница знала, кого он ищет и чье отсутствие не дает ему покоя.

Ириана едва заметно покачала головой. «Не раскрывайся перед ними, – пыталась сказать она. – Не проси искать твою подругу».

Он и сам это понимал и тем не менее, сухо кивнув Ириане, продолжал смотреть в сторону дверей.

Кашан не оставлял попыток вовлечь Ириану в разговор, но получал вежливые односложные ответы.

Возможно, утренняя неприязнь целительницы к Шаолу объяснялась всего-навсего особенностью ее характера, а не ненавистью к адарланским захватчикам. Или же она вообще ненавидела мужчин. Достаточно вспомнить тот косой тонкий шрам на ее шее.

Шаол сумел продержаться до подачи десерта. Потом, сославшись на усталость, попросил разрешения вернуться к себе. Каджа уже находилась в зале – стояла вместе с другими слугами возле колонн. Она молча развернула кресло и покатила к выходу. Шаол скрипел зубами, слушая ненавистный грохот колес.

Ириана не попрощалась с ним и ничего не сказала о завтрашнем дне. Даже не взглянула в его сторону.

Спальня Несарины была пуста. От тревоги Шаола уже мутило. Если обратиться за помощью в поисках… Нет. Слишком многое тогда обнажится: его страх, их близкие отношения. И нельзя забывать о потенциальных врагах, которым такие сведения будут только на руку…

И потому Шаол ждал. Он слушал журчание садового фонтана, трели соловья на ветке фигового дерева. В гостиной равнодушно тикали часы.

Одиннадцать часов. Полночь. Шаол велел Кадже отправляться спать, сказав, что сам разденется и ляжет. Служанка никуда не пошла, а села на пол в углу коридорчика и тоже стала ждать.

Около часа ночи дверь в покои открылась. Вошла Несарина. Шаол знал звук ее шагов. Увидев, что в гостиной горят свечи, она проследовала туда.

На ней не было ни царапинки. Шаол сразу заметил раскрасневшиеся щеки. Глаза Несарины ярко блестели – теперь у нее был совсем не тот взгляд, что утром, такой потухший.

– Извини, я пропустила обед, – только и сказала она.

– А ты хоть представляешь, как я переволновался? – прорычал Шаол.

Она остановилась, дерзко качнув волосами:

– Я не знала, что должна извещать о каждом своем шаге. Помнится, ты даже приказывал мне отправиться в гости к родственникам.

– Ты ушла в чужой город и не вернулась к назначенному времени.

– Это не чужой город. Во всяком случае, для меня.

Шаол остервенело хлопнул ладонью по подлокотнику кресла:

– Три недели назад здесь убили младшую дочь хагана. Принцессу. Во дворце ее отца – самом охраняемом месте их могущественной империи.

– Еще неизвестно, было ли это убийством, – возразила Несарина. – Так считает только Кашан.

Шаол понимал бессмысленность их спора. Он вдруг вспомнил, что тревожные мысли о Несарине напрочь помешали ему наблюдать за собравшимися на обеде. А вдруг где-то рядом находились лазутчики Мората, управляемые валгами?

– Я ведь даже не мог попросить, чтобы тебя искали, – почти прошептал Шаол. – Я не смел им сообщить о твоем исчезновении.

Несарина моргала. Шаол знал это ее состояние – признак того, что она начинает понимать допущенные ошибки.

– Если хочешь знать, все прошло прекрасно. Родственники были безумно рады меня видеть. Вчера они получили короткое письмо от моего отца. Он писал, что вся наша семья уехала из Рафтхола… Теперь они могут быть где угодно, – вздохнула Несарина, расстегивая блузу.

– Рад слышать, – процедил сквозь зубы Шаол.

Не далее как завтра ее прежние страхи сменятся новыми и точно так же будут вгрызаться в разум и сердце. На момент написания письма ее близкие были живы, только и всего. А дальше…

– Мы приехали сюда с определенной целью и действуем не каждый порознь, – сказал он, стараясь говорить как можно спокойнее. – Я должен знать, где ты находишься. И о перемене твоих планов тоже.

– Я же не болталась по улицам. Я была в доме родного дяди. Меня угостили обедом. Я забыла о времени. Они вообще просили меня остаться ночевать.

– Это не освобождает тебя от необходимости сообщить о себе. Особенно после всех ужасов, через которые мы прошли.

– Мне нечего бояться в Антике. Здесь родина моего отца.

Сказано было с достаточной долей желчи. Получается, в Рафтхоле она боялась постоянно.

Да, у Несарины были основания ненавидеть Рафтхол. Но того Рафтхола больше нет.

– А разве не за это мы сражаемся? – спросил Шаол. – За жизнь, похожую на здешнюю?

– Да, – тихо ответила Несарина.

«Опять захлопнулась», – подумал Шаол.

Она сняла блузу, перекинув через плечо:

– Пойду спать. Пока.

Несарина не стала ждать его пожеланий спокойной ночи и ушла к себе. Еще какое-то время Шаол сидел в гостиной, надеясь, что она все-таки выйдет. Потом позвал зевающую Каджу. Служанка повезла его в спальню, переодела, помогла улечься, после чего задула свечи и неслышно выскользнула. Шаол и сейчас еще ждал, что дверь откроется.

Но Несарина не появлялась. Пойти к ней он тоже не мог. Придется вытаскивать бедную Каджу, которая и так спала вполглаза.

Засыпая, он все еще ждал.

8

На следующее утро Ириана решила прийти вовремя. Она не стала уведомлять о своем приходе, считая, что господин Эстфол и новый капитан королевской гвардии будут ждать ее к десяти. Впрочем, судя по сердитым взглядам, какие Шаол вчера бросал на нее в обеденном зале, его грызли сомнения, придет ли она вообще.

Пусть думает что угодно.

А может, прийти в одиннадцать? Тем более что обедом вчера дело не ограничилось. Хасара и Рения захотели «выпить по-настоящему» и потащили ее с собой. Правильнее сказать, пили только они. Ириана лишь поддерживала компанию, пригубляя из своего бокала. К себе в Торру она вернулась почти в два часа ночи. Хасара великодушно предлагала ей переночевать во дворце. Нет уж. Достаточно, что в Розовом саду (так называлась эта часть Антики), в приятном тихом заведении, они едва не столкнулись с Кашаном. А во дворце вероятность такого столкновения была намного выше. Рисковать Ириане не хотелось.

Конечно, со временем дети хагана покинут дворец и вернутся к своим обязанностям, но вряд ли это случится в ближайшие дни. Смерть Тумелуны задержала их дольше обычного. Хасара вообще отказывалась говорить об этом, словно у нее никогда не было младшей сестры. Ириана плохо знала юную принцессу. Бóльшую часть времени Тумелуна проводила с Кашаном в дарганцких степях и тамошних укрепленных городах. Когда Дува и ее муж обнаружили бездыханную Тумелуну и Хазифа, внимательно осмотрев тело, подтвердила, что принцесса действительно прыгнула с балкона, Ириане захотелось разыскать Кашана.

Выразить соболезнования и просто узнать, как он справляется с потерей.

Ириана успела изучить характер принца. Внешне Кашан оставался таким же невозмутимым. Как и прежде, мир видел дисциплинированного солдата, безоговорочно выполняющего каждый приказ отца. Бесстрашного командира наземных войск хагана. Но под улыбкой скрывались бурные воды горя и скорби. Кашан наверняка изводил себя мыслями о том, как можно было бы предотвратить эту беду.

Отношения между Ирианой и принцем испортились вконец, однако Кашан и сейчас для нее что-то значил. И все же Ириана не делала шагов ему навстречу. Не хотела открывать дверь, которую месяцами пыталась закрыть.

Она ненавидела себя за это и хотя бы раз в день вспоминала о Кашане. Особенно после появления в городе и во дворце белых траурных полос. На вчерашнем обеде ей было невыразимо стыдно за подчеркнутое безразличие к Кашану. Его хвалебные слова вызывали у нее душевную боль – ведь принц до сих пор говорил о ней с гордостью.

Дура. Эреция не раз клеймила ее этим словом. Как-то, когда они работали вдвоем над тяжелым больным и скрашивали долгие часы разговорами, Ириана рассказала ей про случившееся прошлой зимой. Ириана не пыталась возражать, но у нее были иные жизненные замыслы. Мечты, от которых она не могла и не хотела отказываться. Нужно просто набраться терпения. Когда Кашан и остальные дети хагана вернутся к своим обязанностям, она вздохнет с облегчением.

Только бы не пришлось слишком долго возиться с этим господином Эстфолом. Он жаждет поскорее вернуться в его проклятый Адарлан и слишком сильно уповает на ее помощь.

Чувствуя, что хмурится, Ириана придала лицу бесстрастное выражение и постучала в дверь покоев Шаола. Миловидная служанка мигом открыла, словно дожидалась ее прихода.

При обилии дворцовой прислуги Ириана лишь немногих знала по именам. Эту она уже видела и мысленно отметила ее красоту. Кивнув служанке, Ириана вошла.

Слугам платили высокое жалованье. С ними хорошо обращались. Неудивительно, что служить во дворце было мечтою очень и очень многих, порождая ожесточенное соперничество. К тому же на освободившиеся места слуги старались устроить своих детей и ближайших родственников. Хаган и придворные относились к слугам как к полноценным личностям, имеющим права и защищенным законами.

Такое было просто немыслимо в Адарланской империи, где

столько людей жили и умирали в кандалах. Особенно в каторжных поселениях Калакуллы и Эндовьера, где узники забывали о солнце и свежем воздухе и уже не надеялись когда-либо снова увидеть родных.

Сведения о массовых бойнях, происходивших минувшей весной, достигли и Южного континента. Восстания каторжников были жестоко подавлены. Едва Ириана вспомнила об этом, маска бесстрастия разлетелась в клочья. Но она уже переступила порог роскошно убранной гостиной. Какие бы дела ни связывали хагана с адарланцами, его гостеприимство проявлялось щедро.

Господин Эстфол и его спутница сидели на тех же местах, что и вчера. Вид у обоих был хмурый. Они даже не смотрели друг на друга. Что ж, по крайней мере, сегодня они не пытались играть в любезность.

Шаол уже смерил взглядом Ириану и, конечно же, отметил, что она пришла в том же платье и тех же туфлях.

Гардероб Ирианы состоял из четырех платьев, и аметистовое, надетое вчера для обеда, было самым лучшим. Хасара постоянно обещала добавить к ним что-нибудь поизысканнее, но на следующий день забывала. Да Ириана и не жаждала новых нарядов. Такие подарки обязывали бы чаще появляться во дворце и… Порою, ночами, она остро чувствовала свое одиночество и спрашивала себя: ну почему она ведет себя как упрямая дура? Почему отталкивает Кашана? Сотни и тысячи ее сверстниц по всему миру пошли бы на что угодно, только бы добиться приглашения во дворец. Но она не собиралась задерживаться в Антике. Незачем усложнять себе жизнь.

– Доброе утро, – поздоровалась с нею Несарина Фелак.

Сегодня она выглядела спокойнее и сосредоточеннее. Вот только это непонятное напряжение между нею и господином Эстфолом.

Пусть сами разбираются. Главное, чтобы их ссоры не мешали лечению.

– Я говорила с верховной целительницей.

Вранье, хотя сам разговор с Хазифой действительно был.

– И что? – спросила Несарина.

Адарланец молчал. Под карими глазами темнели круги. Ириане показалось, что и лицо у него бледнее, чем вчера. Если его и удивило ее возвращение, внешне это никак не выражалось.

Ириана откинула волосы, закрепила их деревянным гребешком. Так ей удобнее было работать.

– Могу сказать, господин Эстфол: я постараюсь вернуть тебе способность ходить.

Глаза Шаола не вспыхнули внезапной радостью. В них даже

ничего не мелькнуло. Несарина судорожно выдохнула и откинулась на мягкие подушки золотистого диванчика.

– Какова вероятность успеха? – спросила она.

– Мне доводилось врачевать поврежденный позвоночник. Правда, то был всадник, неудачно упавший с лошади. А у господина Эстфола – последствия раны, да еще с применением магии. Я сделаю все, что в моих силах, однако никаких гарантий давать не буду.

Шаол встретил эти слова молча, сдвинувшись к правому краю кресла. Только и всего.

«Скажи хоть что-нибудь», – мысленно потребовала Ириана, встретившись с его холодным усталым взглядом.

Его глаза опустились к ее шее, к шраму. В прошлом году Эреция предлагала убрать этот шрам, но Ириана отказалась.

– И ты будешь трудиться над ним ежедневно, по нескольку часов?

Несарина спрашивала спокойно, даже буднично, однако… Чувствовалось, новый капитан не привыкла находиться в клетке. Даже в золоченой, вроде этой гостиной.

– Да, капитан, – ответила Ириана, обернувшись через плечо. – Поэтому, если у тебя есть какие-то дела и задания, лучше займись ими. Если понадобишься, я сообщу.

– Тебе же придется перемещать Шаола. Переворачивать то на спину, то на живот. Разве моя помощь не нужна?

Глаза адарланца вдруг вспыхнули.

Ириана была бы не прочь скормить и его, и Несарину руккам, однако от нее не укрылась и вспышка ненависти в душе Шаола, и его ненависть к себе.

– Я привыкла переворачивать и двигать пациентов, но уверена, что господин Шаол и сам способен перемещаться. Вчера он это доказал.

Настороженная благодарность – так расценила Ириана выражение его лица.

– И не надо задавать вопросы вместо меня, – бросил он Несарине. – Язык, хвала богам, у меня не отнялся.

Чувствовалось, Несарина сообразила, что зашла слишком далеко, хотя слова Шаола ее задели. Она лишь кивнула, закусив губу, затем почти шепотом сообщила:

– Вчера я получила несколько приглашений. Неловко обижать людей.

Судя по глазам, адарланец понял, о чем речь.

«В сообразительности этой Несарине не откажешь, – подумала Ириана. – Незачем открыто сообщать о своих делах».

– Только в этот раз дай знать, – хмуро кивнув, сказал Шаол.

Ириана вспомнила его вчерашнее беспокойство за обедом. Своим отсутствием капитан испортила ему весь вечер. Этот человек не привык выпускать подопечных из поля зрения. Особенно теперь, когда сам не мог отправиться их искать. Ириана это запомнила.

Сухо простившись, Несарина ушла.

– Твоя спутница поступает мудро, не говоря о своих замыслах, – сказала Ириана, услышав звук хлопнувшей двери.

– Почему?

Первое слово, обращенное лично к ней.

– У стен есть уши и рты. – Ириана кивнула в сторону открытой двери гостиной. – А дети хагана и визири приплачивают слугам за сведения.

– Я думал, слугам достаточно жалованья, которое они получают от хагана.

– Да, он не скупится, – согласилась Ириана, нагибаясь за мешком, который оставила у входа. – Но его дети и визири покупают верность слуг иными способами. За сведения платят разными поблажками, жизненными удобствами, положением. На твоем месте я была бы осторожна со служанкой, которую к тебе приставили.

Какой бы кроткой ни казалась эта девица с вечно потупленными глазами, Ириана знала: яд маленьких змеек порою бывает самым опасным.

– А ты знаешь, кто… их хозяева?

Слово «хозяева» он произнес как ругательство.

– Нет, – только и ответила Ириана.

Она достала из мешка две одинаковые склянки с янтарной жидкостью, кусочек белого мела и несколько тряпок. Шаол следил за каждым ее движением.

– А у тебя в Адарлане есть рабы? – спросила Ириана, намеренно имитируя праздное любопытство.

Обычный разговор, пока она готовит все необходимое.

– Нет, и никогда не было.

– Ни одного? – задала она новый вопрос, доставая тетрадь в черном кожаном переплете.

– Я считаю, что людям за работу надо платить, как это делают здесь. А еще я верю в прирожденное право каждого человека быть свободным.

– Удивляюсь, что прежний король не казнил тебя за такие воззрения.

– Я держал их при себе.

– Мудрое поведение. Лучше молчать, спасая свою шкуру, чем сказать хоть слово в защиту тысяч порабощенных.

Шаол сжался:

– Каторжные поселения уничтожены. Работорговля запрещена. Это были первые постановления моего короля. Я находился рядом с ним, когда он их составлял.

– Новые постановления для новой эпохи?

Слова Ирианы были острее ножей, которые она принесла для удаления куска гниющей кожи.

– Дорин Хавильяр совсем не похож на своего отца, – сказал Шаол, не дрогнув под взглядом целительницы. – Все эти годы я служил ему.

– Служил ему, командуя королевскими гвардейцами и выполняя приказы его отца. Меня удивляет, что дети хагана не пристают к тебе с расспросами. Уж им-то было бы интересно знать, как тебе удавалось так хорошо играть обе роли.

Шаол вцепился в подлокотники кресла.

– В прошлом я принимал решения, о которых теперь сожалею, – нехотя признался он. – Но я не могу увязать в сожалениях. Я могу лишь двигаться дальше и пытаться исправить их последствия. Сражаться за то, чтобы они не повторились снова. Только вот никакие сражения невозможны, пока я прикован к этому креслу, – добавил он, выразительно посмотрев на принесенное Ирианой.

– Можно сражаться и в кресле, – язвительно, но с полной убежденностью возразила она.

Шаол не ответил. Что ж, если он не хочет об этом говорить, она тоже промолчит.

– Перебирайся вот на тот диван. Сними рубашку и ложись на живот.

– А почему не на кровать?

– Вчера с нами была капитан Фелак. Без нее я в твою спальню не войду.

– Она не моя… – Шаол не договорил. – Это ничему не повредит.

– Вчера, надеюсь, ты видел, как это может повредить мне.

– С…

– Да, – поспешно ответила Ириана, резко кивнув в сторону двери. – Диван тоже годится.

Она помнила, как вчера посмотрел на Шаола Кашан. Ей тогда захотелось соскользнуть со стула и спрятаться под столом.

– И тебя не интересует развитие событий в этом направлении? – спросил Шаол, поневоле переходя на язык иносказаний.

– Я не стремлюсь к такой жизни.

Слишком велик риск. Выйди она за Кашана и вздумай он

предъявлять права на трон, казнят их обоих и всех детей, которые у них успеют появиться. В лучшем случае, если новый хаган произведет достаточно собственных детей для продолжения рода, Хазифа просто сделает ее бесплодной.

В ту ночь, в степном шатре, Кашан лихо отметал все ее опасения. Он говорил, что все эти непреодолимые преграды Ириана придумала.

Но Шаол кивнул. Вероятно, он хорошо понимал цену брака с принцем, который еще не избран наследником. А Кашана вряд ли выберут. Он – не соперник Сартаку, Аргуну и Хасаре.

– И вообще, тебя это не касается, – добавила Ириана, предупреждая дальнейшие расспросы.

Он медленно оглядел ее с ног до головы. Не так, как смотрели на нее мужчины и тот же Кашан. Казалось, он оценивает вероятного противника.

Ириана скрестила руки, распределив вес тела на обе ноги. Так учили ее и так она теперь учила других. Уверенная оборонительная поза. Готовность отразить атаку.

Даже атаку адарланских господ. Кажется, Шаол заметил ее позу и стиснул зубы.

– Рубашку сними, – повторила Ириана.

Сверкнув глазами на целительницу, он через голову стянул рубашку и аккуратно положил на изогнутый подлокотник дивана, где уже лежал его камзол. Затем быстрыми рывками снял сапоги и носки.

– Штаны тоже, – сказала Ириана. – Останешься в нижнем белье.

Руки Шаола добрались до ремня и замерли.

Сидя в кресле, он не мог снять штаны без посторонней помощи.

На лице Ирианы не появилось даже капли сострадания.

– Забирайся на диван. Я сама тебя раздену.

Шаол снова замер. Ириана поменяла позу, уперла руки в бока.

– Как бы мне ни хотелось, чтобы сегодня ты был у меня единственным пациентом, но мне нужно навестить еще нескольких, – соврала она. – Не тяни время. Ложись на диван.

У Шаола на подбородке задергалась жилка. Упершись одной рукой в диван, а другой – в край сиденья, он поднялся. Сила одного этого движения вызывала неподдельное восхищение. С какой легкостью мышцы рук, спины и груди подняли его туловище в воздух и перебросили на диван. Казалось, этими трюками он занимался всю жизнь.

– Ты продолжал упражняться с тех пор… когда ты получил

увечье?

– Это случилось в середине лета.

Его голос звучал глухо и опустошенно. Вслед за верхней частью туловища Шаол переместил ноги. Диван скрипнул под тяжестью его тела.

– Я привык упражняться. А когда это случилось… тоже не лежал пластом. Упражнял то, что поддавалось упражнениям.

Этот человек был каменной глыбой. Увечье лишь оставило трещину, но не раскололо его. Едва ли он знал, что ему крупно повезло.

– Хорошо, – только и ответила Ириана. – Теперь тебе нужно будет упражнять как верхнюю часть туловища, так и ноги. Это неотъемлемая часть исцеления.

– Упражнять ноги? – переспросил Шаол, глядя на подрагивающие от легких судорог ступни.

– Я тебе потом расскажу, – пообещала Ириана и велела лечь на живот.

Он подчинился, лишь метнул на нее сердитый взгляд.

Ириана только сейчас обратила внимание на его рост. Шаолу едва хватало длины дивана. Получалось, в нем больше шести футов. Если он снова встанет на ноги, ей придется задирать голову.

Скупыми, ловкими движениями Ириана расстегнула пояс и сняла с него штаны. Нижнее белье скрывало подробности, но не могло скрыть очертания крепких ягодиц. А его бедра… Их мускулистость Ириана ощутила еще вчера, но сейчас, при внимательном рассмотрении…

В них уже не было здоровой наполненности, отличавшей верхнюю часть тела. Мышцы бедер казались тоньше. Если ничего не делать, появится дряблость.

Ириана коснулась бедра, ощупала мышцы. Ее магическая сила проникала в его тело, ведя свой поиск среди костей и кровеносных жил. Бездействие нижней части туловища уже начинало сказываться.

Ириана убрала руку и увидела, что Шаол наблюдает за ее действиями. Его подбородок упирался в подушку.

– Мои ноги потихоньку разрушаются? – спросил он.

Усилием воли Ириана превратила лицо в каменную маску:

– Неподвижность конечностей отражается на их состоянии. Но им можно вернуть полную силу. Они не разрушаются, а слабеют от бездействия. Наша задача – сделать их как можно сильнее за то время, пока длится исцеление. Думаю, ты и сам понимаешь, зачем это нужно. Когда ты встанешь, – она сделала упор на слове «когда», – твои ноги достаточно окрепнут, чтобы

принять на себя и удерживать тяжесть тела.

– Значит, меня ждет не только исцеление, но и долгие упражнения?

– Ты сам говорил, что тебе нравится подвижная жизнь. Есть много упражнений, которые можно делать даже с поврежденным позвоночником. Они будут снабжать твои ноги кровью и наращивать их силу, а это поможет и самому исцелению. Я буду наблюдать за твоими успехами.

Ириана намеренно не сказала «помогать тебе».

Господин Шаол Эстфол был не из тех, кто жаждал помощи от кого бы то ни было.

Ириана продолжила осмотр и вновь добралась до странного пятна чуть ниже затылка. До первой важной точки на позвоночнике Шаола.

Даже сейчас невидимая сила вихрилась вокруг ее ладоней, норовя оттолкнуть.

– А какой магией тебе нанесли этот удар?

– Не все ли равно?

Рука Ирианы застыла над пятном, не касаясь его своей магией. Мысленно напомнив себе, что нельзя злиться на поведение пациентов, она пояснила:

– Мне бы это помогло узнать, какие нарушения чужая магия произвела в твоих жилах и костях.

Шаол молчал. «Обычная адарланская спесивость», – подумала Ириана и все же попыталась вызнать:

– Это был огонь?..

– Не огонь.

Увечье, нанесенное силой магии. Должно быть, это случилось… По его словам, в середине лета. В тот день, если верить слухам, на Эрилею вернулась магия, освобожденная Аэлиной Галатинией.

– Ты сражался против магов, которые вдруг обрели прежнюю силу?

– Нет, – резко ответил Шаол.

Тогда Ириана посмотрела ему прямо в глаза. Не заглянула, а посмотрела.

Что бы ни случилось с бывшим капитаном, он пережил ужасные мгновения. Отсюда эти тени в глазах и нежелание говорить.

Она врачевала людей, переживших ужасы. Порою они замыкались, отказываясь отвечать на ее вопросы. И даже если Шаол служил прежнему королю-палачу… Ириана постаралась не морщиться, понимая, какие трудности ждут ее на пути исцеления адарланца. О том же ей говорила Хазифа: целители часто врачуют

не только телесные, но и душевные раны. Для их лечения нужна не магия, а разговор с пациентом. Разговор становится совместным путешествием по темным и опасным путям, уводящим в прошлое.

И чтобы проделать это с ним… Ириана затолкала мысль подальше. Не сейчас. Не здесь. Вернется к себе и спокойно обдумает.

Закрыв глаза, Ириана свила из своей магической силы мягкую нить, положив ладонь прямо на пятно, внешне напоминавшее размазанную звезду.

И сейчас же оттуда ударила волна холода, шипами проникая в тело Ирианы. Она отпрянула, как от настоящего удара.

Холод. Мрак. Гнев. Боль.

Стиснув зубы, Ириана пробилась через отзвуки прошлого, жившие в теле Шаола, и послала тонкую нить магической силы чуть дальше, во тьму.

Должно быть, в момент удара адарланец испытал неимоверную боль.

Ириана отстранилась от холода и еще какого-то непонятного ей ощущения, показавшегося ей липким и совершенно нездешним.

«Это магия иного мира», – шепнула ей интуиция. В этой магии не было ничего естественного, ничего доброго. Никогда прежде Ириана не сталкивалась с подобным.

Ее собственная магия кричала, требуя прекратить изыскания и бежать отсюда.

– Ириана.

Голос Шаола был где-то далеко. Ее окружала тьма, пронизанная ветром, и ревущая, завывающая пустота.

Потом внутри пустоты что-то пробудилось.

В тело Ирианы проник холод, растекся по рукам и ногам, норовя заполнить собою все. Она ударила по пустоте яростной вспышкой магического огня. Свет вспышки был чистым, как морская пена.

Тьма отступила, подобно пауку, спешащему в свой угол. Ириана мгновенно отдернула руку, отошла на шаг и заметила, что Шаол пристально смотрит на нее.

У Ирианы дрожали руки. Она снова взглянула на неровные очертания пятна, бледного на бронзовой коже Шаола. Чужеродное присутствие. Ирина свернула свою магию в тугой клубок, дабы согреть кости и кровь и успокоить колотящееся сердце. Пока она это делала, возникло ощущение руки, дотрагивающейся до ее магической силы. Что пыталась сделать невидимая рука – успокоить Ириану или «пригладить» ее магию?

– Расскажи мне про это, – хрипло потребовала она.

Ни с чем подобным она никогда не сталкивалась. Ни в одной из книг в библиотеке Торры не встречалось даже туманного намека на такую магию.

– Это внутри меня? – спросил Шаол.

Его глаза наполнились страхом. Выходит, он знал, какая сила нанесла ему удар и что притаилось под пятном. Знал, чего ему бояться. Если в Адарлане существовала магическая сила неизвестной природы…

– Мне думается… – Ириана сглотнула. – Это всего лишь отзвук чего-то большого. У тебя осталось нечто вроде клейма. Живым его не назовешь, однако…

Она согнула озябшие пальцы. Легкое магическое прикосновение вызвало такой отпор. Тогда настоящая атака…

– Расскажи мне об особенностях того, что нанесло тебе рану. Мне необходимо знать, с чем я имею дело. Расскажи все, о чем сможешь.

– Ни о чем не могу.

Ириана удивленно открыла рот, но взгляд адарланца застыл на двери гостиной. Ее же предостережение теперь возвращалось к ней.

– Тогда продолжим, – объявила Ириана. – Хочу осмотреть твою шею. Тебе придется сесть.

Шаол не возражал. Ириана смотрела, как он силою рук, напрягая мышцы живота, приподнял тело и осторожно спустил бесчувственные ноги на пол. Она мысленно похвалила его. Адарланец не только сохранил значительную долю подвижности, но и был готов спокойно и последовательно упражняться… Хорошо.

Ириана встала. После столкновения с чужеродной магией в ногах ощущалась слабость. Она прошла к столу, где оставила склянки с янтарной жидкостью. В одной находилась смесь лавандового и розмаринового масел – в окрестностях Антики в изобилии росло и то и другое. Во второй – похожее по цвету эвкалиптовое масло. Эвкалипты росли лишь на крайнем юге континента. Ириана выбрала эвкалипт.

Вернувшись на диван, она осторожно вынула стеклянную пробку. В ноздри ударил терпкий запах эвкалипта. Она хорошо знала об успокоительных свойствах эвкалипта. Им обоим не помешает успокоиться.

В сидячем положении Шаол был заметно выше Ирианы. Теперь она воспринимала его несколько иначе. Не так, как вначале, когда он сидел в кресле, а она стояла рядом. Теперь она сидела рядом, и…

Ириана прогнала эту мысль. Налив масло на ладонь, она принялась растирать обе ладони, разогревая руки. Шаол глубоко вдыхал аромат эвкалиптового масла. Ириана молча коснулась его затылка и принялась массировать шею, а затем плечи. Пальцы наткнулись на узел между шеей и плечом. Шаол громко застонал. Видимо, это место было очень болезненным.

– Извини, – смущенно пробормотал он.

Не ответив на его извинения, она еще раз коснулась того же места и снова услышала стон, уже глуше. Шаол пытался сдерживаться. Возможно, ей стоило ободрить его несколькими словами, но она молчала. Массаж продолжался. Ириана старательно избегала дотрагиваться до бледного пятна. И свою магию она тоже держала в узде.

– Расскажи все, что знаешь, – попросила Ириана, наклонившись к уху Шаола и слегка оцарапав щеку о щетину его подбородка. – Расскажи сейчас.

Шаол прислушался – нет ли кого поблизости. Ириана неутомимо растирала ему шею, оживляя задубевшие мышцы. Судя по обилию узлов, эта часть тела ускользала от его внимания. А потом он начал шепотом рассказывать.

Надо отдать должное Ириане Торас: ее руки ни разу не дрогнули. А ведь Шаол рассказывал ей об ужасах, немыслимых даже для темных богов.

Врата Вэрда. Камень Вэрда. Гончие Вэрда. Валгские демоны. Эраван. Порабощенные им принцы. Черные ошейники. По прошествии времени все это начинало казаться Шаолу чем-то вроде сказки, какие детям рассказывают на сон грядущий. Ему вспомнился родной Аньель, длинные зимние вечера и яростные ветры, беснующиеся за толстыми каменными стенами отцовского дома.

Он рассказал Ириане много, но не все. Умолчал о Ключах Вэрда. О короле, в котором двадцать лет жил валгский демон. О порабощении Дорина. Умолчал Шаол и о том, кто нанес ему магический удар и кем на самом деле был герцог Перангтон. Ограничился словами о том, что валги смертельно опасны и что Перангтон на их стороне.

– Значит, тебя атаковал тот, кто связан с… демонами, – заключила Ириана. – Он применил их силу.

Ее рука снова застыла над бледным пятном. Все это время Ириана старалась не дотрагиваться до пятна, словно боясь опять услышать отзвук неведомого и жуткого мира. Ее руки переместились на левое плечо Шаола, разминая такие же узлы. Он не стеснялся стонать, поскольку узлы были по-настоящему

болезненными.

Без подсказок Ирианы он догадался: узлы – не следствия увечья, а следствия его настойчивых многочасовых упражнений.

Сообразив, что в ее словах содержался вопрос, Шаол ответил, по-прежнему шепотом:

– Да. Меня намеревались убить, но не получилось.

– Что-то помешало? Или кто-то?

В голосе Ирианы уже не было страха. У нее не дрожали руки, но привычное тепло не спешило возвращаться в них.

Шаол нагнул голову, чтобы Ириане было удобнее разминать совсем уж затвердевшую мышцу. Обошлось без стона. Он лишь скрипнул зубами:

– Меня спас талисман, не раз уберегавший меня от зол, и… удача.

Шаол умолчал о том, что милосердие предназначалось не ему, а Дорину.

Волшебные руки Ирианы замерли. Она отодвинулась, всматриваясь в лицо Шаола:

– Стеклянный замок разрушила Аэлина Галатиния. Значит, она воевала с демонами и потому уничтожила замок и захватила Рафтхол?

«А где в это время находился ты?» – мысленно добавила Ириана.

– Да, – ответил Шаол, наклоняясь к ее уху. – Мы сражались вместе: Аэлина, Несарина, я и еще многие.

Те, о ком он ничего не знает и прежде всего – живы ли они. Те, кто из последних сил сражаются за родные края, за свое будущее, пока он прохлаждается здесь. Хорош посланник! Провалил доверительный разговор с принцем. Что теперь? Дожидаться аудиенции у хагана?

– Я и представить не могла, что у Перангтона такие сильные и ужасные союзники, – тихо сказала Ириана. – И с этими армиями предстоит сражаться.

– Да, – только и ответил Шаол.

Он видел, как снова побледнело лицо целительницы. Но она хотела знать правду, и он рассказал, насколько мог.

– И ты будешь с ними воевать?

– Если нашими общими стараниями я снова начну ходить, – невесело улыбнулся Шаол, думая при этом: «Если ты сумеешь сделать невозможное».

Ириана молча села, настороженно и отрешенно поглядывая на него. Похоже, она хотела что-то сказать или о чем-то спросить.

– Я не решусь двинуться дальше, пока основательно не поработаю в нашей библиотеке, – тряхнув волосами, сказала она.

Шаол вдруг подумал, что так и продолжает сидеть в нижнем белье, и подавил желание поскорее одеться.

– Для тебя опасно этим заниматься? – спросил он. – Рискованно?

Если она почуяла опасность…

– Сама не знаю. Я… действительно никогда еще не сталкивалась с такими увечьями. Прежде чем по-настоящему взяться за работу и назначить тебе упражнения… Я уже сказала: надо почитать и подумать. В Торре огромная библиотека. Я там засяду на весь вечер.

– Конечно, – пробормотал Шаол.

Если, исцеляя его, она сама пострадает, такой жертвы ему не надо. Он не представлял, как поступит в этом случае, но вставать на ноги ценой ее здоровья он не хотел. Мысль о цене заставила Шаола сказать:

– Сегодня ты рисковала. Да и растирание моей шеи и плеч потребовало больших усилий. А ты до сих пор не сказала, сколько берешь за врачевание.

Теперь понятно, почему хаган советовал ему приберечь золото. Сюда прислали лучшую целительницу. Самую искусную. Ее труд должен стоить громадных денег.

Ириана наморщила лоб:

– Если желаешь отблагодарить, Торра принимает пожертвования на содержание башни и тех, кто обеспечивает наши повседневные нужды. Но мне деньги не нужны, и я не жду никаких наград.

– Почему?

Ириана сунула руку в карман и встала:

– Я получила свой дар от Сильбы. Я не вправе брать деньги за то, что досталось мне бесплатно.

Сильба. Богиня исцеления.

Шаол был знаком с другой молодой женщиной, также отмеченной богами. Неудивительно, что глаза обеих светились безудержным огнем.

Ириана закрыла склянку с эвкалиптовым маслом (Шаолу успел понравиться его запах) и стала собирать вещи.

– Почему ты решила вернуться и помогать мне?

Ириана застыла на месте. Ветер, дувший из сада, теребил ее волосы.

– Я подумала: если откажусь, вы с капитаном Фелак однажды припомните мне это.

– Мы не собираемся оставаться здесь насовсем, – сказал Шаол, поражаясь ответу целительницы.

– Я тоже, – пожала плечами Ириана.

Она стянула тесемки мешка и пошла к двери, но остановилась, услышав новый вопрос Шаола:

– Ты собираешься вернуться?

«В Фенхару? В ад?»

– Да, – ответила Ириана, прекрасно сознавая, сколько ушей слышит сейчас их разговор.

Она хотела не только вернуться в Фенхару, но и помогать в войне. Там каждый целитель – на вес золота. И что теперь, когда Шаол рассказал ей об ужасах? Он видел, как побледнела Ириана. Скорее всего, впервые ясно почувствовала, что может погибнуть сама.

– Это самое правильное решение, – сказала Ириана. Кого она убеждала? Его или себя? – Дар Сильбы обязывает. И знания, которыми так щедро делились со мною здесь.

Шаол хотел сказать ей, что разумнее остаться здесь, ибо война не для таких, как она. Но уловил настороженность в глазах Ирианы. Наверное, не он первый отговаривал ее от возвращения в Фенхару. Быть может, она и сама начала чуточку сомневаться в правильности своих замыслов.

– Нам с капитаном Фелак не свойственна мстительность. Мы бы никогда не вздумали обвинять тебя, а тем более наказывать.

– Но ты служил человеку, который мстил, обвинял, наказывал.

«Возможно, твоими руками», – мысленно добавила она.

– А ты поверишь мне, если я скажу, что у него имелись другие исполнители грязной работы, не из числа королевских гвардейцев? О многом я узнавал лишь потом. Ты это можешь представить?

Не поверит. Шаол понял это по ее лицу. Ириане не хотелось продолжать этот разговор.

– Я себя не оправдываю, – тихо сказал Шаол. – Этот человек творил немыслимые злодеяния. И прежде, и потом, когда я уже служил в гвардии. Когда я был ребенком, иные пытались выступить против него. Он разнес их в клочья. Спросишь, зачем же я тогда пошел в королевскую гвардию да еще стал капитаном? Для этого мне пришлось кое-чем поступиться. Определенными привилегиями, которые ждали меня, избери я другой путь. Но я сделал это намеренно, ради защиты будущего. Ради Дорина. Мы с ним росли вместе, и, даже будучи мальчишкой, я чувствовал: он не пойдет по стопам отца. Дорина ожидало лучшее будущее. Однако для этого он должен был вырасти и уцелеть, причем не только остаться в живых, но и не сломаться душевно. Принцу требовался союзник, надежный друг в змеином гнезде, каким был адарланский двор. Учти: мы тогда были слишком молоды и

недостаточно сильны, чтобы выступить против его отца. Мы видели, как поступали с теми, кто лишь заикался о мятеже. Меня могли казнить по малейшему подозрению. И Дорина тоже. Положение наследного принца не уберегало его от отцовской мести. На тот момент самым лучшим, самым разумным мне казалось сохранение существующего порядка вещей.

В лице Ирианы ничего не изменилось. Оно не стало ни жестче, ни мягче.

– А что было потом?

Шаол потянулся за рубашкой. «Сижу тут полуголый и еще обнажаю душу», – с усмешкой подумал он.

– Нам встретился человек, показавший другой путь. Поначалу я противился этому пути, пока не сообразил, какую дорогую цену мы платим за сопротивление. Слишком дорогую. Так что, Ириана Торас, можешь смотреть на меня с презрением, и я не стану тебя упрекать. Однако никто в Эрилее не питает ко мне большей ненависти, чем я сам.

– За путь, который тебе навязали?

Шаол надел рубашку и подтянул к себе штаны:

– За сопротивление этому пути. И за ошибки, которых успел понаделать, пока сопротивлялся.

– А по какому пути ты идешь теперь? Как главный королевский советник строит будущее Адарлана?

Такого вопроса не задавал ему никто. Даже Дорин.

– Я по-прежнему учусь. По-прежнему… ищу решения, – признался Шаол. – Но вначале нужно уничтожить Перангтона и валгов, чтобы не поганили нашу родину.

Ириана уловила слово «нашу». Она жевала губу, будто пробовала это слово на вкус.

– Что именно произошло в середине лета?

Вроде бы Шаол рассказал ей достаточно, но она по-прежнему ничего не знала о событиях, предшествующих нападению на стеклянный замок, о самом нападении и о том, что было после.

Перед мысленным взором Шаола мелькнул красный мраморный пол и отрубленная голова Сорши, катящаяся по плитам. Он слышал пронзительный крик Дорина. Видение сменилось другим: Дорин в схватке с отцом. Лицо будущего короля было холодным, как смерть, и более жестоким, чем лицо бога Хелласа.

– Я же тебе рассказал.

Ириана теребила лямку мешка, висевшего у нее на плече.

– Увечье затронуло не только твое тело, но и душу. Ты готов упражняться. Душа требует иных упражнений. Тебе нужно заново пройти через те события.

– Зачем? Я и так знаю, что́ происходило до, во время и после них.

Глаза Ирианы (сейчас они были гораздо старше ее двадцати двух лет) невозмутимо смотрели на Шаола.

– Мы к этому еще вернемся, – сказала она.

Это звучало как вызов. В душе Шаола зашевелился страх. Бывшему капитану захотелось ответить ей, но Ириана толкнула дверь и вышла.

9

Через два часа Ириана находилась глубоко под землей, в громадной пещере под Торрой. Положив голову на кромку купели, выдолбленной в каменном полу, она смотрела вверх, где обитала темнота.

В это время дня Чрево Сильбы почти пустовало. Единственными спутниками Ирианы были струйки воды из природного горячего источника. Они текли через десятки таких же купелей. Другая вода капала с зубчатых сталактитов, громоздящихся над бесчисленными колокольчиками. Колокольчики висели на цепях между колоннами из светлого камня – того же, из какого были сложены стены Торры. Колонны уходили вверх и скрывались в темноте.

В естественных нишах перемигивались свечи. Они же стояли по краям каждой купели, придавая сернистому пару золотистый оттенок, а совам, вырезанным на каждой стене и влажной колонне, – рельефность.

Чтобы камень не жег затылок, Ириана положила под голову бархатное полотенце. Она вдыхала густой воздух Чрева и смотрела, как пар поднимается вверх и исчезает все в той же темноте. Там был другой воздух – чистый и прохладный. К журчанию воды добавлялся высокий мелодичный звон колокольчиков. Иногда из их хора вырывались отдельные громкие звуки.

Никто не знал, кто и когда впервые принес серебряные, бронзовые и стеклянные колокольчики в этот громадный подземный зал, именуемый Чревом Сильбы. Некоторые висели здесь так давно, что покрылись отложениями, и вода, капавшая со сталактитов, вызывала не звон, а слабый хлопок. Но традиция соблюдалась незыблемо: каждая новая ученица приносила сюда свой колокольчик, на котором было выгравировано ее имя. Прежде чем погрузиться в пузырящиеся воды одной из купелей Чрева, она подвешивала колокольчик к свободному звену цепи.

Ириана тоже прошла через этот ритуал. Ей нравился его смысл. Колокольчик останется здесь надолго, услаждая слух и помогая тем, кто придет после нее. Это и была вечность. Голоса любимых сестер, оставивших мир живых, продолжали звучать.

Гроздья больших и маленьких колокольчиков наглядно показывали, сколько поколений целительниц учились и работали в Торре. Многих давно уже не было на этом свете. Зал, размерами своими не уступавший большому залу во дворце хагана, неумолчно и разноголосо звенел. Этот приятный гул наполнял голову Ирианы, проникал в тело, отзывался в костях, а она лежала в не менее приятной горячей воде.

Древний зодчий, возводивший Торру, обнаружил пещеру и горячие источники, а потом удачно дополнил природу. Так в полу пещеры появились выдолбленные купели, сообщающиеся между собой. Ириана поднесла руку к решетчатому отверстию в стенке купели. Вода струилась у нее между пальцами и текла к такому же отверстию на противоположной стенке. Пройдя все купели, ручейки сливались в один поток и уходили еще ниже – в дремлющие недра.

Ириана глубоко вдохнула и откинула влажные волосы, прилипшие ко лбу. Прежде, чем погрузиться в купель, она тщательно вымылась в другом зале. Правила предписывали смыть с себя всю пыль и грязь внешнего мира. Дежурная ученица протянула Ириане невесомый халат лавандового цвета – цвета Сильбы. В нем она вошла во Чрево, чтобы снять возле купели. В сернистую воду Ириана погружалась совершенно голой, без посторонних предметов. Исключение она делала для материнского кольца, которое никогда не снимала.

Вокруг руки клубился пар. Ириана смотрела на кольцо. Огоньки свечей скользили по серебру, заставляли гранат вспыхивать и переливаться. Колокольчики пели на разные голоса, смешиваясь с журчанием воды. Ириана плыла в потоке живых звуков.

Вода была стихией Сильбы. Погрузиться в священные воды, не затронутые миром на поверхности, считалось равнозначным вхождению в жизнетворную кровь богини. Ириана знала: она – не единственная целительница, кто погружался в купель и ощущал, будто и впрямь находится в тепле чрева Сильбы. В такие минуты казалось, что оно принимает тебя одну.

И темнота над головой отличалась от темноты, с которой Ириана столкнулась в теле господина Эстфола. Там была чернота. А здешняя темнота была наполнена созиданием, покоем и еще не оформившимися мыслями.

Ириана смотрела в эту темноту, во Чрево самой Сильбы.

Честное слово, она чувствовала на себе ответный взгляд. Нечто смотрело и слушало, пока Ириана тщательно обдумывала все, о чем рассказал ей Шаол.

Порождения древних кошмаров. Исчадия иного мира. Демоны. Темная магия. Темная сила, готовая обрушиться на ее родину. От этой мысли у Ирианы стыла кровь даже в горячей воде.

Вплоть до сегодняшнего дня она думала, что на полях сражений Эрилеи будет врачевать раны от мечей и стрел и восстанавливать раздробленные кости. Все это было ей знакомо, равно как и другие болезни, обрушивающиеся на военные лагеря, особенно в холодные месяцы.

Раны, наносимые чудовищами и демонами, разрушали не только тело, но и душу. Никакие мечи и стрелы не шли в сравнение с когтями, зубами и ядом. Злая сила змеей свернулась вокруг раны на спине Шаола… С виду – раздробленные кости и порванные жилы. Но к ним непонятным Ириане образом пристала чужеродная магия. По сути, опутала рану.

Ириана и сейчас не могла избавиться от ощущения чего-то липкого. Прикоснувшись своей магией, она что-то пробудила и потревожила.

Звон колокольчиков становился то тише, то громче, баюкая ее разум, призывая успокоиться и открыться милости Сильбы.

Вечером она пойдет в библиотеку. Поищет сведения, совпадающие с рассказом адарланца. Возможно, кому-то из ее предшественниц приходилось иметь дело с ранами, нанесенными магией.

Ириана столкнулась с особым случаем, когда исцеление требовало большего, нежели восстановление позвоночника. Об этом она догадалась еще в покоях Шаола. Но сражаться с неведомой силой, поселившейся в теле адарланца… Как?

Ириана задала вопрос вслух, обращаясь к пару, темноте, пузырькам воды и звону колокольчиков.

При осмотре демоническая сила отбросила ее магию. Обнаруженное ею было полной противоположностью ее самой и магии, которой она владела. Ириана всматривалась в темноту над головой. Земное чрево Сильбы звало к себе. Ей показалось, что она слышит ответ: «Ты должна войти туда, куда боишься ступить».

Ириана шумно сглотнула. Нырнуть в эту яму демонической силы, укоренившейся в спине адарланца…

«Ты должна войти», – шептала ей темнота. О том же пела вода, омывающая ее тело. «Ты должна войти». Ириане показалось, что кромка темноты опустилась ниже. Целительница

вглядывалась в нее, продолжая думать о полученном задании.

Сражаться с чужеродной силой в теле бывшего капитана. Рисковать, проходя еще одно испытание. А не Хазифа ли его придумала? Рисковать ради адарланца, когда ее соотечественники ведут войну; оттягивать свое возвращение, когда каждый день промедления… «Я не могу».

«Не хочешь», – возразила мудрая темнота.

Ириана поежилась. Да, она обещала Хазифе задержаться и исцелить Шаола. Но теперь она знает, что ей противостоит. Выздоровление Шаола может растянуться на долгие месяцы, если она вообще сумеет найти способ ему помочь. Она обещала поставить его на ноги, и хотя некоторые увечья требовали от целительницы пройти совместный путь с пациентом, увечье Шаола Эстфола…

Темнота отодвинулась.

«Не могу», – продолжала твердить Ириана.

Темнота молчала. Где-то поблизости прозвенел колокольчик. Звук был чистым, бесхитростным.

Ириана моргнула. Звук вернул ее в окружающий мир. В собственное тело, которое она, наверное, ненадолго покидала. Темнота вновь стала просто темнотой, черным, непроницаемым занавесом. То, что отвечало Ириане, ушло. Возможно, своим упрямым отрицанием она разочаровала и прогнала невидимого собеседника.

У Ирианы слегка кружилась голова. Она села и пошевелила конечностями. Даже здесь, в богатой полезными веществами воде, они одеревенели от неподвижности. Сколько же она сидит в этой купели?

Она стала растирать мокрые, скользкие руки. Сердце колотилось. Ириана снова вглядывалась в темноту, словно та могла предложить ей другой ответ, другой путь.

Темнота молчала.

Зато Ириана услышала звуки, явно отличавшиеся от привычных шумов пещеры. Звуки чьего-то негромкого, судорожного дыхания.

Ириана повернулась, разбрызгивая капли с мокрых волос. Купели располагались параллельными рядами вдоль стен пещеры. Звуки слышались с противоположного конца. Пар мешал рассмотреть, кто там.

В этих звуках было что-то, нарушающее благостную тишину Чрева. Не выдержав, Ириана выбралась из купели, надела халат и подвязала кушак. Тонкая ткань сразу прилипла к мокрому телу.

Посещение Чрева имело давние, прочно установившиеся правила. Это было место тишины и уединения. Целительницы

погружались в купели, чтобы уравновесить свое душевное состояние и укрепить связь с Сильбой. Одни искали совета богини, другие – прощения за совершенные ошибки. Кто-то приходил сюда сбросить груз эмоций, которые было непозволительно показывать пациентам. Да и не только пациентам.

Ириана понимала: ей сейчас лучше уйти и дать этой целительнице выплакаться без свидетелей. Но в этих вздрагивающих плечах и сдавленных рыданиях было что-то, заставившее ее нарушить правила.

Ириана бесшумно подошла к купели. Женщина была ее ровесницей. Смугловатая кожа, каштановые волосы с рыжими прядями, почти такие же, как у Ирианы. И лицо, по которому безостановочно катились слезы. Темно-желтые глаза, почерневшие от неведомого горя, были устремлены вверх. Слезы достигали тонкого подбородка и капали в бурлящую воду.

Целительниц часто называли волшебницами, но они не были всемогущими. Не все раны поддавались исцелению. Не все болезни можно было остановить, если они успели глубоко укорениться. Порою к целительницам обращались слишком поздно, или они сами упускали из виду приметы серьезной болезни.

Девушка даже не взглянула на Ириану, когда та села рядом, уперлась подбородком в колени и взяла ее за руку.

Ириана сидела и просто держала руку своей сестры по ремеслу, ни о чем не спрашивая и ничего не говоря. Рыдания не прекратились, но стали тише. А вокруг все так же колыхалась завеса пара, подрагивало пламя свечей и слышался звон колокольчиков.

Трудно сказать, сколько времени они просидели так.

– Ей было всего три года, – вдруг прошептала целительница.

Ириана стиснула ее мокрую руку. Любые слова утешения были излишни и бесполезны.

– Иногда… – Голос женщины оборвался, а она содрогнулась всем телом. – Иногда я жалею, что Сильба ниспослала мне свой дар.

Ириана замерла. Такое признание она слышала впервые.

Целительница наконец повернулась к ней и, кажется, узнала.

– А с тобой это бывало? – спросила она, вложив в вопрос всю силу переживаемого горя.

Нет. Никогда. Даже когда ей кусал глаза дым костра, на котором сжигали ее мать, и она знала, что не в силах остановить это зверство. Ириана ни разу не чувствовала ненависти к своему дару. Все эти годы он спасал ее от одиночества. Даже когда

адарланский король задушил магию, Ириана ощущала присутствие богини, словно плеча касалась теплая невидимая рука. Напоминание о том, кто она, – живое звено в цепи многих поколений целительниц рода Торас, проходивших свой путь до нее.

Целительница смотрела на Ириану, ища в ее глазах желаемый ответ. Ответ, который Ириана не могла дать. Она еще раз стиснула руку целительницы и молча продолжала смотреть в темноту.

«Ты должна войти туда, куда боишься ступить».

Ириана знала: это придется сделать. Войти туда, куда лучше бы не входить.

– Ты по-прежнему в кресле? Неужели Ириана еще не поставила тебя на ноги?

Шаол повернулся в сторону Хасары, радуясь, что они не сидят рядом. Ветер из открытых окон нес прохладу и пах дождем. От его дуновения белые траурные лоскуты шелестели громче обычного.

Кашан и Сартак поглядели на принцессу. Последний – хмуро, с явным неодобрением.

Понимая, сколько ушей ловят его ответ, Шаол тщательно подбирал каждое слово.

– Какой бы талантливой ни была Ириана, она едва приступила к лечению. Вероятно, оно окажется долгим. Сегодня она намеревалась поискать необходимые сведения в библиотеке Торры.

Губы Хасары сложились в ядовитую улыбку.

– Что ж, это продлит нам удовольствие лицезреть тебя у нас во дворце.

«По своей воле я бы не провел тут ни одной лишней минуты», – мысленно ответил ей Шаол.

Вслух он не сказал ничего. Зато ответила Несарина. Она снова побывала у родных, что благотворно повлияло на ее настроение.

– Нужно использовать любую возможность укрепить связи между нашими государствами.

– Разумеется, – буркнула Хасара, утыкаясь в тарелку со щедро перченым кушаньем из помидоров и какого-то местного овоща.

Улыбчивой Рении за столом не было. Ириана тоже не пришла. Шаолу вспомнился ее страх при осмотре его раны. Шаол почти чувствовал вкус этого страха. Но Ириана обуздала себя – силой воли, а может, силой характера. Интересно, надолго ли ей хватит того и другого?

Шаол очень хотел снова встать на ноги, однако в самой глубине души надеялся, что Ириана не появится. Очень не хотелось заниматься тем, о чем так много говорила Ириана, – заново проходить через жуткие события прошлого. Говорить о них. Обсуждать те или иные моменты.

Шаол решил, что завтра же скажет ей четко и ясно: для его лечения эти разговоры не нужны.

Больше никто за столом к нему не обращался. Шаол коротал время, наблюдая за сотрапезниками и за снующими слугами. Со слуг его внимание переместилось на караульных возле окон и дверей.

Рослые, горделивые люди в красивых мундирах. Шаол смотрел на них, и съеденная баранина становилась в желудке свинцовой гирей. Не счесть таких же обедов, когда он сам стоял в карауле у дверей или во внутреннем дворе, оберегая покой короля. А как строго выговаривал своим гвардейцем за сутулость, за разговоры на посту. Провинившихся ждал новый караул (никакого отдыха) в менее ответственных местах.

Один из караульных хагана заметил его пристальный взгляд и приветствовал легким кивком. Шаол поспешно отвел глаза. Его ладони стали липкими от пота. Но он заставил себя продолжать наблюдение за окружающими: во что одеты, как ходят. Вплоть до манеры улыбаться.

Пока что он не заметил никаких признаков чужеродной силы и лазутчиков Мората или иного враждебного места. Только белые траурные лоскуты – косвенное напоминание, что принцесса Тумелуна могла погибнуть от чужих рук.

Аэлина утверждала, что валгские демоны распространяют характерное зловоние. У тех, в чьих телах они поселяются, кровь становится черной. Шаол более чем достаточно насмотрелся такой крови. Но не заставлять же всех в этом зале надрезать себе руки и показывать цвет крови!

Затея была не такая уж безумная. Надо лишь добиться аудиенции у хагана и убедить правителя отдать распоряжение, а потом зорко следить, кто сбежал или уклонился под каким-нибудь предлогом.

Шаол чувствовала, как важна безотлагательная встреча с хаганом. Лучше всего с глазу на глаз. Тогда он найдет слова, чтобы убедить Араса в грозящей опасности. Это станет первым шагом к союзу с Южным континентом. Какими бы ни были дети хагана, никто из них не заслуживал валгского ошейника. Шаол расскажет об ужасе, который испытываешь, когда смотришь в знакомые глаза, а оттуда на тебя глядит древняя жестокость чужого мира.

Хаган сидел сравнительно недалеко от Шаола и сейчас был занят разговором с принцессой Дувой и каким-то визирем.

Дува, теперь младшая из дочерей, больше наблюдала, чем участвовала в беседе. Она приветливо улыбалась, но ее зоркие глаза подмечали каждую мелочь. Шаол ждал паузы в разговоре. Наконец визирь умолк, чтобы глотнуть вина. Дува повернулась к своему молчаливому мужу. Тогда Шаол откашлялся и сказал:

– Великий хаган, я хочу еще раз поблагодарить вас за разрешение воспользоваться помощью ваших целителей.

Хаган скользнул по нему жесткими, усталыми глазами:

– Они, господин Эстфол, не более мои, чем твои.

Он снова перевел взгляд на визиря, который хмуро поглядел на Шаола, посмевшего вмешаться в их разговор. Но Шаола это не остановило.

– Я надеялся, что мне, быть может, будет оказана честь личной встречи с вами, великий хаган.

Несарина ткнула его локтем. За столом стало тихо. Однако Шаол не отводил взгляда от хагана.

– Об этом говори с моим главным визирем. Устройство встреч – по его части.

Кивком хаган указал на конец стола, где сидел человек с умным, цепким взглядом. Легкая улыбка на губах главного визиря подсказывала Шаолу: этой встрече не бывать.

– Для меня сейчас главное – помочь жене справляться с постигшим нас горем.

Печаль в глазах хагана была искренней. Его жена затворилась в своих покоях. Ей даже не оставляли места за столом, зная, что все равно не придет.

За столом повисла напряженная тишина. Где-то вдали прогремел гром. Шаол понял свою оплошность. Не время добиваться встречи с хаганом, когда он скорбит по дочери. Глупо вообще было раскрывать рот. И в высшей степени невежливо.

– Простите меня за то, что смел потревожить вас в столь трудное время, – склонив голову, произнес Шаол.

Он постарался не заметить язвительную усмешку Аргуна, сидящего на отцовской стороне. Дува сочувственно улыбнулась Шаолу. «Ты не первый, кому он отказывает во встрече, – говорила ее улыбка. – Дай ему время».

Шаол ответил принцессе легким кивком и уткнулся в тарелку. Если хаган решил избегать личной встречи с ним (скорбь ли является причиной или просто нежелание), найдутся иные пути, чтобы передать нужные сведения.

Другие способы заручиться поддержкой.

Он мельком взглянул на Несарину. Сегодня она вернулась за

полчаса до обеда и сообщила, что утром никак не могла разыскать Сартака. Сейчас принц сидел напротив них, лениво потягивая вино.

– Принц, я слышал, что ваша легендарная рукка, Кадара, тоже находится здесь, – непринужденным тоном произнес Шаол.

– Жуткая тварь, – проворчала Хасара, подняв голову от тарелки и наткнувшись на усмешку брата.

– Хасара до сих пор не может простить Кадаре, что при первой встрече моя пташка попыталась закусить ею, – сообщил Сартак.

Хасара выпучила глаза; во взгляде промелькнуло легкое изумление.

– Наверное, вы еще в гавани, едва сойдя с корабля, слышали ее пронзительные крики, – подлил масла в огонь Кашан.

– Принцессы или рукки? – спросила Несарина, удивив Шаола.

Сартак искренне засмеялся. Его холодные глаза вспыхнули. Хасара предостерегающе посмотрела на Несарину и повернулась к сидящему рядом визирю.

– Обеих, – улыбнувшись Несарине, шепнул Кашан.

Шаол невольно рассмеялся, но тут же сник, поймав испепеляющий взгляд Хасары. Несарина улыбнулась и кивнула принцессе, извиняясь за неуместную шутку.

Меж тем Сартак внимательно смотрел на адарланских гостей.

– А вы здесь часто летаете на Кадаре? – спросил Шаол.

Сартак уловил скрытую часть вопроса:

– Как только выдается свободное время. Обычно на рассвете. Сегодня я поднялся в небеса сразу после завтрака и летал почти до самого обеда. К счастью, не опоздал.

– Не помню случая, чтобы мой братец пропустил обед, – пояснила Хасара, не поворачивая головы.

Кашан расхохотался, обратив на себя внимание даже хагана. Аргун недовольно поморщился. Когда дети хагана в последний раз смеялись за столом? Наверное, еще при жизни Тумелуны. Напряженное лицо хагана подтверждало догадку.

Однако Сартак не оставил слова Хасары без ответа. Он закинул свою длинную косу за плечо, похлопал себя по твердому плоскому живот и спросил:

– А ради чего, сестрица, я так часто появляюсь дома, как не ради вкусной еды?

– Может, ради козней? – невинным тоном спросила она.

Улыбка Сартака погасла.

– Если бы у меня было время на подобные развлечения.

Лицо принца помрачнело. Шаол отметил, куда переместился взгляд Сартака. К белым лоскутам, по-прежнему свисающим из

высоких окон. Сейчас они сигналили о приближении грозы. Шаолу подумалось, что и Сартак находится в полном подчинении у хагана и искренне жалеет, что у него не остается времени на чисто человеческие стороны жизни.

– Я так поняла, принц, что вы летаете каждый день? – с несвойственной ей мягкостью спросила Несарина.

Сартак оторвался от разглядывания траурных лоскутов. Воин в нем заслонял придворного, и это чувствовалось.

– Да, капитан, – ответил Сартак, уловив невысказанную просьбу.

Когда он повернулся, чтобы ответить на вопрос Дувы, Шаол переглянулся с Несариной. Приказ был передан.

«На рассвете поднимешься в гнездо Кадары. Узнай, чью сторону занимает принц в этой войне».

10

Летняя гроза, надвигавшаяся с Узкого моря, обрушилась на Антику незадолго до полуночи.

Обширная библиотека Торры начиналась на первом этаже и уходила вниз. Удары грома ощущались даже под землей. В коридорах и залах первого этажа, имевшего окна, вспыхивали отблески молний. Ветер, проникавший сквозь трещины в каменных стенах, гулял по пространству библиотеки, угрожая задуть свечи. Правда, большинство свечей находились внутри стеклянных фонарей. Для бесценных книг и свитков не было худшего врага, чем открытый огонь. Однако ветер пробирался и под стекло. Вдобавок он раскачивал цепи, на которых висели фонари, отчего к завыванию ветра примешивался скрип цепей.

Ириана устроилась за столом в нише. Она любила укромные уголки. Оторвавшись от книги, она смотрела на свой раскачивающийся фонарь, свисавший со сводчатого потолка. Стенки фонаря были из прозрачного стекла, но с цветными вставками в виде звезд и полумесяцев. И сейчас по столу бегали красные, синие и зеленые пятна.

Очередные раскаты грома были настолько громкими, что Ириана вздрогнула. Старинный стул под нею недовольно затрещал.

Послышались девчоночьи визги, затем хихиканье. Младшие ученицы. Ириана вспомнила, что на следующей неделе Хазифа устраивает им проверку.

Ириана усмехнулась и снова углубилась в чтение. Несколько часов назад Нуша принесла ей нужные материалы.

С главной библиотекаршей они никогда не были дружны. Ириану не тянуло подсаживаться к ней в трапезной, однако Нуша свободно говорила на пятнадцати языках, часть которых относилась к мертвым. Она обучалась за западном побережье, в знаменитой Парванийской библиотеке. Библиотека занимала несколько зданий близ Бальруна, утопая в зелени.

Бальрун славился не только пряностями. Его называли городом библиотек. Если Торра-Кесме была средоточием целительства, Парвани был средоточием знаний. Даже широкая дорога, соединявшая Бальрун с главной артерией континента – Сестринской дорогой, протянувшейся от Антики до Тиганы, – называлась дорогой Ученых.

Ириана не знала, что́ заставило Нушу несколько десятков лет назад перебраться в Антику и какие блага посулила ей Торра. Но женщина осталась здесь, оказавшись настоящим кладезем знаний и неоценимой помощницей. При всей ее неулыбчивости и некоторой надменности, Нуша всегда находила Ириане нужные сведения, какой бы замысловатой ни была просьба целительницы.

Сегодня Ириана подошла к Нуше в трапезной, торопливо извинилась и сказала, что ей срочно нужны сведения.

– Дай мне сначала поесть, – хмуро прервала ее Нуша. – Вообще-то, могла бы подождать и до утра.

Могла бы, но с раннего утра у Ирианы были занятия, а затем встреча с Шаолом.

Поев, Нуша сложила руки на коленях своего просторного серого платья (она всегда одевалась в серое) и приготовилась слушать. Ириане пришлось рассказать ей про увечье Шаола. Затем она перечислила свои запросы.

Раны, нанесенные демонами. Раны, нанесенные темной магией. Раны неестественного происхождения. Раны, оставляющие невидимый след, но не донимающие свою жертву. Раны, оставляющие отметины, которые отличаются от привычных шрамов… Любые сведения, которые Нуша сможет отыскать.

И Нуша нашла. Стопки книг и кучу свитков. Все это она молча выложила на стол. Часть принесенного была на халхийском. Некоторые оказались на наречии Фенхару. Были книги на эйлуэйском. А некоторые…

В читальных залах, на каждом столе, была чаша с гладкими кусками оникса. Ими прижимали края развернутых свитков. Такие же куски удерживали сейчас свиток на столе Ирианы. Она смотрела на незнакомые письмена и молча чесала в затылке.

Даже Нуша призналась, что видит их впервые. Откуда был свиток – неизвестно. Главная библиотекарша нашла его засунутым между двух увесистых томов на эйлуэйском,

спустившись на самый нижний этаж библиотеки. Ириана там никогда не бывала.

Ириана водила пальцем по странным значкам, повторяя очертания прямых и косых линий, а также затейливых изгибов. Пергамент был очень старым. Нуша пригрозила сжечь Ириану заживо, если та посмеет пролить на свиток воду или вздумает есть рядом с ним. Ириана спросила о возрасте свитка, однако Нуша лишь покачала головой.

– Сто лет? – не отставала Ириана. – Больше?

Нуша лишь пожала плечами и сказала, что, судя по тому, где она нашла свиток, способу выделки пергамента и составу чернил, ему больше тысячи лет.

Убедившись, что значки все равно не сложатся в понятные ей слова, Ириана нахмурилась, сняла камни с краев и свернула пергамент. В книгах на ее родном языке она не нашла ничего значимого: обычные старушечьи предостережения против сглаза, порчи и злых духов, обитающих в воздухе и среди гнили.

Ничего похожего на демонов, о которых рассказывал Шаол.

Справа, из темноты, послышался легкий скребущий звук. Неужели мышь? Ириана подняла голову, готовая вскочить на стул.

Где же они – любимицы библиотеки, бастинские кошки? Их здесь обитало ровно тридцать шесть (ни больше ни меньше, и только кошки). Но мышей было значительно больше, и кошки, названные в честь Бастины – богини воинов, явно не справлялись.

Ириана снова вгляделась в темноту. Жаль, никого из кошек не позовешь и не попросишь поохотиться на мышь. Такое не удавалось никому. Бастинские кошки появлялись, когда сами пожелают, и ни минутой раньше. Эта порода жила в библиотеке Торры с самого появления башни. Никто не знал, откуда они появились и как поддерживали свою численность, заменяя одряхлевших и умерших. Каждая бастинская кошка обладала неповторимым характером (совсем как люди). Воительницы с пронзительно-зелеными глазами могли устроиться на чьих-то коленях и лежать часами, а могли и вовсе избегать общества людей. Кое-кто из целительниц, как молоденьких, так и вполне зрелых, клятвенно утверждал, что бастинские кошки умеют проходить сквозь стены и перемещаются между этажами без всяких лестниц. Более того, кошек видели сидящими на столах. Они листали страницы открытых книг и… читали.

Конечно, было бы лучше, если бы кошки поменьше читали и побольше охотились. Но, как уже говорилось, кошки подчинялись только Бастине или другому божеству, обосновавшемуся здесь в тени Сильбы. При всей своей независимости, они держались

стаей, и задеть одну бастинскую кошку означало нанести оскорбление всем. Правда, Ириана любила любую живую тварь (кроме некоторых видов насекомых) и всегда была готова почесать зеленоглазое существо за ухом или погладить по брюху.

Но зеленые огоньки во тьме не вспыхивали. Мышь избрала другой путь. Вздохнув, Ириана отодвинула на край стола загадочный древний свиток и взялась за книгу на эйлуэйском.

Книга в черном кожаном переплете была тяжелой, как обломок каменной плиты. Ириана немного знала эйлуэйский, поскольку жила невдалеке от границы между Фенхару и Эйлуэ. Ее мать свободно говорила на языке соседей, а отец был эйлуэйцем. Но отца Ириана никогда не видела.

Женщины в ее роду замуж не выходили, предпочитая иметь любовников. По большей части на одну ночь. Порою те оставляли «подарки», которые через девять месяцев появлялись на свет. В редких случаях мужчины жили год-другой, а потом все равно исчезали. Отец Ирианы постучался в дом ее матери, когда его застигла яростная буря, бушевавшая над равнинами. Утром он отправился дальше, и мать признавалась, что быстро забыла, как он выглядел.

Название книги было начертано золотом. Ириана давно не слышала слов эйлуэйского языка и не произносила их сама. Даже название она сумела прочесть не сразу.

– Баллада…

Ириана досадливо постучала пальцем по корешку. Напрасно она не попросила Нушу задержаться. Главная библиотекарша обещала помочь с переводом других книг, но… Ириана вздохнула. Слово это означало не балладу и не оду.

– «Песня», – вспомнила Ириана. – «Песня… Рассвета»?

Нет. Рассвет обозначался другим словом. Может, «Наступление»? «Песня Наступления» звучало как-то странно… Вспомнила! Начало!

Книга называлась «Песня Начала».

Шаол рассказывал о древней расе валгских демонов. Они были способны выжидать целую вечность, готовясь к удару. Память о валгах почти истерлась, а сами они превратились в миф. В страшные сказки, которые рассказывали непослушным детям.

Ириана открыла обложку и поморщилась. Оглавление было написано старинным шрифтом, от руки – во времена создания этой книги еще не знали печатного станка. И не только начертание букв с тех пор изменилось. Книга изобиловала незнакомыми словами, давно вышедшими из употребления в Эйлуэ.

Снова прогремел гром. По столу заплясали разноцветные

пятна. Ириана принялась листать пожелтевшие, заплесневелые страницы.

Ей попалась книга по истории.

Ириана листала все быстрее и вдруг обнаружила, что пропустила какую-то картинку. Пришлось возвращаться назад.

Картинка не была особо красочной. Художник обошелся всего тремя цветами: черным, белым и красным, лишь кое-где добавив желтого. Но нарисовано было талантливо. Скорее всего, художник проиллюстрировал написанное ниже.

Пустынный утес. Вокруг – воины в черных доспехах, стоящие на коленях перед тем, что занимало вершину утеса.

Высокие ворота. Сами по себе, без стен. За ними – никакой башни. Казалось, эти черные каменные ворота возникли прямо из воздуха. Арка ворот не имела привычных створок. В ее пространстве клубилось черное *ничто*. Из пустоты тянулись щупальца – отвратительная пародия на солнечные лучи – и касались коленопреклоненных солдат.

Ириана присмотрелась к фигурам на переднем плане. Тела у них были человеческими, но руки, сжимающие мечи… Это были не руки – кривые, когтистые лапы.

– Валги, – прошептала Ириана.

Ответом ей были раскаты грома.

Цепь с фонарем опять закачалась. Громовые раскаты передались стенам и полу, а оттуда – ногам Ирианы. Ее кости ответили гудением.

Ириана продолжала листать страницы, пока не увидела другую картинку. Три фигуры, застывшие возле тех же ворот. Они находились слишком далеко, чтобы разглядеть лица. Тела их были явно мужскими: высокими и сильными.

Ведя пальцем по строчкам, Ириана прочла подпись к картинке:

«Оркус. Мантикс. Эраван.

Трое валгских королей.

Обладатели Ключей».

Ириана закусила нижнюю губу. Шаол не сказал ей ни о каких Ключах. Но если существовали Врата… для их открытия требовался ключ. Или Ключи. Если в книге написана правда.

Часы в главном зале библиотеки прозвонили полночь. Ириана продолжала листать. Очередная картинка, встретившаяся ей, состояла из трех горизонтальных фрагментов.

Ириана поверила всему, что рассказал Шаол. Сейчас она получала дополнительное подтверждение. Даже если бы у нее оставались сомнения по части раны адарланца, картинки из старинной книги все ставили на свои места.

Верхний фрагмент изображал молодого человека, привязанного к черному каменному алтарю. Он отчаянно пытался высвободиться, страшась приближающейся фигуры в темном одеянии. У того, кто шел к нему, на голове была корона. Вокруг руки извивалось что-то похожее на змею из черного тумана. Только похожее.

Взглянув на средний фрагмент, Ириана поежилась.

Все тот же молодой человек. Глаза широко распахнуты в мольбе и ужасе. Рот раскрыт в крике. А черный змееподобный туман обвивается вокруг его горла.

От вида нижнего фрагмента у нее застыла кровь в жилах.

Мелькнувшая молния высветила нижнюю часть страницы.

Лицо молодого человека стало безучастным. Его глаза… Они изменились. На верхнем и среднем фрагментах его глаза были серебристыми. На нижнем они… почернели. Они еще оставались человеческими глазами, но зловещий обсидиан поглотил в них все.

Нет, он не умер. На нижнем фрагменте он был изображен встающим с алтаря. Цепи с него сняли. Он не представлял угрозы, поскольку уже не принадлежал себе…

Очередной удар грома вызвал новый всплеск криков и хихиканья. Судя по скрипу стульев, ученицы покидали библиотеку.

Ириана смотрела на стопку книг, принесенную Нушей, и вспомнила слова Шаола. Каменные ошейники и кольца помогали валгам удерживаться в теле жертвы. Однако снятие ошейников и колец не означало изгнание демонов. Те и другие играли вспомогательную роль, и если демоны успели прижиться и привыкнуть питаться жизненными соками человека…

Ириана тряхнула головой. Юноша на рисунке не был порабощен. Казалось, его заразили, внедрив в его тело демона, и демон через свою магию управлял им.

Вспыхнула молния, за ней почти сразу последовал громовой удар. И опять тот же звук, похожий на мышиный шорох. Только теперь он был ближе.

Ириана всмотрелась в темноту, и у нее зашевелились волосы на затылке. Что-то подсказывало ей: это не мышь. И не царапанье кошачьих когтей по каменному полу или деревянным полкам.

Два с лишним года назад, очутившись в стенах Торры, она ощутила себя в безопасности. Сейчас страх вернулся. Не шевелясь, она всматривалась в темноту справа. Потом медленно обернулась через плечо.

Коридор, заставленный по обеим сторонам книжными стеллажами, выходил в другой, пошире. Оттуда она минуты за

три дойдет до ярко освещенного главного зала, где постоянно дежурит стража. Если не за три, то за пять наверняка.

Вокруг – только тени, пляшущие цветные пятна качающихся фонарей, запах кожаных переплетов и пыли.

Целительная магия не давала защиты. Ириана дорого заплатила за это открытие. Но за год работы в «Белом поросенке» она научилась слушать, оценивать помещение, улавливать перемену в воздухе. Людской напор порождал бури не хуже природных стихий.

Отзвучало эхо последнего удара грома. Стало тихо, если не считать скрипа старинных фонарей. Никто не шуршал и не царапался. Ириана сглотнула. Библиотекари не любили, когда книги выносят из читальных залов, однако…

Ириана захлопнула «Песню Начала» и засунула к себе в мешок. Большинство книг, принесенных Нушей, оказались бесполезными, но пять или шесть могли пригодиться. Они были на эйлуэйском и других языках. Ириана запихнула в мешок и их. Свитки она тоже взяла, рассовав по карманам плаща, чтобы скрыть от библиотекарских глаз. Все это время Ириана поглядывала то в сторону коридора, то на книжные стеллажи справа.

«Будь у тебя немного здравого смысла, тебе бы не понадобилась моя помощь», – упрекнула ее молодая незнакомка в ту судьбоносную для Ирианы ночь. Слова въелись Ириане в память. Обидно было сознавать, что из-за собственной беспечности она попала в опасное положение. Незнакомка была мудрее ее и преподала Ириане еще несколько полезных уроков.

Скорее всего, завтра она посмеется над своими страхами. Возможно, это действительно проделки бастинской кошки со своеобразным чувством юмора. Но сейчас Ириана решила внимательно отнестись к дергающим ощущениям в спине. К голосу страха.

Попасть в большой коридор можно было более коротким путем, пройдя темный отрезок между стеллажами, однако Ириана предпочла более освещенный путь. Она шла с высоко поднятой головой, расправив плечи. Это был еще один совет незнакомки: «Держись так, будто вот-вот затеешь драку. Пусть тебя считают опаснее, чем ты есть на самом деле».

Сердце Ирианы бешено колотилось, грозя уйти в пятки. Но она плотно сжала губы. Ее глаза светились холодным огнем. Придав себе как можно более устрашающий вид, она шла быстрой, пружинистой походкой. Казалось, она вспомнила о каком-то срочном деле или была недовольна тем, что ей не нашли требуемую книгу.

Она все ближе подходила к месту пересечения с большим коридором. Там сейчас наверняка кто-то есть. Какие-нибудь припозднившиеся усердные ученицы, которые устали от чтения и теперь торопились поскорее добраться до своих уютных спален.

Ириана откашлялась, приготовившись крикнуть.

«Не кричи, что тебя грабят или насилуют. Люди подумают о собственной шкуре и предпочтут не ввязываться, – учила ее незнакомка. – Лучше всего кричать о пожаре. Это угроза для всех. Если на тебя напали, кричи: „Пожар!“».

За два с лишним года Ириана часто повторяла эти советы. Не себе. Великому множеству других женщин. Таково было повеление незнакомки. Ириана и подумать не могла, что сама окажется в опасной ситуации.

Ириана ускорила шаги и еще выше подняла голову. Оружия у нее не было, не считая ножичка, которым она вычищала раны и разрезала повязки. Он сейчас лежал на самом дне мешка.

Зато сам мешок, тяжело нагруженный книгами… Ириана сняла мешок с плеча, обмотав кожаные тесемки вокруг запястья. Если хорошенько качнуть мешком и ударить противника, тот не устоит на ногах.

Она была совсем близко от спасительного большого коридора, где светло… Краешком глаза она увидела *это*. Почувствовала. Кто-то двигался по соседнему проходу между стеллажами, вровень с нею. Ириана не решалась повернуться и посмотреть. Разум отказывался признавать то, что улавливали чувства.

Страх неумолимо запускал в нее свои когти. Ириана отбивалась, ощущая жжение в глазах.

Преследователь состоял из теней, движущихся сквозь темноту. Подкараулив ее, он устроил охоту, чтобы не дать ей выйти в коридор, перехватить и утащить во тьму.

«Здравый смысл. Здравый смысл».

Бежать нельзя. Он (или оно) узнает. Поймет, что она почуяла его присутствие. Тогда он может ударить.

Здравый смысл…

До большого коридора оставалась сотня локтей. Фонари были редкими островками света между морями теней. Ириана отчетливо слышала, как ее преследователь легонько стучал пальцами по корешкам книг. Но она заставила себя дерзко мотнуть головой, улыбнуться и весело крикнуть:

– Эй, Маддья! Что ты здесь делаешь в такую поздноту?

Она ускорила шаг, а ее неведомый преследователь, наоборот, пошел медленно. То ли удивился, то ли не знал, как ему быть дальше.

Нога Ирианы ударилась обо что-то мягкое и неподвижное. Ириана едва успела закусить губу, чтобы не завопить. На полу, лицом к стеллажу, скрючилась целительница. Бывало, целительницы (особенно младшие) уставали от чтения и засыпали прямо в библиотеке. Но за столами, а не в коридорах, лежа на полу.

Ириана нагнулась, вцепилась в худенькие руки женщины и повернула ее лицом к себе. Из соседнего прохода снова послышались шаги. Ириана еще больнее закусила губу.

Лицо женщины напоминало сморщенную грушу. Под глазами – синюшные пятна. Губы совсем бледные и потрескавшиеся. Простенькое платье, которое еще недавно было ей по фигуре, теперь висело, как на вешалке. От тела осталась лишь оболочка, словно кто-то выпил из него все жизненные соки.

Ириана узнала, кто перед нею. Узнала золотисто-каштановые волосы, почти такие же, как у нее. Днем, во Чреве Сильбы, она сидела рядом с этой женщиной, держа за руку и дожидаясь, когда та перестанет плакать.

Теперь эта рука стала совсем невесомой и неестественно сухой. Пульса не было. Тогда Ириана коснулась ее своей магией. И здесь никакого ответа. Магия умерла вместе с целительницей.

Шаги в соседнем проходе приближались. У Ирианы дрожали колени, но она заставила себя встать и пойти дальше. Мертвую целительницу она оставила лежать в коридоре, чего раньше никогда бы себе не позволила. Ириана взмахнула мешком, делая вид, что кому-то его показывает. Находясь в соседнем проходе, ее преследователь не видел большого коридора и не знал, есть ли там кто сейчас.

– Зачиталась сегодня. Чувствую, больше не могу. Глаза закрываются! – крикнула воображаемой подруге Ириана, мысленно вознеся благодарственную молитву Сильбе за то, что ее голос звучал спокойно и весело. – Повариха обещала припасти кое-что на ужин. Пойдешь со мной?

Могло показаться, что в большом коридоре ее действительно дожидались. Еще одна уловка из уроков незнакомки.

Пройдя несколько шагов, Ириана обнаружила: ее преследователь снова остановился. Уловка подействовала.

Ириана выскочила в большой коридор. Из другого бокового коридора туда вышли три младшие ученицы. Ириана бросилась к ним. Глаза девчонок округлились. Они раскрыли рты.

– Идемте, – только и шепнула им Ириана.

Девчонкам было не больше четырнадцати. Естественно, они сразу увидели бледное, испуганное лицо Ирианы. Этого оказалось достаточно, чтобы не возражать ей и не смотреть в сторону

коридора, откуда она выбежала. Она знала этих учениц, поскольку вела у них занятия.

Увидев тяжелый мешок, лямки которого были намотаны на запястье, девчонки окружили Ириану. Все три широко улыбались, включившись в странную игру.

– Пойдем к Поварихе, выпьем чего-нибудь горяченького перед сном, – сказала Ириана, борясь с желанием закричать во все горло и думая о целительнице, явно умершей не своей смертью. – Повариха меня ждет.

«И поднимет тревогу, если я не приду», – добавила она про себя.

Надо отдать должное этим девчонкам: никто из них не дрожал и не выказывал страха. Вскоре все четыре достигли большого зала, освещавшегося тридцатью шестью люстрами. В очаге пылал огонь. Стульев и диванчиков в зале тоже было тридцать шесть.

На расшитом сиденье стула, вблизи огня, грациозно растянулась черная бастинская кошка. Едва увидев Ириану и учениц, кошка вскочила и яростно зашипела. Не на них. Зеленые глаза сердито щурились в пространство коридора. Если верить легендам, такой же часто бывала богиня Бастина, изображавшаяся с головой кошки.

Какая-то из девчонок крепче стиснула руку Ирианы. Но никто не убежал. Так вчетвером они и подошли к большому, тяжелому столу, за которым обычно сидела главная библиотекарша. Кошка теперь стояла на полу, словно держала оборону. За столом сидела не Нуша, а ее заместительница, которую она готовила себе в преемницы, – женщина средних лет в сером платье.

– В одном из боковых коридоров я наткнулось на тело целительницы, – выпалила Ириана. – Она подверглась изощренному нападению. Нужно позвать стражу, а перед этим пусть все покинут библиотеку.

Женщина не вздрогнула и не стала задавать вопросов. Кивнув, она потянулась к колокольчику, дремавшему в чаше на краю стола.

Заместительница трижды позвонила в колокольчик. Человеку постороннему это показалось бы обычным сигналом закрытия библиотеки на ночь. Однако для тех, кто здесь жил, кто знал, что библиотека открыта круглосуточно…

Первый звонок: призыв слушать.

Второй: слушать внимательно.

Когда заместительница позвонила в третий раз, колокольчик звенел громче и дольше. Его звон разносился по всем залам, коридорам и этажам библиотеки. Третий звонок означал приказ:

уходить немедленно.

Помнится, в первые же дни появления Ирианы в Торре Эреция рассказала ей о значении сигналов, предварительно взяв клятву не разглашать эти сведения. Такую клятву давала каждая ученица. Как и всех новичков, Ириану заинтересовало, кто придумал этот ритуал и зачем он нужен.

В давние времена, еще до завоевания Антики хаганатом, город часто переходил из рук в руки, становясь добычей разных правителей. Их армии по-разному относились к населению. Были и такие, кто вел себя хуже зверей.

Ириана узнала, что под Торрой существует сеть туннелей, позволяющих покинуть башню. Правда, надобность в них отпала, и их заделали. А сигнальный колокольчик остался, и эту традицию Торра свято хранила на протяжении тысячи лет. Иногда целительницам устраивали учения. На всякий случай, мало ли, понадобится?

Вот и понадобилось. Эхо третьего звонка отражалось от стен, стеллажей и книжных переплетов. Ириане казалось, что она слышит, как встревоженные читательницы поднимают головы, захлопывают книги и встают, торопливо отодвигая стулья.

«Бегите, – мысленно умоляла она. – Выбирайте освещенные участки».

В большом зале было тихо. Часы в углу отсчитывали минуты. Бастинская кошка перестала шипеть и снова забралась на стул, но теперь мордой к коридору. Ее хвост сердито ударял по обивке. Одна из девчонок, пришедших с Ирианой, побежала звать стражу. Наверное, гвардейцы и сами слышали колокольчик и уже спешили к библиотеке.

Коридор стал наполняться звуками быстрых шагов и шелестом платьев. Ириана и заместительница главной библиотекарши всматривались в каждое лицо. Многие не скрывали удивления. Кто-то был откровенно напуган.

Ученицы, целительницы, библиотекарши. Никого из посторонних. Кошка тоже наблюдала за ними. Наверное, ее изумрудные глаза видели то, что было недоступно зрению Ирианы.

С противоположной стороны послышались другие шаги: тяжелые, уверенные, сопровождаемые лязгом доспехов. Ириана облегченно вздохнула. В зал вошло с полдюжины стражей Торры.

Подопечные Ирианы оставались с нею все время, пока она рассказывала о случившемся. Гвардейцы послали своего товарища за подкреплением, а заместительница вызвала Нушу, Эрецию и Хазифу. Девчонки молча смотрели на Ириану. Две держались за ее дрожащие руки.

Ириана велела им идти спать, но юные целительницы не уходили.

11

Ириана запаздывала.

Шаол ждал ее к десяти, хотя вчера она не назначила времени. Несарина ранним утром отправилось в гнездо, на встречу с Сартаком и его руккой. Завтракал Шаол в одиночестве. После завтрака – ждал.

И ожидание начинало его донимать.

Проведя час в праздности, Шаол занялся упражнениями, которые не требовали посторонней помощи. Ему осточертела тишина, изнуряющая жара и нескончаемое журчание воды садового фонтана. Мысли невольно возвращались к Дорину. Где-то сейчас его король и куда держит путь?

Вчера Ириана упомянула упражнения для ног и обещала показать. Но сидеть и ждать он больше не мог. Если она не считает нужным приходить вовремя, он займется делом.

Часы на комоде мелодично прозвонили полдень. В деревянном ящике скрывалось несколько серебряных колокольчиков, и теперь их музыка разливалась по гостиной. К этому времени руки Шаола дрожали от напряжения. Пот струился у него по лицу, груди и спине. Он сумел втащить себя в кресло и замер, переводя дух. Шаол уже собирался позвать Каджу, чтобы принесла кувшин воды и тряпку, когда появилась Ириана.

Он слышал, как хлопнула входная дверь. Потом Ириана обратилась к Кадже:

– У меня к тебе важное и ответственное поручение.

Шаол представил Каджу, послушно склонившую голову.

– У господина Эстфола появилась сыпь на ногах. Скорее всего, от какого-нибудь масла, которое ты влила ему в воду для купания.

Ириана говорила спокойно, но он улавливал нотки раздражения. Шаол нагнулся, разглядывая ноги. Утром он не видел никакой сыпи. Зуда или жжения он попросту не мог почувствовать.

– Господину Эстфолу нужен специальный настой. Туда входит кора ивы, мед и мята. На дворцовой кухне все это есть. Принеси все, что я назвала, только никому не говори зачем. Не хочу, чтобы начали болтать.

Снова молчание. Потом звук тихо закрывшейся двери. Шаол ждал, когда Ириана наконец войдет. После ухода Каджи она еще немного постояла в коридорчике, потом тяжело вздохнула и вошла.

Выглядела она просто ужасно.

– Что у тебя случилось? – вырвалось у Шаола раньше, чем он вспомнил, что, в общем-то, не имеет права спрашивать о подобных вещах.

Лицо Ирианы приобрело пепельный оттенок, под глазами чернели круги, а волосы висели сосульками.

– А ты упражнялся, – сказала она вместо ответа.

Шаол оглядел рубашку, насквозь мокрую от пота:

– Можно по-всякому коротать время, пока ждешь.

Ириана прошла к письменному столу. Шаги ее были медленными и тяжелыми.

– Что у тебя случилось? – повторил Шаол.

Ириана остановилась у стола, но не обернулась. Шаол стиснул зубы. Может, подогнать кресло к столу и развернуть так, чтобы видеть ее лицо? Раньше он бы подскочил к ней и донимал до тех пор, пока не узнал бы причину.

Ириана шумно опустила свой мешок на стол.

– Если хочешь упражняться, не лучше ли перенести упражнения в дворцовые казармы? – Она покосилась на ковер. – Ковры хагана бесценны, а ты заливаешь их потом.

– Нет, – коротко ответил Шаол, впиваясь в подлокотники кресла.

Ничего другого он сказать не мог.

– Но ты ведь был капитаном королевских гвардейцев. Упражнения со здешними гвардейцами пошли бы тебе только на пользу.

– Нет.

Ириана обернулась и смерила его взглядом. Шаол не отпрянул под взглядом ее золотистых глаз, хотя от недавних упражнений все жилы в груди саднили и были готовы лопнуть.

Она наверняка это заметила и запомнила. Порою Шаол ненавидел Ириану за излишнюю наблюдательность, а себя – за излишнее упрямство. Но упражняться со здешними гвардейцами, сидя в кресле… Меж тем Ириана направилась к нему. Ее лицо оставалось непроницаемым.

– Хочу заранее извиниться, если распространится слух про сыпь на твоих ногах.

И куда только делось изящество ее походки? Казалось, Ириане самой трудно передвигаться.

– Но Каджа показалась мне сообразительной девицей. Если я в этом не ошиблась, она поймет: сыпь появилась по ее недосмотру, а потому будет помалкивать, дабы не портить себе репутацию. Или хотя бы сообразит, что мы сразу поймем, кого благодарить за слухи.

«А ты по-прежнему не хочешь отвечать на мой вопрос, – подумал Шаол. – Хорошо. Зайдем с другого боку».

– Зачем ты спровадила Каджу?

Ириана плюхнулась на золотистый диван и стала растирать себе виски:

– Потому что минувшей ночью в нашей библиотеке кто-то убил целительницу, а потом охотился за мной.

Шаол замер:

– Как ты сказала?

Он оглядел окна, открытые двери в сад, выходы. Ничего, кроме жары, журчания фонтана и птичьего щебета.

– Я решила побольше разузнать о том, о чем ты мне рассказывал, – сказала Ириана. Бледность ее лица делала веснушки еще заметнее. – Нашла книги. Сижу, читаю. И вдруг чувствую: кто-то приближается.

– Кто?

– Не знаю. Я даже не могу сказать, был ли это кто-то один, или их было несколько. Я решила не испытывать судьбу и уйти оттуда. Точнее, убежать. По пути к главному коридору наткнулась на тело целительницы.

У Ириany дрогнуло горло.

– Потом, когда тело унесли, когда появилась стража, мы обшарили всю библиотеку, но ничего не обнаружили.

Ириана тряхнула головой, словно прогоняя жуткие ночные картины.

– Представляю, каково тебе пришлось…

Эти слова подсказала Шаолу не пустая вежливость. Не просто лишилось жизни живое существо – все прочие утратили давно привычный покой и безопасность. Шаол понимал, насколько тягостны Ириане его вопросы, однако удержаться не мог. Ответы были необходимы ему как воздух.

– Ты сказала, целительницу убили. Какие раны остались на теле?

Не так чтобы он и правда хотел это знать…

Ириана откинулась на мягкие подушки, устремив взгляд в позолоченный потолок.

– Так получилось, что днем я видела эту девушку. Совсем молодая. Может, чуть постарше меня. А когда обнаружила ее на полу, это был высохший труп. Никаких следов крови. Никаких внешних повреждений. Из нее… выпили все жизненные соки.

У Шаола зашлось сердце. Описание было пугающе знакомым. Валги. Он мог побиться об заклад на что угодно.

– И тот, кто лишил ее жизни, просто бросил тело?

Ириана кивнула. Дрожащими руками она провела по

волосам, потом закрыла глаза:

– Мне думается, они сообразили, что напали не на ту, и быстро исчезли.

– Почему?

Ириана открыла уставшие глаза. Кроме усталости, в них был откровенный ужас.

– Она похожа… была похожа на меня, – хрипло произнесла Ириана. – Одинаковые фигуры, цвет кожи, цвет волос. Кем бы ни был убийца или убийцы… они охотились за мной.

– Почему? – снова спросил Шаол, пытаясь разобраться в услышанном.

– Потому что вчера я читала о возможном источнике силы, которая тебя ранила… Часть книг я унесла с собой, часть оставила на столе. А когда караульные осматривали помещение, книги исчезли… Кто знал о твоем отъезде сюда? – спросила Ириана, глотая вязкую слюну.

Невзирая на жару, Шаола прошиб озноб.

– Мы не делали из этого тайны.

Его рука невольно потянулась к тому месту, где он привык находить меч. Тот самый, что несколько месяцев назад утопил в водах Авери.

– Широкого оповещения не было, но при желании узнать об этом мог кто угодно. И задолго до нашего появления здесь.

История повторялась, теперь уже на Южном континенте. В Антике появились валгские демоны. В лучшем случае низший слой. В худшем – их принцы. Возможно, и те и другие.

Шаолу вспомнился рассказ Аэлины. Такие же иссохшие останки они с Рованом находили в Вендалине (валгские демоны вторгались и туда). Здоровые, цветущие люди превращались в пустые оболочки. Валги высасывали из них все, включая душу.

– Принц Кашан подозревает, что Тумелуну убили, – сам не зная зачем, сказал Шаол.

Ириана выпрямилась. Ее лицо стало еще бледнее.

– Тело Тумелуны не иссохло. Верховная целительница, Хазифа, это подтвердила. Принцесса покончила с собой.

Обе смерти не обязательно были как-то связаны. Кашан вполне мог ошибаться насчет Тумелуны. Но даже если это два разных случая, ночное происшествие в библиотеке Торры…

– Нужно предупредить хагана, – сказала Ириана, словно прочитав его мысли.

– Конечно, – кивнул Шаол. – Непременно предупрежу.

При всей чудовищности случившегося… Возможно, это и был долгожданный повод для встречи с хаганом. Глядя на изможденное, испуганное лицо Ирианы, Шаол устыдился своих

мыслей:

– Прости, что втянул тебя во все это. Скажи, безопасность в Торре усилили?

– Да, – прошептала Ириана, водя пальцами по впалым щекам.

– А ты? Ты пришла сюда под охраной?

– При ярком солнце? – Ириана хмуро поглядела на него. – В самом центре города?

– От валгов можно ждать чего угодно.

Ириана отмахнулась:

– Скоро библиотека неузнаваемо изменится. В залах и коридорах будут дежурить караульные. Отныне – никаких хождений по темным коридорам в одиночку. Ума не приложу, где Хазифа сумела заполучить столько солдат.

Валгская шушера не брезговала ничьими телами. А вот их принцы отличались тщеславием. Шаол сомневался, что «породистый» демон согласится вселяться в тело обычного солдата. Они предпочитали красивых молодых мужчин из знатных семей.

Перед мысленным взором Шаола мелькнул каменный ошейник и холодная, мертвая улыбка.

Наконец он сумел выдохнуть:

– Поверь, я искренне скорблю о смерти этой целительницы.

Особенно если причиной ее гибели стал его приезд в Антику и если валги метили в Ириану, взявшуюся ему помогать.

– Тебе ни в коем случае нельзя ослаблять бдительность, – добавил он. – Ни на мгновение.

Ириана будто не слышала его предупреждения. Она рассеянно скользила взглядом по гостиной, коврам и мясистым листьям пальм.

– Молодые ученицы, еще совсем девчонки… Они испугались.

«А ты?» – мысленно спросил Шаол.

Раньше он бы вызвался охранять Ириану, стоять в карауле у ее двери. Он бы расставил солдат, поскольку знал, как надо действовать в подобных случаях. Но его служба осталась в прошлом, а хаган и здешние командиры вряд ли прислушаются к словам чужестранца.

И все же он не мог остаться в стороне.

– Чем я могу помочь? – спросил он Ириану.

Она повернулась к Шаолу. Ириана оценивала: не адарланца, а ощущения, которые вызвали у нее его слова. Шаол молчал, глядя на нее и ожидая ответа. Он не торопил.

– Я обучаю младших учениц, – наконец сказала Ириана. – Раз в неделю. После вчерашней ночи они слишком устали, и я позволила им выспаться. Сегодня у нас будет поминальная

служба по погибшей. А вот завтра… – Она закусила губу, принимая окончательное решение. – Завтра твое появление оказалось бы кстати.

– И чему ты их учишь?

– Плату за учебу с нас не берут, – теребя волосы, начала Ириана. – Мы платим иным способом. Кто помогает на кухне, кто в прачечной. Да и уборки хватает. Когда я появилась в Торре, Хазифа… Я ей сказала, что все это умею. Приходилось заниматься такой работой, и не один год. Тогда она спросила, умею ли я еще что-то, кроме целительства и помощи по хозяйству. Я ей рассказала… Словом, меня научили самозащите. Как действовать против нападающих. В основном мужчин.

Шаол едва удержался, чтобы не взглянуть на шею Ирианы с тонким, но заметным шрамом. Понятно, почему она стала учиться самозащите. Или научилась раньше, но навыков оказалось недостаточно?

Ириана шумно вздохнула:

– Я рассказала Хазифе и… Той, кто меня учила, я пообещала, что буду обучать других женщин. Стольких, скольких смогу. И потому раз в неделю я устраиваю занятия для молодых учениц. Но туда приходят и взрослые целительницы, библиотекарши, прислуга – словом, все, кому это интересно.

Эта хрупкая женщина с мягкими, внимательными руками… Но разве жизнь не показывала ему, сколь обманчивой бывает внешность и какой силой порою обладают, казалось бы, неприметные люди?

– Случившееся потрясло всех. Молодые – те всерьез напуганы. Злоумышленников в Торре не было очень давно. Сам понимаешь: если ты появишься у нас и расскажешь о навыках самозащиты, это поможет девчонкам воспрянуть духом.

Минуту или две Шаол просто смотрел на нее.

– Я буду их учить… сидя в этом кресле?

– Почему бы нет? Язык у тебя не отнялся.

Ответ был резким, не очень-то вяжущимся с просьбой.

Шаол заморгал:

– Возможно, они не слишком поверят такому учителю.

– Ошибаешься. Девчонки будут охать и ахать. Они так заслушаются, что забудут про страх.

Шаол снова заморгал, отчего Ириана слегка улыбнулась – хоть и довольно мрачной улыбкой. Интересно, а как она улыбается, когда по-настоящему счастлива? Следом он задал себе другой вопрос: часто ли Ириана бывает по-настоящему счастлива?

– Шрам на щеке добавит тебе таинственности, – сказала она,

упреждая сетования Шаола.

Ириана встала, вернулась к столу и взялась за тесемки мешка.

– Ты всерьез хочешь, чтобы я завтра появился у вас?

– Надо будет сообразить, как доставить тебя к нам. Не думаю, что это окажется слишком уж трудным делом.

– Проще всего запихнуть меня в карету вместе с креслом.

– Побереги свою злость для наших упражнений, господин Эстфол, – сказала Ириана, обернувшись назад. Она шумно поставила на стол склянку с маслом. – Ни в какой карете ты не поедешь.

– Значит, слуги понесут меня в паланкине?

Да он лучше поползет.

– Есть такие животные – лошади. Слышал про них?

Шаол впился в подлокотники кресла:

– Чтобы ездить верхом, нужны ноги.

– И они у тебя есть. Целых две. – Ириана склонилась над мешком, собираясь достать оттуда еще несколько склянок. – Утром я переговорила с верховной целительницей. Она мне рассказала любопытные вещи. Люди с такими увечьями, как у тебя, не ждали, пока мы до них доберемся. Они продолжали ездить верхом, но с особыми постромками. Эти приспособления уже делают для тебя в нашей мастерской. Скоро будут готовы.

Шаол переварил услышанное:

– Значит, ты уже решила, что завтра я поеду с тобой.

Ириана повернулась к нему, сжимая в руке мешок:

– Я решила, что тебе в любом случае захочется покататься верхом.

Он молча смотрел, как Ириана неторопливо идет к нему. Сейчас ее лицо выражало лишь откровенное раздражение. Но лучше это, чем явный страх.

– Думаешь, такое возможно? – хрипло спросил Шаол.

– Да. Завтра я приду очень рано. У нас хватит времени продумать что и как. Урок начнется в девять.

Ездить верхом, даже если он не в состоянии ходить. Ездить верхом…

– Прошу тебя, не давай мне надежду, которая потом разлетится на куски, – все тем же хриплым голосом произнес он.

Ириана опустила мешок на низкий столик у дивана, туда же поставила склянку и знаком пригласила Шаола подъехать:

– Хорошие целители не раздают пустых надежд. Прими это к сведению, господин Эстфол.

Сегодня он не стал надевать камзол. Пояс оставил в спальне. Сбросив через голову взмокшую рубашку, он быстро расстегнул

пуговицы штанов.

– Я – Шаол. Это мое имя. Шаол. И никакой я не господин Эстфол.

Кряхтя, он приподнял туловище, переместившись из кресла на диван.

– Меня тут представляли как «управителя Эстфола». Еще глупее. Эта должность принадлежит моему отцу.

– Но кто же ты, если не господин?

– Просто Шаол.

– Господин Шаол.

Он с трудом передвинул бесчувственные ноги. Ириана и не подумала помочь.

– Мне думается, что ты до сих пор меня презираешь, – сказал он.

– Если завтра ты поможешь моим девчонкам, я пересмотрю свое отношение к тебе.

Сердитый блеск в ее золотистых глазах подсказывал Шаолу обратное, и тем не менее он слегка улыбнулся:

– Опять будешь массировать?

Шаолу хотелось попросить Ириану снова размять его саднящие мышцы. Сегодня он перенапряг их упражнениями и самостоятельным перемещением между кроватью и купелью, между креслом и диваном.

– Нет. Ложись на живот. Сегодня я начну.

– Ты нашла нужные сведения?

– Нет. – Как и вчера, она сдернула с него штаны. – Но после минувшей ночи… я не хочу медлить.

– Я… смогу. – Шаол стиснул зубы. – Мы найдем способ защитить тебя, пока ты ищешь нужные сведения.

Он ненавидел эти слова, имевшие вкус прогорклого молока. Горечь во рту, горечь в горле.

– И они это знают, – сказала Ириана, нанося масло на его спину. – Но я сомневаюсь, что дело в сведениях и что они намеренно мешают моим поискам.

От этих слов Шаолу стало не по себе. Даже приятное, успокаивающее скольжение рук Ирианы по его спине не уменьшало тревожности. Меж тем ее руки приближались к белому пятну возле шеи.

– Тогда чего же они хотят? – спросил Шаол.

Он догадывался чего, но хотел услышать это из уст Ирианы. Убедиться, что они оба думают одинаково и она тоже понимает, на какой рискованный путь вступила.

– Мне кажется, их беспокоят не мои изыскания в древних книгах, а то, что я взялась за твое исцеление.

Шаол вытянул шею. Ему хотелось увидеть лицо Ирианы сейчас, после произнесенных слов. Но она сосредоточенно рассматривала белое пятно. Чувствовалось, она очень устала. Возможно, ночью не сомкнула глаз.

– Если ты сильно устала…

– Я не устала.

– Можешь вздремнуть на диване. Я тебя постерегу. – «Увечный сторож в кресле», – подумал про себя Шаол. – Моей спиной займешься потом.

– Никаких «потом», – твердым, недрогнувшим голосом возразила Ириана. – Я не стану трястись от страха им в угоду. Когда-то я боялась всех подряд. Позволяла другим вытирать о себя ноги, поскольку очень страшилась последствий отказа. Я вообще не умела отказывать.

Ее пальцы нажали ему на спину – молчаливый приказ опустить голову.

– А в день, когда я достигла Антики, я отринула себя прежнюю. И будь я проклята, если снова позволю той пугливой девчонке появиться и взять верх. Или позволю другим делать за меня выбор и говорить, как я должна жить.

У Шаола волосы встали дыбом – столько гнева было в голосе Ирианы. Эта хрупкая на вид женщина была сделана из стали, а внутри у нее бурлило пламя. Может, внутренний жар передался и ее ладони, которая вновь достигла белого пятна.

– Сначала посмотрим, как темная магия ответит на мои наскоки.

Ириана опустила ладонь на пятно. Шаол открыл рот, собираясь ответить…

Но вместо слов оттуда вырвался крик.

12

Жгучая, невероятно острая боль вонзила свои когти в спину Шаола. Он изогнулся в дугу и пронзительно закричал.

Ириана тут же отдернула руку. Затем послышался грохот.

Судорожно дыша ртом, Шаол приподнялся на локтях. Ириана сидела на столике. Рядом валялась опрокинутая склянка. Масло растекалось по поверхности. Ириана оторопело смотрела на его спину, на то место, где мгновения назад находилась ее рука.

Шаол молчал. Эхо боли отзывалось в верхней части туловища, мешая говорить. Ириана рассматривала ладони, поворачивая их под разными углами, будто видела впервые.

– То, что внутри твоей раны, не просто отталкивает мою

магию, – прошептала она.

Локти не выдержали напряжения. Шаол рухнул на подушки.

– Оно ненавидит мою магию.

– Вчера ты говорила… это отзвук, не связанный с раной.

– Я могла ошибаться.

– Рован врачевал мою спину, и никакая сила ему не противилась.

Ириана вопросительно подняла брови. Шаол мысленно отругал себя за разбалтывание сведений. Неужели он забыл, что здешние стены имеют уши и уста?

– Ты был в сознании?

Он задумался:

– Нет. Я тогда был при смерти. Мне потом рассказали.

Ириана только сейчас заметила разлитое масло и тихо выругалась. Шаолу вспомнились полковые лекари. Те в схожей ситуации затопили бы пространство отборной и грязной руганью.

Ириана потянулась к мешку, но Шаол оказался быстрее. Он успел подхватить с дивана свою пропотевшую и все еще мокрую рубашку, которая и впитала лужицу масла. Бесценный ковер хагана был спасен.

Ириана посмотрела на рубашку, затем на протянутую руку Шаола, оказавшуюся почти что на ее коленях.

– Возможных причин две. Или ты не ощущал боли, поскольку был без сознания, или то, что у тебя внутри, не успело укорениться.

У Шаола сдавило горло.

– Думаешь, я теперь одержимый?

Неужели он попал под власть страшной силы, обитавшей внутри отца Дорина? Та сила заставляла прежнего короля творить немыслимые злодеяния.

– Нет. Но боль может указывать на нечто живое. И это нечто не хочет отступать. Оно пытается пугать и тебя, и меня.

– Так позвоночник у меня тоже поврежден? – почти шепотом спросил Шаол.

– Да, – ответила Ириана, и у него похолодело в груди. – Я обнаружила сломанные позвонки. Жилы кое-где порваны, а в других местах сплелись в клубок. Но чтобы все это исцелить, чтобы заставить все части твоего тела снова наладить устойчивую связь с мозгом, мне нужно побороть это эхо. Или подавить его сопротивление, чтобы не мешало работать.

Ириана поджала губы:

– Не знаю, как еще назвать это нечто. Я его ощущаю как тень. Она будет сопротивляться мне на каждом шагу, изматывать тебя болью, пока ты не сдашься и не откажешься от моей помощи.

Глаза Ирианы смотрели на него с непривычной суровостью.

– Ты понимаешь, о чем я сейчас тебе говорю?

– Да, – тяжело выдохнул Шаол. – Ради выздоровления мне придется долго терпеть жуткую боль.

– У меня есть снотворные травы, но при таком серьезном увечье… Я не смогу вести сражение одна. Если же тебя погрузить в бессознательное состояние… Наш противник может попытаться расширить свою власть над тобой. Меня это страшит. Я знаю, как уязвима бывает человеческая психика во сне.

Кажется, лицо Ирианы стало еще бледнее.

– Делай то, что считаешь нужным. – Он стиснул ей руку.

– Будет больно. Как сейчас. Возможно, еще хуже. Постоянная боль. Мне придется двигаться вниз маленькими шажками, проходить позвонок за позвонком, до самой поясницы. Сражаться с противоборствующей силой и одновременно исцелять.

Пальцы Шаола еще крепче сжали руку Ирианы – такую маленькую по сравнению с его рукой.

– Делай то, что считаешь нужным, – повторил он.

– И ты тоже, – тихо сказала она. – Ты будешь сражаться наравне со мной.

Шаол замер. До него начинало доходить, что́ его ждет в ближайшем будущем.

– Если природа этих сил такова, что они питаются нами… Если они кормятся тобой, а ты остаешься здоровым… значит пищей им служит не тело, а что-то иное. Что-то внутри тебя.

– Я ничего не чувствую.

Ириана взглянула на их сомкнутые руки и высвободила свои пальцы. Не выдернула, но для Шаола это все равно было ощутимо.

– Нам стоит всерьез поговорить.

– О чем?

Ириана тряхнула головой, откидывая волосы:

– О том, что случилось с тобой и почему ты, сам того не желая, кормишь чужеродную силу.

Ладони Шаола взмокли от пота.

– Тут не о чем говорить. И обсуждать нечего.

Ириана молча смотрела на него. Шаолу стоило немалых усилий выдержать ее взгляд и не втянуть голову в плечи.

– Из того, что я узнала, нам нужно многое обсудить. Прежде всего – что с тобой было в последние несколько месяцев. Похоже, то время было для тебя крайне тревожным и противоречивым. Ты же сам вчера говорил, что никто не испытывает к тебе такой ненависти, как ты сам.

«Это еще мягко сказано», – подумал Шаол.

– И тебе вдруг захотелось узнать об этом?

Ириана спокойно восприняла его вопрос:

– Если это требуется для твоего исцеления, чтобы пройти и оставить в прошлом… да.

– Ну что ж. Ты узнаешь. Только потом не сетуй.

Лицо Ирианы превратилось в непроницаемую маску. Дорину бы явно понравилось.

– Полагаю, ты не собираешься застревать здесь надолго, – сказала она. – Особенно сейчас, когда на нашей, как ты изволил выразиться, родине полыхает война.

– А разве Эрилея – не наша родина?

Ириана встала, подхватив мешок:

– Эрилея – да. Но мне нет и не будет дела до Адарлана.

Шаол ее понимал. Прекрасно понимал. Наверное, потому до сих пор и не рассказал ей, кто нанес ему рану, оставившую темное эхо.

– А ты, – продолжала Ириана, – упорно избегаешь говорить на самую важную тему. Но рано или поздно тебе придется это сделать.

– При всем моем уважении к твоему ремеслу, тебя это не касается.

Глаза Ирианы насмешливо вспыхнули.

– Ты бы удивился, узнав, как тесно исцеление телесных ран связано с исцелением ран душевных.

– Я сталкивался с силой, которая противостоит тебе сейчас.

– Тогда скажи, что́ в тебе служит ей кормом?

– Не знаю.

Раньше это его не волновало.

Ириана порылась в мешке, нашла то, что ей требовалось, и вернулась к дивану. У Шаола все сжалось внутри. В руках у целительницы был кожаный кляп. Новенький, не побывавший ни в чьем рте.

Ириана недрогнувшей рукой протянула ему кляп. Часто ли ей приходилось пользоваться этим «молчальником», исцеляя более серьезные увечья, чем у него?

– Можем обойтись и без этой штуки, если ты все же предпочтешь обсудить со мной события твоего недавнего прошлого, – хмуро бросила ему Ириана.

Шаол лег на живот, затолкав кляп себе в рот.

Восход солнца Несарина встречала в небе.

Принц Сартак с раннего утра ожидал ее в гнезде своей рукки. Минарет, на вершине которого находилось гнездо, был открыт всем стихиям. Поднявшись туда, Несарина остановилась возле

лестничной арки. За спиной принца, облаченного в кожаные доспехи…

Кадара была прекрасна.

Все золотистые перья рукки сияли, как отполированный металл. Белые перья на груди могли соперничать с выпавшим снегом. Такие же золотистые глаза мгновенно заметили Несарину и смерили ее взглядом. Сартак, прилаживающий седло к широкой спине рукки, обернулся.

– А-а, капитан Фелак, – произнес он вместо приветствия. – Рано же ты встала.

Обычные слова, предназначавшиеся для посторонних ушей.

– Я почти не спала из-за ночной грозы. Надеюсь, я вам не помешала.

– Наоборот. – Сумеречного света хватало, чтобы видеть его улыбку. – Я тут собирался отправиться в полет. Этой жирной хрюшке надо поохотиться и добыть что-нибудь к завтраку.

Кадара сердито распушила перья и щелкнула громадным клювом. Такой клюв мог легко откусить человеку голову. Неудивительно, что принцесса Хасара побаивалась боевой подруги Сартака.

Принц усмехнулся, поглаживая перья Кадары:

– Не желаешь ли составить мне компанию?

Услышав приглашение, Несарина вдруг почувствовала, насколько высок этот минарет. А ведь Кадара полетит еще выше. И никаких дополнительных креплений, удерживающих от падения и верной смерти. Только седло и руки всадника.

Но совершить полет на рукке…

Более того, вместе с принцем, у которого могут быть весьма полезные для них сведения…

– Я еще никогда не летала, но с благодарностью принимаю ваше приглашение, принц.

Приготовления заняли считаные минуты. Сартак заявил, что одежда Несарины не годится для полетов, и велел сменить темно-синий наряд на кожаные доспехи. В шкафу у дальней стены лежал еще один комплект доспехов. Пока Несарина переодевалась, он вежливо отвернулся. Ее волосы были сравнительно короткими – только до плеч. Такие в косу не заплетешь. Принц достал из кармана кожаный шнурок, и Несарина связала волосы тугим узлом.

По словам Сартака, он всегда брал с собой запасной шнурок. Если волосы не связать, ветер запутает их так, что потом несколько дней не расчешешь.

Принц забрался в седло первым. Умная, наблюдательная Кадара поджала лапы и стала похожей на огромную курицу.

Сартак проворно вскочил в седло и протянул руку Несарине. Она осторожно коснулась ребер Кадары. Прохладные перья были мягкими, словно тончайший шелк.

Несарина мешкала и, когда Сартак бесцеремонно подхватил ее и усадил перед собой, наградила принца сердитым взглядом. Меж тем Кадара спокойно приняла вторую всадницу и терпеливо ждала хозяйского приказа взлетать.

Сартак закрепил себя и Несарину в седле, трижды проверив надежность кожаных ремней. Затем прищелкнул языком и…

Несарина сознавала: невежливо хватать принца за руки да еще сжимать их до хруста костей. Она это сделала совершенно инстинктивно, едва Кадара расправила сверкающие золотистые крылья и спрыгнула с минарета.

Спрыгнула вниз.

У Несарины душа ушла в пятки. Глаза заслезились, все расплылось.

На нее тут же накинулся ветер, угрожая вырвать из седла. Несарина до боли сжала бедра. Она буквально вцепилась в руки принца, уверенно державшие поводья. Сартак лишь усмехнулся ей в ухо.

Однако светлые каменные здания Антики приближались с угрожающей быстротой. В рассветной дымке они казались голубыми. А Кадара опускалась все ниже, подобно звезде, упавшей с небес.

И вдруг, взмахнув крыльями, рукка устремилась вверх.

Несарина радовалась, что не стала завтракать: живот исторг бы все. Он и сейчас негодующе урчал.

Набрав высоту, Кадара резко повернула вправо, к розовеющему горизонту.

Антика, раскинувшаяся внизу, становилась все меньше и меньше, пока не превратилась в паутину дорог и белесых пятен. Внизу теперь мелькали оливковые рощи и пшеничные поля, крестьянские дома и городки. Слева желтели волнистые дюны северной пустыни. Справа вставали горы, прорезанные нитками рек. Восходящее солнце золотило их воду.

Сартак молчал. Ни слова о примечательных местах, над которыми они пролетали. Он даже не упомянул о Сестринской дороге, тянущейся через весь континент. Наверное, не хотел мешать Кадаре или просто привык молчать. Рукка продолжала набирать высоту. Воздух становился все прохладнее, а пробуждающее небо – все голубее. С каждым взмахом могучих крыльев картина внизу менялась.

Простор. Невообразимый простор.

Но не такой, как бескрайнее море, где ты зажат на корабле, а

вокруг – монотонные, опостылевшие волны.

Этим можно было… дышать. Это само по себе было…

Несарина не успевала поворачивать голову. Ей хотелось увидеть все разом. Громадный мир, полный маленьких частиц, из которых он состоял. Неповторимая, удивительно красивая мозаика. Земля, когда-то завоеванная, но видевшая от завоевателей только любовь и заботу.

Ее земля. Ее родина.

Несарина не переставала удивляться, что можно одновременно видеть столько непохожих уголков континента. На востоке, почти у самого горизонта, расстилались травянистые степи. Она поворачивала голову на запад – и уже никаких степей. Густые леса и прямоугольники рисовых полей. На севере – дюны и кусочек моря. Кадаре бы не хватило дня, чтобы долететь до границ видимого. А чтобы все это обойти, Несарине не хватило бы жизни. Южный континент вмещал в себя если не бескрайний, то невероятно протяженный мир.

Она не понимала, зачем отец покинул родные края.

Еще непонятнее, почему остался, когда Адарлан стал погружаться во тьму. Почему удерживал семью в чужом Рафтхоле, где Несарина редко поднимала голову к небу. Она вспомнила запахи детства. Там пахло гниющей тиной и морской солью, если ветер дул с Авери. А в безветрие удушающе воняли окрестные помойки.

– Ты совсем затихла, – сказал принц, и в его устах это прозвучало, скорее, как вопрос.

– У меня не хватает слов, – ответила она на халхийском. – Увиденное не выразить словами.

Несарина почувствовала улыбку Сартака.

– И у меня были такие же ощущения, когда я впервые поднялся в воздух. С тех пор они ничуть не потускнели.

– Теперь я понимаю, почему вы так охотно остались в дарганцком лагере и почему всегда торопитесь туда вернуться.

– Мои помыслы так легко прочесть? – помолчав, спросил Сартак.

– А разве у вас нет желания вновь оказаться в дарганцких просторах?

– Кое-кто считает отцовский дворец самым прекрасным местом в мире.

– Они правы.

Принц умолк, но в молчании Несарина улавливала его вопрос: «А разве замок в Рафтхоле не таков?»

– Рафтхольский замок был внушительным, но красивым я бы его не назвала. Он бросал вызов окружающему миру.

Часть ответных слов Несарина не слышала. Их гудение отдавалось у нее в спине.

– Смерть Тумелуны очень тяжело отразилась на нашей матери. Из-за нее я и задержался в Антике.

– Я потрясена кончиной вашей сестры.

Сартак не ответил, а через какое-то время спросил:

– Почему ты сказала про рафтхольский замок «был»?

– Вы ведь слышали, что́ случилось с его стеклянной частью.

– Ах да… – И снова несколько минут молчания. – Его разрушила королева Террасена. Ваша… союзница.

– Моя подруга.

Сартак выгнул шею, чтобы заглянуть Несарине в глаза:

– Ей можно доверять?

– Она – хороший человек, – не кривя душой, ответила Несарина. – Трудная в общении, это да. Но такое можно сказать о любом правителе.

– Видно, прежний король Адарлана показался ей настолько трудным в общении, что она его убила.

Сартак умел выбирать слова.

– Прежний король был чудовищем, всеобщей угрозой. Перангтон, его правая рука, и сейчас остается таким. Аэлина оказала Эрилее большую услугу.

Сартак наклонил поводья, и Кадара начала медленно спускаться, держа путь к речной долине.

– Аэлина в самом деле настолько сильна?

Несарина задумалась. Стоит ли сказать Сартаку правду или разумнее приуменьшить силу Аэлины?

– И она, и Дорин наделены значительной магической силой. Но мне думается, их главное оружие – ум. Грубая сила, не сдерживаемая умом, бесполезна.

– А неуправляемая магическая сила еще и опасна.

– Да, – согласилась Несарина.

Ее не учили искусству витиеватых придворных речей, где слова выстраиваются в лабиринт.

– Неужели говорить во дворце настолько опасно, что нам приходится вести этот разговор в небесах? – спросила она.

Задавать такие вопросы Сартаку тоже было рискованно – ведь он сам мог оказаться источником опасности.

– Ты несколько раз сидела за одним столом с моими братьями и сестрами. Видела, каковы они. Если бы я решил встретиться с тобой и господином Эстфолом, они бы расценили это по-своему. Подумали бы, что я решил выслушать ваши заботы и предложения, чтобы затем пересказать нашему отцу. Они бы сразу начали обдумывать, насколько им выгодно или невыгодно

мне помешать. А может, еще выгоднее ко мне примкнуть?

– Это они. Но вы скажете про себя? Вы готовы нас выслушать?

Сартак ответил не сразу, как будто ответ требовал тщательного обдумывания. Кадара летела против ветра, и его шум врывался в уши.

– Я бы вас выслушал. Тебя и господина Эстфола. Все, о чем бы вы соблаговолили рассказать. Узнал бы, что́ с вами произошло. Мое влияние на отца не настолько велико, как у других, но ему хорошо известно: руккины мне верны и пойдут за мной.

– А я-то думала…

– Что я – его любимый сын? – Сартак невесело рассмеялся. – Шанс стать преемником есть у всех детей хагана, но хаган не выбирает из тех, кого больше любит. Впрочем, и здесь мне не соперничать с Дувой и Кашаном.

Несарина еще могла понять, почему миловидная Дува числится у хагана в любимых дочерях.

– Неужели Кашан?

– Он беспредельно предан отцу. Никакой закулисной игры, никакого подвоха. О себе такого сказать не могу. Чтобы получить желаемое, я мог и закулисную игру вести, и подножку поставить дорогим братьям и сестрам. Но Кашан… Пусть он командует пехотой и конницей… кстати, командует умело и, когда требуется, умеет быть жестоким. А в отношениях с отцом он простодушен. Ты не найдешь более верного и любящего сына. Когда наш отец умрет… я с беспокойством думаю о том времени. Меня тревожит, как обойдутся с Кашаном, если он не подчинится. Но еще сильнее меня тревожит сам Кашан. Для него смерть отца окажется крушением привычного мира.

– А как бы вы поступили с ним? – отважилась спросить Несарина.

«Убьешь его, если он не принесет тебе клятвы верности?» – следом подумала она.

– Сейчас об этом рано говорить. Все выяснится в решительный момент. Тогда станет ясно: опасен ли он или полезен. Из нас пятерых семьи есть только у Аргуна и Дувы. Правда, Аргун пока не имеет потомства. Хотя Кашан наверняка стал бы добиваться взаимности от этой молодой целительницы.

Сартак не назвал имя Ирианы. Несарина и так все поняла.

– Странно, что она не проявляет интереса к вашему брату, – осторожно сказала Несарина.

– Очко в пользу ее дальновидности. Тяжело любить хаганского сына.

Солнце еще не успело стать жгучим. Зеленые травы

переливались бесчисленными капельками росы. Кадара неслась к быстрой реке. Имея такие большие и острые когти, она могла легко поймать даже большую рыбину.

Но Кадара, летя над рекой, высматривала совсем другую добычу.

– Вчера ночью кто-то ворвался в библиотеку Торры, – сообщил Сартак, наблюдая за охотой своей любимицы.

Лицо Несарины было влажным от речного тумана. От слов Сартака ее обдало ледяным холодом.

– Нападавшие убили целительницу. Уж не знаю, какой злой силой они владеют, только от несчастной осталась лишь сморщенная оболочка. Такого в Антике мы еще не видели.

У Несарины вторично свело живот. Сморщенная оболочка…

– Кого убили? И зачем?

– На знаю. Ириана Торас подняла тревогу. Солдаты несколько часов подряд обшаривали все закоулки библиотеки. Кроме тела – никаких следов. Пропали только книги, которые читала Ириана. Там-то нападавшие и подкараулили ее. Ириана, естественно, была на себя не похожа, но не пострадала.

Вчера вечером Шаол говорил, что Ириана намеревалась поискать в библиотеке сведения о ранах, наносимых магией и демонами.

– Ты знаешь, что́ могла искать Ириана? Неспроста же за нею охотились и похитили оставленные книги.

Несарина задумалась. Возможно, Сартак вел с нею хитроумную игру. Рассказал кое-что о детях хагана и о себе, но не просто так, а чтобы убаюкать ее бдительность и вызнать их тайны. Пока что они с Шаолом молчали о валгах и Эраване. Хаган и его дети об этом не знали. Посланцы Адарлана выжидали удобного случая и пытались понять, кому из пятерых можно доверять. Если враги узнают, что они охотятся за Ключами, дабы запечатать Врата Вэрда…

– Нет, – соврала Несарина. – Возможно, это какие-то неизвестные наши враги. Хотели напугать Ириану и остальных целительниц, чтобы те отказались помогать капитану. То есть господину Эстфолу.

Сартак молчал. Несарина думала, что принц забросает ее вопросами. Но он лишь следил, как Кадара приближается к водной поверхности. Наверное, рукка наконец заприметила достойную добычу.

– Представляю, как непривычно носить новое звание, когда тот, кому оно принадлежало, находится рядом.

– Я не успела и двух недель пробыть капитаном, как мы отправились сюда. После возвращения буду привыкать.

– Если Ириана добьется успеха. К этому надо добавить и другие вероятные победы.

Например, армию, которую согласится выделить им хаган.

– Да, – только и смогла ответить Несарина.

Кадара резко скользнула вниз. Сартаку пришлось крепче удерживать Несарину. Он даже зажал ее бедра своими.

Несарина не возмущалась. Для нее сейчас важнее всего было не накрениться вбок. Кадара на треть погрузилась в воду. Молотя лапами, она подхватила какое-то существо и швырнула на берег. Через мгновение рукка уже нависла над добычей, раздирая пойманного зверя когтями и клювом. Добыча делала отчаянные попытки вернуться обратно в реку, верещала и извивалась… Вскоре послышался громкий хруст и стало тихо.

Рукка успокоилась и принялась отряхиваться, освобождая шею и грудь от крови жертвы. Несколько капель попали Несарине на сапоги.

– Будь осторожна, капитан Фелак, – сказал принц.

Несарина оторопело смотрела на зверя, которым завтракала Кадара. Тот был не менее пятнадцати локтей в длину. Все тело покрывала толстая чешуя. Похожие звери водились в болотах Эйлуэ, но этот был крупнее и жирнее. Скорее всего, речное чудовище промышляло скотом, приходившим к реке на водопой.

– Земли моего отца очень красивы, – продолжал Сартак, пока Кадара насыщалась мясом. – Но в глубинах таится много опасного.

13

Вытянув ноги и прислонившись спиной к дивану, Ириана сидела на ковре и тяжело дышала. Дыхание Шаола, лежащего на диване, тоже было судорожным.

Во рту Ирианы было сухо, как в пустыне. Дрожь в ногах и руках не унималась. Ее колени тряслись, а вместе с ними тряслись и ладони.

Послышался плевок, затем негромкий стук. Шаол удалил кляп.

Даже с кляпом во рту он отчаянно выл и стонал. И звуки эти были не менее ужасны, чем сама чужеродная магия.

Ириана сражалась с пустотой. С новой разновидностью ада.

Ее магия была мерцающей звездой, прожигавшей стену, которую тьма создала в верхней части позвоночника Шаола. Ириане не требовались проверки, она и так знала: если она обойдет это место и переместится к основанию позвоночника,

тьма найдет ее и там.

Но она давила, снова и снова. Проталкивалась сквозь тьму, пока не свалилась, хватая воздух ртом.

Стена оставалась неподвижной. Казалось, она тихо, с присвистом посмеивалась над Ирианой. От смеха веяло древним ледяным холодом и такой же древней злобой.

Ириана атаковала стену своей магией, бросая гроздья белых огоньков. Волну за волной. Безрезультатно.

И только в конце, когда магия Ирианы так и не смогла найти ни одной щели и трещины, так что Ириана уже готовилась отступить, темная стена вдруг стала преображаться. Превращаться в нечто иное.

Магия Ирианы ощетинилась и замерла. Любая искра сопротивления, вызванного ночной гибелью целительницы, гасла. Ириана не смотрела, не отваживалась туда заглянуть. Но чувствовала, как тьма заполняется голосами. Она слышала их эхо, словно они доносились из длинного коридора.

Тьма разрасталась. Любопытство пересилило страх, и Ириана решилась обернуться через плечо.

Тьма была живой, наполненной картинами. Ириане показалось, что она смотрит на них глазами кого-то другого. Интуиция подсказывала: не глазами Шаола.

Пепельно-серые скалы с остроконечными вершинами. Сплошной камень; нигде ни травинки. Черная крепость среди гор. Отвесные стены, уродливые башни с парапетами. За крепостью – такие же каменистые долины, где разместился лагерь громадной армии. Светящиеся точки бесчисленных костров.

Ириана знала, как называется это место и чья это армия. Название звенело у нее в мозгу, словно молот, неустанно бьющий по наковальне.

Морат.

Ириана выбралась из тьмы. Вырвалась на свет и изнуряющую жару.

Морат. Чем же были эти картины? Воспоминаниями того, кто нанес Шаолу магический удар? Или же тьма соткала их из потаенных ужасов самой Ирианы?

Всего лишь видение, лишенное реальности. По крайней мере, в этой гостиной, щедро залитой солнцем, с окнами в сад, где журчит фонтан. Но если она увидела армию, о которой ей вчера шепотом рассказывал Шаол…

Вот что ее ждет. Жертвы вражеской армии, которые обязательно появятся, если ход войны примет совсем скверный оборот.

Вот с чем она встретится, вернувшись на родину.

Не сейчас. Сейчас она не имеет права об этом думать. Особенно в присутствии Шаола. Выказывать беспокойство, напоминать ему, с чем он должен столкнуться. Быть может, даже сейчас, пока они сидят в этой мирной гостиной, армия Мората убивает его друзей… Нет, такие мысли губительны для них обоих.

Ириана сидела на ковре и старалась глубоким дыханием успокоить дрожь. Вдох через нос. Выдох через рот. Успокоить разум, чтобы магическая сила снова ее наполнила. Пусть господин Шаол тяжело дышит на диване. Оба молчат. На разговоры попросту нет сил.

Нет, ранее ей не приходилось сталкиваться ни с чем подобным.

Ее мысли перетекли к отсрочке отъезда. Сколько времени понадобится, чтобы поставить Шаола на ноги? Но там, на полях сражений, ей могут встретиться воины со схожими увечьями. И как бы жутко это ни звучало: учиться врачевать их здесь, в относительно спокойной обстановке… Тогда задержка окажется плодотворной. Конечно, если Ириана вытерпит новые встречи с тьмой. Если найдет способ сокрушить тьму.

«Ты должна войти туда, куда боишься ступить».

Так оно и есть.

Глаза Ирианы закрылись сами собой. В какой-то момент вернулась служанка, принеся заказанное. Едва взглянув на целительницу и адарланского господина, она исчезла.

Это было несколько часов назад. Или дней.

От голода сводило живот. После сражения с тьмой позывы голода воспринимались как-то странно. Ириана и сражение помнила расплывчато. Ее рука касалась спины Шаола, а он душераздирающе кричал всякий раз, когда ее магия ударялась в стену.

Он ни разу не попросил ее прекратить. Не сказал, что ему надо передохнуть.

Дрожащие пальцы тронули ее за плечо.

– Ты… как?

Каждое слово больше напоминало хрип. Нужно было бы напоить его мятным чаем с медом. Нужно было бы позвать служанку, вот только сил не хватало. Даже чтобы вымолвить пару слов.

– Ты… как? – повторил он.

Почувствовав его руку у себя на плече, Ириана приоткрыла глаза. Ее потрясла не его забота. Ей казалось, что после всех мук, которые адарланец претерпел, он вообще не сможет пошевельнуться.

Только собственное изможденье заставило ее смириться и не сбросить руку Шаола со своего плеча. Прежде она бы это сделала не раздумывая.

– Это я должна спрашивать тебя: «Как ты?» Появились хоть какие-то ощущения в ногах и ниже пояса?

– Нет, – бесцветным тоном ответил он.

Ириана поняла: Шаол надеялся сразу же получить результат. Да, умом понимал, что это едва ли возможно, а сердцем надеялся.

– Нет, – повторил он.

Ириана снова закрыла глаза. Исцеление может занять недели. Месяцы, особенно если она не сумеет сломить противоборство стены тьмы.

Ириана попыталась встать. Ноги ее не слушались.

– Надо сделать тебе…

– Отдыхай.

Его рука крепче сжала ей плечо.

– Отдыхай.

– На сегодня достаточно, – сказала она. – Никаких добавочных упражнений.

– И тебе на сегодня достаточно. Отдыхай.

Каждое слово Шаол произносил с трудом.

Ириана перевела взгляд на большие часы в углу. Потом заморгала, подозревая обман зрения.

Часы показывали пять.

Ее работа длилась пять часов. И Шаол это выдержал. Пять часов непрекращающейся боли.

Эта мысль заставила Ириану встать. Кряхтя, она оперлась о столик и, собрав оставшиеся силы, встала. Ее раскачивало, но она стояла.

Шаол подсунул руки под живот. Мышцы обнаженной спины напряглись. Он тоже попытался приподняться.

– Прекрати! – потребовала Ириана.

Он не послушался. Мышцы рук и груди не подвели Шаола. Вот он уже сидит на диване и остекленевшими глазами смотрит на Ириану.

– Тебе нужен чай, – сбивающимся голосом произнесла она.

– Каджа!

Шепот Шаола был совсем тихим, способным потонуть среди прочих звуков. Но служанка услышала и появилась с подозрительной быстротой. Ириана хмуро поглядывала на нее. Скорее всего, подслушивала. Ждала, когда позовут.

– Мятный чай, – приказала Ириана. В другое время она бы улыбнулась исполнительной служанке. – И побольше меда.

– На двоих, – добавил Шаол.

Ириана посмотрела на него и молча опустилась на диван. Подушки были слегка влажными от пота Шаола. Сам он пропотел насквозь. Это было видно по его бронзовой груди.

Ириана прикрыла глаза. Как она думала, совсем ненадолго.

От дремы она очнулась, лишь когда Каджа зазвенела изящными фарфоровыми чашками. На середину стола служанка поставила небольшой металлический чайник на деревянной подставке. В обе чашки Каджа положила более чем щедрые порции меда. Ириане было тяжело ворочать языком в пересохшем рту, и она не стала выговаривать усердной служанке, хотя чай с таким количеством меда легко мог превратиться в тошнотворное пойло.

Молча размешав мед в чашках, Каджа подала первую Шаолу.

Он молча протянул чашку Ириане.

На возражение у нее не хватало сил. Ириана сжала чашку обеими руками. Главное, суметь донести до рта.

Шаол это почувствовал. Он велел Кадже оставить его чашку на столе и уйти.

Ириане представлялось, что это происходит не с нею и она лишь наблюдает издали через окно. Шаол забрал чашку и сам поднес к ее губам.

Ириане захотелось оттолкнуть его руку. Она работала с ним, ну и что? Пусть он оказался совсем не чудовищем, как ей думалось поначалу, – во всяком случае, он вел себя с нею не как большинство мужчин. Но позволить адарланцу сидеть рядом, позволить ухаживать за нею…

– Ты или выпьешь чай, или… мы так и будем сидеть час за часом, – сказал Шаол.

Голос его сейчас напоминал глухое рычание. Однако Ириана вдруг заметила: взгляд Шаола прояснился и уже не казался стеклянным. Хотя безмерная усталость, конечно же, никуда не делась.

Она молчала.

– Интересная штука у нас получается, – сказал Шаол, больше разговаривая с самим собой, чем с нею. – Помогать мне ты помогаешь, а ответной помощи не принимаешь. Или не можешь переступить через свои представления обо мне?

А он был куда проницательнее, чем думалось многим. Его карие глаза умели быть жесткими, и сейчас их жесткость наверняка отражалась в глазах Ирианы.

– Пей. – Это был приказ человека, привыкшего командовать. – Можешь меня ненавидеть, сколько душе угодно, но изволь выпить этот чертов чай.

В его глазах промелькнула неподдельная тревога. Не за себя.

За нее.

Пусть он привык командовать, но в то же время ему была присуща забота о других. Скорее всего, врожденная черта, проявлявшаяся порою независимо от его воли. Возможно, кое-где такая заботливость ему даже мешала, но он ничего не мог с собой поделать.

Ириана открыла рот. Шаол осторожно поднес фарфоровую чашку к ее губам и чуть наклонил. Ириана сделала глоток. Шаол одобрительно хмыкнул. Она глотнула еще.

Как же она устала! Никогда в жизни она еще не чувствовала себя такой бессильной и разбитой.

Шаол в третий раз поднес чашку к ее губам. Ириана сделал щедрый глоток. Ей стало совестно. Шаолу чай был нужнее. Он почувствовал, что она собирается рявкнуть, и сам приложился к чашке.

Допив то, что там было, Шаол потянулся за второй чашкой, но и ее вначале поднес к губам Ирианы.

Несносный человек!

Должно быть, Ириана произнесла эти слова вслух. Шаол криво улыбнулся:

– Ты не первая, кто так меня называет.

Его голос уже звучал не столь хрипло.

– И наверняка не последняя, – пробормотала Ириана.

Все с той же кривоватой улыбкой Шаол снова наполнил чашки. В отличие от Каджи, он не переусердствовал с медом. Затем он размешал чай, его руки больше не дрожали.

– Я и сама могу размешать, – попыталась возразить Ириана.

– И я тоже, – лаконично ответил Шаол.

К ней понемногу возвращались силы. Она уже могла сама удерживать чашку. Однако Шаол пожелал в этом убедиться и только потом взялся за свою.

– Мне надо идти.

Легко сказать «идти». Ириана не представляла, как будет выбираться из дворца и брести через весь город к Торре. Про винтовую лестницу вообще лучше не думать…

– Отдохни. Поешь. Представляю, как ты проголодалась.

– А ты нет? – удивилась она.

Он же столько сил потратил, упражняясь в ожидании ее прихода.

– Конечно, я тоже. Но вряд ли я стану дожидаться обеда. Можем поесть вместе, – предложил Шаол.

Одно дело – трудиться над его исцелением, принимать от него чай. Но обедать вместе с тем, кто служил страшному королю, кто выполнял приказы этого исчадия тьмы. А пока он это

делал, в Морате множились ряды страшной армии… В ноздрях Ирианы появился запах дыма. Она услышала треск пламени и крики.

Ириана поставила чашку на столик. Встала. Каждое движение давалось с трудом, вызывая боль.

– Мне нужно возвращаться в Торру, – сказала она, ощущая слабость в коленях. – Поминальная служба начнется на закате.

Хвала богам, у нее еще целый час в запасе.

Шаол заметил, что Ириану шатает, и потянулся ей помочь, но она отошла за пределы досягаемости.

– Мои вещи пока пусть останутся здесь.

Сама мысль о тяжелом мешке, который придется тащить…

– Давай я попрошу, чтобы тебя отвезли в карете.

– Я сама попрошу у ворот.

Причина была не только в ее усталости. Если за нею охотятся, поездка в карете убережет ее от случайностей.

Ириана была вынуждена держаться за мебель. Путь до двери гостиной грозил растянуться на целую вечность.

– Ириана.

Ей казалось, что она рухнет возле двери. Особенно если обернется назад. Но она все-таки обернулась.

– Я про завтрашний урок. – Чудовищное напряжение ушло из глаз Шаола. – Где тебе удобнее встретиться со мной?

Ириана подумывала отменить урок. Даже упрекала себя за шальную мысль попросить Шаола отправиться в Торру.

Но… пять часов. Пять часов непрекращающейся боли его не сломили.

Наверное, только поэтому она и отказалась от предложения поесть вместе. Если он не сломался, она тоже не сломалась, и заботливость бывшего адарланского капитана не заслонила от нее того, кому он служил.

– Встретимся в главном дворе на рассвете.

Надо же, сколько сил требует обыкновенная ходьба. Но у нее они должны найтись. Шаг за шагом. Потом будет легче.

Ириана вышла, оставив Шаола одного в гостиной и зная, что он смотрит ей вслед.

Пять часов нестерпимой боли, и не только телесной. Ириана это знала. Когда она билась в стену тьмы с внешней стороны, эта же тьма показывала Шаолу жуткие картины со стороны внутренней. Ириана ловила лишь отблески. Ей они не говорили ничего, но, судя по ощущениям, это было похоже на воспоминания. На кошмары. Возможно, на то и другое.

И тем не менее Шаол ни разу не попросил ее остановиться.

Ириана брела по дворцовым коридорам и пыталась разгадать

причину его стойкости. Ну хорошо, господин Шаол, как любой солдат, умел справляться с болью. Это с телесной. А с душевной? В мозгу Ирианы крутилась странная мысль: возможно, Шаол чувствовал, что заслужил эту боль.

У него болело все.

Шаол запретил себе думать об увиденном. Об ужасающих картинах, мелькавших в мозгу, пока телесная боль вгрызалась в него, крушила и выжигала. Никаких мыслей о том, что и кого он видел… Тело на постели. Черный ошейник, опоясавший горло. Отрубленная голова, катящаяся по полу.

Он не мог избавиться от видений. Они сопровождали его все пять часов, пока Ириана сражалась с его раной. Всплески боли. Повторяющийся кошмар видений. Кляп во рту лишь отчасти приглушал его крики, вопли, стоны. Все звуки, исторгающиеся из горла.

Ириана работала, пока сама не сползла на пол.

Она ушла, оставив его наедине с безмерной пустотой.

Ириана по-прежнему не хотела провести с ним чуть больше времени, чем требовалось на работу. Шаол ее не винил и не обижался на нее. Но ведь не отказалась же она от завтрашней помощи. Он поможет ее девчонкам… пусть не покажет, а хотя бы расскажет, как обороняться.

Шаол ел на том же диване, где оставила его Ириана. Надевать потную и перепачканную маслом одежду не хотелось. Каджа либо не заметила, либо ее такие детали не волновали. А он слишком устал, чтобы думать о приличиях. Когда боль выкручивает все жилы и суставы, уже не до приличий.

Увидев его сейчас, Аэлина бы всласть посмеялась. Когда-то, услышав, что у нее начались месячные, Шаол опрометью вылетел из ее комнаты. Какая щепетильность! Зато сейчас Каджа видит его полуголым, но ему все равно.

На закате вернулась Несарина – раскрасневшаяся, волосы всклокочены и пахнут ветром. Она сдержанно улыбалась, однако Шаолу эта улыбка сказала многое. Похоже, Несарине отчасти удалось наладить отношения с Сартаком. Быть может, капитан Фелак добьется того, что не получалось у советника Эстфола, – вернуться на родину с подкреплением.

Шаол собирался поговорить с хаганом о серьезной опасности, которую знаменовало ночное нападение на библиотеку. Но работа Ирианы затянулась, а сейчас он был бы просто не в состоянии говорить с правителем Южного континента. Тем более что такие встречи готовились заранее.

Шаол почти не вслушивался в шепот Несарины. Та

рассказывала о возможности получить поддержку Сартака, но больше – о полете на удивительной рукке принца. Усталость наступала на Шаола по всем фронтам. Он с трудом держал глаза открытыми. Правда, усталость не мешала ему представить воздушный бой между руккинами Сартака и Железнозубыми ведьмами на драконах. Вот только кто уцелеет в подобных сражениях?

Проваливаясь в сон, Шаол успел произнести заплетающимся языком:

– Несарина, отправляйся на охоту.

Если валгские прихвостни Эравана уже в Антике, дело дрянь. О каждом их с Несариной шаге, о каждой просьбе докладывается непосредственно Эравану. Посланцы валгского короля преследовали Ириану и намеревались с нею расправиться. Спрашивается за что? За ее попытки узнать, кто же такие валги? Или за ее помощь главному советнику адарланского короля? Шаол находился здесь считаные дни, никого толком не знал, чтобы обращаться с просьбами такого уровня. Эту миссию он мог поручить только Несарине.

Она лишь кивнула в ответ. Несарина понимала, почему Шаол буквально выталкивал из себя слова. Он отправлял ее не просто на опасную охоту. Охота была смертельно опасной…

Но ведь в Рафтхоле она уже охотилась на валгов. Несарина деликатно напомнила ему об этом. Шаол был готов уснуть прямо на этом диване. Тело наливалось тяжестью, становясь чужим. И все-таки он прошептал:

– Будь осторожна.

Шаол не противился, когда она помогла ему перебраться в кресло. Несарина покатила кресло в спальню. Там он попытался сам переместиться на кровать, но руки не держали. Сквозь пелену дремы он едва ощущал, как Несарина и Каджа перетащили его туда, будто мешок.

Ириана никогда так не делала. Не возила его кресло, когда он мог сделать это сам. Постоянно говорила о необходимости двигаться.

Интересно почему? Задумываться о причинах у Шаола не было сил.

Несарина пообещала извиниться за его отсутствие на обеде и ушла переодеваться. Шаол еще успел подумать, слышат ли слуги негромкое пение точильного камня, доносящееся из спальни Несарины.

Как она ушла, он не слышал – заснул. Часы в гостиной мелодично отбивали семь.

За обедом у хагана на Несарину почти не обращали внимания. Столь же незаметно она выбралась из дворца на улицы города. При ней был целый арсенал: боевые ножи, меч и лук со стрелами.

Ее не заметила даже супруга хагана.

Несарина пробиралась мимо большого сада камней, когда впереди мелькнуло что-то белое. Это заставило охотницу спрятаться за колонну у входа в сад. Приглядевшись, Несарина поспешно убрала руку с эфеса кинжала.

В белых шелковых одеждах, с распущенными по плечам темными волосами, великая хагания (так именовались жены хаганов) шла по дорожке, вьющейся между каменных нагромождений. Она двигалась бесшумно, словно призрак. Фонарей в саду не было. Единственным источником света служила луна. Хагания брела одна, по пустой дорожке, и ее простое платье выглядело таким же призрачным, как она сама.

Белый цвет – цвет скорби и смерти.

Лицо великой хагании было значительно светлее, чем лица ее детей. Ни румян, ни краски. Безжизненное лицо-маска. Несарине вспомнились слова Сартака: «Мать напрочь потеряла интерес к жизни».

Прячась в тени колонны, Несарина наблюдала за женой хагана. Неудивительно, что та могла гулять только здесь, где нет и намека на зелень и жизнь. Таким изображали ад в сказках и легендах.

Не в таком ли аду бродила сама Несарина в первые месяцы после смерти матери? Наверное, и для великой хагании дни стали похожи один на другой, пища имеет вкус пепла, а желанный сон не приходит.

Дорожка огибала крупный валун. Когда жена хагана скрылась за ним, Несарина двинулась дальше. Ее шаги стали несколько тяжелее.

Над Антикой светила полная луна, окрашивая город в бледно-голубые и серебристые тона. Мягко тлели золотые точки фонарей над дверями заведений. Такие же фонари освещали тележки уличных торговцев, предлагающих кахаве и сладости. Уличные музыканты играли местные песни. Мелодию вели лютни, а барабаны отбивали ритм. Других инструментов не было. Несарина с удовольствием остановилась бы и послушала, но ее подгоняло время. Сегодня ее союзницами были быстрота и незаметность.

Она старалась двигаться в тени, вслушиваясь в звуки города.

Главные улицы изобиловали храмами. Одни были украшены мраморными колоннами, другие – остроконечными деревянными

крышами на расписных деревянных столбах. Иные храмы состояли всего лишь из дворика, где темнела вода прудов, высились нагромождения камней или виднелись силуэты спящих животных. Тридцать шесть богов покровительствовали этому городу, а число храмов, разбросанных по всей Антике, было втрое больше.

Несарине вдруг подумалось: видят ли боги ее, вышедшую охотиться на валгов? Может, они выглядывают из-за колонн и камней, покрытых резьбой? Или смотрят с карнизов храмовых крыш? Боги умели таиться, а полусонным кошкам на ступенях храмов было совершенно все равно, куда идет Несарина.

Видят или нет, но она умоляла их всех сделать ее ноги быстрыми и бесшумными, а главное – направить ее туда, где ей надлежит быть.

Если мелкий валг появился на Южном континенте, или хуже того – валгский принц… Цепкие глаза Несарины скользили по крышам. Вдалеке белела громада Торры. Стены башни сверкали в лунном свете – словно маяк для тех, кто нуждался в помощи искусных целительниц.

Сегодня Ириана провозилась с Шаолом несколько часов. Результатов не было, но начало исцелению положено. Эту фразу Несарина твердила себе снова и снова. Чтобы поставить Шаола на ноги, потребуется время, даже если Ириана… Целительница с неприязнью относилась к Адарлану, а Шаол играл в прежней империи далеко не последнюю роль.

Несарина остановилась возле входа в переулок, пропуская ватагу молодых гуляк. Они громко распевали непристойные песенки. Дядина жена наверняка бы отчитала парней за потерю стыда, а потом… стала бы мурлыкать себе под нос мелодии этих песенок.

Несарина всматривалась в темноту переулка, в окрестные здания с плоскими крышами. Ее внимание привлекло изображение совы, грубо вырезанное на кирпичной стене. Отдыхающей совы со сложенными крыльями и большими немигающими глазами. Быть может, владельцу дома не нравилось, что неведомые «умельцы» испортили стену, однако Несарина не удержалась и провела рукой по очертаниям птицы.

Антика была городом сов. Они встречались повсюду. Знак богини, которую почитали больше, чем тридцать пять других богов. Никто из богов Южного континента не считался главным, однако Сильба… Несарина вновь перевела взгляд на величественную башню, сияющую ярче, чем дворец хагана. В Торре Сильба считалась верховным божеством. Чтобы ворваться в этот храм врачевания и убить целительницу, нужно дойти до

крайности. Или лишиться рассудка.

Или быть валгским демоном. Тем гнев богов не страшен. Валги боялись лишь гнева своих хозяев, если не сумеют выполнить их приказ.

Несарина представила себя на месте демона. Где бы она пряталась? Какими путями подкрадывалась?

Сточные каналы Антики не были настолько разветвленными, как в Рафтхоле. Чтобы судить об уязвимых местах Торры, нужно попасть внутрь. А для начала – изучить стены снаружи.

Несарина зашагала к сверкающей башне. Подойдя к Торре, она остановилась возле дома на противоположной стороне улицы. Крепкая стена, опоясывающая башню и примыкавшие строения, отбрасывала широкую тень.

Вдоль стены в железных скобах горели факелы. Через каждые несколько шагов стояли караульные. Караульные находились и на самом верху Торры. Судя по цвету мундиров, это были гвардейцы хагана. Рядом с ними расположились стражи Торры в васильково-желтых мундирах. Тут и мышь не проскочит. Несарина внимательно рассматривала железные ворота. Сейчас они были накрепко закрыты.

– А вдруг минувшей ночью ворота оказались открыты? Вряд ли кто из караульных признается.

Несарина стремительно повернулась на голос, выхватывая кинжал.

В нескольких шагах от нее, прислонившись к стене, стоял принц Сартак. Он тоже внимательно рассматривал громаду Торры. Их-за широких плеч выглядывали мечи. К поясу было прицеплено с полдюжины длинных ножей. Он сменил придворный наряд на свои любимые кожаные доспехи, добавив стальные накладки к плечам и серебристые кольчужные рукавицы. Шея была обмотана черным шарфом. Нет, не шарфом. Тряпкой, которая прикрывала нос и рот при надвинутом капюшоне плаща. Поди догадайся, что перед тобой – сын хагана!

– Вы что, шли за мною следом? – спросила Несарина, пряча кинжал в ножны.

Принц сверкнул на нее глазами. Он показался Несарине воплощением спокойствия.

– Ты не особо-то и таилась, когда проходила через главные ворота, вооруженная до зубов.

– У меня нет причин скрывать то, чем я занимаюсь.

– Думаешь, те, кто вчера напал на целительницу, по-прежнему болтаются вокруг Торры?

Принц подошел к Несарине. Он двигался почти бесшумно, и сапоги у него не скрипели.

– Я намеревалась проверить, каким образом нападавшие проникли внутрь. Хотела понять, в каких местах им было удобнее прятаться.

– Ты так говоришь, будто очень хорошо знаешь своего противника, – помолчав, заметил принц.

«И почему-то не удосужилась рассказать мне об этом утром, когда мы летали», – добавил он про себя.

Несарина искоса посмотрела на Сартака:

– К великому сожалению, да. Если нападение совершили те, кого мы подозреваем… Всю весну и половину лета я охотилась на этих тварей в Рафтхоле.

Сартак надолго умолк, разглядывая стену.

– Насколько тяжело было воевать с ними?

Несарина с трудом сглотнула. Перед мысленным взором вставали жуткие картины недавнего прошлого: растерзанные тела в сточных канавах, взрыв стеклянного замка, стена смерти, летящая прямо на нее…

– Капитан Фелак.

Вежливое напоминание. Тон мягче, чем можно ожидать от воина-принца.

– Что вам сообщали ваши шпионы?

Сартак сжал зубы. Лицо у него помрачнело.

– Они сообщали, что Рафтхол полон ужасов. Наводнен людьми, которые людьми на самом деле не являются. Это чудовища из самых жутких снов Ванты.

Ванта – богиня мертвых. Ее приверженцы появились в Антике раньше целительниц Сильбы. Они существовали и сейчас – тайное общество, которого даже хаган и его предшественники боялись и уважали, хотя их ритуалы не способствовали возможности попасть на Вечные Небеса, к чему стремились хаган и все дарганцы. По пути сюда Несарина проходила мимо храма Ванты – и прибавила шагу, чтобы поскорее миновать то место. Храм из оникса; сразу за порогом – ступени, ведущие вниз, в подземный зал, освещенный белыми свечами.

– Смотрю, ты не услышала ничего для себя удивительного, – заметил Сартак.

– Год назад, быть может, и услышала бы.

– Значит, ты собственными глазами видела все эти ужасы, – заключил он, мельком оглядывая арсенал Несарины.

– Только никакой пользы Рафтхолу это не принесло, если они все равно захватили город, – с горечью, отвечавшей ее чувствам, произнесла Несарина.

– Большинство предпочло бы спасаться бегством, не допуская даже мысли о сражении со злом.

Возможно, это было сказано утешения ради, но ей не хотелось ни соглашаться, ни возражать. Попытка проявить к ней добрые чувства со стороны того, кто мог бы промолчать. Возможно, поэтому Несарина выпалила:

– Я сегодня видела вашу мать. Она гуляла по саду камней.

– Да? – моргнул принц.

В этом чувствовался осторожный вопрос.

Несарина подумала, что, должно быть, сболтнула лишнее. Желая исправить оплошность, она добавила:

– Я вам сказала на тот случай… мало ли, вам это важно знать.

– С нею была охрана? Или хотя бы служанка?

– Никого.

Чувствовалось, Сартака это встревожило. Несарина заметила, как на миг он изменился в лице.

– Спасибо, что сказала.

Отношения в чужой семье – не тема для расспросов. Особенно в семье самого могущественного правителя. Сартаку хватало собственного горя. Казалось бы, зачем ему знать о печальных событиях, случившихся далеко отсюда, да еще много лет назад?

– Моя мать умерла, когда мне было тринадцать, – тихо начала Несарина, поглядывая на белые стены Торры. – Прежний король… вы знаете, как он поступал с теми, у кого были магические способности. Он не делал различий между темными магами и целителями, спасающими жизни. И потому, когда мама тяжело заболела, лечить ее было некому. Мы нашли одну целительницу. Она сказала: у мамы в груди разрастается опухоль. В прежние времена она бы исцелила маму с помощью магии. Но король не просто запретил магию. Она исчезла с континента.

Об этой трагедии говорили только в тесном семейном кругу. Несарина не понимала, что́ побудило ее рассказать Сартаку. Можно было бы ограничиться несколькими фразами, но она продолжала:

– Отец хотел найти корабль и плыть сюда. Он прилагал все усилия. Но в то время Адарлан вел войну по всему континенту. Все адарланские торговые корабли были изъяты у владельцев и переданы военным. У отца появился замысел: добраться по суше до Эйлуэ и плыть оттуда. Но мама слабела с каждым днем. Она бы не выдержала путешествия в повозке. Отец продолжал искать способы добраться до Антики. Ему удалось найти торговца, согласившегося взять их с мамой на борт – только их двоих… К тому моменту мама уже угасала. Даже если бы ее и перенесли на корабль, живой до Антики она бы не доплыла.

Сартак молча слушал Несарину. Лицо его не выдавало никаких чувств.

– И мы остались в Рафтхоле, – продолжала Несарина. – Мы были с мамой до… самой ее кончины.

Боль утраты с годами не улеглась. Слезы жгли Несарине глаза.

– Я потом несколько лет приходила в себя. Пожалуй, только года два назад я начала ощущать тепло солнца на щеках и вкус пищи. Стала получать удовольствие от простых радостей жизни. Отец… он все это время сплачивал нас, как мог. Меня и мою сестру. Естественно, он скорбел по маме, но не у нас на глазах. Он старался наполнить дом радостью.

Несарина умолкла, не зная, как объяснить принцу, ради чего она все это рассказала.

– А где теперь твои близкие? Как они пережили нападение на Рафтхол?

– Не знаю, – выдохнула Несарина. – Им удалось выбраться из города… Я не знаю, куда они направились и сумеют ли попасть сюда. Если ехать по суше, они окажутся в самом пекле войны.

Молчание Сартака затянулось. Несарина уже начинала жалеть, что заговорила о своей семье.

– Я постараюсь разузнать… тайным образом, – сказал принц, отталкиваясь от стены. – Сообщу своим шпионам, чтобы следили за семьей Фелак и оказывали любую помощь, возможную в тех условиях. Если путешествие сюда невозможно, то пусть им хотя бы временно найдут безопасное место.

Боль сдавила Несарине грудь.

– Спасибо, принц, – прошептала она.

Это было щедрое предложение. Более чем щедрое.

– Прими мое искреннее сочувствие, пусть и запоздалое. Я… меня растили воином. Я привык к мысли, что смерть всегда где-то рядом. Но смерть сестры… Это ударило по мне тяжелее, чем гибель соратников. Я потерял сестру, а моя мать потеряла дочь. Ее горе несопоставимо с моим.

Сартак тряхнул головой. Лунный свет заплясал на его черных волосах.

– Как ты думаешь, почему я сегодня поспешил следом за тобой? – спросил он, пытаясь обратить слова в шутку. – Но я знаю более короткий путь, потому и оказался здесь раньше тебя.

Несарина ответила легкой улыбкой.

– Пока я толком не знаю, как выглядит противник. Ты существенно облегчишь мне задачу, если расскажешь.

Несарина могла бы рассказать, но не торопилась. Присутствие Сартака отчасти даже мешало. Когда ее молчание

затянулось, принц негромко засмеялся и спросил:

– Уж не думаешь ли ты после моего утреннего рассказа, что это я напал на целительницу? Тогда с чего бы я стал тебе говорить?

– Такое мне и в голову не приходило, – поспешила возразить Несарина.

После рафтхольских событий весны и лета ей в голову могло прийти что угодно. Кто бы мог поверить, что принц, порабощенный демоном, ради спасения собственной жизни выстрелит в королеву?

– Ваши шпионы сообщали правду. Рафтхол был… Да уберегут боги Антику от подобных ужасов.

– Ты убеждена, что атака на Торру – лишь начало?

– А зачем, по-вашему, я здесь?

Принц молчал.

– Осмелюсь дать вам совет, – продолжала Несарина. – Если кто-то, знакомый или незнакомый, вздумает подарить вам кольцо или ожерелье из черного камня или если вы увидите кого-то с такими украшениями… Не мешкайте ни секунды. Наносите удар быстро и наверняка. Победить их можно только одним способом – обезглавить. Не думайте, что вы убиваете человека. От человека там давно осталась лишь телесная оболочка, которой повелевает иная сила. Не пытайтесь их спасти, иначе сами окажетесь рабом этой силы.

Сартак посмотрел на меч, пристегнутый к поясу Несарины, на лук и колчан со стрелами у нее за спиной.

– Расскажи мне все, что знаешь, – попросил он.

– Не могу.

Такой отказ вполне мог стоить ей жизни, но Сартак понимающе кивнул:

– В таком случае расскажи то, что можешь.

И Несарина рассказала. Стоя в тени стен Торры, она передала принцу достаточно сведений, умолчав о Вратах и Ключах Вэрда, а также о временном порабощении Дорина и многолетней одержимости прежнего короля.

Сартак с бесстрастным лицом слушал ее рассказ, хотя пальцы теребили подбородок.

– Когда вы намеревались рассказать об этом моему отцу?

– Как только он удостоит нас встречи с глазу на глаз.

Сартак вполголоса заковыристо выругался:

– После смерти Тумелуны… Отец не хочет признаваться, но ему трудно вернуться к прежнему образу жизни. Моего совета он не послушается. Да и чьих-то еще – тоже.

Сартак всерьез тревожился за отца.

– Я понимаю, как тяжело сейчас хагану, – прошептала Несарина.

– Мне нужно всерьез поразмыслить над твоими словами. На континенте, близ тех краев, откуда родом наши предки, есть места, где сохранились давние сказания… – Сартак повертел затекшей шеей. – Мальчишкой, пока я жил в военном лагере, я вечерами слышал рассказы о похожих чудовищах. Их рассказывала моя мать-по-очагу. Видно, настало время слетать туда и снова послушать ее рассказы. Помню только, что с этой древней напастью умели справляться. И кто бы мог подумать, что это зло снова пробудится?

Сказания о валгах… на Южном континенте? Несарина не помнила, чтобы отец рассказывал ей подобные истории. Но его предки были родом из других мест. Получается, руккины знали о валгах. Возможно, даже сталкивались с ними.

С улицы донеслись шаги. Принц и Несарина вжались в стену, готовые выхватить мечи. Но это был всего-навсего подгулявший горожанин, возвращавшийся домой. Проходя мимо караульных Торры, он салютовал им, получая в ответ смешки и ухмылки.

– Под Торрой есть какие-либо каналы? – шепотом спросила Несарина. – Сточные и другие?

– Не знаю, – ответил Сартак.

В нескольких шагах от них, среди булыжников переулка, темнела старинная черная решетка, закрывающая спуск в колодец.

– Но я почту за честь сопровождать тебя в поисках этих каналов, – мрачно улыбаясь, добавил принц.

14

Если бы во время сна к Ириане пробрался злоумышленник с намерением ее убить, она бы даже не почувствовала.

Поминальная служба по погибшей целительнице совершалась во дворе Торры, при свете свечей. Ириана с трудом достояла до конца. Ее комната находилась в верхней части башни. Едва сделав несколько шагов, Ириана рухнула на ступеньки, и две ученицы были вынуждены вести ее под руки. К концу подъема она едва соображала.

Повариха принесла ей ужин прямо в постель. Ириана сумела проглотить кусок и провалилась в забытье.

Она проснулась среди ночи. На груди тускло поблескивала вилка. Кусок тушеной курятины, сдобренный пряностями, запачкал ее любимое голубое платье.

Ее усталость не прошла, а немного отступила. Ровно настолько, чтобы Ириана смогла удовлетворить потребности тела, наспех стереть жир с платья и подпереть дверь письменным столиком. Затем она сложила на стол все имеющиеся книги и другие предметы, дважды проверила замки и, не раздеваясь, снова заползла в кровать.

Она проснулась вместе с восходом солнца. В то самое время, когда обещала встретиться с господином Шаолом.

Бормоча ругательства, Ириана оттащила стол, вернула на место книги, открыла замки и выскочила на лестницу.

Она распорядилась, чтобы постромки для лошади доставили прямо во дворец. Мешок со снадобьями остался в гостиной Шаола, и потому ей требовалось лишь самой как можно быстрее добраться до места встречи. Ириана неслась вниз по бесконечной винтовой лестнице, хмуро поглядывая на изображения сов. На этажах открывались двери, и оттуда выглядывали заспанные лица.

Ириана поблагодарила Сильбу за глубокий сон без сновидений, восстановивший ее силы. Выскочив из башни, она пробежала по дорожкам, обсаженным кустами лаванды, и очутилась возле ворот. Их только что открыли.

Антика еще просыпалась. На улицах было тихо и, главное, почти безлюдно. Ириана со всех ног бежала ко дворцу. Она опоздала на полчаса: запыхавшаяся, насквозь пропотевшая от быстрого бега.

Господин Эстфол начал усаживаться на лошадь без нее.

Ириана остановилась возле высоченных бронзовых ворот и

ртом хватала воздух, успокаивая дыхание. Солнце пока еще находилось низко и не успело прогнать густые тени во дворе. Ириана издали следила за действиями адарланца.

Как она и просила, Шаолу подобрали спокойную низкорослую кобылу чалой масти. Лука седла находилась на высоте поднятой руки. Силы рук Шаола хватало, чтобы переместиться в седло, что он сейчас и делал. Ириане это понравилось. Но остальное…

Он не стал пользоваться деревянным пандусом, который Ириана попросила изготовить. (Обычный помост для усаживания на лошадь имел ступеньки и Шаолу не годился.) Пандус изготовили, и сейчас он стоял в тени восточной стены, где находились стойла. Судя по всему, Шаол отказался даже приблизиться к пандусу и вместо этого попросил подвести ему лошадь. Он вознамерился забраться в седло без каких-либо приспособлений.

Ириану это ничуть не удивило.

Шаол почти не обращал внимания на собравшихся караульных. Ириана видела их со спины. Кое-кого она знала по именам.

Один из них подошел к Шаолу, чтобы тот мог опереться о его плечо и мощным толчком оказаться в седле. Лошадь стояла не шелохнувшись. Правая рука Шаола обхватила седельную луку. Ему требовалось поймать равновесие.

Ириана едва успела сделать шаг, и в этот момент господин Эстфол, оттолкнувшись от плеча караульного, подбросил себя вверх. Желая ему помочь, гвардеец чуть ли не вплотную приблизился к лошади. Шаол сел в седло, но боком. Вся благодарность за помощь выразилась в коротком кивке.

Он молча разглядывал седло, соображая, как переместить правую ногу к другому боку лошади. Щеки Шаола пылали от напряжения, губы были плотно сжаты. Караульные продолжали смотреть. Адарланец становился все напряженнее.

Но сдаваться и просить помощи он не собирался. Шаол подался назад и перетянул правую ногу через луку. Гвардеец, помогавший ему, приготовился поддержать Шаолу спину. Второй забежал с другой стороны, опасаясь, как бы он не опрокинулся. Но туловище Шаола не дрогнуло.

Его владение мышцами граничило с чудом. Этот человек развил свое тело до такой степени, что мышцы повиновались ему даже сейчас. И вот он в седле.

Шаол что-то сказал караульным. Те отошли, а он стал закреплять постромки. Они были приделаны к седлу и плотно обхватывали его ноги. Ириана мысленно поблагодарила женщину

из мастерской, точно определившую размер постромок. Сохранись у Шаола чувствительность в бедрах и ляжках, не понадобилось бы никаких креплений. Ему нужно привыкнуть к езде верхом в его нынешнем состоянии. Потом, конечно, он откажется от постромок. Можно было бы и сейчас обойтись без них, но Ириана не хотела рисковать.

Она вытерла вспотевший лоб. Караульные возвращались на свои посты. Ириана поблагодарила их за помощь. Тот, кто подставлял Шаолу плечо, обернулся. Ириана улыбнулась ему и сказала на халхийском:

– Доброе утро, Шен.

– Доброе утро, Ириана. – Парень подмигнул ей.

Не останавливаясь, он пошел в сторону конюшен.

Когда Ириана снова посмотрела на Шаола, тот сидел в седле как влитой. Исчезли напряженные плечи и плотно сжатые губы. Не верилось, что ноги этого человека утратили чувствительность.

Ириана разгладила платье и только сейчас сообразила, что не успела переодеться. Вдобавок еще это огромное красное пятно на груди.

Шаол, конечно же, заметил и пятно, и всклокоченные волосы (боги, она забыла причесаться!) и лишь сказал:

– Доброе утро.

– Прошу меня извинить за опоздание, – ответила Ириана, все еще дыша ртом.

Постромки по цвету почти сливались со штанами Шаола. Большинство прохожих и не заметят. Тем более что он изумительно держался в седле.

На чалой лошадке Шаол сидел, как на боевом коне: гордо, уверенно. Его волосы не успели высохнуть после утреннего купания.

– Это ведь делали тебе в помощь, – с упреком сказала Ириана, кивнув в сторону неиспользованного пандуса.

– Сомневаюсь, что поле сражения будет уставлено пандусами, – кривя рот, ответил Шаол. – А так я скорее научусь самостоятельно забираться в седло.

Он был прав. Безмятежность этого раннего, прохладного утра с пока еще нежными, золотистыми лучами солнца не могла заслонить от Ирианы жуткие картины, которые она видела вчера, пробиваясь сквозь черную стену. Если им будет противостоять та бескрайняя армия. Вчерашние картины и сейчас мелькали среди теней двора.

Потом там появилось что-то белое. Шен вывел из загона оседланную белую кобылку. Ириана вновь хмуро покосилась на свое платье, совершенно не подходящее для верховой езды.

– Если я поеду верхом, значит и ты тоже, – с убийственной простотой объяснил Шаол. – Не идти же тебе рядом с моей лошадью, как служанке.

Теперь понятно, что́ он говорил караульным.

– Я могу и пешком, – выпалила Ириана. – И вообще, я давно не сидела на лошади.

– Мне помогали забраться в седло четверо. Тебе хватит одного.

Щеки Шаола еще оставались красными. Ириана представляла, какой удар по самолюбию он получил, усаживаясь на чалую кобылу. Но ведь он вытерпел до конца. Скрипел зубами, а вытерпел.

И эти гвардейцы, помогавшие ему… У Шаола хватало причин почти не смотреть в их сторону. Зримое напоминание о том, каким он был сравнительно недавно. Упражняться вместе с ними в его нынешнем состоянии? Как у нее язык повернулся предложить ему такое?

Но здесь не время и не место вести подобные разговоры. Особенно когда в его глазах начал появляться свет.

Ириана приподняла подол и с помощью Шена забралась в седло.

Подол задрался, обнажая ее ноги выше колен. Впрочем, Ириана видела здесь, в этом дворе, и куда более откровенные наряды. Ни Шен, ни другие гвардейцы даже не взглянули на нее. Она повернулась к Шаолу, чтобы предложить ему ехать вперед. Шаол пристально смотрел на нее.

Точнее, на ее ногу, обнаженную чуть ли не до самой ляжки. Кожа там была заметно бледнее, чем на лице и руках. Ириана быстро загорала, но как же давно она не плавала и не подставляла себя солнцу целиком.

Шаол перехватил ее взгляд и поднял глаза выше.

– А у тебя хорошая посадка, – сказал он.

Сказано было суховатым тоном. Примерно так Ириана часто говорила о состоянии организма своих пациентов.

Ириана бросила на него усталый взгляд, кивком поблагодарила Шена и тронула поводья. Шаол сделал то же самое.

По пути к воротам Ириана внимательно наблюдала за ним. Постромки держали надежно. И седло тоже.

Шаол успел забыть, каково смотреть с высоты конской спины. На ворота, на просыпающийся город, на Торру. Издали она напоминала руку, вскинутую в приветствии.

Из створок ворот навстречу всадникам лился солнечный свет. Но Ириана могла поклясться: сейчас в карих глазах капитанах

блестело не только отражение утреннего солнца.

Это было не то что ходить на своих ногах, но куда лучше, чем ездить в кресле.

Лучшее из возможного.

К постромкам Шаол не привык, однако без них ему было бы сейчас трудно. А так он чувствовал себя вполне уверенно и еще помогал Ириане выезжать из ворот. Целительница постоянно хваталась за переднюю луку, напрочь забывая о поводьях.

Оказывается, все-таки есть занятия, где ей изменяет обычная самоуверенность.

Подумав об этом, Шаол слегка улыбнулся. Особенно забавно было смотреть, как Ириана постоянно одергивает подол платья. Давно ли она выговаривала Шаолу за ложный стыд? А теперь стесняется показать свои ножки.

Мужчины на улицах – ремесленники, торговцы, городская стража – оборачивались и откровенно глазели, пока не натыкались на взгляд Шаола. Тогда они быстро отводили глаза. Шаол умел остужать пыл.

В его присутствии и караульные во дворе не посмели хихикать, когда туда вбежала запыхавшаяся Ириана. Не будь его, они бы позубоскалили и насчет пятна на ее платье, и насчет спутанных волос. Возможно, даже сравнили бы со взмыленной лошадью.

Ему вежливо предложили пандус. Он резко отказался, а потом пережил унизительные минуты, когда его пытались закинуть в седло, словно мешок. Шаолу было невыносимо смотреть на караульных в их чистеньких, ладных мундирах. Стальные накладки на плечах и эфесы мечей блестели на ярком утреннем солнце. Все четверо молча следили, как он неуклюже забирается в седло. Но он пережил эти минуты. А потом забыл, поскольку его возмутили оценивающие взгляды мужчин, попадавшихся на пути к Торре. Никакая женщина – красавица или дурнушка, молодая или старая – не заслуживала, чтобы на нее пялились как на товар. Тем более Ириана…

Шаол старался ехать вровень с нею. В лучах утреннего солнца белая громада Торры казалась кремовой. Но Шаол смотрел не на обитель Сильбы. Он перехватывал каждый похотливый мужской взгляд, брошенный на Ириану. Встретившись с Шаолом, местные мужчины быстро отводили глаза. Некоторые даже смущались.

Он не знал, замечает ли это Ириана. Она действительно давно не ездила верхом. Каждое резкое движение лошади заставляло ее хвататься за седельную луку. На одной улочке, круто поднимающейся в гору, белая кобылка прибавила шагу.

Ириану закачало из стороны в сторону. Она морщилась, боясь сползти назад.

– Подайся вперед, – сказал ей Шаол. – Тебе нужно уравновесить тяжесть тела.

Сам он тоже наклонился, насколько это позволяли постромки.

Их лошади, поматывая головами, медленно двигались по улицам.

– Я знаю, как надо держаться в седле, – заявила Ириана, сердито взглянув на Шаола.

Он лишь вскинул брови, словно говоря: «Дурачь кого-нибудь другого».

Ириана нахмурилась, но все же наклонилась вперед, послушавшись его совета.

Шаол давно не спал так крепко, как минувшей ночью. Несарине пришлось его расталкивать. Она вернулась поздно и решилась прервать его сон, чтобы сообщить о своих успехах. Несарина не обнаружила в городе никаких следов валгов. Торра не соединялась с городскими сточными каналами. Мощная охрана вдоль стен не позволяла проникнуть внутрь. Отчаянно зевая, Шаол выслушал донесение, пробормотал слова благодарности и опять провалился в сон. Нынче вечером она обещала продолжить охоту.

Яркое солнце, безоблачное небо – такое явно не для валгов, предпочитающих темноту. Аэлина рассказывала Шаолу о способности валгских принцев вызывать мрак. Появляясь, темнота поражала все живое на своем пути, выпивая все жизненные соки. Но даже один валг – принц или демон низшего уровня – представлял немалую опасность для Антики.

Усилием воли Шаол вытолкнул тревожные мысли. Обитель целителей становилась все ближе и величественней.

– Торас, – произнес он, поглядывая на Ириану. – Твоя фамилия – совпадение или же твои предки были каким-то образом связаны с Торрой?

Ириана судорожно впилась в седельную луку, будто поворот шеи в сторону грозил ей падением.

– Не знаю. Мне про это не рассказывали.

Шаол задумался над ее словами. Почему-то она не захотела встретиться с ним глазами, а предпочла смотреть на белую громаду башни. Дитя Фенхару. Он не решился спрашивать, почему она не знает семейной истории и где сейчас ее семья. Шаол задал другой вопрос.

– Фальшивое обручальное кольцо помогает? – спросил он, имея в виду ее простенькое серебряное кольцо с гранатами.

– Представь себе, да. – Ириана взглянула на потертую фамильную реликвию.

– К тебе пытались приставать?

«В этом удивительном городе?» – мысленно добавил он.

– Крайне редко. – Ириана пошевелила пальцами и вновь схватилась за луку седла. – Старая привычка. У нас это помогало.

На мгновение перед ним мелькнуло лицо другой женщины, упавшей у входа в казарму. Белое платье со следами крови. Противник ранил ее отравленным кинжалом, а прежде схожим образом расправился со множеством других жертв.

– Рад слышать, – сказал Шаол. – В Антике ты можешь не опасаться, что кто-то распустит руки.

Даже караульные во дворе. Пусть они и глазели на Ириану, но вели себя уважительно. Одного она назвала по имени. Парень улыбнулся ей. Искренне, по-дружески.

Похоже, Ириане было удобнее ехать, держась за седельную луку. Пусть скажет спасибо смирной лошадке.

– Хаган установил равную ответственность перед законом – что для слуг, что для принцев.

О чем-то подобном Шаол уже слышал и все-таки спросил:

– В самом деле?

– Мне так говорили. Кое-что я наблюдала сама. Знать не может откупиться за преступления или рассчитывать, что происхождение позволит выйти сухим из воды. А когда не щадят богатых преступников, это отрезвляюще действует и на простолюдинов. Каждый крепко подумает, прежде чем решится искушать судьбу… А ты…

Шаол понял ее вопрос.

– Мне приказывали закрывать глаза на преступления знати, а тех, кого успели схватить, – отпускать. Во всяком случае, придворных и высших чинов королевской армии.

– Что можешь сказать про вашего нового короля?

– Он совсем другой.

Если Дорин жив и сумел выбраться из Рафтхола. Подавив и эту мысль, Шаол заставил себя добавить:

– Дорин много читал о хаганате и восхищался здешними порядками. Возможно, что-то позаимствует и для своего правления.

– Думаешь, хаган согласится вступить в союз с Адарланом?

Шаол не стал говорить, что приплыл сюда не только ради собственного исцеления. Такое казалось ему вполне очевидным.

– Могу лишь надеяться, – дипломатично ответил он.

– Армия хагана изменила бы ход войны с… силами, о которых ты рассказывал?

– Опять-таки могу лишь надеяться.

Шаол не отваживался сказать ей правду о малочисленности и разрозненности сил Адарлана и Террасена. Если эти силы еще не разбиты полностью. По сравнению с угрожающим могуществом Мората…

– Что происходило весной и летом? – как бы невзначай спросила Ириана.

– Пытаешься незаметно втянуть меня в разговор?

– Хочется знать.

– Там не о чем рассказывать.

Его история вообще не стоила внимания.

Ириана умолкла. Шаол думал, что она не раскроет рта до самого конца поездки, но ошибся.

– Тебе придется говорить о случившемся. В какой-то момент это станет необходимым. Я… вчера кое-что видела, когда сражалась с твоей раной. Мельком.

– Этого мало?

Вопрос был острым, под стать кинжалу у него на поясе.

– Мало. Чужеродная сила внутри тебя питается твоими страхами и душевной болью. Это не обломок стрелы в теле, который невозможно извлечь и с которым приходится жить. Чтобы ты встал на ноги, мы должны обуздать и уничтожить эту силу.

– Не слишком ли уверенно ты говоришь?

Вопрос сорвался с языка раньше, чем Шаол успел подумать.

– Любое серьезное увечье затрагивает не только тело, но и душу. Обычно таким увечьям предшествуют определенные события. Для успешного исцеления пациенту необходимо заново их пережить: во время лечения и еще потом.

– Я этого не хочу. Не нуждаюсь. Мое желание намного проще: встать на ноги и снова начать ходить.

Ириана покачала головой.

– Ты тоже не отличаешься разговорчивостью, – бросил ей Шаол. – А давай мы с тобой, Ириана Торас, заключим сделку. Ты мне расскажешь свои сокровенные тайны, а я тебе – свои.

Ириана наградила его дерзким, гневным взглядом. Шаол ответил ей таким же.

– Ты упрям как осел, – усмехнувшись, заявила она.

– Меня называли и похуже.

Он улыбнулся. Не во весь рот. Одними губами.

– Не удивляюсь.

Шаол поймал ее улыбку, прежде чем Ириана наклонила голову. Можно подумать, что обменяться улыбками с адарланцем – такое уж преступление.

Он исподволь поглядывал на Ириану. Улыбка на ее лице еще не успела погаснуть. Морской бриз играл ее густыми, слегка вьющимися волосами. Шаол почувствовал, что и сам улыбается. Тугой узел у него в груди ослабел.

Последний отрезок пути они проделали молча. Широкая, залитая солнцем дорога тянулась вверх по склону холма. Шаол запрокинул голову. Вблизи Торра выглядела еще величественнее.

Она была больше похожа на крепость непривычной формы, чем на башню. Со всех сторон ее окружали здания, соединявшиеся переходами на нижних этажах. Участок, занимаемый Торрой, пристройками и садом, опоясывала высокая белая стена с железными воротами, сделанными в виде совы с распростертыми крыльями. Сейчас ворота были открыты. Дорога за ними сужалась. Булыжник сменялся плотно утрамбованным песком. С обеих сторон дорогу окаймляли кусты лаванды и клумбы. Между ними змеились такие же песчаные дорожки. Вместо цветов на клумбах росли лекарственные травы, открытые пока еще нежаркому утреннему солнцу.

Их ароматы сразу достигли ноздрей Шаола: базилик, мята, шалфей. Сильнее всего пахло лавандой. Даже лошади втягивали эти запахи и удовлетворенно фыркали.

Караульные в васильково-желтых мундирах (вероятно, это были цвета Торры) беспрепятственно пропустили всадников. Ириана поблагодарила их кивком. На ее ноги они не смотрели. Возможно, не осмеливались или привыкли с уважением относиться к преимущественно женскому населению Торры. Зато на Шаола они поглядывали с заметным любопытством. Он поспешил отвернуться.

Ириана поехала впереди. Миновав арку, они очутились во внутреннем дворе. Окна трехэтажных зданий вокруг двора сверкали на утреннем солнце.

Шум проснувшейся Антики остался позади. Тишину двора нарушал лишь легкий хруст песка под копытами лошадей и журчание фонтанов вдоль стен зданий. Из фонтанных труб, изогнутых наподобие совиных клювов, изливались радужные водяные струи и падали в глубокие чаши. Между фонтанами росли лимонные деревья. На аккуратных клумбах пестрели бледно-розовые и пурпурные цветы, перевешиваясь через стенки.

Шаолу редко встречались места, где все дышало таким покоем.

Их уже ждали. Господина Эстфола и целительницу Торас встречало около трех десятков женщин в простых, как у Ирианы, платьях всех цветов.

Собравшиеся выстроились в несколько рядов: девчонки-

подростки, зрелые женщины. Пожилых было не много. Среди них в первом ряду выделялась седая смуглокожая женщина. Когда всадники подъехали, она вышла навстречу и приветливо улыбнулась Ириане. Ее лицо не было красивым даже в молодости, зато глаза лучились такой добротой и умиротворенностью, что Шаол заморгал от удивления.

Остальные смотрели на нее как на центр мира, вокруг которого все вращалось. Даже Ириана. Едва спрыгнув с лошади (и явно радуясь этому), она тепло улыбнулась старухе. Подошел караульный, чтобы увести лошадей. Он взял под уздцы белую кобылу и замер, не зная, как быть дальше. Шаол пока оставался в седле. На караульного он старался не смотреть.

Меж тем Ириана пятерней расчесала спутанные волосы и обратилась к старухе на халхийском.

– Это тебя я должна благодарить за такое обилие слушательниц? – непринужденным тоном спросила она.

Возможно, она пыталась вернуть здешнюю жизнь в привычное русло. Подбодрить этих девчонок и женщин после недавней трагедии в библиотеке.

Старуха удивительно тепло улыбнулась Ириане. Ее улыбка была ярче солнца, проглядывавшего из-за стен.

– Среди наших девочек распространился слух, что сегодня их будет обучать весьма обаятельный господин. Они понеслись сюда, как стадо на водопой. Чуть не раздавили меня на лестнице.

Она лукаво посмотрела в сторону трех девчонок от силы лет пятнадцати. Те стояли с пунцовыми лицами и виновато опущенными глазами, что не мешало им поглядывать на Шаола.

Шаол подавил смех.

Ириана повернулась к нему, приглядываясь к седлу и постромкам, будто видела их впервые. Послышалось знакомое поскрипывание колес – с той разницей, что они ехали не по мраморному полу, а по песку.

Шаолу стало не до смеха. Спешиваться, точнее, вытряхиваться с лошади на глазах этих женщин…

«Довольно!»

Слово отозвалось во всем его теле.

Здесь собрались лучшие в мире целительницы. Если он перед ними постесняется своего увечья, значит заслуживает страданий. Никто не тянул его за язык. Он сам предложил помощь и слово свое сдержит.

В заднем ряду он заметил других молодых учениц. Те не хихикали, а стояли с бледными лицами, беспокойно переминаясь с ноги на ногу.

Прекрасное место. Храм исцеления, над которым нависла

тень.

Он сделает все, что в его силах, дабы вернуть Торре прежнее ощущение безопасности.

– Господин Шаол Эстфол, – официальным тоном обратилась к нему Ириана, – позвольте вам представить госпожу Хазифу, верховную целительницу Торры-Кесме.

Услышав его имя, одна из покрасневших девчонок шумно вздохнула.

Ириана сердито посмотрела на нее. Шаол поклонился старухе – та протянула ему обе руки. Их кожа напоминала пергамент и была такой же теплой, как ее улыбка.

– Как Ириана и говорила: обаятельный, – сказала Хазифа, крепко сжимая его пальцы.

– Я такого не говорила, – прошипела Ириана.

В рядах захихикали. Ириана предостерегающе сощурилась на другую озорницу. Стараясь этого не замечать, Шаол сказал Хазифе:

– Для меня, госпожа Хазифа, большая честь и большое удовольствие оказаться в Торре-Кесме.

– Какой удалой, – восхищенно шепнул юный голос позади Шаола.

«Подожди, пока не увидишь, как я спешиваюсь», – чуть не ответил ей вслух Шаол.

Хазифа еще раз сжала ему руки, потом отошла, выразительно поглядев на Ириану.

Ириана хлопнула в ладоши, прекращая смешки и перешептывания:

– Господин Шаол получил серьезное повреждение нижней части позвоночника, отчего передвигается с большим трудом. Вчера наша мастерица Синдра изготовила для него постромки для верховой езды, взяв за образец давнишнее приспособление, придуманное степными конниками. Это большое подспорье. Человек, лишенный возможности ходить, по-прежнему может ездить верхом.

Ириана указала на постромки и, естественно, на неподвижные ноги Шаола.

С каждым словом его плечи становились все напряженнее.

– Если вам доводилось работать с пациентом, оказавшемся в схожем положении, – продолжала Ириана, – свобода передвижения верхом всегда предпочтительнее кареты или паланкина. Особенно если до этого человек был очень подвижным и привык обходиться без посторонней помощи. Но даже если вы исцеляете того, кто всю жизнь передвигался с трудом, ваш пациент будет рад возможности выбраться за рамки

привычных ограничений.

Это никак не вязалось с азами самозащиты, о которых Шаол собирался рассказывать. Похоже, Ириана расширила тему, причем успешно. Даже три краснеющие девицы перестали улыбаться, разглядывая постромки и его ноги.

– Кто готов помочь господину Эстфолу перебраться с лошади в кресло?

Поднялся десяток рук.

Шаол попытался улыбнуться, но не смог.

Ириана указала на нескольких учениц, и они подбежали к ней. На Шаола они не смотрели и даже не поздоровались. Ириана обратилась к ним, однако старалась говорить так, чтобы слышали все:

– Конечно, этот вариант непригоден для полностью обездвиженных пациентов. Но у господина Эстфола верхняя часть туловища полностью сохраняет подвижность, и потому он может управлять лошадью. Ему непросто удерживать равновесие в седле, и безопасность остается здесь главной заботой. И еще одна особенность. Половая функция у господина Эстфола тоже сохранилась со всеми соответствующими ощущениями. Так что у применения постромок есть и оборотная сторона.

Какая-то совсем молоденькая глупышка хихикнула. Остальные лишь кивали, глядя на известную часть тела, словно он восседал перед ними совершенно голым. Краска прилила к лицу Шаола. Ему отчаянно захотелось прикрыться.

Две ученицы принялись расстегивать постромки. Остальные разглядывали пряжки и прутья. В глаза ему так никто и не смотрел, словно Шаол был для них новой игрушкой или наглядным пособием. Неким курьезом.

– Постарайтесь снять господина Эстфола без излишних толчков и рывков. Осторожность – превыше всего.

Шаол старался сохранять отрешенность. Он бы предпочел сейчас оказаться в руках дворцовых гвардейцев. Ириана четко и подробно объяснила девчонкам, как они должны вытаскивать его из седла.

Шаол не пытался помогать ученицам и сопротивлялся им, когда они потянули его за руки. Кто-то решил уравновесить положение его поясницы. Затем окружающий мир накренился. Шаола снимали с седла. Но для девичьих рук он оказался тяжеловат и начал сползать. Вот-вот грохнется наземь. Солнце, набравшее силу, жгло ему кожу.

Девчонки кряхтели от натуги. Кто-то забежал с другой стороны, намереваясь приподнять его правую ногу и перекинуть через седло. Шаол так думал. Он видел лишь кудряшки на

девчоночьей голове. Ученица уперлась в его ногу, толкнула вверх и… Шаолу показалось, что он повис в воздухе. Три девчонки слева, скрипя зубами, пытались опустить его. Остальные молча наблюдали.

И вдруг одна из трех ойкнула и выпустила его плечо. Шаол рухнул вниз.

Сильные, уверенные руки подхватили его, когда до белого песка дорожки оставалось каких-нибудь пол-локтя. Остальные девчонки, пыхтя и кряхтя, пытались снова его приподнять. Он выбрался из седла, но теперь полувисел, а его ноги находились внизу. И до сапог было столь же далеко, как до крыши Торры.

У Шаола загудело в голове.

Он чувствовал себя как голый – но куда хуже, чем когда ему приходилось часами сидеть в нижнем белье или мыться при помощи Каджи.

Ириана, по-прежнему сжимавшая его плечо (это она уберегла Шаола от падения), сказала юным целительницам:

– Девочки, вы бы могли проявить больше умения и проворства. Гораздо больше. Вас ведь учили перемещать пациентов, не усугубляя их страданий.

Она вздохнула:

– О ваших ошибках мы поговорим потом, а сейчас усадите господина Эстфола в кресло.

Он едва выносил ее голос, едва слышал ее слова. Он висел между девчонками, которые были вдвое легче его. Девчонка, отпустившая плечо Шаола, вернулась. Ириана отошла и пронзительно свистнула, подавая сигнал.

Где-то рядом заскрипели колеса. Кресло напоминало то, что осталось во дворце. Шаолу было все равно, как оно устроено. Ученица подкатила кресло поближе. Общими усилиями девчонки втащили его на кресло, которое заскрипело под его тяжестью.

– Осторожнее! – прикрикнула на ученицу Ириана.

Девчонки замешкались. Собравшиеся все так же молча смотрели. Сколько секунд или минут прошло с тех пор, как началась эта пытка? Шаол вцепился в подлокотники. Ириана отдала еще несколько распоряжений. Костяшки его пальцев побелели, когда одна из девчонок нагнулась к сапогам Шаола, чтобы изменить ему положение ног.

Ему хотелось сказать очень многое. Шаол чувствовал: еще чуть-чуть, и он не сдержится. Рявкнет: «Пошла прочь!» Пальцы ученицы почти касались запыленной кожаной поверхности сапога.

Высохшие смуглые руки перехватили девчоночье запястье.

– Позволь мне, – спокойно сказала Хазифа.

Девчонки попятились. Хазифа склонилась над подставкой для ног.

– Ириана, выровняй ряды, – распорядилась старуха, обернувшись через плечо. – Мы скоро начнем.

Ириана послушно погнала учениц по местам.

Морщинистые руки замерли возле его сапог, повернутых в разные стороны.

– Господин Эстфол, вам помочь или вы сами? – спросила Хазифа.

Слова не выговаривались. Шаол боялся разжать руки, зная, что они будут дрожать. Он молча кивнул.

Хазифа вытянула и согнула ему одну ногу, затем остановилась, ожидая, когда Ириана отойдет подальше.

– Торра – это большая школа, – негромко сказала Хазифа. – Старшие обучают младших.

Она говорила с сильным акцентом, но Шаол прекрасно ее понимал.

– Вы должны понять намерение Ирианы, господин Эстфол. Она хотела показать этим девчонкам, как выглядят и применяются постромки. Устроила им небольшой урок, дав каждой прочувствовать все особенности такого пациента, как вы. Никакие книжки с самыми подробными картинками не заменят опыт. Сама Ириана ездила за опытом в дарганцкие степи. Таких пациентов обычно исцеляют на месте, а не привозят сюда. Для молодых учениц это просто бесценный урок. В степи многие из них попадут лишь через несколько лет.

Шаол наконец встретился глазами с Хазифой. Понимание, светившееся в них, било по нему больнее, чем неумелые действия малосильных девчонок, стаскивавших его с лошади.

– У моей Ирианы добрые намерения, – сказала Хазифа.

Шаол не ответил. Не мог найти нужных слов. Хазифа выпрямила и согнула ему вторую ногу.

– Поверьте, господин Эстфол, помимо шрама на ее шее, есть много других шрамов.

Ему хотелось сказать старухе, что уж кто-кто, а он это прекрасно знает.

Шаол заставил себя отбросить мысли о своей мнимой наготе и приглушить гул в голове.

Он обещал помочь этим женщинам, научить их тому, чему не могла научить Ириана.

Наверное, Хазифа прочла его мысли или догадалась о них. Потрепав Шаола по плечу, она с легким кряхтением выпрямилась и пошла туда, где ей оставили место.

Пока Хазифа возилась с Шаолом, Ириана заставила

собравшихся размять мышцы несколькими упражнениями. Закончив, она повернулась к Шаолу и пристально взглянула на него. Ириана чувствовала: между Хазифой и Шаолом произошел какой-то разговор, который она пропустила.

«Что не так?» – спрашивали ее глаза и нахмуренные брови.

Шаол не обратил внимания на ее молчаливый вопрос с явным налетом беспокойства. Все свои ощущения он держал в глубине себя и, вращая колеса, покатил кресло к Ириане. У этого кресла не было рычага, а песок сильно отличался от гладкого мрамора. Стиснув зубы, Шаол толкал кресло вперед. Он пообещал этим женщинам и сдержит обещание.

– Что мы разбирали на прошлом уроке? – спросила Ириана у девчонки в первом ряду.

– Долбежку глаз, – улыбаясь во весь рот, ответила та.

Шаол чуть не поперхнулся.

– Верно, – сказала Ириана, растирая руки. – Пусть кто-нибудь из вас мне покажет, как это делается.

Шаол молча смотрел, как поднялось несколько рук. Ириана выбрала тонкокостную ученицу и, приняв позу нападающей, довольно грубо схватила девчонку спереди.

Но худенькие руки ученицы потянулись к лицу Ирианы. Большие пальцы были направлены к уголкам ее глаз.

Наверное, Шаол приподнялся бы на руках, если бы девчонка не отступила назад.

– А дальше? – спросила Ириана.

– Нужно сцепить большие пальцы вот так. – Ученица показала всем. – И потом… хлоп!

Кто-то тихо засмеялся, поскольку девчонка добросовестно воспроизвела звук хлопка.

Аэлина была бы вне себя от радости.

– Хорошо, – сдержанно похвалила Ириана.

Ученица вернулась на место. Ириана мельком взглянула на Шаола, и опять что-то в его глазах встревожило ее. Ладно, потом спросит у него.

– Сегодня у нас третий урок по этому разделу. Отработка защиты от нападения спереди. Обычно я просила наших караульных на время становиться добровольными жертвами. – (Послышалось хихиканье.) – Но сегодня я хочу попросить вас, господин Эстфол, поделиться вашим опытом. Рассказать, как женщинам разных возрастов и телесной силы надлежит действовать при любом нападении на них. Пожалуйста, расскажите нам о самых главных действиях в подобных ситуациях. Мы будем благодарны за любые советы и подсказки.

Прежде он обучал молодых парней, готовых не исцелять, а

проливать кровь. Но его собственное обучение началось с умения защищаться. Потом тому же он учил других… пока их не вздернули на прутьях ворот замка.

Перед Шаолом возникло изуродованное лицо Ресса с невидящими глазами. Какую пользу принесли ему и остальным уроки капитана Эстфола?

Никакой. Это был костяк; люди, которых Шаол тщательно обучал, которым доверял и считал своими друзьями… В живых не осталось никого. Шаолу вспомнился Брулло – его наставник и предшественник. Шаол был добросовестным учеником. А что толку? Всё, с чем он сталкивался и к чему прикасался… разбивалось в прах и оборачивалось страданиями других. Тех, чьи жизни он поклялся защищать.

Солнце сделалось обжигающим. Журчание фонтанов доносилось словно издалека.

Чем его знания и опыт помогли жителям Рафтхола и самому городу, когда началась бойня?

Шаол поднял голову. Женщины терпеливо ждали, с любопытством на него поглядывая.

Ему вспомнился момент, когда он швырнул свой меч в воды Авери. Оружие, которое он долго носил с гордостью, стало ему ненавистно. Вместе с мечом Шаол бросил в темные, бурлящие воды реки и все, что делало его капитаном королевской гвардии.

С тех пор Шаол медленно тонул. Вот когда он получил увечье. Повреждение позвоночника было следствием.

Он даже не пытался выплыть. Утопив меч, он продолжал тонуть сам. Пожалуй, его погружение началось даже раньше, когда он оставил Дорина наедине с королем, прошептав принцу – своему другу детства, своему брату – слова прощания. По сути, Шаол тогда сбежал…

Сбежать отсюда он не имеет права. Нужно успокоиться и делать то, на что сам же вызвался.

Обеспокоенная затянувшимся молчанием, Ириана подошла к Шаолу, недоуменно и озабоченно поглядывая на него. «Ну что еще тебе не так? – говорил ее взгляд. – Ты же сам хотел».

Мысли, теснящиеся в голове, Шаол спровадил поглубже. На осклизлое дно Авери, где нынче ржавел его меч с эфесом в виде головы орла.

Он поднял голову. Ириана говорила, что на эти занятия ходят не только целительницы, но еще библиотекарши и поварихи.

– Когда на вас нападают, – наконец произнес он, – нападающие чаще всего пытаются передвинуть вас с места их атаки в какое-то иное. Ни за что не позволяйте им этого. Куда бы нападающие ни повели или ни потащили вас, в том месте ваша

жизнь и закончится.

В Рафтхоле Шаол видел немало мест, где были совершены убийства. И каждое подтверждало нехитрую истину, о которой ему рассказывал Брулло: сделал хоть шаг в сторону, считай, подписал себе смертный приговор.

– Повторяю: если вас пытаются увести с места нападения, сделайте его полем сражения.

– Мы это знаем, – сказала одна из девчонок, что по пути сюда чуть не опрокинули Хазифу. – С этого начинался первый урок Ирианы.

Ириана хмуро кивнула. Шаол поспешно отвел глаза от ее шеи.

– А про то, в каком месте наступить противнику на ногу, чтобы взвыл от боли? – спросил Шаол.

– Это тоже было на первом уроке, – ответила за Ириану девчонка.

– Есть еще один нехитрый, но очень действенный способ – удар в пах. Слышали про него?

Собравшиеся дружно закивали. Похоже, Ириана знала основные приемы самозащиты.

Шаол мрачно усмехнулся:

– А как можно двумя движениями свалить человека моего телосложения и даже более рослого? Про такое вы знаете?

Кто-то засмеялся. Остальные замотали головами. Все это не прибавляло Шаолу воодушевления.

15

Шаол был похож на кипящий котел – только вместо воды в нем кипел гнев.

Он гневался не на девчонок и женщин – те взирали на него с неподдельным восторгом. Его четкий, обстоятельный рассказ они слушали с улыбками, посмеиваясь, хотя недавние события в библиотеке висели над Торрой, словно серая пелена. На вчерашней поминальной службе было пролито немало слез. Ириане и сегодня утром, когда она спешила во дворец, встречались припухшие глаза.

К счастью, на уроке никто не тер глаза и не шмыгал носом. Особенно когда господин Шаол попросил троих караульных поиграть в нападающих и девчонки опрокидывали их на землю. Снова и снова.

Все трое согласились, поскольку знали: любое повреждение им тут же залечат. Слава целительниц Торры могла соперничать

только с Доранеллой, но туда доступ простым смертным был закрыт.

Шаол тоже улыбался: и девчонкам, и женщинам, и даже караульным, что особенно потрясло Ириану.

Но ей он не улыбнулся ни разу.

От каждого ее вопроса его лицо каменело, а в глазах появлялся иней. Казалось, ему мешало даже ее присутствие. Зато на девчонок его терпения хватало. Шаол давал краткие пояснения, такие же краткие распоряжения и пристально следил за движениями каждой, не упуская ни одной мелочи. Если кто-то ставил ногу чуть-чуть не так, Шаол указывал на ошибку раньше, чем девчонка успевала шевельнуться.

Урок длился час. Все собравшиеся сумели постичь новый прием и повалить караульного на землю. Беднягам досталось, но все трое довольно улыбались – в основном потому, что Хазифа пообещала каждому бочонок пива и ее сильнейшую целебную настойку, которая действовала лучше любой выпивки.

Колокола прозвонили десять. Урок закончился. Одни отправились постигать премудрости целительства, другие – навещать пациентов, а третьих ждали хозяйственные дела. Стайка девчонок помоложе и поглупее не торопилась уходить. Они строили глазки господину Эстфолу, а одна была не прочь усесться ему на колени. Хазифа сухо напомнила обольстительнице, что в прачечной по ней скучают горы белья.

Прежде чем покинуть двор, верховная целительница многозначительно посмотрела на Ириану. Словно посылала молчаливое предостережение.

Они с Шаолом остались во дворе вдвоем. Впрочем, не сказать чтобы наедине. Девчонки продолжали пялиться на них из окон Торры. Ириана так посмотрела на них, что окна тут же захлопнулись, но с бунтарским хихиканьем.

Да убережет ее Сильба от девчонок-подростков.

Она в их возрасте была другой. Не такой легкомысленной. Она и с мужчиной впервые поцеловалась только прошлой осенью. И глазки, глуповато хихикая, никому не строила. Вовсе не потому, что она была лучше этих девчонок. Где-то она даже завидовала им. Слишком многое в ее жизни не произошло из-за того костра и факелов.

Шаол не улыбался девчонкам в окнах. К нему вернулась прежняя угрюмость.

– Все прошло лучше, чем я ожидала, – сказала Ириана. – Они наверняка будут просить, чтобы через неделю ты приехал снова. Конечно, если захочешь.

Шаол молчал.

– Если ты не устал, я готова снова заняться твоей спиной. Можно найти помещение здесь. Или предпочтешь вернуться во дворец?

Недавний блеск исчез из глаз Шаола.

– Во дворец, – отрезал он.

От его ледяного тона у Ирианы все сжалось внутри.

– Хорошо, – только и произнесла она, а потом пошла искать караульных и лошадей.

Обратно ехали молча. Молчание было напряженным, тягостным.

Ириана ворошила в памяти недавний урок. Может, она что-то сказала не так или, наоборот, чего-то не сказала? Или ловкость и проворство караульных еще раз напомнили Шаолу о его увечье? Возможно, от одного вида караульных его настроение стремительно поползло вниз.

Ириана продолжала раздумывать о причинах и потом, глядя, как Шен вместе с другим караульным пересаживают Шаола в кресло. Шаол натянуто улыбнулся им, но ничего не сказал.

Утренняя прохлада во дворе сменилась удушающей жарой.

– Покатишь кресло или мне самому? – довольно грубо спросил Шаол, обернувшись к Ириане.

Она растерянно заморгала, но растерянность тут же сменилась язвительностью. Ириана умела выпускать иголки.

– До сих пор ты неплохо справлялся.

– Напрасно ты не позвала сюда кого-нибудь из своих учениц. Или сразу штук пять. Не знаю, сколько их, по-твоему, нужно, чтобы возиться с адарланским гостем.

Ириане показалось, что ей влепили пощечину. Но она тут же совладала с собой и, стремительно развернувшись, направилась в покои Шаола. Ее не волновало, едет ли он следом и успевает ли за ней.

Колонны, коридоры и внутренние сады дворца стремительно проносились мимо. Ириане хотелось поскорее добраться до знакомой гостиной. Кажется, ее окликнули. Она пошла дальше. Ее снова окликнули. Узнав голос, она остановилась и внутренне сжалась.

Через мгновение к ней подбежал Кашан. Он был в доспехах. Вспотевшее лицо говорило о том, что принц упражнялся с караульными.

– А я тебя искал, – сказал он, и его карие глаза тут же скользнули по ее груди.

Нет. По пятну на платье.

– Отдай дворцовым прачкам, пусть выстирают, – сказал Кашан. – У Хасары найдется во что тебя временно переодеть.

Ириана совсем забыла про свое грязное мятое платье. Вплоть до этой минуты оно ей ничуть не мешало, и она не чувствовала себя замарашкой со скотного двора.

– Спасибо за предложение, но я вполне дотерплю до возвращения в Торру.

Она хотела двинуться дальше. Кашан загородил ей путь:

– Я слышал о трагедии в библиотеке. Я распорядился отныне выделять дополнительную охрану. Караул будет заступать на вахту сразу после захода солнца и оставаться до рассвета. Никто не проскользнет незамеченным.

Это было щедрой помощью с его стороны. Кашан всегда был с нею щедр.

– Спасибо, – сказала Ириана.

Кашан даже не улыбнулся. Ириана догадывалась, какие слова сейчас услышит, но принц был немногословен.

– Прошу тебя, будь осторожней. Я помню… ты высказалась достаточно ясно, однако…

– Кашан!

– Это не отменяет того, что мы с тобой друзья. Или были друзьями.

Ириана нехотя встретилась с ним взглядом. Заставила себя произнести:

– Господин Шаол упоминал твои… мысли насчет Тумелуны.

Кашан посмотрел на белые лоскуты, свешивающиеся из ближайшего окна. Ириана собралась (пусть и запоздало) выразить ему соболезнования по случаю смерти сестры, однако принц ее опередил:

– В таком случае ты понимаешь, насколько реальна эта угроза.

– Да. И буду осторожна.

– Вот и прекрасно.

Лицо Кашана расплылось в улыбке. На мгновение Ириане стало досадно, что она не испытывает к нему никаких чувств, кроме дружеских. Но иных чувств и не было – во всяком случае, с ее стороны.

– Как продвигается исцеление господина Эстфола? Есть успехи?

– Скромные, – уклончиво ответила Ириана.

Повернуться и уйти… Она сознавала опрометчивость такого поведения. Кашан все-таки принц, хотя и бывший друг. Но чем дальше затягивался их разговор, тем…

– Я хотела бы задержаться и поговорить.

Это была полуправда.

– Так задержись.

Улыбка Кашана стала еще шире. Да, в обаянии Кашану не откажешь. Если бы он происходил из другой семьи, если бы у него был иной титул…

Ириана покачала головой:

– Мне нужно снова заниматься позвоночником господина Эстфола.

– Слышал, вы с ним утром ездили в Торру. Верхом. Разве он не вернулся вместе с тобой?

Ириана постаралась прогнать с лица умоляющее выражение. Наспех сделав реверанс, она сказала:

– Мне пора. Еще раз спасибо за заботу и за караульных, принц.

Титул повис над ними, словно раскачивающийся колокол.

Ириана пошла дальше. Взгляд Кашана сопровождал ее, пока она не завернула за угол. Там она привалилась к стене, закрыла глаза и глубоко выдохнула. Дура. Сколько женщин назвали бы ее дурой, однако…

– Мне его почти жаль.

Ириана открыла глаза. Шаол только что вывернул из-за угла. Он тяжело дышал. Глаза его светились, как два уголька.

– Еще бы ему не сострадать, – продолжал Шаол. – Я находился далеко и не слышал вашего разговора. Зато я видел, с каким лицом он уходил.

– Ты сам не знаешь, о чем говоришь, – сердито ответила Ириана и пошла к его покоям, но уже медленнее.

– Не надо примеряться к моей скорости. Ты же почти летела. Со стороны это производит впечатление.

– Что из моих сегодняшних действий тебя так обидело? – Не выдержав, она задала вопрос в лоб.

В лице Шаола ничего не изменилось. Сильные руки продолжали вращать колеса кресла.

– Я задала вопрос. Не хочешь отвечать?

– Зачем ты отталкиваешь принца? Ведь когда-то вы были близки.

Дворцовый коридор был неподходящим местом для подобных разговоров. Да и время Шаол выбрал тоже неподходящее.

– Тебя это не касается.

– Сделай одолжение.

– Нет, – отрезала Ириана.

Она пошла быстрее. Шаол легко поспевал за нею. Так они добрались до двери его покоев.

Каджа стояла на пороге. Ириана с ходу дала ей нелепое поручение:

– Мне нужен сушеный чабрец, лимон и чеснок.

Все это сгодилось бы в качестве приправы для только что выловленной и зажаренной форели. Ириана вспомнила, как мать когда-то готовила эту рыбу.

Поклонившись, служанка исчезла. Ириана распахнула дверь пошире, пропуская Шаола.

– Да будет тебе известно, – прошипела она, шумно захлопывая дверь, – что твое отвратительное, упрямое поведение ничего не исправляет. Только портит, и еще как.

Кресло застыло посреди внутреннего коридорчика. Ириана поежилась. Так ведь можно и всю кожу на ладонях содрать. Шаол приготовился что-то сказать, но не успел. Дверь второй спальни открылась, и оттуда вышла Несарина, сверкая мокрыми волосами.

– А я понять не могла, куда ты пропал, – сказала она Шаолу, слегка кивнув Ириане. – Ранняя прогулка по дворцу?

Ириана быстро освоилась в изменившейся обстановке. Она как-то успела забыть, что первое место здесь занимает Несарина. А ей отведена роль помощницы. Словом, вспомогательная роль.

Шаол потряс кистями. Он действительно содрал кожу.

– Я ездил в Торру. Проводил там занятие по основам самозащиты.

Несарина покосилась на его кресло.

– Верхом, – добавил он.

Глаза Несарины удивленно вспыхнули и округлились.

– Это как? – спросила она, обращаясь к Ириане.

– С помощью постромок для ног, – пояснила Ириана. – А сейчас мы продолжим исцеление позвоночника господина Шаола.

– Ты что, действительно сидел в седле?

Ириана почувствовала, как Шаола пробрала внутренняя дрожь. Она и сама вздрогнула. Кто не видел покалеченных дарганцких конников, ездящих верхом, не поверит.

– Да… хотя мы не рискнули ехать слишком быстро. Начали с быстрого шага, – спокойно ответил он. Чувствовалось, он ждал подобного вопроса от Несарины и привык к ее въедливости. – Быть может, завтра я попробую рысь.

С ногами, которые не упрешь в лошадиные бока. Добавить к этому тряску… Ириане приходилось исцелять повреждения в области паха. А при его позвоночнике… Но она промолчала.

– Я поеду с тобой, – заявила сияющая Несарина. – Покажу тебе город. Может, и к дядиному дому завернем.

– Я бы с удовольствием, – сказал Шаол.

Несарина чмокнула его в щеку:

– Схожу на пару часов к ним. Потом встречусь… ты знаешь. Вернусь под вечер. И потом… продолжу начатое.

Ириана не упрекала ее за скрытность. Она видела оружие, разложенное на столе в комнате Несарины. Дверь была лишь приоткрыта, но Ириана разглядела ножи, мечи, луки и колчаны со стрелами… У капитана Фелак в спальне имелся небольшой арсенал.

Шаол что-то пробурчал и слегка улыбнулся. Несарина пошла к выходу. На пороге она остановилась. Эту улыбку во весь рот Ириана видела у нее впервые.

Надежда. Несарина была полна надежды.

Тихо закрылась дверь. Ириана по-прежнему ощущала себя вторгшейся в чужую жизнь.

– Хочешь подкрепиться перед началом? – спросила она.

Шаол молча направил кресло к себе в спальню.

– Мне удобнее работать в гостиной, – сказала Ириана.

Ее мешок стоял на коридорном столике. Каджа перенесла. Скорее всего, и внутри порылась.

– А мне удобнее переносить такую боль лежа на кровати. И будем надеяться, что сегодня ты не рухнешь на пол без чувств.

Шаол легко перебрался из кресла на кровать и стал расстегивать камзол. Ириана осталась в дверях:

– Скажи, чем я тебя сегодня обидела?

Шаол сбросил камзол:

– Ты хотела спросить, чем еще ты меня обидела помимо того, что выставила перед своими ученицами на манер сломанной куклы и заставила их стаскивать меня с лошади, будто полудохлую рыбу?

Ириана опустила мешок на пол, предварительно достав оттуда кляп:

– Во дворце тебе многие помогают, но тебя это почему-то не обижает.

– Не так много, как ты думаешь.

– Торра – место обучения. Люди с увечьями вроде твоего попадают к нам редко. Обычно мы сами ездим к ним. Эти хихикающие девчонки сегодня получили очень ценный опыт. Его не передашь словами и не опишешь ни в каких книгах. В будущем это может помочь немалому числу их пациентов.

– Ну да, твое живое наглядное пособие. Покалеченное, но зато такое послушное.

– Я тебя показывала не зевакам на ярмарке, а девчонкам, у которых прекрасные задатки, но недостает знаний и опыта. Мне бы и в голову не пришло назвать тебя… наглядным пособием.

Шаол сбросил рубашку, стянув ее через голову и чуть не разорвав по швам:

– А может, это было чем-то вроде наказания? За службу

прежнему королю. Или за то, что я родом из Адарлана?

– Нет!

Неужели он поверил, что она способна быть такой жестокой, грубо нарушающей принципы Торры?

– Я тебе говорю сущую правду: я хотела показать ученицам особенности повреждения позвоночника.

– А я не хотел, чтобы ты им это показывала!

Ириана выпрямилась во весь рост.

– Раз уж ты вспомнила ярмарку… я не хотел, чтобы ты меня показывала как балаганного уродца! – Шаол тяжело дышал, стиснув зубы. – Не хотел, чтобы они дотрагивались до меня.

Его грудь вздымалась. Легкие раздувались, как кузнечные мехи.

– Ты хоть представляешь, каково здоровому, сильному человеку, привыкшему ходить, бегать, бешено скакать на лошади, вдруг оказаться узником этого кресла?

Ириане показалось, что пол ускользает у нее из-под ног.

– Я знаю… это тяжело.

– Да, тяжело. А благодаря тебе стало еще тяжелее. Я часами сидел в гостиной полуголым. Но сегодня я чувствовал себя совершенно голым. Опозоренным перед сопливыми девчонками.

Шаол удивился, что произнес эти слова вслух, решившись на подобное признание.

– Я… прошу прощения, – пробормотала Ириана.

У него дрогнул кадык.

– Все, о чем я думал, о чем мечтал, все замыслы, которые я строил… Ничего этого нет. Что осталось? Мой король и смехотворная крупица надежды, что мы уцелеем в войне и я смогу обрести хотя бы малую часть.

– Малую часть чего?

– Всего того, что разрушилось у меня на глазах. Рассыпалось в прах.

На последних словах у него дрогнул голос.

У Ирианы защипало в глазах: то ли от стыда, то ли от чужой и своей печали. Она не хотела знать причину. Не жаждала подробностей случившегося с Шаолом. Эта боль, прорывающаяся у него во взгляде. Ему ведь придется вновь столкнуться с нею, пережить, выплеснуть в словах. Но не сейчас…

– Я прошу прощения, – повторила Ириана и через силу добавила: – Мне нужно было бы заранее подумать, чем все это обернется для тебя. О твоих чувствах.

Шаол замер, потом расстегнул и снял пояс. Потом сапоги и носки.

– Штаны можешь не снимать… если хочешь.

Он снял и штаны. И опять замер в ожидании.

Его гнев никуда не исчез. Его взгляд и сейчас был полон презрения к ней.

Ириана сглотнула. В животе заурчало. Надо что-нибудь перехватить, иначе она не сможет работать.

Но уйти, пусть даже ненадолго… У Ирианы возникло странное ощущение: если она сейчас уйдет, если он увидит, что она повернулась к нему спиной…

Целителям и их пациентам требовалось доверие. Некая связующая нить.

Если сейчас повернуться и уйти, эта тоненькая ниточка порвется. Возникнет пропасть, и, скорее всего, непреодолимая.

Ириана отогнала мысли о еде. Шаолу она велела переместиться на середину кровати и лечь на живот, а сама присела на край. Ее рука застыла над его спиной, над бороздой, тянущейся вниз. Из-за мышц эта борозда казалась глубже.

А ведь она как-то не задумывалась о его чувствах. О том, что они существуют, преследуют его, не давая покоя.

Дыхание Шаола оставалось учащенным.

– Хочу понять: у тебя неприязнь только ко мне или ко всему Адарлану? – спросил он.

Он смотрел на противоположную стену, где деревянная ширма загораживала вход в купальню. Рука Ирианы остановилась. Хорошо, что не дрогнула, поскольку ее вновь обдало волной стыда.

Она мысленно отругала себя: который день не может взять себя в руки. В таком состоянии нельзя работать.

Тень от ее руки прикрывала белесое пятно на спине Шаола. А под пятном притаилась чужеродная сила… Магию Ирианы вновь отбросило. Захотелось отвести руку. Вчера она слишком устала, а сегодня с утра была очень занята, чтобы думать о новой встрече с пятном. О штурме черной стены и о том, что ей придется увидеть и вынести.

Но Шаол сдержал обещание. Невзирая на ее глупые, непростительные оплошности, он провел с девчонками очень полезное занятие. И она сейчас могла отблагодарить его единственным способом: добросовестно продолжать начатое.

Ириана глубоко вдохнула. Нет, подготовиться к этому невозможно. Не существует такого дыхания, которое хотя бы немного уменьшило боль и ужасы, ожидающие их обоих.

Ириана молча протянула Шаолу кожаный кляп. Его зубы впились в кожу этого нехитрого приспособления. Чувствовалось, он приготовился к боли. Лицо непроницаемое, взгляд устремлен на дверь.

– Когда мне было одиннадцать лет, адарланские солдаты заживо сожгли мою мать, – тихо сказала Ириана.

Прежде чем Шаол успел ответить, ее рука легла на белесое пятно.

16

Только тьма. И боль.

Он сопротивлялся тому и другому, едва ощущая кляп во рту и сухость в воспаленном горле.

«Заживо сожгли… заживо сожгли… заживо сожгли…»

Пустота показала ему огонь. Женщину с золотисто-каштановыми волосами и кожей такого же цвета. Она кричала от боли, взывая к равнодушным небесам.

Пустота показала ему изуродованное тело на окровавленной постели. Голову, катящуюся по мраморному полу.

«Это сделал ты… это сделал ты… это сделал ты…»

Он увидел другую женщину, с глазами цвета синего пламени и волосами, похожими на чистое золото. Ее занесенный кинжал был направлен ему прямо в сердце.

Иногда он жалел, что она не нанесла удар.

Шрам на его лице – от ее ногтей. То было ее первым ударом… Глядясь в зеркало, он всегда вспоминал, откуда этот шрам, и испытывал ненавистное желание, чтобы все кончилось еще тогда. В холодной комнате, где на окровавленных простынях лежало тело. Под пронзительный крик… Черный каменный ошейник на загорелой шее и чужая улыбка на лице, знакомом с детства… Сердце, которое он был готов отдать, осталось валяться на замызганных досках причала… Женщина, уплывшая ассасином, а вернувшаяся королевой… Прекрасные люди, вздернутые на воротах замка.

Все это таилось под тонким шрамом. Все, чего он не мог простить или забыть.

Пустота неустанно показывала ему картины прошлого. Она колола его раскаленными вилами. И показывала, показывала, показывала то и тех, кого он бросил, подвел, предал.

Мать. Брата. Отца.

Все, от чего он отказался. С чем не справился. То, что ненавидел, и то, чем стал. Здесь границы были размытыми. А ведь он отчаянно пытался их восстановить. Последние недели и месяцы он только этим и занимался.

В его крови, во всем теле бушевал черный огонь, силясь затопить эти мысли.

Пылающая роза на ночном столике. Прощальное объятие его короля.

Он пытался. Пытался надеяться, и тем не менее…

Молодые девчонки, почти дети, стаскивали его с лошади. Трогали его бесчувственные ноги, тыкали в них пальцами.

Позвоночник пронзило острейшей болью. У Шаола перехватило дыхание. Он не мог выбросить эту боль в крике.

Вспыхнул белый свет.

Мимолетная вспышка вдалеке.

Не золотистая, не красная и не синяя. Не свет пламени, а чистый, яркий солнечный свет.

Вспышка в темноте, похожая на молнию, прочертившую ночное небо…

И снова боль сомкнула свои челюсти.

Глаза отца, бурлящие гневом, когда Шаол объявил, что отправляется служить в королевскую гвардию. Отцовские кулаки. Мольбы матери. Ее страдальческое, перекошенное лицо, когда он уезжал из Аньеля. Тогда он в последний раз видел родной дом, родной город и своего малолетнего брата, испуганно прячущегося в тени отца.

Брата, которого он променял на другого – того, кого привык считать своим братом. Кровный брат остался в прошлом.

Тьма сдавила его со всех сторон, угрожая раскрошить кости в пыль.

Тьма, готовая его убить.

Скорее всего, она его убьет; эта боль, эта… бездонная яма, наполненная ничем.

Смерть была бы благом. Он сомневался, что его дальнейшая жизнь – та, за пределами кошмаров, – имела какой-то смысл. Проверять не хотелось. Ему вообще не хотелось возвращаться в мир, где привычные действия отнимали столько сил.

Тьме нравилось его состояние. Она пировала на его страданиях. На боли в костях, сдавливаемых тисками. На крови, готовой вскипеть в жилах. Даже на его криках.

В него снова ударил ослепляющий белый свет. Заполнил пустоту.

Тьма со скрежетом отступила, затем черной приливной волной ринулась назад… чтобы удариться о броню белого света. Тьма разбивалась о нее, как волны разбиваются о скалу.

Свет в бездне.

Теплый, спокойный, добрый. Свет, не отступавший под напором тьмы. Казалось, свет слишком долго пробыл внутри этой тьмы и наконец-то разобрался в ее устройстве.

Шаол открыл глаза.

Рука Ирианы соскользнула с его спины. Целительница наклонилась за его рубашкой, валявшейся на ковре. Ее лицо было перепачкано кровью, и Шаол это увидел.

Выплюнув кляп, он схватил Ириану за руку.

– Ты поранилась? – тяжело дыша, спросил Шаол. – Почему кровь?

Прежде чем повернуться к нему, Ириана вытерла нос, рот и подбородок. Кровь успела протечь ниже, добавив пятен ее платью.

Шаол перевернулся на спину и сел:

– Боги милосердные, да что с тобой?

– Все хорошо, – торопливо ответила Ириана.

Она говорила с трудом, зажимая ноздри, откуда продолжала капать кровь.

– Так что… всегда бывает?

Шаол был готов крикнуть, чтобы к Ириане позвали местного целителя.

– Да.

– Врешь.

Шаол почувствовал это по голосу. К тому же Ириана отводила глаза. Он открыл рот, но она коснулась его руки, убрав от лица окровавленную рубашку.

– Честное слово. Со мной все хорошо. Нужно лишь… чуть-чуть отдохнуть.

Ее лицо, перепачканное в крови, говорило обратное.

Кровь из носа продолжала течь. Ириана успела перехватить эту струйку, приложив край рубашки к ноздрям.

– Ну вот, теперь мое платье украсилось новыми пятнами. И цвет одинаковый.

Это была неуклюжая попытка пошутить. Шаол мрачно улыбнулся:

– Теперь у вас появится новый фасон: голубое платье в крупный красный горошек.

Ириана не думала, что он откликнется на ее шутку.

– Я отдохну минут пять и вернусь.

– Ложись прямо здесь, – сказал Шаол, сдвигаясь в сторону.

Ириана оглядела подушки. На такой кровати свободно могли бы уместиться четверо. Ириана сбросила туфли и улеглась, задрав голову, чтобы остановить кровь.

– Тебе что-нибудь надо? – спросил Шаол.

Ириана отрешенно смотрела в потолок. Шаолу стало не по себе. Она перенапряглась, помогая ему. Возможно, его дрянное настроение лишь все усугубило.

Ириана покачала головой.

Он молча смотрел, как она вытирает кровь, капающую из

ноздрей. Постепенно капель стало меньше. Наконец кровотечение прекратилось.

Нос, рот и подбородок Ирианы были красно-коричневыми от запекшейся крови. Глаза – затуманенными от боли или усталости. Возможно, от всего сразу.

– Как? – неожиданно для себя спросил Шаол.

Ириана поняла его вопрос:

– Я коснулась твоего пятна. Там, где шрам. Все было как вчера. Черная стена, которую я не могла сокрушить никакими ударами своей магии. Думаю, она мне показала…

Ириана отерла липкий подбородок.

– Показала… что?

– Морат, – выдохнула она.

Шаолу показалось, что даже птицы за окном перестали щебетать.

– Стена показала воспоминания, остающиеся внутри тебя. Я увидела большую черную крепость, полную разных ужасов. А вокруг – громадная армия.

У Шаола все внутри похолодело. Он понял, кому могли принадлежать эти воспоминания.

– Настоящие воспоминания или… тебя пытались сбить с толку?

С ним такое бывало.

– Не знаю, – пожала плечами Ириана. – А затем я услышала твой крик. Не внешний. Он шел оттуда, изнутри…

Она снова вытерла нос.

– И тогда я поняла, что напрасно тратила силы, пытаясь сражаться с черной стеной. Она была чем-то вроде отвлекающего маневра. Я отправилась на твой крик. К тебе.

В его потаенные глубины.

– Та сила рвала тебя на куски и так увлеклась, что не заметила моего появления. – Ириана вздрогнула. – Не знаю, удалось ли ей что-нибудь, но… я не могла оставаться наблюдательницей. Просто смотреть и слушать. Я ворвалась и спугнула ту силу. Не знаю, будет ли она в следующий раз дожидаться моей атаки и запомнит ли мое вторжение. У нее есть… что-то вроде сознания. Не как у живого существа. Скорее, это похоже на воспоминания, выпущенные в мир.

Шаол молча кивал. Ириана в очередной раз вытерла нос его рубашкой, совсем промокшей от ее крови. Потом, чтобы не запачкать подушки, она переложила скомканную рубашку на столик рядом с кроватью.

Солнце чертило узоры на плитах пола. Ветер шелестел листьями пальм.

– Я… то, что они сделали с твоей матерью… мне было больно слышать, – сбивчиво проговорил Шаол.

Он прикинул время, когда это происходило. Наверное, в те же страшные месяцы, когда Аэлина лишилась родителей.

На многих детях этого поколения Адарланская империя оставила свои шрамы. А скольких вообще лишила жизни?

– Я не помню, чтобы мать с кем-то ссорилась. Все от нее видели только хорошее. – Ириана повернулась на бок, лицом к саду. – Она сделала это потому, что…

Ириана не смогла докончить фразу.

– Потому что так поступила бы любая мать, – договорил за нее Шаол.

Ириана кивнула.

Целители становились первыми жертвами. Их преследование и уничтожение продолжалось и потом, когда магия исчезла с Эрилеи. Адарлан всегда был жесток с целителями, наделенными магическими способностями. Зачастую их выдавали свои же односельчане, польстившись на легкие адарланские деньги.

– Прежний король Адарлана у меня на глазах обезглавил любимую женщину Дорина. Я не мог вмешаться и спасти ее. Я должен был стать следующей жертвой. Мы готовили свержение короля. Он узнал о наших замыслах и собирался казнить меня по обвинению в государственной измене… И тогда вмешался Дорин. Он вступил в поединок с отцом, выиграв для меня время. Я бежал… поскольку больше некому было готовить мятеж, поднимая на него других. Я оставил Дорина наедине с его ужасным отцом и такими же ужасными последствиями… Но бежал.

– Зато потом для молодого короля все сложилось удачно.

– Не знаю, – покачал головой Шаол. – Дорин жив. Он на свободе. А насчет «удачно»… Он перенес чудовищные страдания. Мне их даже не представить…

Шаолу сдавило горло.

– На его месте должен был оказаться я. Я всегда рассчитывал, что сумею уберечь Дорина.

С носа Ирианы скатилась слезинка. Шаол подхватил ее пальцем, не дав упасть на подушку.

Слезы в глазах Ирианы сверкали на солнце крошечными бриллиантами. Шаол потерял счет времени. Он не знал, сколько минут или часов она пробивалась к темной бездне внутри его. Те вспышки света были лишь первой попыткой.

Дверь в покои тихо открылась и так же тихо закрылась. Вошла Каджа. Появление служанки заставило Ириану посмотреть в ту сторону. Без ее глаз Шаолу стало холодно и пусто.

Шаол сжал кулак. Слезинка Ирианы успела впитаться в кожу. Ему захотелось снова повернуть ее лицом к себе. Заглянуть в глаза.

Но голова Ирианы вдруг запрокинулась, макушкой едва не ударив Шаола по носу. Глаза целительницы вспыхнули.

– Шаол, – прошептала она, впервые назвав его по имени.

Ириана почему-то смотрела на его голые ступни. Шаол невольно посмотрел туда же.

На пальцы ног.

На пальцы, которые медленно сгибались и разгибались, словно пытаясь вспомнить эти движения.

17

Рунни – так называлась часть Антики, где жила семья дяди Несарины. Она пришла днем, когда дети были в школе. Дом и участок окружали высокие стены, и потому с пыльной улицы виднелась лишь крыша. Несарина постучалась в дубовые ворота, украшенные резьбой. Для большей прочности ворота имели металлические накладки.

Ворота мгновенно открылись, и двое караульных, узнав Несарину, пропустили ее внутрь. За воротами простирался крытый двор. Его колонны из светлого камня были плотно оплетены стеблями и розово-красными цветами бугенвиллеи. В центре журчал фонтан, выложенный морским стеклом.

Таких домов в Антике было достаточно много. Их строили преимущественно бальрунийцы – южный народ, к которому принадлежали отец и дядя Несарины и отчасти она сама. Жилище было хорошо приспособлено к климату пустынь и возводилось с учетом двух стихий – солнца и ветра. Южная сторона, как самая жаркая, вообще не имела внешних окон. Узкие башенки-ветроуловители наверху располагались так, чтобы не оказаться на пути восточного ветра. Он нес с собою песок, поэтому не столько охлаждал помещения, сколько добавлял хлопот слугам. Дома побогаче дополнительно охлаждались подземными каналами. Дядиной семье приходилось довольствоваться высокими тенистыми деревьями и ставнями, но Несарине здесь дышалось легче, чем в их дворцовой гостиной.

Она неспешно шла по уютному двору, освобождаясь от уличного зноя. Где-то на середине ее застиг теткин вопрос:

– Девочка, ты успела позавтракать?

– Тетушка, я берегла место в желудке для твоей стряпни, – соврала Несарина.

Таков был халхийский обычай – непременно сажать за стол всякого пришедшего в гости. Особенно если это родня и особенно в семье Фелак, где никто не уходил без трапезы, хотя бы одной.

Захида приходилась Несарине теткой по дяде. Это была крупная обаятельная женщина, привыкшая все делать быстро и ловко. Даже четверо детей ей ничуть не мешали. Услышав ответ племянницы, она одобрительно закивала:

– Не далее как утром я говорила Брахиму, что наша повариха стоит всех дворцовых поваров.

Из-за ставен на окне второго этажа донеслось громкое хмыканье. Там находился дядин кабинет. Бóльшая часть комнат на втором этаже были семейной половиной, куда посторонние не допускались.

– Ты поосторожнее с такими речами, Захида, не то хаган прознает про нашу повариху и умыкнет старушку к себе во дворец.

За неплотно закрытыми ставнями просматривался дядин силуэт.

– Вот так всегда, – вздохнула Захида, беря Несарину под руку. – Подслушивает все разговоры. А еще утверждают, будто женщины любопытны.

Дядя снова хмыкнул, но больше ничего не сказал.

Несарине всегда нравились их бесхитростные и беззлобные шутки. Тетка повела ее в дом. Возле двери стояла статуя крутобедрой, полногрудой Ихны – богини мирного дома и покровительницы бальрунийцев. Ее руки были подняты – жест приветствия и защиты домочадцев.

– А я-то все думала: отчего придворные такие тощие? – сказала Несарина, подхватывая шутку.

Тетка похлопала себя по животу:

– И почему я за эти годы так раздалась. Может, нам и впрямь стоит отправить нашу повариху к хагану. – Захида подмигнула племяннице.

– По-моему, ты стала еще красивее, чем была, когда я приезжала к вам девчонкой, – заявила Несарина, поцеловав нежную теткину щеку.

Она говорила вполне искренне. Тетка для приличия отмахнулась, но слова Несарины ей явно понравились.

В длинном коридоре было прохладно и сумрачно. Деревянные колонны подпирали высокий потолок. И они, и мебель были покрыты затейливой резьбой, изображавшей щедрую природу и животный мир земли предков. Захида провела Несарину в другой двор, меньше первого. Он предназначался только для своих. Основную его часть занимал длинный стол,

окруженный мягкими стульями. Матерчатый навес защищал стол от солнца. Правда, сейчас оно прожаривало противоположную сторону дома – потому-то Захида и выбрала этот дворик.

Стул во главе стола предназначался для Брахима. Тетка усадила Несарину на соседний – весьма почетное место, а сама поспешила к поварихе, дабы распорядиться об угощении и прохладительных напитках.

Оставшись одна, Несарина слушала вздохи ветра в кустах жасмина. Они росли вдоль стены и почти доходили до балкона второго этажа. В дядином доме она всегда испытывала чувство покоя и умиротворенности. Не то что вечная суматоха ее родного рафтхольского дома.

При мысли о родных у Несарины защемило в груди. «Они живы, – мысленно твердила она. – Они выбрались в безопасное место».

Только где они сейчас? И существуют ли безопасные места на континенте, охваченном ужасами войны?

– Когда твой отец о чем-то серьезно задумается, у него бывает такое же лицо, – послышался за спиной дядин голос.

Обернувшись, Несарина улыбнулась дяде. Брахим Фелак уступал брату и в росте, и в упитанности – в основном потому, что зарабатывал на жизнь не выпечкой. Его волосы были тронуты сединой, но с годами он не утратил живости и подвижности. Возможно, тому и другому он был обязан жизни торговца, вынуждавшей постоянно держать нос по ветру и приспосабливаться к переменам.

Однако лицо Брахима… это было лицо Сайеда Фелака, ее отца. Братьев разделяло менее двух лет. В детстве их даже считали близнецами. Доброе, располагающее к себе лицо дяди так зримо напомнило ей отца, что у Несарины сдавило горло.

– Это одна из немногих черт отцовского характера, которые я унаследовала, – сказала она.

Если Несарина была склонна к тишине и размышлениям, отец любил громко посмеяться. Его смех не умолкал в доме, равно как веселые песенки Несарининой старшей сестры. Вдобавок та хихикала по всякому поводу и без повода.

Дядя уселся напротив племянницы. Место во главе стола осталось для Захиды. В семьях династии Фелак мужчины и женщины вели хозяйство сообща. Равноправие отца и матери воспринималось детьми как непреложный закон. Несарина спокойно подчинилась этому закону, а вот ее сестра… Она и сейчас отчетливо помнила громогласные словесные перепалки между сестрой и отцом, когда взрослеющая Делара жаждала независимости.

– Капитан королевской гвардии – должность важная и хлопотная, – произнес Брахим, рассуждая вслух. – Удивительно, что ты находишь время часто бывать у нас.

В этот момент появилась тетка, держа поднос с кувшином холодного мятного чая и стаканами.

– Не ворчи, Брахим, иначе Несарина подумает, что мы ей не рады, и перестанет приходить.

Несарина улыбнулась. Захида разлила чай по стаканам, после чего заняла место во главе стола.

– Я намеренно выбрала это время, пока дети в школе.

Еще один удивительный закон хагана: каждый ребенок, в какой бы семье он ни родился, имел право бесплатно учиться в школе. Неудивительно, что грамотность в хаганате была почти всеобщей. Бедные адарланские семьи могли об этом только мечтать.

– Ну вот, – досадливо развел руками дядя, – а я-то надеялся, что ты нам опять споешь. Вчера, после твоего ухода, наши детки распевали твои песни. Правильнее сказать, мяукали, словно бродячие коты. У меня не хватило духу сказать им, что не всем достаются такие прекрасные голоса, какими боги наделили их досточтимую двоюродную сестру.

Несарина усмехнулась, краснея. О ее пении знали только в семье. Она никогда не пела Шаолу и другим. Даже не упоминала о своем голосе, хотя вполне могла им гордиться. Несарина вообще не была склонна говорить на такие темы, а события последних месяцев не располагали к веселью. Однако вчера ей захотелось спеть своим двоюродным братьям и сестрам одну из песен, которым она научилась от отца. Колыбельную, известную в Антике. Под конец дети притихли, дядя удивленно поглядывал на племянницу, а Захида вытирала глаза… Вот так здешняя родня узнала ее тайну. Теперь каждый раз будут уговаривать спеть еще. Несарина знала свой характер: кончится тем, что она опять закроет рот.

Если бы сегодня она явилась сюда только ради пения… Несарина вздохнула, внутренне подготавливаясь к разговору.

Тетка и дядя молча переглядывались.

– Что-то случилось? – осторожно спросила Захида.

Несарина отпила чая, подбирая слова. Дядя и тетка хотя бы проявляют терпение, дожидаясь, когда она заговорит. Сестра к этому времени уже вовсю трясла бы ее за плечи, требуя ответа.

– Два дня назад кто-то проник в Торру и убил молодую целительницу. Убийцу до сих пор не нашли.

Вчера они с Сартаком прочесали все водные и сточные каналы под Антикой, но не нашли ни одного, который бы вел к

Торре. Никаких признаков валгского гнезда. Ничего, кроме обычного зловония сточных каналов и крыс под ногами.

Дядя выругался, заработав хмурый взгляд Захиды. Но и она сама долго почесывала в затылке, прежде чем спросить:

– До нас дошли слухи… Ты пришла нас предупредить?

Несарина кивнула:

– Манера нападения совпадает с той, что применяют враги в Адарлане. Если они здесь, в Антике, боюсь, их появление может быть связано с моим приездом.

Несарина не решалась рассказывать слишком много. Она вполне доверяла Брахиму и Захиде, но их беседу могли подслушивать. О валгах, Эраване и Ключах не было произнесено ни слова.

Родственники знали о ее задании собрать армию. Несарина не делала из этого тайны. Однако она не рискнула рассказывать им о Сартаке; о том, что принц и его руккины могут обеспечить ей поддержку хагана. Возможно, соратники Сартака что-то знают о валгах, хотя сами с демонами и не сталкивались. Несарина умолчала даже о своем полете на Кадаре. Нет, они бы ей поверили. Но одно дело – быть состоятельным человеком, как ее дядя. И совсем другое – наследным принцем.

– Ты думаешь, они могут напасть на нас, чтобы добраться до тебя? – спросил дядя.

– Я так не думаю, но от них можно ожидать чего угодно. Я пока толком не знаю, было ли нападение связано с моим появлением в Антике, или мы спешим с выводами. Но если эти опасения хоть отчасти оправданны… Я пришла вас предостеречь. Если возможно, наймите дополнительную охрану.

Несарина посмотрела на дядю и тетку, затем на свои руки, лежащие ладонями вверх.

– Простите, что принесла в ваш дом беду.

Брахим и Захида снова переглянулись, потом каждый взял ее за руку.

– Тебе не за что просить прощения, – сказала тетка. – Мы даже не гадали, когда тебя увидим. И вдруг ты появляешься. Это настоящее благословение богов.

У Несарины встал комок в горле. Человеческие отношения. Человеческое понимание. Вот на что замахивался Эраван, намереваясь уничтожить.

Она найдет способ собрать армию. Она убережет своих близких от войны или сделает так, чтобы война не достигла берегов Южного континента.

– Конечно, мы наймем дополнительную охрану, – объявила тетка. – Провожать детей в школу и отводить домой. И сами

постараемся никуда без охраны не ходить, – добавила она, кивнув мужу.

– А ты-то сама? – спросил Несарину Брахим. – Ходишь по городу одна. Даром что сейчас светло и людно.

Несарина отмахнулась, хотя их забота приятно грела ей душу. И снова она умолчала о том, как целыми неделями охотилась за валгами в сточных каналах Рафтхола, как вчера они с принцем гуляли под Антикой. И о своей роли в уничтожении стеклянного замка. Говорить об этом она не собиралась вообще. Не хватало только, чтобы дядя свалился со стула, а красивые, густые теткины волосы поседели.

– Я умею постоять за себя, – лаконично ответила Несарина.

Дядя с теткой недоверчиво переглянулись, но все же кивнули. В этот момент появилась старая повариха. Она широко улыбнулась Несарине, которую помнила еще девчонкой. Жилистые руки держали несколько блюд с салатами.

Некоторое время Несарина сосредоточенно ела все, что Брахим и Захида подкладывали ей на тарелку. Их повариха готовила ничуть не хуже дворцовых. Когда же Несарина почувствовала, что больше в нее не помещается, и остатками мятного чая протолкнула съеденное поглубже в живот, тетка хитро улыбнулась и сказала:

– Я надеялась, в этот раз ты приведешь с собой гостя… знаешь какого.

Несарина чуть не поперхнулась:

– Я бы рада, тетушка, но господин Эстфол сейчас занят.

Но если Ириана утром сумела посадить Шаола на лошадь, возможно, завтра они доберутся и сюда. Несарине хотелось познакомить Шаола с родней. Особенно с детьми, которые наверняка поднимут радостный гвалт.

– Я не про него, – возразила Захида, изысканно глотая чай.

Она посмотрела на мужа. Теперь лукавые улыбки появились на лицах обоих.

– Я говорила о принце Сартаке.

Хорошо, что Несарина допила весь чай.

– А при чем тут принц?

Лукавая улыбка на теткином лице не померкла.

– Говорят, что кое-кого, – Захида выразительно посмотрела на Несарину, – вчера на рассвете видели вместе с принцем. Летающими на его рукке.

– Ну да. Я… летала, – нехотя призналась Несарина.

Только бы их никто не видел вчерашней ночью. Это могло бы спугнуть валгов.

– И когда же ты собиралась нам рассказать? – спросил дядя. –

Дети были вне себя от радости, что их любимая сестрица летала на самой Кадаре.

– Не хотела хвастаться, – пробормотала Несарина, понимая всю нелепость своего объяснения.

Дядя лишь хмыкнул, в его глазах плясали озорные огоньки. Но тетка понимающе посмотрела на Несарину. Карие глаза Захиды приобрели стальной блеск. Она ни на мгновение не забывала о родных, оставшихся в Адарлане, которые нынче, возможно, пытались добраться сюда.

– Рукки не испугаются драконов, – сказала Захида.

18

У Ирианы колотилось сердце. Она стояла на коленях возле кровати и смотрела, как у Шаола шевелятся пальцы ног.

– Ты их чувствуешь?

Он продолжал смотреть, не веря своим глазам.

– Я…

Слова застряли у него в горле.

– Ты можешь управлять ими?

Шаол сосредоточился. Пальцы перестали шевелиться.

– Хорошо. – Ириана села на пол, придвинувшись поближе. – А теперь подвигай ими.

Шаол вновь напрягся. Еще сильнее. Потом… Два пальца согнулись на одной ноге. Три – на другой.

Ириана улыбнулась. Широко, во весь рот. Не гася улыбки, она повернула голову к Шаолу.

Он молча смотрел на нее. На ее улыбку. Лицо Шаола оставалось сосредоточенным и напряженным. Ириана замерла.

– Как? – спросил он.

– Наверное… когда я проникла внутрь и моя магия заставила тьму немного отступить…

Ириана и сейчас с ужасом вспоминала пережитое. Обнаружить Шаола в гуще всей этой тьмы, где пустота и холод, где крики боли и страха…

Она умолчала о повторяющихся видениях, которые упорно показывала ей стена. Жуткая крепость. Судьба, ожидавшая Ириану по возвращении на Эрилею. Умолчала она и о мольбах собственной магии прекратить атаки на стену. Отступить.

Пока… пока Ириана не услышала его. Где-то далеко, глубоко внутри.

Она ударила наугад, метнула в сторону звука поток магической силы. Шаол находился там – хотя бы какой-то частью. Ей показалось, что это как раз и было связующим звеном между человеком и увечьем. Стена, которую она атаковала, находилась гораздо выше.

Магия Ирианы обвилась вокруг узла, стягивая петлю все туже и туже. Тьма безостановочно атаковала. В ответ Ириана посылала свою магию. Это напоминало взмахи светящейся косы, занесенной над тьмой. Вспыхнувший факел продержался доли секунды.

Этого оказалось достаточно.

– Хорошо, – сказала Ириана, сознавая бесполезность

произнесенного слова. – Это просто замечательно.

– Да, – согласился Шаол, продолжая смотреть на нее.

Ириана только сейчас заметила, что вся перепачкана кровью. О внутреннем состоянии думать не хотелось.

– Начало положено, – объявила она. – До конца сегодняшнего занятия еще есть время. Поделай упражнения.

Страшную правду о гибели ее матери знала только Хазифа. Ириана рассказала ей в первый же день. И больше никому. В прежней жизни об этой трагедии слышала лишь двоюродная тетка, у которой Ириана обрела пристанище.

Сколько же лет Шаол носил в себе свою историю?

– Вначале я распоряжусь, чтобы нам принесли еду, – решила Ириана.

Она посмотрела на деревянную ширму перед входом в купальню. Потом – на свое мятое, заскорузлое от крови платье.

– А пока ждем, я хочу вымыться. И попросить у тебя что-нибудь из одежды.

Шаол продолжал смотреть на нее – спокойным, сосредоточенным взглядом. Совсем не таким, как бывало прежде. Словно она содрала слой коросты, покрывавшей эту грань его личности.

Новый человек, с которым она встретилась только сейчас. Она еще не решила, что́ ей делать с этим открытием. И с новым Шаолом.

– Бери что хочешь, – низким, хрипловатым голосом предложил Шаол.

Ириана встала и, пошатываясь, поплелась в купальню. По пути прихватила и погубленную рубашку. У нее кружилась голова. От потери крови, естественно.

Головокружение, однако, не мешало Ириане улыбаться на протяжении всего мытья.

– Я чувствую себя покинутой и ничего не могу с этим поделать, – растягивая слова, заявила Хасара.

Принцесса склонилась над картами. Спрашивать о том, что на них изображено, Ириана не отваживалась. Стол, где они были разложены, находился в другом конце чрезмерно роскошной приемной Хасары. Ириана видела лишь, как принцесса перемещает взад-вперед фигурки из слоновой кости и напряженно морщит черные брови.

– Мне бы Рению послушать, – продолжала Хасара, сдвигая чуть вправо очередную фигурку и хмурясь еще сильнее. – Она говорит, что у тебя нет столько свободного времени и мне не следует тешить себя ожиданиями. Наверное, за эти два года я

просто привыкла и избаловалась.

Ириана молча глотала мятный чай. Узнав, что она весь день возилась с господином Эстфолом, принцесса послала за ней служанку, велев привести сюда и посулив угощение для восстановления сил. Печенье из плодов рожкового дерева и мятный чай немного уменьшили усталость, сковавшую все тело Ирианы.

Ее дружба с принцессой началась по чистой случайности. Хазифа с первых дней начала брать Ириану с собой, показывая ей пациентов и недуги. Вскоре верховную целительницу позвали во дворец. Принцесса Хасара, вернувшаяся с северо-восточного побережья, жаловалась на неутихающие желудочные боли. Они с Ирианой были ровесницами. Извлечение ленточного червя из желудка принцессы заняло у Хазифы несколько часов, и Хасара велела Ириане развлекать ее разговорами.

Ириана заговорила про свое обучение в Торре. Это вогнало принцессу в скуку. Хасара потребовало «чего-нибудь поживее», и тогда Ириана стала рассказывать, как целый год работала в «Белом поросенке», где редкий день обходился без потасовок. Одна история особенно понравилась принцессе, и она заставила Ириану трижды повторить рассказ. Исцеление Хасары растянулось на несколько дней. Магия Хазифы убила червя, и теперь верховная целительница извлекала его куски через рот. Когда принцесса пожалела, что не видела ту потасовку собственными глазами, Хазифа добавила кое-какие подробности, о которых умолчала Ириана. Верховная целительница сообщила, что Ириана могла бы погибнуть, если бы не вмешательство незнакомки. Эта смелая молодая женщина спасла ей жизнь, научила самозащите и снабдила средствами, позволившими добраться до Антики.

Хазифа извлекла последние куски мертвого червя, и целительницы покинули дворец. Ириана сочла разговоры с принцессой обычной праздной болтовней и решила, что та вскоре забудет о ней. Однако через пару дней Ириану снова позвали в покои принцессы. Придя туда, она увидела Хасару насыщающейся всевозможными деликатесами. Из-за проклятого червя принцесса заметно исхудала.

– Слишком тощая, – вместо приветствия бросила она Ириане и добавила, что ее возлюбленной не нравится обнимать кости.

Ириана расхохоталась. Пожалуй, впервые за очень долгое время.

Хасаре это понравилось. Она хмыкнула и угостила Ириану копченой рыбой. Так начались их отношения. Вряд ли это была дружба равных, но Хасаре льстило ее общество, а Ириана

находилась не в том положении, чтобы отказываться.

Приезжая в Антику, принцесса всякий раз звала Ириану. Со временем Хасара привела во дворец Рению – познакомить с отцом и заодно с Ирианой. По мнению Ирианы, Рения была более подходящей спутницей для требовательной и острой на язык принцессы, однако Хасара, ко всему прочему, отличалась ревностью и собственническими замашками. Рению она предпочитала держать подальше от хаганского двора и от возможных соперников.

Сама Рения причин для ревности не давала. Ровесница Хасары и Ирианы (Рения была ее старше всего на месяц), она смотрела только на принцессу, которую любила искренне и с неизменной преданностью.

Хасара относилась к ней как к знатной даме и пожаловала Рении земли в пределах своих владений. Однако Ириана подслушала сплетни целительниц. Оказалось, когда Рения только вошла в круг Хасары, принцесса тайком позвала Хазифу, дабы та исцелила новую подругу от неприятных последствий прежней жизни. Скорее всего, это касалось прежнего ремесла Рении. Ириана не посмела спрашивать Хазифу о подробностях, зато ей стал понятен интерес принцессы к ее истории о загадочной спасительнице. Вероятно, когда-то и она пришла на помощь страдающей Рении, но виделись они, может быть, только раз.

– Смотрю, ты и улыбаешься сегодня больше обычного, – заметила Хасара, откладывая стеклянное перо. – Вот только эта жуткая одежда все дело портит.

– Моя испачкалась до полной непригодности. Сегодняшняя работа с господином Эстфолом далась мне нелегко.

Вновь заболел висок, подтверждая эти слова. Тупая боль накатывала волнами. Ни мятный чай, ни печенье из плодов рожкового дерева не смогли ее прогнать.

– Господин Эстфол был настолько любезен, что позволил мне выбрать подходящую одежду из своего гардероба.

– Кто-то, увидев тебя, может предположить иное, – ехидно усмехнулась Хасара. – Решат, что одежды ты лишилась в результате куда более приятных занятий.

Лицо Ирианы вспыхнуло.

– Надеюсь, они помнят, кто я и чем занимаюсь.

– Это добавило бы сплетням пикантности.

– Пусть займутся более полезными делами, нежели сплетничать об обыкновенной целительнице.

– Не скажи. Тебя считают неофициальной преемницей Хазифы. А потому ты интереснее прочих.

Откровенные слова принцессы не оскорбили Ириану. Она

пока не сообщала Хасаре, что намерена покинуть Антику. Хазифе придется искать себе другую преемницу. Новость едва ли понравится Хасаре. Своевольная принцесса может заартачиться и помешать ее отъезду. Ириана столько тревожилась насчет Кашана, однако Хасара…

– Какие бы мысли ни крутились в головах придворных, у меня нет интереса к господину Эстфолу.

– Не мешало бы пробудить. В обаянии этому адарланцу не откажешь. Даже меня зацепило.

– Ты серьезно?

– Нет, конечно, – засмеялась Хасара. – Но я не понимаю, почему ты этого не замечаешь.

– У него близкие отношения с капитаном Фелак.

– А если бы их не было?

Ириана глотнула чая:

– Он всего лишь мой пациент. Есть немало других обаятельных мужчин.

– Например, Кашан.

Ириана хмуро посмотрела на принцессу поверх золотого с черным ободка тонкой фарфоровой чашки.

– Ты постоянно подталкиваешь меня к своему брату. Уж не ты ли его подзадориваешь?

Хасара приложила руку к груди, любуясь блеском ногтей на предвечернем солнце:

– Пока ты не появилась, у Кашана не было сложностей с женщинами. И потом, когда-то вы с ним были близкими друзьями. И почему бы мне не желать, чтобы у моей дорогой подруги и брата сложились более глубокие отношения?

– А ты не догадываешься? Если власть перейдет к тебе, а Кашан не покорится, ты убьешь нас обоих.

– Его, возможно, и убью, если не принесет клятвы на верность. А тебя, если докажешь, что не носишь во чреве его потомство, пощажу. Совершишь ритуал искупления и живи себе дальше. Еще и богатой тебя сделаю. Мне опытные целительницы нужны. Кто же будет лечить моих детей?

Откровенные слова, произнесенные с пугающей непринужденностью. Но такими вот жуткими методами эта удивительная империя охраняла себя от распада. Жаль Кашан сейчас не слышал слов сестры. Понял бы кое-что.

– Но как ты собираешься зачинать своих детей? – не удержалась от вопроса Ириана.

Рения, которую в этом случае ждал титул великой хагании, никак не могла ей помочь.

Хасара возобновила передвижение фигурок по карте:

– Отцу я уже сообщила. Остальных, в том числе и тебя, это не касается.

Верно. Если принцесса подыскала мужчину для оплодотворения, такие сведения опасны. Братья и сестра Хасары вполне могут попытаться уничтожить того, кому она и Рения доверили столь важную роль. А могут и щедро заплатить за сведения о том, что Хасара и Рения подумывают о потомстве.

– Я знаю о нападении в вашей библиотеке. Убийца охотился за тобой, – вдруг сказала Хасара, и ее лицо стало жестким. – Почему ты сразу не обратилась ко мне?

Ириана не успела ответить.

– Говорят, эта смерть весьма странная. Ни на что не похожая.

Ириана безуспешно пыталась прогнать картину, вставшую перед мысленным взором: лицо, превратившееся в кожаную маску.

Хасара шумно отхлебнула чай.

– Меня не заботит, было ли нападение целенаправленным покушением на твою жизнь или просто дурацким совпадением. – Она изящно опустила чашку на блюдце. – Когда я найду убийц, кем бы они ни были, я их собственноручно обезглавлю.

Хасара постучала по ножнам кинжала, лежавшего на краю дубового стола.

В этом Ириана не сомневалась, но все же сказала:

– Мне говорили, опасность очень велика.

– Когда на моих друзей охотятся, как на диких зверей, я не считаю это пустяком.

Сейчас перед Ирианой была не принцесса. Королева-воительница.

– А убивать и запугивать целительниц Торры – более тяжкого преступления не существует.

Хасара обладала скверным характером, но у нее было одно прекрасное качество – верность. Данному слову. Тем немногим, кого она по-настоящему ценила. Это качество всегда воодушевляло Ириану. Хорошо, когда рядом с тобой есть люди, не бросающие слов на ветер. Хасара, не колеблясь, обезглавила бы убийцу (или убийц). И вопросов задавать не стала бы.

Ириана перебрала в памяти все, что знала о возможном убийце. А ведь обезглавливание было, по сути, единственным способом уничтожения валгского демона. Ириану так и подмывало рассказать об этом принцессе, но она удержалась.

И не только из осторожности. Можно столкнуться не с самим демоном, а с остатками его сущности внутри человека. В этом случае… Даже чрезмерное утомление от сегодняшней работы с господином Эстфолом не помешало Ириане разложить по

мысленным полочкам скупые сведения, которые она сумела собрать. Они касались не только исцеления Шаола. Если нечто подобное она увидит снова, на полях сражений в Эрилее. Даже если вероятность увидеть валгских демонов во плоти…

Ириана глотнула остывшего чая, собираясь с мыслями.

– А тебя не настораживает, что война, полыхающая на Северном континенте, и враги среди нас – отнюдь не случайное совпадение? – спросила она принцессу, не осмелившись упомянуть смерть Тумелуны.

– Возможно, господин Эстфол и капитан Фелак явились сюда не одни, а со своими шпионами, и те следят за тобой.

– Быть этого не может.

– Откуда такая уверенность? Они сейчас в отчаянном положении. Отчаяние может толкнуть на что угодно.

– Но что им еще от меня нужно, помимо помощи, которую я оказываю господину Эстфолу?

Хасара щелкнула пальцами, подзывая Ириану к себе. Оставив чашку, Ириана прошла по толстому синему ковру. Стол принцессы стоял перед окнами. Оттуда открывался вид на зелено-голубые воды залива с кораблями и чайками, носящимися в небе. А дальше простиралась сверкающая гладь Узкого моря.

– Что ты здесь видишь? – спросила Хасара, указывая на карту.

У Ирианы встал комок в горле. Она узнала очертания Эрилеи – ее родного континента. Фигурки, расставленные в разных частях карты, были трех цветов: красного, зеленого и черного…

– Это армии?

– Черные – силы герцога Перангтона.

Линия черных фигурок стеной тянулась через середину континента. Часть сил была сосредоточена на юге. На севере виднелось скромное пятно из зеленых фигурок. Напротив Рафтхола принцесса поставила всего одну красную фигурку.

– Где остальные? – спросила Ириана.

– Террасен располагает небольшой армией, – ответила Хасара, с ехидством поглядывая на зеленые фигурки вокруг Оринфа.

– А в Адарлане?

Принцесса сняла красную фигурку и принялась вертеть между пальцами:

– Армии как таковой там нет. Местонахождение Дорина Хавильяра остается неизвестным. Куда он бежал? На север или на юг? Возможно, подался вглубь континента, хотя за этими горами нет ни городов, ни селений. Только полудикие племена.

Ириана заметила еще одну фигурку – золотистую. Ее принцесса вообще сняла с карты.

– Это кто у тебя?

– Аэлина Галатиния. – Хасара взяла фигурку в руки. – Никто не знает, где она.

– Разве она не в Террасене, со своей армией?

– Нет. – Хасара ткнула пальцем в ворох бумаг – должно быть, донесений, по которым она выстраивала положение сил на карте. – Последние сведения говорят, что королевы Террасена нет в ее владениях. Возможно, тебе стоит спросить об этом у своего господина, – усмехнувшись, добавила принцесса.

– Сомневаюсь, что он мне скажет.

И почему это Шаол – ее господин? Ириана хотела возразить, но благоразумие и сейчас заставило ее промолчать.

– В таком случае заставь его сказать.

– Зачем? – осторожно спросила Ириана.

– Потому что мне интересно знать.

Ириана умела слышать между слов. Хасаре требовались сведения, и получить их она хотела раньше отца, братьев и сестры.

– С какой целью?

– Когда влиятельная фигура, играющая очень важную роль в судьбе континента, вдруг исчезает, это не повод для радости. Особенно Аэлина, способная по собственному капризу разрушать замки и брать города.

Страх. Тщательно спрятанный, но Хасара вполне допускала, что замыслы Аэлины Галатинии могут простираться за пределы родного королевства.

Но шпионить для Хасары…

– Ты думаешь, что нападение на библиотеку каким-то образом с этим связано?

– Я думаю… Возможно, господин Эстфол и капитан Фелак умеют играть в подобные игры. И если они представили все так, будто ставленники Перангтона уже среди нас, почему бы нам не задуматься о союзе с посланцами Адарлана?

Ириана сомневалась, что Шаол и Несарина стали бы вести такие игры.

– Ты считаешь, они это делают ради помощи Аэлине Галатинии? Или их испугала возможная потеря могущественного союзника?

– Вот это я и хотела бы разузнать вместе с местонахождением королевы. Или ее возможным местонахождением.

Ириана выдержала пристальный взгляд принцессы.

– А почему я должна тебе помогать? – дерзнула спросить она.

Хасара наградила ее улыбкой, которой позавидовали бы бастинские кошки.

– Как-никак мы добрые подруги. Неужели, милая Ириана, я ничем не могу подсластить свою просьбу?

– У меня есть все необходимое.

– Да. Только учти: армады подчиняются мне. И во́ды Узкого моря находятся под неусыпным наблюдением моих людей. Тем, кто упускает это из виду, бывает невероятно трудно достичь Северного континента.

Ириана не решалась отвести взгляд. Темные глаза принцессы пронизывали ее насквозь.

Хасара знала. Знала или догадывалась о желании Ирианы вернуться на родину. Если она откажется помочь принцессе… Благосклонность Хасары легко могла смениться жестокой немилостью. И тогда Ириане не покинуть Антику.

– Я постараюсь разузнать, – сказала Ириана, не стараясь говорить учтивым тоном.

– Вот и хорошо, – заявила Хасара. Она смахнула фигурки в ящик стола и шумно его задвинула. – И для начала почему бы тебе послезавтра не прийти во дворец на празднество в честь Техомы? Обещаю сдерживать поползновения Кашана, если это облегчит тебе задачу.

У Ирианы свело живот. Она совсем забыла, что через пару дней начнутся торжества в честь морской богини. В Антике любили повеселиться, и редкая неделя обходилась без того или иного празднества. Ириана участвовала далеко не в каждом, но это… Командуя обширным флотом, управляя Узким морем и еще несколькими морями, Хасара, конечно же, почитала Техому. Да и хаганат непременно воздаст честь владычице морских глубин. Милостью богини на Южном континенте несколько веков подряд не знали кораблекрушений.

Ириана находилась не в том положении, чтобы возражать. Она даже не стала раздумывать, поскольку это могло рассердить принцессу.

– Если ты не против, я надену то же платье, что и в прошлый раз, – как можно веселее произнесла Ириана, одергивая слишком просторную рубашку Шаола.

– Об этом можешь не беспокоиться, – перебила ее улыбающаяся принцесса. – Платье тебе я уже выбрала.

19

После ухода Ирианы Шаол еще долго шевелил пальцами ног. Двигал ими внутри сапог. Нельзя сказать, чтобы он полностью ощущал пальцы, как раньше. Главное, он видел их движущимися.

А уж как Ириане удалось сделать его пальцы подвижными…

Несарина вернулась перед обедом, сообщив, что не заметила в городе никаких следов валгов. Про достигнутый успех Шаол умолчал. Затем деликатно отказался от завтрашнего визита к родным Несарины, сославшись на необходимость непрерывной работы с позвоночником.

Его отказ слегка озадачил Несарину, но возражать она не стала, и вскоре на ее лице вновь появилась маска холодного спокойствия.

Когда Несарина собралась идти к себе – переодеваться для обеда, – Шаол поймал ее за руку, притянул к себе и поцеловал. Поцелуй был коротким, но довольно крепким. Удивленная Несарина не знала, как ей ответить, и лишь коснулась его руки.

– Иди переодевайся, – сказал Шаол, кивая в сторону двери.

Несарина смущенно взглянула на него, слегка улыбнулась и пошла к себе. Шаол еще несколько минут смотрел ей вслед, шевеля пальцами в сапогах. В поцелуе не было жара. Не было настоящего чувства.

Шаол и не ждал, что Несарина сейчас растает. Все эти недели он отталкивал ее от себя. Естественно, ее удивила внезапная перемена.

По пути на обед и в зале Шаол продолжал упражнять пальцы ног. Сегодня он попросит хагана об аудиенции. Снова, невзирая на траур и придворные правила. И когда они встретятся с глазу на глаз, он расскажет хагану обо всем, что знает, и предостережет насчет возможных опасностей.

Когда им встретиться? Лучше с утра, до прихода Ирианы, иначе он рискует потерять счет времени. Сегодня она возилась с ним целых три часа. Подумать только, три часа.

В горле по-прежнему ощущалась воспаленная сухость. Не помог чай с медом. Ириана заставила его выпить несколько чашек, пока его не начало тошнить от запаха меда. А потом велела упражняться, помогая во многих движениях: вращала ему бедра, крутила ноги, двигала его лодыжками, описывая круги. Все это делалось, чтобы усилить приток крови к слабеющим мышцам и восстановить пути между позвоночником и мозгом. Так она объяснила Шаолу.

Она неутомимо продолжала свои действия. Прошел час. Ириану начало шатать. Взгляд сделался остекленевшим.

Усталость. Преодолевая себя, Ириана продолжала разрабатывать его ноги, веля Шаолу шевелить пальцами. Она посылала волны магии в его ноги, полностью обходя позвоночник. Шаол чувствовал слабое покалывание в пальцах ног, как будто туда уселась стая светлячков. На этом его

ощущения заканчивались, хотя Ириана снова и снова пыталась восстановить связь мозга и ног. Большего она не могла. Снова трогать позвоночник было бы безумием.

Шаол наглядно убедился: мощь целительской магии не беспредельна. Когда Ириану начало шатать, он позвал Каджу и велел отправить целительницу в карете и с охраной.

К его удивлению, Ириана не возражала. Впрочем, могла ли она возражать, если спала на ходу? Кадже пришлось ее поддерживать. Ириана успела пробормотать распоряжение на завтра: утром ждать ее верхом на лошади, – после чего ушла в сопровождении служанки.

Возможно, и запас благосклонности судьбы на сегодня тоже был исчерпан.

Хагана на обеде не оказалось. Шаол узнал, что правитель обедает в своих покоях, вместе с любимой женой. Остальное он домыслил сам: во дворце продолжается траур, и политические дела подождут. Шаол добросовестно постарался изобразить на лице сочувствие и понимание.

Радовало то, что хотя бы Несарина добивается успехов, налаживая контакт с Сартаком. Остальных детей хагана присутствие адарланских гостей явно утомляло.

Шаол ел с аппетитом, продолжая шевелить пальцами ног и не распространяясь о достигнутом. Вернувшись к себе, вскоре повалился на кровать и уснул.

Проснулся он на рассвете, испытывая сильное желание вымыться и одеться. Завтракал он второпях, когда Несарина еще только продирала глаза. Но и ее сегодня ожидала ранняя встреча с Сартаком на крыше одного из тридцати шести минаретов дворца.

Завтра в городе начнется праздник в честь одного из тридцати шести божеств, которым были возведены дворцовые минареты, – морской богини Техомы. Праздник откроется ранним утром в гавани, где хаган и все члены его семьи опустят в воду гирлянды из цветов и листьев. Как сказала Несарина, это дары владычице морских глубин. А после захода солнца во дворце состоится пир.

Адарланские праздники оставляли Шаола равнодушным. Он считал их устаревшими ритуалами, когда далекие предки, не понимавшие действия сил природы, обожествляли все стихии. Но здешняя предпраздничная суета: венки из цветов, морские раковины, наконец-то сменившие белые лоскуты, запах креветок и устриц, которых жарили на масле и с обилием специй… Все это вызывало у Шаола любопытство и отчасти поднимало настроение. Он неутомимо вращал колеса кресла, торопясь поскорее

оказаться во дворе.

Там было не протолкнуться. Подвозили и подносили еду, цветы, украшения. Здесь же собрались музыканты и лицедеи. Сегодня все будут дружно молить богиню морей о милосердии. Вскоре лето сменится осенью, и начнется пора яростных бурь, способных разбить в щепки корабли и смыть прибрежные городки.

Шаол медленно оглядывал двор. Шевелить пальцами ног он не прекращал даже сейчас. В стойлах у восточной стены он заметил свою лошадь и рядом – белую кобылу Ирианы. Однако самой Ирианы во дворе не было.

Вчера она тоже опоздала. Воспользовавшись тем, что двор на время опустел, Шаол махнул конюхам, чтобы подвели ему лошадь и помогли забраться в седло. Лошадь подвели, а помогал ему вчерашний караульный по имени Шен. Шаол услышал его имя от Ирианы. Похоже, она давно знала этого человека. Еще Шаолу вспомнилось, как Шен вчера был много толковее своих сослуживцев.

Сегодня караульный был молчалив, хотя все здешние гвардейцы, помимо халхийского, говорили еще на нескольких языках. Шен ограничился приветственным кивком. К своему удивлению, Шаол в ответ тоже кивнул, но не раньше, чем оказался в седле. Это и сегодня потребовало от него изрядного напряжения рук, но он справился быстрее и легче. Шен одобрительно ему подмигнул и неторопливо зашагал на свой пост.

Жест караульного как-то странно взбудоражил Шаола. Усилием воли он прогнал волнение, затем закрепил постромки на ногах. Прежде чем выехать со двора, Шаол огляделся. Двор снова успел заполниться торговцами и прислугой. На первый взгляд могло показаться, что сюда может проехать кто угодно. Однако караульные свое дело знали. Они осматривали каждую повозку и требовали показать документ, разрешающий поставку еды или товара во дворец хагана.

Хорошо. Пусть ему и не удалось еще побеседовать с хаганом, кто-то предупредил охрану, чтобы были повнимательнее. Наверное, Кашан.

Солнце светило все ярче и жарче. Ириана так и не появлялась.

Из недр дворца донесся звон часов. Целительница Торас опаздывала на целый час.

Лошади не нравилось стоять на жаре. Она беспокойно перебирала ногами. Шаол гладил ее крепкую вспотевшую шею, уговаривая подождать еще немножко.

Прошло еще пятнадцать минут. Шаол всматривался в улицу за распахнутыми воротами. Из Торры не поступало никаких тревожных известий. Но стоять живой конной статуей и тупо ждать…

Шаол тронул поводья и пустил лошадь шагом. Он запомнил путь до Торры. Возможно, Ириану он встретит где-то на полпути.

Куда ни глянь – сплошные торговцы. Горожане торопились запастись всем необходимым для завтрашнего праздника. Кое-кто начал праздновать день владычицы морских глубин уже сегодня. Из окон многочисленных заведений доносились возбужденные голоса и обрывки музыки.

Дорога до Торры заняла у Шаола вдвое больше времени, чем вчера. Причиной была не только запруженность улиц. Он намеренно ехал шагом, повсюду высматривая Ириану, – но напрасно.

К воротам Торры лошадь и всадник добрались основательно взмокшими от пота. Караульные улыбнулись Шаолу. Это были вчерашние парни, участвовавшие в его уроке.

Сколько раз его вот так же приветствовали в Адарлане? И сколько раз он ленился отвечать на приветствия, принимая их как сами собой разумеющиеся знаки внимания?

Шаолу вспомнилось, с какой уверенностью он въезжал через черные железные ворота, направляясь к стеклянному замку. Он едва успевал скользнуть взглядом по лицам, отметив, кто сегодня на посту и кому стоит сделать выговор за ненадлежащий вид. Но там были все свои. Те, с кем он упражнялся и знал почти все про них самих и их семьи.

Его люди. Королевские гвардейцы были его людьми. Его питомцами, невзирая на возраст.

Здешних караульных Шаол приветствовал сдержанной улыбкой, стараясь не смотреть в их светлые глаза. Ему хотелось поскорее оказаться во дворе перед Торрой. В жарком воздухе пряно пахло лавандой.

И все же он ненадолго задержался и спросил у ближайшего караульного:

– Ириана Торас сегодня выходила за ворота?

Как и караульные во дворце хагана, здешние тоже владели несколькими языками. Помимо халхийского, они свободно говорили на языке Северного континента, а также знали язык Восточного континента. Это считалось обязательным, поскольку больные ехали в Торру отовсюду.

– Пока нет, господин Эстфол, – ответил караульный. Его смуглый лоб блестел от крупных капель пота.

Наверное, он проявил бестактность, явившись сюда. Ириана говорила, что он – не единственный ее пациент. Вдруг кому-то из ее подопечных стало плохо и она нарушила привычный распорядок дня?

Шаол кивком поблагодарил караульного и все же решил ехать во двор.

– Доброе утро, господин Эстфол, – послышался сзади старческий голос. – Приятно видеть вас в добром здравии.

К воротам направлялась Хазифа. На худенькой руке у нее висела корзинка. Верховную целительницу сопровождали две женщины средних лет. Караульные поклонились. Шаол тоже склонил голову.

– Я разыскиваю Ириану, – сказал он, забыв ответить на приветствие.

– А разве она не пришла к вам утром? – удивленно вскинула седые брови Хазифа.

– Нет. – Шаолу стало не по себе. – Возможно, мы с ней разминулись в пути.

– Ириана не вставала с постели, госпожа Хазифа, – сообщила одна из целительниц.

– До сих пор? – снова удивилась верховная целительница. – Что-то серьезное?

Женщина покачала головой:

– Крайне измождена. Час назад Эреция заходила к ней. Ириана спала.

Хазифа поджала губы. Шаол догадывался, что́ услышит от старухи. Ему стало стыдно.

– Наши целительницы, господин Эстфол, способны творить чудеса, но порою за это приходится дорого платить. Ириана…

Хазифа замолчала. То ли подбирала слова, поскольку говорила на чужом языке, то ли догадывалась о состоянии Шаола и не хотела усугублять в нем чувство вины.

– Вчера карета привезла ее крепко спящей. Пришлось звать караульных, чтобы отнесли ее в комнату.

Шаол весь сжался.

Хазифа похлопала его по сапогу. Честное слово, пальцы ноги это почувствовали.

– Вам не о чем беспокоиться, господин Эстфол. Сон лучше всего восстанавливает силы. Сегодня она вряд ли проснется, а завтра утром ждите ее во дворце.

– Но ведь завтра в Антике праздник. Пусть устроит себе выходной день, – предложил Шаол.

– Вы плохо знаете Ириану, – усмехнулась Хазифа. – Она не считает праздники поводом бездельничать. Но если вам самому

требуется отдых, обязательно скажите Ириане, когда завтра рано утром она постучится в вашу дверь.

Шаол улыбнулся, глядя на окна Торры, где в какой-то из комнат спала Ириана.

– Это восстановительный сон, – повторила Хазифа. – Вполне естественный ответ организма на переутомление. Вам не о чем тревожиться.

Еще раз взглянув на белую громаду башни, Шаол кивнул и развернул лошадь к воротам.

– Вы позволите вас проводить? – спросил он Хазифу.

Улыбка старухи была лучезарной, как полуденное солнце.

– Не стану отказываться, господин Эстфол.

Верховную целительницу останавливали на каждом шагу. Людям хотелось дотронуться до ее руки или ощутить ее прикосновение. Хазифу любили и почитали не меньше, чем богинь.

За полчаса целительницы и Шаол совсем ненамного удалились от Торры. Хазифа свернула в одну из боковых улиц и остановилась возле скромного дома. Шаол предложил обождать, но все три вежливо отказались, давая понять, что он будет им только мешать.

Можно было бы проехаться по городу, однако Шаол устал двигаться с черепашьей скоростью. Он повернул лошадь к дворцу; пока ехал, часто оглядывался на громаду Торры, где спала Ириана.

Ириана проспала полтора дня.

Она думала, что ей хватит обычного ночного сна, но уставшее тело имело свое мнение на этот счет. Ириана ненадолго проснулась, чтобы опорожнить мочевой пузырь. Потом еще раз, когда Эреция зашла щупать ей пульс.

Только утром следующего дня, одеваясь, Ириана сообразила, что работала с Шаолом не вчера, а позавчера. За маленький успех в исцелении она расплатилась носовым кровотечением, потом и вовсе свалилась.

Но у Шаола ожили пальцы ног. И волны ее магии, которые она посылала по молчащим связующим путям; эти крохотные точки света… Ириане казалось, что она восстанавливает мост над пропастью, где что ни шаг – зияющие дыры. И пока все они не будут заделаны, ноги адарланца не обретут подвижность. Ее ждала долгая, напряженная работа, однако…

Не только чувство вины заставило Ириану подняться в такую рань. Антика сегодня будет праздновать день Техомы. Но Шаолу

явно нет дела до чужих праздников. Он не хочет терять понапрасну ни одного дня.

Солнце едва начинало подниматься из-за горизонта. Ириана выскочила во двор и замерла.

Утренние лучи слегка золотили его каштановые волосы…

– Она все-таки проснулась, – сказал Шаол.

Ириана поспешила к нему. Песок дорожки громко хрустел у нее под ногами. К счастью, никто не глазел на них из окон.

– Ты приехал сюда? – спросила она, сознавая нелепость вопроса.

– Да. И сам.

Рядом с лошадью Шаола Ириана увидела свою белую кобылу.

– И привел лошадь для меня?

– Не идти же тебе во дворец пешком.

К таким заботам Ириана не привыкла.

– В ступнях не появилась чувствительность? – хмуро спросила она.

Карие глаза Шаола утреннее солнце делало почти золотыми.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Я задала тебе вопрос. Будь любезен, ответь.

– Сначала ответь на мой.

Ириане захотелось сказать ему какую-нибудь колкость.

– Выспалась, – буркнула она, махнув рукой и показывая, что эта тема исчерпана. – Мне нужно знать, не появилась ли чувствительность еще где-нибудь, помимо пальцев.

– Ты отдохнула столько, сколько требовалось для полного восстановления сил?

Это уже никуда не годилось.

– Да, – почти рявкнула Ириана. – Тебя это не касается.

– Очень даже касается.

С каким спокойствием он произнес эту фразу. С какой чисто мужской уверенностью.

– Я знаю, что в Адарлане женщины привыкли подчиняться каждому слову мужчины, но здесь другие порядки. Если я говорю: «Тебя это не касается», так оно и есть.

– Значит, возвращаемся к прежней враждебности, – усмехнулся Шаол.

– Ни к чему мы не возвращаемся, – возразила Ириана, подавляя желание наорать на него. – Я – твоя целительница. Ты – мой пациент. Я спросила о состоянии твоих…

– Если ты недостаточно отдохнула, никакой работы не будет.

«Не удивляйся. Он привык командовать своими гвардейцами», – мысленно напомнила она себе.

– И как же ты будешь оценивать мое состояние?

Шаол медленно оглядел ее с ног до головы. От этого сосредоточенного взгляда у Ирианы заколотилось сердце. Что он себе позволяет?

– Цвет лица хороший, – сказал Шаол. – Осанка тоже. И огрызаешься как вполне отдохнувший человек.

– Помнится, вчера ты говорил, что не являешься моей игрушечной лошадкой. Так вот, и я – не твоя лошадка.

– Это было позавчера.

– Я прекрасно отдохнула, – заявила Ириана, упирая руки в бока. – А теперь хочу узнать о твоем состоянии, – добавила она, подчеркивая каждое слово.

– Я вполне хорошо себя чувствую. И спасибо тебе, Ириана, за проявленный интерес.

Он назвал ее по имени. В ней боролись два желания. Первое – вскочить к нему на лошадь и задушить. И второе – понять, почему он произнес ее имя так, что у нее все замерло внутри. Первое было неосуществимым, а над вторым ей не хотелось ломать голову.

– Только не принимай мою доброту за глупость, – прошипела она. – Я ведь все равно увижу, добился ты успехов или откатился назад.

– Если это ты называешь добротой, да уберегут меня боги от лицезрения дурных сторон твоего характера.

Естественно, сказано было в шутку, но у Ирианы напряглась спина. Похоже, Шаол догадался. Он наклонился вбок и поспешно добавил:

– Ириана, это была шутка. Ты проявила не только доброту. Щедрость – вот как это называется… Честное слово, я пошутил.

Пожав плечами, она пошла к белой лошади.

Шаолу не хотелось злить Ириану, и он решил сменить тему:

– Как ваши целительницы? Нападение постепенно забывается?

Ириана невольно содрогнулась. Она взялась за поводья, но не торопилась усаживаться в седло. Она предлагала Хазифе помочь с погребением, но верховная целительница отказалась, велев ей поберечь силы для господина Эстфола. И все же Ириана спустилась в подземную комнату прощания, вырубленную в скале под Торрой. Там, на простом каменном алтаре, лежало иссохшее тело убитой. Лицо, превратившееся в смятый лист пергамента. Кости, в нескольких местах прорвавшие истончившуюся кожу. Ириана провела там несколько минут, вознося молитвы Сильбе. Вчерашнюю церемонию погребения в катакомбах она проспала.

Услышав вопрос Шаола, Ириана невольно обернулась, скользнула глазами по привычным очертаниям Торры. Башня, от

которой веяло покоем… После страшной ночи, невзирая на все усилия Хазифы и Эреции, в коридорах башни было непривычно тихо, как будто свет, наполнявший здание, погас.

– Они стараются жить как прежде, – наконец сказала Ириана. – В знак протеста против тех, кто убил нашу сестру. Хазифа и Эреция подают пример спокойствия и сосредоточенности. Улыбаются, когда могут. Думаю, это помогает девчонкам не замыкаться в собственных страхах.

– Если надо, я всегда готов провести с ними еще один урок.

Ириана рассеянно кивнула, теребя поводья.

Во дворе, еще не успевшем раскалиться от дневного зноя, вкусно пахло лавандой и лимонами.

– Ты всерьез собиралась ко мне рано утром? – вдруг спросил Шаол.

– По-моему, ты не любишь залеживаться в постели. Впрочем, если у вас с капитаном Фелак…

– Если хочешь, приходи пораньше.

Ириана кивнула. Незачем ему знать, что она – не из ранних пташек и любит поспать.

– Я по пути во дворец хотела проведать своего пациента. А то мы теряем время.

Шаол молчал, и она продолжила:

– Во дворце я появлюсь часа через два, если ты…

– Я могу тебя проводить. Надеюсь, не помешаю.

Ириана выпустила из рук поводья. Посмотрела на Шаола, на его ноги:

– Прежде чем выезжать, давай займемся упражнениями.

– Верхом на лошади?

Ириана пошла к нему. И вновь песок громко хрустел под ее туфлями.

– На самом деле это очень действенный способ. Помогает многим, и не только в случае увечий позвоночника. Когда лошадь движется, ритм ее движения, помимо прочих благотворных воздействий, способен восстанавливать чувствительность.

Ириана расстегнула постромку и вытащила ногу Шаола из стремени.

– Минувшей зимой, в степи, я исцеляла молодого воина. Он упал с лошади во время утомительной охоты. Его повреждение было почти как у тебя. Но меня он встретил в седле. Соплеменники сделали ему постромки, поскольку он был еще непоседливее.

Шаол хмыкнул, пригладив растрепавшиеся волосы.

Ириана приподняла ему ногу и начала вращать, памятуя, что он сидит не в кресле, а на лошади.

– Заставить этого парня заниматься упражнениями и вообще выполнять предписания было сущей пыткой. Он изнемогал от сидения в своем *гире* и без конца твердил, что привык подставлять лицо свежему ветру. Тогда я пустилась на хитрость. Я позволяла ему немного поскакать, а затем, пока он оставался в седле, мы начинали заниматься упражнениями. Такие упражнения полагалось делать в шатре. Но заниматься в седле ему было легче. Он достиг значительных успехов, и я не стала портить результат, принуждая его упражняться в шатре.

Рассказывая, Ириана осторожно сгибала и разгибала ногу Шаола.

– Пока у тебя шевелятся лишь пальцы ног. А дальше ты почти ничего не ощущаешь.

– Не почти. Я ничего не ощущаю.

– В таком случае сосредоточь внимание на пальцах. Насколько сможешь. Помни обо всей ноге, но, пока я ею двигаю, наблюдай за ощущениями в пальцах и ступне.

Шаол молчал. Ириане было некогда следить за выражением его лица. Она сгибала и вращала его ногу, применяясь к тому, что Шаол находился в седле. Нога была достаточно тяжелой. Ириана вспотела, однако продолжала растягивать, сгибать и вращать. Черная кожа на сапоге двигалась, сминаясь в складки. Шаол добросовестно шевелил пальцами обеих ног.

– Хорошо, – похвалила его Ириана. – Продолжай.

Пальцы ног упирались в кожу сапога.

– Степи, – сказал Шаол. – Хаган ведет свою родословную от степных конников.

Ириана не торопилась отвечать. Она сделала еще несколько сложных упражнений, следя, чтобы Шаол не прекращал двигать пальцами. Затем, вернув ногу в стремя и закрепив постромку, обошла лошадь спереди и взялась за вторую его ногу.

– Мне понравились те места. Красивая первозданная земля. Нескончаемые холмы, поросшие густой травой. Иногда встретишь сосновый лес или горы, где сплошной камень.

С кряхтением приподняв вторую ногу, Ириана взялась за те же упражнения.

– А ты знаешь, что первый хаган завоевал континент, имея всего лишь стотысячную армию? И сделал это за четыре года?

Вокруг начинала просыпаться Антика.

– Я кое-что знала об истории континента и Дарганцких степях. А это мне рассказал Кашан, когда мы туда приехали.

Ириана умолкла. И кто ее дергал за язык говорить о Кашане?

– Принц ездил с тобой?

Обычный вопрос. Любопытство, и не более того. Ириана

постучала по сапогу, напоминая Шаолу о необходимости шевелить пальцами. Он со смехом подчинился.

– Мы ездили туда с Хазифой. Кашан нас сопровождал. В степях мы пробыли больше месяца.

Ириана сгибала и вращала его ногу, снова и снова тщательно повторяя медленные движения. Целительская магия умела творить чудеса, но и телесные упражнения играли не менее важную роль.

– Ты шевелишь пальцами в полную силу?

– Да, госпожа целительница, – усмехнулся Шаол.

Ириана спрятала улыбку. Вытянув ногу Шаола, насколько позволяло его положение в седле, она возобновила вращение, но уменьшила диаметр кругов.

– Догадываюсь, что во время той поездки принц Кашан и излил свои чувства.

Ириана чуть не разжала пальцы. Вскинув голову, она сердито взглянула на Шаола. Карие глаза адарланца были полны суховатого юмора.

– Тебя это не касается.

– Возможно. Но ты слишком часто произносишь эту фразу и одновременно настаиваешь, чтобы я рассказал о себе все.

Сказано было по существу. Ириана продолжила возиться с его ногой. Чувствуя, что Шаол ждет ответа, она сказала:

– Кашан был одним из первых, с кем я подружилась здесь. Вообще он один из первых моих друзей.

– Так-так. – Шаол переваривал услышанное. – А когда ему захотелось большего, чем просто дружба…

Ириана опустила вторую ногу, закрепила постромку и отряхнула руки от пыльных сапог.

– Мне этого не захотелось, – сказала она, щурясь на солнце. – Я ему так и сказала. Только и всего.

Шаол улыбнулся. Ириана подошла к белой кобыле, забралась в седло и, расправив подол платья, закрыла ноги.

– Моя цель – вернуться в Фенхару и помогать там, где я нужнее всего. Я никогда не испытывала к Кашану серьезных чувств, не говоря уже о таких, ради которых можно отказаться от помощи родине.

Шаол кивал. В его глазах Ириана прочла понимание. Несколько раз он пытался что-то сказать, но лишь кивал и улыбался.

– Я рад, что ты не потеряла голову, – наконец сказал он.

Ириана нахмурилась. Улыбка Шаола стала еще шире.

– Кто бы мне сейчас выдавал приказы?

Ириана развернула лошадь в сторону ворот и резко бросила:

– Если ощутишь покалывание или иные неприятные ощущения, обязательно скажи. И постарайся как можно чаще упражнять пальцы ног.

К ее удивлению, Шаол не возражал. Он лишь немного притушил улыбку:

– Показывай дорогу, Ириана Торас.

Вопреки обещанию не улыбаться, улыбка все же тронула губы Ирианы. Вдвоем они выехали за ворота, на улицы пробуждающейся праздничной Антики.

20

Праздник в честь богини Техомы начался с восходом солнца. Большинство жителей Антики находились сейчас в городской гавани, поэтому на улицах было пусто и тихо. До́ма оставались лишь те, кого вынудили обстоятельства и прежде всего – тяжелая болезнь. К одному из таких больных и направлялась Ириана.

Они свернули на пыльную, залитую солнцем улицу и вскоре услышали хриплый, надсадный кашель. Он доносился из неприметного домика. Шаол остался в седле. Ириана быстро спешилась, привязала лошадь к уличной тумбе и постучалась в дверь. Шаол усердно продолжал шевелить пальцами ног, насколько позволяли сапоги. Но движения, о которых он прежде не задумывался, требовали большой сосредоточенности и затраты сил.

Наконец Ириане открыли дверь. На пороге появилась старуха. Кивнув целительнице, она заговорила на халхийском, нарочито медленно произнося слова, чтобы Ириана поняла ее объяснения. Ириана что-то ответила и тоже медленно. Затем обе вошли внутрь, оставив дверь приоткрытой.

Кровать стояла возле распахнутых настежь окон. Вероятно, больному требовался постоянный приток свежего воздуха. Это оказался старик. Приступ кашля только-только закончился. Ириана перебросилась с хозяйкой еще несколькими фразами, затем пододвинула к кровати простой трехногий стул и села.

Шаол поглаживал лошадиную шею, шевелил пальцами ног и наблюдал за происходящим в доме. Правой рукой Ириана коснулась морщинистой руки старика, а левую приложила к его лбу. Каждое движение было спокойным и осторожным. А ее лицо… Ириана кротко улыбалась. Такую улыбку Шаол видел впервые.

Чувствовалось, старуха была сильно встревожена состоянием мужа. Стоя за спиной Ирианы, она вздыхала и заламывала руки.

Ириана понимающе кивала. Потом она что-то сказала старухе, и та откинула тонкое одеяло.

Шаола передернуло. Все тело больного было в струпьях и язвах. Увидев их, даже старуха ужаснулась. На лице Ирианы не дрогнул ни один мускул. Она протянула руку. Из ладони и пальцев на тело больного заструился белый свет.

Похоже, старик после приступа впал в забытье. Магическое прикосновение заставило его шумно вздохнуть. Рука Ирианы опустилась ниже и застыла над одной из самых ужасающих язв.

Шаол не знал, сколько времени прошло. Ириана водила рукой над грудью старика. Когда же она разогнула спину, старуха заплакала. Она поцеловала руки Ирианы, что-то бормоча между всхлипываниями. Ириана лишь улыбнулась, поцеловала старуху в морщинистую щеку и простилась, предварительно дав необходимые наставления по уходу за больным.

Дверь закрылась, и прекрасная улыбка Ирианы погасла. Плотно сжав губы, она смотрела на пыльные булыжники. Казалось, Ириана начисто забыла, что приехала сюда не одна.

Лошадь Шаола заржала. Ириана вскинула голову.

– Очень устала? – спросил Шаол.

Ириана молча отвязала белую кобылу, уселась в седло и медленно тронулась с места.

– Его болезнь продолжает сопротивляться, – наконец сказала она. – Пять месяцев подряд мы сражаемся с его недугом. Никак не думала, что будет такой всплеск.

Ириана тряхнула головой, явно недовольная собой.

– Неужели его нельзя вылечить? – удивился Шаол.

– У других пациентов нам это удавалось, а тут… Старческий дряхлый организм. Я несколько раз думала, что изгнала болезнь, но она возвращается.

Ириана тяжело вздохнула:

– Сегодня я вновь почувствовала, что не помогаю по-настоящему, а лишь оттягиваю его смерть.

Шаол смотрел на ее сердито поджатые губы. Эта женщина требовала от себя совершенства во всем. Но даже ее магия не могла вдохнуть силы в старческое изношенное тело. Похоже, здесь Ириана просто выполняла свой долг целительницы, не надеясь на победу.

– Тебе сегодня нужно навестить еще кого-нибудь? – спросил Шаол.

Ириана покосилась на его сапог, кожа которого двигалась вместе с большим пальцем.

– Можем вернуться во дворец.

– Я бы еще покатался по городу, – вдруг сказал он. – Пока

улицы пустые. Мне бы…

Он не договорил, словно устыдившись столь понятного желания посмотреть город. Но Ириана поняла.

– Я собиралась проведать молодую мать, – сказала она. – Это на другом конце города. Ехать туда далеко. Женщина родила две недели назад. Роды были тяжелыми. Хочу взглянуть на нее.

– Тогда поехали, – отозвался Шаол, стараясь не показывать, что доволен.

И они двинулись по все еще пустым улицам. Ириана рассказала, что празднество в гавани продлится часов до десяти. Людям нравилось веселиться, и они с одинаковым энтузиазмом чествовали богов, которым поклонялись сами, и других, благо пантеон хаганата был достаточно обширен.

Религиозная терпимость – одно из главнейших достижений первого хагана. Его преемники никогда не покушались на это достижение. Наоборот, только расширяли пантеон. Первый хаган слишком хорошо знал, сколько бед и кровопролития способны принести войны на религиозной почве, поэтому каждому была предоставлена свобода поклоняться любым богам. У кого-то несколько богов сплетались в новое божество, что тоже не возбранялось.

Шаол, читавший историю правления хаганата, рассказал Ириане, как умело первый хаган играл на религиозной нетерпимости в других королевствах. Там, где религиозные меньшинства подвергались гонениям, у него появилось множество добровольных шпионов.

Ириана знала об этом. Поскольку речь зашла о шпионах, она спросила, имелись ли у Шаола шпионы в бытность его капитаном королевской гвардии. Он ответил, что нет. Это была почти правда. Да, у него имелись помощники, действующие скрытно. А платных шпионов, каких нанимали Эдион и Рен Ручейники, – таких не было. Шаол умолчал, что и сам шпионил в Рафтхоле несколько месяцев весной и летом. Но что касается его сослуживцев-гвардейцев…

Шаол умолк. Ириана не задавала новых вопросов. Видимо, чувствовала: его молчание имеет причину.

Место, куда они приехали, изобиловало садами и садиками, среди которых стояли довольно скромные, но опрятные дома. Здесь жили люди с устойчивым средним достатком. Чем-то это место напоминало Рафтхол, только было светлее и чище столицы Адарлана.

И здесь тоже большинство жителей отправились в гавань. Но не все. Ириана остановилась напротив красивого двухэтажного

домика. Из окна второго этажа смотрела молодая женщина с улыбчивыми глазами. Заметив Ириану, она что-то крикнула на халхийском и исчезла.

– Ответ на первый вопрос я уже получила, – пробормотала Ириана.

Хлопнула входная дверь. Женщина вышла не одна, а с толстеньким малышом на руках. Увидев Шаола, она несколько смутилась. Шаол учтиво поклонился. Молодая мать наградила его любезной улыбкой. Правда, не слишком искренней, поскольку она тут же повернулась к Ириане и удивленно вскинула брови.

Ириана засмеялась. Ее мелодичный смех не шел ни в какое сравнение с ее улыбкой. Ириана искренне радовалась, что мать и ребенок здоровы и счастливы.

Она спрыгнула с лошади. Женщина протянула ей ребенка – воплощение младенческого здоровья.

– Какая она у тебя красавица, – сказала Ириана, дотрагиваясь до круглой щечки.

– Толстая, будто хрюшка, – улыбнулась во весь рот молодая мать.

Она говорила на адарланском. Возможно, знала, что Ириана плохо владеет халхийским. А возможно, распознала в Шаоле чужестранца, ибо при всем обилии типажей Южного континента его лицо отличалось от них.

– И вечно голодная.

Ириана качала малышку.

– Сложностей с кормлением нет?

– Если бы я позволила, она бы день и ночь не отрывалась от моей груди, – ответила мать, не смущаясь говорить о таких вещах в присутствии незнакомца.

Ириана засмеялась, наблюдая, как крошечная ручонка обхватила ее палец:

– Ребенок у тебя на редкость здоровый. А как твое самочувствие?

– Выполняю твои предписания. Купания очень помогли.

– Кровотечения нет?

Женщина покачала головой. Дальнейший разговор она повела вполголоса, поскольку он явно не предназначался для мужских ушей. Шаол деликатно отвернулся и стал разглядывать соседние дома.

– Сколько мне еще ждать, пока я смогу… сама понимаешь. С мужем.

Ириана фыркнула:

– Обожди месяца два.

– Так долго? – с негодованием и досадой воскликнула

женщина. – Но ты же меня исцелила.

– А до этого ты едва не умерла от кровотечений. – Тон Ирианы сменился. Ситуация была не из тех, где допустимы послабления. – Дай своему телу отдохнуть. Другие целительницы предписали бы тебе больший срок. Хорошо, продержись хотя бы семь недель. Если возникнут неприятные ощущения…

– Знаю, знаю, – отмахнулась молодая мать. – Просто… *этого* так давно не было.

Ириана снова засмеялась, сказав ей:

– Потерпи ради дочки. Ребенку нужна здоровая мать.

Женщина криво усмехнулась, забирая у Ирианы гукающую малышку:

– Хоть ты насладись за меня, раз уж мне пока заказаны простые радости жизни.

Она многозначительно посмотрела на Шаола. Он поймал ее взгляд раньше, чем Ириана, и не без удовольствия наблюдал, как целительница заморгала, потом замерла и густо покраснела:

– Что?.. Нет.

Но ему совсем не понравилось, как она произнесла это «нет». Почти выплюнула.

Женщина лишь засмеялась и, поудобнее подхватив ребенка, пошла в дом.

– А я бы не терялась, – бросила она на прощание.

Дверь закрылась.

Ириана повернулась к Шаолу. Ее щеки все еще оставались красными.

– Эта мамаша – слишком самоуверенная особа, – сказала она, стараясь не встречаться глазами с Шаолом.

– Вот уж не думал, что я заслуживаю решительного «нет», – усмехнулся он.

Проехавшись по нему сердитым взглядом, Ириана забралась на лошадь.

– Я не вступаю в близкие отношения с пациентами. Тем более что вы с капитаном Фелак, – поспешно добавила она. – И ты…

– Не в том состоянии, чтобы доставить женщине удовольствие?

Шаола поразили собственные слова. Ириана наградила его еще одним сердитым взглядом, и это ему снова понравилось.

– Нет, – пробормотала Ириана, покраснев гуще прежнего. – Совсем не это. Но ты… ты…

– Обещаю, что не обижусь на твои слова.

Ириана махнула рукой, глядя в сторону:

– Ты знаешь, в чем дело.

В том, что он – адарланец, служивший королю-чудовищу?

Этого Шаол не отрицал. Но он решил не усугублять неловкое положение Ириаиы и потому сказал:

– Ириана, я пошутил. Да, мы с Несариной…

Ириана сглотнула. Ее щеки стали пунцовыми.

– Кстати, где она сегодня?

– С родственниками отправилась в гавань.

Несарина его не пригласила. Шаол сказал, что в такой суматошный день предпочтет вообще никуда не ездить. И тем не менее поехал.

Ириана рассеянно кивнула:

– Вечером во дворце будет продолжение празднества. Вы пойдете?

– Да. А ты?

Она снова кивнула и, помолчав минуты полторы, добавила:

– Я не решусь сегодня работать с тобой. Силы я восстановила, но мы опять можем потерять счет времени и пропустить торжество.

– Так ли уж страшно, если мы его пропустим?

Ириана как-то странно посмотрела на него:

– Это может оскорбить детей хагана, не говоря уже о владычице морских глубин. Не знаю, чей гнев пугает меня больше.

Шаол усмехнулся, подумывая, чем ответить на шутку.

– Хасара одолжила мне свое платье и велела непременно быть. А гнев принцессы, пожалуй, пострашнее гнева Техомы.

Лицо Ириаиы помрачнело. Шаол хотел было спросить о причине, как вдруг услышал:

– Хочешь проехаться по городу?

Чувствовалось, эта мысль пришла ей в голову только что.

– Не могу похвастаться знанием истории Антики, но работа вынуждала меня бывать во всех частях города. Мы точно не заблудимся.

– Да, – выдохнул Шаол. – Поехали.

Ириана робко улыбнулась.

Ритуальная часть праздника окончилась. Улицы стали заполняться веселыми, ликующими горожанами. Отовсюду слышался смех. Со всех углов звучала музыка, а в жарком воздухе соблазнительно пахло едой и пряностями.

Шаол забыл про жару и солнечное пекло. Забыл даже про необходимость упражнять пальцы ног. Лошади везли его и Ириану по извилистым улицам и улочкам Антики. Шаол любовался куполами многочисленных храмов. Ириана показала ему несколько общедоступных библиотек. Немало удивили его здешние деньги. Вместо тяжелых монет в Антике расплачивались

прямоугольниками тутовой коры на шелковой подложке.

Ириана угостила его своими любимыми лакомствами из плодов рожкового дерева. Она то и дело улыбалась прохожим, однако Шаолу ее улыбка доставалась редко.

Где бы они ни ехали, не было ни одной улицы и даже переулка, куда бы Ириана поостереглась свернуть. Нигде она не чувствовала страха или даже настороженности. Город богов, город знания и света, спокойствия и процветания.

Когда солнце достигло зенита, Ириана предложила скрыться от зноя в просторном общественном саду, где высокие деревья и обилие ползучих растений преграждали путь обжигающим лучам. Лошади медленно брели по лабиринтам дорожек. В саду было почти пусто. Проголодавшиеся горожане наслаждались полуденной трапезой.

Каменные вазы на постаментах были усыпаны цветами всех мыслимых оттенков. С моря дул прохладный ветер, шевеля ветви громадных папоротников. Над головой беззаботно перекликались птицы.

Ириана молчала, покусывая нижнюю губу. Чувствовалось, она хочет что-то сказать, но почему-то не решается. Шаол терпеливо ждал.

– Как ты думаешь, у нас могли бы появиться такие города? – наконец спросила она.

– В Адарлане?

– На всем нашем континенте. В Адарлане. В Фенхару. Я слышала, когда-то города Эйлуэ были похожи на Антику, пока…

Пока страшная тень не накрыла Эрилею и его, Шаола, сердце.

– Там были удивительные города, – сказал он, прогоняя мысли об эйлуэйской принцессе, любившей города своей родины.

У Шаола засаднил давнишний шрам на лице. Вопрос Ирианы заставил его вспомнить слова Эдиона Ашерира. Шаол даже услышал голос Волка Севера: «Ты когда-нибудь задавался вопросом, что́ думают о нас жители других континентов? Может, они нас ненавидят или испытывают брезгливую жалость, зная, как мы относимся друг к другу. Наверное, есть места, похожие на Адарлан, или даже хуже. Но что-то мне подсказывает, есть и такие, где жизнь лучше нашей. Гораздо лучше».

Сумеет ли он когда-нибудь рассказать Эдиону, что нашел такое место? Возможно, расскажет Дорину об устройстве здешней жизни. А потом на развалинах Рафтхола и всего королевства они будут строить новое, подобное этому.

Шаол очнулся от раздумий. Их лошади остановились. Ириана теребила ветку, усыпанную мелкими пурпурными цветами, ожидая его ответа.

– Да, – сказал Шаол, опасаясь погасить крошечный огонек надежды в ее глазах. – Я верю: мы сумеем построить нечто подобное и у себя, если уцелеем в этой войне.

Если он вернется отсюда с армией, способной атаковать Эравана.

Шаол вновь ощутил неумолимость времени. Быстрее. Нужно действовать быстрее. Во всем.

– Ты очень любишь свою родину, – сказала Ириана, внимательно глядя на его вспотевшее лицо.

Шаол лишь кивнул, не находя слов.

Ириана открыла рот, потом закрыла. Наморщила лоб.

– Я не считаю народ Фенхару сплошь невинными жертвами этого страшного десятилетия.

Шаол старался не смотреть на ее тонкий шрам. Возможно, эту отметину оставил кто-то из соотечественников Ирианы.

Послеполуденная жара добралась и сюда. Больше всего от нее страдали кусты роз.

– Пора возвращаться, – сказала Ириана. – Скоро по улицам будет не проехать.

О чем же она хотела сказать? И чем вызвана тень, затаившаяся в ее глазах?

Шаол молча поехал следом, продолжая думать над их разговором в саду.

В коридорах дворца было не менее людно, чем на городских улицах. Слуги готовились к вечернему празднеству. Ириана отправилась в покои Хасары, чтобы вымыться и переодеться. Шаол пошел к себе. Ему тоже нужно было смыть с себя пыль и пот и выбрать одежду.

Несарина вернулась, когда он сидел в купальне. Крикнула, что тоже идет мыться, и закрыла дверь.

Пересмотрев свой скромный гардероб, Шаол выбрал зелено-голубой камзол. Одевшись, он выехал в коридорчик, где и дожидался Несарину. Капитан Фелак появилась в наряде аметистового цвета. Адарланскую форму она не надевала с того самого дня, как они прибыли во дворец хагана.

– А тебе этот цвет к лицу, – сказал он.

Несарина улыбнулась. Ее волосы влажно блестели, не успев до конца высохнуть.

– И тебе твой. Ты никак сегодня был на солнце?

«В наблюдательности капитану Фелак не откажешь», – подумал Шаол. Поскольку все эти дни Несарина много говорила на родном языке, в ее адарланском появился легкий акцент.

– Помогал Ириане навещать пациентов.

– Рада слышать, – только и ответила Несарина, выкатывая его кресло в коридор.

Она ни словом не обмолвилась о его несостоявшемся визите к ее родственникам. Возможно, уже и забыла.

Шаол до сих пор не рассказал ей об оживших пальцах ног. Хотел сообщить по пути в большой зал, но почему-то тянул… Потом. Обо всем они поговорят после торжества. Или завтра.

Большой зал дворца можно было обрисовать одним словом: чудо.

Шаол предполагал увидеть множество гостей, но его предположение не оправдалось. Гостей было лишь немногим больше, чем в будни, когда за столом собирались члены семьи хагана и визири. Зато убранство зала поражало умопомрачительной роскошью. Вот где был настоящий праздник для глаз.

Шаол и Несарина с некоторым удивлением разглядывали это великолепие, когда слуга вполголоса сообщил, что их ждут за высоким столом. Удивление Шаола только возросло. Дува приветствовала его как давнего друга и сообщила, что ее родителей на общем торжестве не будет. Последние дни хагания неважно себя чувствовала, и муж решил чествовать Техому вдвоем с нею.

Наверное, хагану тоже было тяжело видеть разноцветные гирлянды на месте траурных лоскутов. И вряд ли сегодняшнее празднество – подходящее время для разговоров о союзе.

Появились еще несколько гостей, в их числе Хасара и Рения. Между ними шла Ириана.

Ириана, с которой Шаол расстался в дворцовом коридоре, была в измятом платье, подол которого посерел от пыли. Ее лицо горело после езды по жаре, а волосы слегка растрепались.

В зал вступила совершенно другая женщина.

Внимание половины мужчин за столом тут же переместилось на вошедших, за которыми следовали две служанки принцессы. Хасара, облаченное в белое, хищно усмехалась. Кроткая Рения – сегодня она была в восхитительном рубиново-красном платье – улыбалась своей обычной улыбкой. Но Ириана…

Роскошный наряд, дорогие украшения, стоящие баснословных денег. Многие красивые женщины сияли бы от самодовольства и тщеславия. Однако для Ирианы весь этот блеск был сродни золотой клетке, куда ее временно заключили. Ее осанка оставалась прежней, но улыбка, взбудоражившая Шаола не далее как утром, напрочь исчезла.

Хасара умело выбрала для Ирианы платье кобальтово-синего цвета. Оно усиливало теплый оттенок ее кожи, а каштановые

волосы делало золотистыми. Кажется, принцесса даже подрумянила ей щеки. Возможно, обошлось и без румян. Ириану смущал слишком откровенный вырез, подчеркивающий женственность ее фигуры, и туго затянутая талия.

Повседневные платья Ирианы отнюдь не скрывали ее тело, однако платье, одолженное Хасарой… В тех платьях она работала. Сочное синее предназначалось, чтобы блистать и ловить на себе восхищенные мужские взгляды. Шаол только сейчас по-настоящему рассмотрел Ириану: тонкую талию, широкие бедра, плавные округлости грудей.

Сартак и Аргун подались вперед, глядя, как их сестра ведет Ириану к высокому столу.

Принцесса не стала сооружать ей замысловатых причесок. Волосы Ирианы, как всегда, свободно ниспадали с плеч, украшенные лишь парными золотыми гребнями с вкраплениями рубинов. В ушах покачивались такие же серьги. На шее поблескивало ожерелье.

– Принцесса, да и только, – шепнула Шаолу Несарина.

Шаол был того же мнения: принцесса, но идущая не к пиршественному столу, а на виселицу. Лицо ее было предельно серьезным и даже печальным. За два часа в обществе Хасары от прежней Ирианы ничего не осталось.

Принцы встали, приветствуя Ириану. Кашан поднялся первым.

Возможная преемница Хазифы. Женщина, обладающая несомненной силой, – а с силой нередко соседствует власть. Дети хагана хорошо это понимали. Особенно Аргун, судя по его цепкому взгляду, брошенному на Ириану. Женщина, наделенная большими магическими способностями и красотой.

«Желанная добыча», – прочел Шаол в глазах Аргуна.

Шаол сжал зубы. Если Ириана не жаждала внимания самого обаятельного из принцев, вряд ли ее интересовали ухаживания двух других.

Аргун открыл рот, собираясь о чем-то спросить Хасару, однако принцесса прошла дальше. Туда, где сидели Шаол и Несарина.

– Пересядь, – шепнула Хасара, наклонившись к уху Несарины.

21

Несарина ошеломленно покосилась на принцессу. Хасара по-змеиному холодно улыбнулась, пояснив:

– Ты все время сидишь рядом со своим спутником. У нас это

считается невежливым. Нужно было еще раньше вас рассадить.

Несарина скользнула взглядом по Шаолу. Все наблюдали за ними. Шаол не имел даже отдаленного представления, что́ нужно говорить в подобных случаях и нужно ли вообще. Ириана опустила глаза. Похоже, она была бы рада провалиться под зеленый мраморный пол.

– Капитан Фелак, составь мне компанию, – предложил Сартак.

Несарина быстро встала. Принцесса явно была рада, что обошлось без пререканий.

– А ты садись здесь, – сказала она Ириане, хлопая по спинке освободившегося стула. – Мало ли… понадобишься.

Ириана посмотрела на Шаола. Как ему показалось, с молчаливой мольбой. Он лишь сдержанно улыбнулся, сохраняя бесстрастное лицо.

Место рядом с Сартаком было занято, но принц попросил сидевшего там визиря пересесть в конец стола. Хасара торжествовала: все произошло так, как ей хотелось. Однако сегодня она решила поменять места для себя и Рении, сев поближе к Аргуну. Места там, разумеется, были заняты. Хасара бесцеремонно согнала двух визирей. Рения с легкой укоризной поглядела на возлюбленную, но тут же покорно улыбнулась.

Трапеза возобновилась. Шаол повернулся к Ириане. Визирь, сидевший справа от нее, был поглощен едой. Слуги проворно разносили тарелки и наполняли бокалы.

– Меня это как-то касается? – шепотом спросил он.

– Нет, – ответила Ириана, делая вид, что занята разрезанием куска жареной баранины, поданного на золотой тарелке и окруженного шафрановым рисом.

Шаолу сразу вспомнились тени в ее глазах и неосуществленное намерение о чем-то рассказать… Интуиция подсказывала: тогдашнее поведение Ирианы и этот спектакль за столом как-то связаны.

Шаол посмотрел туда, где сидела Несарина. Она наблюдала за ними, вполуха слушая Сартака. Услышать слова принца Шаолу мешали другие разговоры и звон посуды.

Он хотел взглядом ободрить Несарину: дескать, «здесь свои правила». Ее ответный взгляд был предостерегающим, с легким кивком в сторону Хасары.

Шаол помнил, какое количество сластей поглотила днем Ириана. Есть она не хотела и теперь лишь для вида жевала крошечные кусочки баранины.

– Как твои пальцы на ногах? – спросила Ириана.

– Вовсю шевелятся, – улыбнулся он.

Можно подумать, что они расстались не два с лишним часа назад, а не виделись несколько дней.

– Что ты при этом чувствуешь?

– Покалывание.

– Хорошо.

Когда Ириана жевала, шрам на шее проступал заметнее.

Шаол знал: за ними наблюдают и слушают каждое слово. Ириана тоже это знала. Вилку и нож она сжимала до белизны костяшек. Спина у нее была прямая, как струна. Губы не улыбались. В глазах, подведенных черным, почти не ощущалось света.

С какой целью принцесса посадила их рядом? Чтобы послушать, о чем они говорят? Или чтобы подвигнуть Кашана на те или иные действия? Принц все время поглядывал в их сторону, успевая при этом вести беседу с двумя визирями.

– Роль пешки тебе не подходит, – прошептал Шаол.

Золотисто-карие глаза вспыхнули.

– Не понимаю, о чем ты.

Но она поняла. Ответ предназначался подслушивающим.

Шаол мысленно перебирал темы, чтобы им обоим как-то продержаться до конца трапезы.

– Когда у тебя следующее занятие с твоими девчонками?

– Через две недели. – Ириана хоть немного оживилась. – Надо бы на следующей неделе, но многим предстоят проверки знаний и навыков, и им сейчас не до меня.

– Телесные упражнения на свежем воздухе принесут только пользу.

– Я тоже так считаю, но для них эти проверки – вопрос жизни и смерти. Сама через это проходила. Ночами не спала.

– Но у тебя все испытания позади?

Ириана покачала головой. Рубины в ее серьгах поймали свет и вспыхнули.

– Мое последнее испытание завершилось две недели назад. Теперь я считаюсь официальной целительницей Торры.

Чувствовалось, не спроси он, сама Ириана не стала бы рассказывать.

– Прими мои поздравления, – сказал Шаол, поднимая бокал.

Ириана пожала плечами, но все же кивнула:

– Однако Хазифа собирается устроить мне еще одну проверку. Самую последнюю.

– А я – живой материал для опытов?

Это была неуклюжая попытка обратить в шутку их спор, вспыхнувший несколько дней назад. Тогда слова Ирианы сильно задели его.

– Нет, – торопливо возразила она. – Ты тут ни при чем. Последнее испытание. Неофициальное… Оно касается только меня.

Шаолу хотелось поподробнее расспросить ее об этом, но не здесь, где столько любопытных глаз.

– В таком случае желаю тебе удачи, – сухо произнес он.

Как же все это отличалось от их живого, непринужденного разговора на улицах Антики.

К счастью для них обоих, трапеза не затянулась. Едва подали *кахаве* и десерты, Аргун, хлопнув в ладоши, объявил начало развлечений.

– Поскольку отец сегодня не выйдет из своих покоев, наше празднество будет… несколько свободнее, – услышал Шаол слова Сартака, обращенные к Несарине.

Позади стола, в пространстве между колоннами, появились разодетые музыканты. Большинство их инструментов было знакомо Шаолу, хотя некоторые он видел впервые. Загремели барабаны, запели флейты и трубы, предваряя выступление танцоров.

Их было восемь: четверо мужчин и четыре женщины, как объяснил Сартак сдержанно улыбающейся Несарине. Они выпорхнули из-за занавеса сбоку от колонн.

Шаол чуть не подавился напитком.

Лица, руки и ноги танцоров были покрыты затейливыми золотистыми узорами. У всех поблескивали драгоценные украшения. Но больше всего Шаола поразили их одежды из тончайшего шелка, перехваченные поясами. Под одеждами не было ничего.

Все восемь находились в расцвете лет. Их тела отличала удивительная гибкость. Танцоры качали бедрами, выгибали спины. Поднятые руки переплетались над головой. Рисунок танца состоял из попеременных хождений кругами и движений по извилистым линиям.

– Я тебе говорила, – шепнула ему Ириана.

– Думаю, Дорину бы это понравилось, – ответил Шаол и, к своему удивлению, почувствовал, что улыбается.

Ириана с изумлением посмотрела на него. Ее глаза стали живее. Гости вытягивали шеи, чтобы получше увидеть точеные тела танцоров и их проворные, сильные босые ноги.

Движения, выверенные до совершенства. Тела, кажущиеся продолжением звуков музыки. Красивые, почти призрачные и в то же время вполне осязаемые. Пожалуй, и Аэлина была бы в восторге от этого танца. Еще в каком.

Пока танцоры развлекали гостей, слуги вносили стулья,

диванчики и большие мягкие подушки. Затем появились низкие столики, на которых стояли чаши-курильницы. Оттуда поднимался сладковатый, обволакивающий дым.

– Если хочешь сохранить ясность ума, держись подальше от курильниц, – предупредила Ириана, следя за тем, как молодой слуга несет очередную металлическую чашу. – Это дурманящие снадобья. Пусть и легкие, но дурман есть дурман.

– Значит, когда родителей нет поблизости, взрослые детишки не знают удержу, – заключил Шаол.

Несколько визирей встали из-за стола, явно собираясь уйти, но большинство перешло в зал, который слуги успели разделить на уютные уголки. А потом…

В зале появились другие слуги. Эти ничего не носили и не расставляли. Красивые, ухоженные мужчины и женщины были наряжены в такую же полупрозрачную шелковую одежду, что и танцоры. Они быстро рассаживались на подлокотники диванчиков и на колени. Кто-то укладывался возле ног визирей и знати.

В стеклянном замке тоже устраивались откровенные празднества, но начинались они весьма пристойно, с пониманием, что интимная часть продолжится не в зале, а за плотно закрытыми дверями. Дорин так и поступал, уходя к себе или отправляясь в комнату какой-нибудь придворной дамы. Порою он звал Шаола, и они отправлялись в Рафтхол или даже в Бельхэвен, где местная знать, не в пример королеве Гергине, вела себя гораздо раскованнее.

Сартак пока оставался за столом, рядом с Несариной. Та с нескрываемым восхищением следила за танцорами. Дува, поглаживая живот, объявила, что они уходят, поскольку дым курильниц вреден для малыша во чреве. Ее муж, как всегда, молчаливо кивал. Ириана тоже кивнула, вполне соглашаясь с принцессой.

Аргун расположился на диванчике, поближе к танцующим. Он наклонился над перемигивающимися углями курильницы и с явным наслаждением вдыхал сизоватый дым. Придворные и визири торопились занять места рядом со старшим сыном хагана.

Хасара и Рения тоже облюбовали себе диванчик. Руки принцессы вскоре зарылись в густые черные волосы ее возлюбленной, а губы прильнули к ее шее. Ответная улыбка Рении была томной. Ее глаза закрылись. Хасара что-то шептала ей на ухо.

Стол пустел. Кашан искоса поглядывал на Ириану и Шаола и, конечно же, ждал, когда она встанет.

Заметно побледневшая Ириана смотрела в маленькую чашку,

где дымился ее кахаве.

– Ты уже видела такие празднества? – спросил Шаол.

– Обожди час-другой, и все они разбредутся по своим покоям. Разумеется, не поодиночке.

Принц Кашан, как мог, затягивал разговор с визирем. Он открыл рот, глядя прямо на Ириану. Шаол прочитал в глазах принца приглашение, адресованное ей. Еще мгновение, и Кашан произнесет это приглашение вслух.

У Шаола были считаные секунды. Нужно что-то решать. Сартак позвал с собой Несарину. Не на диванчик и не на подушки, а в дальний конец зала, где возле открытых окон стояли стулья. Там можно было сидеть, не вдыхая одурманивающий дым, и наблюдать за происходящим в зале. Поймав взгляд Шаола, Несарина ободряюще ему кивнула и затем неторопливо пошла вместе с Сартаком.

Едва только Кашан подался вперед, намереваясь позвать Ириану уединиться с ним на диванчике, Шаол повернулся к ней и сказал:

– Я хочу посидеть с тобой.

– Где? – слегка удивившись, спросила она.

Кашан закрыл рот. У Шаола возникло ощущение, что принц рисует ему мишень на груди. Однако он выдержал взгляд Ирианы и ответил:

– Там, где потише.

Свободных диванчиков осталось совсем мало, и все они находились вблизи танцоров и густых струй дыма. Но Шаолу с Ирианой повезло: на противоположной стороне зала, в нише, был еще один. И возле него стоял столик с курильницей, однако угли успели прогореть и дым поднимался совсем тонкой струйкой.

– Если уж нас сегодня усадили вместе, побудем здесь еще некоторое время, – тихо, чтобы слышала только Ириана, сказал Шаол. – Это лучше, чем уйти вместе.

Он не представлял, что празднество примет такой оборот, и до сих пор не понимал маневра Хасары.

– И я не хочу, чтобы ты уходила одна, – добавил он.

Ириана молча встала, хмуро улыбнулась:

– Тогда давайте развлекаться, господин Эстфол.

Она махнула в сторону того самого диванчика, наполовину скрытого сумраком.

Шаол взялся за колеса кресла. Ириана шла рядом, высоко подняв голову. Подол ее платья мягко шелестел по зеленому мрамору. Вырез на спине был достаточно глубоким, обнажая безупречно гладкую кожу и тонкую борозду, которая опускалась к пояснице и двум впадинкам. Казалось, их оставили большие

пальцы какого-то бога.

Шаол чувствовал, как множество глаз следит за их перемещением. Ириана села на диванчик. Длинное платье целиком закрывало ей ноги. Но рукавов не было, и обнаженные руки целительницы уперлись в бархатные подушки.

Шаол сумел перебраться на диванчик раньше, чем подоспели слуги. Он поблагодарил слугу, откатившего кресло. Из ниши был виден весь зал с танцорами, слугами, придворными и знатью. Эти успевали ласкать податливых слуг и служанок и наслаждаться движениями танцоров.

Зрелище вызывало у Шаола странные ощущения. Не сказать неприятные. Скорее, непривычные.

– Никто не принуждает слуг ублажать гостей, – тихо пояснила Ириана. – Я спросила об этом в первый же раз, оказавшись на подобном празднестве. Слуги стремятся занять более высокое положение. Те, кто здесь находятся, знают о привилегиях, которые их ожидают, если их позовут в чьи-то покои.

– Но если слугам платят, – возразил Шаол, – если отказ может отразиться на их положении, какое же тут обоюдное согласие?

– Я же тебе сказала: слуги знают, на что идут. Только не считай их беззащитными игрушками богатых и сильных. Хаганат установил четкие правила. Во-первых, возрастное ограничение. Далее, о своем согласии слуга заявляет вслух. Нарушивших правила ждет наказание. Как я уже говорила, не спасают ни положение, ни происхождение.

Шаол помнил ее слова. Законы хаганата одинаковы для всех.

Возле Аргуна вилась пара молодых обольстителей. Мужчина покусывал шею принца, а женщина водила рукой по его бедрам. На Аргуна это никак не действовало. Он продолжал разговор с визирем, сидевшим слева от него.

– Я думал, он женат, – сказал Шаол.

Ириана перехватила взгляд Шаола и поняла, о ком речь.

– Он женат. Жена сейчас в их загородном поместье. И потом, такие связи не считаются супружеской изменой. Просто удовлетворение потребностей… То же, что приказать служанке вымыть тебя в купальне. Думаю, ты и сам убедился в первый же день.

Лицо Шаола вспыхнуло.

– Я тогда… удивился ее назойливому вниманию. Мне показалось, она была готова меня раздевать и мыть, даже если бы я ходил на своих ногах.

– Каджу выбирали с таким расчетом, чтобы угождала тебе во

всем.

– Я не склонен вилять на сторону. Даже с безропотной служанкой.

Ириана посмотрела туда, где Несарина оживленно беседовала с Сартаком:

– Капитану Фелак повезло со столь верным спутником.

Несарина улыбалась принцу. Сартак сидел в непринужденной позе, закинув ногу на ногу. Его рука лежала на спинке диванчика, почти рядом с шеей Несарины. Шаол ждал укола ревности, но внутри ничего даже не шевельнулось. Возможно, он просто доверял Несарине, только и всего. Она играла свою роль. К чему здесь ревность?

Ириана смотрела на него. В сумрачном, дымном воздухе ее глаза были похожи на два топаза.

– Как-то вечером я поговорила с моей подругой, – сказала она, хлопая ресницами.

Женщина, убаюканная одурманивающим дымом. Шаол чувствовал, что и его голова начинает туманиться. По телу разливалось тепло. Уже казалось, что в зале уютно и хорошо.

– И сегодня, перед трапезой, еще раз.

Она намекала на Хасару.

– И что?

Волосы Ирианы слегка вились на концах. Шаол разглядывал завитки. Его пальцы двигались, словно трогали их.

Ириана дождалась, пока служанка, разносившая засахаренные фрукты, отойдет подальше.

– Она сказала, что местонахождение *твоего* друга до сих пор неизвестно. А через середину стола была натянута сеть.

Шаол заморгал, продираясь сквозь дурманящий дым к смыслу услышанного.

Армии. Армии Перангтона протянулись через весь континент. Неудивительно, что Ириана не стала говорить об этом на улице. Вот из-за чего тени в ее глазах.

– Где? – спросил он.

– С гор к… твоему привычному месту.

Шаол мысленно представил карту континента. Значит, из Ферианской впадины к Рафтхолу. Боги милосердные.

– Ты в этом уверена?

Ириана кивнула.

Он постоянно ловил на ней и себе любопытствующие взгляды.

Ириана тоже их чувствовала. Шаол постарался не вздрогнуть, когда ее рука улеглась на его руку. Когда она смотрела на него из-под опущенных ресниц сонными, зовущими глазами.

– Тогда и сегодня мне дали поручение… так, что я не смела отказаться.

Ей угрожали. Шаол стиснул зубы.

– Мне нужно место. Направление, – прошептала Ириана. – Куда мог переместиться другой твой друг.

Ириана сказала «друг», хотя Шаол сразу понял, что речь идет об Аэлине.

– Она… где она?

– Они не знают.

Аэлина пропала. Даже шпионы хаганата не в состоянии выяснить, где она сейчас.

– Ее нет у себя дома?

От легкого качания головы сердце Шаола бешено забилось. Аэлина и Дорин оба исчезли. Никто не знает, где они. Если Перангтон вздумает ударить…

– Я не знаю, куда она собиралась и что намеревалась сделать.

Рука Шаола накрыла обе руки Ирианы. Какая удивительно мягкая кожа.

– Она собиралась вернуться домой. Собрать армию.

– Этого не случилось. А зорких глаз здесь хватает повсюду.

Шпионы Хасары. Шпионы принцев. Шпионы хагана.

Значит, Аэлина не в Террасене. Она так и не добралась до Оринфа.

– Убери с лица это хмурое выражение, – промурлыкала Ириана.

Она кокетливо гладила его руку, но глаза ее оставались жесткими.

Шаол напряг силы и соорудил сонную улыбку:

– Твоя подруга думает, что их кто-то захватил?

– Она не знает.

Ириана непринужденно водила пальцем по его руке. Простенькое кольцо и сейчас поблескивало на ее пальце.

– Она велела тебе узнать у меня. Вытянуть.

– Ага. – Изящная рука Ирианы все так же скользила по его руке.

– Теперь понятно, почему за столом нас посадили вместе.

Вот и разгадка странного поведения Ирианы во время их прогулки, когда она порывалась что-то сказать, но неизменно предпочитала промолчать.

– Она пригрозила значительно осложнить мне жизнь, если я не сумею… расположить тебя к себе.

Шаол остановил ее руку возле своего плеча. Пальцы Ирианы слегка дрожали. Возможно, причиной был все тот же сладковатый, одурманивающий дым или так действовала музыка

и танцоры в полупрозрачных нарядах, но он сказал:

– Тебе это уже удалось, Ириана Торас.

У нее вспыхнули щеки. Глаза еще сильнее заблестели золотом. Это было опасно. Опасно, глупо и… Шаол знал: на них смотрят, в том числе и Несарина с принцем. Она поймет: все это – не более чем спектакль, где она играла такую же роль.

Эти слова Шаол мысленно твердил себе, продолжая глядеть в глаза Ирианы и удерживать ее руку. Румянец на щеках целительницы стал гуще. Потом она высунула кончик языка и облизнула губы. И этот жест не ускользнул от его внимания.

Шаола окутало густым, убаюкивающим теплом.

– Мне нужно назвать ей место. Любое.

Он не сразу догадался, о чем она просит. Любое место, иначе принцесса сделает жизнь Ирианы невыносимой.

– Зачем надо врать? Я бы сказал тебе правду.

Шаолу показалось, что его губы на расстоянии ощущают губы Ирианы.

– После занятия с моими девчонками я у тебя в долгу, – прошептала она.

Поэтому она раскрыла интересы Хасары…

– Ее можно будет склонить на нашу сторону? – спросил он.

Ириана смотрела в зал. Теперь уже рука Шаола пришла в движение, коснувшись нагого плеча целительницы. Возле шеи его пальцы остановились.

Кожа Ирианы была мягкой, как бархат, разогретый солнцем. Когда палец Шаола оказался рядом с тонким шрамом, Ириана стремительно повернулась к нему.

Он уловил предупреждение. Не ему. Самой себе.

– Она… – выдохнула Ириана.

Не в силах удержаться, Шаол еще раз коснулся ее шеи. Ириана шумно сглотнула:

– Она боится… угрозы огня.

Страх. Сильное побуждение, способное выковать союз или уничтожить все шансы на его создание.

– Она думает… за нападением на библиотеку могли стоять вы оба. По разным причинам.

Шаол усмехнулся. Пальцами он чувствовал биение пульса на шее Ирианы.

– Она считает нас сильнее, чем мы есть, – сказал он.

В глазах Ирианы промелькнула тревога.

– А что ты сама думаешь, Ириана Торас?

Ее ладонь накрыла его руку, но целительница не пыталась убрать его палец со своей шеи.

– Быть может, ваше появление подтолкнуло какие-то силы к

действиям. Но мне думается, ты не из тех, кто играет в подобные игры.

Странные слова, особенно если учесть, что они с Несариной сейчас этим и занимались.

– Ты стремишься к тому, что тебе хочется, – продолжала Ириана, – и добиваешься своей цели напрямую. Честно.

– Это прежде я был таким, – возразил Шаол.

– А сейчас? – едва слышно спросила Ириана.

Его ладонь подрагивала вместе с жилкой на ее шее.

– А сейчас… – Шаол приблизился к ней почти вплотную, чувствуя губами ее дыхание. – Мне все чаще кажется, что напрасно я отмахивался от отцовских уроков.

Глаза Ирианы опустились к его рту, и весь мир сузился до этого движения. Каждая частичка его тела застыла в напряженном внимании. Шаол небрежно расправил камзол на коленях. Когда-то ему доставляло наслаждение забираться в лохань с ледяной водой. Сейчас он испытывал нечто похожее. Пожалуй, даже лучше.

Конечно, все дело в этом чертовом дыме. Может, помимо макового дурмана, туда добавлена еще какая-то трава, подавляющая здравый смысл.

Ириана смотрела на его рот, как на сочный плод. Ее дыхание было неровным, напряженным, заставляя ее грудь соблазнительно подниматься.

Сделав над собой усилие, Шаол убрал руку с ее шеи и откинулся на подушку диванчика. Это тоже требовало усилий.

Должно быть, Несарина сейчас наблюдала за ним и недоумевала.

Не мог он. Не мог так вести себя с Ирианой, поддавшись внезапному безумию.

– Бухта Черепов, – прошептал он. – Скажи ей, что огонь надо искать там.

Пожалуй, это было единственным местом, куда Аэлина никогда не сунется. Вотчина Рульфа – предводителя пиратов. Шаол слышал ее рассказ о «неудачном приключении». Можно подумать, что разрушение столицы и потопление кораблей, которыми Рульф дорожил больше, чем собственной жизнью, было развлечением, которое Аэлина устроила от скуки. Предводитель грозился убить ее на месте, если она еще раз посмеет сунуться в его владения. Нет, она не настолько беспечна, чтобы рисковать жизнью.

Ириана несколько раз моргнула, словно пыталась сбросить дурман и вспомнить, как и зачем они оказались на этом диванчике, соприкасаясь коленями и чуть ли не носами.

– Да, – сказала она, снова моргая и хмуро косясь на тлеющие угли в металлической курильнице. – Это сгодится.

Взмахом руки она отогнала струйку дыма, пытавшуюся вклиниться между ними:

– Мне надо идти.

В глазах Ирианы мелькнула настоящая паника. Как будто и она поняла и почувствовала…

Она встала, расправляя платье. Исчезла томная, уверенная женщина, которая шла к диванчику, сладострастно покачивая бедрами. Шаол увидел девушку лет двадцати двух. Одна в чужом городе, вынужденная исполнять капризы могущественных детей хагана.

– Надеюсь… – Она глянула в сторону Несарины. От стыда и чувства вины плечи Ирианы ссутулились. – Надеюсь, ты никогда не научишься играть в подобные игры.

Несарина была поглощена разговором с Сартаком, не выказывая ни малейшего раздражения. Кажется, она не очень и понимала, что́ происходило в укромной нише.

«Идиот, – сказал самому себе Шаол. – Первостатейный идиот – вот ты кто».

– До завтра, – только и мог сказать он Ириане. Потом, спохватившись, добавил: – Надо найти тебе провожатых.

Это не было неуклюжей попыткой исправить свое дурацкое поведение. Кашан внимательно наблюдал за ними. Служанка, сидящая у принца на коленях, гладила ему волосы. Он, конечно же, заметил внимание, оказанное Шаолом Ириане. Лицо Кашана было полно холодной злобы.

Пусть другие думают, что Шаол с Ирианой разыграли спектакль. Но Кашан… Преданность отцу не мешала ему четко понимать все происходящее вокруг него. Он умел распознавать и оценивать людей.

Вовсе не возбуждение, охватившее их обоих, подсказало принцу: эти отношения – не спектакль. Чувство вины, которое они не сумели скрыть. Шаол это понял слишком поздно.

– Я попрошу Хасару, – сказала Ириана.

Она направилась к диванчику, где принцесса и Рения предавались неспешным ласкам, забыв об окружающем мире.

Шаол остался сидеть, следя за каждым шагом Ирианы. Она остановилась. Хасара подняла на нее затуманенные глаза.

Но через мгновение все сладострастие исчезло с лица принцессы. Ириана слегка кивнула. Поручение выполнено. Наклонившись, чтобы на прощание поцеловать принцессу в обе щеки, она шепнула пару слов Хасаре на ухо. «Бухта Черепов», – прочел Шаол по губам целительницы.

Хасара лениво улыбнулась, затем щелкнула пальцами, подзывая ожидающего слугу. Тот немедленно подошел. Шаол следил за ее губами, но она говорила на халхийском. Впрочем, ему и так был понятен смысл: слуге приказали позаботиться, чтобы Ириану в целости и сохранности доставили в Торру. В противном случае его ожидала мучительная смерть.

Ириана лишь устало улыбнулась принцессе и Рении, пожелав им спокойной ночи, и пошла вслед за слугой. У самого выхода она оглянулась.

Между нею и Шаолом лежало пространство в сто локтей, заполненное сверкающим зеленым мрамором и высокими колоннами. И все равно он ощутил нечто вроде натяжения. Вспышки белого света, что пару дней назад он видел в своих глубинах, были чем-то вроде живой связующей нити, словно Ириана оставила внутри его частичку себя.

Она не улыбнулась и не помахала рукой. Ограничилась легким кивком и исчезла.

Повернувшись в сторону Несарины, Шаол обнаружил, что она смотрит прямо на него. Ее лицо было нарочито бесстрастным. Едва заметный кивок Шаол расценил как знак понимания. Сегодняшний тур игры закончился. Несарина ждала, когда можно будет поговорить о результатах.

Прошел еще час, прежде чем они вернулись в свои покои. Ноздри Шаола не успели очиститься от дурманящего дыма. Этим зельем пропахли его волосы и камзол. После ухода Ирианы Шаол подъехал к диванчику, где сидели Несарина с Сартаком. Все трое молча наблюдали за начинавшими расходиться гостями. Кто-то шел в свои комнаты, а кто-то – куда позвали. Да, такой двор явно понравился бы Дорину.

Сартак проводил их до двери и сдержанно пожелал спокойной ночи. Шаол не винил его в чрезмерной сухости. Чужих глаз во дворце хватало, что, впрочем, не мешало принцу смотреть преимущественно на Несарину. Особенно когда она желала ему спокойной ночи.

В их коридорчике Каджа оставила зажженный светильник из волнистого цветного стекла. Открытые двери спален казались входами в пещеры.

Немного постояв, Несарина направилась к себе. Шаол схватил ее за руку, не дав сделать и шагу. Она медленно повернулась. Ее волосы были похожи на занавес черного шелка.

Шаол знал: сумрак не помешал Несарине прочесть все, что было в его глазах. Он напрягся всем телом. Сердце гулко забилось. Он ждал, когда она заговорит.

– Наверное, мое место сейчас не здесь, – наконец сказала она.

– О таких вещах не говорят в передней, – заметил Шаол, по-прежнему сжимая ее руку.

Несарина вздрогнула, но кивнула. Она хотела вкатить его кресло в спальню. Шаол, опередив ее, въехал сам. Несарина пошла следом. Он ждал, когда она войдет внутрь и закроет дверь.

Из садовых окон на кровать падали полосы лунного света.

Каджа не стала зажигать свечи. Или посчитала, что после празднества спальня может понадобиться для других занятий, или решила, что Шаол проведет ночь в ином месте. Но в темноте спальни, наполненной стрекотом цикад…

– Ты нужна мне здесь, – сказал Шаол.

– Ты уверен?

Честный вопрос. Что называется, в лоб.

Шаол нарочно помедлил с ответом:

– Я… мы же собирались действовать сообща. Во всем.

– Пути меняются, – тряхнула короткой черной гривой Несарина. – Ты это знаешь не хуже других.

Шаол это знал. Очень хорошо знал. И все же…

– Куда ты собираешься?

– Сартак хочет расспросить своих степняков. Узнать, появлялись ли валги на континенте. Я… меня тянет отправиться с ним. Конечно, если он позовет. Хочется самой понять, известно ли хоть что-нибудь. Если нет, то я, быть может, сумею убедить его действовать вразрез с отцовскими приказами. Или хотя бы поговорить с отцом от нашего имени.

– И куда вы поедете, если он тебя возьмет? На юг, к его руккинам?

– Наверное. Там, в зале, он мне сказал, что через несколько дней покинет Антику. Честно говоря, во дворце от меня мало проку. Ты же сам постоянно твердишь, что время поджимает. Вдали от столицы мне будет легче склонить принца на нашу сторону. Вдруг у руккинов я получу важные сведения? Если кто-то из посланцев Эравана уже проник в Антику… Гвардейцы хагана сумеют защитить дворец и Торру. Но мы с тобой должны собрать подкрепление и сделать это раньше, чем Эраван выступит против нас.

Она помолчала.

– И твое выздоровление вроде сдвинулось с мертвой точки. Я бы не хотела тебе мешать.

За ее предложением было еще много непроизнесенных слов.

Шаол поскреб подбородок. Несарина не спрашивала у него разрешения. Ему предлагалось просто отпустить ее и принять развилку, обозначившуюся на их совместном пути…

Он шумно выдохнул:

– Давай подождем до утра, а там будем думать. Решения, принимаемые среди ночи, обычно никуда не годятся.

Несарина молчала. Шаол переместился на кровать, снял камзол и сапоги.

– Посидишь со мной? Расскажи про своих родственников. Про торжество в гавани.

Перед трапезой Несарина весьма скупо рассказала ему, как прошло ее утро. Возможно, им двигало чувство вины или…

Их глаза встретились в темноте. Из сада, заглушая цикад, доносились соловьиные трели. Кажется, в глазах Несарины мелькнуло понимание и тут же погасло. Камень ушел на дно пруда, почти не вызвав кругов на поверхности.

Несарина молча подошла к кровати, расстегнула камзол, бросила на стул, потом взялась за сапоги. Она не легла, а уселась, подперев спину подушками.

«Я видела». Шаол мог поклясться, что прочитал эти слова в ее взгляде. «Я знаю».

Но Несарина заговорила об утреннем торжестве в гавани. Рассказала, как четверо ее шумных братьев и сестер бросали в море гирлянды цветов, а потом с криком бегали от чаек, норовящих вырвать у них из рук миндальные пирожные. Рассказала о дяде Брахиме и тете Захиде, о том, какой у них красивый дом с уютными тенистыми дворами и сколько там цветов и ползучих растений, увивающих стены.

Всякий раз, встречаясь с нею глазами, Шаол слышал непроизнесенные слова: «Я знаю. Я знаю».

Шаол не перебивал ее, не задавал вопросов. Он слушал, пока ее голос не убаюкал его. Он ведь тоже знал.

22

Утром Ирианой овладело стойкое нежелание идти во дворец, ибо то, что произошло вчера, на диванчике…

Она вернулась к себе в состоянии возбужденного неистовства. Все волевые приказы успокоиться оставались пустыми словами. Дрожащими руками она сняла платье и драгоценности Хасары и кое-как сумела уложить все это в мешок. Затем подперла дверь сундуком на случай, если тот демон-убийца видел, что она одурманена дымом, и решил захватить ее врасплох.

Что ж, это было бы несложно. Ириана напрочь потеряла рассудок. Она и сейчас чувствовала тепло Шаола, его запах и сильное тело, рядом с которым ей было спокойно и уютно. Она помнила шершавые, мозолистые пальцы, касавшиеся ее кожи. Ей хотелось, чтобы они касались не только ее руки, плеча и шеи. Ириана хотела ощущать их… везде. Она безотрывно смотрела на его рот, с трудом удерживаясь от жгучего желания потрогать его губы.

Ириана ненавидела дворцовые празднества. Одурманенные дымом люди переставали управлять собой, выходя далеко за рамки приличий. Неудивительно, что богачи и знать так любили «порезвиться под дымок», однако…

Она мерила шагами комнату, затем принялась оттирать с лица румяна, собственноручно наложенные Хасарой. Потом трижды вымыла лицо. Ириане было жарко. Она надела самую тонкую ночную сорочку и легла. Но сон не приходил. Ириана ворочалась с боку на бок. Ткань сорочки липла к вспотевшей, пылающей коже.

В этом состоянии можно было лишь тупо считать минуты до благословенного момента, когда сознание наконец вырвется из когтей дурмана.

А он не торопился уходить. Только глубокой ночью Ириана начала ощущать, что к ней возвращается власть над телом и разумом.

Вчерашний дурман оказался вдвое сильнее. Даже отступая, он порождал сладострастные видения. Перед мысленным взором Ирианы всплывало лицо Шаола. Она чувствовала его руки, бродящие по ее телу.

Наступивший оргазм оставил лишь ощущение пустоты и неудовлетворенности.

Ей все же удалось поспать несколько часов, но когда она

встала и посмотрелась в зеркало над умывальником, оттуда на нее глядело изможденное, осунувшееся лицо. И это отвратительное, грызущее и скребущее ощущение в животе.

Ириана умылась и еще раз проверила мешок. Заново, поаккуратнее, сложила платье Хасары, пересчитала драгоценности. Ей хотелось поскорее вернуть вещи принцессе. Нет, не с утра. Пусть пройдет немного времени. Ириана помнила вчерашнюю довольную улыбку Хасары. Куда до нее бастинским кошкам! Проглотила вранье, сообщенное Шаолом, и не поперхнулась.

Поначалу Ириана хотела утаить от него поручение Хасары. Но еще раньше, чем появились одурманивающие курильницы, раньше начавшегося безумия… Когда Шаол предложил посидеть с ним, избавив от необходимости отказать Кашану… Пожалуй, даже раньше, после их чудесной прогулки по городу она решила довериться ему. А потом напрочь потеряла рассудок.

Придя во дворец, Ириана торопилась поскорее добраться до покоев господина Эстфола. Она шла, сторонясь взглядов караульных, визирей и даже слуг. Возможно, кто-то видел их с Шаолом на диванчике. Остальные могли слышать. Подобные новости распространялись мгновенно.

Она никогда не вела себя так во дворце. Нужно было рассказать Хазифе. Скверно, если верховная правительница узнает о ее бесстыжем поведении из других уст.

Хазифа не стала бы ее отчитывать, однако… Ириана чувствовала потребность исповедаться. Хотя бы так исправить ее вчерашнее сумасбродство.

Сегодня она не затянет работу с ним. Точнее, постарается не затянуть, поскольку погружение во тьму его раны переносило ее в пространство, не имевшее времени.

Но целительница должна уметь работать где угодно. Даже в кромешном аду.

Толкнув дверь покоев, Ириана с порога заявила Кадже:

– Мне нужны имбирь, куркума и лимон.

Каджа пыталась возражать, но Ириана прошла мимо нее и толкнула дверь спальни Шаола.

Она остановилась как вкопанная, едва не споткнувшись.

Вначале она увидела скомканные простыни и мятые подушки. Затем голую грудь Шаола и бедра, едва прикрытые полоской белого шелка. Рядом с его головой покоилась черноволосая голова Несарины. Капитан Фелак спала, лежа лицом вниз. Видно, утомилась за ночь.

Глаза Шаола мгновенно открылись. Ириана тихо ойкнула, заметив в его взгляде ошеломленность и что-то еще. У него

открылся рот.

Несарина шевельнулась. Ее рубашка была под стать простыням, вся измята.

Шаол приподнялся на локтях, спешно натянув простыню.

Ириана молча вышла.

Она ждала на золотистом диване в гостиной. У нее дрожали колени. Чтобы успокоиться, она разглядывала утренний сад, где на стеблях, обвивавших колонны, начинали раскрываться яркие цветы.

Даже журчание фонтана не заглушило бормотаний проснувшийся Несарины. Затем послышались быстрые шаги босых ног. Несарина удалилась к себе, хлопнув дверью.

Не прошло и минуты, как заскрипели колеса и в гостиную въехал Шаол. Он был в рубашке и штанах. Всклокоченные волосы были наспех приглажены пятерней: своей или Несарины. Чувствовалось, они оба торопились.

Ириана сидела обхватив плечи. Гостиная вдруг показалась ей слишком просторной, а пространство между нею и Шаолом – чересчур открытым. Напрасно она не позавтракала. Напрасно не позаботилась о снадобье, снимающем головокружение. Странно, что живот еще не урчит от пустоты.

– Не ждал тебя так рано, – тихо сказал Шаол.

Ириана уловила в его голосе нотки вины.

– Ты говорил… я могу приходить хоть на рассвете, – столь же тихо ответила она.

Собственные слова показались ей упреком, и она быстро добавила:

– Мне надо было заранее предупредить.

– Нет. Я…

– Я могу зайти позже. – Она поднялась с дивана. – Вы спокойно позавтракаете.

Вдвоем. Без нее.

– Нет, – резко возразил Шаол, но к дивану не подъехал. – Не будем терять времени.

У нее не было сил глядеть ему в глаза. Как объяснишь происходящее в душе́?

– Ириана!

Имя прозвучало как приказ, но она даже не повернулась, а прошла к письменному столу и отгородилась от Шаола высокой резной спинкой стула. Стол придал ей столь нужную устойчивость. Ириана развязала мешок и принялась выкладывать его содержимое. Записи, которые были ей нужны. Склянки с маслами – сегодня они не требовались. Потом настал черед книг из библиотеки. Среди них была и «Песня Начала». Ириана

захватила и древние, бесценные свитки. Трудно было найти для них более безопасное место, чем дворцовые покои Шаола.

– Могу сделать настой, – не поворачиваясь к нему, сказала Ириана. – Для нее. Чтобы не было… неожиданностей.

Она не могла заставить себя произнести слово «ребенок». Ей вспомнилась пухленькая малышка. Ириана заметила, как Шаол улыбался чужому ребенку. Возможно, считал дитя радостью, подарком судьбы. Неудивительно, что когда-нибудь и ему захочется получить такой подарок.

– Я и для тебя могу составить настой. Его нужно пить каждый день.

Каждое слово она произносила с трудом, словно выталкивая изо рта.

– Она уже что-то принимает. Лет с четырнадцати.

Вероятно, с тех пор, как у нее начались месячные. Что ж, для женщины, живущей в городе, подобном Рафтхолу, это было благоразумно. Особенно если Несарина не собиралась отказывать себе в плотских наслаждениях.

– Хорошо, – только и ответила Ириана, продолжая выкладывать книги. – Предусмотрительно.

Шаол вплотную подъехал к столу с другой стороны:

– Ириана.

Она шумно выстраивала горку из книг.

– Прошу тебя…

Это заставило ее поднять глаза и встретиться с ним взглядом. Цветом его глаза сейчас напоминали о земле, согретой солнцем. Во взгляде она прочла два слова, еще не произнесенных вслух: «Прости меня». Ириана вскочила со стула, пересекла гостиную и распахнула двери в сад.

Шаолу было не за что просить прощения. Не за что.

У них с Несариной близкие отношения, а она…

Ириана стояла у садовых дверей, не оборачиваясь. Она слышала, как открылась и закрылась дверь спальни Несарины. Затем приоткрылась дверь гостиной. Несарина лишь заглянула туда, торопливо простилась с Шаолом и удалилась.

Ириана так и не нашла в себе сил обернуться и вежливой улыбкой приветствовать капитана Фелак. Сделала вид, что вообще не слышит их короткого разговора. Сиреневые цветы, раскрывающие лепестки навстречу утреннему солнцу, были гораздо интереснее.

Только вряд она их видела. В душе ее шло сражение с пустотой. Давно, очень давно она не чувствовала себя такой маленькой и… ничтожной.

«Ты почти наверняка станешь преемницей Хазифы, –

твердила она себе. – Верховной целительницей. У тебя нет ничего общего с этим человеком, а у него – с тобой. Иди выбранной дорогой. Помни Фенхару – свою родину. Помни тех, кто там сражается и кому нужна твоя помощь. Помни обо всем, что обещала сделать. Кем обещала стать».

Рука Ирианы скользнула в карман и сжала записку незнакомки.

«Миру нужно больше целителей».

– Ты подумала совсем не о том, – сказал Шаол.

Ириана ненадолго прикрыла глаза.

«Сражайся. Сражайся за свою никчемную, бесполезную, напрасную жизнь».

Она повернулась, заставив себя учтиво улыбнуться. Так она улыбалась ворчливым, вечно недовольным пациентам.

– Это вполне естественно. Признак здорового организма. Я рада, что у тебя… получается.

Судя по гневно вспыхнувшим глазам и плотно сжатым челюстям, у Шаола как раз не получилось.

«Миру нужно больше целителей. Миру нужно больше целителей. Миру нужно больше целителей…»

Закончить его исцеление, поставить на ноги, и она покинет Хазифу, покинет Торру с чистой совестью и высоко поднятой головой. Вернется на свою истерзанную, залитую кровью родину и выполнит обещание. Докажет, что достойна свободы, которую ей подарила незнакомка той ночью в Иннише.

– Ну что, начнем?

Сегодня она будет работать здесь. Сидеть на измятой постели, где еще оставался их запах…

Никакие приемы не помогали ей успокоить дыхание. Ириана не могла преодолеть тяжести в горле и противной дрожи в голосе.

Шаол внимательно смотрел на нее. Оценивал тон. Слова. Выражение лица.

Он все видел и слышал. И напряжение, и ее состояние, близкое к срыву.

«Я ничего не ждала, – хотела сказать Ириана. – Я… никто и ничто. Пожалуйста, не задавай вопросов. Не дави на меня. Очень тебя прошу».

Наверное, Шаол прочел и это, поскольку тихо сказал:

– Мы просто уснули вместе… без всяких отношений.

Ириана не стала говорить, что даже вид кровати свидетельствует об обратном.

– Мы долго говорили. Она рассказывала про утренние торжества. Я лишь помню, что заснул под ее рассказ. Потом,

наверное, и она уснула. И больше ничего не было.

Ириана старалась не замечать, как его слова прогнали тяжесть из ее груди. Как потом она судорожно глотала воздух, думая об услышанном.

Шаол почувствовал, что ей нужно успокоиться. Он хотел отъехать к дивану, но взгляд упал на стопку книг и свитки.

Он побледнел:

– Что это? Откуда взяла?

Ириана подошла к столу и осторожно развернула свиток, испещренный странными символами:

– Мне эти свитки отыскала Нуша – наша главная библиотекарша. В ту ночь, когда все случилось. Я просила ее найти мне что-нибудь о… тех силах, которые покалечили тебя. Потом началась суматоха, я про все забыла. Эти свитки находились рядом с эйлуэйскими книгами. Нуша принесла мне и их… на всякий случай. Наверное, им лет восемьсот, если не больше.

Она говорила торопливо, сбивчиво, радуясь, что нашлась другая тема, а не та, к которой неуклонно приближался Шаол.

– Я видела старинные письмена, но не такие. О них даже Нуша ничего не знает.

– Это не письмена, – хрипло возразил Шаол. – Это Знаки Вэрда.

Ириана поняла: Шаол лишь приоткрыл ей то, о чем не хотел или боялся рассказывать. Она провела по темному переплету «Книги Начала».

– В этой книге… говорится про какие-то Врата и Ключи. И о трех королях, владеющих Ключами.

Ей показалось, что Шаол перестал дышать.

– Ты читала? Покажи где.

Ириана быстро нашла рисунок с тремя фигурами перед Вратами из иного мира. Затем поднесла книгу Шаолу:

– Я мало что сумела понять. Книга написана на эйлуэйском, но диалект очень древний. А вот это…

Перелистав страницы, Ириана отыскала изображение молодого человека, распластанного на черном алтаре.

– Они… так и поступают с людьми?

Руки Шаола замерли возле колес кресла.

– Да, – ответил он, глядя на холодные, темные глаза жертвы.

Мир оказался куда опаснее и страшнее, чем думала Ириана. Она открыла рот, но Шаол предостерегающе посмотрел на нее. Его первоначальная оторопь прошла.

– Ириана, спрячь эту книгу. Спрячь их все. Немедленно.

У нее вновь заколотилось сердце. В руках и ногах появилась

слабость, но она послушно приблизилась к столу. Пока Шаол следил за дверями и окнами, Ириана запихивала книги под подушки мягких диванов и внутрь больших ваз, куда не наливали воду. Но свиток был слишком драгоценным и слишком древним, чтобы обращаться с ним так бесцеремонно. Спрятать его в распрямленном состоянии было бы проще, но мог пострадать пергамент и надписи.

Шаол заметил ее растерянность и беспомощность.

– Тебя не затруднит принести мне другую пару сапог? – непринужденно спросил он. – Они поудобнее этих.

Верно. Прекрасный тайник.

Ириана поспешила в спальню, где покосилась на взбитую постель и отругала себя за дурацкие мысли и не менее дурацкое поведение. Боги, что она нагородила?

Войдя в тесную гардеробную, Ириана сразу заметила вторую пару сапог и в один из них быстро запихнула свиток. Сапоги она положила в ящик комода и прикрыла стопкой полотенец.

Она вернулась в гостиную и теперь уже с наигранной растерянностью посмотрела на Шаола:

– Не нашла я второй пары. Везде посмотрела. Наверное, Каджа унесла их чистить.

– Плохо дело, – беспечно произнес Шаол, успевший снять и сапоги, и рубашку.

Сердце Ирианы продолжало колотиться, когда Шаол перебрался на золотистый диван, однако не лег, как обычно.

– Ты умеешь читать? – спросила она, становясь на колени и берясь за его босую ногу.

Она имела в виду Знаки Вэрда.

– Нет, – ответил Шаол, шевеля пальцами ноги. Ириана принялась осторожно вращать его лодыжку. – Но у меня есть знакомый чтец на случай, когда возникает такая необходимость.

Осторожные, завуалированные слова. Пусть подслушивающие зевают от скуки.

Ириана попеременно сгибала и вытягивала его ноги. Эти движения повторялись снова и снова. Шаол старательно двигал пальцами.

– Надо будет показать тебе библиотеку, – предложила она. – Может, какие-то названия тебя привлекут. Тогда попросишь своего чтеца.

– А у вас много столь же интересных книг?

Ириана опустила его левую ногу и взялась за правую:

– Можно спросить у Нуши. Она все знает.

– Когда ты закончишь и отдохнешь. А то мне давно не попадалось… увлекательных книг.

– Почту за честь сопровождать вас, господин Эстфол.

Официальное обращение заставило его поморщиться, но Ириана не видела гримасы. Она сосредоточенно трудилась над его правой ногой, повторяя те же движения. Потом она велела ему лечь на диван и взялась за бедра Шаола. Она придумала новое упражнение: чтобы он самостоятельно двигал бедрами, пока она растягивает и сгибает ему ногу.

– Ты упоминал только Эравана, – прошептала она через несколько минут.

Глаза Шаола сразу же вспыхнули, напоминая об опасности таких разговоров внутри дворца.

– А что тебе известно про Оркуса и Мантикса?

– Про кого?

– Про двух других королей, – шепотом ответила Ириана, переходя к его пояснице. – Их имена я вычитала в той книге.

Шаол прекратил шевелить пальцами. Ириана сама взялась за них, веля ему не лениться.

– Их разбили на первой войне, – сказал он, предварив слова намеренным шумным выдохом. – Может, прогнали обратно в их мир. Или убили. Не помню.

Ириана велела ему лечь на живот:

– Возможно, среди твоих спутников есть люди, более сведущие по этой части.

Шаол фыркнул:

– Может, найдутся и такие, кто знает точный ответ, а не «или-или».

Ириана пристроилась рядом, на краешке подушки. Чтобы видеть ее лицо, Шаолу пришлось вывернуть шею.

– Зачем это тебе? – спросил он, морщась от саднящей мышечной боли.

– Если их просто выгнали, кто поручится, что они не затаились и не ждут удобной возможности, чтобы вернуться в наш мир?

23

Вопрос Ирианы словно повис между ними в жарком воздухе гостиной. Шаол снова побледнел, хотя глаза его остались безучастными. Он вполголоса выругался.

– Ты не можешь вспомнить, как сложилась судьба тех двух королей?

– Нет. Я думал, что их уничтожили. Но при чем тут Южный континент?

– Мы можем поискать ответ и на этот вопрос, – сказала Ириана.

У Шаола дернулась жилка на подбородке.

– И поищем, – выдохнул он. – Но не сейчас.

Он молча протянул руку. «Опять требует кляп», – догадалась Ириана.

Гнев по поводу вчерашнего. Страх, порожденный ее вопросом о двух королях. В таком состоянии ее магия может дать совсем не те результаты.

– Откуда у тебя этот шрам на щеке? – спросила Ириана, пытаясь вывести Шаола из опасного состояния.

Она мигом поняла, что попала впросак. Его спина напряглась, пальцы впились в подушку, куда он упирался подбородком.

– Заслужил, – буркнул Шаол.

– Что случилось? – спросила Ириана, неудовлетворенная таким ответом.

Шаол вновь протянул руку за кожаным кляпом.

– Я не дам тебе кляп, – заявила она, спокойно выдерживая его негодующий взгляд. – И не стану заниматься магическим исцелением, пока ты охвачен гневом.

– Это еще не гнев. Когда он меня охватит, ты сразу поймешь.

– И все-таки я хочу знать, почему ты в таком состоянии? Что тебя выбило из колеи?

– Что выбило? Я едва шевелю пальцами ног. Вот такой я воин. А нам могут противостоять не один валгский король, а целых три. Если мы потерпим поражение, если не сможем…

Шаол вовремя спохватился и замолчал. Вероятно, замыслы были настолько секретными, что он боялся лишний раз подумать о них.

– Они уничтожат всех и всё на своем пути, – сказал он, глядя на боковую спинку дивана.

– Шрам на щеке – это от них?

Ириана сжала пальцы в кулак. Ей отчаянно хотелось дотронуться до шрама.

– Нет.

Она наклонилась и коснулась его виска. Там был еще один шрам – небольшой, едва прикрытый волосами.

– А этот откуда?

Его лицо стало жестким и каким-то отрешенным. Но бурлящий гнев, как ни странно, утих. Ириане показалось, что давняя боль если не вытеснила, то уравновесила недавнюю, приведя Шаола в более спокойное состояние.

– Этот – от отца, – тихо ответил Шаол. – Я тогда был почти подростком.

Ириану охватил ужас. Зато она получила ответ. И признание.

Она не стала расспрашивать об обстоятельствах.

– Когда я войду в ту рану… – При взгляде на белое пятно у нее дернулось горло. – Я попытаюсь снова тебя найти. Если чужеродная сила поджидает меня, мне понадобится иной способ пробиться к тебе.

Она задумалась:

– Возможно, понадобится иная стратегия атаки. Не засада, как в прошлый раз. Вскоре мы поймем, что к чему.

Ириана попыталась ободряюще улыбнуться, но чувствовала, что Шаол заметил ее участившееся дыхание.

– Будь осторожна, – только и сказал Шаол.

Ириана протянула ему кляп, поднеся к самым губам. Шаол открыл рот. Губы непроизвольно коснулись ее пальцев, пока она проталкивала кляп между зубами. Шаол вглядывался в ее лицо.

– Ты готов? – шепотом спросила она, сжимаясь от скорой встречи с тьмой.

В ответ Шаол стиснул ее пальцы. Ириана осторожно высвободила их. Рука Шаола упала на подушку. Он продолжал смотреть на нее. Вздохнув, Ириана опустила ладонь на белое пятно возле его затылка.

День, когда Шаол объявил отцу о намерении покинуть Аньель, выдался снежным. Шаол сказал, что отказывается от титула и права наследования ради службы в королевской гвардии.

Отец выволок его из замка-крепости и спустил с парадного крыльца.

Падая, Шаол ударился виском о серый камень и прокусил губу. Он скользил по обледенелой каменной площадке; причитания и мольбы матери отражались от стен крепости. Боли в голове он не чувствовал – только в ладонях, располосованных острыми, как бритва, льдинками. Такие же льдинки продрали ему штаны и вонзились в колени.

Отчаянные крики матери, молившей отца о снисхождении, перемежались с неумолчными завываниями ветра. Ветры дули здесь постоянно, даже летом. За́мок, больше похожий на крепость, стоял на вершине горы, у подножия которой плескалось Серебряное озеро.

Ветер атаковал Шаола со всех сторон, дергая за волосы, тогда еще длинные. Служба в гвардии приучила его стричь их коротко. С серых небес летели колючие снежинки. Они неслись дальше, вниз, в угрюмый город, раскинувшийся на берегу озера. Дальнейший путь снежинок лежал на запад, к мощным

водопадам. Точнее, к жалкому подобию, в которое они превратились после строительства дамбы. Дамба укротила их вместе с рекой, вытекающей из Белоклычьих гор, до чьих отрогов было рукой подать.

В Аньеле всегда было холодно. Даже летом. И в помещениях крепости тоже всегда царил холод.

– Жалкий щенок, – бросил ему отец и плюнул себе под ноги.

Караульные стояли с каменными лицами. Никто не осмеливался протянуть Шаолу руку и помочь встать.

Он встал сам. Голова кружилась. Кровь, вытекшая из губы и виска, начала замерзать.

– В Рафтхол добирайся как знаешь.

– Пощади его, – шептала мать. – Пожалуйста.

Отец схватил мать за руку повыше локтя и силой потащил в крепость. В безрадостные комнаты, где ни шпалеры, ни панели из крашеного дерева не могли ослабить холодного дыхания каменных стен. На бледном лице женщины застыла страдальческая гримаса. У них с сыном были одинаковые глаза. Шаолу запомнились серебристые, как озеро внизу, ободки вокруг ее зрачков.

Родители прошли через настежь открытую дверь. Сбоку мелькнула небольшая тень.

Террин.

Младший брат осмелился сделать шаг наружу. Мальчишка был готов спуститься по обледенелым ступенькам и помочь Шаолу.

Окрик, донесшийся из сумрака коридора, заставил Террина остановиться. Шаол вытер окровавленный рот и молча покачал головой.

Террин с нескрываемым ужасом смотрел, как Шаол встает на ноги. Знал ли он, что неожиданно стал отцовским наследником и в будущем его ждет должность управителя Аньеля?

Шаол не мог больше смотреть на круглое мальчишечье лицо Террина, охваченное недетским страхом. Он повернулся. Сделал шаг. Распухшее колено отозвалось болью. Из ладоней продолжала сочиться кровь, смешиваясь с водой от растаявших льдинок.

Хромая, он дотащился до края площадки, где его ожидал еще десяток ступеней.

Внизу один из караульных дал Шаолу серый шерстяной плащ, а также нож и кинжал.

Второй подвел ему оседланную лошадь.

Третий протянул заплечный мешок со съестными припасами, походным шатром для ночевки, бинтами и мазью.

Все делалось молча и быстро. Шаол не задержался ни на одно

лишнее мгновение.

Он не знал имен этих людей. Прошло несколько лет, прежде чем ему стали известны последствия тогдашних проводов. Оказалось, отец поднялся на одну из трех крепостных башен и оттуда наблюдал за его отъездом. Естественно, Эстфол-старший видел дерзнувших помочь Шаолу.

Он сам рассказал Шаолу, как обошелся с теми караульными. Нет, он не казнил их за помощь. Просто выгнал из крепости вместе с семьями, невзирая на зиму. Не в город. Им было велено убираться за пределы Аньеля. В Белоклычьи горы.

Из трех семей к лету уцелело только две.

Шаол тогда едва удержался, чтобы не убить отца на месте. Помогла мысль: это убийство ничего не изменит. Зато он получил доказательства. Наглядно убедился, как глубоко погрязло королевство во зле и жестокости, если отзывчивых людей наказывали за обычное проявление человечности. Как же прав он был, покинув Аньель. Его место – рядом с Дорином. Его цель – оберегать наследного принца во имя лучшего будущего для Адарлана.

Узнав об отцовской расправе над караульными, Шаол решил, пусть и запоздало, отблагодарить их. Выбрав наиболее сметливого гвардейца, умевшего не привлекать к себе внимания, вручил ему мешочек с золотом и отправил в Белоклычьи горы. Посланец вернулся через несколько месяцев. Золотые монеты он привез назад, поскольку отдать их было некому. Никаких следов тех семей он не нашел.

За выбор своего пути Шаол заплатил чужими жизнями. Когда понадобилось выбирать снова, его колебания привели к новой трагедии…

Тело на окровавленной постели… Кинжал, занесенный над его сердцем… Голова, катящаяся по красному мраморному полу… Меч, уходящий на дно Авери…

Телесная боль была слабым отзвуком боли душевной.

Острое сознание своей никчемности и бесполезности. Его попытки помочь кому-либо только усугубляли их трудности и страдания.

Тело на окровавленной постели… Принцесса Нехемия.

Ее убили. Возможно, она сознательно пожертвовала собой, однако… Он вовремя не предупредил Аэлину (тогда ее звали Селеной). Не предупредил личную охрану Нехемии о подозрительном внимании короля. Получалось, он убил ее, хотя и чужими руками. Успокоившись, Аэлина могла бы его простить, признать его непричастность к случившемуся, но он-то знал, что это не так. Самое страшное, когда не делаешь того, что мог бы

сделать.

Нехемию называли Светом Эйлуэ. Когда он погас, рабы подняли восстание. Король жестоко его подавил. Калакулла. Эндовьер. Убитые мужчины. Убитые женщины и дети.

Когда же Шаол решился действовать, когда наконец выбрал свой путь… Кровь, черный камень и зловещая магия.

«Ты знал… ты знал… ты знал…»

«Ты никогда не будешь моим другом… моим другом… моим другом…»

Тьма стремилась проникнуть к нему в горло. Подавить. Задушить.

Он впустил тьму в себя и даже широко открыл рот, чтобы ей было удобнее входить.

«Забирай», – мысленно сказал он тьме.

«И заберу, – с издевкой ответила она. – Обязательно заберу».

Тьма показала ему ужасы Мората, которые было не с чем сравнивать. Показала тюрьму под стеклянным замком, лица тех, кто безуспешно молил о милосердии, ибо милосердия в застенках не существовало. Он увидел молодые руки с кожей золотистого цвета, творящие эти ужасы, словно сам находился рядом.

Шаол знал. Догадывался, кто́ велел истязать его гвардейцев, а затем убить их. Они оба знали.

Он чувствовал разраставшуюся тьму, готовую нанести ему удар и заставить кричать от нестерпимой боли.

Потом тьма исчезла.

Под безоблачным синим небом колыхались золотистые волны полей. Кое-где их пересекали весело журчащие ручьи. Иногда попадались дубы. Они стояли, словно дозорные, посланные Задубелым лесом, чья зеленая дремучая стена простиралась справа от него.

Позади располагался домик с соломенной крышей. Камни стен покрывали зеленые и оранжевые лишайники. Неподалеку находился старинный колодец, на самой кромке сруба замерло ведро.

К дому примыкал загончик, где бродили толстенькие цыплята, внимательно разглядывая землю. А дальше… Сад. Не такой, как в богатых домах, с прямыми дорожками и подстриженными кустами. И тем не менее сад, огороженный невысокой каменной стеной. Деревянные створки ворот были распахнуты настежь.

Вероятно, сад служил хозяевам дома еще и огородом. Шаол заметил двоих, склонившихся над тщательно возделанными грядками. Он переместился ближе.

Ее он узнал по золотисто-каштановым волосам. На летнем

солнце они выглядели гораздо светлее. Кожа загорела, приобретя красивый шоколадный оттенок, а глаза…

Глаза ребенка. Все ее лицо светилось радостью. Она смотрела на женщину. Та сидела на корточках. Рука женщины касалась светло-зеленого растения с пурпурными шишечками, покачивающимися на теплом ветерке.

– А как называется эта трава?

– Сальвия, – ответила девочка.

На вид ей было не больше девяти.

– Правильно. Какие у нее свойства?

Девочка явно их знала. Гордо подняв голову, она начала перечислять:

– Сальвия улучшает память, повышает настроение и делает человека проворнее. Она помогает женщинам зачать ребенка, благотворно действует на пищеварение, а в составе мази снимает воспаление кожи.

– Умница.

Девочка улыбнулась во весь рот. На месте трех выпавших молочных зубов еще не успели вырасти новые.

Женщина – ее мать – притянула дочь к себе. Кожа у нее была смуглее, чем у девочки, волосы гуще и курчавее. Но их фигуры… Когда девочка вырастет, у нее будет такая же фигура, как у матери. От той ей достались веснушки, форма носа и губ.

– Я рада, что ты усердно учишься, дитя мое.

Она поцеловала дочь во вспотевший лоб.

Даже в своем призрачном состоянии он ощутил этот поцелуй, пронизанный любовью.

Весь здешний мир был полон любви и радости, окрашен ими.

Счастье.

Счастье, которого он не видел ни в родительском гнезде, ни в других местах.

Эту девочку любили. Крепко и безусловно.

Он попал в одно из ее счастливых воспоминаний. Их было не много.

– А как называется куст возле стены? – спросила женщина.

– Крыжовник? – вопросительно наморщила лоб девочка.

– Да. Чем он полезен?

Девочка уперлась руками в бока. Ветер теребил ее простое платьице.

– Он… – начала она и недовольно топнула ногой, сердясь на сплоховавшую память.

То же раздражение Шаол видел в Антике, когда она вышла из дома больного старика.

Мать подкралась к ней сзади, обняла и поцеловала в щеку:

– Он невероятно полезен в пирогах. И сегодня мы испечем пирог с крыжовником.

Девочка восторженно завопила. Эхо ее криков понеслось над янтарными травами и прозрачными ручьями, устремляясь в самое сердце древнего Задубелого леса.

Возможно, еще дальше – к Белоклычьим горам и холодному городу возле их отрогов.

Он открыл глаза. Его нога упиралась в диванную подушку.

Его нога чувствовала гладкость шелка и шершавость вышивки. Не только пальцы. Вся ступня.

В его ногу вернулись ощущения.

Шаол быстро сел. Ирианы рядом не было.

Он снова посмотрел на свои ступни. Подвигал одной, затем другой. Почувствовал мышцы.

Слова застряли в горле. Сердце колотилось.

– Ириана! – хрипло позвал он, вертя головой во все стороны.

В гостиной ее не было. Неужели ушла? Шаол посмотрел в сад. Она сидела там. Одна. Солнце играло на ее золотисто-каштановых волосах.

Забыв, что он полуодет, Шаол быстро перебрался в кресло. Его ноги впервые ощущали гладкое дерево подставки. Ему показалось, будто в коленях и выше чувствовалось какое-то покалывание.

Он торопливо въехал в небольшой квадратный сад, представляя, как выглядит сейчас его лицо с ошалело выпученными глазами. Ириана добилась нового успеха. Сделала еще шажок в исцелении его ног.

Она сидела на расписном стульчике возле круглого пруда, подперев голову кулаком. Шаолу показалось, что она устала от работы с ним и спит. Подъехав ближе, он заметил неестественный блеск ее щек. К счастью, не кровь. Слезы.

Она смотрела на пруд, почти сплошь закрытый изумрудными листьями и розовыми лилиями, а слезы текли: тихо, безостановочно.

Казалось, Ириана не видела собственных слез и не слышала подъехавшего Шаола.

– Ириана.

Очередная слезинка скатилась у нее по щеке, упала на сиреневое платье. Потом еще одна.

– Тебе было больно, – сказал Шаол под скрип колес по белому песку.

– Я забыла, – всхлипнула она, продолжая смотреть на пруд. – Забыла ее лицо. Запах. Голос ее забыла.

Шаолу сдавило грудь. Он подъехал вплотную к стулу Ирианы, но не осмелился дотронуться до ее руки.

– Целительницы приносят клятву: никогда не лишать жизни кого бы то ни было. Мама нарушила клятву в тот день, когда пришли солдаты. В кармане платья она прятала кинжал. Один из солдат вдруг схватил меня, и мама… прыгнула на него и убила.

Ириана закрыла глаза.

– Мама подарила мне время, чтобы убежать и скрыться. И я убежала. Я бросила ее. Я спряталась в лесу и оттуда смотрела… Солдаты привязали маму к дереву, сложили костер возле ее ног и подожгли. Ветер нес дым в сторону леса. Я глотала этот дым и слушала ее крики. Она кричала, кричала…

Ириана содрогнулась всем телом.

– Она никому не делала зла. Всем помогала. Очень меня любила… А они расправились с нею.

Человек, которому служил Шаол. Прежний король. Это он убил мать Ирианы и множество других, ни в чем не повинных людей.

– Куда ты отправилась после этого? – тихо спросил Шаол.

Она сумела унять дрожь. Потом вытерла лицо:

– На севере Фенхару жила мамина двоюродная сестра. Я двинулась туда. Добиралась две недели, но добралась.

В одиннадцать лет. Адарланские войска в то время стремительно завоевывали Фенхару. И эта девчонка сумела не попасться на глаза другим солдатам.

– У теткиной семьи была крестьянская усадьба. Я проработала у них шесть лет. Старалась ничем не выделяться. Как говорят, тише воды ниже травы. Иногда лечила травами, если знала, что потом на меня не донесут. Но такая жизнь меня не устраивала. Во мне как будто оставалась дыра. Пустота, которую требовалось заполнить.

– И тогда ты решила отправиться сюда?

– Решить-то решила, но я даже не представляла, как попаду в Антику. Я пересекла земли Фенхару. Прошла через Задубелый лес. Потом через горы.

Ириана понизила голос до шепота:

– Через полгода я добралась до Инниша – прибрежного городишки.

Шаол никогда не слышал о городе с таким названием. Если она шла через горы, должно быть, это где-то в Мелисанде.

Подумать только: она шла через горы. Женщина, не отличающаяся ни силой, ни ростом… Она проделала далекий путь, чтобы попасть сюда. Одна.

– Найти корабль, плывущий в Антику, не составляло труда,

но у меня не было денег. В Иннише я оказалась без гроша в кармане. Пришлось задержаться. Я устроилась на работу.

Шаол старательно избегал смотреть на ее шрам. Какую работу – тоже не спрашивал, боясь, что подтвердится его догадка.

– Большинство девушек торговали собой. Другой работы не было. Инниш… там все не так, как здесь. Но мне повезло. Меня взял на работу хозяин постоялого двора. Место было подходящее – возле гавани. Сказал, что буду работать подавальщицей и грязь убирать. Словом… я осталась. Думала, проработаю месяц и уплыву, а задержалась на целый год. Хозяин оказался настоящим сквалыгой. Забирал у меня чаевые и вдобавок все время повышал плату за жилье. А жилье-то – каморка под лестницей! Я могла бы уплыть и раньше, но была еще одна причина, задержавшая меня в Иннише. Я не знала, что в Торре учат бесплатно, и копила деньги на оплату учебы. Это и задержало меня на несколько месяцев.

Шаол смотрел на ее руки, сцепленные на коленях. Он представил эти руки, моющие посуду и полы. Распухшие, саднящие. Представил грязный постоялый двор и постояльцев, похотливо облизывающихся на Ириану.

– И когда тебе удалось скопить денег, ты поплыла сюда?

Ириана сжала губы. Слезы перестали капать.

– Не совсем так. Вообще, это долгая история.

– Мне некуда торопиться. Охотно послушаю.

Она покачала головой и только сейчас посмотрела на него. Казалось, Ириана разгадала загадку, долго мучившую ее.

– Теперь я знаю, кто нанес тебе эту рану, – сказала она.

Шаол замер. «Да, Ириана, – подумал он. – Это сделал человек, погубивший твою любимую мать и вынудивший тебя спасаться бегством».

Вслух он не сказал ничего. Только кивнул.

– Прежний король, – прошептала Ириана, вновь поворачиваясь к пруду. – Он тоже… был одержим?

Шепот был едва слышен даже Шаолу.

– Да, – ответил Шаол. – Долгие годы. Прости, что я не рассказал тебе раньше. Мы считали эти сведения… слишком опасными.

– Ты боялся, что они могут повредить репутации нового короля?

– И это тоже. Могут возникнуть вопросы, которые лучше не задавать.

– Неудивительно, что мою магию отталкивает, – выдохнула Ириана, меняясь в лице.

– Прости, если я вновь доставил тебе хлопот.

Шаол понимал всю бесполезность любых слов.

Но в глазах Ирианы появилась знакомая ему решимость.

– Тем больше у меня оснований сражаться с той силой. Я хочу полностью убрать все, что он в тебе оставил. Навсегда. Сегодня та сила поджидала меня. Снова смеялась надо мной. Мне удалось пробиться к тебе, но потом тебя окружила плотная стена тьмы. Она создала… кокон. Я видела все, что она тебе показывала. Твои воспоминания и его… И тогда я поняла, откуда у тебя эта рана и кто ее нанес. Я увидела ее разрушительное воздействие на тебя. Все мои мысли были заняты тем, как остановить, оттолкнуть ее…

Ириана сжала губы, словно боялась, что они опять задрожат.

– И ты атаковала тьму крупицей добра, – договорил за нее Шаол. – Воспоминанием, полным света и любви.

Он не мог подыскать слов, чтобы отблагодарить Ириану. Он представлял, каково ей отдавать память о матери силе демона, уничтожившего эту женщину.

Наверное, она прочитала его мысли:

– Я рада, что память о маме смогла еще немного оттеснить темноту.

Шаол сглотнул.

– Я видела твои воспоминания, – тихо сказала Ириана. – Твоего отца.

– Мерзавец высшей пробы.

– Ты ни в чем не виноват.

Шаол удержался от возражений.

– Тебе повезло, что ты не ударился головой и не повредил череп, – сказала она, рассматривая шрам на виске.

Шрам был едва заметен, особенно под волосами.

– Умри я тогда, отец бы обрадовался.

– Ты заслуживал лучшего.

Эти слова затронули уголок его души, где до сих пор таилась боль. Шаол очень давно туда не заглядывал.

– Спасибо, – выдохнул он.

Несколько минут они сидели молча, слушая журчание фонтана.

– Который час? – вдруг спохватился Шаол.

– Три пробило.

Шаол заерзал в кресле. Ириана только сейчас заметила, что у него движутся ступни ног. Она изумленно открыла рот:

– Твое сегодняшнее достижение.

Ириана улыбнулась. Сдержанно, но… улыбка была искренней, ничем не напоминавшей ту фальшивую утреннюю улыбку. Шаол вспомнил, как Ириана влетела к нему в спальню, увидела его лежащим рядом с Несариной и… Шаолу казалось, что он сейчас провалится вместе с кроватью. Ириана сжалась,

словно ей влепили пощечину. И потом, когда она сидела, плотно обхватив плечи и отказываясь смотреть на него…

Как он жалел, что не может сейчас опуститься перед ней на колени. Или подползти к ней. Он не знал, почему его охватило чувство полнейшей никчемности. Почему он едва отважился взглянуть на Несарину. Его спутница слишком наблюдательна, чтобы не понять. Минувшей ночью между ними возникла негласная договоренность – не трогать опасную тему. Одно это…

– Чувствуешь мое надавливание? – спросила Ириана, упираясь большим пальцем в его босую ногу.

– Да, – ответил Шаол и пошевелил пальцами.

– Какое оно по ощущениям: сильное или мягкое?

– Сильное.

– А сейчас? – спросила она, ослабляя нажим.

– Мягкое.

Ириана проверила и вторую его ногу, дотронувшись до каждого пальца.

– Я думаю, мне удалось переместить враждебную силу к середине позвоночника. Отметина внешне не изменилась, но ощущается. Словами не объяснить.

– И не надо.

Радость, искренняя радость ее воспоминания отвоевала для него эту подвижность ступней, вернула им чувствительность. Сражаясь с враждебной силой, Ириана бросила в бой самые важные, самые драгоценные свои резервы.

– Я умираю с голоду, – признался Шаол, касаясь ее локтя. – Давай поедим?

К его удивлению, Ириана согласилась.

24

Несарина знала: вчера Шаол хотел поговорить с ней не столько ради интереса к торжествам, сколько из-за чувства вины.

«Ничего, переживу и это», – твердила она себе. В жизни Шаола она была заменой не одной, а двум женщинам. Появилась третья… «Я справлюсь», – убеждала она себя, возвращаясь во дворец после разведки на улицах Антики. Никаких признаков присутствия валгов в городе она не обнаружила.

Несарина прошла через дворцовые ворота и остановилась во дворе. Возвращаться в их покои и пережидать изматывающую послеполуденную жару? Что-то внутри Несарины противилось, как она себя ни уговаривала.

Подняв голову к небу, она заметила на крыше могучую

фигуру Кадары и хмуро улыбнулась.

Как и в прошлый раз, в гнездо рукки она входила, шумно дыша ртом. К счастью, это видела только Кадара.

Громадная птица приветственно щелкнула клювом и вернулась к своей трапезе – внушительному куску говядины с торчащими ребрами.

– Я узнал, что ты поднимаешься сюда, – донесся с лестницы голос Сартака.

– Как? – удивилась Несарина.

Принц многозначительно улыбнулся и, преодолев несколько последних ступенек, вошел в гнездо.

Кадара возбужденно распушила перья, затем торопливо вонзила клюв в мясо. Чувствовалось, ей хочется поскорее подняться в небеса.

– Дворец кишит шпионами. Часть из них – мои. Тебе что-то нужно?

Сартак вглядывался в ее лицо. Вчера тетка и дядя называли ее лицо усталым, осунувшимся и несчастным. Решив, что причина в недоедании, они заставили Несарину наесться до отвала. Но на этом хлопоты родни не кончились. Вместе с двоюродными братьями и сестрами ее отправили в гавань за свежей рыбой к вечерней трапезе, которую тут же начали готовить. Никакие отговорки не помогли. Несарине пришлось приняться и за рыбу, отчего на придворном пиру она лишь делала вид, что ест. «Ты и сейчас какая-то смурная, – кудахтала Захида. – И глаза несчастные».

– Я… – Несарина смотрела на город, плавающий в предвечернем мареве, и придумывала объяснение. – Мне хотелось побыть в тишине.

– Тогда не стану нарушать твоего уединения, – сказал Сартак, поворачиваясь к лестнице.

– Нет, – торопливо возразила Несарина, потянувшись к нему.

Ее рука замерла и опустилась совсем рядом с его кожаным камзолом. Кто она такая, чтобы дотрагиваться до принца? Это же неслыханная дерзость, если не оскорбление.

– Я не… Вам совсем незачем уходить. Я не против вашего общества… ваше высочество, – поспешила добавить она.

– Поздновато ты вспомнила про мой смешной титул, – усмехнулся Сартак.

Несарина умоляюще смотрела на него. Ей действительно не хотелось, чтобы принц уходил.

Ей вспомнился их вчерашний разговор во время торжества. Вспомнилось, как несколько дней назад они говорили возле стен Торры… Ни тогда, ни вчера принц не казался ей холодным или

отстраненным. И она рядом с ним не ощущала робости и скованности. Вчера Сартак был к ней очень внимателен и даже удостоил ее и Шаола чести, проводив до покоев. Несарина совсем не возражала против его присутствия. Пусть иногда ей хотелось тишины и уединения, но уединение граничило с одиночеством, которое она совсем не любила. Просто иногда…

– Вчера я почти весь день провела с родственниками. Они бывают… утомительными. Требовательными.

– Мне это знакомо, – сухо ответил принц.

– Еще бы, – слегка улыбнулась Несарина.

– И все же ты любишь свою родню.

– А разве вы своих не любите? – спросила она, удивляясь, как смеет задавать столь дерзкие вопросы.

Сартак пожал плечами:

– Моя родня – это Кадара. Руккины. Что касается кровных родственников… Трудно любить тех, с кем в один прекрасный день придется сойтись в смертельной схватке за власть. Любовь не может существовать без доверия.

Он улыбнулся своей рукке:

– Кадаре я доверяю безоговорочно. Я готов отдать за нее жизнь, а она – за меня. Но могу ли я то же самое сказать о братьях и сестрах? О родителях?

– Грех так говорить, – вырвалось у Несарины.

– Зато это правда. У меня хотя бы есть Кадара. Руккины. Могу лишь пожалеть своих братьев и сестер. Они лишены такого счастья.

«Он – хороший человек, – подумала Несарина. – Этот принц… хороший человек».

Она подошла к арке, не имевшей ограждений. В двух шагах крыша обрывалась и начиналось воздушное пространство. Несарина только сейчас по-настоящему ощутила высоту минарета.

– Вскоре я улечу отсюда. В горы, к руккинам, – тихо сказал Сартак. – Буду искать сведения обо всем, о чем мы с тобой говорили тогда, возле Торры.

Несарина обернулась через плечо. Нужные слова исчезли. И смелость куда-то подевалась.

В лице принца ничего не изменилось, когда он добавил:

– Твоя родня наверняка обезглавила бы меня за такое предложение, но… хочешь полететь вместе со мною?

«Да!» – готова была выкрикнуть Несарина. Но вместо этого спросила:

– Надолго?

Время играло против нее. Против них с Шаолом. Гоняться за

ответами, когда в столице полным-полно опасностей…

– На несколько недель. Не более трех. Я стараюсь держать моих воздушных воинов в должном напряжении. Если я надолго отлучаюсь, они расхолаживаются. Так что путешествие послужит двум целям.

– Мне… нужно это обговорить с господином Эстфолом.

Минувшей ночью она пообещала Шаолу: они будут и дальше действовать сообща. Обдумывать стратегию действий, взвешивать преимущества и недостатки своей стратегии, предусматривать возможные ловушки. Они по-прежнему служили общему делу и стояли под одним знаменем.

Сартак понимающе кивнул, словно уже прочитал ответ у нее на лице:

– Конечно. Но я лечу уже совсем скоро.

Несарина услышала шаги и учащенное дыхание слуг, поднимавшихся в гнездо. Они несли мешки со съестными припасами и все необходимое для путешествия.

– Прямо сейчас?

Несарина поняла это по копью, прислоненному к дальней стене, там, где торчали крюки для поклажи. Его *сульде*. Под лезвием трепетала на ветру красно-коричневая прядь конских волос. Темное древко копья было гладким и блестящим, как зеркало.

Черные глаза Сартака стали еще темнее, когда он взял копье (сульде означало «знамя духа»), и древко с глухим стуком уперлось в каменный пол.

– Я… я…

Несарина впервые видела, как принц подыскивает слова.

– Вы собирались улететь, не простившись?

Она не имела права задавать такие вопросы и чего-то ждать. Даже если видела в Сартаке возможного союзника.

Сартак вновь прислонил сульде к стене и взялся за свои черные волосы, закрепляя их сзади, чтобы не мешали в полете.

– После вчерашнего торжества мне подумалось, что ты… будешь занята.

С Шаолом.

– Весь день? – спросила она, недовольно вскинув брови.

Принц проказливо улыбнулся. Окончательно закрепив свою длинную косу, он опять потянулся к копью:

– Мне бы потребовался весь день.

Хвала богам: появление слуг уберегло Несарину от ответа. Краснолицые, тяжело дышащие, они принесли несколько тюков с оружием, пищей и покрывалами.

– Сколько туда лететь?

– Сегодня до вечера, пока совсем не стемнеет, – ответил Сартак, передавая слуге сульде. – Весь завтрашний день и половину послезавтрашнего. К тому времени мы достигнем первых гнезд в Таванских горах.

Кадара терпеливо позволяла навьючивать себя тюками.

– Ночью вы не летаете?

– Кадара не устает, а я устаю. Эта ошибка стоила жизни многим глупым всадникам. Когда летишь в темноте, сон подкрадывается незаметно. Разжал руки и… кувырком с небес.

– Когда вылетаете? – спросила Несарина, покусывая губу.

– Через час.

Час на раздумье…

Утром она не сказала Шаолу про пальцы ног. Она видела, как он шевелил ими во сне. Наверное, продолжал упражняться. Несарина беззвучно заплакала от радости. Слезы капали на подушку. А когда он проснулся…

Помнится, в Рафтхоле он пообещал ей приключения. В тот раз она тоже плакала. Наверное, тогда они не представляли, какой путь их ожидает. Не думали о том, что дороги их разойдутся.

Один путь ей виделся достаточно ясно.

Хранить честь и верность, когда и ее и его это угнетает. А ей совсем не хотелось быть утешительной наградой, предметом жалости или способом отвлечься.

Но появилась развилка, и возник другой путь. Он пролегал через луга и леса, реки и горы… Путь под равномерные взмахи крыльев рукки. Возможно, на этом пути ее ждут столь необходимые сведения, способные переломить ход войны. А возможно, это ей только кажется и она напрасно потеряет время.

Внутренний голос подсказывал Несарине: она должна лететь. Ради себя. Ради Шаола, как бы странно это ни звучало.

Возможно, она и темноглазый принц действительно найдут способ противостоять Мората. При удачном стечении обстоятельств она приведет с собой армию.

Сартак с подчеркнутым бесстрастием следил за нею. Последние слуги поклонились и исчезли. Его сульде находилось под седлом, так, чтобы в случае необходимости до копья можно было быстро дотянуться. Конские волосы трепетали на ветру, отклоняясь к югу.

Туда, где далеко отсюда высились Таванские горы, окруженные безлюдными пространствами. Как и всякое знамя духа, сульде звало к неведомому горизонту и к тому, что там ожидало.

– Да, – тихо произнесла Несарина.

Принц повернулся к ней.

– Я полечу с вами.

Легкая улыбка тронула его губы.

– Хорошо. – Сартак кивнул в сторону лестницы. – Бери самое необходимое. Кадару и так нагрузили почти до предела.

Заметив среди поклажи лук и большой колчан со стрелами, Несарина покачала головой:

– Мне нечего брать с собой.

– Но ты ведь захочешь попрощаться, – сказал он, не особо удивленный ее словами.

– Незачем.

Глаза Сартака вопросительно блеснули.

– Незачем тратить время. Подъем сюда – занятие не из легких. Я оставлю записку.

Принц не возражал.

– Нужную одежду я раздобуду для тебя, когда прилетим. Видишь шкаф у дальней стены? Там есть пергамент и чернила. Записку положи в ящик у выхода на лестницу. Вечером сюда поднимется кто-то из посыльных и заберет ее.

У Несарины слегка дрожали руки. Не от страха. От ощущения свободы.

Она написала две записки. Первую – дяде с теткой: слова любви, благодарности, предостережений и благих пожеланий. Вторая была краткой и по существу.

Улетаю с Сартаком к руккинам. Пробуду там недели три.

Не беру с тебя никаких обещаний и сама ничего обещать не буду.

Обе записки она положила в ящик, содержимое которого постоянно проверялось на предмет посланий с Небес. Затем переоделась в кожаные доспехи, в которых летала прошлый раз.

Сартак уже сидел верхом на Кадаре. Принц протянул Несарине мозолистую руку, помогая забраться в седло. Она без колебаний протянула свою. Сильные пальцы обхватили ее запястье, и через мгновение Несарина уже сидела в седле, впереди Сартака.

Он несколько раз проверил свои и ее крепления. Кадара уже порывалась вспорхнуть с минарета. Принц натянул поводья и придержал рукку.

– Я молился Вечным Небесам и тридцати шести богам, чтобы ты сказала «да», – шепнул он Несарине.

Она улыбнулась, хотя принц и не видел ее улыбки.

– Я тоже, – прошептала Несарина, и они взмыли вверх.

Перекусив, Ириана и Шаол поспешили в библиотеку Торры. Шаол довольно легко уселся на лошадь. Шен одобрительно похлопал его по спине. На этот раз Шаол не ограничился угрюмым кивком, а улыбнулся караульному. Что-то внутри Ирианы обрадовалось такой перемене в его поведении.

Ехали молча. Молча миновали белые стены. В воздухе густо пахло лавандой и лимоном. Громада Торры всегда благотворно действовала на Ириану. Башня успокаивала, вселяла уверенность. Так повелось с самого первого дня, когда корабль еще только подходил к Антике. С моря Торра была похожа на большую руку, тянущуюся к небу. Тогда Ириане показалось, что башня приветствует ее: «Добро пожаловать, доченька. Мы давно тебя ждем».

Библиотека Торры занимала первый этаж. Несколько читальных залов располагались под землей, а дальше, этаж за этажом, вниз уходили книгохранилища. К счастью, лестницы, помимо ступеней, имели пандусы, чтобы библиотекаршам было удобно катить тележки с книгами. Большинство женщин, работавших в библиотеке, имели поистине ангельское терпение, поскольку безропотно подбирали и возвращали на места книги, оставленные на столах беспечными юными ученицами.

Однако в нескольких местах были только лестницы. Там Ириана, стиснув зубы, тащила кресло Шаола. Он внимательно следил за ее усилиями, и когда она поинтересовалась, почему он глазеет, Шаол ответил, что она впервые прикоснулась к его креслу.

Пожалуй, так оно и было. Но Ириана предупредила: пусть не привыкает. По ярко освещенным коридорам Торры Шаол катил свое кресло сам.

Навстречу попалось несколько девчонок, которых он обучал азам самозащиты. Они окружили Шаола. Он улыбнулся им – не сказать чтобы слишком галантно – и поехал дальше. Настроение у бывшего адарланского капитана было на удивление хорошим.

Ириана отнесла это за счет сегодняшнего успеха. Одна нога начиная от лодыжки и ниже полностью восстановила чувствительность и подвижность. Пока ждали заказанную еду, Ириана заставила его проделать еще несколько упражнений. Уложив Шаола на ковер, она растирала ожившую ногу, сгибала в колене и поворачивала вправо и влево. Все упражнения были направлены на усиление кровотока и дальнейшее пробуждение обеих ног.

Вспоминая об этом, Ириана улыбалась, пока они не

очутились возле стола Нуши. Главная библиотекарша засовывала книги в объемистый мешок, собираясь уходить.

Взглянув на колокольчик, который совсем недавно звонил, возвещая тревогу, Ириана даже не побледнела. Возможно, поскольку сегодня она была не одна. Шаол захватил с собой меч и кинжал. Ириану заворожило, с какой легкостью и проворством он прицеплял оружие к поясу. Пальцы двигались сами, повинуясь мышечной памяти. Она представила, сколько раз он по утрам надевал оружейный пояс, а вечерами снимал.

Они поздоровались с Нушей. Библиотекарша покосилась на Шаола. Он тоже смерил взглядом эту суровую женщину.

– Мы хотели бы взглянуть на то место, где ты нашла эйлуэйские книги и свитки, – сказала Ириана.

Нуша нахмурила белесые брови.

– Это чревато бедой? – спросила она, поглядывая на меч.

Шаол держал меч на коленях, чтобы ножны не ударяли по креслу.

– Я постараюсь, чтобы все было тихо, – пообещала Ириана.

Как и тогда, в очаге пылал огонь. В кресле дремала белоснежная бастинская кошка. Ее хвост свешивался с сиденья и покачивался, словно маятник. Она наверняка слушала каждое слово, чтобы потом сообщить четвероногим сестрам.

Нуша резко вздохнула (Ириана это видела сотни раз), затем махнула рукой в сторону главного коридора. Подозвав ближайшую библиотекаршу, она бросила той несколько фраз на халхийском. Женщина послушно уселась на место Нуши. И они отправились в долгий путь вниз.

Когда проходили мимо кресла, белая кошка приоткрыла зеленый глаз. Ириана учтиво ей поклонилась. Получив ожидаемые почести, кошка погрузилась в дрему.

Шаол с интересом вертел головой по сторонам, рассматривая цветные фонари, теплые каменные стены и нескончаемые стеллажи.

– Ваша библиотека вполне могла бы соперничать с королевской библиотекой в Рафтхоле, – заметил он.

– Она такая обширная?

– Да. Но ваша, наверное, еще обширнее. И наверняка древнее.

В его глазах мелькали тени. Осколки воспоминаний. Ириана подумала, что в следующий раз его память, возможно, покажет ей ту библиотеку.

Но сегодняшнее столкновение с чужеродной силой… Воспоминания Шаола. Воспоминания из ее детства… Весь ее мир оказался взбаламучен. Но соленые слезы очистили ее. Наверное, ей давно надо было выплакаться.

Главный пандус был устроен на манер винтовой лестницы. Они проходили этаж за этажом. Мимо библиотекарш, расставлявших книги по полкам. Мимо учениц, сидящих за столами поодиночке и стайками. В помещениях, где уже не было окон и не требовались двери, целительницы что-то искали в старинных книгах, от которых пахло плесенью. Иногда на верхних полках сверкали зеленые глаза разлегшейся бастинской кошки. Кое-где эти загадочные звери исчезали в темноте или, наоборот, сидели на перекрестках коридоров и словно чего-то ждали.

А Нуша спускалась все ниже.

– Как ты сумела узнать, где находятся эти книги? – спросила Ириана, шедшая следом.

– У нас хорошие каталоги, – только и ответила главная библиотекарша.

Шаол выразительно посмотрел на Ириану. «В Рафтхольской библиотеке тоже полным-полно помешанных на дотошности», – говорил его взгляд.

Ириана закусила губу, чтобы не улыбнуться. Чутье у Нуши было не хуже, чем у бастинских кошек. Шутки она понимала плохо, но вполне могла рассердиться и повернуть назад.

Наконец они достигли темного коридора, где резко пахло камнем и пылью.

– Вторая полка снизу. Только ничего не испортите, – заявила на прощание Нуша и ушла.

Шаол удивленно посмотрел ей вслед. Ириана сдерживалась, чтобы не прыснуть со смеху.

Но, добравшись до нужной полки, они забыли про чудаковатую Нушу. Здесь были собраны книги на эйлуэйском языке. Между книгами и под пыльными томами торчали свитки. Шаол тихо присвистнул.

– Каков возраст Торры? – спросил он.

– Полторы тысячи лет.

Он замер:

– И библиотека существует с самых первых дней?

Ириана кивнула.

– Они создавались одновременно. Торра была подарком какой-то древней королевы целительнице, спасшей жизнь ее ребенка. Невдалеке от дворца выбрали место, где целительница могла бы жить, работать и обучать других. Королева оказалась мудрой и прозорливой. Она понимала необходимость передавать опыт.

– Получается, ваша башня гораздо старше хаганата.

– Хаганы были последними в длинной цепи завоевателей. И после той королевы – самыми благожелательными. Ее дворец не

уцелел, а Торра сохранилась. Нынешний дворец построен на развалинах замка королевы. Точнее, на месте, где когда-то были развалины. Завоеватели, явившиеся сюда перед созданием хаганата, сровняли с землей даже развалины.

Шаол вполголоса выругался, длинно и заковыристо.

– Надобность в целительницах существовала всегда, – продолжала Ириана, оглядывая содержимое полок. – Они требовались и тем, кто правил Антикой, и тем, кто вторгался в город. Торговцы, ремесленники, солдаты, чиновники не имели такой ценности. Но башня, полная женщин, умеющих спасти от смерти, даже когда твоя жизнь висит на волоске…

– Намного ценнее золота.

– Отсюда вопрос: почему же прежний адарланский король, – она чуть не сказала «твой король», но что-то ее удержало, – с такой жестокостью уничтожал целителей по всей Эрилее?

«Почему демон внутри его ощущал такую потребность?» – мысленно добавила она.

Шаол не решался смотреть ей в глаза, и не стыд был тому причиной. Он знал что-то еще.

– Что? – не удержалась Ириана.

Шаол обвел взглядом тускло освещенные полки, затем прислушался – нет ли кого поблизости.

– Король в самом деле был… одержим. Подвергся вторжению демона.

И с остатками этой силы Ириана сражалась внутри раны Шаола. С одной стороны, потрясение. С другой – боевой клич, собирающий ее магию в единый кулак. Прежний туман частично рассеялся. Отступила завеса страха. А когда она атаковала тьму, ей открылись пласты, лежащие ниже ее ослепляющего гнева и пронзительной печали. Но адарланским королем все это время управляла чужая воля.

Шаол взял с полки книгу и стал листать. Он не пытался читать. Ириана была уверена, что он вообще не знает эйлуэйского языка. Все это делалось для маскировки.

– Он знал, что́ с ним происходит, – продолжал Шаол, имея в виду прежнего короля. – Знал ту породу. – («Валгов», – догадалась Ириана.) – Их притягивали люди с дарованиями. – («Магическими», – пояснила себе она.) – Он знал, что та порода хочет завоевать одаренных и подчинить себе их силу.

Вселить в них демонического правителя, как в самого короля. Это с ужасающей наглядностью было показано на рисунках в «Книге Начала».

У Ирианы свело живот.

– И потому человек в нем долгое время сопротивлялся их

власти. Он распорядился извести всех магов. Предпочел их казнить, чтобы одержатели не обратили силу магов против него. Против нас.

Иными словами, чтобы демоны не сделали магов послушным живым оружием.

Ириана прислонилась к стеллажу. Ей стало тяжело дышать. Жилка на шее билась в такт с ее сердцем.

– Ему был ненавистен собственный выбор, но он принял решение и последовательно выполнял. И зорко следил, чтобы враги не воспользовались магией сами и не нашли тех, кто ею владеет. По его приказу составлялись списки таких людей. За ними велась охота. Выдача их вознаграждалась, и желающих продать своих соседей или односельчан за звонкую монету, как ни печально, тоже хватало.

Значит, исчезновение магии на Эрилее не было вызвано естественными причинами.

– Он нашел способ… подавить магию?

Шаол резко кивнул:

– Долгая история, но ему это удалось. Вражеские силы не получили послушных рабов, на которых рассчитывали. Охота за магами не прекращалась до последних дней его правления. И теперь их осталась, наверное, жалкая горстка.

Что же получалось? Король Адарлана подавил магию, уничтожил тех, кто владел магическими силами. Солдаты по его приказу расправлялись с такими, как ее мать, и причиной была не слепая ненависть и невежество, а стремление спасти остальных людей хотя бы таким извращенным способом?

Сердце Ирианы оглушительно билось.

– Но зачем убивать целителей? Наша сила не годится для войны. Ты и сам видел. Мы не умеем разрушать.

Шаол понял ее вопрос, касавшийся не столько деяний прежнего короля, сколько недавней атаки на библиотеку Торры.

– Наверное, ты обладаешь чем-то таким, что им нужно позарез.

У Ирианы волосы стали дыбом.

– Или целью нападения было помешать тебе найти какие-то знания.

Она чувствовала, как бледнеет.

– Знания, как справиться с твоей раной?

Шаол кивнул.

Ириана судорожно выдохнула и подошла к стеллажу, где громоздились свитки.

– Я не допущу, чтобы тебе причинили зло, – сказал он, сжимая ее пальцы.

Чувствовалось, он ждал ее возражений, но Ириана ему поверила.

– А то, что я показывала тебе утром? – спросила она, кивая сторону свитков.

Шаол называл эти письмена Знаками Вэрда.

– Часть той же силы. Более древней. Силы иной природы, не связанной с магией.

И у него был друг, способный читать эти знаки и управлять ими.

– Мы здесь не задержимся, – сказала она, сознавая, что разговор могут подслушивать. – Трактат по исцелению грибка ногтей должен быть где-то здесь. Найти бы его поскорее – и назад, а то у меня в животе урчит от голода.

Шаол недоуменно посмотрел на нее. Ириана улыбнулась, извиняясь за этот спектакль. Шаол понял. Глаза его смеялись, а руки снимали с полок старинные книги.

Когда Кадара опустилась на плоскую вершину одной из невысоких серых гор, лицо и уши Несарины окоченели от холода. Руки и ноги были не в лучшем состоянии и саднили. Принц помог ей выбраться из седла. Несарина поморщилась от боли в затекших мышцах рук.

– Я забыл, что ты не привыкла к долгим перелетам, – сказал он, досадливо кривя губы.

Но настоящим мучением для Несарины был переполненный мочевой пузырь.

Переминаясь с ноги на ногу, она осматривала место привала, выбранное руккой для своего хозяина. С трех сторон его защищали валуны и серые скалы. Каменный навес преграждал путь дождю. И ни одного уголка, чтобы уединиться. А спрашивать принца, где можно справить малую нужду…

Сартак догадался о ее мыслях и указал на самую высокую кучу валунов:

– Если надо облегчиться, иди туда.

Густо покраснев, Несарина кивнула, не смея поднять на него глаза, и поспешила к валунам. За узким проходом между ними была совсем небольшая площадка, обрывавшаяся вниз. Туда, где торчали острые зубья скал и текли ручьи. Выбрав валун, за которым не дуло, Несарина принялась расстегивать пряжку пояса.

Мочевой пузырь успокоился, а вот руки, ноги и спину продолжало ломить. К возвращению Несарины Сартак успел освободить Кадару от бóльшей части поклажи. Оставалось снять седло. Несарина решила ему помочь. Рукка внимательно наблюдала за нею, особенно когда она потянулась к первой

пряжке.

– Седло не снимай, – спокойно распорядился Сартак.

Тюки он перенес под естественный навес. Там же оказалось и его сульде, прислоненное к каменной стене.

– Седла мы оставляем на все время путешествия.

– Зачем? – удивилась Несарина, восхищенно глядя на их крылатую лошадь.

Сартак развернул на каменистом полу две войлочные подстилки и уселся на одну.

– Если вдруг засада или другая опасность, нужно успеть забраться в седло и взлететь. Седлать будет некогда.

Солнце только что зашло, окрасив небо в оранжевые и розовые тона. Несарина порылась в памяти. Вроде бы эта маленькая, одиноко стоящая горная цепь называлась Асимильскими горами. До Таванских гор – еще лететь и лететь. Весь последний час внизу расстилались безлюдные места. Ни деревушки, ни иных признаков жилья. И здесь – сплошные горы с отвесными склонами, шумно несущиеся ручьи… Похоже, и без людей опасностей здесь хватало.

Но каких? Дикие звери? Возможно, хотя вряд ли они заберутся сюда. Значит, угрозу могли представлять другие рукки. Или… драконы.

Ужин не баловал разнообразием. Вяленое мясо, фрукты, хлеб. Сартак протянул Несарине ломоть, успев откусить от своего.

– Ты видела этих моратских драконов? – вдруг спросил он.

Слова принца почти тонули в завываниях примчавшегося ветра. Неужели принц и впрямь умел читать ее мысли?

Кадара устроилась ближе к краю, плотно сложив крылья. Это был их второй привал. Ранее они останавливались, давая Кадаре поохотиться, иначе ей пришлось бы провести ночь с пустым желудком. Однако желудок рукки еще урчал от перевариваемой пищи, а ее саму клонило в сон.

– Видела, – коротко ответила Несарина.

Она расплела короткую косу. За неимением гребня, причесала волосы пальцами, которые быстро зябли на ветру. Непослушные пряди поглощали ее внимание, не то она бы обязательно содрогнулась, вспомнив ведьм и их драконов.

– Кадара вполовину меньше дракона. Могу и ошибаться. Она считается крупной руккой?

– Я думал, ты слышала все истории обо мне, – усмехнулся Сартак.

Несарина хмыкнула. Прекратив сражение с волосами, она подошла к подстилке, где ее ждал ужин.

– А вы знаете, что вас называют Крылатым Принцем?

– Да. – Он улыбнулся одними губами.

Несарина уселась, скрестив ноги:

– Вам нравится этот титул?

Сартак подал ей жестяную миску с фруктами. После нескольких часов полета Несарине не требовались приглашения. Она набросилась на холодный сочный виноград.

– Нравится ли мне титул? – переспросил он, протягивая ей хлеб. – Странно это: ты жив и даже не стар, а про тебя уже рассказывают истории.

Он искоса посмотрел на нее, отправляя в рот очередной кусок:

– На Эрилее тебя тоже окружали живые легенды. Как они относились к твоей славе?

– Аэлине это явно нравилось. – Несарина вспомнила обилие имен и титулов, которыми та с наслаждением жонглировала. – Что касается других… Я не настолько их знаю, чтобы ответить на ваш вопрос. Хотя Эдион Ашерир идет следом за Аэлиной.

Несарина запихнула в рот очередную виноградину. На ладони, обдуваемой ветром, лежало еще несколько.

– Они – двоюродные брат и сестра. Но кажется, у них были общие родители.

– Волк Севера, – задумчиво произнес принц.

– Вы слышали о нем?

Сартак подал ей миску с вяленым мясом, предлагая выбирать повкуснее:

– Я же тебе говорил, капитан Фелак: мои шпионы работают добросовестно.

Несарина ощутила щекотливость своего положения. Подталкивать принца к союзу – занятие рискованное. Излишняя прыть, излишняя похвала ее соратникам, и Сартак сразу раскусит ее намерения. Но ничего не делать… Безделье противоречило ее натуре. Даже во времена ее службы в городской страже Несарина не умела проводить выходные дни праздно. Она обязательно находила себе занятие: или шла гулять по Рафтхолу, или бралась помогать отцу и сестре.

«Искательница ветра, – так однажды назвала ее мать. – Ни минутки не посидишь спокойно. Ветер вечно тебя куда-то манит. В какое путешествие он тебя однажды позовет, розочка моя?»

Знала бы мама, в какие дали ветер позвал ее дочь!

– В таком случае шпионы донесли вам и о его легионе Беспощадных. Опытные, закаленные воины.

Принц слегка кивнул. Несарина почувствовала, что Сартак видит ее замыслы насквозь. Он спокойно дожевал хлеб и спросил:

– А какие истории рассказывают о тебе, капитан Фелак?

– Никаких, – ответила она, управляясь с сочным куском вяленой свинины.

Слава, известность… Такое никогда ее не волновало. У нее были другие ценности.

– И даже историю, как твоя стрела спасла жизнь оборотню? Про знаменитый выстрел с крыши?

Несарина резко повернулась к нему. Сартак неторопливо глотал воду из фляги. «Я же тебе говорил, что у меня хорошие шпионы», – читалось в его взгляде.

– Я думала, тайными сведениями занимается Аргун, – осторожно сказала она.

– Аргун обожает ими хвастаться. Я бы не назвал его сведения тайными, – улыбнулся Сартак, передавая Несарине флягу.

Она сделала несколько глотков.

– А сведения обо мне?

– Здесь ты права.

Тени густели, становясь длиннее. Ветер не утихал. Вероятно, собирался дуть всю ночь.

– Вы не рискуете разводить огонь, – заметила Несарина.

– Костер будет слишком хорошо видно издалека, – покачал головой принц. Он посмотрел на ее доспехи и добавил: – Где-то в тюках есть теплые одеяла. Я поищу.

Остаток ужина она сидели молча. Вскоре погасли последние отблески вечерней зари. Стемнело. На небе замигали звезды. Вслед на ними выплыла луна, залив место ночлега неярким голубоватым светом. Сартак аккуратно убрал еду в мешок.

К вою ветра прибавился громкий храп Кадары.

– Прошу прощения, если она помешает тебе спать, – усмехнулся Сартак. – Храп – единственный недостаток моей Кадары.

Несарина покачала головой. Утром она и представить не могла, что встретит вечер высоко в горах, на вершине, под храп знаменитой рукки и рядом с Крылатым Принцем. Родня бы ей не поверила.

Они молча разглядывали звезды, не торопясь укладываться спать. Звезд становилось все больше. Здесь они были крупнее и светили ярче, чем во время их с Шаолом плавания в Антику. Но знакомые звезды остались на севере. Странно, что она заметила это только сейчас.

А вот для ее предков эти звезды были родными. Под ними родился и вырос ее отец. Не тосковал ли он по ним, оказавшись под адарланским небом? Каково ему было перебраться туда, где даже звезды – чужие? Отец никогда не говорил об этом. Возможно, в Рафтхоле он вообще не поднимал голову к вечернему

небу.

– Стрела Нейты, – вдруг произнес Сартак, прислоняясь спиной к холодной скале.

Несарина оторвалась от разглядывания звезд. Лицо принца было ярко освещено луной, придававшей серебристый оттенок его черной косе. Он сидел, сложив руки на коленях.

– Так мои шпионы прозвали тебя. Так и я называл тебя, пока не увидел вживую. Стрела Нейты.

Это было имя богини, покровительствующей стрельбе из лука и охоте. Давным-давно ей поклонялись в королевстве на западе Южного континента. Ныне она занимала место в обширном пантеоне хаганата.

– Не удивляйся, что истории о тебе добрались и сюда.

Несарина молча смотрела на принца. А вокруг по-прежнему выл горный ветер, к которому примешивался храп Кадары. Несарина всегда любила стрелять из лука и гордилось своей меткостью. Но премудростями стрельбы она овладевала не потому, что жаждала признания. Ей просто нравилось стрелять. Пуская стрелу, она всегда представляла, как та улетает вслед за ветром. И тем не менее…

Сартак быстро оглядел сложенные тюки и место ночлега, после чего направился за валуны. «А звезды все равно увидят», – улыбаясь, думала Несарина.

26

Ириане действительно хотелось есть. Она повела Шаола прямо на кухню Торры. Там невероятно тощая женщина, которую все звали Поварихой, угостила его жареной рыбой, свежевыпеченным хлебом с хрустящей корочкой, тушеными помидорами с неострым сыром и эстрагоном. Мало того, она уговорила его съесть воздушное пирожное с медом и фисташками.

Ириана сидела рядом, пряча улыбку, а Повариха все наполняла и наполняла тарелку Шаола, пока он не стал умолять ее остановиться.

Он наелся до такой степени, что еле шевелился. Даже Ириана взмолилась, прося Повариху их пощадить.

Внимание Поварихи тут же переключилось на ее помощниц по кухне. Близилось время ужина. Трапезная находилась этажом выше. Перемещение блюд туда было сравнимо с перемещением обширной армии. Шаол смотрел, как спокойно и деловито командует Повариха, и думал, что у этой женщины генеральские

задатки, достойные подражания.

В суете о них с Ирианой забыли, и они просто сидели, созерцая окружающий хаос. Незаметно зашло солнце, окрасив в оранжевые тона большие кухонные окна.

Едва Шаол заикнулся о необходимости седлать лошадь, Ириана и Повариха в два голоса объявили, что ночевать он будет здесь и никакие возражения не принимаются.

Он и не возражал. Он написал записку, сообщив Несарине, где находится, и попросил ложиться спать, не дожидаясь его. Записку взялась передать целительница, которая шла во дворец проведать заболевшего слугу.

Когда обилие еды наконец улеглось в животах Ирианы и Шаола, они покинули Торру и переместились в одну из пристроек. Ириана объяснила, что посторонним ночевать внутри Торры не разрешается. И к тому же там нет пандусов. В здании, которое Шаол видел не раз, находилась больница. На первом этаже всегда имелись свободные комнаты для тех, кто приезжал навестить своих заболевших близких.

Ириана толкнула дверь. Окно комнаты выходило в сад. Светло-серые стены еще хранили дневное тепло. Обстановка была скромной, но очень уютной. Узкая кровать у стены. Возле окна – столик и стул. Пространства вполне достаточно, чтобы передвигаться на кресле.

– Хочу взглянуть еще раз. – Она указала на его ноги.

Шаол обеими руками поднял и вытянул ногу. Затем повертел лодыжками, удивляясь, насколько тяжелые у него ноги.

Опустившись на колени, Ириана сняла с него сапоги и носки.

– Состояние вполне удовлетворительное, – заключила она, продолжая ту же игру. Затем шепотом добавила: – Это нужно сохранить.

Шаол оглянулся на мешок возле двери, доверху набитый похищенными книгами и свитками. Он понятия не имел, чему посвящены эти книги, но они с Ирианой утащили столько, сколько поместилось в мешок. Зачем? В ночь нападения на библиотеку пропали книги, оставленные Ирианой на столе. Книги с тех же стеллажей. Почти наверняка их похитило то существо (или сущность), что убило целительницу. По мнению Ирианы, сегодняшнее «изъятие» должно обезопасить библиотеку от повторного визита твари. Шаол разделял ее мнение.

Ириана думала, что свитку, который она спрятала в его сапоге, лет восемьсот. Но учитывая возраст Торры и библиотеки…

Шаолу сразу подумалось: свиток намного древнее. Правда, Ириане он ничего не сказал. Она и не представляла, сколько драгоценных знаний может скрываться в этом свитке. Знаний, от

которых на Эрилее могло не остаться даже смутных воспоминаний.

– Если хочешь, я раздобуду тебе одежду для сна, – сказала Ириана, оглядывая комнатку.

– Мне достаточно той, что на мне. И потом, я сплю вообще без одежды, – добавил Шаол, отворачиваясь к стене.

– Ах да.

Ириана умолкла, вспомнив, в каком виде застала его утром.

Сегодня утром. Неужели это было несколько часов назад? Должно быть, она переутомилась и потеряла счет времени.

На столе горела одна свеча.

– Тебе не будет темно? – спросила Ириана. – Принести еще?

– Света достаточно.

– Могу сходить за водой. После такой обильной еды обычно хочется пить.

– Я стараюсь не пить на ночь, – улыбнулся Шаол.

Взгляд Ирианы упал на фарфоровый ночной горшок в углу. Шаол перехватил ее взгляд:

– Сам справлюсь. Здесь все в пределах досягаемости.

Щеки Ирианы покраснели.

– Конечно, – пробормотала она, покусывая нижнюю губу. – В таком случае… спокойной тебе ночи.

Шаол чувствовал: ей не хочется уходить. И ему не хотелось ее отпускать, однако…

– Уже поздно, – сказал он. – Тебе нужно успеть добраться к себе, пока двор не опустел.

Даже если Несарина не обнаруживала в городе никаких следов валгов, а с момента ночной атаки на библиотеку прошло уже несколько дней, Шаол не хотел рисковать.

– Да, – согласилась Ириана, упираясь в дверной косяк.

Она потянулась к ручке, готовая закрыть за собой дверь.

– Ириана.

Она остановилась, наклонив голову.

Шаол смотрел на нее и улыбался.

– Спасибо. За все, – сказал он, сглатывая.

Она лишь кивнула и закрыла дверь снаружи. Но Шаол успел поймать лучики света, пляшущие в ее глазах.

Наутро к нему пришла Эреция – пожилая женщина с суровым лицом – и сообщила, что Ириана сейчас занята с Хазифой, а с ним встретится уже во дворце, ближе к полудню.

Ириана попросила Эрецию проводить его во дворец. Шаол удивился ее выбору. Эта старуха нетерпеливо притоптывала ногой, пока он собирал оружие и тяжелый мешок с книгами. На

малейшее промедление она осуждающе цокала языком.

Между тем поездка с Эрецией по узким крутым улицам отнюдь не стала пыткой. Целительница оказалась умелой наездницей и прекрасно справлялась со своей норовистой лошадью. Въехав во двор, Эреция сухо простилась с ним (никакой улыбки, никаких любезностей) и тут же повернула назад.

У гвардейцев происходила смена караула. Прежний состав не торопился уходить, переговариваясь и перебрасываясь шутками с новым. Многих Шаол знал в лицо и охотно отвечал на их приветствия. К этому времени конюх подкатил его кресло.

Шаол успел освободить одну ногу из постромок и начать все еще нелегкий процесс перемещения из седла в кресло, как сзади послышались шаги. Он обернулся и увидел Шена. Тот торопился на свой пост, на бегу опуская рукав мундира.

Шаол изумленно заморгал. Когда Шен поравнялся с ним, рукав уже был отогнут, а на руке белела натянутая перчатка. Точнее, на том, что Шаол до сих пор считал рукой. Та оканчивалась чуть выше локтя, а дальше… следовало ее искусное металлическое продолжение с металлической ладонью и пальцами.

Только сейчас, вглядевшись, Шаол заметил под тканью рукава слегка выпирающие обручи, которыми металлическая рука Шена крепилась к культе.

Шен увидел его растерянность. Шаол не решался опереться о подставленное плечо караульного, что прежде делал легко и без колебаний.

– До этого, господин Эстфол, я неплохо помогал вам, – сказал ему по-адарлански караульный.

Шаола охватил… нет, не стыд. Это чувство было глубже стыда. Он заставил себя опереться о плечо караульного – то самое, откуда начиналась увечная рука. Шен с прежней легкостью и проворством помог ему перебраться в кресло.

Дождавшись, пока конюх уведет лошадь Шаола, Шен стал рассказывать:

– Руку я потерял полтора года назад. Принц Аргун тогда отправился в загородное поместье одного визиря. Я был в числе сопровождающих. По дороге на нас напала шайка мятежников. Их маленькое королевство сравнительно недавно влилось в состав хаганата. Они не желали признавать новую власть и жаждали мстить. Завязался бой, из которого я вынес полторы руки. Моим исцелением занималась Ириана. Это была ее первая серьезная работа. По сути, она спасла мне и предплечье, и плечо.

Скрытая перчаткой и рукавом, металлическая рука Шена была неотличима от настоящей. Единственная разница – она не

двигалась.

– Целительницы способны творить чудеса, – продолжал Шен. – Но вырастить новую руку из культи… – Он тихо рассмеялся. – Это им недоступно. Даже такой искусной, как Ириана.

Шаол растерялся, не зная, что сказать. Извинения казались неуместны. Шен улыбнулся ему. Открыто, без малейшего чувства жалости к себе.

– Я далеко не сразу приспособился ко всему этому, – негромко пояснил караульный.

Шаол понял: речь идет не о потрясающем владении металлической рукой.

– Но я никогда не ощущал себя выброшенным за борт.

В карих глазах Шаол прочел то, о чем Шен не говорил вслух: готовность оказать ему поддержку. Перед ним стоял не калека, сломленный увечьем, а сильный, волевой человек, сумевший найти свое место в изменившейся жизни.

Шен не оставил службу. Наоборот, он вошел в состав дворцовой гвардии, считавшейся едва ли не самой лучшей в мире. Он служил наравне с остальными, и к нему относились с пониманием, но без снисхождения.

Чувства, бурлившие внутри Шаола, не переводились в слова. Похоже, Шен догадывался и об этом. Он понимающе кивнул.

До покоев Шаол добирался дольше обычного. Он не замечал мелькавшие лица, не слышал звуки, не ощущал запахов и волн прохладного ветра в дворцовых коридорах.

Открыв дверь, он увидел на коридорном столике свою вчерашнюю записку – непрочитанную. Это разом прогнало все мысли, обуревавшие его по пути сюда. Сердце заколотилось. Дрожащими пальцами Шаол поднял записку.

Под нею оказалась другая, адресованная ему. Его имя было написано почерком Несарины. Шаол торопливо развернул листок, прочел короткие строки. Один раз. Второй. Третий.

Бросив записку на столик, он посмотрел на открытую дверь спальни Несарины и почти телесно ощутил тишину, струящуюся оттуда.

Каким же он был дураком!

Он притащил ее сюда. А как часто в Рафтхоле он толкал ее на задания, где она могла погибнуть. Потом он нафантазировал их совместное будущее, и вот…

Шаол оборвал эту мысль. Нужно было вести себя по-другому. Быть с Несариной внимательнее. Неудивительно, что она улетела с Сартаком на юг – искать следы пребывания валгов на этом и других континентах.

Давно его не опускали мордой в дерьмо.

Пусть Несарина и не принимала всерьез обещаний, данных ему. Зато он серьезно относился к своим. А что получилось? Он держал ее на привязи, превратив в подобие костыля…

Он шумно выдохнул и скомкал обе записки.

Возможно, после более просторной и удобной спальни ему плохо спалось в тесной комнатке. Так Ириана пыталась объяснить себе угрюмость Шаола и односложные ответы на ее вопросы. Надо же, ни тени улыбки на лице.

Ириана входила к нему, улыбаясь во весь рот. Утром она побывала у Хазифы и рассказала об успехах Шаола. Та осталась очень довольна и даже поцеловала ее в лоб. Сюда Ириана летела как на крыльях.

Шаола она нашла в гостиной. Застывшего и какого-то подавленного.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – весело спросила Ириана, пряча книги, что он привез утром.

– Да.

Она встала у письменного стола. Шаол сидел на золотистом диване.

– Ты несколько дней упражнял пальцы ног и забыл о других частях тела. Думаю, стоит наверстать упущенное.

У людей подвижных тело не могло долго оставаться в бездействии и требовало движений, как организм пьяницы требует очередной порции хмельного зелья. Сидя на одном месте, они делались беспокойными и раздражительными. Шаол так увлекся упражнениями для ног, а вот руки, шея, плечи… Возможно, это его снедало.

– Можно, – отрешенно ответил Шаол.

Его взгляд был таким же отсутствующим.

– Где тебе предпочтительнее: здесь или на площадке для занятий караульных?

Она внутренне приготовилась встретить всплеск досады.

– Здесь, – отрезал он.

Ириана сделала новую попытку:

– Быть может, там удобнее? Вместе со всеми. Это благотворно…

– Здесь не хуже.

Шаол переместился с дивана на ковер:

– Придерживай мне ноги.

Это прозвучало почти как приказ. Ириана почувствовала собственное раздражение и желание отказаться. Но она сдержала порыв и, опустившись на колени, тихо спросила:

– Мы никак возвращаемся к старому?

Шаол будто не слышал ее вопроса. Он принялся отжиматься на руках. Его сильное тело ритмично поднималось и опускалось. Один раз, второй, третий… После шестидесятого раза она перестала считать.

Приподнимаясь над согнутыми коленями, Шаол отводил глаза.

Ириана знала: эмоциональное исцеление порою бывает тяжелее телесного. И ее ждут нелегкие дни. Возможно, недели. Но ведь вчера, когда они прощались, он улыбался. И вдруг…

– У тебя за это время что-то произошло. Расскажи что? – спросила она не слишком мягким тоном, каким положено говорить с пациентами.

– Ничего не произошло.

Шаол выдыхал слова вместе с воздухом. Пот струился у него по шее, заливая белую рубашку.

Ириана стиснула зубы и принялась считать, чтобы успокоиться. Перебранка ничего не даст.

Наконец Шаол перевернулся на живот и взялся за новый круг упражнений. Теперь Ириане нужно было удерживать его ноги в слегка приподнятом положении.

Вверх-вниз, вверх-вниз. Мышцы спины и рук напрягались и оседали.

Проделав еще шесть разновидностей упражнений, он начал второй круг. Ириана молча держала его ноги и молча наблюдала.

«Не вторгайся в его пространство, – говорил голос в глубине души. – Если ему нужно что-то обдумать, что-то для себя решить, не надо мешать».

«Плевать мне на то, что ему нужно», – отвечал ему второй.

Шаол позволил себе короткий перерыв. Он судорожно дышал. Его грудь вздымалась, а взгляд упирался в потолок. Потом на лице что-то мелькнуло, черты резко изменились. Казалось, он получил ответ на свой молчаливый вопрос. Еще через мгновение он возобновил упражнения, но уже заметна была усталость.

– Хватит на сегодня, – сказала Ириана.

Наконец Шаол соизволил посмотреть на нее, но взгляд Ирианы не был ни сочувственным, ни понимающим.

– Так недолго и слечь от перенапряжения, – добавила она.

Он еще раз посмотрел на нее. Ириана удерживала его согнутые колени.

– Я знаю свои пределы, – буркнул Шаол, снова приподнимаясь на руках.

– И я тоже, – огрызнулась она, кивнув в сторону его ног. – Мне достаточно основной работы, чтобы еще возиться с твоей

сорванной спиной.

Шаол оскалил зубы. Его поведение становилось угрожающим. Ириане не оставалось иного, как отпустить его ноги. Он раскинул руки, чтобы замедлить падение на спину, но все равно упал бы, если бы целительница вовремя не схватила его за плечи.

Пальцы Ирианы стали мокрыми от его пота. Рубашку можно было выжимать. Шаол хрипло дышал.

– У меня получилось, – прорычал он ей в ухо.

– Позволь тебе не поверить, – возразила она, но тут же убедилась: Шаол действительно в состоянии держаться сам.

Тогда она отошла и тоже опустилась на ковер. Они молча смотрели друг на друга, но уже без вчерашнего дружелюбия.

– Упражнять мышцы крайне необходимо, – сказала Ириана (говорить спокойно у нее не получалось), – но если переусердствовать, ты принесешь себе гораздо больше вреда, чем пользы.

– Я прекрасно себя чувствую.

– Думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься?

Лицо Шаола напоминало маску. По вискам струился пот.

– Это было твоим святилищем. Твоим храмом, – сказала Ириана, указывая на его мускулистое, отчаянно вспотевшее тело. – Когда обстоятельства становились трудными или шли не так, как ты рассчитывал, в минуты печали, досады или злости ты торопился погрузиться в упражнения. Ты упражнялся, пока пот не начинал жечь тебе глаза, пока мышцы не начинали дрожать от перенапряжения и умолять тебя остановиться.

Его лицо потемнело от гнева. Лицо Ирианы оставалось холодным и бесстрастным. Знал бы он, чего это ей стоит.

– Какие ощущения ты получаешь?

Он сердито раздул ноздри:

– Не думай, что втянешь меня в разговор.

– И все-таки, господин Эстфол, я хочу знать про ощущения.

– Ты и так прекрасно о них знаешь… Ириана.

– Расскажи.

Шаол не отвечал. Тогда она заговорила сама, будто рассуждая вслух:

– Что ж, раз ты настроен выполнять весь набор упражнений, я могла бы немного поработать с твоими ногами.

Его взгляд жег, как раскаленное железо. Его молчание отзывалось у Ирианы тяжестью в груди и ощущением бездонной ямы в животе. Преодолев себя, она подошла к Шаолу и занялась его ногами. Эти упражнения должны были оживить пути, по которым команды поступали от мозга к позвоночнику. Вращать лодыжками и ступнями он мог бы и сам, хотя после десятого

круга упражнений он скрипел зубами.

Однако Ириана не собиралась давать ему поблажку. Бурлящий гнев она оставляла без внимания. Нацепив фальшивую улыбку, она продолжала упражнять его ноги. И только когда добралась до бедер, Шаол остановил ее.

– Я устал, – заявил он и тут же отвернулся. – Уже поздно. Давай встретимся завтра утром.

– Могу перейти от упражнений к целительской работе, – предложила Ириана.

Возможно, после такого мощного разогрева тела ей будет проще латать поврежденные пути.

– Я хочу отдохнуть.

Явное вранье. Невзирая на обилие упражнений, он не выглядел изможденным. Глаза по-прежнему пылали от гнева.

– Мне кажется, ты не любитель отдыхать.

– Уходи, – вдруг потребовал Шаол и плотно сжал губы.

Ириану этот приказ лишь позабавил.

– Свои приказы, господин Эстфол, адресуй гвардейцам и слугам, а я тебе не подчиняюсь.

Тем не менее она поднялась с ковра, не собираясь больше ничего предлагать. Шаол остался лежать.

– Я порекомендую здешним поварам, какую пищу тебе готовить. Она поможет наращивать мышцы.

– Сам знаю, что́ мне есть.

Конечно, он знал. Ведь он столько лет оттачивал и доводил до совершенства свое великолепное тело.

– Твои знания, скорее всего, получены опытным путем. Попробовал одно – подошло. Попробовал другое – не подошло. А я специально изучала особенности еды и ее влияния на человеческое тело.

Шаол вспыхнул, но промолчал и погрузился в разглядывание цветочных узоров и причудливых завитушек ковра.

Ириана наградила его еще одной приторной улыбкой:

– Надеюсь завтра утром застать тебя в более сговорчивом состоянии, господин…

– Не называй меня так!

– Я буду называть тебя так, как захочу.

Шаол вскинул голову. Его лицо было почти багровым. Ириана приготовилась к словесной атаке, однако он совладал с собой. Плечи его напряглись, и он повторил:

– Уходи.

Мало того, он указал ей на дверь.

– Въехать бы каблуком по твоему чертовому пальчику, – выпалила Ириана, направляясь к двери. – Да только со сломанной

рукой ты еще дольше здесь проторчишь.

Шаол вновь оскалил зубы. Краска на лице делала шрам на щеке гораздо заметнее.

– Уходи!

Она заставила себя слащаво улыбнуться и вышла. Плотно закрыла дверь.

Ириана неслась по коридорам дворца, сжимая и разжимая пальцы. Ей было никак не успокоить внутреннюю бурю.

У пациентов бывают тяжелые дни. Она это знала по собственному опыту. Целительниц учили спокойно и терпеливо относиться к подобным состояниям, считать их неотъемлемой частью процесса исцеления.

Но ей казалось, они с Шаолом уже многое преодолели. Он начал ей рассказывать о себе. И она рассказывала ему то, о чем знали немногие. Вчера она буквально наслаждалась его обществом, а сегодня Шаола словно подменили.

Ириана стала вспоминать все, что говорила ему минувшим вечером. Возможно, он рассердился на язвительные слова Эреции, пока та провожала его во дворец. Эта старуха была эталоном всего, что не должна позволять себе целительница. Странно, как она вообще бралась помогать больным. По утрам Эреция часто бывала не в духе. Вот и отыгралась на Шаоле.

А может, он слишком привык к постоянному присутствию Ирианы, и незначительная перемена выбила его из колеи. Она с такими проявлениями не сталкивалась, но слышала о них. Но в поведении Шаола не ощущалось зависимости. Нет, он держался независимо и гордился этим, забывая про оборотную сторону.

Как бы то ни было, но поведение Шаола испортило ей настроение, и она отправилась искать Хасару.

Принцесса только что закончила учебный поединок на мечах. Ее лицо и одежда были мокрыми от пота. Взяв Ириану под руку, Хасара повела целительницу к себе.

– Все сегодня заняты-перезаняты, – ворчала принцесса, как обиженный ребенок, которому не с кем играть. – Рения отправилась покупать себе новые тряпки. Ей, видите ли, мало тех, что есть. Даже Кашан удалился. Они с отцом совещаются по поводу войск братца.

Скорчив гримасу, Хасара перекинула через плечо взмокшую косу.

– Что-то случилось? – осторожно спросила Ириана.

– Мне он не сказал, – пожала плечами Хасара. – Но думаю, все-таки развяжет язычок. Тем более что Сартак помахал нам ручкой и на несколько недель улетел к себе в горы.

– Улетел? – переспросила Ириана.

– И не один. С капитаном Фелак.

Принцесса ехидно улыбнулась:

– Странно, что ты сейчас не в покоях господина Эстфола. Он явно нуждается в утешении.

Вот оно что!

– Когда они улетели?

– Вчера, под вечер. Несарина и словом не обмолвилась. Даже вещи собирать не стала. Оставила записку и взмыла в небеса. Вот уж не думала, что Сартак – такой обольститель.

Ириана не улыбнулась. Разгадка странного поведения Шаола была неожиданной и очень простой. Вернувшись утром, он прочитал записку Несарины. Остальное понятно.

– А откуда ты знаешь о записке?

– Так посланец рассказывал всем подряд. Конечно, не о содержании записки, а о том, что нашел ее в ящике, у выхода из гнезда. Записка была адресована господину Эстфолу. Вторую Несарина написала своей местной родне. Теперь мы хоть знаем, где они живут.

Ириана мысленно пообещала себе: более никогда не посылать во дворец сколь-нибудь значимых писем.

– Ты подозреваешь нечестную игру?

– Со стороны Сартака? – захихикала Хасара.

Ее вопрос был достаточным ответом.

Они приблизились к покоям принцессы. Слуги бесшумно распахнули двери и удалились, словно тени, на время обретшие плоть.

– Ты чего остановилась? – сказала Хасара, увлекая Ириану внутрь. – Пошли.

– Я принесла ему настой и совсем забыла напоить, – соврала Ириана, высвобождая свою руку.

Принцесса понимающе усмехнулась:

– Если услышишь что-нибудь интересное, ты знаешь, где меня найти.

Ириана кивнула и поспешила уйти.

В покои Шаола она не вернулась. Вряд ли за каких-то двадцать минут его настроение улучшилось. И потом, она бы не удержалась от вопросов о Несарине. Все могло кончиться его срывом и погубить достигнутые результаты. Трудно представить, куда бы это их завело. Явно не в самое лучшее место.

Но ее дар целительницы, оставшийся сегодня невостребованным, искал выхода. Ириана не могла сидеть сложа руки. Ей не хотелось возвращаться в Торру, читать или помогать другим в их работе.

Ириана вышла из дворца на пыльные улицы Антики. Ноги

сами несли ее по знакомому пути. Даже в таком процветающем городе, как Антика, существовали трущобы. Они никогда не меняли своего места. В зависимости от правителя они либо разрастались, либо сужались.

При свете дня ей нечего бояться. Обитатели трущоб были неплохими людьми. Бедными – да. Отчаявшимися, впавшими в уныние. Считавшими, что мир давно забыл о них.

Ириана всегда помогала таким. Даже в Иннише.

Достигнув трущоб, она не раздумывала, где искать нуждающихся в помощи. Откуда-то слышался кашель, и она пошла на звук.

27

Трущобы Ириана покинула лишь на закате, успев исцелить шестерых.

У одной женщины обнаружилась смертельно опасная опухоль в легких. На вопрос, почему она не собралась сходить к целителю, женщина ответила, что работает с утра до позднего вечера и ей никак не выбраться. В тесном домишке трое детей мучились лихорадкой. Мать плакала от страха и отчаяния, а потом, когда стараниями Ирианы болезнь отступила, – от радости, благодаря ее и богов. Следующим был мужчина, неделю назад сломавший ногу. Безденежье не позволяло ему нанять повозку и доехать до Торры, а местный лекарь никуда не годился. Что же касается шестой пациентки…

На вид девчонке было не больше шестнадцати. Ириана заметила ее по синяку под глазом и рассеченной губе.

От усталости у Ирианы подгибались колени. Она порядком исчерпала запас своих магических сил и все же, найдя заброшенную лачугу, повела шестую пациентку туда и убрала припухлость под глазом. Затем исцелила губу. Следом обнаружилось несколько треснувших ребер. Ириана залатала трещины. Затем она увидела глубокие ссадины на предплечье. Казалось, девчонке когтями рвали кожу.

Вопросов Ириана не задавала. Она и так читала все ответы в испуганных девчоночьих глазах. Юная пациентка опасалась получить новые побои, если явится домой, избавившись от следов прежних.

И тогда Ириана пошла на хитрость: оставила видимость побоев и ссадин, исцелив все под ними. Верхний слой кожи быстро заживет.

Занимаясь пациенткой, Ириана не предлагала девчонке уйти

оттуда, где с нею так обращаются. Возможно, родители, возлюбленный или кто-то еще. Решение об уходе должна принять она сама. Ириана лишь сказала ей, что в случае необходимости двери Торры всегда открыты для нее. Ей не станут задавать вопросов и денег за помощь не потребуют. Вдобавок в Торре не позволят кому бы то ни было насильно забрать ее.

Девчонка в знак благодарности поцеловала Ириане пальцы и скрылась в сумерках. Ириана тоже поспешила выйти за пределы трущоб. Верхние этажи Торры горели оранжевым светом, отчего башня была похожа на маяк.

У нее урчало в животе. Голова кружилась от усталости и голода. Знакомое чувство. Она исчерпала себя, помогая другим. Ей нравилась такая усталость.

Однако… чувство незавершенности никуда не делось. Оно давило на Ириану, требуя: «Еще, еще, еще». Ей не надо было доискиваться причин. Она знала, в чем дело и куда идти. Развернувшись, она зашагала к сверкающему дворцу.

Ее бы накормили и там, но Ириане не хотелось создавать лишних хлопот слугам. Она зашла в свою любимую закусочную и взяла порцию барашка, зажаренного на медленном огне. Сочное мясо она уплела за несколько минут. Она редко ела в городе; обычно ее подпирало время, но когда удавалось… Поглаживая насытившийся живот, Ириана продолжила путь ко дворцу. Из другого заведения соблазнительно пахло кахаве, и она зашла туда и к съеденному мясу добавила не только ароматный напиток, но и медовое пирожное.

Ну вот, теперь ноги отказывались идти. Злясь на себя за глупость, она продолжила путь. Во дворец она притащилась позже, чем рассчитывала. В двенадцатом часу ночи. Коридоры успели опустеть и погрузиться в сумрак.

Возможно, Шаол уже спал. Пожалуй, так было бы лучше всего. И разумнее всего не врываться к нему в спальню и не расталкивать. Ириана не знала, зачем вообще явилась в такую поздноту. Оторвать ему голову можно и завтра. Такое поведение непростительно даже для ученицы. Если Хазифе сообщат…

Но Ириана шла дальше, все убыстряя шаг. Туфли все громче стучали по мраморным полам. Если Шаол хочет застопорить достигнутый успех, это его право. Только пусть скажет вслух, глядя ей в глаза.

Она быстро шла по длинному полутемному коридору, твердя себе, что она – не трусиха и уклоняться от поединка не собирается. Прежняя, трусливая Ириана осталась в закоулках Инниша. Если господину Эстфолу угодно дуться из-за Несарины, пусть дуется. Но срывать из-за этого работу, как сегодня днем…

Неприемлемо.

Так она ему и скажет, а потом повернется и уйдет. Спокойным, рассудительным тоном.

Ириана хмурилась, повторяя в такт шагам: «Неприемлемо».

Задним числом ее злило собственное поведение днем. Чем бы она ни оправдывала его, Шаол выгнал ее. А она позволила ему так с собой обойтись. Это было еще более неприемлемо.

«Круглая дура». Те же слова Ириана произнесла вслух. Достаточно громко, отчего звук собственного голоса почти заглушил другой звук.

Шаги. Легкое шарканье башмаков у нее за спиной.

Ничего удивительно. Кто-то из слуг торопится в хозяйские покои. Тогда почему у нее покалывает кожу, как… в тот раз?

Ириана ускорила шаги.

В редкие коридорные окна светила луна. Между полосами ее света лежали густые тени.

Она снова услышала звук шагов. Неторопливых, словно идущий сзади никуда не спешил.

У Ирианы пересохло во рту. Сердце заколотилось. Она пришла с пустыми руками. Ни мешка, ни даже ее ножичка. И в карманах – ничего, кроме записки незнакомки.

«Поторапливайся», – прошептал ей чей-то тихий, нежный голос, прозвучавший в голове. Прежде Ириана не слышала этого голоса, но иногда ощущала странное тепло. Оно струилось по телу, двигаясь вместе с магической силой. Голос был знаком ей не меньше, чем ее собственный, чем стук сердца.

«Торопись, девочка».

В каждом слове ощущалась настоятельная просьба и даже требование.

Ириана прибавила шагу. Она почти бежала.

Впереди был поворот. Нужно лишь завернуть за угол, преодолеть еще локтей тридцать, и она окажется у двери покоев Шаола.

Входные двери всех покоев имели замки. Если Шаол ночует один, он вполне мог закрыться. От нее и всего, что с внешней стороны. Если нет, спасет ли их замóк от неведомого преследователя?

«Беги, Ириана!»

Этот голос. Теперь он звучал словно колокол… Голос ее матери.

Останавливаться, раздумывать и удивляться было некогда. Ириана бросилась бежать.

Ее туфли стучали по мрамору. Преследователь – человек или сущность – тоже побежал.

Ириана завернула за угол и поскользнулась на блестящем мраморе. К счастью, не упала, но больно ударилась плечом о противоположную стену. Главное – не потерять скорость. Плечом она займется потом. Она побежала дальше, не смея оглянуться назад.

«Быстрее!»

Ириана уже видела дверь его покоев и тусклый свет, пробивающийся из нижней щели. Она всхлипнула. Преследователь ее нагонял. Не оглядываться. Только не оглядываться, чтобы не потерять драгоценные секунды.

Двадцать локтей. Десять. Пять.

Ириана со всей силой вцепилась в дверную ручку, давя на нее и удерживая себя от вторичного падения. Дверь открылась. Ириана влетела в коридорчик, спиной захлопнула дверь и потянулась к замку. Их было два. Она защелкнула первый. В этот момент преследователь забарабанил в дверь. Дверь задрожала.

У Ирианы тряслись пальцы, она дышала ртом, судорожно глотая воздух, а пальцы возились со вторым замком. Тот был побольше и покрепче первого. Едва она сумела его закрыть, как дверь затряслась опять.

– Что за черт…

– Забирайся в спальню, – шепнула она Шаолу, не рискуя отвести взгляд от сотрясающейся двери.

Дверная ручка гремела, дергаясь туда-сюда.

Шаол выехал на порог спальни, с мечом в руках. Он смотрел на вздрагивающую дверь:

– Кто вздумал сюда ломиться?

– Быстро в спальню, – дрожащим голосом скомандовала Ириана. – Прошу тебя.

Ужас на ее лице был красноречивее объяснений. Шаол все понял. Он въехал в спальню, придерживая дверь для Ирианы. Она проскользнула внутрь, и Шаол сразу захлопнул дверь.

Входная дверь треснула. Шаол щелкнул замком на двери спальни – здесь был только один.

– Комод, – недрогнувшим голосом произнес он. – Можешь придвинуть к двери?

Комод стоял рядом с дверью, у стены. Ириана молча уперлась плечом в комод. Туфли заскользили по мрамору. Она сбросила их, не глядя, и, с кряхтением сдвинув комод, загородила дверь.

– Садовые двери, – распорядился Шаол, закрывая их.

Эти двери были из толстого прочного стекла.

Страх сдавил Ириане горло.

– Ириана, – все тем же ровным, спокойным голосом произнес Шаол. Он смотрел ей прямо в глаза, зная, что взгляд тоже

успокаивает. – Сколько отсюда до ближайшего выхода в сад из внешнего коридора?

– Минуты две идти, – не задумываясь, ответила она.

В сад можно было попасть только из внутренних покоев, но во всех соседних помещениях кто-то был. Противник либо двинется в обход, либо решит вломиться в соседние покои, которые…

– Может, и одну.

– Существенная разница.

Ириана соображала, чем бы подпереть стеклянные двери. Рядом стоял шкаф: высокий, тяжеленный. У нее просто сил не хватит. А вот деревянная ширма, загораживающая вход в купальню…

Ириана побежала к ширме. Шаол поспешил к прикроватному столику, где у него были разложены кинжалы.

Ширма оказалась не слишком-то поворотливой. Сопя и ругаясь, Ириана проволокла ее по ковру, где полозья норовили за что-нибудь уцепиться. Затем, настежь распахнув дверцы шкафа, Ириана вогнала ширму между шкафом и стеной на манер клина. Подергав заграждение, она убедилась: держит прочно.

Следующим поясом укреплений стал письменный стол. Ириана сбросила с него книги и вазы, не думая о стоимости последних.

«Спокойствие. Сосредоточенность».

Ириана подтащила стол к ширме и шумно опрокинула набок, после чего подтолкнула вплотную.

Но комната имела еще одно окно на противоположной стене. Небольшое, почти у потолка, и все же.

– Оставь его, – распорядился Шаол, занимая позицию перед стеклянными дверями. В правой его руке застыл меч, в левой – кинжал. – Через это окошко так просто не влезешь. Кто бы к нам ни ломился, здесь у них стремительной атаки не получится.

У него будет время убить неведомого противника.

– Подойди сюда, – тихо велел он Ириане.

Она подошла, глядя то на дверь спальни, то на двери в сад.

– Дыши глубже, – сказал Шаол. – Соберись. Страх убивает с такой же легкостью, как и оружие.

Ириана подчинилась.

– Возьми кинжал с кровати.

Она мешкала, хмуро поглядывая на оружие.

– Бери.

Ириана обхватила эфес кинжала. Его металл был холодным, а само оружие – тяжелым для ее руки.

Шаол оставался на удивление спокойным. Он успевал

следить за всеми дверями и окном.

– Купальня, – прошептала Ириана. – Там тоже окна.

– Они выше и у́же этого.

– А если наш противник… не в человеческом теле? – хрипло прошептала она.

Ириане вспомнились рисунки в старинной книге.

– Тогда я отвлеку его на себя, пока ты убегаешь.

Когда все выходы загорожены мебелью?

– Ты этого не сделаешь, – возразила Ириана, представив, что́ предлагается ей.

Дверь спальни содрогнулась от удара. Потом еще раз. Ручка ходила ходуном.

Где вы, тридцать шесть богов?

Зачем вламываться через сад? Их противник сокрушил входную дверь. Осталось проломить дверь спальни.

Удары не прекращались. Ириана съежилась.

– Спокойнее, – шепнул ей Шаол.

Кинжал в ее руке дрожал. Шаол подъехал к двери. И как только ему удавалось сохранять спокойствие?

Новый удар был яростнее прежних. Затем они услышали голос. Мягкий, шипящий, не мужской и не женский.

– Ириана, – прошептал голос сквозь трещину в двери. В голосе ощущалась улыбка. – Ириана.

У нее заледенела кровь. Голос явно был нечеловеческим.

– Что тебе нужно? – спросил Шаол, голос которого звенел, как кинжальная сталь.

– Ириану.

Ее колени отчаянно затряслись. Она едва стояла на ногах. Все, чему ее учила незнакомка, все, чему она пыталась учить юных целительниц… осталось где-то в другом мире.

– Убирайся, не то пожалеешь, – прорычал Шаол.

– Ириана, – шипел их противник. Кажется, он смеялся над ними. – Ириана.

Валг. Тот, что охотился за нею в библиотеке и теперь явился сюда.

Зажав левой рукой рот, Ириана села на краешек кровати.

– Не смей бояться этого труса, который только и умеет, что в темноте охотиться на женщин, – сердито бросил ей Шаол.

Валг тоже зарычал. Дверная ручка задергалась в судорогах.

– Ириана, – повторил он.

– Твой страх дает этой твари власть над тобой, – сказал Шаол, глядя ей в глаза.

– Ириана.

Шаол подъехал к кровати, опустив меч и кинжал на колени.

Ириана вздрогнула и уже хотела сказать ему, что это опасно. Но Шаол потянулся к ее лицу. Сейчас он находился спиной к атакуемой двери. Ириана не сомневалась: он и сейчас следит за каждым звуком и движением.

– Я не боюсь, – негромко, но твердо сказал он. – И ты тоже не должна бояться.

– Ириана! – завывал валг, пытаясь расширить трещину.

Ириана попробовала высвободить лицо из ладоней Шаола, однако он держал крепко и все так же пристально смотрел на нее.

– Мы выступим против этой нечисти, – сказал он. – Вместе.

Вместе. Жить или погибнуть здесь, но вместе.

Ее дыхание успокоилось. Их лица почти соприкасались. Воздух, выдыхаемый Шаолом, согревал ей губы.

Вместе.

Ей и в голову не пришло произнести это слово, прочувствовать его смысл… Таких ощущений она не испытывала очень давно.

Вместе.

Ириана кивнула. Потом еще раз.

Шаол следил за ее глазами. Рот Ирианы стал влажным от его жаркого воздуха. Потом Шаол поднял ее руку, все еще сжимавшую кинжал, и поправил захват.

– Лезвие должно смотреть чуть вверх. Не держи кинжал прямо. Ты знаешь, куда ударить. – Шаол указал на сердце. – Есть и другие места.

Мозг, куда попадают через глазницу. Горло. Раны на горле всегда дают обильную потерю крови. Ириана лучше его знала, где проходят главные кровеносные жилы, вскрытие которых за несколько минут «освобождает» тело от крови.

Шаол ошибался. Она изучала строение тела, но с другой целью: ради спасения, а не уничтожения. Жизнь вносила изменения в принципы Торры. Оказалось, они применимы не ко всем…

– Лучший результат дает обезглавливание. Однако вначале постарайся сбить его с ног и лишить сознания. Так легче отсекать голову.

Ириана поняла: Шаол делился с нею своим опытом. Он убивал валгов, одерживал победу над ними. Расправлялся без всякой магии, уповая лишь на неукротимую волю и мужество.

А она… Она пересекла горы, преодолела моря. И никто не сопровождал ее и не защищал в пути.

Рука Ирианы перестала дрожать. Дыхание выровнялось. Пальцы Шаола легли поверх ее пальцев, вдавив в ладонь металл эфеса.

– Вместе, – в последний раз повторил он и, разжав пальцы, потянулся к своему оружию.

Взгляд Шаола замер на двери. По другую сторону было тихо.

Хищник ждал, оценивал, вынюхивал. Выбирал наилучший момент для удара.

Ириана подошла к креслу и замерла рядом. Ее пальцы больше не дрожали.

Снаружи донесся громкий треск, потом крики.

Ириана напряглась. Шаол шумно выдохнул. С него спало напряжение. Он узнал эти звуки раньше Ирианы. Караульные. Они кричали на халхийском, задавая обычные в таких случаях вопросы.

Ириана, путаясь в халхийских словах, ответила, что они не пострадали, и в свою очередь спросила, кто позвал караульных. Оказалось, служанка. Увидев сломанную дверь, она сразу бросилась за стражей.

Валг исчез.

28

Ириана попросила вызвать принца Кашана. Тот не заставил себя ждать. Только тогда они с Шаолом решились отодвинуть мебель от двери спальни. Остальным детям хагана понадобилось бы очень многое объяснять, а Кашан понимал угрозу.

Шаол узнал голос принца. Ириана знала этот голос еще лучше. И когда Кашан появился в коридорчике их покоев, Шаол кивнул ей, показывая, что можно освобождать дверь.

Пожалуй, впервые он был доволен, что находится в кресле, иначе у него бы точно подкосились ноги. Спокойствие спокойствием, но Шаол не знал, чем может окончиться сражение с валгом. Воевать, сидя в кресле, даже с мелким прихвостнем, – занятие почти наверняка провальное. Единственное, на что рассчитывал Шаол, – это на свое умение метателя. Он так и решил: едва валг прорвется в спальню, он метнет в незваного гостя меч и кинжал.

Что будет с ним самим – Шаола не волновало. Его заботила участь Ирианы и то, сколько времени он сможет выиграть для нее.

Итак, на Ириану устроили охоту. Ее собирались убить, предварительно истязав и подавив волю к сопротивлению. Возможно, ее ожидало нечто пострашнее смерти, если за нею охотился посланец Мората, одержимый демоном. Целительница с черным каменным ошейником… Кошмарнее не придумаешь.

Распознать голос Шаол не сумел. Мужской ли, женский – непонятно. Но явно не голос обычного злоумышленника.

Дверь Ириана открывала уже вполне успокоившейся. Примчавшийся Кашан шумно дышал, глядя на нее во все глаза. Шаола он почти не замечал.

– Что случилось? – спросил принц, продолжая смотреть только на нее.

Ириана остановилась за креслом Шаола и с удивительным спокойствием ответила:

– Господину Эстфолу положено пить на ночь настой. Он иногда забывает об этом, что не лучшим образом сказывается на исцелении. Сегодня я решила проверить, выполнил ли он мое предписание.

Врунья. И где она научилась так складно врать? Скорее всего, шла, чтобы задать ему взбучку, которой Шаол ждал весь вечер.

Ириана встала рядом с ним, и он ощущал плечом ее жаркое дыхание.

– Я была невдалеке от двери, как вдруг услышала за спиной чьи-то шаги.

Рассказывая, она все время озиралась по сторонам, словно валг по-прежнему прятался где-то здесь и мог выскочить из темного угла. Кашан спросил, подозревает ли она кого-нибудь. Ириана взглянула на Шаола. Они оба понимали цель атаки: напугать ее, заставить отказаться помогать Шаолу, поскольку его исцеление мешало осуществлению гнусных замыслов Мората. Кашану она ответила, что врагов у нее нет и она никого не подозревает.

Кашан разглядывал треснувшую дверь спальни Шаола. Лицо принца было перекошено яростью.

– Пусть четверо встанут на дежурство в коридоре у двери, – бросил он заместителю. – Еще четверо – в конце коридора. Десяток направишь в сад. И шестерых – на все коридорные перекрестки по пути сюда.

Ириана шумно вздохнула. Скорее всего, она, как и Шаол, почувствовала облегчение. Кашан это видел и слышал.

– Мои люди уже осматривают дворец вдоль и поперек. – Он положил руку на эфес меча. – Я намерен к ним присоединиться.

Шаол понимал: это делается не только ради Ирианы. У Кашана были все основания принять участие в поисках. Наверное, в окнах его покоев по-прежнему висели белые лоскуты.

Учтив. Верен своему долгу, как и положено принцам. Кто знает, быть может, они с Дорином подружатся, если дальнейшие события сложатся в их пользу.

– Пока я не ушел, тебе надо вернуться в Торру, – сказал

Ириане Кашан. – Я распоряжусь насчет охраны.

Глаза принца были полны искренней заботы о ней. Он надеялся, что Ириана откликнется. Шаол отвернулся и стал наблюдать за гвардейцами, продолжавшими осмотр покоев.

– Для меня безопаснее остаться здесь, – ответила Ириана.

Шаол старался ничем не выдать своего удивления. Она хотела остаться. С ним ей было безопаснее.

Шаола так и подмывало напомнить ей, что выше лодыжек он своих ног не чувствует.

Казалось, принц только сейчас вспомнил об адарланце. В глазах Кашана мелькнула досада, быстро сменившаяся предупреждением Шаолу. Шаол тоже хотел послать ему предостережение: «Нечего зыркать на меня. Лучше иди и проверяй безопасность дворца».

Нет, так нельзя. Ему нужны союзники, а не новые враги. Шаол вспомнил, как отвратительно вел себя днем с Ирианой. Она-то тут при чем? Можно подумать, что Несарина пропала без вести. Но он весь день думал о короткой записке своей спутницы. И о металлической руке Шена, о словах этого мужественного караульного.

Кашан не спорил.

– Если что-то понадобится, дай знать. – Он наклонил голову, приложив руку к груди.

Ириана заставила себя кивнуть в ответ. Весь ее вид показывал, что она не задерживает Кашана. Шаолу даже стало жаль принца.

Кашан молча удалился. С ним ушла часть караульных. Сквозь садовые двери было видно, что они успели взять под охрану сад.

– Спальня Несарины свободна, – сказал Шаол, когда они наконец-то остались одни.

Он ждал ее вопроса: почему? Потом вспомнил: Ириана не пыталась разбудить Несарину. Она бросилась к нему. Значит, ей сообщили.

– Знаю, – коротко ответила Ириана, подтверждая его догадку.

Ничего удивительного. Во дворце полным-полно шпионов, да и сплетни разлетаются мгновенно.

– А можно мне остаться здесь? – спросила Ириана. – Лягу на полу.

– Зачем же на полу? Ложись на кровать. Я сегодня вряд ли усну.

Даже при таком обилии караульных… Он видел, как один валг спокойно противостоял целому отряду. Он помнил, как Аэлина расправлялась со множеством противников и те падали, сраженные ударами ее меча. А возможности валгов куда шире,

чем у ассасинов… Нет, ему сегодня точно не уснуть.

– Ты же не можешь всю ночь просидеть в кресле.

Шаол торопливо ответил, что может. Ириана пожала плечами и пошла в купальню. Пока она умывалась, он проверил расположение караульных и состояние дверного замка. Когда Ириана вернулась, воротник ее платья был мокрым, а лицо – бледным. Подойдя к кровати, она остановилась в нерешительности.

– Простыни поменяли, – тихо сообщил Шаол.

Не глядя на него, она забралась в постель. Судя по беспокойным, несколько судорожным движениям, страх ее не отпускал. Но в минуты опасности она действовала прекрасно. Комод, которым она загородила дверь, был тяжелым. Даже для него… в его прежнем состоянии. Конечно, это ужас придал ей сил. Шаол слышал истории про матерей, опрокидывавших тяжеленные повозки, которыми придавило их детей.

Ириана лежала, подперев голову руками.

– Что ощущает человек, когда кого-то убивает? – спросила она.

В памяти Шаола мелькнуло лицо Кэйна.

– У меня мало опыта, – признался он.

Ириана удивленно посмотрела на него.

– Я впервые убил человека… в позапрошлом году, вскоре после празднования Ильмаса.

– Но ты же…

– Да, меня учили убивать. И сражаться приходилось. Бывало, кого-то ранил. Но не убивал.

– Ты же был капитаном королевской гвардии.

– Капитан – не значит палач, – невесело усмехнулся Шаол. – Королевская гвардия отличалась от солдат на поле боя. У нас были другие задачи.

Ириана пододвинула к себе подушку:

– Но потом тебе пришлось убивать. И не однажды.

– Да, хотя не настолько, чтобы к этому привыкнуть. Убивать такую нечисть, как валги, можно и нужно, ибо они не щадят никого. Вся беда в том, что вместе с ними мы убивали людей, в которых они вселились. Были такие, в ком не осталось ничего человеческого. Но были и другие, не потерявшие себя. Решать, кого убить, а кого пощадить… Никому не пожелаю таких решений. До сих пор не знаю, где пролегает граница между верным и неверным выбором. Мертвые не говорят.

– Когда мне исполнилось семь, мама заставила меня принести клятву: никогда не лишать человека жизни. Целители не всесильны. Бывают страшные болезни, с которыми нам не

справиться. И тогда, с согласия больного и его близких, мы даруем ему блаженную смерть, чтобы прекратить страдания. Такие случаи очень редки. Но они не имеют ничего общего с убийством.

– Конечно.

– Я думаю… сегодня я бы попыталась убить нашего противника. Я была…

Шаол ждал, что она скажет: «Я была напугана, поскольку единственный мой защитник находился в кресле».

– Я решила, что никуда не побегу. Ты был готов выиграть время для моего побега, но… я больше не могу бегать.

– Понимаю, – прошептал Шаол, ощущая тяжесть в груди.

– Хорошо, что до этого не дошло. Но наш противник ускользнул. Вряд ли мне стоит радоваться.

– Возможно, Кашану повезет в поисках.

– Сомневаюсь. Этот человек… или демон… исчез еще до появления караульных.

– Надеюсь, тебе не придется пускать в ход этот кинжал или другое оружие. Даже в милосердных целях, – помолчав, сказал Шаол.

Глаза Ирианы были переполнены печалью. У Шаола снова перехватило дыхание.

– Спасибо, – прошептала она. – Спасибо за твою готовность взять ту смерть на себя.

Таких слов Шаолу не говорил никто. Даже Дорин. Но подобных действий от него ожидали. Аэлина… Селена благодарила его за убийство Кэйна. По сути, Шаол тогда спас ей жизнь. И для нее в этом не было ничего удивительного.

Скольких успела отправить на тот свет сама Аэлина… Шаол не хотел знать ни точное, ни приблизительное число. Его неспособность убивать с такой же легкостью… Как ни странно, порою он даже испытывал замешательство… если, конечно, возможно удивляться отсутствию в себе навыков убийцы.

Потом он много убивал. В Рафтхоле, вместе с мятежниками, выступавшими против валгов. Но Ириана… уменьшила это число. Сам он никогда не гордился убийством врагов и не испытывал удовлетворения.

– Жаль, что Несарина… вот так, – сонно проговорила Ириана.

«Не беру с тебя никаких обещаний и сама ничего обещать не буду».

– Я обещал ей приключение, – вздохнул Шаол. – Она это заслужила.

Ириана молчала. Подумав, что целительница уснула, он повернул голову к кровати. Ириана лежала, свернувшись

калачиком, и пристально смотрела на него.

– А ты? – спросила она. – Чего заслуживаешь ты?

– Ничего. Ровным счетом ничего.

– Я совершенно не согласна, – возразила Ириана, сонно хлопая ресницами.

Шаол вновь повернулся к садовым дверям:

– Мне многое было дано, а я попусту растратил все.

Он взглянул на Ириану. Напряжение покинуло ее лицо. Она ровно дышала во сне.

Шаол еще долго смотрел на нее.

Наступило утро, а Ириана все спала. Шаол позволял себе лишь ненадолго вздремнуть. Когда первые солнечные лучи заскользили по мрамору спальни, он переместился в умывальную, чтобы промыть глаза от остатков сна.

Ириана продолжала спать. Шаол выехал в коридор. Караульные находились на своих местах, четко выполняя приказ Кашана. Шаол поздоровался с ними и спросил, как ему добраться до учебного плаца. Они рассказали. Шаол развернул кресло и пригрозил переломать им кости, если в его отсутствие с Ирианой что-либо случится.

Путь до учебного плаца, куда Ириана вчера предлагала ему отправиться, занял совсем немного времени. Невзирая на ранний час, там было полно гвардейцев. Его не особо замечали. Лица нескольких ему были знакомы – они вместе с Шеном несли караул во дворе. Шаол им кивнул.

К нему подошел незнакомый гвардеец. Этот был заметно старше остальных, с почти седыми волосами. Шаолу сразу вспомнился Брулло – его бывший наставник, главный королевский оружейник. В последний раз Шаол его видел, когда тело Брулло покачивалось на воротах замка.

Усилием воли Шаол прогнал жуткую картину. Он представил Ириану, мирно спящую в его кровати. Потом вспомнил, как вчера она объявила принцу и остальному миру, что ей безопаснее здесь. С Шаолом.

При виде крепких, совершенно здоровых, сосредоточенно упражняющихся гвардейцев он испытал еще один приступ душевной боли. Даже плац очень напоминал рафтхольский, где он провел столько времени. Шаол остановил и этот поток. Он явился сюда не страдать, а заниматься. Мысли о Шене прогнали все поползновения жалости к себе. Шаолу вспомнилось, как легко и проворно Шен помогал ему забираться на лошадь. Кто бы подумал, что у этого караульного – металлическая рука? При увечье, которое многим перечеркнуло бы жизнь, Шен остался

полноценным человеком и не менее полноценным гвардейцем.

– Доброе утро, господин Эстфол, – произнес по-адарлански седой караульный. – Что привело вас сюда в столь ранний час?

Возможно, он что-то слышал о ночном нападении и, быть может, даже хотел узнать подробности, но тактично воздерживался от расспросов, ибо понимал: учебный плац – не место для таких разговоров. Столь же тактично он не заметил напряжения Шаола.

– У себя дома я много лет упражнялся с гвардейцами, – сказал Шаол, поднимая меч и кинжал, привезенные с собой. – Многому научился от них.

Караульный вопросительно посмотрел на него. Шаол выдержал его взгляд:

– А теперь я хочу поучиться у вас.

Седого гвардейца звали Хашимом. Шаол упражнялся с ним, пока едва мог дышать. Порою он забывал, что сидит в кресле.

Чином Хашим был ниже Шаола. Он ведал обучением дворцовых гвардейцев. Оценив положение адарланского гостя, Хашим предложил Шаолу очень действенные упражнения. Часть из них требовала, чтобы кто-то держал ему ноги, а часть он мог выполнять самостоятельно, прямо в кресле.

Шаол узнал, как год назад Хашим помогал Шену. И не он один. Шену тогда помогали многие. Несколько месяцев его учили по-новому владеть своим телом и разрабатывать новый стиль ведения боя.

Неудивительно, что никто не глазел на Шаола, не посмеивался и не перешептывался за спиной. Все были слишком заняты, все трудились до изнеможения. В такие минуты не до праздной болтовни.

Поднявшееся солнце уже прожаривало двор, но упражнения продолжались. Хашим показывал Шаолу новые приемы владения мечом и кинжалом. Новые способы обезоружить противника.

Это была иная стратегия. Иные методы защиты. Здесь по-иному убивали и смерть говорила на ином языке.

На завтрак гвардейцы расходились чуть ли не шатаясь от усталости. Шаол тоже утомился, однако мог бы продолжать. Не потому, что у него имелись скрытые резервы. Он просто хотел упражняться дальше.

Ириана ждала его возвращения. Шаол вымылся и немного передохнул, а затем началась другая работа.

Эта работа длилась шесть часов. Шаола крючило от боли, Ириану трясло от усталости, но ей удалось пробудить в его ногах чувствительность выше лодыжек. Онемелость сдавала позиции.

Вечером Ириана под усиленной охраной вернулась в Торру, а Шаол провалился в сон. Пожалуй, никогда еще он не спал так крепко.

Утро Шаол встретил на учебном плацу, ожидая появления Хашима.

Так было и на второй день. И на третий.

Часть вторая. Горы и моря

29

В качестве прощального подарка северные отроги Асимильских гор преподнесли Несарине и Сартаку бури.

Проснувшись и едва взглянув на темные клочья туч, принц велел Несарине надежно придавить камнями всю поклажу. Кадара переминалась с лапы на лапу, шелестела перьями, а ее золотистые глаза следили за надвигающимся ураганом.

Удар грома расколол небо, и эхо ответило ему из всех расщелин. Несарина и Сартак вжались в каменную стену под навесом. Порывы ветра хлестали по ним. Содрогались окрестные горы. Кадара стойко переносила бурю, заслоняя людей надежной стеной белых и золотистых перьев.

И все же ледяной дождь прорвался в их укрытие и проморозил Несарину до мозга костей. Не спасли ни густые перья рукки, ни толстое шерстяное одеяло, в которое по настоянию Сартака она завернулась. Зубы стучали так яростно, что заныла челюсть. Онемевшие руки Несарина сунула под мышки, где еще сохранялось тепло.

Даже в детстве, до того как магия исчезла с Эрилеи, Несарина не мечтала о магических способностях. Позже, когда адарланский король несколькими указами «упразднил» магию и повел безжалостную охоту на бывших магов, она вообще запретила себе думать о подобных вещах. Несарина добросовестно училась стрелять из лука, владеть мечом и кинжалом, метать ножи. Она неутомимо упражняла тело, пока и оно не стало оружием. На вопросы отца и сестры, зачем ей все это, она давала один и тот же ответ: магия способна исчезать, а хорошая сталь никогда не подведет.

Сейчас, сидя на пронизывающем ветру, под ледяным дождем, успев забыть ощущение тепла, Несарина впервые пожалела, что не может пустить по жилам магический огонь. А еще лучше, если бы на вершину горы вдруг явилась какая-нибудь Огненосица, согрела бы их и раскинула над головами магический купол, загородив от разгулявшихся стихий.

Но где сейчас Аэлина – никто не знает. Во всяком случае, такие донесения получала Хасара. Несарина была склонна верить принцессе. Вопрос: что послужило причиной исчезновения Аэлины и ее двора? Грязные «моратские игры»? Или собственные замыслы террасенской королевы?

В Рафтхоле Несарина вдоволь насмотрелась на возможности Аэлины и узнала ее главную привычку: никого не посвящать в свои замыслы и ни с кем не советоваться. Скорее всего, королева исчезла сама, чтобы затем самой же выбрать место и время появления. И время будет выбрано с удивительной точностью. Это и нравилось Несарине в королеве. Аэлина строила долгосрочные замыслы и позволяла внешнему миру считать себя необузданной хвастуньей. А замыслы, о которых знала только она, потихоньку осуществлялись. Стратегия настоящего полководца: чем меньше знают о том, что ты вознамерился сделать, тем меньше возможностей тебе помешать.

И сейчас, слушая завывания бури и стук льдинок, Несарина думала: вдруг у Аэлины Галатинии сыщется в рукаве такая карта, о которой не знает даже ее двор? Только бы нашлась. Почему-то Несарине казалось, что от действий террасенской королевы зависит судьба всего мира.

Но магия однажды уже подвела целый континент. Несарина напомнила себе об этом под стук собственных зубов. Нужно искать способ победить Мората без магии.

Прошел не один час, прежде чем буря отправилась терзать другие части континента. Увидев, что Кадара отряхивается, Сартак поднялся. Они с Несариной получили дополнительную порцию холодного дождя, но жаловаться было бы несправедливо. Все это время рукка стойко принимала на себя основной напор стихий.

Их седло, конечно же, насквозь промокло. Несарине казалось, что она сидит в луже. Однако запасного седла у принца не было. Кадара взмыла вверх, навстречу расчистившимся небесам и холодным потокам ветра, дувшим с гор на окрестные луга и равнины.

Буря украла у них драгоценное время, вынудив устроить еще один привал с ночлегом. На этот раз Сартак выбрал небольшую рощицу с полянкой посередине. И опять – никакого огня. Даже маленького костерка, чтобы немного согреться. Несарина молчала, понимая, что принц вовсе не издевается над нею, а руководствуется соображениями безопасности. Холод поселился у нее в костях. Толстая подстилка не спасала от корней, врезавшихся в спину. На ужин – снова фрукты, вяленое мясо и успевший зачерстветь хлеб. Желудок Несарины сердито урчал, требуя более внушительной пищи.

Она была не вправе упрекать принца. Он и так отдал ей свое одеяло и предложил переодеться в сухую одежду. Его одежду. Несарина вежливо отказалась. Почему? Она отправилась в путь с человеком, с которым была едва знакома. Полетела на

остроглазой рукке, где их спутником было сульде принца… Пустилась за тридевять земель почти с незнакомцем.

Раньше такие мелочи не слишком заботили Несарину. Служба в городской гвардии каждый день сталкивала ее с незнакомцами: разозленными, испуганными, подавленными. Приятные встречи можно было пересчитать по пальцам; особенно в последние полгода, когда тьма накрыла Рафтхол и устроила охоту в его подземельях.

Но что касается Сартака… Дрожа от холода и ворочаясь без сна, Несарина снова и снова обдумывала свое решение. Не слишком ли она поспешила? Союз с хаганом очень важен, и все же…

Сквозь верхушки тонких сосен пробивался серый рассвет. У Несарины ломило руки и ноги. Глаза воспалились после бессонной ночи. Кадаре, топтавшейся на месте, не терпелось поскорее оказаться в воздухе. Пока сворачивали лагерь и усаживались, они с Сартаком едва обменялись парой слов. Сегодня он рассчитывал добраться до гнезда руккинов.

Чем дальше на юг, тем холоднее становились ветры. Через два часа полета Сартак прошептал ей на ухо:

– Глянь-ка туда.

Его рука указывала на восток.

– Если лететь полдня, достигнешь северного края степей. Сердце Дарганца.

– Вы там часто бываете?

Сартак мешкал с ответом, будто она задала сложный вопрос.

– Они больше признают Кашана, – наконец ответил он. – И Тумелуну… признавали.

Интонация, с какой он произнес имя покойной сестры, говорила о многом.

– Когда-то руккины и дарганцы составляли единый народ. Мы скакали на муникийских лошадях, преследовали рукков и загоняли этих птичек вглубь Таванских гор.

Он махнул в направлении юго-востока. На горизонте высилась череда высоких зубчатых вершин. Кадара устремилась туда. Горы, кое-где покрытые снегом, перемежались лесами.

– Нам долго не удавалось приручить рукков. Жертвы были с обеих сторон. А когда это произошло, часть конников и их предводители не захотели возвращаться в степи.

– Теперь понятно, почему у вас так много схожих традиций. – Несарина взглянула на сульде, надежно прикрепленное к седлу.

Далеко внизу колыхалось золотое море иссохших трав, перерезанное извилистыми нитями рек.

Несарина быстро перевела взгляд на горы. Она почти

свыклась с мыслью, что смерть летит с ними рядом, однако мысль не могла унять беспокойно урчащий живот.

– Да, – отозвался Сартак. – И потому на войне наши воздушные всадники часто объединяются с дарганцами. Способы сражения, конечно же, разные, но мы неплохо научились действовать сообща.

– Кавалерия внизу и воздушное прикрытие сверху, – подытожила Несарина, стараясь не высказывать особой заинтересованности. – А вы участвовали в войнах?

Принц опять помедлил с ответом:

– В таких, как бушуют на вашем континенте, нет. Наш отец старается убедить все земли, входящие в хаганат: верность вознаграждается, а сопротивление обрекает на смерть.

Спина Несарины покрылась ледяным панцирем.

– Меня дважды посылали напомнить эту простую истину жителям нескольких земель, где назревал мятеж.

Его дыхание согревало ей ухо.

– И потом, руккины тоже делятся на кланы. Иная вражда длится десятками лет, если не больше. Я научился обходить острые углы, не принимая чью-либо сторону. Приходилось и споры улаживать.

Он лишь не добавил, что порою улаживание не было исключительно словесным.

– Тебе в городской гвардии наверняка приходилось заниматься тем же самым.

– До таких высот я не доросла. – Несарина хмыкнула. – В основном несла службу на городских улицах. Повышения пролетали мимо.

– Я думал, с таким искусством стрельбы ты командовала всей рафтхольской стражей.

Несарина улыбнулась. Обольститель. Под суровой внешностью принца скрывался бесстыжий ухажер. Вопрос Сартака не был сложным. Ответ она нашла еще несколько лет назад.

– Адарлан не настолько открыт, как хаганат, если говорить о роли женщин в армии или городской страже. Мои навыки ничего не значили. Повышение получали мужчины, а моей участью год за годом оставался обход улиц. Что с городским дном, что с повздорившей знатью разбирались гвардейцы чином повыше. И конечно же, учитывалось адарланское происхождение.

Узнав, что Несарину снова обошли повышением, ее сестра начинала шумно выражать недовольство. Предлагала, даже требовала «поговорить с ними напрямую». Несарина не возмущалась и не спорила с сестрой. Посмей она что-то потребовать у начальства или даже повысить голос… Остальное

зависело от настроения начальства. В лучшем случае она могла услышать: «Скажи спасибо, что тебя вообще приняли в городскую стражу». В худшем – от нее бы потребовали сдать меч, форменную одежду и проваливать на все четыре стороны. Почему она не уходила со службы? Не только и не столько из-за жалованья. Среди рафтхольских стражников было крайне мало тех, кто по-настоящему помогал попавшим в беду. А потому Несарина продолжала служить и не возмущалась, когда весьма посредственные ее сослуживцы-мужчины получали повышение.

– Да. Я слышал, адарланцы не очень-то благоволят к выходцам из других краев.

– Это еще мягко сказано! – вырвалось у Несарины.

Тем не менее отец твердо решил пустить корни в Рафтхоле, утверждая, что жизнь там дает больше возможностей. Даже когда Адарлан начал завоевывать соседние государства, отец не тронулся с места. А как мама уговаривала его вернуться в Антику – город, который она полюбила всем сердцем. Повзрослев, Несарина пыталась понять, что́ же двигало отцом. Возможно, упрямство. Возможно, желание выстоять наперекор тем, кто вновь устраивал гонения на чужестранцев.

Несарина искренне старалась не винить отца в последствиях его выбора. Правда, иногда она срывалась и выплескивала гнев. Сестра и здесь ее не понимала. Делара всегда любила Рафтхол, любила шумную, пеструю жизнь адарланской столицы. Ей удавалось расположить к себе адарланцев и победить их нетерпимость к «чужакам». Неудивительно, что замуж она вышла за уроженца Рафтхола. «Дитя Адарлана» – эти слова были вполне применимы к Деларе. Адарлана, каким он когда-то был и каким, возможно, станет снова.

Поймав быстрый воздушный поток, Кадара понеслась в его струях. Мир внизу слился в одну разноцветную полосу. Горы становились все ближе.

– Тебя когда-нибудь… – начал Сартак.

– О таком не стоит говорить, – перебила его Несарина.

Не стоит… особенно когда она и сейчас чувствовала камень, ударивший ей в голову, и слышала оскорбительные дразнилки адарланских сверстников. Детство давно прошло, а ощущения остались.

– Простите, ваше высочество, – добавила она, глотая скопившуюся слюну.

– Опять мой титул выплыл, – засмеялся Сартак, но поддразнивать ее не стал. – Я намерен попросить тебя в среде руккинов не называть меня принцем и вашим высочеством.

– Вы намерены попросить или уже про́сите?

Его руки на мгновение обхватили Несарину. Это могло сойти за дружеский жест предостережения.

– Мне понадобилось несколько лет, прежде чем руккины перестали спрашивать, не подать ли мне шелковые шлепанцы и не позвать ли слуг, чтобы расчесали мои волосы.

Несарина усмехнулась.

– Среди них я просто Сартак. Или капитан.

– Капитан? – удивилась она.

– У нас нашлась еще одна общая черта.

Бесстыжее ухаживание. Иначе не назовешь.

– Но вы же управляете шестью кланами руккинов. И они подчиняются вам.

– Подчиняются. Когда мы собираемся вместе, там я принц. Но внутри Эридунского клана – а этот клан меня воспитал, и я считаю его родным – я всего лишь капитан их войск. Там я подчиняюсь приказам матери-по-очагу.

Он снова обнял Несарину – якобы для подкрепления своих слов.

– Такую же линию поведения я посоветую и тебе, если не хочешь, чтобы тебя раздели догола и привязали к скале во время бури.

– Боги милосердные, – прошептала Несарина.

– Вот именно.

– Неужели она…

– Да. И, повторяя твои слова, о таком не стоит говорить.

Однако Несарина снова засмеялась. Все это время она только и делала, что улыбалась.

– Принимаю ваше предостережение, капитан.

Таванские горы превращались в серую каменную громаду. Их стена была значительно выше всех гор, какие она видела в Эрилее. Правда, ее впечатления по части гор были небогаты. Семья Несарины крайне редко путешествовала по Адарлану и соседним королевствам. Отец постоянно был занят. Существовала и другая, более важная причина. В сельской местности к «чужакам» относились настороженно, если не сказать, враждебно. Даже если дети родились на адарланской земле и от адарланской матери. Это обстоятельство особенно злило селян.

Несарина молила всех здешних богов, чтобы руккины оказались более доброжелательными.

Отец рассказывал ей о гнездах руккинов. Но действительность превосходила его рассказы. Если не видеть это своими глазами, можно было бы упрекнуть рассказчика в досужей выдумке. В самом сердце Таванских гор три высоченные соседние

вершины и их склоны были усеяны жилищами руккинов.

Это не были *гиры* – широкие шатры с деревянным каркасом. Те годились для кочевания по степям и равнинам, но в горах не продержались бы и дня. Эридунский клан строил из камня. Правильнее сказать, вырубал в камне дома, коридоры и помещения. Многие из них были пещерами, некогда служившими гнездами для рукков.

Часть гнезд сохранялась и поныне; особенно те, что находились близ жилья руккина и его семьи. Это позволяло мгновенно позвать птицу, свистом подав ей команду. Иногда руккин просто забирался в гнездо по бесчисленным веревочным лестницам на склонах. Через них поддерживалось сообщение между домами и пещерами. Но лестницы устраивались и внутри горной толщи, в основном для детей и стариков.

Сами дома имели широкий вход (обычно использовался естественный вход в пещеру), куда могли залетать рукки. Дальше начинались жилые помещения. На склонах кое-где виднелись окна, показывая, что там живут. Окна обеспечивали доступ свежему воздуху.

Впрочем, недостатка в свежем воздухе здесь не ощущалось. Ветер постоянно дул между тремя соседними горами, в которых обитал родной клан Сартака. Небо пестрело парящими, взлетающими и садящимися рукками. Они отличались размерами и цветом перьев. Несарина попыталась сосчитать все горные жилища, но очень скоро сбилась со счета. Их были сотни. Еще столько же, если не больше, находились внутри горной толщи.

– И все это – только один клан? – спросила давно молчавшая Несарина.

Кадара устремилась к средней вершине. Несарина качнулась в седле и уткнулась в теплую спину Сартака. Принц подался вперед, стараясь уберечь ее от лишней качки. Его колени уткнулись ей в бедра. На земле… Несарина не знала, как бы в этом случае повела себя на земле. Здесь же, учитывая, что седло не имело второй пары стремян, она была только благодарна.

– Эридунский клан – один из крупнейших. И самый древний, если мы примем их точку зрения.

– Кто-то сомневается в этом? – удивилась Несарина.

Казалось, гнездо на склонах существует не одну сотню лет.

– Каждый клан утверждает, что он – самый древний и, конечно же, самый первый по мастерству и боевой славе. – Сартак засмеялся. Смех принца отдавался не только в ушах Несарины, но и во всем теле. – Когда мы собираемся на Слет, сразу же вспыхивают споры. Руккин скорее стерпит, если ты оскорбишь его жену, чем если скажешь в лицо, что твой клан древнее.

Несарина улыбнулась и тут же зажмурила глаза. Ей было страшно смотреть вниз. Она успела заметить широкую площадку, что-то вроде естественной веранды, куда сейчас держала путь… правильнее сказать, камнем падала Кадара. Из-под громадной арки, ведущей в пещеру, на площадку выходили люди. Заметив Кадару, они приветственно махали.

Сартак улыбался. Это чувствовалось по его голосу.

– Мы сейчас летим в подобие дворцового большого зала. Только здесь он называется Альтунским горным залом. Здесь живут моя мать-по-очагу и моя семья.

За время путешествия Сартак кое-что рассказал ей об этих местах. Горная пещера, куда они опускались, называлась Альтун, что в примерном переводе означало «Гавань ветров». Три горы имели общее название – Доргос, или же Три певца. Гора, где находилась пещера, была выше соседних. Высота пещеры достигала сорока локтей, а ширина – втрое больше. Приоткрыв глаза, Несарина заметила в глубине колонны. Помещение и в самом деле напоминало просторный зал.

– Здесь у нас зал для приемов и торжеств, – пояснил Сартак.

Кадара стремительно неслась к площадке, и ему пришлось еще крепче обхватить Несарину. В каком виде она предстанет перед кланом принца? С зажмуренными глазами, поскольку ей было страшно смотреть вокруг? Едва ли руккины встретят ее с восхищением.

Несарина подалась чуть вперед, одной рукой держась за седельную луку. Вторая упиралась в колено Сартака, больно давившее на ее подколенные ямки.

– У знаменитой лучницы все-таки есть слабые места, – тихо засмеялся принц.

– Очень скоро я узнаю про ваши, – парировала Несарина, чем заработала новый смешок.

На удивление плавно Кадара опустилась на почти блестящую поверхность веранды. Все, кто там находился, поспешили внутрь, чтобы не попасть под крылья рукки и сильный порыв ветра.

Вот Кадара замерла. Несарина быстро выпрямилась, разжала пальцы и стала разглядывать зал. Его колонны были не каменными, а деревянными, с росписью. Светильники отбрасывали мягкий золотистый свет, приглушая роспись, где преобладали красный и зеленый тона. Основное пространство пола покрывали плотные ковры с яркими узорами. Несарина увидела круглый стол, а возле дальней стены – небольшой помост. Рядом начинался коридор, освещаемый факелами и уходящий в толщу горы. По обеим сторонам коридора темнели двери.

Самую середину Альтунского горного зала занимал очаг.

В полу была выдолблена внушительная яма, настолько глубокая, что вниз вели широкие ступени. Сооружение чем-то напоминало амфитеатр, где место сцены занимал огонь. Действительно очаг. Лучшего слова не подберешь.

Настоящее место, настоящее окружение для Крылатого Принца.

Несарина расправила плечи. К Кадаре устремились люди разного возраста. Они широко улыбались. Кто был в знакомых кожаных доспехах, кто – в ярких длиннополых плащах из плотной шерсти. Почти у всех – черные шелковистые волосы и золотисто-коричневая обветренная кожа. Сартак разом перестал быть наследным принцем, превратившись в одного из руккинов.

– Надо же, прилетел, – растягивая слова, произнесла молодая женщина, постукивая сапогом по гладкому полу.

На женщине был длинный красно-синий плащ. Несарина приказала себе замереть и выдержать сверлящий взгляд обитательницы гнезда. Черные косы женщины, скрепленные красными кожаными лентами, спускались почти до пояса. Одну она закинула через плечо.

– Смотрите, кто променял роскошные наряды и купание в благовонных маслах, чтобы вернуться в нашу глушь.

Несарина усиленно старалась придать лицу выражение сосредоточенного спокойствия. Сартак лишь опустил поводья Кадары и посмотрел на Несарину. «Я тебя предупреждал». Затем наклонился в сторону насмешливой женщины. Несарине показалось, что та – ее ровесница, если не младше.

– А кто еще привезет тебе, Борта, несколько пар изящных шелковых туфелек? Только не пытайся меня уверить, что не мечтала о них и не просила богов напомнить мне.

Несарина закусила губу, не позволяя себе улыбнуться. Остальные не только улыбались во весь рот, но и откровенно посмеивались.

– Раз ты сам обожаешь в них щеголять, то наверняка знаешь, где их купить, – не унималась Борта.

Сартак засмеялся. Громко. Весело.

Несарину снедало желание глазеть на него, открыв рот. Помнится, во дворце он лишь улыбался. Смех принца она слышала впервые.

А когда она сама в последний раз заливисто смеялась? Даже в обществе дяди и тетки ее смех был сдержанным, словно внутри стояла невидимая преграда. Несарина мысленно перебрала свою жизнь. Пожалуй, так беспечно она смеялась, когда только поступила на службу в городскую стражу и знать не знала о

разной нечисти, обитавшей в сточных каналах под Рафтхолом.

Сартак ловко выпрыгнул из седла и протянул Несарине руку.

Только протянутая рука и заставила собравшихся обратить внимание на Несарину. Все, кроме Борты, разглядывали ее со сдержанным любопытством. Хозяйка длинных кос смотрела на нее внимательно и придирчиво. Естественно, Борта заметила ее кожаные доспехи и то, что по облику Несарина никак не может быть их соплеменницей.

Знала бы Борта, как давно и часто на Несарину глазели незнакомые люди и сколько их суждений слышала она за спиной. История повторялась даже здесь, в горном зале Альтуна, среди руккинов.

Не замечая протянутой руки Сартака, Несарина заставила одеревеневшее тело подчиняться ее приказам. Она быстро перекинула ногу через седло и спрыгнула вниз. Ступни и колени ощутили силу удара, однако внешне спуск прошел гладко. Несарина удержалась от излюбленной привычки запустить руку в волосы. Там сейчас, невзирая на короткую косу, было настоящее крысиное гнездо.

В темных глазах Борты мелькнуло одобрение.

– Бальрунийская женщина в руккинских доспехах. Зрелище, надо сказать.

Сартак молча посмотрел на Несарину. Это было приглашение и вызов. И потому Несарина засунула руки в карманы облегающих кожаных штанов, неторопливо подошла к принцу и встала рядом с ним:

– Тебе будет легче, если я сообщу, что не далее как утром Сартак водил пилочкой по ноготкам?

Несколько секунд Борта молча смотрела на Несарину, затем буквально взвыла от смеха.

Сартак бросил на нее одобрительный, хотя и чуть сердитый взгляд:

– Познакомься с Бортой, моей сестрой-по-очагу, внучкой и наследницей Хулуны – моей матери-по-очагу.

Подойдя к Борте, он по-мальчишечьи дернул ее за косу. Она хлопнула принца по руке.

– А ты, Борта, познакомься с капитаном Несариной Фелак… Она командует королевской гвардией Адарлана.

Стало тихо. Черные брови Борты удивленно изогнулись.

Вперед вышел пожилой руккин в кожаных доспехах:

– Чему здесь изумляться больше? Тому, что бальрунийская женщина стала их капитаном? Или тому, что адарланский капитан забралась так далеко?

– Вечно ты лезешь с пустой болтовней и нелепыми

вопросами, – отмахнулась Борта.

К удивлению Несарины, старик лишь поморщился, но послушно закрыл рот.

– Есть более существенный вопрос… – Борта лукаво посмотрела на Сартака. – Она прилетела сюда как посланница? Или как невеста?

С лица Несарины мигом сдуло все спокойствие. Какое же положение занимает здесь эта особа?

– Борта! – рявкнул на сестру Сартак.

Она все так же лукаво посмотрела на него:

– Сартак еще ни разу не привозил сюда таких красавиц. Ни из Антики, ни тем более из Адарлана. Так что, капитан Фелак, не подходи слишком близком к обрывам. Местные девчонки могут ненароком и столкнуть.

– И ты в том числе? – Щеки Несарины вспыхнули, однако голос звучал спокойно.

– Не думаю, – хмуро ответила Борта.

Кое-кто из собравшихся снова засмеялся.

– Она же моя сестра-по-очагу, – пояснил Сартак, ведя Несарину к стульям возле круглой ямы. – Это то же самое, что кровное родство. Я считаю Борту своей родной сестрой.

Борта перестала язвительно улыбаться и присоединилась к Сартаку:

– Как твои в Антике?

В глазах Сартака что-то мелькнуло, и только.

– Все в делах, – лаконично ответил он.

Не ответ, конечно, однако Борта кивнула. Видно, хорошо изучила принца в разных состояниях и знала, куда лучше не углубляться.

Несарина уселась на расписной деревянный стул с низкой спинкой. Как же ей не хватало этого чудесного, жизнетворного тепла. Она вытянула окоченевшие ноги, ожидая, когда прогреется кожа сапог.

– Сартак, ты что же, не мог раздобыть для своей милой сапоги потеплее? – прошипела Борта.

Сартак огрызнулся на Борту. Несарине вспомнилась история этих сапог. Конечно, они не годились для дальних перелетов и столкновения с ледяными дождями и пронизывающими ветрами. Эти сапоги из мягкой тонкой кожи преподнес ей Дорин Хавильяр. Они стоили куда дороже, чем остальная ее обувь. Помнится, Несарина отнекивалась, но король настоял, объявив сапоги частью капитанской формы и озорно ей подмигнув.

Где-то сейчас Дорин? Удается ли ему и сейчас весело улыбаться и щедро одаривать?

Несарина присмотрелась к сапогам Борты. Тоже кожаные, но более плотные. Внутри толстый слой овчины. Для здешнего холода – в самый раз.

– Ты у нас девушка запасливая, – сказал принц своей сестре-по-очагу. – Наверняка отыщешь Несарине теплые сапожки.

Они пошли к дремавшей Кадаре. Несарина осталась сидеть.

Сартака окружили руккины. Они говорили довольно тихо, и ей было не расслышать. Принц непринужденно улыбался, снимая тюки и передавая близстоящим. Затем он освободил Кадару от седла, погладил по золотистым перьям шеи и хлопнул по боку. Через мгновение рукки в пещере уже не было.

Несарина понимала: надо встать и помочь с переноской тюков, но ноги не хотели расставаться с теплом и куда-либо двигаться.

Зал опустел. Сартак с Бортой возвращались к очагу. Несарина только сейчас обратила внимание на человека, сидевшего в отдалении, под одним из светильников. Возле его стула, на столике, стояла кружка с дымящимся напитком. На коленях лежал свиток, однако его взгляд был устремлен на Несарину.

Вероятно, он много бывал на солнце, о чем свидетельствовал бронзовый загар. Однако человек этот не был уроженцем Южного континента. Его короткие каштановые волосы не имели ничего общего с длинными шелковистыми косами руккинов. Да и одежда была, скорее, адарланского покроя.

У пояса висел кинжал. Другого оружия Несарина не увидела. При его широких плечах и развитых мускулах, в нем не ощущалось ни чванливости, ни безжалостной уверенности, присущих адарланским воинам. Судя по лицу, ему было под пятьдесят. Белесые морщинки в уголках глаз говорили о привычке щуриться от солнца или ветра.

Борта повела Сартака не к очагу, а мимо колонн, к столику, где сидел тот человек. Он вскочил на ноги и поклонился. Ростом он почти не уступал Сартаку. Расстояние и треск пламени не помешали Несарине услышать его слова на ломаном халхийском:

– Для меня большая честь встретиться с вами, принц.

Борта фыркнула.

Сартак приветствовал его легким кивком и заговорил на адарланском:

– Мне сказали, что ты несколько недель задержался у нашей матери-по-очагу.

– Она гостеприимно встретила меня и предложила побыть здесь некоторое время.

Чувствовалось, звуки родной речи несколько успокоили его. Он снова глянул в сторону Несарины. Она даже не попыталась

скрыть, что слушает их разговор.

– Я стал невольным свидетелем… здесь упоминалось о каком-то адарланском капитане.

– Этот капитан сидит возле очага. Капитан Фелак, командир королевской гвардии Адарлана.

– Значит, теперь она, – пробормотал адарланец, не сводя с Несарины глаз.

«Давай глазей на меня, сколько влезет», – мысленно подзадорила его Несарина.

– А как твое имя? – резко спросил Сартак.

– Фалкан Эннар, – представился адарланец, переводя взгляд на принца.

– Торговец, – пояснила на халхийском Борта.

Если он прибыл сюда с Эрилеи… Несарина вскочила на ноги и почти бесшумно пошла к столику. Фалкан безотрывно смотрел на нее, давая понять, что знает, откуда эта грациозность в ее походке. Отнюдь не дар, каким иногда награждает женщин природа, а результат долгих упражнений, научивших ее подкрадываться незаметно.

Окончательно убедившись в этом, Фалкан напрягся. Понял: в поединке с Несариной никакой кинжал его не спасет, если у него хватит глупости вытащить оружие из ножен.

Хорошо. Это делало его смышленее великого множества рафтхольских мужчин.

– Тебе известны новости? – спросила Несарина, останавливаясь в нескольких шагах.

Вблизи глаза торговца были не темными, как ей показалось, а синими, как небо перед вечерними сумерками. Наверное, в молодости он был довольно привлекателен.

– Новости о чем? – осторожно спросил Фалкан.

– Об Адарлане. Обо… всем.

Фалкан застыл, будто статуя. Вероятно, привычка ремесла, когда приходилось торговаться за свою выгоду.

– Я был бы рад, капитан, сообщить тебе хоть какие-то новости. Но я нахожусь на Южном континенте уже более двух лет. Вероятно, ты знаешь больше.

Скрытое предложение поделиться сведениями.

Несарина на него не откликнулась. Она не собиралась во всеуслышание обсуждать дела Адарланского королевства. Пожав плечами, Несарина повернулась с явным намерением возвратиться к блаженному теплу очага.

– Когда я покидал Эрилею, – произнес ей вслед Фалкан, – капитаном королевской гвардии был молодой человек. Некто Эстфол. Ты назначена взамен его?

Игнорировать и этот вопрос было бы глупо. Но нужно осторожничать, чтобы не сообщить лишнее. Хотя здесь и не дворец хагана, бдительность не бывает излишней.

– Господин Эстфол нынче занимает пост главного советника короля Дорина Хавильяра.

Услышанное явилось для торговца настоящим потрясением. Несарина видела все чувства, промелькнувшие у него на лице. Он не обрадовался, не вздохнул с облегчением, но и не разгневался. Просто удивился. Откровенно и неприкрыто.

– Дорин Хавильяр уже король?

Прочитав в глазах Несарины встречный вопрос, Фалкан пояснил:

– Я много месяцев провел в невообразимой глуши. Новости доходят туда медленно и очень редко.

– Странное место ты выбрал для своей торговли, – пробормотал Сартак.

Несарина была того же мнения.

Фалкан лишь сдержанно улыбнулся принцу. Похоже, у адарланца были свои тайны.

– Путешествие сюда было долгим, – вмешалась в разговор Борта, беря Несарину под руку и разворачивая лицом к тускло освещенному коридору. – Капитану Фелак необходимо вымыться и отдохнуть.

Несарина не знала, благодарить ли Борту или огрызнуться на непрошеное вмешательство. Однако… Переполненный мочевой пузырь напоминал о себе тупой болью. А по-настоящему она мылась… ой как давно это было.

Сартак и Фалкан не сделали попыток их остановить. Принц и торговец возобновили свой негромкий разговор. Борта повела Несарину по коридору, уходящему в толщу горы. Часть дверей была открыта. Наряду с жилыми комнатками, Несарине попалась и небольшая библиотека.

– Странный он человек, – сказала на халхийском Борта. – Я пыталась узнать у бабушки, зачем он приехал и что ищет в наших краях. Она не стала со мной говорить.

– Может, хочет торговать? – предположила Несарина.

Борта покачала головой. Пройдя еще несколько шагов, она толкнула одну из закрытых дверей. Комната ничем не отличалась от уже виденных Несариной. Небольшая. Узкая кровать возле стены. Возле другой – сундук и стул. В дальнем углу – лохань и кувшин. На кровати была сложена стопка чистой одежды.

– Нам нечего продавать, – продолжила начатый разговор Борта. – Обычно мы сами занимаемся торговлей. Перевозим товары во все концы континента. Наш клан не особо этим

промышляет, зато другие… Их гнезда полны сокровищ, привезенных отовсюду. Не то что этот старый хлам, – поморщилась она, постучав носком сапога по ножке шаткой кровати.

– Наверное, Фалкан решил помочь вам расширить торговлю, – усмехнулась Несарина.

– Скажешь тоже! – Борта тряхнула косами. – Он ни с кем не встречается. Да и особого интереса к торговле я у него не заметила. – Она пожала плечами. – Мне-то что. Он – бабушкин гость. Только никак не могу понять, зачем он ей понадобился.

Несарина быстро разложила по внутренним полочками обрывки сведений. Фалкан не показался ей посланцем Мората. Но кто знает, как далеко нынче протянулась рука Эравана? Если она достигла Антики, можно предположить, что валгские интересы не ограничатся столицей хаганата. Надо будет проследить за этим Фалканом. Сартак наверняка уже пришел к такому же выводу.

– Я видела, как ты наблюдала за ним, – призналась Борта, накручивая на палец кончик косы. – Ты ведь тоже сомневаешься, что его сюда привели интересы торговли.

Несарина вновь задумалась, стоит ли говорить правду, и решила, что стоит:

– Нынче мы все переживаем странные времена. Я научилась не оценивать людей по их словам и внешности.

Борта отпустила косу:

– Неудивительно, что Сартак привез тебя домой. Ты рассуждаешь, как он.

Несарина спрятала улыбку, умолчав, что считает эти слова похвалой.

Борта обвела рукой комнату и наморщила нос:

– Роскоши, как во дворце хагана, у нас нет, но всё лучше, чем спать на отвратительных подстилках Сартака.

– Думаю, любая кровать лучше подстилок, – улыбнулась Несарина.

– Я ведь тебе правду сказала. Тебе обязательно надо вымыться. И волосы расчесать.

Несарина все же решилась потрогать волосы и даже поморщилась. Не голова, а густой подлесок. Она не представляла, как будет их распутывать.

– Даже Сартак лучше умеет заплетать косу, – съехидничала Борта.

– Сестра столько билась со мной, пытаясь научить, – вздохнула Несарина. – Ну не мое это дело – заплетать косы. Теперь понятно, почему я предпочитаю короткие волосы? – Она подмигнула Борте.

Помнится, сестра чуть в обморок не упала, когда пятнадцатилетняя Несарина пришла домой и ее укороченные волосы едва достигали ключиц. С тех пор она никогда не позволяла волосам вырастать хоть на полпальца длиннее. Отчасти это делалось, чтобы позлить Делару, которая все никак не могла успокоиться. Но главной причиной было удобство. Короткие волосы доставляли меньше хлопот. На освоение премудростей стрельбы из лука и сражения на мечах Несарина не жалела времени. А возиться с прическами… Была еще одна причина, о которой она не говорила сестре. Появись она в казармах городской стражи с замысловатой прической, это было бы истолковано отнюдь не в ее пользу.

Борта лишь кивнула. Похоже, она поняла доводы Несарины.

– Перед тем как снова полетишь, скажи мне. Я сама заплету тебе косу… Видишь арку в левой стене? Там лесенка. Нужно спуститься вниз, и попадешь в наши купальни. Я провожу тебя до арки.

Несарина только сейчас почувствовала, что от нее выразительно пахнет давно не мытым телом. Теперь понятно, отчего морщилась Борта.

– Ну и жуть, – поморщилась она сама.

– Удивительно, как у Сартака не заслезились глаза, – захихикала Борта.

Они снова вышли в коридор и направились к арке. Несарина понимала, что здешние купальни устроены гораздо проще. Но ей и не нужны благовонные масла и лепестки цветов в воде. Ей нужна горячая вода и мочалка пожестче.

Поймав на себе цепкий, оценивающий взгляд Борты, она спросила:

– Что?

– Ты ведь выросла в Адарлане?

Несарина догадалась, почему ее спрашивают:

– Да. Я родилась и выросла в Рафтхоле, но мой отец родом из Антики.

Борта молчала. И только возле арки с узкими каменными ступенями она вдруг улыбнулась:

– В таком случае добро пожаловать домой.

Пожалуй, более прекрасных слов Несарина еще не слышала.

Она не ошиблась в своих предположениях. Здесь мылись в старинных медных лоханях, куда наливали горячую воду. К счастью, Несарине не пришлось ждать, и вскоре она уже сидела в лохани.

Через час, отмывшись до скрипа, распутав и расчесав волосы,

она восседала за громадным круглым столом в большом зале и уплетала жареную крольчатину. Борта пожертвовала ей теплую одежду. Рукава плаща были покрыты затейливой вышивкой. Рассматривать темно-синие и желтые узоры доставляло Несарине не меньше удовольствия, чем обильная мясная пища. Здесь одежду шили из нескольких слоев. Только так можно было защититься от пронизывающего холода, который ощущался даже рядом с очагом. Ожившие пальцы ног тоже наслаждались теплом. Борта выполнила просьбу Сартака и нашла ей сапоги с подкладкой из овчины.

Сартак сидел рядом с Несариной и ел с не меньшим аппетитом. Вымыться он еще не успел, но сумел расчесать волосы и заплести новую косу, доходящую до середины его мускулистой спины.

Живот Несарины наполнялся. Пальцы уже не так проворно хватали новые куски мяса. Поймав на себе взгляд Сартака, Несарина подняла голову. Принц смотрел на нее и улыбался:

– Это получше холодных виноградин и вяленого мяса?

Несарина кивнула на горку обглоданных костей на своей тарелке и на жирные пальцы. Не покоробит ли принца, если она их оближет? Грех пропадать такой потрясающе вкусной подливе.

– Моей матери-по-очагу в гнезде нет, – перестав улыбаться, сообщил Сартак.

Несарина прекратила жевать. Они же летели к этой женщине за советом.

– Я допытывался у Борты. Вроде должна вернуться завтра или послезавтра.

«Я ждала и побольше двух дней», – подумала Несарина. Молчание бывает не менее полезным, чем заданные вопросы.

Сартак отодвинул тарелку, упер ладони в стол:

– Знаю: время у тебя поджимает. Сам бы за ней слетал, но даже Борта не знает, куда она отправилась. Хулуна сама похожа на ветер. Увидела, куда показывает грива сульде, вскочила на рукку и полетела вслед. И горе тому, кто попытается ее остановить.

Сартак махнул в сторону входа, где находилась стойка для копий. Теперь сульде принца стояло там.

– Очень необычная женщина, – улыбнулась Несарина.

– Так и есть. В чем-то она мне ближе, чем…

Он оборвал фразу, но Несарина легко догадалась: «Чем родная мать». Во дворце, с братьями и сестрами, он не позволял себе такой открытости, как с этой занозистой Бортой.

– Я подожду, – сказала Несарина, стараясь не морщиться. – Господину Эстфолу все равно требуется время на полное

выздоровление. Я предупредила, что меня не будет недели три. Пара лишних дней разницы не составят.

«Но только, боги, сделайте так, чтобы я здесь не застряла», – добавила она про себя.

Сартак кивал, постукивая пальцем по столу, пережившему не одно поколение руккинов.

– Сегодня мы будем отдыхать, а завтра… – Он едва заметно улыбнулся. – Хочешь посмотреть окрестности?

– Почту за честь.

Сартаку это понравилось.

– Может, заодно и из лука постреляем. – От его искренности Несарина даже заерзала на стуле. – Так хочется посостязаться со Стрелой Нейты. Да и здешние молодые воины не откажутся.

– Они тоже слышали обо мне? – удивилась Несарина.

– Я им немного рассказал, когда прилетал в прошлый раз. Потому-то нас и встречало столько руккинов. Стали бы они тащиться к выходу ради одного меня. Велика важность: Сартак прилетел!

– Но у Борты был такой вид…

– А разве Борта похожа на тихую девочку, которая будет стоять в сторонке, потупив глазки?

Несарина вдруг почувствовала, как же она соскучилась по таким разговорам. Даже внутри оттаяло.

– Тогда откуда они знали, что я тоже прилечу?

Ответная улыбка была вполне дворцовой. Так должен улыбаться самоуверенный принц.

– Я им заранее сообщил, что, быть может, прилечу не один.

Несарина более не могла сохранять эту маску спокойствия. Разинув рот, она смотрела на принца. Сартак встал, собрал их тарелки:

– Помнишь, я тебе сказал, что молился о твоем согласии полететь сюда? Теперь представь, какую встречу устроила бы мне Борта, явись я без спутницы.

30

Комнатка, отведенная Несарине, не имела окна, и определить, раннее ли сейчас утро или уже позднее, было невозможно. Казалось, после утомительного полета она погрузится в крепкий сон. Но спала она беспокойно, то и дело просыпаясь и вслушиваясь в звуки за дверью. Сартак не стал бы ее отчитывать за излишне долгий сон, зато руккины… Несарина помнила, как вчера они поддразнивали принца насчет дворцовой

жизни. Здесь не привыкли залеживаться в постели. Таким поведением она вряд ли завоюет расположение соратников Сартака.

Несарина ворочалась с боку на бок, поддаваясь на несколько минут дреме и снова поднимая голову. Потом полосу тусклого факельного света, пробивавшегося из-под двери, пересекли тени. Значит, кто-то уже встал. Пора и ей.

Несарина оделась и торопливо умыла лицо. В комнате было достаточно тепло, и вода в кувшине не покрылась корочкой льда. Хотя для ее воспаленных глаз подошла бы именно ледяная вода.

Полчаса спустя, оказавшись с Сартаком в седле, она пожалела, что вообще умывалась.

Принца Несарина застала седлающим Кадару. Большой зал был пуст, словно обитатели гнезда еще спали. Огонь в очаге пылал все так же жарко. Вероятно, кто-то за ним следил. Пока усаживались в седло и закрепляли постромки, в зале никто не появился. Кадара бесшумно выпорхнула из пещеры.

Морозный ветер сразу же влепил Несарине пару пощечин. Морщась, она огляделась по сторонам и заметила еще нескольких птиц. Вылетели на утреннюю охоту, как пояснил ей принц. Говорил он тихо, словно не хотел нарушать безмолвие утра. Кадара тоже летела добывать себе завтрак. Она миновала три вершины, в недрах которых обитал Эридунский клан, и понеслась дальше, к горам, чьи склоны покрывали еловые леса.

Долго разыскивать завтрак Кадаре не пришлось. Рукка снизилась над бирюзовыми водами стремительно несущейся речки и одного за другим поймала и проглотила пять-шесть жирных серебристых лососей. Каждую рыбину она цепляла клювом, подбрасывала в воздух и отправляла себе в глотку. Убедившись, что Кадара сыта, Сартак взял направление на цепь сравнительно невысоких гор.

– Это место учебы, – пояснил он.

Плоские вершины, более пологие склоны. Ущелья больше напоминали овраги.

– Здесь новички учатся летать.

Присмотревшись, Несарина увидела, что и эти горы таят немало опасностей для неопытного руккина.

– Вы говорили, что взяли Кадару птенцом. Так поступают все всадники?

– Нет. Обычно дети сначала учатся летать. Им подбирают спокойных птиц, которые считаются старыми и не годятся для долгих перелетов. На этих рукках мальчишки летают лет до тринадцати или четырнадцати, а затем выбирают себе птенцов, растят их и начинают упражняться по-взрослому.

– До тринадцати?

– Детей сажают в седло года в четыре. Я, как ты знаешь, опоздал на несколько лет.

– И вы позволяете четырехлетним малышам одним летать между горами?

– Поначалу их сопровождает кто-то из семьи или соплеменников. Пока не привыкнут держаться в седле и управляться с поводьями.

Несарина смотрела на цепочку «учебных» гор и безуспешно пыталась представить своих племянников и племянниц летающими. Пока что они обожали носиться по дому нагишом, а слово «мыться» заставляло их вопить во все горло. Родители боялись сажать их даже на смирную лошадку. Что уж там говорить про воздушного коня!

– Дети в степных кланах конников проходят такое же обучение, – продолжал Сартак. – К шести годам многие уже умеют ездить не только сидя, но и стоя. Владеть луками и стрелами они начинают учиться, едва только их ноги достают до стремян. Единственно, стоя на рукках не летают даже взрослые, – усмехнулся принц. – В остальном все очень похоже.

Появившееся солнце приятно согревало кожу, успевшую задубеть на обжигающем ветру.

– Армии первого хагана обладали несомненными преимуществами, потому он и сумел завоевать континент. У нас были прекрасные всадники, привыкшие двигаться в любых условиях и возить с собой все необходимое. Армии наших противников… Те королевства считали, что снег и лед надежно защищают их города, поскольку никто не отважится нападать на них зимой. В составе армии хагана были искусные ремесленники, умевшие изготовить из подручных материалов все необходимое. В первую очередь оружие. Поэтому наши войска двигались налегке. И по сей день Академия Ремесел в Бальруне ценится очень высоко. Выучку, которую она дает, едва ли получишь на других континентах.

Несарина не впервые слышала об Академии. Отец постоянно говорил о ней. Там учился кто-то из его дальних родственников. Потом этот человек даже прославился, создав приспособление для уборки зерна.

Сартак направил Кадару к югу, где белели заснеженные вершины:

– Упование на зиму было первым крупным просчетом тех королевств. Вторым была их уверенность, что никто не ударит им в тыл. Они думали, будто их защищает могучая естественная преграда, преодолеть которую никто не рискнет.

Сартак махнул в западном направлении, где горизонт напоминал белесую полосу:

– Там лежит Кизултумская пустыня. Столетиями она считалась непреодолимой границей между степями и плодородными южными землями. Все прежние завоеватели нашего юга всегда двигались в обход Кизултума. Южные государства обычно успевали собрать достаточную армию, и появление захватчиков не было неожиданным. Когда на юге услышали, что к ним движется стотысячная армия хагана, они объединили силы и направили свою армию на перехват. Туда, где предполагали встретить противника.

В каждом слове принца звучала гордость.

– А теперь представь их удивление и ужас, когда они узнали, что армия хагана уже на пороге. Наши конники пересекли Кизултумскую пустыню, завязав дружеские отношения с местными кочевниками. Южные королевства смотрели на них сверху вниз, считая дикарями. Хаган применил военную хитрость. Впереди он пустил племена кочевников, на которых никто не обращал внимания. Города в той части оставались незащищенными, и армия хагана захватывала их один за другим.

Как и вчера, дыхание принца приятно согревало ей ухо. Кажется, Сартак улыбался. Несарина слышала лишь обрывки историй о завоевании континента. А тут – обстоятельный рассказ, да еще из уст потомка славного рода хаганов.

– Что было потом? Началась открытая война?

– Нет. Первый хаган старался избегать прямых столкновений везде, где только возможно. Естественно, в южных королевствах нашлись те, кто выступил против него. Он казнил главных зачинщиков, причем жестоко. Говорят, страх летит быстрее ветра. Пример подействовал. Другие города открывали свои ворота, войска складывали оружие и принимали его условия сдачи. В обмен эти земли получали надежную защиту. Хаган владел оружием страха столь же искусно, как своим сульде.

– Я слышала, что у первого хагана было два сульде.

– Да. И у моего отца их тоже два. Мы называем их Черный Волос и Белый Волос. Копье с белым конским волосом носят в мирные времена, а с черным – когда идет война.

– Наверное, хаган выступил в поход с Черным Волосом.

– Разумеется. С этим сульде он пересек Кизултум, захватил первый вражеский город и показал, что́ ждет каждого, кто вздумает сопротивляться. Когда весть об этом понеслась на юг, когда узнали про Черный Волос хагана, в соседнем королевстве даже не попытались собрать армию. Они сдались. Хаган щедро их вознаградил и позаботился, чтобы об этом узнали и в других

королевствах… Насколько знаю, адарланский король применял иные способы завоевания? Ни мудрости, ни снисхождения, – помолчав, добавил Сартак.

– Ему такое было не знакомо, – ответила Несарина, сглатывая.

Этот человек лишь разрушал, грабил и порабощал. Не человек – демон внутри его.

– Армия, собранная Эраваном… Все началось гораздо раньше, когда Дорин и Аэлина еще были детьми. Шаол… господин Эстфол рассказывал мне об обширных подземельях под королевским замком в Рафтхоле. Там годами велись опыты над людьми и валгами. Прямо под ногами беспечных придворных.

– Невольно встает вопрос: зачем? – рассуждал вслух Сартак. – Если он завоевал почти весь Северный континент, для чего собирать такую силу? Аэлину Галатинию он считал мертвой и вряд ли допускал, что Дорин Хавильяр тоже вздумает сопротивляться.

Несарина не рассказывала принцу о Ключах Вэрда. Что-то и сейчас удерживало ее.

– Мы всегда считали, что Эраван склонен завоевать весь мир. Чем не побудительное стремление? Нам так казалось.

– Однако сейчас ты сомневаешься.

– Сейчас… да. Я не понимаю, зачем ему это понадобилось. К чему новые завоевания, если втайне он уже управляет нашим континентом? Эраван неутомимо плодит ужасы. Может, он хочет ввергнуть наш мир в кромешную тьму? Или назвать себя хозяином планеты?

– Возможно, демонам чужды такие понятия, как «причины» и «побудительные стремления». Подозреваю, ими движет лишь одно желание – разрушать.

Несарина качала головой, щурясь от солнца, которое поднималось все выше и делалось ослепительно-ярким.

Вернувшись в Эридунское гнездо, Сартак оставил Кадару в большом зале. Меж тем показ достопримечательностей продолжался. Принц не стал подтрунивать над Несариной и предлагать ей путешествие по веревочным лестницам, опоясывающим склоны горы. Он воспользовался внутренними лестницами и переходами. Если она хочет побывать на двух соседних горах, – как бы невзначай сообщил Сартак, – туда придется лететь или идти по мостам. Мосты были веревочными: между нижними веревками крепились дощечки, верхние служили перилами. Едва взглянув на мост, Несарина заявила, что сегодня она к такому путешествию не готова.

Одно дело – лететь на Кадаре. Несарина доверяла птице, доверяла хозяину рукки. Но качающийся мост, как бы надежно он ни был построен… Ей бы понадобилась хорошая порция крепкого вина, прежде чем решиться по нему пройти.

Но много интересного было и внутри горы, которая называлась Рокаль (Шептун). Его собратья, составлявшие Доргос, назывались Арик (Вещун) и Торке (Крикун). Так их прозвали из-за звуков, издаваемых ветром, когда он дул над их склонами и вершинами.

Самым крупным и наиболее обжитым был Рокаль. Его жемчужиной считался Альтунский зал возле вершины. Но и в недрах горы Несарина едва успевала вертеть головой, когда принц вел ее по ветвящимся коридорам, показывая разные помещения.

Чего здесь только не было! Кухни и небольшие каменные гостиные, жилье руккинов, мастерские и, конечно же, гнезда рукков. Несколько птиц имели такое же золотистое оперение, как Кадара. У других оно состояло из разных оттенков коричневого: от светлого до почти черного. На нижних ярусах были кузницы, изготовлявшие оружие и доспехи. Металл выплавляли из местной руды. В дубильных мастерских готовили кожу для седел и делали сами седла. Сартак показал Несарине и подобие лавок, где можно было обменять меха и шкуры на домашнюю утварь и иные полезные вещицы.

Последним местом, куда они поднялись, были площадки для упражнений и состязаний на вершине Рокаля.

Вершина горы была широкой и плоской. Никаких стен или ограждения не было. Из построек – только небольшой круглый домик, служивший укрытием от ветра и холода. Туда же выходила и лестница.

Несарине вспомнился подъем на минарет. Она и сейчас, поднявшись в домик, хватала воздух ртом. Но стоило ей открыть дверь и вновь оказаться на пронизывающем ветру, как у нее окончательно перехватило дыхание. Теперь уже от вида, что открывался с вершины.

Несарина уже летала над горами и между горами. Но в полете картина все время менялась. Здесь можно было стоять и неторопливо рассматривать другие вершины, покрытые снегом, нетронутые и дремлющие с незапамятных времен. Неподалеку, внизу, блестело узкое вытянутое озеро. Его окружали две одинаковые горные гряды. Вода в озере была зеленовато-голубой. Над ним мелькали тени рукков.

Такую первозданную, суровую красоту она видела впервые. В сравнении с этими громадами она казалась себе ничтожной

букашкой, и одновременно что-то внутри твердило ей: она – часть всего этого, и ее настоящая родина здесь.

Сартак стоял рядом и смотрел туда же, куда смотрела Несарина. Они словно объединили свои глаза. Когда Несарина обратила внимание на широкую гору, одиноко стоящую в дальнем конце озера, принц тихо вздохнул. На темных склонах горы не росли деревья. Ее вершину и часть примыкающих уступов покрывал снег.

– Это Арундин, – тихо пояснил Сартак, будто боясь, что ветер услышит. – Четвертый Певец.

Со стороны Арундина дул холодный, стремительный ветер.

– Но певец особый. Молчаливый. Мы так и зовем эту гору – Молчун.

Несарина ощутила странную тишину, висящую над вершиной. Гора отражалась в водах озера. Казалось, нырни туда – и обнаружишь другой мир. Мир теней.

– Почему? – спросила Несарина.

Сартак отвернулся, словно ему было тяжело долго смотреть на Арундин.

– На склонах этой горы руккины хоронят мертвых. Если подлететь ближе, ты увидишь, что все склоны покрыты множеством сульде. Единственные памятники тем, кто покинул наш мир.

Вопрос, вертевшийся на языке Несарины, был неуместным и даже невежливым, но она все же спросила:

– Когда настанет день, где вы прикажете положить ваше тело? Здесь или на священной земле степей, где покоятся ваши предки?

Носком сапога Сартак ковырял гладкий камень, слагавший вершину горы.

– Я еще не сделал выбор. Двум частям моего сердца предстоит затяжная война.

Несарина поняла его ответ. Принца разрывало между двумя областями.

В вечной тишине Арундина было что-то манящее, но вершина Рокаля заявляла о себе криками и лязгом металла, напоминая о площадках для состязаний.

Их было несколько, и ни одна не пустовала. Мужчины и женщины в летных доспехах упражнялись в стрельбе из лука, метали копья и состязались на мечах. Между ними расхаживали воины постарше. Эти отдавали распоряжения, указывая на ошибки в положении тела или оружия.

Лучники собрались в дальнем конце. Когда Сартак и Несарина прошли туда, на них почти не обратили внимания.

Стрелять на ветру, когда зябнут руки… Несарина взялась прикидывать в уме, как будет стрелять она. Здесь требовалось особое мастерство. Местные лучники вызывали у нее искреннее восхищение. Мишенями служили подобия человеческих фигур. Вполне ожидаемо среди стрелков обнаружилась и Борта, чьи длинные косы вились на ветру.

– Что, братец, снова решил прокатиться по льду на заднице? – усмехаясь, спросила Борта.

Чувствовалось, она предвкушала развлечение.

Сартак опять заливисто рассмеялся, выбирая лук себе по руке. Потом взял колчан, повесил на плечо. Сестру-по-очагу он бесцеремонно оттолкнул бедром и с щегольской небрежностью приладил стрелу. Прицелившись, Сартак выстрелил. Стрела угодила в шею мишени.

– Недурно для их высочества, – заявила Борта. – Ну а ты? – спросила она Несарину.

Несарина не строила иллюзий. В таких условиях она еще не стреляла. Сбросив тяжелый шерстяной плащ, она кивнула Борте и подошла к стойке с луками и стрелами. Горный ветер сразу набросился на ее кожаные доспехи, но Несарина перестала слышать шепот Рокаля, едва ее пальцы коснулись резного дерева. Здесь были луки из тиса и из рябины. Несарина выбрала тисовый, проверила его тяжесть, гибкость, силу отдачи. Достойное боевое оружие.

В этом луке ощущалось что-то знакомое, словно ей встретился давний друг. Пока была жива мать, она вообще не притрагивалась к луку. В последующие годы, когда весь мир состоял из горя и оцепенения, телесные упражнения, где требовалась сила и сосредоточенность, превратились в настоящую отдушину. Там она забывалась. Там же училась жить заново.

Интересно, пережил ли кто-то из ее прежних наставников нападение на Рафтхол? Сумели их стрелы поразить драконов или хотя бы замедлить наступление, чтобы спасти кому-то жизнь?

Несарина отогнала мешающие мысли и занялась выбором стрел. Металлические наконечники были тяжелее, чем у ее адарланских стрел, а древки – чуть толще. Только такие стрелы и могут сопротивляться жутким ветрам, не теряя скорости. При удачном выстреле можно и дракона свалить.

Несарина выбрала стрелы из разных колчанов и положила в свой. Повесив его за спину, она подошла туда, где Борта, Сартак и еще несколько лучников молчаливо наблюдали за ее приготовлениями.

– Куда целиться? – спросила она у Борты.

– В шею, сердце, голову, – самодовольно усмехнулась та.

Это предполагало один выстрел по каждой мишени. Ветер раскачивал их, создавая иллюзию движения. Несарина поняла: стрелять придется, учитывая не только их положение, но и противоборствующую силу ветра. Борта наверняка знала об этом, да и остальные воины – тоже.

Продолжая разглядывать мишени, Несарина потянулась за стрелой. Оперение было обманчиво мягким. Она вслушивалась в шепот ветра над Рокалем. Стихия бросала ей вызов. Ее стихия, отзвуки которой звучали у нее в сердце. Недаром мама говорила, что она готова нестись вслед за ветром.

Колчан так и висел у Несарины за спиной. Она ощупью вытаскивала стрелы, вкладывала в лук и стреляла. Одну за одной… одну за одной.

Когда она закончила стрелять, ответом ей был лишь вой ветра, примчавшегося со стороны Торке-Крикуна. Крики и лязг оружия на вершине Рокаля смолкли. Все смотрели, куда угодили стрелы Несарины.

Вместо трех стрел она выпустила девять. У каждой мишени были поражены сердце, шея и голова. Ни одна стрела не ушла мимо и не вонзилась где-то рядом. Вопреки упорствованиям ветра, стрелы вошли точно в названные места.

Несарина обернулась. Сартак улыбался во весь рот. Ветер раскачивал его косу. Совсем как сульде.

– Покажи, – выдохнула подскочившая Борта.

Несарина провела на вершине Рокаля не один час, рассказывая и показывая, как она стреляла, учитывая вес стрел и зигзаги ветра. Так ее учили в Адарлане. Местные воины показывали ей свои навыки: например, как стрелять в полете, если противник находится сзади, чтобы не выпасть из седла. Несарина узнала, какие луки они берегут для сражений, а с какими летают на охоту.

Ее щеки пылали от холода и ветра, пальцы онемели, но она довольно улыбалась. Ей давно не было так легко и хорошо. Несарину продолжали забрасывать вопросами. Отвечая, она не сразу заметила запыхавшегося воина, выскочившего наружу из круглого домика. Он подбежал к Сартаку.

Хулуна вернулась в гнездо.

В лице Сартака ничего не изменилось. Он кивнул Борте, и та напомнила зрителям, что им пора возобновить упражнения и состязания. Руккины расходились, улыбаясь и благодаря Несарину.

Сартак вернул на место свой лук и колчан, забрав и лук Несарины. Она разминала озябшие и затекшие пальцы.

– Несарине нужно отдохнуть, – заявила принцу Борта. – В горах да еще с непривычки… сам знаешь.

В руках у Борты был короткий меч, и она не торопилась покидать вершину.

– Думаешь, мне хочется снова получить ложкой по лбу? – спросил Сартак.

Подавив смех, Несарина натянула и туго подпоясала желто-синий плащ. Вместе с принцем они зашли в домик и двинулись вниз по тускло освещенной лестнице. По сравнению с вершиной здесь было тихо и тепло. Несарина спускалась вслед за Сартаком, приглаживая растрепанные ветром волосы.

– Борте суждено со временем возглавить Эридунский клан. Неужели и ей нужно упражняться, как рядовым воинам?

– Да, – не оборачиваясь, ответил Сартак. – Матери-по-очагу – такие же воительницы, как и остальные женщины клана. Они умеют сражаться, нападать, обороняться. Но обучение Борты куда разностороннее.

– Это я уже поняла. Ее основательно учат чужим языкам.

Борта говорила на адарланском с той же легкостью, что и Сартак.

– Языки. История и многое другое. Но о той стороне даже я ничего не знаю. Борта молчит, а ее бабушка и подавно.

Каменные стены возвращали каждое произнесенное слово.

– А где же мать Борты? – решилась спросить Несарина.

Плечи Сартака напряглись.

– Ее сульде… на склоне Арундина.

– Какая утрата, – прошептала Несарина, сразу ощутив холод в голосе принца.

– Да, утрата, – согласился Сартак.

– Ее отец жив?

– Неизвестно. Мать Борты встретила его в далеких краях и провела с ним всего одну ночь.

Дерзкая, где-то даже необузданная Борта. Но воинской дисциплины ей не занимать. Несарина вспомнила, как сосредоточенно та вела себя на площадке для состязаний.

– Хорошо, что у нее есть вы и бабушка.

Сартак пожал плечами. Несарина почувствовала: она вступает на опасную тропу, откуда лучше поскорее уйти.

– А ты – хорошая учительница, – вдруг сказал принц.

– Спасибо, – только и могла ответить Несарина.

Все время, пока она рассказывала и показывала руккинам свои навыки, Сартак находился рядом, но говорил мало. Не в его

характере постоянно обращать внимание на себя и утомлять чужие уши хвастливыми речами.

– Я был рад убедиться, что легенды не лгали.

Голос принца обрел прежние интонации. Несарина облегченно вздохнула:

– А у вас были сомнения?

Они достигли коридора, выходящего в большой зал. Здесь можно было идти рядом.

– Донесения порою умалчивают о важном. Это заставляет меня сомневаться в их точности.

Озорной блеск его глаз заставил Несарину спросить:

– И о чем же они умолчали, сообщая обо мне?

Большой зал был почти пуст. Только по другую сторону очага виднелась фигура в плаще. Рядом сидел еще кто-то.

Вопрос заставил Сартака оглядеть Несарину с ног до головы. Потом еще раз.

– Они ни слова не сказали о твоей красоте.

Несарина открывала и закрывала рот, ощущая себя рыбой, выброшенной на берег. Подмигнув ей, Сартак шагнул вперед.

– Эдж! – крикнул он.

Так руккины обращались к матери. Несарина узнала об этом утром. Она поспешила вслед за принцем, огибая яму очага. Женщина, сидящая на верхней ступеньке, откинула капюшон плаща.

Несарина почему-то ожидала увидеть согбенную, беззубую старуху. Но спина Хулуны была совершенно прямой. Ее коса оставалась черной, хотя и с прожилками седины. Женщина хмуро улыбнулась Сартаку. Никто не рискнул бы назвать ее лицо молодым, но это было лицо Борты лет через сорок.

Одежда матери-по-очагу состояла из обычных кожаных доспехов и синего плаща, накинутого на плечи. Рядом с Хулуной сидел не кто иной, как Фалкан. Его лицо было не менее хмурым. Сапфировые глаза буравили пришедших. Сартак даже замедлил шаг. Возможно, принца рассердило, что не он первый удостоился внимания предводительницы. А может, он был недоволен самим присутствием торговца при их встрече.

Придворный этикет остался далеко. Подчеркнуто не замечая адарланца, Сартак спрыгнул на первый уступ очажного амфитеатра и пошел прямо к Хулуне. Когда он был совсем близко, она поднялась и обняла принца. Объятие было крепким и недолгим. Ростом Хулуна почти не уступала Сартаку. Несарина залюбовалась ее сильными плечами и крепкой фигурой.

– Печаль все еще гнетет твои плечи. – Хулуна внимательно оглядела Сартака и рукой в шрамах провела по его щеке. – И

тревога тоже.

– Я скучал по тебе, эдж, – произнес он, закрыв глаза и склонив голову.

– Льстец, – упрекнула его Хулуна, потрепав по щеке.

Несарина с большим удовольствием смотрела, как принц покраснел.

Пламя очага придавало седине в волосах Хулуны золотистый и красноватый оттенок.

– А вот и лучница с севера залетела в наши края. – Взглянув поверх плеча Сартака, она обратилась к Несарине и слегка кивнула гостье. – Я – Хулуна, дочь Докина, но ты можешь называть меня «эдж». Так меня здесь все зовут.

Едва взглянув в карие глаза Хулуны, Несарина поняла: эта женщина умеет подмечать почти каждую мелочь.

– Для меня большая честь встретиться с вами, – склоняя голову, ответила Несарина.

Мать-по-очагу долго смотрела на нее. Несарина не отводила глаз, стараясь не шелохнуться. Пусть Хулуна высматривает в ней все что угодно.

Наконец взгляд Хулуны переместился на Сартака.

– Нужно поговорить.

Несарина облегченно выдохнула, но не позволила себе даже слегка опустить плечи.

Сартак тоже испытал облегчение, было видно по его лицу. Фалкан молча наблюдал за ними.

– Думаю, эдж, такие разговоры лучше вести наедине, – сказал принц, косясь на торговца.

Грубостью это не назовешь, но и учтивостью не пахнет. Несарина не знала, относятся ли слова Сартака и к ней тоже.

– Тогда это подождет, – махнула рукой Хулуна. – Садись.

– Эдж… – неуверенно пробормотал Сартак.

Фалкан шевельнулся, показывая, что готов уйти. Но Хулуна зыркнула на него, молча приказывая оставаться на месте:

– Хочу, чтобы вы все слышали.

Сартак послушно сел. Легкое постукивание ноги подсказывало, что Фалкан все равно ему мешает. Несарина села рядом. Хулуна вернулась на прежнее место:

– В глубине наших гор пробуждается древняя злоба. Я потратила несколько дней, высматривая ее проявления.

– Эдж…

Чувствовалось, Сартак встревожен не сообщением Хулуны, а тем, что его мать-по-очагу странствовала одна.

– Не забывай, мальчишка: я еще не настолько стара, чтобы сульде падало у меня из рук. – Хулуна сердито посмотрела на

принца.

Ни у кого бы и язык не повернулся назвать ее старухой.

– Что именно заставило тебя говорить о древней злобе?

Хулуна быстро оглядела зал – нет ли кого рядом.

– Что заставило? Разграбление гнезд рукков. Ночью оттуда украли яйца. Исчезло несколько птенцов. Бесследно.

Сартак вполголоса грязно выругался. Несарину удивило, что он позволяет такое в присутствии Хулуны. У нее самой от слов предводительницы свело живот.

– Расхитители гнезд десятки лет не осмеливались соваться в наши горы, – сказал принц. – Осмелели, значит. Но тебе, эдж, все равно не стоило гоняться за ними одной.

– Я искала не расхитителей. Нечто похуже.

Лицо Хулуны помрачнело. Несарину пронзила страшная догадка. Если валги добрались и сюда…

– Моя эдж называла их *харанкаями*.

– Это значит «тень» или «тьма», – шепнул Несарине Сартак.

Известие ужаснуло и его.

У Несарины бешено колотилось сердце. Значит, валги уже здесь…

– Но в ваших землях у этих тварей иное название, – продолжала Хулуна, глядя на нее и Фалкана.

Адарланец сглатывал. Несарина лихорадочно прикидывала: как поубедительнее соврать, что она впервые слышит о валгах, и не проболтаться.

Фалкан кивнул. Когда он заговорил, его голос был едва слышен сквозь треск пламени.

– Мы их называем стигианскими пауками.

31

У Несарины отлегло от сердца.

– Стигианские пауки – просто досужие выдумки, – сказала она Хулуне. – И паучий шелк – такая же сказка. Хоть бы кто его видел. Простите, эдж, но вы гонялись за призраками.

Фалкан смотрел на нее так, как взрослые смотрят на детей, несущих явную чушь.

– Позволю с тобой не согласиться, капитан Фелак.

Он полез к себе за пазуху. Несарина напряглась, рука потянулась к кинжалу на поясе.

Но адарланец достал не оружие.

В его руке был квадрат странной белой ткани величиной с носовой платок. Даже не белой, а переливчатой, похожей на свет

звезд. Даже Сартак присвистнул. Если верить легендам, паучий шелк стоил бешеных денег.

– Паучий шелк, – объявил Фалкан. Помяв ткань, он тут же убрал свое сокровище обратно, добавив: – Прямо от пауков.

Несарина разинула рот.

– Значит, ты собственными глазами видел эти ужасы, – сказал Сартак.

– На Эрилее я заключил с этими тварями сделку, – поправил принца Фалкан.

На его лице вновь появилась мрачная улыбка. И тени. Множество теней.

– Это было почти три года назад. Кто-то назовет меня отъявленным глупцом, но в результате сделки я получил триста локтей паучьего шелка.

На один его платок в Рафтхоле можно было бы купить приличный дом. А на полотно длиной в триста локтей…

– Должно быть, ты богат, как хаган, – вырвалось у Несарины.

Адарланец пожал плечами:

– Я узнал, что истинное богатство – не в сверкающем золоте и не в драгоценных камнях.

– И чем же ты заплатил?

Несарина вспомнила: за свой шелк стигианские пауки брали не золотом и не драгоценностями. Осязаемые вещи им вообще были не нужны. Пауки требовали мечты, желания и…

– Двадцатью годами. Двумя десятками лет своей жизни. Мне не урезали ее на двадцать лет. Они забрали у меня лучшие годы.

Несарина пригляделась к адарланцу. Не мальчик, конечно, но и стариком его не назовешь. В волосах – ни единого седого волоса.

– Мне двадцать семь лет. А выгляжу я почти на пятьдесят.

Боги милосердные!

– Тогда что тебя принесло в Таванские горы? – не слишком учтиво спросила Несарина. – Собрался еще прикупить паучьего шелка?

Хулуна цокнула языком:

– Должна тебе сказать, девочка, что шелк производят только паучихи. И только у вас, на вашем континенте. Здешние не нашли себе достойного занятия. Харанкаи ничего не создают. Только разрушают. Они с давних пор живут в пещерах и на перевалах вокруг Дагульских гор. Так называется гряда к югу от нас. Расстояние немалое. И до сих пор мы соблюдали негласную договоренность: мы не летали над их владениями, а они не совались к нам.

– Тогда почему ты думаешь, что теперь они решили воровать

яйца наших рукков? – спросил Сартак.

Он посмотрел на вход в пещеру, где несколько птиц дожидались хозяев, затем склонился, уперев локти в колени.

– А кто еще? – возразила мать-по-очагу. – Расхитители гнезд давно забыли дорогу сюда. Чтобы проникнуть в гнездо рукка, нужно сначала подняться высоко в горы. Кому такое по силам? Я несколько дней летала над их владениями. Там все в паутине. Она тянется с вершин и склонов до сосновых лесов в ущельях. Под нею не остается никакой жизни.

Хулуна повернулась к Фалкану:

– Смотри, как получается. Харанкаи вновь занялись разбоем, и именно в это время у нас в гнезде появляется адарланский торговец, пострадавший от их соплеменниц с Северного континента. Ему понадобились ответы. Я не верю в простое совпадение.

Сартак сердито посмотрел на Фалкана. Тот примирительно поднял руки:

– Я действительно пострадал от стигианских пауков… или паучих. Но я ничего не знал о харанкаях, а потому не мог ни разыскивать их, ни чего-то требовать. Почему я здесь? До меня доходили сведения о сокровищнице знаний, которая есть у вашей матери-по-очагу. Я надеялся получить ее совет, прежде чем отваживаться на какие-либо действия.

– И чем, как ты думаешь, тебе поможет ее совет? – спросила Несарина, искоса поглядывая на торговца.

– Я хочу вернуть свою молодость, – не поднимая головы, ответил он.

– Он продал все триста локтей паучьего шелка, но по-прежнему думает, что сможет вернуть время, – с усмешкой пояснила Сартаку Хулуна.

– Я на самом деле могу его вернуть, – почти выкрикнул Фалкан.

Хулуна сурово поглядела на него. «Не забывайся, где находишься и с кем говоришь», – предупреждал ее взгляд. Адарланец взял себя в руки и продолжал:

– У меня есть замыслы, которые до сих пор не дают мне покоя. Я хочу их осуществить, пока меня не одолела дряхлость. Мне говорили: единственный способ вернуть бездумно отданные годы – это убить паука, поглотившего их.

– Тогда что ж ты не остался на Эрилее? – удивилась Несарина. – Там бы и охотился. Зачем тебя понесло сюда?

Фалкан не отвечал. За него ответила Хулуна:

– Ему сказали еще кое-что. Убить харанкая способен только великий воин. Лучший из лучших. И незачем врать, Фалкан, что

ты ничего не знал о здешних харанкаях. Пусть не много, но знал. Потом ты узнал о руккинах, живущих в отдаленном соседстве с этими тварями, и решил попытать счастья. Прежде всего узнать, что́ нам известно о пауках и возможных способах их уничтожения.

Чувствовалось, даже Хулуна была слегка ошеломлена такой стратегией.

– А еще Фалкан втайне рассчитывал найти какой-нибудь обходной путь. Более легкий способ вернуть свои годы здесь, чтобы не вступать с пауками в сражение у себя на континенте.

Что ж, для человека, свихнувшегося на мысли вернуть обратно годы жизни, замысел Фалкана звучал вполне разумно.

– Но каким образом все это связано с украденными яйцами и птенцами? – спросил у Хулуны Сартак.

Принц не питал сочувствия к торговцу, продавшему свои лучшие годы, пусть и за сказочное богатство. Фалкан это уловил и поспешил повернуться к огню.

– Хочу, чтобы ты их нашел, – сказала Хулуна.

– Эдж, может, и есть надежда отыскать яйца. А птенцы, скорее всего, уже мертвы.

– Эти твари дорожат добычей. В их коконах птенцы могут долго оставаться живыми… Хотя, пожалуй, ты прав. Они сожрали и яйца, и птенцов.

Гнев исказил лицо Хулуны, и Несарина увидела воительницу. Такой же воительницей становилась Борта.

– Как только произойдет новая кража, ты отправишься на поиски. И напомнишь этим грудам дерьма, что мы не смотрим сквозь пальцы на похищение наших птенцов.

Она кивнула Фалкану:

– Когда настанет время, ты полетишь вместе с ними. Может, там и найдешь ответы.

– Но почему надо ждать? – спросила Несарина. – Почему не выследить харанкаев и не наказать?

– Потому что пока у нас нет неопровержимых доказательств, – ответил Сартак. – А если мы ударим без повода…

– Харанкаи – давние враги рукков, – пояснила Хулуна. – Когда-то между ними происходила настоящая война. Это было раньше, чем степные конники поднялись в горы.

Она тряхнула головой, словно прогоняя мысли о далеких временах:

– И потому эти сведения нужно держать в тайне. Не хватало только, чтобы руккины и рукки вылетали отсюда, обуреваемые гневом. Паника нам тоже ни к чему. Передай, чтобы бдительнее следили за гнездами, но причину не называй.

– Как скажешь, эдж, – ответил Сартак.

– А теперь мне надо поговорить с моим капитаном, – сказала Хулуна, поворачиваясь к Фалкану.

Тот незамедлительно встал:

– Я целиком в вашем распоряжении, принц Сартак.

Изящно поклонившись, Фалкан ушел. Когда его шаги стихли, Хулуна заговорила вполголоса:

– Неужели все начинается заново? – Она мельком взглянула на Несарину. – Спящий пробудился.

– Эраван, – выдохнула Несарина.

Ей показалось, что пламя очага качнулось в ответ.

– Эдж, ты знаешь о нем? – спросил Сартак, пересаживаясь на место Фалкана.

– Ты видела их, – продолжала Хулуна, пристально глядя на Несарину. – Его исчадий тьмы.

Несарина поставила заслон воспоминаниям, рвущимся на поверхность:

– Да, видела. На нашем континенте, в Морате, он создал из этих чудовищ целую армию. И она продолжает разрастаться.

– Отец знает? – спросила Хулуна у Сартака.

– Обрывки сведений. Целостной картины нет. Его горе…

Сартак повернулся к огню. Хулуна коснулась его колена.

– В Антике напали на целительницу из Торры, – сказал он.

Хулуна выругалась, столь же грязно, как ее сын-по-очагу.

– Мы думаем, к нападению причастен кто-то из ставленников Эравана, – продолжал Сартак. – Я пробовал говорить с отцом о своих догадках и понял бессмысленность этих попыток. Мне вспомнились твои сказания, и я решил не тратить время понапрасну, а полететь сюда. Быть может, ты знаешь что-то, чего не знаю я.

– А если я скажу тебе? – Взгляд Хулуны стал свирепым, как у рукки. – Если я тебе расскажу все, что мне известно об этой угрозе, как ты поступишь? Опустошишь все гнезда, соберешь воздушную армию и полетишь через Узкое море, чтобы не вернуться обратно?

У Сартака дернулся кадык. Несарина вдруг поняла: он летел сюда не за ответами.

Возможно, принц и сам достаточно знал о валгах, чтобы решить для себя, какую позицию занять перед лицом угрозы. Он прилетел, чтобы заручиться поддержкой своих соратников. Поддержкой этой женщины. Хаган и вся империя могли думать, будто он командует руккинами. Но в здешних горах законом было слово Хулуны.

Не так уж далеко отсюда, на молчаливых склонах

Арундина… стояло сульде ее дочери. Хулуна хорошо знала цену жизни. Вряд ли она позволила бы своей внучке отправиться с легионом на Эрилею. Возможно, она вообще запретит руккинам Эридунского клана участвовать в войне.

– Если у нас зашевелились харанкаи, а на севере пробудился Эраван, опасность грозит нам всем, – осторожно сказал Сартак и склонил голову. – Но я очень хочу услышать о том, что тебе известно, эдж. Возможно, ты знаешь такое, о чем давным-давно забыли королевства Эрилеи. Время и междоусобные войны ослабляют память. Странно, что наш народ, живущий далеко на юге, знает эти истории, хотя войны демонов никогда не велись на нашей земле.

Хулуна долго смотрела на них обоих, затем с легким кряхтением поднялась на ноги:

– Вначале я должна поесть и отдохнуть. Потом расскажу.

Она посмотрела на выход из пещеры. Неяркое солнце серебрило каменные стены.

– Сюда движется буря. Я ее обогнала. Скажите остальным, пусть приготовятся.

Хулуна покинула очаг. Несарина смотрела ей вслед. Шаги предводительницы были усталыми, но она не позволяла себе горбить спину или опускать плечи. Это была походка воина: ни одного лишнего движения.

Несарина думала, что Хулуна отправится на ближайшую кухню, но та открыла дверь помещения, в котором находилась библиотека.

– Она является нашей Хранительницей Сказаний, – пояснил Сартак, перехватив взгляд Несарины. – Рядом с книгами и свитками пробуждается ее память.

Мать-по-очагу, знающая историю руккинов. Этому Несарина не удивлялась. Но Хулуна обладала священным даром Хранительницы Сказаний. Редким даром помнить и рассказывать историю и легенды всего мира.

Сартак встал и тоже покряхтел, разминая затекшие ноги:

– Хулуна никогда не ошибается в предсказании бурь. Надо предупредить руккинов. Ты пройдешься по здешним ярусам. Я слетаю на две соседние горы.

Несарина не успела спросить, есть ли здесь кто-то вроде младших командиров, кому она должна в первую очередь сообщить. Принц был уже возле Кадары.

И опять она осталась наедине с мыслями, а мысли – не из приятных. Тут тебе и обезумевший торговец, решивший охотиться на пауков, чтобы вернуть молодость или хотя бы узнать, как затребовать свои годы у стигианских паучих Эрилеи. Несарина

представила этих тварей, проникающих в гнезда и пожирающих беззащитных птенцов. Чудовищнее всего, когда страшная легенда оказывается правдой.

Наверное, Эраван созывал под свои знамена все самое темное, страшное и отвратительное, что обитало в этом мире.

Несарина старательно растерла ладони, чтобы заставить тепло разлиться по телу. В здешних коридорах было ненамного теплее, чем в большом зале.

Близится буря. Надо просто говорить об этом всем, кто ей встретится.

Пройдя несколько шагов, Несарина хлопнула себя по лбу. Как же она раньше не догадалась? Нужно прогуляться наверх, к Борте, и о буре узнает все гнездо.

Буря атаковала горы вечером, едва стемнело. Огненные когти молний рвали небо. Раскаты грома сотрясали не только склоны, но и все, что находилось в толще.

Несарина вновь сидела в очажном амфитеатре, поглядывая на выход из пещеры. Его завесили плотными занавесками, закрепив их нижние концы камнями. Порывы ветра лишь надували их, как паруса, однако сдвинуть камни не могли. Занавески вешали внахлест, и все же иногда между ними появлялись щели, позволяющие взглянуть на разгул стихии снаружи.

Невдалеке от входа, на подстилках из тряпок и соломы, дремали три рукки: Кадара, свирепая коричневая рукка Хулуны и совсем молодая красновато-коричневая, с серым отливом рукка Борты. «Надежная пташка», – только и сказала за обедом Борта, хотя она явно гордилась своей питомицей.

Вытянув гудящие ноги, Несарина наслаждалась теплом. Сартак принес ей одеяло – укутать колени. Переложить задачу целиком на Борту не получилось. Подземелья были слишком обширными. Несколько часов Несарина поднималась и спускалась по лестницам, мерила шагами коридоры, предупреждая всех, кто ей встречался. Стоило ей произнести: «Хулуна сказала», как все понимающе кивали.

Кто-то благодарил ее торопливым кивком и мчался дальше, кто-то зазывал к себе, угощал горячим травяным чаем и тем, что варилось или жарилось. Иные спрашивали Несарину, откуда она и зачем здесь. Когда она отвечала, что родилась в Адарлане, но ее отец родом с Южного континента, ей неизменно говорили: «Добро пожаловать домой».

Не успев отдохнуть после утренних занятий, она задала телу новую нагрузку. Лестницы и коридоры сморили ее. Обед лишь усилил усталость. После обеда Борта объявила, что идет спать.

Фалкан был бы не прочь остаться, но ему никто не предложил, и он тоже ушел к себе. Хулуна вновь села между Несариной и Сартаком. К этому времени Несарина уже клевала носом.

По стенам пробегали неяркие серебристые отсветы молний. Хулуна смотрела на огонь и молчала. Гремел гром, по занавескам барабанил дождь, трещало пламя. В эти звуки вплетался знакомый храп Кадары.

– Ненастные вечера – золотое время для Хранителей Сказаний, – нараспев, по-халхийски, произнесла Хулуна. – Мы слышим бурю, когда она еще очень далеко. Мы чуем запах молний, как гончая чует запах зверя. Нас предупреждают: «Готовьтесь. Собирайте соплеменников и внимательно слушайте».

Невзирая на тепло очага, плащ и одеяло, у Несарины по телу поползли мурашки.

– В незапамятные времена, – продолжала Хулуна, – когда не было ни хаганата, ни степных конников, ни Торры; когда смертные еще не правили на нашем континенте, да и на других тоже… Здесь, в этих самых горах, появилась щель.

Лицо Сартака оставалось непроницаемым. Несарина шумно сглотнула.

Щель между мирами. Открытые Врата Вэрда. И не где-нибудь, а здесь.

– Щель открылась и через мгновение закрылась. Быстро, как вспышка молнии.

Отвечая словам Хулуны, снаружи мелькнула ветвистая молния.

– Но этого мгновения было достаточно. Сюда успела проникнуть вся нечисть. Харанкаи и другие исчадия тьмы.

Слова Хулуны эхом отзывались внутри Несарины.

– Харанкаи – стигианские пауки… и прочие захватчики. Не просто чудовища из другого мира. Валги. Разные породы демонов.

Хорошо, что Несарина сидела, иначе у нее подкосились бы ноги.

– Валги были здесь? – спросила она.

Ее голос прозвучал непривычно громко и слишком обыденно для мрачной торжественности вечера.

Сартак хмуро посмотрел на Несарину. Перебивать Хранительницу Сказаний не полагалось – это могло нарушить поток повествования. Хулуна ответила легким кивком:

– Большинство валгов покинули здешние края. Правители затребовали их на Северный континент. Что касается этого места… Возможно, сюда прибыл их передовой отряд. Осмотрели земли и не нашли того, чего искали, а потому перебрались в

другие места. А харанкаи – прислужники короны тьмы – остались. Постепенно пауки научились языкам людей. Они пожирали глупцов, забредавших в горы. Некоторым счастливчикам удавалось выбраться. Их потом расспрашивали, почему пауки остались в Дагульских горах. Ответы были разные. Кто говорил, что горы напоминают паукам их собственный убогий мир. Иные утверждали, будто пауки остались охранять путь назад. Они ждут, когда Врата откроются снова и они смогут вернуться в свой мир.

Несарина слушала и думала, что действительность порою бывает причудливее сказок.

– А на востоке, в древних фэйских землях, полыхала война. Трое демонов-королей сражались против армии фэйской королевы. Демоны явились в наш мир, чтобы его завоевать.

Хулуна продолжала рассказ. Эту часть повествования Несарина уже слышала раньше. Она ослабила внимание, ибо ее мысли целиком занимали стигинаские пауки. Разновидность валгских демонов, которые и не думали прятаться.

Дальнейшие слова Хулуны заставили Несарину забыть о пауках и снова обратиться в слух.

– И наступило время, когда валгов выгнали обратно в их мир, когда последний из демонов-королей скрылся в темных глубинах нашего мира, а сюда пришли фэйцы. Народ фэ, как они себя называли. Они появились в этих горах и научили рукков сражаться с харанкаями. Более того, они научили птиц своему языку и языкам людей. В горах фэйцы построили сеть сторожевых башен, а по всему континенту поставили сигнальные башни. Кем были эти фэйцы? Военной силой, на дальних подступах занявшей оборону против харанкаев? Или, подобно паукам, они тоже дожидались, когда щель между мирами откроется вновь? Когда кто-то додумался до таких вопросов, фэйцев и след простыл. Остались лишь их сторожевые башни.

Хулуна надолго умолкла. Решив, что настало время для вопросов, Сартак спросил:

– Есть ли… какой-либо способ победить валгов помимо открытого сражения? Есть ли сила, на чью помощь мы можем рассчитывать в сражении с ордами Эравана?

– Спроси у нее, – ответила Хулуна, взглянув на Несарину. – Она знает.

Сартак скрючился, будто его ударили плетью.

– Этого я рассказать не могу, – прошептала Несарина. – Никому из вас. Морат слышит на любом расстоянии. Если он уловит хотя бы шепот, мы лишимся последней крупицы надежды.

Ключи Вэрда… О них Несарина не решалась рассказать даже Хулуне и Сартаку.

– Давно я так глупо и бесцельно не тратил время, – ледяным тоном отчеканил принц.

– Не торопитесь с выводами, – не выдержала Несарина. – Мы еще очень многого не знаем. Я, например, только сейчас узнала, что здешние пауки – тоже порода валгских демонов. Они не просто так застряли и здесь, и на нашем континенте, в Руннских горах. Возможно, это как-то связано. Быть может, и у валгов существуют уязвимые места, и это даст нам преимущество.

Несарина водила глазами по пустому залу, успокаивая взбесившееся сердце. Страх еще никому не помогал.

Хулуна мельком взглянула на них обоих:

– Большинство фэйских башен превратились в пыль, но некоторые стоят и поныне, хотя и они наполовину разрушены. До ближайшей отсюда лететь полдня. Начните оттуда. Узнайте, осталось ли что. Быть может, Несарина Фелак, ты найдешь там разгадку. И не одну.

– А до меня… до нас там никто не бывал?

– Фэйцы снабдили башни ловушками, чтобы пауки не сунулись. Они покинули континент, но ловушки остались. Находились желающие попасть в башни. Что-нибудь разузнать или просто пограбить. Никто не вернулся.

– Стоит ли рисковать? – задал вполне обоснованный вопрос капитан руккинов своей матери-по-очагу.

– Я вам рассказала то, что смогла. По сути – жалкие обрывки прежних знаний, которые бесследно исчезли, не оставив даже воспоминаний. Но если харанкаям снова неймется… Кто-то должен побывать в той башне. Может, обнаружите что-нибудь полезное. Узнаете, как фэйцы сражались с этой нечистью и не давали паукам перейти черту.

Недра горы в очередной раз содрогнулись от раската грома.

– Возможно, твоя крупица надежды станет побольше, – сказала Хулуна, разглядывая Несарину.

– Или мы тоже сгинем в развалинах сторожевой башни, – хмуро бросил Сартак.

Его любимица мирно храпела, даже не догадываясь, куда ей придется лететь.

– За все значимое приходится платить, мой мальчик, – возразила Хулуна. – Но ни в коем случае не оставайтесь в башне после наступления темноты.

32

– Хорошо, – сказала Ириана.

Тяжелая нога Шаола упиралась ей в плечо. Ириана медленно вращала ногу, разрабатывая икроножную мышцу.

С той страшной ночи прошла почти неделя. Ногой Шаола Ириана занималась на полу одной из комнат лечебницы, примыкающей к Торре. День выдался знойным. В такую погоду немудрено взмокнуть от пота. Ириана и взмокла бы, но в сухом климате пот высыхал мгновенно, не успев пропитать одежду. Но она чувствовала пот у себя на лице и видела на лице Шаола. Сам он, похоже, не замечал липкой влаги. Его лицо было напряженным и сосредоточенным.

– Смотрю, твоим ногам очень нравятся упражнения, – сказала она, утыкаясь пальцами в его мускулистые бедра.

О том, что́ изменилось и почему Шаол стал упражняться на плацу, вместе с караульными, Ириана не расспрашивала. Он тоже ничего не рассказывал.

– Да, нравятся, – только и сказал Шаол, почесывая щетинистый подбородок.

Утром он не успел побриться. Ириана пришла через несколько минут после его возвращения с плаца. Шаол сказал, что хочет проехаться по городу и сменить обстановку.

Желание было искренним. Шаола так тянуло посмотреть город и почувствовать себя частью городской жизни. Ириана не посмела отказаться. Покатавшись по улицам и улочкам Антики, они приехали в лечебницу. Все комнаты здесь были одинаковыми: стол, койка и шкафы у противоположной стены. Каждое помещение имело по одному окну с видом на аккуратные грядки огорода лечебных трав. Неудивительно, что жаркий воздух комнаты наполняли ароматы розмарина, мяты и шалфея.

Ириана опустила на прохладный каменный пол его левую ногу и взялась за правую. Шаол отозвался негромким кряхтением. Магическая сила с легким жужжанием перетекала из рук Ирианы в его тело. Целительница старалась не касаться черного пятна, которое медленно, слишком медленно опускалось вниз по позвоночнику.

С этим пятном они сражались четвертый день. Воспоминания пожирали Шаола, высасывали из него силы. Ириана оттесняла их, отпихивала стену тьмы, приносящую ему столько мучений.

Порою Ириане удавалось мельком увидеть в бурлящей черной яме то, что выдерживал Шаол. Боль, гнев, чувство вины, печаль. Но все это проносилось мимо нее, как тонкие струйки дыма. Шаол не обсуждал с ней свои видения. Ириана и не пыталась спрашивать. Она неутомимо сражалась с темной волной. Казалось, она взялась постепенно разрушить валун, откалывая по кусочку. Но лучше так, чем никак.

Закрыв глаза, Ириана направляла свою магическую силу в ноги Шаола. Она представляла стаю белых светлячков. Они неслись в темноте, находили поврежденные участки, не отзывавшиеся на упражнения. Приказы от мозга к ногам все еще шли по узким тропкам, хотя после усилий Ирианы должна была бы появиться если не дорога, то дорожка.

Ириана открыла глаза, продолжая заниматься его правым бедром.

– Я тут вычитала кое-что интересное, – сказала она. – У древних целительниц был удивительный способ помощи людям с увечьями спины и позвоночника. Когда-то жила целительница по имени Линкена. Она умела создавать магический каркас для всего тела. Невидимый внешний скелет. Люди могли ходить и что-то делать, а не лежать, дожидаясь целительской помощи. Иногда каркас применяли, если целительство не давало желаемых результатов.

– Ты хочешь сказать, что у нынешних целительниц ничего подобного нет?

Ириана покачала головой, опустила его правую ногу и снова взялась за левую. Эти упражнения требовали многократных повторений.

– Линкена изготовила всего восемь или девять таких каркасов. Все они магически связывались с талисманом, который надлежало постоянно носить на шее. Время не сохранило ни талисманы, ни способ изготовления каркасов. Была и другая знаменитая целительница – Саанви. Рассказ о ней похож на легенду. Саанви удавалось почти мгновенно исцелять пациентов. Все то, что я делаю сейчас, оказалось бы ненужным. Она вживляла в мозг пациента крошечный осколок магического камня.

Шаол поежился.

– Не волнуйся, я не предлагаю тебе никаких опытов над твоими мозгами. – Ириана похлопала его по бедру. – В этом нет необходимости.

Шаол облегченно вздохнул.

– Но как столь ценные и важные знания могли затеряться? – удивился он. – Я думал, в библиотеке Торры хранится все, начиная с момента ее создания.

– То-то и оно, что обе целительницы трудились не в Торре, а далеко от Антики. На континенте есть четыре целительских заведения. Туда из Торры направляют целительниц, и там они живут и принимают нуждающихся. Ведь далеко не каждый может добраться до Антики. Сейчас сообщение намного лучше, а тогда… Линкена и Саанви работали в глуши. Возможно, и записи не

всегда делали. Когда в Торре спохватились и отправились туда, было поздно. Сказания и легенды – это все, что сохранилось.

– А ты делаешь записи? Отмечаешь, как у меня подвигается дело?

– Частично. – Ириана покраснела. – И не в те дни, когда ты себя ведешь как упрямый осел.

Шаол улыбнулся. Ириана опустила его ногу, однако за другую не взялась, словно решила передохнуть. Посвящать Шаола во все тонкости записей она не собиралась.

– Я тебе уже говорила: такие увечья на нашем континенте не редкость. Их научились исцелять, и сведений хватает. Мне важнее сознавать, что я перепробовала все способы и получила результат. Исцеление идет не так быстро, как хотелось бы. Я знаю, тебе не терпится поскорее вернуться…

– Да, не терпится. Но я ни в коем случае не тороплю тебя.

Шаол сел на полу. Теперь это давалось ему намного легче. «До чего же он рослый», – в который раз подумала Ириана. Шаол медленно вращал ногой и морщился. Мышцы выше икр отчаянно сопротивлялись.

Подняв голову, Шаол поймал взгляд Ирианы и понял, что́ снедает ее.

– Кто бы за тобой ни охотился, у него или у них не будет ни малейшего шанса причинить тебе вред. А закончится ли мое выздоровление завтра или через полгода – значения не имеет.

– Знаю, – тихо ответила она.

Кашан и его караульные не нашли ни малейших следов того, кто пытался на нее напасть. И хотя последующие ночи были спокойными, Ириана почти не спала. Не помогало даже сознание того, что Торра надежно охраняется. Только усталость после занятий с Шаолом давала ей драгоценные минуты сна.

– Нам нужно снова побывать в библиотеке и поговорить с Нушей, – объявила Ириана.

– Зачем? – насторожился Шаол.

Ириана покосилась на открытое окно. Сад жил своей жизнью. На легком ветерке, дувшем с моря, покачивались кусты лаванды. Над ними жужжали пчелы. И никого на дорожках. Можно не опасаться, что ее слова подслушают.

– Мы ведь так и не спросили, каким образом те книги и свитки попали в библиотеку.

– Книги очень старые, – сказала Нуша. – Тогда никаких записей о поступлении не велось.

С Ирианой и Шаолом она говорила на адарланском. В ее тоне и облике ощущалось больше недовольства, чем в прошлый раз.

Мимо проходили целительницы и библиотекарши. Кто-то шепотом здоровался с Ирианой и Нушей. Сегодня на кресле возле очага возлежала оранжево-рыжая бастинская кошка. Ее пронзительно-зеленые глаза следили за докучливой парой.

Зная характер главной библиотекарши, Ириана действовала с мягкой настойчивостью. Она усердно пыталась улыбаться Нуше.

– Быть может, есть какие-либо упоминания о том, зачем вообще эти книги здесь понадобились?

Нуша уперлась локтями в свой внушительный письменный стол:

– Когда поиск определенных знаний влечет за собой охоту на ищущих, у них это должно бы вызывать хотя бы беспокойство. Думаю, излишне напоминать, что все началось не раньше и не позже, а с того времени, как ты занялась своими изысканиями.

Шаол подался вперед.

– Это угроза? – оскалив зубы, спросил он.

Ириана коснулась его локтя. После той ночи он был готов опекать ее везде и всюду. Но в разговоре с Нушей такое вряд ли поможет.

– Я понимаю, что это опасно. Вероятно, кому-то не нравятся мои поиски. Но мною движет не праздное любопытство. Пойми, Нуша, любые дополнительные сведения о книгах: откуда поступили, кто их запрашивал, – могут оказаться предельно важными.

– Чтобы снова поставить его на ноги, – сухо бросила ей Нуша, явно не веря в такое утверждение.

Ириана не отваживалась взглянуть на Шаола.

– Как видите, наши успехи скромные и достигаются не быстро, – с заметным напряжением произнес Шаол. – Возможно, опыт древних помог бы ускорить мое выздоровление.

«Не думайте, что я даже на минуту поверю вашему вранью», – было написано на лице Нуши. Сказать это вслух она не могла, а потому лишь церемонно вздохнула и развела руками:

– Я уже говорила: никаких записей о поступлении тех книг у нас нет. Но… – добавила она, когда Шаол открыл рот. – Ходят слухи, будто в пустыне есть пещеры, где собраны подобные сведения. Правильнее сказать, были. Большинство не сохранилось, однако та, что в Аксарском оазисе, цела.

Нуша многозначительно посмотрела на Ириану. Та поморщилась.

– Думаю, вам стоит начать оттуда.

К выходу Ириана шла молча, жуя нижнюю губу. Коридор позволял Шаолу ехать рядом. Почти у самых дверей, за которыми

был двор, его лошадь и обратный путь во дворец, Шаол спросил:

– Чем тебе так не понравился ответ Нуши?

Ириана смотрела перед собой. Коридор и обширная передняя пустовали. Близилось время обеда. Скоро здесь начнется столпотворение.

– Этот оазис, Аксара. Туда не так-то просто добраться.

– Далеко?

– Не сказать чтобы далеко. Это владения семьи хагана. Туда никого не пускают. Там они отдыхают от превратностей дворцовой жизни.

– Понятно. – Шаол поскреб колючий подбородок. – И просить в открытую – нарваться на кучу вопросов.

– Совершенно верно.

Шаол внимательно смотрел на нее, щурясь от солнца.

– Предложишь обратиться к Кашану? – прошипела Ириана. – И не заикайся.

– Я бы и не посмел. – Шаол поднял руки. – Однако в ту ночь он явился по первому твоему зову. Кашан – хороший человек.

Ириана уперла руки в бока:

– В таком случае почему бы тебе не пригласить его в романтическое странствие по пустыне?

Шаол усмехнулся. Ириана зашагала к дверям. Он толкнул колеса кресла:

– Я не особо сведущ в придворных интригах, но у тебя есть к кому обратиться помимо Кашана.

К Хасаре. Ириана снова поморщилась, закусив уже не губу, а кончик косы:

– Принцесса больше не просила меня шпионить. Не хочется снова открывать ту дверь.

– Можно и по-другому. Например, ты могла бы ее убедить, что надо немного поразвлечься. Например, прокатиться в пустыню.

– Думаешь, я могу управлять принцессой?

Шаол хотел поскорее встать на ноги. Но не любой ценой.

– Если тебя это не устраивает, поищем другой способ.

– Я не сказала, что не устраивает. Замысел вполне осуществимый. Просто Хасара чуть ли не с пеленок плетет интриги. Она видит меня насквозь. Чуть что – симпатии мигом обернутся ненавистью. Мстить она умеет… Нуша высказала предположение, и не более того. Так стоит ли из-за предположения навлекать на себя гнев принцессы?

Шаол задумался над ее словами. Всерьез, как обычно делала только Хазифа.

– Ты права. Мы это обдумаем со всех сторон. С Хасарой

нужно держать ухо востро.

Ириана вышла во двор, подозвала ближайшего караульного и попросила привести из конюшни лошадь господина Эстфола.

– Интриганка из меня неважная, – сказала она, виновато улыбаясь.

– Мне приятно это слышать, – признался Шаол, дотрагиваясь до ее руки.

Судя по его глазам, он не лукавил. Ириана ему поверила и слегка покраснела.

Она вошла в тень Торры, задрала голову к самому верху, где было окошко ее комнаты с видом на море. А далеко за морем находилась ее родина.

Вновь повернувшись к Шаолу, Ириана увидела, что он больше не улыбается. Лицо адарланца успело помрачнеть.

– Прости, что втянул тебя во все это. И не только тебя.

– Не надо извиняться. Возможно, нашим противникам этого только и надо: сковать нас страхом, наполнить чувством вины. Словом, остановить любой ценой.

Ириана смотрела на его гордо поднятый, пусть и щетинистый, подбородок, на разворот плеч. В каждом дыхании этого человека ощущалась сила.

– Меня всерьез тревожит, что время не на нашей стороне. И потом… чувствую я, той ночью охота не кончилась. Будет продолжение.

Шаол кивнул.

– Справимся и с продолжением, – твердо сказал он.

Так тому и быть. Вместе. Вместе они обязательно справятся.

Ириана слегка улыбнулась.

Караульный подвел к ним лошадь. Сейчас Шаол отправится во дворец, а она побредет к себе наверх и будет ходить из угла в угол, обуреваемая тревожными мыслями…

Пусть это глупо с ее стороны, но Ириана выпалила:

– А ты не хочешь остаться на обед? Повариха слезами обольется, когда узнает, что ты был здесь и не заглянул к ней.

Ириана знала: ею движет не только страх. Ей хотелось еще какое-то время побыть рядом с ним. Поговорить с ним так, как она редко говорила с кем-либо.

Минуту или две Шаол молча смотрел на нее, словно она была единственным человеком в мире. Ириана мысленно приготовилась услышать отказ. Быть может, он устал, и не надо его задерживать.

– А если мы пообедаем в другом месте?

– Ты хочешь сказать, в городе? – спросила Ириана, указывая на открытые ворота.

– Если, конечно, кресло выдержит поездку по улицам.

– Пешеходные дорожки ровные. – У нее забилось сердце. – А какая еда тебе нравится?

Они намеревались пересечь некую границу. И дворец, и Торра были местами пусть не закрытыми, но достаточно обособленными от внешнего мира. И здесь и там сохранялись их роли целительницы и пациента. А в город они отправятся как мужчина и женщина.

– Попробую… всего понемножку, – ответил Шаол.

Чувствовалось, он совершенно искренен. Он действительно хотел выйти с нею в город. Не столь уж важно, какую еду им подадут. Судя по тому, как жадно смотрел он сквозь ворота на вечерние улицы… Ему, как и ей, хотелось на время забыть о зловещей тени, нависшей над ними.

Ириана извинилась перед караульным: лошадь господину Эстфолу понадобится несколько позже.

– Я знаю, куда мы с тобой отправимся.

На него почти не обращали внимания. Люди торопились по домам; им было некогда глазеть на Шаола, едущего в кресле рядом с Ирианой.

Ехал он самостоятельно, как привык в коридорах дворца. Помощь Ирианы понадобилась всего в нескольких местах, где на пути встречалась колдобина или улица круто шла вниз. До выбранного Ирианой заведения нужно было проехать пять улиц. Ничего подобного в Рафтхоле Шаол не видел. Вместе с Дорином он бывал в нескольких местах, но там собиралась высшая знать. Попасть туда, даже имея деньги, было непросто – пускали лишь завсегдатаев и их гостей.

Место, куда привела его Ириана, напоминало рафтхольские заведения разве что обилием столов и стульев. Но сюда, как в таверну, мог зайти каждый. Фасад здания из светлого камня имел несколько дверей. В ожидании вечернего наплыва они были широко открыты. За дверями находился зал, а чуть дальше – такие же двери во внутренний двор. Впрочем, двор был не совсем внутренним. Он выходил на соседнюю улицу, от которой был отделен легкой оградой. Посетители могли одновременно наслаждаться видом города и любоваться звездами над головой. А вдалеке серебрилась под лунным светом гладь моря.

В воздухе плавали соблазнительные ароматы. Шаол узнал лишь чеснок. Остальные резкие, пряные и дымные запахи были ему незнакомы.

Их приветствовала распорядительница зала. Ириана что-то сказала ей. Женщина подозвала слугу, и кресло Шаола проворно

вкатили во двор. Столик был на двоих. Тот же слуга быстро убрал лишний стул. Ириана села напротив Шаола. Посетители за соседними столами оборачивались и смотрели.

Не на него. На Ириану. Целительницу из Торры.

Похоже, Ириана не замечала их взглядов. Вернулся слуга и на одном дыхании выпалил названия всех кушаний, какие у них сегодня готовили. Ириана на своем ломаном халхийском сделала заказ.

– Тебе здесь нравится? – через некоторое время спросила она, обведя глазами двор.

Шаол смотрел на быстро темнеющее небо, где появлялись первые звезды. Когда в последний раз он просто сидел, забыв о своих обязанностях? Когда ел не только ради насыщения желудка, а не спеша, наслаждаясь едой?

Он подыскивал слова. Свыкался с непринужденной обстановкой.

– Такого у меня еще не было, – наконец признался он.

Ему вспомнился день рождения, который он праздновал с Аэлиной в оранжерее. Это был праздник наполовину. Половина его мыслей оставалась в стеклянном замке: кто на каких постах стоит, где может находиться Дорин. Но сейчас…

– Ты никогда не был в подобных заведениях? Или прежний король запретил и их?

– Нет, конечно. И в заведениях бывал, хотя и редко. Но я никогда не обедал, будучи просто самим собой.

Наверное, его неуклюжие объяснения лишь запутали Ириану, ничего не объяснив. Он не знал, как передать то, что он испытывал сейчас.

– Почему?

Ириана наклонила голову, и ее коса поползла по плечу.

– В родительском доме я был сыном управителя и наследником. В Рафтхоле – капитаном королевской гвардии. Теперь я – главный советник короля.

Ириана внимательно смотрела на него, терпеливо слушая сбивчивые объяснения.

– А здесь меня никто не знает, – продолжал Шаол. – Здесь вообще не слышали об Аньеле. И это…

– Дарит тебе свободу?

– Это делает меня другим человеком, – улыбнулся он.

Из внутреннего зала лился мягкий золотистый свет, играя на покрасневших щеках Ирианы.

– Я… очень рада.

– А ты? Ты часто приходишь сюда с друзьями, оставляя целительницу за порогом?

Ириана смотрела на прохожих.

– Друзей у меня не много… Не потому, что они мне не нужны, – торопливо добавила она, и Шаол улыбнулся. – У целительниц Торры заняты все дни. Нередко и вечера тоже. Бывает, мы ходим сюда. Но свободные часы редко совпадают. Поесть в нашей трапезной быстрее и проще. Так что целительницы – не слишком компанейские люди. Наверное, потому я и уцепилась за дружбу с Кашаном и Хасарой. Они вносили разнообразие в мою монотонную жизнь. Но их месяцами не бывает в Антике. И потом, дружба с людьми такого положения…

Шаола подмывало спросить, ходила ли она сюда с другими мужчинами, однако его вопрос мог испортить всю непринужденность этого вечера.

– Получается, ты, как и я, постоянно думала о своем ремесле.

Ириана кивнула:

– Возможно, когда-нибудь у меня и получится тратить часть времени только на себя. Научусь наслаждаться жизнью, отодвигая мысли о помощи другим. А пока не могу. Даже сейчас мне немного совестно.

– От таких мыслей надо освобождаться.

– Ты пробовал? И как? Получилось?

Шаол усмехнулся. Слуга принес кувшин с холодным мятным чаем.

– Мы с тобой научимся жить по-иному… если переживем эту войну.

Шаолу показалось, что в стол вонзился острый холодный нож. Но Ириана расправила плечи. Она улыбалась одними губами, хотя улыбка была дерзкой.

– За жизнь, господин Шаол, – сказала она, поднимая оловянный бокал с чаем.

Он поднял свой. Они чокнулись.

– За то, чтобы хоть пару часов чувствовать себя просто людьми.

Шаол наелся до отвала. Каждое кушанье, обильно сдобренное пряностями, было маленьким откровением.

Вкусная еда располагала к разговору. Ириана рассказывала о первых месяцах учебы в Торре, когда она чуть ли не падала от напряжения, торопясь узнать и усвоить как можно больше. Потом она спросила, как он постигал премудрости гвардейской службы. Шаол сник. Не хотелось ему в этот вечер говорить о Брулло и других, но Ириана так чудесно улыбалась, а ее любопытство было таким искренним, что Шаол переломил себя.

Рассказывая о Брулло – человеке, проявившем к нему больше отеческой заботы, чем родной отец, – Шаол испытывал боль. Время сгладило ее остроту. Если можно хотя бы так отдать дань памяти этому замечательному воину, Шаол был готов терпеть.

Когда разговор сам собой иссяк, они покинули заведение и отправились в обратный путь, к сияющим белым стенам Торры. Шаолу казалось, что он по-настоящему провожает Ириану, а не просто едет рядом с нею, толкая колеса кресла. Ириана и сама сияла, не переставая улыбаться.

Они остановились возле ворот, ожидая, пока Шаолу подведут лошадь.

– Спасибо за прекрасный вечер и прекрасное общество, – сказала Ириана, и ее щеки снова вспыхнули.

– Рад, что не подвел, – смущенно ответил он.

– Завтра с утра, во дворце?

Вопросы был излишним, но она все-таки спросила. Шаол кивнул.

Ириана переминалась с ноги на ногу, продолжая улыбаться. Сейчас она напоминала последний яркий луч солнца, еще долго окрашивающий небо после захода светила.

– И тебе спасибо за этот вечер, – сказал Шаол, подавляя слова, готовые спрыгнуть с языка: «Мне сегодня глаз не отвести от тебя».

Караульный подвел лошадь.

– Спокойной ночи, – прошептала Ириана, отходя в сторону.

Шаол подался вперед и коснулся ее руки. Пальцы Ирианы сложились, будто лепестки нежного цветка.

– Спокойной ночи.

Шаол ехал к ярко освещенному дворцу и чувствовал странную легкость. Груз, давивший на грудь и плечи, куда-то исчез. Столько лет… пожалуй, всю жизнь… он жил, ощущая эту тяжесть. И теперь, когда она пропала… Нет, остальной мир не изменился. Угроза, нависшая над Адарланом и теми, кто был дорог Шаолу, по-прежнему существовала и, скорее всего, лишь усиливалась. И вдруг эта непонятная легкость.

33

Верхушки сосен были подернуты туманом. За ними проглядывала сторожевая башня Эйдолон, похожая на обломок меча. Она стояла на вершине невысокой горы, глядящей в сторону сплошной стены других гор, значительно выше этой. Кадара летела над лесистыми холмами, приближаясь к башне. Несарине казалось, что они несутся навстречу приливной волне, где вместо воды – жесткий камень.

Это ощущение сменилось другим – потоком осколков стекла. Несарина испуганно моргнула, и поток исчез.

– Видишь?

Сартак указал в сторону огромных гор. Он говорил шепотом, словно боясь, что кто-то может подслушать.

– За той кромкой начинаются Дагульские горы. Вотчина харанкаев. Дозорные в башне сразу видели всех, кто спускался со склонов. При их фэйском зрении это не составляло труда.

Несарина и без фэйского зрения прекрасно видела пустынные склоны, усеянные валунами и обломками скал. Ни деревца, ни ручейка. Казалось, все живое давно покинуло эти места.

– Хулуна летала над этой жутью?

– Поверь, я сам ужаснулся, когда узнал, – проворчал Сартак. – Пришлось утром дать Борте солидный нагоняй.

– Удивительно, что она не размозжила вам коленки.

– А ты заметила, как я прихрамываю?

Несарина усмехнулась, хотя ни развалины сторожевой башни, ни стена гор не располагали к веселью. Ей показалось, что Сартак прильнул к ней. Его широкая грудь уперлась в лук и колчан, прикрепленные у нее за спиной. Борта щедро поделилась с нею парой длинных метательных ножей.

Куда они летят и чем там будут заниматься – об этом знала только Хулуна. Неудивительно, что Борта весь завтрак хмурилась, а Фалкан, сидевший по другую сторону круглого стола, посматривал с любопытством. Воинский опыт Несарины и Сартака подсказывал им: чем меньше людей знают о твоих замыслах, тем больше шансов на успех.

Они вылетели рано, едва только рассеялись предутренние сумерки, взяв несколько тюков с припасами. Сартак пытался возражать: зачем столько брать, если к вечеру они вернутся? Однако Несарина настояла. Мало ли что? В таких местах никакие припасы не бывают лишними.

Борта хотя и злилась, что ее держат в неведении, но после

завтрака заплела Несарине волосы в красивую тугую косу. Коса начиналась на макушке и опускалась за воротник плаща, надетого поверх кожаных летных доспехов. Пожалуй, Борта немного перестаралась и стянула волосы излишне туго. Пока летели сюда, Несарина подумывала, не ослабить ли косу. Но когда впереди замаячила башня, а коса с честью выдержала несколько часов полета, Несарина решила не трогать произведение Борты.

Кадара сделала круг над башней, спустилась ниже и вторично облетела фэйскую древность.

– Никаких следов паутины, – сказала Несарина.

Когда-то сторожевая башня была значительно выше. Может, верхние этажи разрушило неумолимое время и природные стихии, или же в далекие времена через эти места проходила чья-то армия. Сохранились только два нижних этажа, но и они были открыты всем ветрам, дождям и снегу. Винтовая лестница в середине башни тонула в хвое и почвенных наносах. В таком же положении находились обломки деревянных балок и каменных глыб. Едва ли где-то здесь могла чудом сохраниться фэйская библиотека.

Проще было бы опуститься прямо на второй этаж, однако Сартак сомневался, что стены башни выдержат тяжесть Кадары. Пришлось искать полянку поблизости, а это, учитывая размеры рукки, оказалось делом непростым. Едва Сартак с Несариной спрыгнули на землю, Кадара снова взмыла в воздух. Пока люди шли по склону к башне, она кружила у них над головами. Сартак запрокинул голову и свистнул.

Язык свиста был еще одной хитростью руккинов и дарганцких конников. Он смешивался со свистом летящих стрел и позволял свободно общаться, передавая сообщения через вражеские позиции или из конца в конец своей армии. Редко, кто замечал отличия этого свиста, но, даже заметив, все равно ничего не мог понять. И своих птиц руккины учили понимать язык свиста, отличая призыв о помощи от приказа немедленно улетать.

Они шли неторопливо, с предельной осторожностью. Путь к башне лежал между густых сосен и гранитных валунов. Несарина искренне надеялась, что свист им понадобится только для вызова Кадары, когда настанет время лететь обратно. В следах она разбиралась так себе, зато Сартак был опытным следопытом и быстро узнавал все, о чем могли рассказать деревья, камни и земля.

Он шел, постоянно качая головой. Значит, вокруг никого: ни пауков, ни другой живности. Несарина старалась не показывать своей радости. Тем более что близость Дагульских гор ощущалась

даже сквозь частокол высоких сосен. Ее глаза сами собой поворачивались вправо, хотя интуиция требовала смотреть только вперед.

Первыми у них на пути встретились каменные глыбы – громадные прямоугольные куски, наполовину вросшие в землю и присыпанные хвоей. В Антике сейчас изнывали от летней жары, а здешний воздух был прохладным. Стоило зайти в тень, и холод пробирал до костей.

– Если здесь даже летом такая холодрыга, я понимаю фэйцев, – сказала Несарина. – Представляю, каково тут зимой.

Сартак улыбнулся, но приложил палец к губам. Перелесок заканчивался. Несарина покраснела, как девчонка, которую упрекнули в болтливости. Сняв лук, она приладила стрелу, позволив той свободно покачиваться. Они с принцем запрокинули головы, разглядывая башню.

Должно быть, тысячи лет назад Эйдолонская башня представляла собой внушительное сооружение. Даже сейчас ее развалины подавляли своими размерами. Примыкающие постройки, если они были, давным-давно разрушились в прах. Но каменная входная арка хорошо сохранилась. По обе стороны от нее стояли выщербленные статуи, изображавшие каких-то птиц.

Сартак подошел ближе и принялся разглядывать статуи. В неярком солнечном свете лезвие его кинжала блестело, как ртуть.

– Рукки? – тихо спросил он.

– Нет, – присмотревшись, возразила Несарина. – Форма головы другая. И клюв. Это совы.

Да, высокие, изящные совы с плотно сложенными крыльями. Знак Сильбы. В Торре он встречался на каждом шагу.

– Давай поторапливаться. Вряд ли разумно тут застревать.

Несарина кивнула и, прежде чем войти, оглянулась. История повторялась, но уже далеко от Рафтхола. Там, следуя к проходам вдоль сточных каналов, она пропускала Шаола вперед, а сама прикрывала тыл, держа наготове лук и стрелу. Тело Несарины действовало, повинуясь мышечной памяти. Сартак шагнул под арку, а она оглядывала сосновый лес, скользя глазами по вершинам. Туда же смотрел наконечник ее стрелы.

Ничего. Здесь не щебетали птицы. Даже ветер не шуршал в соснах.

Несарина повернулась к арке и быстро оценила обстановку. Это она умела делать с детства – улица научила. Позже ее наставники удивлялись, считая ее навыки природным даром. Выходы, ямы и прочие ловушки, возможные места укрытий. Так она действовала и внутри зданий, и в подземельях. Но в развалинах башни не было ничего приметного.

Первый этаж давно лишился потолка, и света здесь хватало. Винтовая лестница вела прямо в небо, куда уже натянуло облака. Щели в стенах, скорее всего, предназначались для лучников. В морозные дни они, оставаясь в тепле, вели наблюдение за окрестностями и, если требовалось, стреляли прямо из щелей.

– Вверху ничего, – сообщила Несарина, сообразив, что Сартак и так это видит.

Принца интересовала другая лестница – та, что начиналась за внутренней аркой у стены и вела вниз, в темноту. Он направился туда. Несарина подбежала и схватила его за локоть:

– Постойте!

Сартак удивленно оглянулся на нее.

Несарина намеренно придала лицу каменное выражение.

– Ваша эдж рассказывала про ловушки внутри башен. Если они не встретили нас у самого входа, это не значит, что их здесь вообще нет.

Наконечником стрелы Несарина указала на арку и лестницу:

– Идем тихо и с предельной осторожностью. Я пойду первой.

Плевать ей на тыл, если этот принц несется очертя голову.

Глаза Сартака недовольно вспыхнули, однако Несарина не стала слушать его возражений:

– Весной и летом я достаточно насмотрелась моратских чудовищ. Я умею их отличать и знаю, куда бить.

– Странно, что тебя не повышали по службе, – проворчал Сартак, вновь оборачиваясь к ней.

Несарина улыбнулась, отпустив его мускулистое предплечье. Только сейчас она сообразила, что без разрешения посмела дотронуться до принца, и содрогнулась.

– Помнишь? Здесь мы – оба капитаны, – сказал Сартак, заметив ее смущение.

Да. Оба капитаны. Наклонив голову, Несарина обошла Сартака и шагнула внутрь арки. Левая рука крепко сжимала лук, правая – оттягивала тетиву. Глаза всматривались в темноту, начинавшуюся в шаге от хода. Когда оттуда никто не выскочил, Несарина опустила лук, вложила стрелу в колчан и, нагнувшись, подобрала горсть каменных осколков.

Сартак за ее спиной вслед за ней наполнил осколками карманы.

Лестница, уходящая вниз, тоже была винтовой. Обратившись в слух, Несарина бросила камешек. Тот запрыгал по ступенькам вниз, а потом…

Раздался слабый щелчок. Несарина подалась назад, налетев на принца, и растянулась на грязном полу, увлекая Сартака за собой. Снизу донесся глухой удар, затем второй.

Потом стало тихо. Единственным звуком было напряженное дыхание Несарины. Она снова прислушалась:

– Потайные арбалеты.

Лицо Сартака было совсем рядом. Он вперился глазами в лестницу. Одна рука застыла на спине Несарины, вторая – сжимала кинжал.

– Выходит, капитан, я обязан тебе жизнью, – сказал Сартак.

Она быстро встала и протянула ему руку. Принц сжал руку Несарины своей теплой ладонью и позволил поднять себя на ноги.

– Не беспокойтесь, – сухо сообщила она и пустила по ступенькам уже не один, а сразу несколько обломков. – Я ничего не скажу Борте.

Послышались новые щелчки, новые глухие удары. Потом стало тихо.

– Спускаемся медленно, – распорядилась Несарина.

Ее любопытство стремительно таяло. Не дожидаясь утвердительного кивка Сартака, она взяла лук и, словно палкой, принялась ощупывать первую ступеньку.

Затем настал черед стены. На всякий случай Несарина ощупала даже потолок арки. Ничего. То же она проделала со второй, третьей и четвертой ступеньками – насколько хватало длины лука. Удостоверившись, что на этом отрезке сюрпризов нет, она кивнула принцу.

Достигнув последней проверенной ступеньки, Несарина повторила свои действия со следующими четырьмя. Ничего опасного. Но когда они достигли первого поворота винтовой лестницы…

– Я и впрямь обязан тебе жизнью, – прошептал Сартак, увидев, что́ вылетело из стены на девятой ступеньке.

Наконечник стрелы был усеян железными шипами. Впиваясь в тело, он там и оставался, если только жертва, обезумев от боли и отчаяния, не пыталась вырвать его из тела – вместе с кожей и мясом.

Какая магия оберегала механизмы арбалетов, если за тысячи лет они не превратились в ржавую труху? Нынешние арбалеты не стреляли с такой силой. Стрела глубоко вонзилась в обвязку между камнями противоположной стрелы.

– Не забывайте, эти ловушки предназначались не для людей, – прошептала Несарина.

Для пауков размером с лошадь, умеющих говорить, строить замыслы и обладающих памятью.

Несарина тщательно простучала стену вокруг бойницы и даже сунула конец лука в отверстие, откуда вылетела стрела.

– Мне думается, фэйцы, которые здесь жили, помнили, на какие ступеньки нельзя наступать, – сказала Несарина, проверяя дальнейший путь. – И общий узор опасных ступенек был каким-нибудь заковыристым.

Ее догадка оказалась верной. Следующую стрелу они увидели через три ступеньки. Еще одну – через пять. Сартак полез в карман за новой порцией обломков. Оба присели на корточки, когда он пустил камешки вниз по ступенькам.

Щелчок.

Несарина целиком сосредоточилась на стене и не обратила внимания, откуда донесся этот щелчок. Не спереди. Щелкнуло где-то внизу.

Только что Несарина сидела на корточках, вглядываясь в стену. В следующее мгновение ступенька сдвинулась в сторону, открыв черную пасть глубокой ямы.

Сильные руки ухватили Несарину за плечо и воротник. Кинжал с лязгом застучал по камням.

Несарина висела над ямой, стараясь выбраться на ближайшую ступеньку. Сартак удерживал ее, а его кинжал катился в темноту.

Металл ударялся о металл, от чего-то отскакивая и наполняя своим клацаньем лестницу.

Шипы. Настоящий частокол железных шипов.

Сартак вытаскивал Несарину. Она ломала ногти, цепляясь за гладкую ступеньку. Наконец она подтянулась и оказалась меж ног Сартака. Оба тяжело дышали, всматриваясь в яму.

– Думаю, мы в расчете, – сказала Несарина, безуспешно пытаясь совладать с дрожью.

Принц сжал ей плечо, другой рукой провел по затылку. Прикосновение было дружеским, успокаивающим.

– Строители этой башни жесточайшим образом ненавидели харанкаев.

Несарина не сразу сумела унять дрожь. Сартак терпеливо ждал, гладя ее по волосам и трогая кончик косы, искусно заплетенной Бортой. Несарина не противилась. Она даже прильнула к нему, разглядывая яму, которую придется перепрыгивать.

Потом дрожь улеглась. Несарина смогла встать, не опасаясь, что у нее подогнутся колени. Они с Сартаком осторожно перепрыгнули через яму, миновали несколько ступенек и чуть не угодили в другую. Эта подстерегала их вместе с шипастой стрелой. Но путь вниз продолжался, пока они не достигли самого дна.

Там оказалось не так уж и темно. Свет шел либо по колодцам,

тщательно замаскированным среди камней, либо его направляла сюда какая-то хитроумная цепь зеркал. Несарине не хотелось раздумывать над этим. Главное, здесь светло, и можно понять, куда они попали.

Оказалось – в подземную тюрьму.

Пять камер пустовали. Их каменные двери были сорваны и валялись на полу. Середину занимал прямоугольный каменный стол. Сколько тысячелетий успело пройти с тех пор, как отсюда исчезли узники и тюремщики?

Сартак и Несарина остановились на последней ступеньке, не решаясь сойти на пол.

– Неплохо бы сводить сюда тех, кто до сих пор считает фэйцев жеманными созданиями, обожающими петь и сочинять стихи, – сказал принц. – Вот она, их настоящая история. За этим каменным столом не ели и не писали донесения.

Поверхность стола покрывали темные пятна. А на другом столе, у стены, валялось оружие. Никаких книг и свитков. Возможно, их тут и не было, а если были, то время, дожди и снег бесследно уничтожили их.

– Рискнуть спуститься? – рассуждал вслух Сартак. – Или разумнее поскорее убраться отсюда?

– Мы уже столько всего преодолели, – напомнила ему Несарина.

Ее внимание привлекло что-то возле дальней стены.

– Смотрите. Там какие-то письмена.

Принц бросил на пол несколько камешков. Они прокатились и замерли, не вызвав ни щелчков, ни иных звуков. Таким же способом он проверил потолок и стены. Ничего.

– Уже легче, – сказала Несарина.

Сартак кивнул. Они сошли со ступеньки, но проверок не прекратили – проверяли каждую каменную плиту. Несарина ощупывала их концом лука, а Сартак – своим красивым тонким мечом. Когда проходили мимо стола посередине, Несарина не задержалась взглядом на разбросанных там приспособлениях.

Она помнила гвардейцев Шаола, чьи тела раскачивались на воротах замка. Видела отметины на их телах.

Сартак остановился возле стола с оружием, взял ножны и достал из них кинжал с длинным лезвием. Несарина подошла к нему.

– Смотри-ка, его лезвие по-прежнему острое.

Неяркий свет разливался по поверхности лезвия, высвечивая какие-то знаки, нанесенные посередине.

Несарина потянулась за коротким мечом. От прикосновения ее руки ножны захрустели и начали рассыпаться. Несарина

счистила с эфеса многовековую грязь и увидела сверкающий темный металл. Концы гарды были слегка загнуты.

Стоило Несарине поднять меч, и ножны окончательно рассыпались. Невзирая на размеры, меч легко лежал в руке и был великолепно сбалансирован. На желобе меча тоже были письмена. Имя владельца, а может, молитва.

– Только фэйское оружие способно и через тысячу лет сохранять остроту, – сказал Сартак, откладывая кинжал. – Скорее всего, сделано фэйскими кузнецами из Астериона. Это к востоку от Доранеллы. И сделали его еще до начала первых войн с демонами.

Чувствовалось, Сартак знает не только историю хаганата и своего континента. Несарина похвастаться такими знаниями не могла, да и ее обучение проходило в иных условиях.

– А это как-то связано с астерионскими лошадьми?

– Самым тесным образом. В Астерионе собраны лучшие кузнецы и лошадники. Во всяком случае, так было, пока границы не закрылись и над миром не сгустилась тьма.

Несарина продолжала рассматривать короткий меч. Казалось, его металл был пронизан звездным светом, на фоне которого выделялись письмена вдоль желоба.

– Интересно, что здесь написано?

Сартак разглядывал астерионский нож, и по лицу принца двигались неяркие солнечные зайчики.

– Наверное, заклинания против врагов. Быть может, против…

Он не договорил, но Несарина и так догадалась: против валгов.

– Лучше и не допытываться, – вздохнула она. – Я отчасти надеюсь, что не придется.

Оставив Сартака выбирать оружие, Несарина прикрепила короткий меч к поясу и прошла к дальней стене, где темнели надписи. Она простучала весь пол вокруг, но ничего не обнаружила. Тогда она стала всматриваться в сами надписи. В них не было такого изящества, как в надписях на оружии. Черные, скачущие буквы. Даже не черные, а…

– Это кровь, – подсказал Сартак, подойдя к ней.

И на его поясе поблескивал астерионский нож.

Скорее всего, надписи были предсмертными. От тех, кто их оставлял, не сохранилось даже праха.

– Это фэйский язык. Его еще называют Древним языком, – сказала Несарина. – У вас были прекрасные учителя, но сомневаюсь, что они вас учили Древнему языку.

Сартак покачал головой.

– Надо хоть как-то это записать, – сказала Несарина. – Может,

вы умеете в точности запоминать чужие письмена?

– Не умею. – Досадливо выругавшись, Сартак повернулся к лестнице. – В поклаже есть пергамент, дорожная чернильница и перья. Я бы мог…

Несарину поразила не оборванная фраза, а поза Сартака. Он замер, превратившись в статую. Несарина потянулась за фэйским мечом.

– Я избавлю вас от лишних хлопот, – послышался насмешливый женский голос, говоривший на халхийском. – Там написано: «Не забывай глядеть вверх». Жаль, что вы не последовали этому совету.

Несарина запрокинула голову и увидело существо, которое переползло с лестницы на потолок и теперь двигалось к ним. Она сжала зубы, чтобы не закричать.

34

Увиденное было отвратительнее, чем представляла себе Несарина. Харанкай… точнее, харанкаиха, поскольку это была самка, оказалась еще гнуснее. За считаные секунды она успела перебраться с потолка на пол.

Чудовище было крупнее лошади. Кожа местами серая, местами черная, вся в белых пятнах. Ячеистые глаза казались черными бездонными ямками. Как ни странно, при таких размерах паучиха не выглядела глыбой. Если сравнивать с обычными пауками, она больше походила на черную вдову, чем на тарантула.

– Когда фэйские недоумки строили эту башню, они забывали глядеть вверх. – Говорила паучиха мелодичным и даже красивым голосом, что никак не вязалось с ее жутким обликом. – А еще они забывали, на кого ставят свои ловушки.

Несарина торопливо оглядывала лестницу за спиной паучихи, световые колодцы. Других выходов не было. Путей к отступлению – тоже.

Развалины сторожевой башни превратились в паутину. Какие же они глупцы, что сунулись вниз.

Когти на лапах паучихи скребли камень.

Несарина вернула нож за пояс.

– Правильно, – похвалила ее паучиха. – Думаю, ты догадалась: воевать со мной этими фэйскими побрякушками бесполезно.

Несарина выхватила лук, вложила стрелу.

Паучиха засмеялась:

– Глупая ты девчонка. Если фэйские лучники еще тогда не смогли меня остановить, неужели ты думаешь, что у тебя получится?

Сартак чуть приподнял меч.

Когда после завтрака Борта заплетала ей косу, Несарине и в голову не приходило, что они полетят в эти древние развалины навстречу своей смерти.

Паучиха была более опасной противницей, чем солдаты, одержимые валгами. Она чувствовала себя хозяйкой положения и могла не торопиться. Ее главным оружием были ядовитые зубы, торчащие из раскрытой пасти.

– Когда я покончу с тобой, наездник, и с твоей подружкой, я займусь вашей птичкой. Ох и покричит же она у меня.

Из зубов на пол капал яд.

Паучиха перешла в наступление.

Несарина выпустила стрелу и тут же вложила другую. Но паучиха двигалась так быстро, что стрела вместо глаза чиркнула по брюшному панцирю и отбросила противницу к пыточному столу. Возможно, это тоже было частью ее маневра. Отскочив, как мячик, паучиха предприняла новую атаку.

Сартак что есть силы ударил мечом по когтистой лапе. Паучиха взвыла, из раны полилась черная кровь. Несарина и Сартак бросились к лестнице. Харанкаиха успела преградить им путь. Ее лапы уперлись в каменный стол и стену. Яд, капавший с зубов, отвратительно вонял. Каждая капля заключала в себе мучительную смерть.

– Человеческое дерьмо, – прошипела паучиха, плюнув им под ноги.

Краешком глаза Несарина видела взметнувшуюся руку Сартака. Принц намеревался оттолкнуть ее в сторону, загородить от смертоносных челюстей паучихи.

Потом что-то стремительно пронеслось мимо Несарины, и это что-то заставило паучиху пронзительно закричать.

Несарина вертела головой, пытаясь разобраться в произошедшем. Только что она возмущалась дурацким самопожертвованием Сартака, а через мгновение паучиха уже кувыркалась по полу.

Кадара никак не смогла бы сюда пробраться. Паучиху атаковал крупный зверь, вооруженный когтями и зубами, – серый волк величиной с пони и невероятно свирепый.

Не теряя времени, Сартак, а за ним и Несарина бросились к винтовой лестнице. Им было некогда думать о возможных оставшихся ловушках и ощупывать ступеньки. Они перепрыгнули через одну лестничную яму, затем через другую. Снизу

доносились звуки сражения и злобное верещание.

Потом визг, даже не волчий, а какой-то собачий. И тишина.

Несарина и Сартак выскочили из внутренней арки и устремились к выходу из башни. Несарина оказалась впереди, и принц все время подталкивал ее, не давая оглядываться.

Покинув башню, они все же остановились и оглянулись.

Они думали, что паучиха бросится их догонять. Но та помчалась вверх по внешней лестнице. Сейчас ее главным противником был волк, на которого она устроила засаду.

Волк выбежал наружу. Он торопился скрыться в лесу и даже не оглядывался. И тогда паучиха прыгнула. А с небес золотистым камнем упала Кадара.

От боевого клича рукки задрожали окрестные сосны. Ее когти вонзились в живот паучихи. Паучиха полетела вниз.

Волк метнулся в сторону. Сартак что-то закричал Кадаре, но его крик заглушили крики птицы и паучихи. Харанкаиха упала на спину. Расчет Кадары оправдался. Острые когти рукки вонзились в подбрюшье паучихи, и за дело принялся клюв, по остроте не уступающий мечу.

Несколько стремительных ударов клювом. Черным фонтаном брызнула кровь. Паучиха задергала своими тонкими лапами. Это были предсмертные судороги.

Дрожащие руки Несарины едва удерживали лук. Кадара пыталась оторвать паучихе голову, и вскоре ей это удалось. Несарина повернулась к Сартаку, но принц смотрел не на расправу с паучихой, а на волка.

Прихрамывая, волк двинулся к ним. У него была рваная рана в боку и совсем не волчьи сапфировые глаза. Несарина поняла, кто́ пришел им на выручку в подземелье башни.

В волчьей шерсти появилось свечение. Оно разрасталось, а волчье тело таяло и вскоре исчезло совсем.

Зажимая рану, Фалкан с трудом поднялся на ноги. Пальцы его были в крови.

– Значит, ты оборотень, – прошептала Несарина.

35

Не в силах стоять, Фалкан опустился на колени, прямо в хвою. Рана продолжала кровоточить, и кровь текла между его загорелыми пальцами. Несарина хотела побежать к нему. Сартак схватил ее за руку.

– Не вздумай, – произнес принц.

Несарина оттолкнула его руку и, подбежав к раненому,

опустилась на колени рядом с ним:

– Ты отправился вслед за нами.

Фалкан поднял голову. Его глаза были затуманены болью.

– Вчера я подслушал ваш разговор у очага.

– Обернувшись крысой или тараканом, – сердито бросил Сартак.

Чувствовалось, Фалкану стыдно, но лишь немного.

– Я обернулся соколом и полетел вслед за вами. Видел, как вы вошли в развалины башни. А потом увидел эту тварь. Она почуяла вас и устроила вам западню.

Он мельком взглянул на останки паучихи. Кадара сидела на кромке второго этажа и поглядывала на Фалкана. Харанкаи в пищу не годились, и рукка, казалось, подумывала, не закусить ли ей оборотнем.

Несарина махнула Кадаре, требуя спуститься. Своевольная птица продолжала сидеть, подчеркнуто не замечая ее. Придется обратиться к хозяину.

– Фалкану нужно помочь. Нужны бинты.

– Моя эдж знает? – спросил Сартак.

Подобно Кадаре, он не отзывался на просьбы Несарины.

Фалкан чуть сдвинул окровавленную руку, но тут же был вынужден снова зажать рану. Он дышал ртом.

– Да, – ответил он на вопрос принца. – Я все ей рассказал.

– Чей двор отправил тебя в наши края? Кому ты служишь?

– Сартак! – не выдержала Несарина.

Она впервые видела принца столь разозленным. И говорить в такой манере он тоже себе не позволял. Забыв про сословные различия, Несарина схватила его за руку:

– Фалкан спас нам жизнь. Без него мы бы не выбрались из подземелья. Теперь он нуждается в нашей помощи. У него опасная рана, которую необходимо срочно перебинтовать. Велите Кадаре спуститься.

Сартак не двинулся с места. Его глаза с нескрываемой злостью смотрели на Фалкана.

– Оборотни сплошь ассасины и шпионы, – прорычал он. – Одним меньше станет. Пусть помирает.

– Я не шпион и не ассасин, – возразил Фалкан, морщась при каждом слове. – Я действительно торговец. Когда рос, я и не знал, что у меня есть этот дар. В нашем роду были оборотни. Потом магия в Адарлане вообще исчезла. Я решил, что никаких особых качеств у меня нет, и даже радовался этому. Наверное, я так до конца и не стал взрослым. Когда я попал в ваши края, уже в этом возрасте…

В возрасте, из которого сам вычеркнул двадцать лет. Он

вытер липкие пальцы и сейчас же снова зажал рану:

– Я обнаружил, что способен менять облик. Не скажу, что у меня это хорошо получается, но получается, если сосредоточусь. Часто тоже не могу… Поймите, принц: мне от этой способности никакой радости. Мой брат был оборотнем. И отец. А я как не хотел, так и сейчас не хочу.

– Однако ты с поразительной легкостью превратился в птицу, потом в волка и снова в человека. Чтобы так уметь, надо долго упражняться.

– Поверьте, со мной это впервые…

Фалкан застонал и качнулся. Несарина подхватила его, не дав упасть лицом в хвою. Сартак смотрел на них, и на мгновение ей показалось, что перед нею – самодовольный, надменный Аргун.

– Знаешь что, принц! – крикнула она, переходя на «ты» и забывая про всякую учтивость. – Если ты немедленно не принесешь Фалкану бинты и мазь, у тебя появится такая же рана!

Принц смотрел на нее разинув рот. Потом издал резкий короткий свист и пошел к башне. Его походка была красноречивее слов.

Рукка спрыгнула с башни, но опустилась не на землю, а на одну из каменных сов возле арки. Хрупкий камень затрещал под ее лапами.

– Я не ассасин, – повторил Фалкан, которого трясло от потери крови. – Мне они встречались, но я не из их породы.

– Я тебе верю, – сказала Несарина.

Сартак снял с Кадары поклажу и теперь рылся в тюках.

– В левом! – крикнула ему Несарина.

Принц зыркнул на нее, однако безропотно полез в левый тюк.

– Я хотел сам расправиться с паучихой, – признался Фалкан. От потери крови его глаза начинали стекленеть. – Думал, а вдруг… это вернет мне годы, хотя… не она забрала мою молодость. Вдруг у них есть… что-то вроде общей паутины, протянувшейся между континентами? И там хранится все, что накопила… украла их порода.

Он с усилием рассмеялся:

– Но у меня забрали и эту возможность.

– Простим Кадаре ее вмешательство. Еще неизвестно, сумели бы мы втроем справиться с паучихой.

Несарина только сейчас заметила, что клюв и перья Кадары перепачканы черной кровью.

– А ты, смотрю, даже не испугалась моего… превращения, – сказал Фалкан и снова засмеялся.

Подошел Сартак с бинтами, мазью и баночкой тягучей,

похожей на мед жидкости. Ею можно было временно запечатать рану. А в гнезде Фалканом уже займется целитель.

– У меня есть подруга-оборотень, – сказала Несарина.

Фалкан уже не слышал ее слов – потерял сознание.

За несколько минут Несарина прочистила рану. Сартак наложил временную «заплатку». Это действительно был мед с добавлением измельченных листьев. Смесь останавливала кровотечение и уберегала рану от воспаления. Сделав Фалкану перевязку, они общими усилиями подняли адарланца в седло, уселись сами и полетели обратно.

За все время полета Несарина и Сартак едва перекинулись несколькими словами. Когда между всадниками болтается раненый и его нужно удерживать, не очень-то поговоришь. Адарланец находился без сознания. Его отчаянно кренило то вправо, то влево. Сартак ворчал себе под нос. Когда забирались в седло, он напомнил Несарине, что у них только два набора скрепляющих ремней и он не станет рисковать жизнью их обоих из-за какого-то оборотня. Даже если тот спас их от паучихи.

Но долетели они благополучно и вернулись на закате. Солнце опускалось за горы, а три вершины Доргоса сверкали бесчисленными огнями. Казалось, их склоны покрыты светлячками.

На подлете к Альтунскому залу Кадара пронзительно крикнула. Ее крик сообщал не только о возвращении. Несарина поняла это, когда увидела встречающих. Их было достаточно много, включая Борту и Хулуну. По крику Кадары люди поняли: кому-то понадобится помощь, – и приготовили все необходимое.

Никто не спрашивал, что случилось с Фалканом. Никого не удивляло, почему он прилетел вместе с Сартаком и Несариной. Возможно, Хулуна приказала не приставать с расспросами. А может, в общей суматохе, пока Фалкана вытаскивали из седла и несли к здешнему целителю, было не до того. Но только не Борте.

За время полета гнев Сартака не улегся. Стоило принцу увидеть эдж, как гнев вспыхнул с новой силой. Он отвел Хулуну в дальний угол зала и принялся забрасывать вопросами про оборотня. Во всяком случае, Несарине так казалось. Слов она не слышала. Видела лишь его позу: руки скрещены на груди, челюсть выпячена. Хулуна стояла в точно такой же позе.

Поняв, что освобождать Кадару от тюков придется ей, Несарина взялась за работу. Борта стояла неподалеку. Вероятно, ждала, что Несарина заговорит первой. Та молчала.

– Если Сартак настолько осмелел, что выговаривает своей эдж, значит все у вас пошло сильно наперекосяк. А раз она

позволяет говорить с собой в таком тоне, значит где-то чувствует себя виноватой.

Несарина по-прежнему молчала и лишь кряхтела, снимая особо тяжелый тюк.

Борта обошла вокруг Кадары, внимательно присматриваясь к птице. Пожалуй, даже слишком внимательно.

– У нее когти, клюв и перья на груди густо запачканы черной кровью.

Несарина придвинула снятый тюк к стене.

– А у тебя спина покрыта красной коркой, и это тоже кровь.

Ничего удивительно, если Фалкана все время клонило к ее спине.

– Смотрю, ты и новым оружием обзавелась. Причем фэйским.

Борта подошла ближе с явным намерением взять в руки трофей Несарины. Несарина молча отодвинулась.

– Я хочу знать все, что известно тебе, – заявила внучка Хулуны.

– Я не вправе рассказывать.

Обе посмотрели в сторону Сартака. Принц все еще гневался. Хулуна спокойно стояла, позволяя ему бушевать.

– Интересные дела у нас творятся. Смотри, что получается. – Борта стала загибать пальцы. – Сначала эдж на несколько дней куда-то исчезает. Потом улетаете вы и возвращаетесь с человеком, который не улетал с вами. Непонятным образом, без всякой рукки, он оказался в том же месте, что и вы. Мало того, бедняжка Кадара возвращается, перепачканная этой… черной дрянью.

Борта принюхалась и поморщилась. Рукка щелкнула клювом.

– Обычная грязь, – соврала Несарина.

Борта расхохоталась:

– Если это обычная грязь, тогда я – фэйская принцесса. Вот что, подруга: или я начну расспрашивать всех и каждого, или…

Несарина потащила ее к стене, где лежали тюки:

– Даже если я и расскажу тебе, дальше ты будешь молчать как рыба. И не попытаешься влезть в эти дела.

– Клянусь, – пообещала Борта, прикладывая руку к сердцу.

Несарина вздохнула, глядя на высокий каменный потолок. Кадара предостерегающе смотрела на нее, словно прося не выдавать тайну. Но Несарина рассказала Борте все.

Наверное, ей стоило внять предостережению Кадары. Борта сдержала клятву и не сказала никому. Исключение составлял Сартак. Он только-только высказал Хулуне все, что будоражило его душу. Пройдя несколько шагов, принц уже сам получил

нагоняй и толчок в плечо. Сестра-по-очагу возмущалась, почему он ей не сказал, куда отправляется. Но еще сильнее Борту разозлило, что принц не взял ее с собой.

Сообразив, кто разболтал Борте, Сартак прошелся по Несарине сердитым взглядом. Но на нее уже навалилась усталость, и стало все равно. Она пошла к себе, догадываясь, что Сартак не оставит ее в покое. Особенно после выкрика Борты:

– В следующий раз, упрямый осел, я полечу с тобой!

Несарина мечтала поскорее улечься в мягкую постель. Сартак догнал ее у самой двери и схватил за локоть:

– Надо поговорить.

Несарина вырвалась, толкнула дверь, вошла. Принц последовал за нею. Войдя, закрыл дверь, привалился к ней спиной и скрестил руки на груди. Он ждал объяснений.

– Борта угрожала засыпать вопросами всех подряд, если я ей не расскажу.

– Меня не Борта волнует.

– Тогда что? – растерялась Несарина.

– У кого находятся Ключи Вэрда?

Голос его стих, но вопрос остался висеть в воздухе.

– Ключи чего? – Несарина сглотнула.

Сартак оттолкнулся от стены.

– Не пытайся мне врать, – прошептал он. – Пока нас не было, эдж вспомнила еще несколько историй. Уж не знаю, где она их откопала. Но у Хранительницы Сказаний такое бывает. Легенды о Вратах Вэрда, через которые валги и их короли прорвались в наш мир. Эти Врата можно открыть, но для этого нужно иметь все три Ключа. Еще эдж вспомнила: Ключи исчезли после того, как Маэва их похитила и с их помощью загнала валгов обратно. А потом, по утверждению фэйской королевы, она спрятала Ключи в разных уголках мира.

– И к чему это привело? – спросила Несарина.

Принц холодно усмехнулся:

– К чему – ты и сама знаешь. Теперь понятно, почему Эраван с такой быстротой создал армию и почему Аэлина, прозванная Неистовым Огнем, не может победить его без чужой помощи. Должно быть, один Ключ Вэрда у него есть. Не все, иначе мы бы уже называли Эравана хозяином. Но один точно. Или даже два. Вопрос: где третий?

Несарина и впрямь не знала где. Возможно, Аэлина и другие что-то знали или хотя бы предполагали, но с нею они не делились. Она знала лишь общее направление: любым способом, невзирая на войну и угрозу смерти, отобрать у Эравана Ключи. Но можно ли передавать Сартаку даже такие сведения?

– Наверное, теперь ты понимаешь, почему нам остро необходима военная помощь твоего отца, – холодно подытожила Несарина. – Его армия.

– Которую на Эрилее перебили бы.

– Пойми: Эраван не ограничится Эрилеей. Перебив нас, он явится и сюда.

Сартак выругался:

– То, что я сегодня видел. Эта тварь… – У принца тряслись руки. – Оказывается, в давние времена пауки были пехотой валгов. Целые легионы! Хулуна отыскала развалины еще трех башен к югу отсюда. Как только оборотень выздоровеет, мы туда полетим.

– Мы возьмем с собой Фалкана?

Сартак с такой силой рванул дверь, что та едва не слетела с петель:

– Пусть он и называет себя плохим оборотнем, но если он способен превращаться в громадного волка – таким оружием не бросаются. Он полетит со мной, – сообщил принц, хмуро поглядев на Несарину.

– А меня ты оставишь здесь?

Сартак столь же хмуро улыбнулся.

– Ты полетишь с Бортой, – сказал он, выходя в коридор.

36

Мышечная вялость в ногах Шаола словно обратилась вспять.

Это удивляло Ириану. Они работали уже три недели, чувствительность и подвижность восстановились до колена, а выше – никак. Шаол мог сгибать ноги, однако бедра по-прежнему не двигались. Стоять он тоже не мог.

Утренние часы он проводил на плацу, упражняясь вместе с караульными. Потом за него бралась Ириана, погружая его в темноту, наполненную воспоминаниями и болью. Туда же приходилось погружаться и ей.

Ноги Шаола постепенно обретали былую крепость мышц. Мышцы плеч и груди становились еще крепче. Благодаря занятиям на утреннем солнце его кожа приобрела сочный коричневый оттенок. А как удивительно смотрелись его загорелые мускулистые руки.

Ириана не пропускала ни одного дня. Работала неспешно. Работа с Шаолом стала такой же повседневной привычкой, как умывание, чистка зубов и чашка утреннего кахаве.

Шаол провел еще несколько уроков по самозащите. Самые

молоденькие ученицы продолжали увиваться вокруг него, не сознавая бесполезности своих ухищрений. Зато они никогда не опаздывали и слушали его наставления без прежних хихиканий. Он и Ириану научил новым способам защиты от рослых и крупных противников. Во время занятий улыбок во дворе Торры хватало, но Ириана изучала эти способы с предельной серьезностью. Шаол тоже не улыбался. Оба думали о том, где и когда ей могут пригодиться эти уроки.

О том, кто пытался на нее напасть, не было никаких сведений. Подтверждений, что это был валг, – тоже. Пусть и малое, но утешение, хотя ни она, ни Шаол не теряли бдительности и к занятиям относились очень серьезно.

Дети хагана куда-то уезжали, потом возвращались, чтобы снова уехать и снова вернуться. Кашана Ириана увидела только во время обеда, где не преминула поблагодарить принца за его щедрую помощь в ночь нападения. Он возразил, что благодарить за такую помощь излишне, однако Ириана все же коснулась его плеча. Это тоже был жест благодарности. За столом она по-прежнему сидела рядом с Шаолом.

Шаол до сих пор не сумел поговорить с хаганом наедине. За столом они с Ирианой не рисковали заводить разговоры о войне и военной помощи хаганата. Молчали они и про Аксарский оазис, где в неприметной пещере могут быть собраны важнейшие знания. Обоих удивляло, почему именно там находились сведения о валгах. До сих пор они так и не придумали способа подступиться к Хасаре, не вызвав подозрений у принцессы. Не хватало только, чтобы она узнала о свитках, спрятанных в гостиной покоев Шаола.

Но Ириана знала: время поджимает. Порою взгляд Шаола становился отрешенным, будто он смотрел в сторону своей далекой родины. Вспоминал друзей, сражавшихся там за лучшее будущее для адарланцев. После таких моментов решимость Шаола всегда возрастала, и каждая частица подвижности, что возвращалась в его ноги, была его заслугой наравне с успехом целительской магии Ирианы.

Впрочем, и ее время не ждало. Может, на ее родине уже вовсю полыхает война? Сумеет ли она туда попасть, чтобы помогать соотечественникам? И найдется ли место, куда возвращаться?

Тьма, с которой они оба столкнулись, когда Ириана взялась исцелять Шаола… Демон, обитавший внутри прежнего короля, повинного в страшных разрушениях… Тяготы первых сражений с этой внутренней тьмой остались позади, хотя она упорно не желала отступать. Ириану уже не затягивало в воспоминания Шаола, как раньше; чужеродная сила не вынуждала ее созерцать

ужасы Мората или отбивать атаки. Однако рана по-прежнему сопротивлялась магии Ирианы, стремясь погасить тысячи светящихся белых точек. Разодрать в клочья. Поглотить.

Шаол стойко переносил боль и ужасные картины, которые в изобилии показывала ему тьма. Он ни разу не попросил прекратить работу, сославшись на то, что ему тяжело. Перерывы делались, лишь когда уставала Ириана. Шаол улавливал эти моменты и настаивал, чтобы она перекусила и вздремнула на золотистом диване. Иногда они просто пили холодный чай и разговаривали.

Интуиция подсказывала Ириане: это неторопливое продвижение должно вот-вот оборваться. Скорее всего, между ними вспыхнет ссора. О внешних причинах она не думала.

Хаган провел две недели в поместье на берегу моря – вместе с женой. Та по-прежнему предавалась скорби и не показывалась на людях. Эти поездки были традиционными. Хаган скрывался от летнего зноя и отдыхал от столичной суеты. С его возвращением официальные обеды возобновились.

Издали могло показаться, что за высоким столом собралось веселое общество. Забылись нападения во дворце и Торре, да и настороженность заметно рассеялась.

Но стоило Ириане и Шаолу появиться в большом зале, их сразу обдало волной напряженности, исходящей от собравшихся. Ириана даже хотела предложить ему уйти. Визири беспокойно ерзали на стульях. Аргун ухмылялся. Он ездил вместе с родителями. Ириане подумалось, что эти две недели вряд ли кто скучал по надменному принцу.

Хасара улыбнулась Ириане. Широко, многозначительно. Скверное начало!

Они заняли свои места. Минут через пятнадцать принцесса нанесла удар.

– Сегодня, господин Эстфол, ты наверняка получишь удовольствие, – сказала она, подаваясь вперед.

Ириана сидела прямая как стрела. Вилка в ее руке не дрогнула. Она поднесла ко рту кусок морского окуня, сдобренного лимонным соусом, и заставила себя проглотить.

Шаол отхлебнул воды из стакана и невозмутимо спросил:

– И какое же удовольствие меня ждет, ваше высочество?

Улыбки Хасары бывали отвратительными. Ядовитыми. Увидев следующую, Ириана подумала: «Зачем вообще я поддерживаю отношения с этой опасной особой?»

– Если мои расчеты правильны, завтра сюда должны вернуться капитан Фелак и мой брат.

Ириана сжала вилку, подсчитывая дни.

Три недели. Целых три недели прошло с тех пор, как Несарина и Сартак улетели в Таванские горы. Завтра Несарина возвращается. И хотя за это время между Ирианой и Шаолом ничего не произошло…

Ириане сдавило грудь. Возникло ощущение, будто некая дверь захлопнулась у нее перед носом. Возможно, навсегда.

В эти дни они вообще не говорили о Несарине и об отношениях между капитаном Фелак и Шаолом. Шаол даже не пытался взять Ириану за руку и не смотрел на нее так, как в вечер празднества.

Ничего удивительного. Естественно, он ждал возвращения Несарины. Женщины, которой он… был верен.

Ириана заставила себя проглотить еще кусок и едва не поморщилась. Ну и кислятина.

Дура. Какой же дурой она была!

– А разве вы не слышали новость? – спросил Шаол.

Он говорил, лениво растягивая слова, и его тон дерзостью не уступал тону принцессы. Шаол поставил стакан и как бы ненароком коснулся руки Ирианы.

Сидящим могло показаться, что он случайно задел ее руку. Но Шаол не позволял себе случайностей. Каждое его движение было выверенным и сосредоточенным. Прикосновение заменяло ободряющее слово. Казалось, Шаол чувствовал, как стены начинают смыкаться вокруг нее.

Хасара с недовольством посмотрела на Ириану. «Почему ты не сообщила мне заранее?» – говорил ее взгляд.

Ириана ответила невинным, растерянным взглядом. «Я не знала». Это была правда.

– Полагаю, ты поделишься с нами этой новостью? – холодно спросила Хасара.

Шаол небрежно пожал плечами:

– Сегодня я получил послание от капитана Фелак. Они с вашим братом решили задержаться в горах еще на три недели. Ее мастерское владение луком очень понравилось руккинам. Они захотели перенять ее навыки и попросили капитана Фелак побыть у них подольше. Она не смогла отказать их просьбам.

Ириана придала лицу бесстрастное выражение, хотя внутри ее захлестывало облегчение вперемешку со стыдом.

Несарина. Хорошая женщина. Смелая женщина. А Ириана радовалась, что эта женщина не вернется завтра. Не будет им мешать.

– Наш брат поступает мудро, – произнес Аргун с другого конца стола. – Заботится о выучке своих руккинов и, конечно, постарается, чтобы они переняли все навыки от столь искусной

воительницы.

Похвала Аргуна напоминала букет, внутри которого таился острый шип.

Шаол вновь пожал плечами:

– Согласен с вами. Принц Сартак и сам – опытный воин, а потому хорошо понял несомненную пользу такого обучения. Капитан Фелак – замечательная лучница.

Казалось бы, Шаол говорил правду, однако…

Ириана мысленно отругала себя. Она принимала желаемое за действительное. Слышала то, что хотела услышать. Теперь вот ей показалось, что Шаол говорил о Несарине с гордостью, но без страсти. Не как о женщине, которая ему дорога.

– В таком случае, сестра, уместно сообщить и другую новость, – сказал Аргун. – Думаю, ее господин Эстфол тоже уже слышал.

Хаган, беседовавший с несколькими визирями из ближайшего окружения, вдруг смолк.

– Ах да. – Хасара откинулась на спинку стула, покачивая хрустальным бокалом и наслаждаясь игрой света в красном вине. – Совсем забыла.

Ириана почувствовала надвигающуюся волну, которая вот-вот на них обрушится. Она попыталась перехватить взгляд Рении и по глазам возлюбленной принцессы понять хоть что-то. Но Рения лишь смотрела на Хасару. Ее рука лежала на руке принцессы, словно призывая к осторожности.

Ириане подумалось: «Предостережение относится не столько к самой новости, сколько к тому, как Хасара ее подаст».

Шаол успел заметить ухмылки на лицах Аргуна и Хасары. Те великолепно знали, что о второй новости он ничего не слышал. Он выбирал стратегию поведения: то ли притвориться знающим, то ли сказать правду.

Ириана избавила его от выбора:

– А вот я ничего не слышала. Что-то случилось?

Под столом колено Шаола коснулась ее колена. Знак благодарности, невидимый для остальных. Ириане было приятно сознавать, что его колени способны двигаться. Но предчувствие чего-то ужасного не исчезло.

– Итак… – Хасара начала словесный танец, все движения которого они с Аргуном наверняка обсудили еще перед обедом. – Похоже, на соседнем континенте произошли некоторые события.

Ириана дотронулась коленом до колена Шаола, выражая молчаливую солидарность. «Вместе», – говорил ее жест.

Слова Аргуна были обращены в первую очередь к Ириане и Шаолу и лишь затем к отцу.

– К северу отсюда произошло немало всего. Исчезнувшие особы королевской крови вновь появились. Речь о Дорине Хавильяре и королеве Террасена. Последняя сделала это весьма драматичным образом.

– Где? – шепотом спросила Ириана, поскольку у Шаола не хватало духу спросить.

Услышав имя своего короля, он забыл обо всем.

Хасара улыбнулась Ириане той же улыбкой, какой встретила ее появление за столом.

– В Бухте Черепов.

Ложь, которую Ириана с подачи Шаола скормила принцессе, оказалась правдой.

Она почувствовала напряжение Шаола. Его лицо не выражало ничего, кроме сдержанного интереса.

– Это, великий хаган, столица островного пиратского государства, – пояснил Шаол, обращаясь к Арасу и делая вид, будто ему самому новость известна, а хаган принимает участие в общем разговоре. – Остров, на котором расположен город, находится посреди обширного архипелага.

Визирям в окружении хагана известие явно не понравилось. Хаган хмуро поглядел на них и спросил:

– И с чего их понесло в Бухту Черепов?

Шаол не знал ответа, зато Аргун с нескрываемым удовольствием ответил на вопрос отца:

– Аэлина Галатиния собралась сойтись в сражении с армией Перангтона, которая высадилась на краю упомянутого архипелага.

Рука Ирианы скользнула под стол и сжала колено Шаола. Напряжение сейчас наполняло его целиком.

В разговор неожиданно вступила Дува. Рука принцессы покоилась на животе, ставшем за эти недели еще заметнее.

– И кому досталась победа? Аэлине или Перангтону?

Дува спрашивала таким тоном, словно речь шла о простом состязании. Ее муж молча смотрел, как головы присутствующих начинают поворачиваться в сторону принцессы.

– Аэлине, – ответила Хасара. – Мы послали туда своих людей. Они все видели своими глазами и представили обстоятельное донесение.

Хасара загадочно улыбнулась, поглядев на Ириану. «Мне пригодились твои сведения», – говорила улыбка принцессы.

– Надо признать: Аэлина обладает внушительной магической силой, – продолжала Хасара, обращаясь к отцу. – По сообщениям наших людей, она сумела поджечь небо, а потом разметала почти весь вражеский флот. Причем одним ударом.

Боги милосердные…

Визири снова заерзали. Лицо хагана посуровело.

– Получается, слухи о разрушении стеклянного замка – вовсе не преувеличение.

– Они верны, – подтвердил Аргун. – С тех пор ее сила только возросла, как и сила ее союзников. Кстати, Дорин Хавильяр странствует вместе с ее двором. А жители Бухты Черепов и их пиратский правитель безоговорочно признали ее власть.

«Аэлину хотят выставить завоевательницей», – подумал Шаол.

– Они поняли, откуда исходит угроза, и примкнули к ее сражению с силами Перангтона, – сказал он.

Хасара легко парировала его выпад:

– Так ли это? У нас другие сведения. Отнюдь не Перангтон нынче плывет вдоль берегов Эйлуэ, сжигая деревни по собственной прихоти.

– Это ложь, – тихо возразил Шаол.

– Ложь ли? – Аргун недоверчиво пожал плечами, затем повернулся к отцу, старательно изображая встревоженного сына. – Разумеется, никто не видел ее самолично поджигающей жилища, но несколько деревень, мимо которых она проплыла, превратились в сплошные пепелища. Говорят, она держит путь в Банджали, чтобы заставить династию Итгер дать ей армию. А пожары – способ сделать эйлуэйских правителей сговорчивее.

– Это ложь, – почти выкрикнул Шаол, сверкнув зубами.

Визири смотрели на него и откровенно хихикали, но он говорил не для них, а для Араса.

– Великий хаган, я хорошо знаю Аэлину Галатинию. Это не ее стиль действий. Ей такое вообще не свойственно. Династия Итгер…

«Очень важна для нее», – догадалась Ириана, поскольку могла бы произнести те же слова. Хасара и Аргун подались вперед, ожидая подтверждения потенциальных слабостей Аэлины Галатинии.

Слабостей не по части магии. По части ее симпатий. Королевство Эйлуэ находилось между силами Перангтона и хаганатом. Ириана видела, как завертелись колесики в головах хагана, его детей и визирей.

– Династия Итгер – важный союзник на юге, – продолжил Шаол, напрягшись всем телом. – Аэлина прекрасно это понимает. Никто в здравом уме не сжигает селения союзника во имя успеха переговоров.

– Думаю, ты успел изучить ее характер, – сказала Хасара. – Ты же одно время был ее любовником. Или король Дорин? Может,

вы оба? Шпионы часто ошибались и не могли установить, кто был в ее постели и когда.

Ириана постаралась не выказать удивления. Неужели Шаол и Аэлина Галатиния…

– Да, я хорошо знаю ее характер, – сухо подтвердил Шаол.

Коленом он снова коснулся колена Ирианы, словно говоря: «Я тебе потом объясню».

– Но сейчас там идет война, – возразил Аргун. – Война часто толкает людей на необдуманные поступки. Потом сами удивляются.

Аргун говорил с насмешливой снисходительностью. Ириане хотелось скрежетать зубами. Это было заранее подготовленным нападением, ради которого брат с сестрой заключили временный союз.

– Аэлина ставит своей целью захват эйлуэйского побережья? – вдруг спросил Кашан.

Это был вопрос солдата, оценивающего угрозу для здешних берегов и сил хагана.

– Кто знает? – бросила Хасара, любуясь своими ногтями. – Обладая такой силой… Возможно, она и до нас доберется.

– Аэлине сейчас хватает одной войны, – резко возразил Шаол. – И потом, она – не захватчица.

– События в Бухте Черепов и на побережье Эйлуэ показывают обратное.

Какой-то визирь что-то шептал хагану на ухо. Другой наклонился, внимательно слушая. Окружение уже строило расчеты. Шаол снова обратился к Арасу:

– Великий хаган, я знаю, что кто-то намеренно распускает лживые и чудовищные слухи, дабы очернить Аэлину. Но я клянусь вам: все усилия террасенской королевы направлены исключительно на освобождение нашего континента. Иначе мой король никогда бы не пошел на союз с нею.

– И чем же ты готов поклясться? – язвительно спросила Хасара. – Поклянешься жизнью Ирианы?

Такого поворота Шаол не ожидал.

– Ты утверждаешь, что хорошо знаешь характер Аэлины, – продолжала Хасара. – Еще ты говоришь, что ее действия направлены на освобождение вашего континента. Готов ли ты поклясться жизнью Ирианы Торас, что Аэлина Галатиния не преследует собственных вероломных целей? Что она заинтересована в военных союзах, а не в захвате чужих земель, включая и наши?

«Скажи „да“. Скажи „да“».

Шаол даже не взглянул на Ириану. Он смотрел на Хасару и

Аргуна. Визирь закончил нашептывать хагану, а другой – слушать.

Шаол не поклялся. Он вообще ничего не сказал.

– Я так и думала, – торжествующе улыбаясь, объявила Хасара.

У Ирианы свело живот.

Хаган смерил Шаола взглядом:

– Если Перангтон и Аэлина Галатиния собирают армии и готовятся к сражению, быть может, они уничтожат друг друга, избавив меня от необходимости вмешиваться.

На подбородке Шаола дернулась жилка.

– Если она столь могущественна, – подхватил Аргун, – она и сама одолеет Перангтона.

– И не забудьте про короля Дорина, – подпела брату Хасара. – Готова поспорить: они способны разбить Перангтона и его чудовищную армию сами, без помощи извне. Лучше не мешать им, и тогда не придется проливать нашу кровь на чужой земле.

Ириану трясло от гнева, от тщательно подобранных слов и всей игры, затеянной Хасарой и Аргуном. Цель была вполне понятна: удержать отца от вступления в войну.

Похоже, Кашан прочитал ее мысли и вмешался в разговор, не давая Хасаре торжествовать победу:

– Но если мы проявим стратегическую дальновидность и окажем помощь Аэлине и Дорину, каким бы могуществом они ни обладали, преимущества, ожидающие нас в дальнейшем, значительно превзойдут то, чем мы рискуем в настоящем.

Он повернулся к хагану:

– Отец, если мы придем им на помощь, в будущем мы сможем рассчитывать и на их союзническую поддержку. Тогда наши потенциальные враги крепко подумают, идти ли на нас войной.

– Или же потенциальные враги пойдут на нас войной в союзе с Аэлиной, если она сочтет, что ей проще и выгоднее нарушить свои обещания, – парировал Аргун.

Хаган раздумывал над словами старшего сына. Аргун с явным недовольством смотрел на Кашана. Дува, рука которой так и покоилась на животе, продолжала наблюдать. Никто не обращал на нее внимания и не задавал ей вопросов. Даже муж.

Аргун снова повернулся к отцу и заговорил:

– К великому сожалению, наши вооруженные силы почти не владеют боевой магией. Вечные Небеса и тридцать шесть богов даровали нам другую магию – целительскую. – Он покосился на Ириану. – Но она служит иным задачам. Сопоставима ли сила наших мечей, копий, стрел с мощью боевой магии? Увы, нет. Аэлина Галатиния захватила Рафтхол, затем Бухту Черепов, а теперь намеревается захватить Эйлуэ. Мудрая правительница

вначале отправилась бы на север, укрепила бы свое королевство и только потом занялась бы противниками на юге. Она же распыляет войска, растягивает тонкой нитью между севером и югом. Тут говорилось о ее уме. В таком случае ей попались глупые советники.

– Ее советники – опытные воины, – холодно ответил ему Шаол. – На своем веку они повидали столько войн и сражений, сколько едва ли выпадет на вашу долю.

Старший принц напрягся. Хасара тихо посмеивалась. Хаган вновь взвешивал услышанное.

– Такие дела обсуждаются на заседаниях моего совета, а не за обеденным столом, – сказал он, хотя ни Шаол, ни Ириана не почувствовали хотя бы слабой поддержки. – Пока же я склонен соглашаться с неумолимыми фактами.

Шаолу хватило выдержки не продолжать спор. Он не поморщился, не нахмурил брови. Только кивнул:

– Великий хаган, я благодарю вас за ваше неослабное внимание. Для меня это большая честь.

Аргун и Хасара насмешливо переглянулись. Хаган вернулся к прерванной трапезе.

У Ирианы и Шаола пропало всякое желание есть.

Сука. Эта Хасара – просто сука, а ее братец Аргун – напыщенный придурок. С такими Шаол сталкивался не раз.

Но их нежелание помогать Аэлине все же имело под собой кое-какие основания. Отчасти страх перед силой Аэлины и возможными угрозами с ее стороны. Были и другие причины. Шаол сразу понял, что Хасаре попросту не хочется покидать свои уютные дворцовые покои, расставаться с Ренией и плыть на войну. Зачем принцессе соваться в чужую бойню?

Что касается Аргуна… Человек знающий, искушенный в хитросплетениях власти. Все возражения Аргуна имели одну цель – поставить Шаола в еще более отчаянное положение, чем сейчас. Вынудить его пообещать что угодно в обмен на их помощь.

Кашан не станет плести интриги. Этот сделает все, что прикажет отец. А хаган…

Шаол не первый час ворочался в постели, скрипя зубами и глядя в потолок. Ириана простилась с ним на выходе из зала: ободряюще сжала плечо и пообещала прийти завтра. У него едва хватило сил пробормотать что-то в ответ.

Надо было солгать. Сказать, что чужой жизнью он клясться не привык, а вот своей за Аэлину ручается.

Хасара подстраивала ему ловушку. Ей требовалось, чтобы он поклялся жизнью Ирианы. Но даже если тридцать шесть богов

встали бы на его сторону, он бы не решился произнести такую клятву.

Он-то видел, какие жестокости творила Аэлина.

Ему до сих пор снилось, как она хладнокровно убивала Аркера Фэнна. Снилось изуродованное тело ассасина по кличке Могила, которому Аэлина отомстила за смерть Нехемии. А скольких она убила в Рафтхоле и Эндовьере: быстро, как убивают скот? Аэлина бывала бесчувственной и крайне жестокой. Помнится, летом у него был с ней разговор об этом. О страшной силе, порою вырывающейся из-под ее власти.

Рован – хороший фэец. Этот совсем не боится ни Аэлины, ни ее магии. Но прислушается ли она к его советам? С Эдионом они очень похожи характерами; там устранение разногласий может окончиться поединком. Что касается Лисандры… Шаол плохо знал женщину-оборотня и не мог сказать, сумеет ли она обуздать Аэлину.

Аэлина и впрямь изменилась. Она превратилась в королеву, и ее превращение продолжалось.

Но Шаол знал и другое: защищая тех, кто ей дорог, Аэлина не признавала никаких ограничений, в том числе и внутренних. То же касалось и защиты ее родного королевства. И если кто-то вздумает помешать ей в этом, встанет у нее на дороге… Аэлина пойдет на что угодно, преодолеет все преграды, сокрушит любые границы.

И потому Шаол не смел поклясться жизнью Ирианы и с уверенностью сказать: «Да, я уверен, что Аэлина будет действовать только достойными методами». Достаточно вспомнить, как она обошлась с Рульфом, впервые появившись в его владениях. И это без всякой магии, поскольку магия тогда находилась под запретом. Сейчас ей ничего не стоило запугать предводителя пиратов и склонить на свою сторону.

Ее обвиняли в сожжении прибрежных деревень в Эйлуэ… Может, их жители оказали ей сопротивление и вынудили пойти на такие меры? Шаолу не верилось, что Аэлина решилась бы причинить зло ни в чем не повинным людям; тем более соотечественникам ее покойной подруги. И в то же время она знала, насколько опасен Перангтон – точнее, Эраван – и какая участь ждет этих людей, если она не сумеет их объединить любым подходящим способом.

Шаол почесал затылок. Если бы Аэлина умела себя обуздывать, если бы играла роль бедствующей королевы, это существенно облегчило бы его задачу.

Наверное, Аэлина ускорила приход войны, и сражения стоит ждать в ближайшем будущем.

Главное, Дорин нашелся. Рядом с Аэлиной и ее двором королю ничего не грозит.

Шаол послал молчаливую благодарственную молитву. Спасибо богам, что сберегли его короля.

Негромкий стук прогнал начинающуюся дрему и заставил Шаола сесть на постели. Стук раздавался не из коридорчика, а со стороны стеклянных дверей сада.

Ноги Шаола дернулись и немного согнулись в коленях. Скорее инстинктивно, чем по его воле. Дважды в день они с Ирианой занимались утомительной работой с его ногами. Нескончаемые упражнения, по крупицам возвращающие подвижность его ногам. А потом ее магия вступала в сражение с тьмой, наполненной воспоминаниями. Шаол никогда не рассказывал Ириане об увиденном. А картины прошлого до сих пор заставляли его кричать.

Картины его прежних провалов, непростительных ошибок, ложных суждений. Зачем Ириане знать о них? А он, рассказывая, проходил бы второй круг тошнотворных воспоминаний. Но фигура в ночном саду явно была не оттуда.

Шаол сощурился, вгляделся в темноту. Ночной гость был высоким мужчиной. Он стоял, подняв руку в молчаливом приветствии. Рука Шаола потянулась к кинжалу под подушкой. Но человек подошел ближе к садовому фонарю, и Шаол узнал Кашана. Шаол облегченно выдохнул и жестом пригласил принца войти.

Ключа у Кашана не было. Дверь он открыл ножичком, причем довольно умело.

– Не ожидал, что принц умеет открывать замки без ключа, – вместо приветствия сказал Шаол.

Кашан остановился в дверном проеме. Фонарь достаточно освещал его лицо, чтобы Шаол увидел на нем усмешку.

– Мне это требовалось не для воровства, а чтобы незаметно проникать в женские спальни и незаметно их покидать.

– Я думал, ваш двор терпимее относится к подобным развлечениям, чем наш.

– Возможно. – Улыбка принца стала шире. – Но дурковатые престарелые мужья везде одинаковы.

Шаол тоже усмехнулся:

– И чем же, принц, я обязан твоему ночному визиту?

Кашан посмотрел на дверь спальни. Шаол сделал то же самое. С другой стороны не раздалось никакого подозрительного шороха.

– Поиски во дворце не принесли результатов. Мы так и не знаем, кто мог охотиться за Ирианой. У тебя есть какие-либо

догадки на этот счет? – спросил Кашан.

– Увы, нет.

С отлетом Несарины прекратились и их поиски валгов и приспешников Мората. Три спокойные недели отчасти обнадежили Шаола. Быть может, эта нечисть попросту убралась восвояси. Обстановка во дворце и в Торре стала куда спокойнее, словно опасность и впрямь миновала.

Кашан кивнул:

– Насколько я знаю, Сартак улетел с твоим капитаном искать ответы о причинах этой угрозы.

Шаол промолчал, не сказав ни да ни нет. Он не знал, насколько откровенен Сартак со своими братьями и сестрами. Спрашивал ли Сартак отцовского разрешения или улетел самовольно, – этого Шаол тоже не знал.

– Тогда понятно, почему мои братец и сестрица сегодня сообща выступили против тебя. Если Сартак воспринимает эту угрозу всерьез, у них очень мало шансов отговорить нашего отца от помощи Эрилее.

– Но если угроза реальна, если она может перекинуться на ваши земли, почему бы ее не упредить? Почему не покончить с нею раньше, чем она доберется до ваших берегов?

– Потому что это война.

Слушая принца, наблюдая, как тот держится, Шаол почему-то чувствовал себя зеленым юнцом.

– Мне не понравилась манера, в какой они излагали свои возражения, – признался Кашан. – Но Аргун и Хасара понимают, каких непомерных трат потребует военная помощь вам. В нашей истории не было случая, чтобы вся мощь вооруженных сил хаганата направлялась в чужие края. Только отдельные легионы, будь то руккины, корабли или мои конники. Порою совместно, но никогда в такой мере, какую запрашиваете вы. Людские потери, истощение нашей казны… цифры могут оказаться значительными. Аргун и Хасара очень хорошо это понимают, хотя я и не одобряю их поведения.

– А что ты скажешь об их страхе перед Аэлиной?

– Ничего, – усмехнулся Кашан. – Возможно, их страх вполне обоснован. Или, наоборот, безоснователен.

– И ты пришел среди ночи, чтобы сказать мне об этом?

Задним числом Шаол подумал, что мог бы учтивее держать себя с принцем, однако…

– Я пришел передать тебе еще одну новость, о которой Аргун предпочел умолчать.

Шаол ждал, досадуя, что их разговор происходит в спальне и он сидит перед принцем полуголым.

– Наш визирь, ведающий иноземной торговлей, сообщил о крупном и весьма прибыльном заказе. Заказ касается оружия, не так давно появившегося у нас.

У Шаола перехватило дыхание. Если Морат нашел способ…

– Это называется огненное копье. Его создали наши лучшие оружейники, соединив достоинства нескольких видов оружия из разных частей континента.

Если в арсенале Мората окажутся еще и огненные копья…

– Капитан Рульф еще несколько месяцев назад заказал это оружие для своего флота.

Шаол открыл рот.

– А когда поступили известия, что Бухта Черепов перешла под власть Аэлины Галатинии, вместе с ними поступил заказ на дополнительное количество огненных копий.

Шаол переваривал услышанное.

– Но почему Аргун умолчал об этом за обедом?

– Потому что огненные копья невероятно дороги.

– Так это же ощутимая прибыль вашей казне.

– Естественно.

«И плохой довод для попыток Аргуна избежать участия в войне», – подумал Шаол.

– А ты, принц? Ты хочешь этой войны?

Кашан ответил не сразу. Оглядел комнату, потолок, кровать и наконец самого Шаола.

– Эта война станет величайшей войной нашего времени, – тихо сказал Кашан. – Когда не станет нас, когда не станет внуков наших внуков, люди по-прежнему будут говорить о ней. Рассказывать на привалах, у походных костров, петь баллады в больших залах. Из поколения в поколение будут передаваться сказания о тех, кто выжил и кто сложил головы в бою, кто храбро сражался и кто запятнал себя трусостью.

У Кашана дрогнул кадык.

– Мое сульде указывает на север. Днем и ночью конские волосы стремятся в том направлении. Возможно, я найду свою судьбу на равнинах Фенхару. Или возле белых стен Оринфа. Но я безропотно отправлюсь на север, если отец прикажет.

Шаол снова раздумывал над услышанным. Смотрел на сундуки у стены, неподалеку от входа в купальню.

Кашан счел их разговор оконченным и собрался уходить, когда Шаол спросил:

– Когда у твоего отца назначена очередная встреча с его визирем по иноземной торговле?

Несарина ощущала острую нехватку времени.

Местный целитель объявил: Фалкан окончательно поправится дней через десять. Значит, у них с Сартаком будет совсем немного времени, чтобы слетать к развалинам других сторожевых башен. Несарина пыталась убедить принца отправиться туда без оборотня, но он каждый раз говорил «нет». Даже участие сгоравшей от нетерпения Борты не могло переубедить Сартака. Он не хотел рисковать.

И все же Сартак нашел, чем заполнить вынужденное ожидание. Вместе с Несариной он навещал гнезда руккинов на севере и западе, где встречался с тамошними правительницами и капитанами местных сил. В числе последних были и женщины.

В одних местах гостей встречали радушно, устраивали в их честь пиры и празднества до глубокой ночи. В других, например в гнездах Берладского клана, матери-по-очагу и правители рангом пониже держались замкнуто и после обсуждения дел не предлагали задержаться. Там гостям не выставляли кувшины с брагой из козьего молока. Напиток оказался настолько крепким, что у Несарины по всему телу волосы встали дыбом. Глотнув его в первый раз, она чуть не задохнулась и долго кашляла. Хозяева ободряюще хлопали ее по спине, а затем выпили за ее здоровье.

Но все же радушия было больше, и теплота встреч не переставала ее удивлять. Улыбающиеся лица руккинов и их просьбы показать ее искусство стрельбы из лука. Кто просил застенчиво, кто – смело. Несарина охотно показывала, чем владеет, и постоянно училась сама. Когда они с принцем летали над горными перевалами, Сартак указывал цели, а она их поражала, учась стрелять по ветру и против ветра.

Он даже разрешил Несарине самостоятельно полетать на Кадаре. Правда, всего один раз. Ей сразу вспомнилось, что дети руккинов летают с четырех лет. Трудно представить, какие ощущения испытывали малыши, зато она сама еще никогда не чувствовала себя настолько свободной. Точнее, освобожденной от груза забот, от нескончаемых правил и запретов и такой погруженной в себя.

Они посещали клан за кланом, очаг за очагом. Сартак проверял выучку руккинов, останавливался взглянуть на новорожденных, терпеливо выслушивал сетования немощных стариков. Несарина оставалась его тенью. Во всяком случае, пыталась оставаться. Ее попытки отойти в укромный уголок кончались тем, что Сартак выталкивал ее вперед. Несарина быстро поняла: она здесь – не гостья и работает наравне со всеми. Она мыла посуду после трапез, после стрельб освобождала мишени от стрел и убирала помет рукков в залах и гнездах.

Этим не чурался заниматься и принц. Невзирая на происхождение и чин, Сартак старательно выполнял все, за что брался. Как-то вечером Несарина спросила, зачем он это делает. «Никто не выше работы», – коротко ответил принц.

Несарина отскребала полы от окаменевшего помета, учила молодых воинов премудростям стрельбы, и эти занятия помогали ей гасить внутреннее беспокойство. Она уже с трудом вызывала в памяти картины своей рафтхольской жизни. Недолгое время командования королевской гвардией, когда она отдавала караульным приказы, а те внимательно слушали ее, а затем расходились по местам. Мраморные полы, разодетые придворные… Еще тяжелее вспоминалось время службы в городской страже: казармы, переполненная командирская комната, куда она приходила за очередным распоряжением. И потом – оживленный перекресток, томительные часы дежурства. Вокруг прогуливались, что-то покупали, ели и ругались между собой горожане.

Другой мир. Другая жизнь.

Здесь, в сердце гор, дыша холодным свежим воздухом, сидя у очага и слушая рассказы Хулуны о руккинах и конниках, повествования о первом хагане и его прекрасной жене (Борту назвали в ее честь), Несарине было трудно вспомнить ту, прежнюю жизнь.

Она не хотела туда возвращаться.

Однажды вечером Несарина решилась на поступок, удививший даже ее.

Она сидела у очага, расчесывая волосы, – Борта все-таки научила ее ухаживать за ними. Хулуна точила кинжал, готовясь к своим делам, и одновременно говорила с теми, кто ее окружал: Сартаком, Бортой, прихрамывающим Фалканом, с лица которого еще не сошел землистый оттенок, а также еще с шестерыми младшими родственниками обоего пола.

– Может, для разнообразия послушаем какую-нибудь адарланскую историю? – вдруг спросила Хулуна.

Лица собравшихся, золотистые и бронзовые от пламени очага, повернулись к Несарине и Фалкану.

Оборотень поморщился:

– Мои истории покажутся вам скучноватыми. – Он задумался. – Было у меня одно интересное путешествие в Красную пустыню, но… – Он кивнул в сторону Несарины. – Я бы не прочь вначале услышать твои истории, капитан.

Несарина едва не заерзала, ощущая на себе взгляды двух десятков глаз.

– Рассказы, на которых я выросла, были в основном про вас и

про эти земли, – призналась она.

Собравшиеся дружно заулыбались. Сартак ей подмигнула. Несарина вобрала голову в плечи. Щеки у нее пылали.

– Тогда расскажи нам о фэйцах, – предложила Борта. – Про того фэйского принца.

– Фэйских историй я не знаю. – Несарина покачала головой. – Да и принца видела лишь мельком.

Борта нахмурилась, как обиженный ребенок.

– Но я могу вам спеть, – добавила Несарина.

Все затихли. Хулуна отложила точильный камень.

– Песня тоже подойдет, – сказала мать-по-очагу. – А то моим деткам рукка на ухо наступила.

Борта выпучила глаза. Сартак виновато склонил голову и криво ухмыльнулся.

Несарина улыбалась, хотя от собственного дерзкого предложения у нее колотилось сердце. Она никогда не пела для других, но это не было выступлением для слушателей. Она делилась сокровенным. Прежде чем начать, Несарина долго вслушивалась в шепот ветра, доносящийся из входа в пещеру. Собравшиеся терпеливо ждали.

– Я спою вам адарланскую песню, – наконец объявила Несарина. – Ее поют на холмистых просторах к северу от Рафтхола. Там родилась моя мать.

В груди Несарины вспыхнула давняя знакомая боль.

– Мама часто пела мне эту песню, пока была жива.

В стальных глазах Хулуны мелькнуло сочувствие. Однако Несарина смотрела не на нее, а на Борту. Лицо внучки Хулуны стало на удивление нежным и грустным. Казалось, она впервые видит Несарину.

Несарина едва заметно кивнула Борте. «Мы обе несем этот груз». Борта ответила легкой улыбкой.

Несарина вновь прислушалась к шепоту ветра. Она мысленно перенеслась в свою уютную комнатку рафтхольского дома. Ощутила шелковистые материнские руки, гладящие ее по лицу и волосам. Несарина была ребенком двух континентов, но ее так завораживали рассказы отца о его далекой родине, о рукках и конниках, что она редко просила рассказать про Адарлан.

Материнская песня, по сути, тоже была адарланским повествованием. Одним из немногих, известных Несарине, и самым любимым. То была песня про Адарлан, знававший лучшие дни. Несарине хотелось рассказать руккинам, что королевство, где она родилась, не всегда было жестоким и захватническим. Пусть почувствуют отблеск прежнего Адарлана – и, возможно, будущего.

Несарина откашлялась, набрала воздуха и запела.

Потрескивание огня служило ей единственным сопровождением. Голос Несарины наполнял весь Альтунский зал, обходя старинные колонны и отражаясь от каменных стен.

Ей казалось, что Сартак замер. Лицо принца утратило обычную жесткость или насмешливость.

Несарина сосредоточилась на словах старой песни. Зимы в далеком краю. Капли крови на снегу. Песня о матерях и дочерях, об их любви и заботе. О сражениях, на которые толкала их жизнь.

Ее голос вздымался ввысь и стремительно падал, напоминая смелую грациозную руку. Несарине почудилось… нет, наверное, так оно и было: даже ветер прекратил завывать, слушая ее пение.

Песня закончилась высокой золотистой нотой, похожей на луч весеннего солнца над стылой землей. Потом вернулась тишина и потрескивание огня.

Борта молча плакала. По ее красивому лицу двумя ручейками текли слезы. Хулуна крепко держала внучку за руку. Их общая рана еще не зарубцевалась.

Горе ощущалось и на лице Сартака. Но не только горе. Восхищение и еще какое-то бесконечно нежное чувство.

– К историям о Стреле Нейты добавилась новая.

Несарина опять втянула голову в плечи и с улыбкой воспринимала похвалу слушателей. Фалкан громко захлопал в ладоши и попросил спеть еще что-нибудь.

К своему удивлению, Несарина согласилась. Она запела веселую песенку, которой научил ее отец: о стремительных горных ручьях и долинах, где вся земля покрыта цветами.

Несарина пела, ловя на себе взгляд Сартака. Прежде он никогда на нее так не смотрел. И она против воли не могла отвести от него глаз.

Через несколько дней Фалкан полностью оправился от раны. Теперь можно было обследовать развалины трех сторожевых башен, обнаруженных Хулуной.

В первых двух не нашлось ничего примечательного. Обе находились достаточно далеко и требовали раздельных полетов. Хулуна настрого запретила оставаться на ночь близ развалин. Не желая навлекать на себя ее гнев, разведчики возвращались в Альтунское гнездо и проводили там несколько дней. Кадара и Аркаса (так звали маленькую юркую рукку Борты) нуждались в отдыхе.

Отношение Сартака к оборотню почти не изменилось. Он следил за Фалканом столь же бдительно, как и Кадара. Но теперь принц хотя бы не уклонялся от разговоров с адарланцем.

Зато Борта обрушивала на Фалкана неиссякаемые потоки вопросов. Развалины, являвшие собой груды обломков и мусора, не вызывали у нее никакого интереса. Однако Борте очень хотелось знать, какие ощущения испытывает Фалкан, превращаясь в утку, ныряя под воду и скользя над водной поверхностью.

Еще больше Борту занимали ощущения Фалкана, когда он превращался в волка. Если волк поел сырого мяса, как оно потом переваривается человеческим желудком? Можно ли вообще, поев в облике зверя, превращаться обратно в человека, или нужно обождать? Наконец, приходилось ли ему справлять большую нужду по-волчьи?

Последний вопрос вызвал резкий смех Сартака. Принца не останавливало, что Фалкан густо покраснел и воздержался от ответа.

Развалины двух башен ничего не поведали о причинах строительства и противниках, с которыми в древности сражались фэйские солдаты. Не говоря уже о том, каким образом они побеждали врагов.

Оставалась третья, и последняя, башня. Несарина подсчитала дни, проведенные здесь, и поняла: три недели, о которых она уведомила Шаола в записке, почти на исходе.

Сартак это тоже знал. Несарину он нашел в одном из гнезд. Она восхищенно наблюдала, как птицы отдыхают, чистят перья и взмывают в воздух. Несарина часто приходила сюда во второй половине дня. Ее привлекала почти человеческая смышленость рукков и их любовные узы.

Когда принц вошел, Несарина стояла у стены, возле двери. Несколько минут они оба смотрели, как самец и самка нежно терлись клювами, а потом поскакали к выходу из пещеры и прыгнули в воздушную бездну.

– Присмотрись к тому рукку, – нарушил молчание принц, указывая на птицу с красновато-коричневым оперением.

Тот сидел у противоположной стены. Несарина не впервые видела этого рукка и всегда удивлялась, что к нему никто не приходит. Неужели его хозяину не выбрать время и не навестить крылатого друга?

– Его всадник умер несколько месяцев назад, – пояснил Сартак. – Во время трапезы вдруг схватился за грудь и умер. Руккин был старым, а вот рукк…

Сартак печально улыбнулся…

– Совсем молоденький. Еще и четырех лет не исполнилось.

– Что бывает с птицами, чьи всадники умирают?

– Мы предлагаем им свободу. Одни улетают в горы. Другие

остаются… как этот.

– У них появляются новые всадники?

– Не у всех. Здесь выбор всегда за птицей.

В голосе принца Несарина уловила приглашение. То же прочла в его глазах.

– Наши три недели на исходе, – сказала она, ощущая тяжесть в горле.

– Да, на исходе.

Несарина смерила принца взглядом. Даже голову запрокинула, чтобы видеть его лицо:

– Нам нужно больше времени.

– И что ты написала?

Простой вопрос, однако Несарина потратила несколько часов, составляя письмо к Шаолу, которое доставит самый быстрый из посланцев Сартака.

– Попросила еще три недели.

Сартак по-птичьи наклонил голову, пристально глядя на Несарину:

– За эти три недели могут произойти самые разные события. И в большом количестве.

Несарина расправила плечи:

– И все равно в конце срока я должна вернуться в Антику.

Сартак кивнул, хотя чувствовалось: что-то в ее ответе разочаровало принца.

– Тогда одинокому рукку придется ждать другого всадника.

Этот разговор был у них вчера. После Несарина старалась не смотреть в сторону принца. Но сегодня, во время многочасового перелета, она несколько раз поглядывала на летящую Кадару, несшую на себе Сартака и Фалкана.

Кадара заметила внизу развалины третьей башни и по широкой дуге устремилась туда. Башня находилась посреди равнины, редкой в здешней части Таванских гор. В конце лета равнина блестела изумрудной зеленью трав, среди которых неслись синие воды ручьев. С высоты башня выглядела нагромождением камней.

Борта негромко свистнула и натянула поводья. Аркаса качнулась влево и начала спускаться. Борта была умелой руккиной и держалась в воздухе смелее, чем Сартак. В основном благодаря своей рукке, уступавшей по размерам Кадаре, но более проворной. Три года подряд Борта побеждала в ежегодных состязаниях между кланами, превосходя соперников скоростью, быстротой маневров и сообразительностью.

– Скажи, кто кого выбирал: ты Аркасу или она тебя? – спросила Несарина, перекрикивая ветер.

Борта наклонилась и потрепала крылатую подругу по шее:

– Выбор был взаимным. Стоило мне увидеть ее пушистую головку, высунувшуюся из гнезда, и я поняла: это моя птица. Мне все говорили: выбери рукку покрупнее. Даже мама отругала. – При воспоминании о матери Борта печально улыбнулась. – Но я знала: Аркаса – моя рукка. Я это почувствовала.

Несарина молчала. Аркаса летела прямо к развалинам. Солнце играло на перьях Кадары, летевшей впереди.

– Ты возьми того рукка, полетай на нем, – предложила Борта, позволяя Аркасе плавно спускаться. – Проверь, насколько он тебе подходит.

– Я довольно скоро вернусь в Антику. Зачем дразнить себя и рукка?

– Знаю. Но тебе все равно стоит попробовать.

Борта обожала разыскивать потайные ловушки, оставленные фэйцами. Несарина была этому только рада, поскольку внучка Хулуны распознавала их гораздо лучше и быстрее обезвреживала.

Однако здесь Борту подстерегало разочарование. Обвал, произошедший неведомо когда, завалил нижние этажи. А наверху было лишь помещение, открытое всем стихиям.

Туда и направился Фалкан.

Когда фигура оборотня начала сжиматься и таять, Сартака передернуло. Принц даже не попытался скрыть своего отвращения. Его передернуло вторично, когда на упавшей каменной глыбе, где недавно сидел Фалкан, они увидели многоножку. Многоножка вытянулась и помахала людям всеми многочисленными конечностями.

Несарина тоже поежилась. Борта лишь засмеялась. Но Фалкан проскользнул в щель между камнями и пополз разведывать, что́ там внизу.

– Не знаю, чего вы оба физиономии воротите, – усмехнулась Борта и цокнула языком. – По-моему, это здорово.

– Меня воротит не от него, – признался Сартак, глядя туда, где исчезла многоножка. – Само превращение. Кости плавятся, тело течет, как вода…

Он вздрогнул и повернулся к Несарине:

– Ты говорила, у тебя есть подруга-оборотень. Тебе не бывало противно?

– Нет, – простодушно ответила Несарина. – Я даже не видела, как у нее это получается. Вплоть до того дня. Твои разведчики ему название придумали.

– «Невероятный выстрел», – пробормотал Сартак. – Значит, ты действительно спасла оборотня.

– Ее зовут Лисандра. – Несарина кивнула.

– Не хочешь ли ты отправиться на север, братец? – спросила Борта, толкая Сартака локтем. – Встретишься со всеми, о ком рассказывает Несарина. С оборотнями, огнедышащими королевами и фэйскими принцами…

– Я начинаю думать, что ты помешалась на всем фэйском, – проворчал Сартак. – И это меня тревожит.

– Подумаешь, взяла пару фэйских кинжалов!

– С развалин последней башни ты насобирала столько барахла, что бедняжка Аркаса едва поднялась в воздух.

– Это не для себя, а на продажу, – запыхтела Борта. – Пора нашим руккинам вытащить головы из задниц и вспомнить, что можно летать с выгодой для себя.

– Неудивительно, что тебя так тянет к Фалкану, – сказала Несарина, за что получила от Борты не слишком дружеский удар по ребрам.

Несарина засмеялась и оттолкнула Борту.

– Я покажу вам обоим… – начала Борта и осеклась.

Все трое услышали крик. Не от Фалкана снизу. Со стороны. Предостерегающий крик Кадары.

Несарина на бегу сдернула с плеча лук, вложила стрелу и прицелилась.

На поле, куда они прибежали, их встретили рукки и угрюмые руккины.

Сартак вздохнул, ссутулив плечи. Борта двинулась вперед, забористо ругаясь и размахивая мечом. Меч был астерионским, позаимствованным из арсенала последней башни.

С рукки спрыгнул парень. По виду – ровесник Борты. Его птица была темно-коричневой, почти черной. Руккин неторопливо двинулся им навстречу, дерзко усмехаясь. Несарине понравилось его лицо. Борта была иного мнения, поскольку стремительно двигалась к парню, топча высокие травы.

Отряд руккинов холодно и надменно взирал на происходящее. Никто не поклонился Сартаку.

– Какого черта вы приперлись? – спросила Борта.

При всей воинственности ее позы, она не подошла к парню вплотную, а остановилась на приличном расстоянии.

Доспехи руккина были такими же, как у Борты, но цвета повязки на рукаве принадлежали Берладскому клану. Самому негостеприимному из всех гнезд, где они побывали, но и самому могущественному. Берладские руккины были известны своим усердием в упражнениях. Их пещеры отличались безупречной чистотой.

Не обращая внимания на Борту, парень крикнул Сартаку:

– Мы пролетали мимо и заметили ваших рукк. Далековато ты забрался от родного гнезда, капитан.

Фразы подразумевали ненавязчивые вопросы.

– Улетай, Еран, – прошипела Борта. – Тебя сюда никто не приглашал.

– А ты так и не отвыкла тявкать, – презрительно бросил ей Еран.

Борта плюнула ему под ноги. Берладские руккины напряглись, но Борта выразительно посмотрела на них, и воины опустили головы.

Сзади заскрипели камни. Глаза Ерана вспыхнули, колени согнулись. Казалось, он готов броситься к Борте и загородить от опасности.

От Фалкана, успевшего превратиться из многоножки в волка.

Борта вывернулась из рук Ерана и небрежно пояснила:

– Вот, зверюшку себе завела.

Еран ошеломленно смотрела то на Борту, то на волка. Фалкан уселся рядом с Несариной. Она не удержалась и стала почесывать ему за мохнатыми ушами. Надо отдать должное оборотню: он не противился и даже лизнул ей ладонь.

– Странные у тебя нынче спутники, капитан, – растерянно произнес Еран.

– А говорить со мной ты разучился? – спросила Борта, щелкая пальцами перед его лицом.

– Неужто от тебя можно услышать что-то дельное? – лениво улыбнулся Еран.

Борта взвилась. Но Сартак, улыбаясь одними губами, подошел к своей сестре-по-очагу:

– У нас дела в здешних краях. Решили сделать привал. А что вас заставило лететь так далеко на юг?

Пальцы Ерана обхватили рукоятку длинного ножа на поясе.

– Трое птенцов пропали. Искали следы, но ничего не нашли.

У Несарины свело живот. Перед глазами встала жуткая картина: пауки прокрадываются в гнезда, прямо к пушистым беспомощным птенцам, хватают их, не оставляя бдительным руккам времени что-либо сделать. А совсем рядом спят ничего не подозревающие руккины и их семьи.

– Когда они исчезли? – Лицо Сартака мгновенно стало каменным.

– Два дня назад. – Еран досадливо почесал подбородок. – Мы подозревали расхитителей гнезд, но человеческого запаха не почуяли. Следов и кострищ тоже не обнаружили.

Несарине вспомнились слова паучихи в развалинах Эйдолонской башни. Внимательно глядеть вверх. Должно быть, те

же слова вспомнились и Сартаку. Несарина почувствовала это по стиснутым зубам принца.

– Возвращайся в свое гнездо, капитан. – Сартак указал на стену гор, видневшихся там, где кончалась равнина.

Серая безжизненная стена. Особенно на фоне яркой летней природы, торжествующей здесь. Дагульские горы – вечно наблюдающие, вечно ждущие.

– Дальше лететь опасно.

Карие глаза Ерана настороженно блеснули. Он посмотрел на Борту с Сартаком, потом на Несарину и Фалкана в волчьем обличье.

– Харанкаи, – добавил Сартак.

Берладские руккины встрепенулись. Даже рукки зашелестели крыльями, словно это страшное слово было знакомо и им.

– Вы слышали, о чем вас предостерег мой брат, – громогласно заявила Борта. – Ползите обратно в свое гнездо.

Еран отвесил ей шутовской поклон:

– Ползи в свое, Борта, а следом и мы в свое поползем.

Борта оскалила зубы.

Еран легко и изящно вскочил в седло, подав сигнал руккинам. Дождавшись, пока все птицы поднимутся в воздух, он сказал Сартаку:

– Если харанкаи вдруг зашебаршились, нужно собирать отряды и загонять их обратно, пока еще не поздно.

Ветер трепал косу Сартака, отклоняя ее в сторону гор. Несарине очень хотелось увидеть лицо принца; какие чувства отразились там, когда Еран заговорил про отряды. По сути, воздушную армию.

– С этой угрозой мы разберемся, – пообещал парню Сартак. – А вы у себя не теряйте бдительность. Хорошенько присматривайте за детьми и птенцами.

Еран понимающе кивнул, как солдат, получивший приказ командира. Сейчас Сартак был принцем, отдававшим приказы другим капитанам. Затем Еран поглядел на Борту.

Та показала ему неприличный жест. Еран лишь подмигнул ей, затем тихонько свистнул. Его рукк взмыл в небеса. Поднявшийся ветер раскачивал косы Борты.

Борта следила за Ераном, пока он догонял своих, после чего смачно плюнула туда, где недавно стоял его рукк.

– Олух, – прошипела она и затопала к Несарине и Фалкану.

Оборотень успел снова превратиться в человека.

– Внизу – ничего примечательного, – доложил он подошедшему Сартаку.

Несарина угрюмо рассматривала Дагульские горы:

– По-моему, самое время менять стратегию.

Сартак перехватил ее взгляд. Он стоял совсем рядом. Несарину обдавало жаром его тела. Оба скользили глазами по стене гор, где таилось древнее зло.

– Мне показалось, что ты хорошо знакома с тем капитаном, – осторожно сказал Борте Фалкан.

– Еще бы мне его не знать, – хмуро поморщилась Борта. – Мне его в мужья прочат.

Пусть Кашан и не осмеливался настойчиво просить отца о чем-либо (будь то наедине, а особенно на людях), у него имелись способы косвенного воздействия на окружающую обстановку. Подъехав к плотно закрытым дверям, где хаган совещался с визирями о торговых делах, Шаол едва спрятал довольную улыбку. У дверей стояли Хашим, Шен и еще двое караульных, с которыми он упражнялся на плацу. Доспехи Шена блестели на неярком утреннем солнце. Караульный подмигнул Шаолу, негромко постучал искусственной рукой в дверь, а затем распахнул ее.

Шаол кивком поблагодарил всех четверых. Более явное выражение признательности могло навлечь подозрения. Он вкатил кресло в залитую солнцем комнату. За длинным столом из черного блестящего дерева сидели хаган и трое визирей. Двое из них были в золотистых одеждах, а третий – в небесно-голубых.

Все молча уставились на него, но Шаол не остановился на пороге. Он продолжал толкать колеса кресла к столу. Голову он держал высоко, на лице застыла учтивая покорная улыбка.

– Надеюсь, я не прервал ход вашего разговора. Прошу извинить меня за это внезапное вторжение, однако есть дело, которое я хотел бы обсудить.

Хаган сухо улыбнулся. На нем был светло-зеленый камзол и черные шаровары. Покрой одежды позволял разглядеть мускулистое тело воина, которое хаган сохранял и сейчас, когда к нему начинала подбираться старость.

– Господин Эстфол, я тебе неоднократно говорил: желаешь устроить встречу – обращайся к моему главному визирю.

Тот сидел напротив хагана и брезгливо морщился.

Шаол остановился возле стола. Даже здесь он шевелил пальцами ног и двигал ступнями. Сегодня, поупражнявшись на плацу, он изнурял себя упражнениями для ног. И хотя ноги восстановили чувствительность и подвижность до самых колен, встать на них, перенеся тяжесть всего тела, он все еще не мог.

Шаол подавил неуместную мысль. Сейчас главное – разговор, вести который можно и сидя. Он не утратил способности говорить с достоинством и некоторой властностью. А стоял ли он на ногах или лежал пластом на спине, значения не имело. Кресло не было его тюрьмой и ничуть не принижало его значимость.

Склонив голову, Шаол с легкой улыбкой произнес:

– При всем моем глубоком уважении к вам, великий хаган, я

рассчитывал на встречу и разговор не с вами.

Арас моргнул. Только это и указывало на его удивление. Шаол кивнул на визиря в небесно-голубых одеждах. Облик этого человека совпадал с описанием Кашана.

– Я прибыл сюда, рассчитывая поговорить с вашим визирем, ведающим иноземной торговлей.

Визирь мельком взглянул на Шаола, затем тут же – на хагана, показывая, что никакой предварительной договоренности между ним и адарланцем не было. Шаол успел заметить любопытство, мелькнувшее в карих глазах визиря. Но заговорить визирь не осмеливался.

Шаол выдерживал буравящий взгляд хагана. Он не напоминал себе, что хаган – едва ли не самый могущественный правитель в мире, который сейчас беседовал в узком кругу. А он своим дерзким вторжением помешал их разговору. Более того, он был гостем хагана, и от успехов его дипломатии зависела судьба его друзей и соотечественников.

Шаол просто смотрел на хагана. Такого же человека и воина, как он сам. Не так уж давно он сражался с королем, и ничего, выжил.

Хаган указал на пустующее место за столом. Конечно, радушным приглашением примкнуть к их беседе это не назовешь, но все лучше, чем ничего.

Шаол кивнул в благодарность и подъехал к указанному месту. Оглядев всех четверых, он ровным голосом заговорил:

– Мне стало известно, что капитан Рульф сделал два крупных заказа на огненные копья для своего флота. Один – до появления Аэлины Галатинии в Бухте Черепов, а второй – более крупный – уже после.

Седые брови хагана вопросительно изогнулись. Визирь, отвечающий за иноземную торговлю, заерзал на стуле, однако кивнул.

– Да, это правда, – ответил он на адарланском.

– Позвольте узнать, какова точная стоимость одного огненного копья?

Визири переглянулись, затем другой визирь (наверное, он занимался торговлей внутри хаганата) назвал ему сумму.

Для Шаола она не была неожиданностью: минувшей ночью он узнал ее от Кашана. Сейчас он продолжал игру. Хаган, похоже, слышал об этом впервые, поскольку резко повернул голову к визирю:

– И сколько таких копий вот-вот отправятся к Рульфу и в Террасен?

Новые числа. Шаол подождал, пока хаган перемножит их в

уме. Краешком глаза он видел, как брови правителя изогнулись еще сильнее.

Главный визирь уперся руками в стол:

– И что тебе это дает, господин Эстфол? Попытаешься убедить нас в добрых или злых намерениях Аэлины Галатинии?

Шаол пропустил издевательский вопрос мимо ушей и обратился к визирю в небесно-голубых одеждах:

– Я бы хотел сделать еще один заказ. Точнее, удвоить количество огненных копий, заказанных королевой Террасена.

В комнате стало тихо.

Казалось, визирь, ведающий иноземной торговлей, вот-вот упадет со стула.

– А из каких денег платить будешь? – язвительно спросил Шаола главный визирь.

Шаол посмотрел на него с ленивой улыбкой:

– Я привез сюда четыре сундука, полных поистине бесценных сокровищ. Этих денег хватило бы, чтобы купить средних размеров королевство. Думаю, они с лихвой покроют стоимость оружия.

И опять повисла тишина. Пока ее не нарушил хаган.

– Это действительно покроет расходы? – спросил он визиря в небесно-голубых одеждах.

– Вначале эти сокровища нужно оценить и взвесить…

– Чем сейчас и занимаются, – сказал Шаол, откидываясь на спинку кресла. – Во второй половине дня вам сообщат их полную стоимость.

Последовала третья пауза. Затем хаган что-то негромко сказал на халхийском. Визирь, ведающий иноземной торговлей, собрал листы пергамента и торопливо покинул комнату, настороженно поглядев на Шаола. Последовало новое распоряжение хагана. Оставшиеся визири тоже ушли, причем главный наградил Шаола холодной усмешкой.

Шаол молча ждал.

Арас встал со стула и прошел к дальней стене. Ее окна выходили в цветущий тенистый сад.

– Наверное, ты кажешься себе очень умным. Придумал такой ловкий способ добиться аудиенции у меня.

– Я сказал правду. Я действительно хотел поговорить с вашим визирем, который занимается иноземной торговлей. Даже если вы не поможете нам военной силой, вряд ли кто-то станет возражать против покупки у вас оружия.

– После твоего предложения я, конечно же, должен понять, насколько выгодна нам эта война, если вы готовы столь щедро платить.

Шаол молчал.

Хаган отвернулся от окна. Солнечные лучи падали так, что его седые волосы казались светящимися.

– Так вот, господин Эстфол. Мне не по нраву попытки втянуть нас в эту войну.

Шаол впился в подлокотники кресла, но продолжал смотреть хагану прямо в глаза.

– Ты хотя бы знаешь, каково вести войну?

– Пока нет, но в скором времени мне придется это узнать, – почти сквозь зубы ответил Шаол.

Хаган даже не улыбнулся:

– Война – это не только сражения, подвозка припасов и стратегия. Война – это непоколебимая решимость армии разгромить своих врагов.

Хаган смерил его долгим, оценивающим взглядом:

– И у сил Мората есть непоколебимая решимость. Они уверены в победе, и их уверенность обратит вас в прах.

– Мне это хорошо известно, – сухо ответил Шаол.

– Ты так думаешь? А тебе понятны действия, которые Мората уже ведет против вас? Они строят замыслы, множат свои ряды и наносят удары. Вы едва способны обороняться. Перангтон устанавливает правила и вынуждает вас играть по ним, что в дальнейшем станет причиной вашего поражения.

Лучше бы он не завтракал. Желудок Шаола угрожал исторгнуть съеденное.

– Наша победа все еще возможна, – угрюмо произнес Шаол.

Хаган покачал головой:

– Для этого она должна быть полной. Необходимо подавить все очаги сопротивления.

Шаол ощутил зуд в ногах и чуть сдвинул их. «Встань на них, – твердил ему внутренний голос. – Встань».

Он опустил ноги на пол. Возмущенные мышцы отозвались всплеском боли.

– Потому нам и нужна ваша военная помощь, – прорычал Шаол, злясь на неподатливые ноги.

Хаган мельком взглянул на них и, похоже, догадался, какая битва происходила сейчас в душе Шаола.

– Ради встречи со мной ты пошел на ухищрения. Мне это не нравится. Я велел тебе обождать. Горечь утраты моей любимой дочери еще слишком велика. Ты же, вместо уважения к моим чувствам, проявляешь настырность.

– А если бы я вам сказал, что вашу дочь, возможно, убили?

Тишина. Жуткая и какая-то пустая. Шаола захлестывала злость.

– А если бы я вам сказал, что ставленники Перангтона,

возможно, уже здесь и вовсю плетут свои козни, стараясь отвратить вас от мысли помочь нашему континенту?

Хаган изменился в лице. Шаол приготовился услышать поток гневных слов. Или же Арас, задетый за живое, выхватит из ножен богато украшенный кинжал и вонзит в грудь дерзкого адарланца. Хаган не сделал ни того ни другого.

– Отправляйся к себе, – тихо сказал он.

Быть может, караульные подслушивали, ибо дверь тут же приоткрылась и неулыбчивый Хашим поманил Шаола к выходу.

Шаол даже не шелохнулся. Сзади послышались шаги. Сейчас его вытолкнут отсюда.

Он вдавил ступни в стопорящие пружины передних колес, скрипя зубами от напряжения. Черта с два они вытащат его. Он не позволит, чтобы его выволакивали.

– Я прибыл сюда не только ради спасения моей родины, – прорычал он хагану. – Опасность нависла над всеми странами и народами.

Кто-то – наверное, Шен – взялся за рукоятки и стал разворачивать кресло.

– Не трогай! – прошипел Шаол, угрожающе скаля зубы.

Однако Шен его не послушался, хотя глаза караульного просили прощения. Шен прекрасно понимал, что́ должен сейчас испытывать Шаол, когда его двигают, словно мебель. Но и Шаол понимал, чем грозит караульному невыполнение хаганского приказа.

Шаол снова уперся взглядом в хагана:

– Таких потрясающих городов, как Антика, я не видел нигде. Ваш хаганат – образец, на который должны равняться остальные государства. Когда Морат явится уничтожать эти чудеса, кто встанет рядом с вами, если мы превратимся в падаль?

Глаза хагана пылали как угли.

Шен продолжал толкать кресло Шаола к двери. Шаол сопротивлялся, пытаясь оттолкнуть караульного. У него дрожали ноги, на которые он, как ни силился, не мог встать. Благоразумие требовало молчать. Но Шаол обернулся к хагану:

– Я слишком долго стоял не на той стороне, и это обошлось мне слишком дорого. Не повторяйте моих ошибок.

– А ты не забывайся настолько, чтобы указывать хагану, как ему поступать, – сказал Арас.

Глаза его уже напоминали две льдинки.

Хаган кивнул караульным, смущенно переминавшимся у двери:

– Проводите господина Эстфола в его покои. И впредь не допускайте его на мои собрания.

В спокойных, холодных словах крылась угроза. Арасу не требовалось повышать голос. Караульные и так сообразили: повторная оплошность чревата наказанием.

Шаол упирался в сиденье кресла, изо всех сил стараясь хотя бы немного приподняться. Шен успел выкатить его из комнаты собраний в залитый солнцем коридор. Тело не подчинялось и не откликалось на его мысленные приказы.

Дверь в комнату собраний закрылась с негромким щелчком. Этот обыденный звук эхом отозвался во всех костях и мышцах Шаола, произведя более тягостное впечатление, чем недавние слова хагана.

Вчера Ириана оставила Шаола наедине с его мыслями, а сама поспешила в Торру. По дороге она решила, что Хасара… После услышанного за столом Ириана больше не испытывала угрызений совести. Принцесса помыкает ими. Что ж, им ничего не мешает помыкать принцессой. Ириана нашла способ добиться от Хасары приглашения в этот оазис.

Утром она пришла во дворец достаточно успокоившейся. А вот Шаол… Даже напряженные упражнения на плацу не притупили в нем злости за вчерашний спектакль, устроенный Аргуном и Хасарой. Ириана почувствовала это, едва оказавшись в коридорчике покоев. Чтобы Каджа не путалась под ногами, она отправила служанку выполнять очередное нелепое поручение. На сей раз Ириане понадобилась тонкая веревка, козье молоко и уксус. Теперь можно было подготовиться к работе с Шаолом.

Конец лета выдался удушающе знойным, но осень уже возвещала о своем приходе. Очень скоро осенние ветры начнут морщить бирюзовую гладь залива. И хотя Антика не знала холодов, буйство ветров не лучшим образом сказывалось на Узком море. Начиная с праздника Ильмас оно почти на пять месяцев становилось недосягаемым для кораблей. Если до этого срока армада не отплывет с Южного континента… После вчерашнего Ириане думалось, что военные корабли вообще не снимутся с якоря.

Шаол, сидевший возле золотистого дивана, едва оглянулся на вошедшую Ириану. Напрочь исчезла хмурая улыбка, к которой она успела привыкнуть. Под глазами темнели круги. У Ирианы пропало всякое желание делиться с ним своим хитроумным замыслом.

– Ты никак провел бессонную ночь?

– Почти, – тихо ответил он.

Ириана подошла к дивану, однако садиться не стала. Остановилась, сложив руки на животе.

– Думаю, хаган поразмыслит над вчерашним, – сказала она. – Он знает, насколько его дети любят плести интриги. Хаган слишком проницателен. Он наверняка заметил, с какой подозрительной согласованностью действовали вчера Аргун и Хасара. Временный союз, поскольку они люто ненавидят друг друга.

– Ты настолько хорошо знаешь хагана? – с холодной язвительностью спросил Шаол.

– Нет. Но я живу в Антике более двух лет.

Глаза Шаола вспыхнули.

– У меня нет этих двух лет, чтобы торчать во дворце и играть в их игры.

Намек. Да, Ириане приходилось играть в чужие игры.

– Только одними размышлениями ты дела не исправишь, – подавив раздражение, сказала она.

– Вот именно, – шумно выдохнул Шаол.

Ириана забыла, когда в последний раз видела его таким. Давно.

«Я живу в Антике более двух лет». Неужели уже прошло столько времени? Через пару недель – день ее рождения. А она и не заметила, как он подошел.

Сейчас неуместно говорить ни об этом дне, ни о замысле, родившемся у нее вчера. Сегодня все это казалось несущественным, второстепенным. Особенно на фоне интриг, затеянных детьми хагана. Что Шаолу ее день рождения, когда у него полным-полно своих забот? Ириана видела, как вчерашний вечер его подкосил. Даже сидит весь ссутулившись.

– Расскажи, что́ у тебя случилось?

С момента их вчерашнего прощания у него явно что-то произошло.

Шаол скользнул по ней глазами. Ириана мысленно приготовилась услышать отказ.

– Утром я побывал у хагана.

– Ты получил аудиенцию?

– Не совсем. – Шаол поджал губы.

– И что там произошло?

Ириана уперлась рукой в боковую спинку дивана.

– Он приказал, чтобы меня выволокли из комнаты, – холодно и сухо произнес Шаол. – Я даже не мог убедить караульных не вмешиваться. Не попытался заставить хагана прислушаться к моим словам.

– Если бы ты стоял на ногах, тебя бы все равно выпроводили.

«И церемонились бы намного меньше», – мысленно добавила Ириана.

– Пойми, я не собирался воевать с караульными. Я хотел просить… умолять хагана выслушать меня. Я даже не смог встать на колени.

Шаол отвернулся к садовому окну. У Ирианы сжалось сердце. Гнев, печаль, страх. Все это она сейчас видела на лице Шаола.

– Ты уже добился значительных успехов.

– Я хочу снова сражаться рядом с моими солдатами, – тихо признался Шаол. – Если суждено – умереть вместе с ними.

От его слов по спине Ирианы льдинкой пополз страх.

– Сражаться можно и верхом на коне, – нарочито твердым голосом произнесла она.

– Я хочу это делать плечом к плечу, – огрызнулся Шаол. – Хочу месить грязь поля битвы.

– Значит, ты исцеляешься здесь лишь затем, чтобы умереть в другом месте? – вырвалось у нее.

– Да.

Ответ был холодным, жестким. Под стать лицу Шаола. Внутри адарланца нарастала буря. Ириане не хотелось, чтобы эта буря уничтожила то, чего они достигли совместными усилиями.

А на их родном континенте неотвратимо разворачивалась война. Вне зависимости от устремлений Шаола, от его желания оказаться на поле боя, у них обоих не было времени. У адарланцев и ее соотечественников в Фенхару – тоже.

Ириана подошла к нему, просунула руку под мышку и сказала:

– Тогда вставай.

Шаол сознавал, в каком отвратительном настроении находится сейчас.

Чем больше он думал об этом, тем отчетливее понимал гнусную игру Аргуна и Хасары, которую они затеяли с ним. И он действительно играл по их правилам, особенно вчера. Обоим было плевать на любые шаги Аэлины. Похоже, и хагану тоже. Что бы она ни предприняла – здесь ей это поставят в вину. Поведи она себя как молоденькая, неопытная королева, ее сразу бы обвинили в слабости и назвали ненадежной союзницей. И способов переломить эту ситуацию Шаол не видел.

Его встреча с хаганом тоже прошла самым дурацким образом. Возможно, и Кашан тоже сделал его пешкой в каких-то своих играх. Если у хагана и было желание поговорить с ним и выслушать его мнение, самовольное появление в комнате собраний все испортило. Даже если Несарина вернется с отрядом сартаковских руккинов… Ее вчерашнее послание было тщательно продумано. Ни одного лишнего слова.

Руккины – искусные лучники. Мои навыки их тоже очень заинтересовали.

Хочу продолжить их обучение и поучиться самой. Здесь они летают свободно.

Вернусь через три недели.

Шаол терялся в догадках. Какой смысл вложила Несарина в предпоследнюю фразу? Скрытое оскорбление в его адрес? Или зашифрованное послание о том, что Сартак и руккины могут ослушаться приказа хагана, если тот запретит участвовать в войне на Эрилее? Готов ли Сартак пойти против отцовской воли ради помощи Северному континенту? Это попахивало государственной изменой. Хранить такое послание было опасно, и Шаол его сжег.

«Летают свободно». Чувство, неведомое ему. Шаол поймал себя на мысли, что никогда даже не пытался ощутить свободу. Эти три недели с Ирианой, их обед во дворике под звездами, разговор обо всем и ни о чем… Возможно, это было близко к свободе, но не меняло всего, что ожидало впереди.

У них по-прежнему не было союзников для войны. И чем дольше он оставался здесь, когда его друзья сражались и стягивали силы…

А он по-прежнему в Антике, во дворце хагана. В этом кресле. Без армии, без союзников.

– Вставай, – повторила Ириана.

Шаол медленно повернулся к ней. Ее рука была просунута ему под мышку. На пылающем лице – дерзкий вызов.

– Что…

Короткое слово было больше, нежели вопрос. Шаол смотрел на нее, не понимая такой поспешности.

– Я сказала – вставай. – Губы Ирианы были плотно сжаты. – Раз тебе не терпится погибнуть на войне, вставай!

А у нее тоже дрянное настроение. Прекрасно. Шаолу отчаянно хотелось устроить стычку. Учебные поединки с караульными – насмешка. Ему осточертело вести поединки, сидя в этом проклятом кресле. Но с Ирианой…

Все время, что они проводили вместе, Шаол не позволял себе притрагиваться к ней. Он держался на расстоянии, не считая моментов, когда Ириана случайно прикасалась к нему. Бывало, их лица оказывались совсем рядом, и он мог лишь смотреть на ее рот.

Но он видел, как напряглась вчера Ириана, когда Хасара язвительно заговорила о скором возвращении Несарины. Он

заметил и ее безуспешно скрываемую досаду, и облегчение, вызванное задержкой капитана Фелак.

Он был редкостным придурком. Даже если бы он сумел убедить хагана и тот дал бы ему военное подкрепление, это все равно означало бы отъезд из Антики. С пустыми руками или с армией, но он отсюда уедет. Ириана тоже собиралась вернуться на родину. Весь вопрос в том, когда они свидятся и свидятся ли вообще?

Их встреча вне Антики представлялась ему маловероятной.

А задание, единственное задание друзей, личное поручение Дорина, он провалил.

Все, что он вынес за эти недели, все, о чем узнал, – этого было недостаточно.

– Каким образом? – спросил Шаол, выразительно глядя на свои ноги.

Конечно, успехи достигнуты, и немалые. О таком он и не мечтал. И все же…

Рука Ирианы до боли впилась ему в кожу.

– Ты сам говорил, что не можешь торчать здесь два года. Я в достаточной мере исцелила тебе позвоночник. Теперь ничто тебе не мешает встать на ноги. Поэтому поднимайся.

Ириана бесцеремонно потянула его за плечо.

Шаол смотрел на нее из-под ресниц. Он едва сдерживался, чтобы не дать волю накопившейся злости.

– Отпусти, – буркнул Шаол.

– А то что? – с вызовом спросила Ириана.

Она была сердита не меньше, чем он.

– Откуда мне знать, какими небылицами шпионы потчуют семью хагана?

Похоже, он старался побольнее ее задеть.

– Я не боюсь их доносов, – сухо сказала Ириана.

– Так ли уж не боишься? По-моему, тебе нравятся привилегии, которыми ты здесь пользуешься. Щелкнула пальцами – и Кашан примчался. Но когда-нибудь он устанет бегать на твой зов.

– Ты несешь чушь и сам это знаешь. – Ириана потянула его за руку. – Вставай!

Шаол и не подумал послушаться.

– Значит, принц тебя не устраивает, а сын правителя захолустного городишки, от которого отказался отец, – в самый раз?

Эту мысль Шаол никогда не отваживался произнести вслух. Даже наедине с собой.

– Думаешь, я не знаю, из-за чего ты сегодня не в себе?

Злишься, что Аргун и Хасара тебя обскакали, а хаган упорно не желает говорить с тобой. Однако это не дает тебе права втягивать меня в перепалки.

Ириана скривила губы:

– Ты же хочешь поскорее попасть на войну. Давай, поднимайся.

Шаол рывком высвободил плечо:

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Я не собираюсь отвечать на подобные вопросы.

Ириана вновь просунула руку ему под мышку и закряхтела от натуги. Шаол был вдвое тяжелее ее.

Шаол скрежетнул зубами. Не желая, чтобы Ириана надорвалась, он вытолкнул ее руку и опустил ступни на пол. Потом, упираясь в подлокотники кресла, приподнялся, насколько мог:

– И что дальше?

Ниже колен ноги вполне ему подчинялись. В бедрах он всю неделю ощущал покалывание, и тем не менее…

– Ты ведь не разучился стоять?

Вместо ответа Шаол задал свой вопрос:

– Почему ты буквально воспрянула, когда вчера я сообщил о задержке Несарины еще на несколько недель?

Веснушчатые щеки Ирианы густо покраснели, но она не оставила попыток поднять Шаола на ноги:

– Да, я обрадовалась, поскольку не хотела, чтобы ты отвлекался. Сейчас каждый день важен.

– Врешь.

Пространство вокруг Шаола было наполнено запахом Ирианы. Она упрямо тянула его вверх. Шаол упирался в подлокотники, отчего кресло жалобно скрипело.

Ириана парировала его удар и перешла в наступление – гибкая и по-змеиному безжалостная.

– По-моему, это ты испытал облегчение, – прошипела она, обжигая жарким дыханием его ухо. – Ты рад отсутствию Несарины, поскольку можешь воображать, будто связан обязательствами перед нею. Их ты превращаешь в стену. И потому, когда она далеко, а ты здесь, со мной, тебе легче оттого, что она не следит за каждым моим шагом. А главное – тебе не надо думать о том, кем она является для тебя. Пока Несарины нет рядом, она – не более чем воспоминание, далекий идеал. Но когда она здесь и ты смотришь на нее, что ты видишь? Что чувствуешь?

– Я делил с нею постель. Думаю, это достаточно говорит о моих чувствах.

Шаол ненавидел произносимые слова, и в то же время эти всплески злости давали ему облегчение.

Ириана шумно втянула воздух, но отступать не собиралась.

– Да, ты делил с нею постель. Но мне сдается, она была для тебя скорее средством отвлечься, чем настоящей страстью. Она устала от этой роли. Несарине надоело быть утешительным призом.

Руки Шаола дрожали от напряжения. Кресло тряслось под ним. Он упрямо тянулся вверх. Простоять бы на ногах хотя бы минуту, чтобы посмотреть на нее сверху вниз.

– Ты сама не знаешь, о чем говоришь.

Вчера, после обеда, она даже не упомянула Аэлину. Зато теперь…

– Значит, потом Аэлина выбрала Дорина? Еще бы, она королева. Удивляюсь, как она выдерживала вас обоих. Уж она-то хорошо знает адарланскую историю и все беды, принесенные вашим королевством Террасену.

Ноги отвыкли держать тяжесть его тела, и от попыток вновь заставить их делать это у Шаола грохотало в ушах.

– А тебе ведь понравилось празднество в честь Техомы. Ты была готова умолять меня о продолжении.

Почему из его рта вылетают такие гадости? Шаол этого сам не понимал.

Ногти Ирианы впились ему в спину.

– Ты удивишься, но дым зелья туманит мозги не всем. У кого-то он обостряет восприятие. И тогда отчетливо видишь, с кем собираешься себя замарать.

– Конечно. С уроженцем Адарлана. С вероломным предателем, у которого нет ничего святого. Так я выгляжу?

– Тебе лучше знать. Ты почти не говорил об этом. Даже попыток не делал.

– А ты, как посмотрю, отличаешься умением проникать в душу?

– Речь не обо мне. О тебе.

– Ты ведь не хотела возиться со мной, но была вынуждена согласиться, потому что так решила ваша верховная целительница. Она увидела твою суть. Как бы высоко ты ни забралась в вашей башне, ты все равно осталась пугливой девчонкой из Фенхару.

Он рассмеялся. Его смех напоминал горький лед, если такой встречается в природе.

– Мне знакома женщина, потерявшая в жизни столько же, сколько ты. И знаешь, во что она превратила свои потери?

Шаол едва мог остановить поток слов, выливавшийся из его

рта. Гул в голове мешал думать.

– Она выследила всех виновных в ее потерях и уничтожила их. А что все эти годы делала ты? Вздыхала и размазывала слезы по щекам?

Шаол почувствовал: его слова достигли цели. Ириана содрогнулась всем телом и замерла. И в этот момент колени Шаола согнулись, но не дрогнули под тяжестью его тела. Он понял, что стоит на ногах.

Стоит. Не сделал пока ни шагу, зато по части оскорблений ушел слишком далеко. Он не верил ничему, что тут наговорил. Даже мыслей таких у него не было, особенно касающихся Ирианы.

Ириана судорожно вздохнула. Ее дыхание обожгло ему грудь. Она несколько раз ошеломленно моргнула и закрыла рот. Шаол видел, как между ними вырастает стена, становясь непреодолимой.

Прежних отношений уже не будет. Этого она ему не простит и больше не улыбнется. Этого она не забудет, в каком бы состоянии он ни находился.

– Ириана, – хрипло произнес он.

Но она быстро убрала руки и попятилась, качая головой. Она оставляла его одного, пусть и стоящим на своих некрепких ногах. Ириана отошла еще на шаг. Ее глаза влажно блестели.

Шаолу показалось, что ему полоснули по груди кинжалом, распахнув грудную клетку настежь. Внутри была пещера, которую он попытался закрыть ладонью. Его шатало.

– Я… даже не знаю, как это вырвалось. Я выказал себя полным ничтожеством. Хуже, чем ничтожеством. Посмел упрекать тебя в том, в чем сам…

Шаг за шагом Ириана отступала к двери. Голос ее звучал холодно и дрожал от гнева:

– Пусть я не сражалась с королями и не сокрушала замки, но верховная целительница прочит меня на свое место. И не потому, что я ей приглянулась. Этого я добилась усердием, работой, пройдя через множество трудностей. Благодаря моему умению ты сейчас стоишь на ногах. Те, кто мог бы умереть, живы и здоровы. Я – не воительница, размахивающая мечом. Обо мне не будут слагать баллады, как о героях сражений. Но мне приятно сознавать, что я спасаю жизни, а не отнимаю их.

– Знаю, – пробормотал Шаол, подавляя желание схватиться за подлокотники кресла, неожиданно оказавшиеся далеко внизу. – Ириана, я знаю.

Пожалуй, он еще никогда не заходил так далеко. И такой ненависти к себе он никогда не испытывал. Он вел себя хуже

пьяного солдата, обуреваемого желанием затеять ссору. Дурак. Отчаянный дурак. Ведь все, в чем он посмел упрекать Ириану, относилось к нему.

Ириана сделала еще шаг.

– Прошу тебя.

Но она шла прямо к двери. И если она уйдет…

Он никого не удерживал. Порою уходил сам. Так было с Аэлиной, Дорином. Теперь повторялось с Несариной. Он позволял им уходить и не бросался вдогонку.

Но эта женщина, что сейчас пятилась к двери, сдерживая слезы, до которых довел ее он. Слезы гнева, заслуженного им в полной мере.

Она ощупью потянулась к дверной ручке.

Если она уйдет. Если он позволит ей уйти…

Ириана нажала ручку.

И тогда Шаол шагнул к ней.

39

В голове не было мыслей.

Делая этот шаг, Шаол не удивлялся изменившемуся полю зрения. Не думал, что его качает из стороны в сторону. Все внимание было поглощено Ирианой, дверной ручкой, на которой замерли ее пальцы, и слезами в ее красивых и отчаянно сердитых глазах. Самых прекрасных глазах, какие встречались ему в жизни.

Увидев его шаг, эти глаза широко распахнулись. Шаола кренило и раскачивало, но он сделал второй шаг.

Ириана подалась навстречу, прикрывая рукой рот. Она впервые видела Шаола во весь рост. Но к нему она не подошла, остановилась поодаль.

Шаол только сейчас разглядел, какая она маленькая и хрупкая.

К нему возвращалось прежнее восприятие мира. Он забыл, как выглядит мир, когда стоишь на ногах.

– Не уходи, – прошептал он. – Прости меня.

Ириана вновь оглядела его с головы до пят, для чего ей пришлось запрокинуть голову. А по щекам катились слезы.

– Прости меня, – повторил Шаол.

Она молчала. Слезы продолжали катиться.

– Это все сгоряча, – продолжал Шаол, у которого начинали подгибаться саднящие колени и дрожали бедра. – Я искал повода для ссоры. Честное слово, Ириана, я сам не понимал, что́ из меня лезет. Говорю тебе, это сгоряча. Прости.

– Эти слова не могли взяться из ниоткуда, – прошептала она. – Должно быть, где-то в глубине души ты так думал.

Шаол покачал головой, отчего закачался сам. Чтобы не упасть, он схватился за спинку мягкого кресла:

– Сказанное относилось ко мне. А ты… Ириана, то, что сумела сделать и, надеюсь, продолжишь… Ты ведь это делала не из честолюбия, не ради славы. Ты веришь: исцелять больных – самое прекрасное занятие. Твое мужество, ум, несгибаемая воля… Ириана, я просто не нахожу слов.

В ее лице ничего не изменилось.

– Ириана, прошу тебя.

Шаол потянулся к ней, отважившись на еще один нетвердый шаг.

Ириана попятилась. Руки Шаола поймали воздух. Он стиснул зубы, стараясь не потерять равновесия и удержаться. Собственное тело казалось ему незнакомым.

– Наверное, рядом с тихими, покорными людьми вроде меня тебе легче чувствовать свою значимость.

– Я не…

Шаол скрипнул зубами и сделал очередной шаг. Ему отчаянно хотелось коснуться Ирианы, взять ее за руку, стиснуть ей пальцы и показать, что он совсем не такой. Должно быть, враждебная сила, с которой она неустанно сражалась, воспользовалась его злостью и устроила ему помрачение ума. Шаола качнуло влево, и он инстинктивно вытянул правую руку. Тело вспоминало, как сохранять равновесие.

– Ты же знаешь, я не мог так думать о тебе.

– Откуда мне знать? – спросила Ириана, снова выскальзывая из пределов его досягаемости.

Шаол сделал два шага к ней. Ириана продолжала уворачиваться.

– Ты знаешь, – прорычал Шаол, заставляя ноги передвинуться еще на локоть. – Прекрасно знаешь.

Ириана всякий раз отступала на локоть, меняя направление.

Шаол замер и только сейчас сообразил, что выражение ее глаз изменилось. И слова она произносила уже не тем тоном.

Эта ведьма заманивала, вынуждая продолжать шагать. Ловко побуждала двигаться вслед за нею.

Ириана остановилась. Их глаза встретились. В ее взгляде не было недавней боли. «Долго же ты догадывался». Ее губы слегка улыбались.

Он стоял на ногах. Он… ходил.

Ходил. И эта женщина совсем рядом.

Шаол снова шагнул. Ириана отступила. Но не как дичь,

скрывающаяся от охотника. Она словно танцевала.

Не сводя с нее глаз, Шаол делал шаг за шагом. У него болело все тело. Его раскачивало, но он скрипел зубами и двигался дальше. Брал с боем каждый кусочек расстояния, отделявшего его от Ирианы. Она не видела того, что видел он: за ее спиной была стена.

Ее дыхание стало поверхностным. Золотистые глаза были широко распахнуты. Она увлеченно продолжала эту игру, пока не ударилась спиной о стену, заставив греметь висячий светильник. Похоже, она забыла вовремя поменять направление.

Шаол мигом оказался рядом.

Одной рукой он уперся в стену. Ладонь ощутила шелковистую поверхность обоев. На эту руку Шаол перенес тяжесть тела, чтобы не сползти на пол: ноги дрожали от напряжения. Впрочем, его сейчас заботило не это.

Другая его рука… В глазах Ирианы еще не высохли слезы. Одна застыла на щеке. Шаол ее стер. Вторую слезинку он заметил на подбородке.

Эта невысокая, хрупкая женщина перевернула его жизнь. Ее руки творили чудеса, а душа… Обманчиво хрупкая, она не побоялась пересечь горы и моря, чтобы попасть сюда.

Она дрожала, но уже не от гнева и не от страха. Потом она коснулась его груди. Ириана не пыталась его оттолкнуть. Она хотела почувствовать яростное биение его сердца. И когда ее ладонь замерла у него на груди, Шаол наклонился и поцеловал целительницу.

Он стоял. Ходил. Целовал Ириану.

У Ирианы перехватило дыхание. Когда губы Шаола соединились с ее губами, ей показалось, что душа вот-вот выскочит из тела.

Эти ощущения были похожи на пробуждение после долгого сна, на рождение заново или падение с небес. В них таился ответ. Они были похожи на песню. Они неторопливо окутывали Ириану, замедляя мысли.

Ее руки вцепились ему в рубашку и тянули ближе.

Губы Шаола никуда не спешили. Они познавали Ириану, наслаждаясь каждым мгновением. А когда его зубы слегка закусили ей нижнюю губу, Ириана открыла рот.

Шаол еще крепче прижал ее к стене. Ириана едва ощущала фигурный карниз, врезавшийся ей в спину, и мягкость обоев. Язык Шаола оказался у нее во рту.

Ириана застонала, не волнуясь о возможных слушателях. Пусть убираются в преисподнюю. Ей казалось, что она не только

пылает, но и светится изнутри. Шаол коснулся ее подбородка, наклонив ее лицо так, чтобы еще глубже проникнуть языком к ней в рот. Ириана выгнула спину, молча прося его попутешествовать там.

Она знала: Шаол действительно произнес те слова сгоряча, и гнев его был направлен против себя. Она сама толкнула его на эту ссору, зная, что будет больно. В тот момент, когда он встал на ноги, а ее сердце замерло, она поняла: он не собирался ни оскорблять, ни унижать ее.

Если бы он не пошел, то пополз бы к ней. Благородный, бескорыстный, удивительный мужчина…

Руки Ирианы обвили его плечи. Пальцы спрятались в его густых каштановых волосах. Еще, еще, еще…

Но его поцелуй был на удивление основательным. Казалось, Шаол хотел прочувствовать каждый уголок ее рта, насладиться каждым наклоном ее головы.

Она провела языком по его языку. Шаол страстно застонал, отчего Ириану пробрала дрожь.

Дрожь пробрала и его, но по иной причине, о которой Ириана догадалась не сразу. Чрезмерное напряжение. Однако Шаол продолжал ее целовать, забывая об угрозе рухнуть на пол.

Нет, надо унять его прыть. Даже если он стоит на ногах, двигаться надо маленькими шагами и не пытаться достичь всего и сразу.

Ириана отстранилась и, когда Шаол вновь наклонился к ее рту, приложила руку к его груди и сказала:

– Тебе нужно сесть.

Его глаза стали почти черными.

– Я… позволь мне… пожалуйста, Ириана.

Ириана собирала волю в кулак, успокаивая дыхание и собираясь с мыслями. Шаол – ее пациент. Он слишком долго стоит на неокрепших ногах, перенапрягая спину. Прежде чем подзадоривать его ходить и… на все остальное, ей требовалось вновь заглянуть в его рану. Возможно, та уменьшилась сама.

Шаол снова добрался до ее рта. Шелковистый жар его губ был способен опрокинуть весь ее здравый смысл.

Но Ириана осторожно отступила так, чтобы он не мог дотянуться.

– Теперь у меня будут способы поощрения, – сказала она, пытаясь обратить эту ситуацию в шутку.

Шаол не улыбнулся. Он смотрел на Ириану почти что с интересом хищника. Она попятилась назад и протянула ему руку. Молчаливое предложение дойти до его кресла.

Дойти!

Он вновь ходил.

Шаол послушался. Оттолкнулся от стены, закачался… Ириана подхватила его, помогая удержаться.

– Я думал, ты так и не подойдешь, чтобы мне помочь, – сухо и с некоторым удивлением произнес Шаол.

– Пока ты сидел в кресле, не подошла бы. А здесь тебе не на что упасть. Только на пол.

Шаол засмеялся, потом наклонился к ее уху и прошептал:

– А не лучше ли нам упасть на диван или на кровать?

Она сглотнула и бросила на Шаола косой взгляд. Его глаза оставались темными, щеки – красными, а губы – распухшими. От ее поцелуев.

Кровь Ирианы была готова закипеть. У нее плавились кости. Как вообще получилось, что почти голый Шаол оказался рядом с нею?

– Ты все еще остаешься моим пациентом, – чопорным тоном произнесла Ириана и повела Шаола к его креслу.

Там она буквально толкнула его на сиденье и сама едва не упала к нему на колени:

– Нас не заставляют приносить соответствующие клятвы, и тем не менее я намерена сохранять… целительский подход.

Ответная улыбка Шаола говорила: «Что ж, попробуй».

– Иди ко мне, – пробасил он.

Под стук сердца, выдерживая пылающий взгляд Шаола, она села к нему на колени.

Его рука тут же оказалась у нее на затылке. Шаол нагнул ей голову и стал целовать в уголки рта. Ириана обхватила его плечо. Пальцы впились в крепкие мускулы. Ее дыхание сбивалось. Шаол слегка покусывал ей нижнюю губу. Другая рука отправилась путешествовать по изгибам ее тела.

Негромко хлопнула входная дверь покоев. Ириана мигом вскочила и поспешила к письменному столу, где были расставлены склянки с маслами. В этот момент в гостиной появилась Каджа с подносом в руках.

Служанка выполнила странную просьбу Ирианы – раздобыла тонкую веревку, козье молоко и уксус. Поднос она неслышно опустила на стол. Ириана пробормотала слова благодарности.

Если Каджа и заметила раскрасневшиеся лица адарланского господина и целительницы, их всклокоченные волосы, измятую одежду, то не подала вида. Возможно, она даже почувствовала, что воздух в гостиной раскален от напряжения между ними. Ириана не сомневалась: служанка что-то уловила и наверняка сообщит тому, кем была приставлена к Шаолу, но ей сейчас было все равно. Ириана вертела в руках склянку. Каджа исчезла столь

же бесшумно, как и вошла.

Шаол продолжала смотреть на Ириану. Его грудь тяжело вздымалась.

– И что нам теперь делать? – тихо спросила Ириана.

Она не знала, как вернуться к прежним отношениям.

Шаол не отвечал. Он вытянул одну ногу, затем вторую, удивляясь их податливости. Потом еще раз.

– Мы не станем оглядываться назад, – сказал Шаол, не сводя с нее глаз. – Это еще никогда и никому не помогало.

Судя по тону, смысл произнесенных слов подразумевал что-то еще. Во всяком случае, для него.

Но улыбка на его губах становилась все шире, а глаза сверкали.

– Мы можем идти только вперед.

Эта улыбка казалась маяком, светящим в кромешной тьме. Не в силах сдержаться, Ириана подошла к нему.

Потом он подкатил кресло к дивану, стянул с себя рубашку, лег на живот. Ириана коснулась его теплой сильной спины и тоже улыбнулась.

40

Вернувшееся умение стоять на ногах, способность сделать несколько шагов еще не означали полного возвращения к прежней, подвижной жизни.

Следующая неделя это подтвердила. Ириана по-прежнему сражалась с чужеродной силой, застрявшей в позвоночнике Шаола. Эта сила отчаянно цеплялась, не желая отступать. По словам Ирианы, остатки чужой воли мешали Шаолу свободно ходить. Бег, прыжки, удары ногой по мячу – об этом не было и речи. Ириана раздобыла Шаолу крепкую трость, опираясь на которую он мог стоять и ходить.

Ну разве не чудо?

Отправляясь по утрам на плац, чтобы упражняться с Хашимом и караульными, Шаол брал с собой не только трость, но и кресло на случай, если он переусердствует и ему не хватит сил вернуться. Поначалу Ириана приходила на плац вместе с ним, дабы объяснить Хашиму, каким частям ног Шаола уделить основное внимание. Это делалось для укрепления мышц и повышения его устойчивости. Хашим рассказал, что в свое время она вот так же помогала Шену восстанавливаться после увечья.

В первый день, когда Шаол упражнялся во весь рост, Ириана стояла на краю плаца и следила за его поединком с Хашимом. Он

выжимал из себя все, что мог, держа в одной руке меч, а другой опираясь на трость.

Равновесие у него ни к черту не годилось, ноги держали плохо, однако он все же сумел сделать несколько удачных выпадов. Да и трость – неплохое оружие, если придется пускать ее в ход.

Глаза Ирианы были размером с блюдца, когда поединок кончился и Шаол доковылял до места, где она стояла. Он тяжело опирался на трость и весь дрожал от напряжения.

Увидев раскрасневшиеся щеки Ирианы, Шаол не без мужского самодовольства подумал, что причиной тому отнюдь не утренняя жара. Когда его упражнения окончились и они оба медленно вышли в прохладные затененные коридоры, Ириана вдруг отдернула занавеску ниши для припасов, втащила туда Шаола и принялась целовать.

Он прислонился к полке, уставленной банками и коробками. Его руки путешествовали по женственным округлостям Ирианы, обнимали ее тонкую талию, скрывались под прядями ее длинных, тяжелых волос. А Ириана продолжала его целовать, прерывисто дыша и покрываясь потом. Пот с его шеи она буквально слизала.

Шаол не удержался от громкого стона. Неудивительно, что через считаные секунды занавес стремительно отодвинулся и в нишу заглянул слуга, готовый отчитать нерадивых работников.

Побледневшая Ириана выпрямилась. Слуга зашаркал ногами и стал кланяться. Она попросила никому не говорить об увиденном. Слуга уверял, что будет молчать, однако на Ириану это подействовало, охладив ее страсть. Остаток пути до покоев Шаола она держалась на расстоянии.

Расстояние сохранялось и в последующие дни, что сводило Шаола с ума. Но он понимал: учитывая ее положение в Торре и во дворце, им нужно быть осмотрительнее и не терять бдительности.

И его покои из-за вечно торчащей там Каджи уединенным местом не назовешь.

Шаол больше не позволял рукам путешествовать по телу Ирианы. А вот ее руки постоянно касались его спины. Исцеление продолжалось. Ириана штурмовала последнюю стену тьмы.

Шаолу хотел сказать ей… во всяком случае, он всерьез подумывал ей сказать, что достигнутого ею вполне достаточно и не надо больше тратить на него силы. Он готов прожить с тростью до конца своих дней. Ириана и так сотворила чудеса, на которые он и не надеялся.

Каждое утро он видел караульных. Их оружие и щиты. Мысли Шаола невольно возвращались к войне. Та, можно сказать, уже началась, обрушившись на его родину и друзей.

Даже если он вернется без армии, он найдет свое место на полях сражений. Возможно, будет воевать в седле. Воюют же конники. Возможность, о которой он поначалу и слышать не хотел, казалась ему вполне приемлемой.

Он будет сражаться за родину и… за Ириану.

Эти мысли кружились в голове Шаола, когда неделей позже они с Ирианой шли на обед. С тростью получалось медленнее, но он был рад каждой дополнительной минуте, проведенной рядом с целительницей.

Ириана сегодня надела его любимое аметистовое платье. День выдался на редкость влажным, отчего ее волосы слегка топорщились и сами закручивались в локоны. Но в каждом ее движении ощущалось непонятное беспокойство.

– Что тебя волнует? – не выдержал Шаол.

Когда он впервые пришел в обеденный зал на своих ногах, дети хагана и придворные почти не обратили на это внимания. Очередное чудо, совершенное целительницей Торры. Но хаган не преминул похвалить Ириану. Она просияла от его похвалы. На Шаола он даже не взглянул, перестав его замечать после того самовольного вторжения.

Ириана почесывала шрам на шее, словно тот зудел. Шаол не спрашивал ее про шрам. Не хотел знать. А если бы спросил… невзирая на войну, он бы выкроил время, чтобы выследить тех, кто это сделал, и расправиться с ними.

– Я уговорила Хасару устроить мне праздник, – тихо сказала Ириана.

Шаол подождал, пока они минуют стайку слуг:

– Праздник? По какой причине?

– У меня… день рождения, – выдохнула она. – Через три дня.

– День твоего рождения? – переспросил Шаол.

– Ну да. День появления на свет, который потом отмечают год за годом.

Шаол пихнул ее локтем в бок. Это движение отозвалось болью в спине. Шаол перенес тяжесть тела на трость, и та сердито заскрипела.

– Вот уж не думал, что у дьяволиц есть дни рождения.

– Представь себе, даже у нашей породы они есть, – объявила Ириана, показав ему язык.

Шаол заулыбался:

– Значит, ты попросила ее устроить тебе праздник?

Ему вспомнилось празднество в честь Техомы. Он бы мог оказаться в числе тех, кто незаметно улизнул в темные спальни. Особенно если Ириана снова наденет то платье.

– Не совсем, – криво усмехнулась Ириана. – Я сказала:

«Приближается мой день рождения, но от твоих замыслов насчет празднования веет отчаянной скукой»…

– С твоей стороны очень смело, – тоже усмехнулся Шаол.

Ириана виновато захлопала ресницами:

– Потом я сказала, что за все это время ни разу не была в пустыне. Даже подумывала съездить туда сама, но мне грустно праздновать без нее…

– Догадываюсь, что Хасара тут же предложила тебе съездить в их семейный оазис.

– Это не так уж далеко – полдня пути на восток. Дворца, естественно, там нет, но шатры стоят постоянно.

Оказывается, хрупкая целительница умела плести интриги.

– Представляю, как там жарко. Камни раскаляются, хоть лепешки пеки.

– Принцесса хочет развлечься в пустыне. Вот мы и устроим ей развлечение.

Ириана пожевала губу. По лицу вновь пробежали тени.

– Я даже сумела расспросить ее про историю Аксарского оазиса.

Шаол насторожился.

– Хасара зевала от скуки, пока рассказывала. Но я узнала кое-что любопытное. Принцесса где-то слышала, что оазис возник на месте Города Мертвых. От развалин уцелели одни ворота, уводящие в густые заросли. Хасара говорила, что они стараются не тревожить мертвых, поэтому проводят время возле источника, а в заросли – ни ногой.

Неудивительно, что грядущая поездка тревожила Ириану.

– Значит, там не только пещеры.

– Быть может, Нуша говорила совсем о другом месте. Или и там есть пещеры, где хранятся древние знания… Я тоже старалась зевать, пока Хасара рассказывала. Думаю, мое любопытство не вызвало у нее подозрений.

Шаол поцеловал Ириану в висок. Вряд ли это кто-то видел.

– Умница ты, Ириана.

– Я хотела тебе рассказать еще на прошлой неделе, но потом ты встал на ноги, и я забыла. Вот такая я придворная интриганка.

Левой рукой он погладил ее по спине, потом опустил руку чуть ниже:

– У нас с тобой были и другие занятия.

Лицо Ирианы не покраснело, а слегка порозовело. Оттенок был очень красивый.

– А если серьезно, какой подарок ты хочешь на день рождения? – спохватился Шаол. – И сколько тебе исполняется?

– Двадцать два. Насчет подарка… даже не знаю. Если бы не

поездка в оазис, я бы вообще не заикнулась про это.

– И мне бы ничего не сказала?

– На тебя столько всего навалилось. – Ириана виновато насупилась. – Я подумала, тебе не до дней рождения.

Ее рука скользнула в карман. Что такое там лежало, он спросить не решался.

До зала оставалось совсем немного. В коридор долетали голоса и стук посуды. Ириана остановилась, давая Шаолу передохнуть. Он погладил ее пальцы. Мимо проходили слуги и визири.

– Позволь узнать, а я приглашен в эту поездку? – спросил Шаол, тяжело опираясь на трость.

– Конечно. Как же иначе? Ты и все мои здешние любимцы: Аргун, Кашан, а также горстка обаятельных визирей.

– Рад, что я вошел в число гостей. Особенно если учесть, что Хасара меня ненавидит.

– Ошибаешься. – Глаза Ирианы помрачнели. – Если бы Хасара тебя ненавидела, ты вряд ли дожил бы до этого дня.

Боги милосердные. Ну и подруги у этой целительницы!

– К счастью, Рения тоже поедет, – продолжала Ириана. – Для Дувы в ее положении находиться на жаре опасно, да и муж ее не отпустит. Уж не знаю, найдем ли мы там нужные сведения. Но когда мы туда доберемся, я наверняка буду жалеть, что не смогла отговориться той же причиной.

– У нас еще несколько дней. Если боишься жары, мы вполне успеем создать схожую причину.

Ириана переварила услышанное. Приглашение с последствиями. Ее лицо приобрело красивый красный оттенок.

– Нахал, – прошептала она, хлопнув Шаола по руке.

Он усмехнулся, обшаривая глазами коридор в поисках укромного уголка. Но Ириана выдохнула:

– Нам нельзя.

Слова касались не его неуклюжей шутки. Она же видела в его глазах нарастающее желание. В ней оно тоже нарастало, и Шаол это видел.

Он поправил камзол:

– Я все равно постараюсь найти тебе достойный подарок, сравнимый со всей этой поездкой в пустыню. И не вздумай меня отговаривать.

Ириана взяла его под руку – как целительница, сопровождающая пациента к столу.

– У меня есть все, что нужно, – только и ответила она.

На выработку стратегии и подготовку ушло больше недели. Основную часть времени Сартак и Хулуна потратили на изучение древних карт Дагульских гор.

Увы, почти все эти карты оказались неточными и потому бесполезными. Руккины составляли их по наблюдениям с воздуха, не осмеливаясь приблизиться и опуститься ниже. Владения харанкаев долгое время оставались небольшими, однако последние несколько лет стремительно разрастались.

И сейчас Сартак и его спутники направлялись в самое сердце этих мрачных владений.

Сложнее всего было убедить Борту не лететь вместе с ними.

Эту задачу Несарина и Сартак оставили Хулуне. Одного сурового слова матери-по-очагу оказалось достаточно, чтобы своевольная девица подчинилась. Глаза Борты метали яростные молнии, но идти против бабушкиной воли она не смела. Хулуна напомнила Борте, что у нее, как наследницы, главной заботой является служение своему клану. Она была последней в их роду. Отправиться в ад Дагульских гор было равнозначно плевку на материнское сульде, стоящее на склонах Арундина.

Борта не перечила бабушке, однако все равно пыталась взять реванш. Если она, как наследница Хулуны, должна остаться, остаться должен и Сартак, ибо он тоже возможный преемник хагана.

Сартак не захотел увязать в спорах. Высказав свою точку зрения, он вообще покинул большой зал. Если быть преемником означает держаться в стороне, пока другие сражаются вместо него, – такой преемственности ему не надо. Пусть братья и сестры сами грызутся за корону.

Ухищрения Борты оказались напрасными. К Дагульским горам отправились трое: Сартак и Несарина – верхом на Кадаре, а Фалкан – в обличье полевой мыши у Несарины в кармане.

Накануне неугомонная Борта затеяла последний спор, утверждая, что лететь втроем – безумие. Нужно отправиться туда целым легионом. Она приводила довод за доводом. Сартак спокойно их отметал. Во-первых, они не знают, сколько харанкаев обитает на каменистых склонах и в лесистых долинах. Нельзя понапрасну рисковать жизнями руккинов. Времени на тщательную разведку у них тоже нет. Трое еще могут проникнуть во владения паучих, а легион рукков эти твари заметят еще на дальних подступах.

Спор велся, конечно же, возле очага. Но Хулуна не дала страстям разгореться. К Дагульским горам полетят трое. Если спустя четыре дня они не вернутся, туда отправится армия. Расчеты Хулуны строились так: полдня на полет, день на

обследование вражеских земель, день на непосредственные действия и полдня на возвращение со спасенными птенцами. Возможно, они даже сумеют узнать, какие особенности пауков больше всего пугали фэйцев и как те в древности сражались с харанкаями. Конечно, если им повезет.

Полет длился уже несколько часов. Каждый взмах крыльев Кадары приближал высокую стену Дагульских гор. Совсем скоро они пересекут первую гряду эти серых вершин и попадут во владения паучих. Завтрак, съеденный Несариной, с каждой лигой тяжелел в желудке. Во рту совсем пересохло.

Сартак, сидевший позади, за время полета не произнес и десятка слов. Фалкан дремал в нагрудном кармане Несарины. Иногда он просыпался, высовывал усатую мордочку, принюхивался и нырял обратно. Берег силы.

Спал он и в тот момент, когда Несарина спросила у Сартака:

– Ты вчера всерьез говорил, что откажешься от короны, если из-за нее нужно держаться в стороне от сражений?

Тепло его тела приятно согревало ей спину.

– Мой отец участвовал в войнах, как и все хаганы прошлого. Потому у него не одно сульде, а два – Черный Волос и Белый Волос. Но если бы мне отказали в праве сражаться из-за угрозы для продолжения династии… Да. Мне не по нраву жизнь, ограниченная хаганским двором.

– Однако тебя прочат в хаганы.

– Не знаю, кто распускает такие слухи. Отец ни разу не говорил со мной об этом и даже не намекал. Насколько мне известно, он мог бы сделать преемницей Дуву. Боги свидетели, она была бы доброй правительницей. И пока она – единственная, у кого скоро появится потомство.

Несарина пожевала губу. Любопытство все же пересилило былую осторожность, и она спросила:

– А почему ты так и не женился?

Этот вопрос занимал ее не одну неделю.

Сартак ответил не сразу:

– У меня всегда было дел по горло. А те, кого мне предлагали в невесты, были не для меня.

Несарина не имела права лезть в личную жизнь принца, однако любопытство и здесь оказалось сильнее.

– Почему?

– Когда меня знакомили с претенденткими, я показывал им Кадару. Одни пугались, другие лишь делали вид, что им интересна моя рукка. Третьи спрашивали, сколько времени я обычно провожу вне дома?

– Они надеялись на твое частое отсутствие? Или боялись, что

будут скучать по тебе?

– Сам хотел бы знать, – усмехнулся Сартак. – Но по их вопросам я сразу понимал: эти женщины – не для меня.

– Значит, отец готов позволить тебе жениться по собственному выбору?

Несарина переступала опасную черту. Она ждала, что Сартак начнет ее поддразнивать, но принц молчал.

– Да, – наконец ответил он. – Даже замужество Дувы… Ее сосватали. Она не возражала. Говорила, что не хочет рыться в гадюшнике, чтобы с трудом найти одного достойного мужчину и потом молиться, чтобы он ее не обманул. Не знаю, надо ли тут что-то добавлять. Впрочем, Дуве повезло. Пусть ее муж и тихоня, но ее он обожает. Я видел его лицо, когда они впервые встретились. Видел лицо сестры. Чувство облегчения и… что-то еще.

Но какая участь ждет Дуву, ее мужа и их ребенка, если преемницей хагана станет не она?

– Почему бы вообще не прекратить эту традицию соперничества за власть?

И снова Сартак выждал несколько минут, словно обдумывал ее вопрос:

– Быть может, однажды новый хаган положит этому конец. Любовь к братьям и сестрам перевесит почитание давней традиции. Я склонен думать, что мы ушли от тех, какими были в прежние века, когда хаганат только строился. Но сейчас… Мы привыкли к годам относительного мира. А время все больше становится опасным… Возможно, вопрос престолонаследия за нас решит война.

Будь они сейчас в Антике, Несарина не решилась бы задать Сартаку еще один вопрос. Но они находились высоко в небе, держа путь к опасным горам, которые становились все ближе. И она спросила:

– Значит, если вспыхнет война, ничто не удержит тебя от сражений?

– Ты так говоришь, будто вспомнила вашу общую с Шаолом задачу – втянуть нас в войну на Эрилее.

Несарина сжалась:

– После недель, проведенных здесь… Прежде мне было легче просить вас о помощи. Руккины тогда были для меня легионом безымянных воинов. Я не видела их лиц, не знала их близких. Я ничего не знала о Хулуне и Борте. И даже о том, что Борта помолвлена.

Сартак негромко рассмеялся. Борта наотрез отказывалась отвечать на расспросы Несарины о Еране. Заявляла, что ей жаль

тратить время на подобные разговоры.

– Борта с радостью отправилась бы на войну. Хотя бы ради соперничества с Ераном по части боевой славы.

– Что ж, достойное состязание влюбленных.

Сартак улыбнулся, дыхнув в ухо Несарины.

– Ты не представляешь, – сказал он и почему-то вздохнул. – Их соперничество началось три года назад. Вскоре после гибели ее матери.

Он умолк. Молчание стало тягостным, и Несарина спросила:

– Ты хорошо знал ее мать?

– Помнишь, я тебе говорил, что меня посылали в те места, где возникали разногласия или вспыхивало недовольство? Вот и тогда я по приказу отца отправился выяснять, что к чему, взяв с собой небольшой отряд руккинов. Среди них была и мать Борты.

И опять это тягостное молчание. Несарина осторожно коснулась его руки. Рука Сартака чуть дернулась, потом замерла.

– Долго рассказывать, да и грустная это история. Если вкратце… Мы обнаружили гнездо мятежников, намеревавшихся уничтожить хаганат. Завязалось сражение. Мать Борты… Перевес был на нашей стороне. Мы уже собирались позволить им сдаться. И в тот момент какой-то мерзавец выстрелил в нее из укрытия. Отравленная стрела попала ей в шею. После этого сдаваться было уже некому.

Ветер взвыл, словно скорбя о гибели матери Борты. Последняя скупая фраза Сартака сказала Несарине все.

– Я сам привез ее тело обратно, – продолжал Сартак. Ветер тут же подхватывал его слова и уносил прочь. – Я и сейчас слышу отчаянный крик Борты, когда я приземлился в Альтунском зале. После погребения она осталась на склоне Арундина и долго стояла на коленях, держась за материнское сульде.

Несарина еще сильнее сжала его руку. Ответное пожатие Сартака было легким и даже нежным.

– Через полгода Борта выступала на Слете. Это ежегодное трехдневное празднество, состоящее из сплошных состязаний. В нем участвуют все кланы. Борте тогда было семнадцать, Ерану – двадцать. В завершающей гонке – самой важной и трудной – они шли ноздря в ноздрю. В самом конце Еран совершил маневр, который можно было бы счесть обманным. Однако Борта еще загодя распознала его ухищрение и все равно пришла первой. А потом задала Ерану настоящую трепку. Едва он спрыгнул со своей рукки, Борта повалила его на землю и принялась дубасить. Ее особенно злило, что его маневр чуть не погубил Аркасу.

Сартак усмехнулся:

– Потом состоялось чествование победителей и пир.

Подробностей я не знаю, но собственными глазами видел, как Еран пытался заговорить с Бортой, но она расхохоталась ему в лицо и ушла. Парень хмурился до самого утра, когда настало время разлетаться по своим гнездам. Потом они целый год не виделись – вплоть до очередного Слета.

– Где Борта снова победила, – догадалась Несарина.

– Да. Едва-едва. На этот раз она сама применила опасный маневр и сильно поранилась, однако победа осталась за нею. Думаю, Еран, хоть вслух он этого и не высказывал, очень боялся, что Борта может разбиться насмерть или навсегда остаться калекой, и потому уступил ей победу. О подробностях того празднования она умолчала, однако потом несколько дней ходила как в воду опущенная. Мы все думали, на нее так подействовали раны, – что тоже удивляло. Прежде она воспринимала их вполне спокойно.

– А что было в этом году?

– За неделю до Слета Еран объявился в Альтунском гнезде. Ни со мной, ни с Хулуной не встречался. Прошел прямо к Борте. Что у них там случилось – никто не знает, только через полчаса он улетел восвояси. На Слете Борта снова всех обскакала. Когда ее провозгласили победительницей, отец Ерана поднялся и объявил, что она помолвлена с его сыном.

– Неожиданно для всех?

– В общем-то, да. Стоит Борте и Ерану оказаться вместе, они готовы вцепиться друг другу в глотку. Но и для самой Борты это стало новостью. Никаких шумных возмущений не было, однако потом я видел их с Ераном спорящими до хрипоты. Может, она действительно ничего не знала об этом или не хотела признаваться – она и до сих пор уклоняется от ответа. Насчет помолвки от нее не слышали ни возражений, ни согласия. День свадьбы пока не назван. Если рассуждать дипломатически, их союз наверняка укрепил бы наши напряженные отношения с Берладским кланом.

– Надеюсь, Борта и Еран сами разберутся, – улыбнулась Несарина.

– Возможно, и здесь грядущая война решит за них.

Кадара неумолимо приближалась к Дагульским горам. Солнце скрылось за облаками, отчего сразу стало сумрачнее и холоднее. Миновав вершины первых гор, рукка поймала восходящий поток и поднялась выше, позволив увидеть всю удручающую панораму этих мест.

– Боги милосердные, – прошептала Несарина.

Внизу серели вершины бесплодных гор. В долинах виднелись

тощие полоски сосновых лесов. Не было ни озер, ни рек. Только редкие ручьи. Все это с трудом просматривалось сквозь густую завесу паутины.

Паутина не была однородной. Густые белые клочья покрывали деревья, отнимая у них жизнь. А между вершинами искрились радужные нити. Казалось, их натянули, чтобы ловить ветры.

Здешняя тишина была по-настоящему мертвой. Не жужжали насекомые, не кричали звери. Ни листьев, вздыхающих на ветру, ни шелеста крыльев.

Фалкан высунул мордочку из кармана, осмотрел мрачный пейзаж и пискнул. Несарина сама была готова запищать.

– Хулуна не сгустила краски, – пробормотал Сартак. – Пауки и впрямь стали сильнее.

– Где нам спускаться? – забеспокоилась Несарина. – Ни одного укромного местечка. Яйца и птенцов пауки могли перетащить куда угодно.

Она всматривалась в склоны гор и долины – не мелькнут ли где тонкие черные тела пауков. Пусто.

– Мы сделаем облет местности, – сказал Сартак. – Посмотрим, что к чему. Возможно, кое-что поймем насчет пищевых пристрастий этих тварей.

Боги милосердные.

– Не давай Кадаре снижаться, – посоветовала Несарина. – Нельзя привлекать к себе внимание. Если они поймут, что мы что-то высматриваем, жди появления паучьей армии.

Сартак резким свистом подал команду Кадаре. Рукка стремительно взмыла вверх. Стремительнее, чем обычно. Казалось, и она рада держаться подальше от здешней мрачности.

– А ты, приятель, не высовывайся, – сказала Фалкану Несарина, дрожащими руками похлопывая по нагрудному карману. – Если они нас заметят, ты будешь нашим неожиданным тайным оружием.

Фалкан понимающе помахал лапками и юркнул вглубь кармана.

Некоторое время Кадара неспешно кружила, иногда ныряя вниз, будто гонясь за крылатой добычей себе на обед.

– Взгляни-ка на ту гряду, – нарушил молчание Сартак, указывая на самые высокие из здешних гор.

Они напоминали загнутые остроконечные рога. Вершины-близнецы почти смыкались. Возможно, когда-то они были одной горой. Между ними поблескивал серым проход, скрывающийся в каменном лабиринте.

– Кадара постоянно смотрит в ту сторону, – добавил принц.

– Пусть покружит, но не особо приближается.

Кадара повиновалась раньше, чем Сартак отдал приказ.

– В проходе что-то движется, – шепнула Несарина.

Кадара подлетела ближе. Здесь их могли заметить.

– Кадара! – предостерег рукку Сартак.

Но Кадара отчаянно махала крыльями и неслась вперед.

Вскоре они увидели, что по переходу, подпрыгивая и взмахивая пушистыми крыльями, движется… птенец.

Сартак выругался и теперь уже сам приказал:

– Быстрее, Кадара. Быстрее!

Ей не требовались понукания.

Птенец жалобно пищал, хлопая крылышками и тщетно пытаясь взлететь. Он свалился с одной из сосен, что росли возле прохода, и теперь спешил укрыться в каменном лабиринте.

Несарина сдернула лук, вложила стрелу. Сартак сделал то же самое.

– Ни звука! – шепнул он Кадаре, уже раскрывшей клюв. – Ты их всполошишь.

Меж тем птенец продолжал верещать. Даже с воздуха чувствовалось, как он напуган.

Кадара поймала воздушный поток и полетела.

– Давай, – шептала Несарина, целясь в линию сосен, где таилась опасность.

Птенцу чудом удалось вырваться оттуда, и теперь он несся – вот только куда?

Достигнув самой широкой части прохода, птенец вдруг замер возле каменной стены. Казалось, он знал, что́ ждет его там.

Ловушка.

– Хватай малыша, пробивайся через проход, и убираемся прочь отсюда, – приказал своей рукке Сартак.

Кадара сделала крен вправо: настолько крутой и резкий, что Несарине стоило изрядных усилий удержаться в седле.

Кадара выпрямилась и теперь снижалась над малышом. Птенец, увидев взрослую птицу, вертелся на месте и пищал еще громче.

– Спокойнее, – приказал Сартак. – Не падай камнем.

Несарина держала под прицелом каменный лабиринт, Сартак – сосны. Кадара приближалась к обломкам сланца, которыми был усеян проход, и к такому же серому пушистому птенцу. Тот совсем затих и ждал спасения, глядя на растопыренные когти Кадары.

Тридцать локтей до земли. Двадцать.

У Несарины затекла рука, удерживающая тетиву.

Поток ветра качнул Кадару. Мир накренился, а вверху что-то

странно блеснуло.

Кадара выровняла крен. Когти растопырились еще шире, чтобы ухватить птенца. Несарина догадалась, что́ это за блеск и чем он им грозит.

– Берегись! – крикнула она, но опоздала.

Когти Кадары подхватили птенца. Рукка взмыла вверх, чтобы пролететь между вершинами, и… угодила прямо в громадную паутину, натянутую там.

42

Птенец был приманкой в ловушке – такой оказалась последняя мысль Несарины перед тем, как Кадара врезалась в паутину. В сеть, натянутую между двумя вершинами, но не для ловли ветра, а чтобы захватывать рукков.

Сартак придавил Несарину своим телом, удерживая в седле. Плененная Кадара громко закричала.

Все смешалось: щелканье клювом, переливчатое мерцание качающейся сети, серые небеса, золотистые перья, вой ветра, пронзительные вопли испуганного птенца и рев Сартака.

Их скрутило и сильно ударило о камень. Несарина ощутила удар всем телом, вплоть до костей и зубов. Затем полетела кувырком. Тело Кадары изгибалось в дугу. Сартак скрючился над Несариной, пытаясь уберечь птенца в когтях рукки от последнего удара.

Потом раздался оглушительный грохот. Сильный рывок порвал кожаные ремни на седле. Несарина и Сартак оставались привязанными к седлу, когда их вместе вытолкнуло со спины Кадары. Лук вырвало из руки Несарины, пальцы ухватили лишь воздух.

Сартак развернулся, прижимая к себе Несарину и защищая ее своим телом, будто стеной. Небо и каменистая земля несколько раз поменялись местами. Сартак громко застонал, принимая на себя всю силу удара о сланцевые обломки. Несарине досталась только часть.

Несколько секунд вокруг не было ничего, кроме разлетавшихся обломков сланца. От стен перехода откалывались куски и падали с глухим стуком. Несарина не ощущала своего тела, кажется, даже перестала дышать.

Потом в уши врезался звук крыла, чиркнувшего по сланцу.

Несарина мгновенно открыла глаза и увидела, что все еще движется.

Рана на запястье была присыпана пылью и мелкими

обломками. Боли Несарина не чувствовала, крови почти не замечала. Дыша сквозь зубы, она ощупью выпутывалась из ремней седла. Потом решилась поднять голову и оглядеться.

Сартак, в полуобморочном состоянии, очумело щурился на серое небо. Главное, он был жив и дышал. По виску стекала кровь. Щека и губы тоже были в крови…

Несарина чуть не вскрикнула. Наконец ей удалось освободиться от ремней, и она покатилась к Сартаку, тоже напоминавшему кожаный клубок.

Упав, он наполовину зарылся в сланец. Руки были в ссадинах, а ноги…

– Целы, – прохрипел он. – Не сломаны.

Он говорил это не столько для Несарины, сколько для себя. Ее пальцы почти не дрожали, пока она снимала с принца ремни. Толстые летные доспехи спасли ему жизнь, не позволив камням содрать с него кожу. Сартак принял удар на себя, повернув Несарину так, чтобы упасть снизу.

Несарина принялась откапывать его плечи и предплечья. Осколки впивались ей в пальцы. Кожаный ремешок, стягивавший ей косу, при падении развязался, и теперь волосы свисали, загораживая обзор и мешая следить за окрестностями.

– Вставай, – шумно дыша, сказала она. – Поднимайся.

Сартак вздохнул. Он лихорадочно моргал.

– Ну вставай же, – умоляюще произнесла Несарина.

Впереди зашевелились камни. Послышался сдавленный крик.

– Кадара! – воскликнул Сартак, вытягивая шею.

Несарина озиралась по сторонам, глядя на рукку и пытаясь найти свой лук.

Кадара упала локтях в тридцати от них. Она была целиком покрыта почти невидимым шелком. Призрачная сеть опутала ей крылья и мешала поднять голову.

Сартак встал на ноги, едва не поскользнувшись на вихляющем куске сланца. Рука потянулась за астерионским ножом.

Несарина тоже встала. У нее дрожали ноги и отчаянно кружилась голова. Она продолжала искать лук… Вот он, возле стены прохода. Целехонек.

Она бросилась за луком. В это время Сартак начал освобождать Кадару от паутины. На его руках и шее запеклась кровь.

– Потерпи, – приговаривал он, взмахивая ножом. – Сейчас я освобожу тебя от этой гадости.

Несарина повесила лук на плечо и только сейчас вспомнила про Фалкана. Она дотронулась до нагрудного кармана. Мышиная

лапка надавила изнутри. Живой.

Не теряя времени, Несарина выхватила фэйский кинжал, врученный ей Бортой, и принялась тоже очищать Кадару от паутины. Нити были на удивление плотными и цеплялись к пальцам, сдирая кожу. Несарина неутомимо срезала кусок за куском, высвобождая крыло Кадары. Сартак трудился над вторым.

Лап Кадары они достигли одновременно. Когти рукки были пусты. Несарина вновь завертела головой, вглядываясь в развороченные кучи сланца.

Птенца отбросило в сторону. Даже когти Кадары не могли удержать его и разомкнулись при падении. Птенец лежал у самой кромки прохода. Он силился подняться и тихонько верещал.

– Вставай, Кадара, – дрожащим голосом приказал Сартак. – Поднимайся.

Мощные крылья сдвинулись. Рукка попыталась выполнить приказ хозяина. Несарина поспешила к птенцу. Серая пушистая головка была забрызгана кровью. В больших темных глазах – страх и мольба о спасении.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что Несарина не успела даже вскрикнуть. Мгновение назад птенец разевал клюв, взывая о помощи – и уже в следующее отчаянно завопил. Из-за сланцевого столба высунулась длинная черная лапа и ударила птенца по спине.

Хрустнули кости, брызнула кровь. Несарина остановилась на бегу и, резко качнувшись, шлепнулась на задницу. Крик застыл у нее на губах. Она лишь смотрела, как вопящего, упирающегося птенца утаскивают за столб.

Крики стихли.

За свою жизнь Несарина навидалась достаточно ужасов. От некоторых ее выворачивало, иные не давали спать. Но видеть, как беспомощному, перепуганному птенцу рукки ломают кости и куда-то волокут… А потом эта тишина…

Несарина развернулась. Скользя на обломках, она побежала к Кадаре и Сартаку. Принц видел расправу над птенцом и требовал, чтобы Кадара поднялась в воздух.

Сильная рукка, способная часами летать без устали, безуспешно пыталась взлететь.

– Улетай! – орал на нее Сартак.

С пугающей медлительностью рукка встала на лапы, задев поцарапанным клювом кусок сланца.

Чувствовалось, что она может упустить драгоценное время и не успеет взлететь. А за соснами, опутанными паутиной, мелькали тени. И они приближались.

Несарина убрала меч и взялась за лук. Стрела дрожала, когда

она целилась сначала в столб, за который уволокли птенца, потом в деревья, до которых было не менее трехсот локтей.

– Улетай, Кадара, – просил свою рукку Сартак. – Поднимайся в воздух!

Как она полетит в таком состоянии? Если и поднимется, то сумеет ли нести на себе всадников?

За спиной Несарины зашелестели обломки сланца. Звук доносился из каменного лабиринта.

Их поймали в сеть, чтобы затем атаковать с двух сторон.

В кармане зашевелился Фалкан, пытаясь вылезти. Несарина плечом загородила карман, нажав посильнее.

– Еще рано, – шепнула она. – Не сейчас.

Его магическая сила заметно уступала силе Лисандры. На этой неделе Фалкан несколько раз пытался обернуться рукком. Увы, обличье крупного волка было пределом его возможностей. На большее магии оборотня не хватало.

– Кадара…

Из-за деревьев вылезли первые пауки. Такие же черные и гибкие, как их соплеменница, убитая Кадарой в развалинах Эйдолонской башни.

Несарина выстрелила.

Паучиха с отвратительным криком повалилась на спину. Стрела угодила прямо в глаз. Несарина тут же вложила еще одну стрелу, отступая к Кадаре. Та попыталась расправить крылья и закачалась.

– Улетай! – снова закричал Сартак.

Ветер трепал волосы Несарины, разбрасывая груды осколков. Земля затряслась. Несарина не решалась обернуться. Ее внимание было поглощено второй паучихой, вылезшей из-за сосен. Несарина отпустила тетиву. Пение стрелы потонуло в хлопанье крыльев Кадары. Тяжелом, болезненном, но равномерном.

Несарина все-таки обернулась. Кадара поднималась в воздух – напряженно взмахивая крыльями и вихляя. Рукка торопилась преодолеть узкий проход. С перьев капала кровь, сыпались обломки сланца. В это время на склоне горы, почти возле вершины, появился харанкай. Тварь согнула лапы, намереваясь прыгнуть рукке на спину.

Несарина выстрелила вслед за Сартаком. Обе стрелы попали в цель: первая поразила глаз, вторая застряла в разинутой пасти паучихи.

Паучиха с воплем покатилась вниз. Кадара дала крюк, облетая ее, и чуть не врезалась в гору. Паучья туша упала в каменный лабиринт. Главное – Кадара была уже в серых небесах, изо всех сил хлопая крыльями.

Сартак повернулся к Несарине. Они оба смотрели на сосновый лес. Оттуда с шипением вылезло пять-шесть харанкаев.

У принца кровоточили раны. Он хрипло дышал, но это не помешало ему схватить Несарину за руку и шепнуть:

– Бежим.

И они побежали. Не к лесу, а в сумрак извилистого прохода между горами.

В Аксарский оазис Шаол отправился уже без постромок. Ему выделили черную кобылу по кличке Фараша. В переводе с халхийского это имя означало «бабочка». Еще во дворе, перед тем как тронуться в путь, Шаол убедился, насколько имя не соответствует характеру лошади.

Фараша была кем угодно, только не бабочкой. Она кусала удила, сердито била копытами и мотала головой. Словом, испытывала терпение Шаола, пока участники поездки неторопливо собирались и усаживались на своих лошадей. Слуги отправились в оазис днем раньше, дабы подготовить лагерь.

Шаол предполагал, что дети хагана дадут ему самую норовистую лошадь. Пусть и не жеребца, но не менее свирепое животное. Фараша и родилась свирепой. В этом он был готов побиться об заклад.

Но только пусть эти принцы и принцессы не ждут, что он сдастся и попросит другую лошадь, от которой будет меньше хлопот его спине и ногам.

Ириана хмуро поглядывала на Фарашу, поглаживая черную гриву своей гнедой. Обе лошади были красивыми, однако не шли ни в какое сравнение с потрясающим астерионским жеребцом, которого минувшей зимой Дорин подарил Шаолу на день рождения.

Праздник из иного времени и иной жизни.

Знать бы, что́ сталось с тем благородным конем? Шаол даже имени ему придумать не успел. Словно где-то в глубине души знал, сколь мимолетными окажутся те несколько счастливых недель. Остался ли жеребец в королевских конюшнях? Или приглянулся кому-то из ведьм? Самое страшное, если их жуткие драконы попросту сожрали коня.

Наверное, потому Фараше и было ненавистно само его нахождение в седле. Чуяла кобыла, что где-то на севере он бросил верного друга, и хотела ему отомстить.

Хасара дважды объехала вокруг Шаола на белом жеребце, сообщив ему, что эта порода – боковая ветвь астерионских лошадей. Утонченные очертания клиновидной головы и высокий хвост наглядно свидетельствовали о фэйском наследии. Но муникийских лошадей выводили для передвижения по пустыням. Идеальные животные для песков, через которые сегодня поедут участники празднества, и степей – древней родины хагана. Принцесса даже указала на небольшое утолщение между

лошадиными глазами (на халхийском оно называлось джибба), говорившее об особом устройстве пазух. Это позволяло муникийской породе свободно дышать и неутомимо передвигаться по сухим, бесплодным пустыням континента.

Не преминула Хасара похвастаться и скоростью муникийцев. Не такой, как у астерионцев, нехотя призналась она, но достаточной.

Ириана слушала небольшой урок принцессы с бесстрастным лицом (она очень старалась). Пока есть время, проверила, надежно ли закреплена трость Шаола у нее за седлом. Затем освоилась с одеждой, которую для нее приготовили.

Шаол надел свой всегдашний зеленовато-голубой камзол и коричневые штаны. Ириана временно отказалась от платья.

Стараниями Хасары ее нарядили в белое и золотистое. Длинная блуза достигала колен, открывая тонкие свободные шаровары, которые были заправлены в высокие коричневые сапоги. Пояс перехватывал ее тонкую талию, а на груди висела сумка, расшитая золотыми и серебряными нитями. С волосами она ничего делать не стала, лишь убрала в пучок, однако служанки ухитрились вплести туда золотистые нити.

Женщина, прекрасная словно восход.

Участников празднества собралось человек тридцать. Никого из них Ириана толком не знала. Хасара не сочла нужным приглашать кого-либо из целительниц Торры. По двору с веселым тявканьем носились быстроногие гончие, так и норовя прошмыгнуть под копытами лошадей караульного отряда. В оазис компанию сопровождали не менее десятка гвардейцев. Им муникийские лошади не полагались. Правда, бывшие сослуживцы Шаола позавидовали бы и таким лошадям – их собственные заметно уступали этим. Но муникийцы отличались обостренным чутьем. Казалось, они улавливали каждое произнесенное слово.

Хасара подала сигнал Шену, горделиво стоящему возле ворот. Он протрубил в рожок. Процессия тронулась.

Странно, что Хасара командовала кораблями. Судя по всему, лошади и степное наследие семьи интересовали ее намного больше. Сейчас ей не терпелось показать навыки дарганцкой наездницы. Пока этому мешали городские улицы. Горожан заранее оповестили, чтобы не загружали выезд из Антики. Но крутые узкие улицы не подчинялись приказам Хасары. Принцесса хмурилась и бормотала проклятия, вынужденная ехать медленнее, чем хотелось бы.

Не подчинялась Хасаре и изнуряющая жара. Шаол уже взмок. Он ехал рядом с Ирианой, крепко держа поводья Фараши. Своевольная кобыла так и порывалась укусить уличных

торговцев, глазеющих на процессию. «Бабочка», ничего не скажешь.

Приглядывая за кобылой, Шаол успевал смотреть и на город. В этой части он еще не был. За восточными воротами начинались холмы, поросшие колючими кустарниками. По пути туда Ириана указывала на приметные места, вкратце рассказывая о каждом.

Между зданиями пролегали каналы, в которых весело журчала вода. Ею снабжались окрестные дома, фонтаны и многочисленные сады и садики, раскиданные вокруг. Тот, кто триста лет назад завоевал этот город, влюбился в него и затем лишь приумножал красоту и благосостояние Антики.

Миновав восточные ворота, процессия вступила на длинную пыльную дорогу, вьющуюся между холмами. Здесь уже ничего не сдерживало Хасару. Пришпорив жеребца, она галопом понеслась вперед, оставляя густой шлейф пыли.

Кашан объявил, что не желает до самого оазиса глотать эту пыль, и помчался следом, предварительно улыбнувшись Ириане. Визири и знать тоже не отставали. Они успели сделать ставки – кто быстрее доскачет до городков, лежавших на пути к оазису. Хорошо, если жители этих городков вняли предупреждению и не появятся на дороге. Опасно, когда дорога и окрестные земли превращались в место забав знати.

Похоже, приглашенные даже не знали, чей день рождения собирались праздновать. Или успели забыть. Принцесса явно заскучала во дворце и обрадовалась поводу скрыться с глаз отца. Шаола удивляло, что с ними поехал и Аргун. Старший сын хагана пренебрег возможностью задумать какой-нибудь заговор против родни и начать его осуществление. Однако Аргун несся вдогонку за Кашаном.

Меж тем часть знати не пожелала соревноваться в быстроте и ехала вместе с Шаолом и Ирианой. Вскоре позади остался последний из придорожных городков. Вспотевшие, тяжело дышащие лошади поднимались по каменистому склону большого холма. По словам Ирианы, за противоположным склоном начинались дюны. Здесь было место водопоя. А дальше – последний отрезок пути по пескам, до самого оазиса.

Ириана улыбалась. Дорога превратилась в оленью тропу, вьющуюся между кустарниками. Кое-кто из всадников гнал лошадей прямо через колючки, сминая кусты и калеча лошадиные ноги. Подтверждением тому были темные капли крови на листьях кустов. Трудно сказать, когда они появились. Палящее солнце мгновенно высушивало все.

Шаолу вспомнилось, что у них в дворцовой гвардии секли за небрежное отношение к лошадям.

Те, кто ехал с ними, поднимались на утес, поили лошадей и отправлялись дальше. В какой-то момент кони и люди исчезали из виду. Казалось, они достигали вершины и растворялись в воздухе.

Даже близость воды не заставила Фарашу двигаться осторожно. Шаол напрягался изо всех сил, чтобы удержаться в седле. Но вида не подавал. Ни лошадь, ни тем более Ириана не должны знать, каково ему сейчас.

Ириана первой достигла вершины. Ее белые одежды выглядели маяком, светящим на фоне безоблачного синего неба. Ее волосы тоже светились, напоминая жидкое темное золото. Ириана терпеливо ждала Шаола. Гнедая кобыла под ней тяжело дышала. Солнечные лучи придавали лошадиной шкуре темно-красный оттенок.

Ириана спешилась в тот самый момент, когда Фараша забралась наверх. Шаол посмотрел вдаль, и у него перехватило дыхание.

Пустыня.

Шипящее море, где вместо воды – золотистый песок. Здесь были холмы, волны и овраги. И нескончаемая песчаная зыбь. Свои звуки, своя музыка, своя жизнь. При этом – ни деревца, ни кустика, ни настоящего ручейка.

Какой бог своей неумолимой рукой создал это место? Вернее, продолжал создавать, заставляя песчинки беспрестанно двигаться.

Такое чудо Шаол видел впервые. Для него это был совершенно новый мир. Возможно, неожиданная награда, поскольку сведения, которые они с Ирианой надеялись отыскать, находились не где-то, а здесь.

Шаол повернулся к Ириане. Та внимательно следила за его лицом и движениями.

– Эта красота открывается не всем, – сказала она. – Но я слышу ее песню.

Море, по которому никогда не поплывут корабли. Кто-то смотрел на дюны и не видел ничего, кроме песков, сулящих смерть под раскаленным солнцем. Шаол видел особый мир. Пусть не такой яркий, как мир лесов и лугов. И жизнь, насколько он знал из книг, пробуждалась в пустыне лишь ночью. Красота ведь тоже бывает разной. Эта была необузданной и дикой.

– Мне твои слова понятны, – сказал Шаол, осторожно слезая с лошади.

Ириана наблюдала, протягивая ему трость, но не пытаясь помочь. Шаолу предстояло самому найти наиболее удачный способ перекинуть ногу через седло и затем соскользнуть на

припорошенные песком камни. У него ломило спину. Он сразу же схватился за трость. Ириана и сейчас не шагнула к нему и не помогла устоять на ногах. Наконец Шаол убрал руку с седла и потянулся к поводьям Фараши.

Кобыла напряглась, словно намеревалась его атаковать, но Шаол серьезно посмотрел на нее и вонзил трость в щель между камнями. Трость заскрипела, угрожая сломаться.

Темные глаза Фараши гневно сверкали. Казалось, она не родилась, как рождаются все лошади, а вышла из огнедышащей кузницы Хелласа. Шаол стоял во весь рост, стараясь не гнуться. Поединок их глаз продолжался. Наконец лошадь фыркнула и позволила отвести себя к водопойному пруду с полуобвалившимися стенками. Их покрывала густая песчаная корка. Возможно, пруду было столько же лет, сколько пустыне, и не одна сотня завоевателей поила здесь своих лошадей.

Фараша вроде бы сообразила, что вскоре окажется среди песчаного океана, и потому пила, не поднимая головы. Ириана отвела свою гнедую подальше и вернулась к Шаолу:

– Как ты себя чувствуешь?

– Сильнее, чем раньше, – ответил Шаол, и это были не пустые слова. – Когда доберемся до оазиса, у меня все тело будет ныть от боли, но напряжение – не так уж и плохо.

Без трости он бы не осмелился пройти и нескольких шагов. Вряд ли удержался бы на ногах.

Ириана приложила руку к его пояснице, затем проверила состояние бедер, призвав на помощь магию. Даже сквозь одежду, даже на такой жаре ее прикосновения отозвались во всем его теле.

В это время к водопою подъехали последние участники празднества. Шаол отстранился от ее рук и отвел напившуюся Фарашу подальше от пруда. Ему предстояло снова забраться в седло…

– Не торопись, – посоветовала ему Ириана, остановившись в нескольких шагах.

Во дворе у него был помост. Здесь – только борт водопойного пруда, вставать на который опасно. Можно вместо седла оказаться в воде… Никогда еще расстояние между ногой и стременем не казалось Шаолу таким большим. Он представил последовательность своих действий. Просунуть ногу в стремя. Стараясь удержать равновесие, оттолкнуться второй ногой и, используя силу толчка, оторваться от земли, успеть перекинуть вторую ногу через седло. Эти движения он проделывал тысячи раз, даже не замечая, продолжая о чем-то думать. Ездить верхом Шаол научился, когда ему не было и шести. Почти семнадцать

лет в седле.

Конечно, непросто усесться на эту дьяволицу в обличье лошади. Однако Фараша стояла не шелохнувшись, разглядывала движущиеся песчаные волны и тропу, спускавшуюся по склону. Ветер еще не успел замести следы всадников. Шаол даже видел их крошечные фигурки на горизонте – несколько черных и белых пятнышек.

Он знал, как нужно садиться в седло, и все же стоял на земле, вперившись глазами в стремена и лошадиный бок.

– Я могу поискать помост или ведро, – ненавязчиво предложила Ириана.

Шаол сдвинулся с места. Пусть не с такой ловкостью, как хотелось бы, и с бóльшим напряжением, чем он рассчитывал. Но у него получилось. Вновь застонала трость. Без нее Шаолу было бы не вытолкнуть себя вверх. Потом трость с грохотом упала, а он схватился за луку седла, едва сумев вдеть ногу в стремя. Фараша качнулась. Шаол подтянулся выше. Спина и бедра вопили от боли. Пусть. Он достиг седла, перекинул ногу на другой бок. Он снова сидел в седле.

Ириана нагнулась за тростью, подняла, отряхнула от пыли.

– Неплохо, господин Эстфол. – Она прикрепила трость у себя за седлом и села на гнедую. – Совсем неплохо.

Шаол спрятал улыбку. Его лицо пылало, и не только от солнца. Натянув поводья, он пустил Фарашу вниз по склону.

Оба неспешно достигли дорожки следов. Вокруг дрожал разогретый песком воздух.

Пустыня не была плоской. Они поднимались на холмы, спускались в ложбины. Приглушенные удары копыт, вздохи песка. Других звуков не было. Издали процессия напоминала длинную разноцветную змею. Чтобы путники не заблудились, время от времени глаз натыкался на гвардейцев. Те сидели на вспотевших лошадях, держа в руках длинные шесты с флагом хагана. Чуть ниже флага было прикреплено полотнище с изображением черной бегущей лошади. Живые указатели пути в оазис. Шаол посочувствовал беднягам, вынужденным из-за прихоти Хасары торчать на солнцепеке, но ничего не сказал.

Постепенно дюны превратились в плоскую песчаную равнину. Горизонт раздвинулся. А вдалеке, качаясь в солнечном мареве…

– Вот и наш лагерь. – Ириана указала на полосу сочной зелени.

Никаких признаков древнего полузасыпанного Города Мертвых, на котором, если верить утверждениям Хасары, возник оазис. Правда, с такого расстояния трудно было разглядеть подробности.

Белый наряд Ирианы был мокрым от пота, но она улыбалась. Наверное, и ей хотелось ненадолго вырваться из привычного мира. Подышать жарким воздухом пустыни.

Почувствовав на себе взгляд Шаола, она повернулась. Веснушки на ее лице стали еще заметнее – солнце постаралось. Кожа приобрела сверкающий коричневатый оттенок. Завитки волос обрамляли улыбающееся лицо.

Фараша дергала поводья, вздрагивая от нетерпения.

– В Рафтхоле у меня осталась астерионская лошадь, – сказал Шаол.

Ириана удивленно посмотрела на него. Он пожал плечами:

– Я бы не прочь проверить, сравнится ли с нею муникийская.

– Ты хочешь сказать… – Она наморщила лоб.

Ириана, конечно же, заметила, что отрезок пустыни между ними и оазисом – идеальное место для скачек наперегонки.

– Ты предлагаешь… галоп?

Шаол ждал, что она заговорит о его спине и ногах. Ириана молчала.

– Ты никак боишься? – усмехнулся он.

– Таких необузданных лошадей? Еще бы.

Она хмуро посмотрела на свою гнедую, которой не стоялось на месте.

– Да она у тебя просто милашка. Спокойная, как дойная корова.

Шаол наклонился, чтобы потрепать Бабочку по спине. Кобыла попыталась его укусить. Тогда он туго натянул поводья, показывая, что знает ее отвратительные намерения.

– Я тебя обгоню, – пообещал он Ириане.

Ее глаза сверкнули, чего он никак не ожидал. Еще меньше он ждал ее вопроса:

– А что в награду?

Шаол не помнил, когда в последний раз чувствовал себя настолько живым. Когда ощущал каждый вдох, каждое биение сердца, шум крови, несущейся по жилам.

– Поцелуй. Когда и где – по моему выбору.

– Что значит «где»?

Шаол лишь усмехнулся и пришпорил Фарашу.

Ириана выругалась, причем забористее, чем он когда-либо слышал от нее. Обернуться назад Шаол не решался. Фараша превратилась в черный вихрь, несущийся по песку.

Ему так и не удалось проверить своего астерионского коня. Но если тот был еще быстрее Фараши…

Фараша летела по пескам – черная молния над золотистой пустыней. Все внимание Шаола сосредоточилось на простой цели:

удержаться в седле. Он скрипел зубами. Все мышцы в его теле сопротивлялись этой скачке.

Но он мгновенно забыл про мышечную боль, когда краешком глаза заметил другую приближавшуюся молнию – красновато-коричневую, с белой всадницей в седле.

Волосы Ирианы превратились в золотисто-каштановый комок, взмывающий и опадающий с каждым ударом лошадиных копыт по твердому песку. Белые одежды развевались на ветру, золотые и серебряные нити вспыхивали, будто звезды, а ее лицо…

У Шаола перехватило дыхание. Лицо Ирианы переполняла безудержная радость. Ликование так и бурлило в ней.

Фараша заметила нагоняющую соперницу, что торопилась поравняться с ними, и рванулась вперед. Ириана скрылась за облаком пыли.

Шаол управлял бегом Фараши не только поводьями, но и ногами в стременах, удивляясь, как это у него получается. Ничего бы у него не получилось, если бы не женщина, что догоняла его… ехала почти вровень и улыбалась ему так, словно он был единственным живым существом в этом раскаленном песчаном море… Это она сотворила чудо, вернув подвижность его ногам.

Ириана не просто улыбалась. Она смеялась, поскольку больше не могла сдерживать смех.

Едва ли он когда-либо слышал более прекрасные звуки, чем ее смех.

И сейчас, когда они оба летели над песками, глотая пустынный ветер, а ее волосы золотисто-каштановым стягом трепетали у нее за спиной, Шаол впервые почувствовал себя проснувшимся. И был до мозга костей благодарен Ириане за это пробуждение.

44

Жаркое солнце быстро высушило весь пот на одежде Ирианы. Остался лишь запах и ощущение, что кожа немного липкая.

К счастью, оазис был тенистым, а тень дарила прохладу. Посередине блестела вода в обширном неглубоком пруду. Лошадей отвели в самое тенистое место, чтобы напоить и вымыть. Слуги и гвардейцы нашли и себе укромный уголок для мытья и развлечений.

Никакого намека на пещеры, о которых говорила Нуша. И Города Мертвых в зарослях, вопреки словам Хасары, тоже что-то было не видать. Но оазис оказался достаточно большим, дети хагана и знать уже отмокали в прохладной воде пруда.

Ириана сразу заметила Рению. Тонкая шелковая сорочка почти не скрывала ее внушительных прелестей. Возлюбленная Хасары выходила из воды, смеясь какой-то шутке принцессы.

– Однако, – смущенно кашлянул Шаол.

– Я тебе рассказывала про такие празднества, – шепотом напомнила Ириана и направилась к шатрам.

Шатры были белыми, с узором из позолоты. Над каждым развевалось знамя хозяина – принца или принцессы. Поскольку шатры Сартака и Дувы пустовали, их отвели Шаолу и Ириане.

Ее обрадовало, что шатры находятся рядом. Ириана заглянула через открытый полог. Шатер был просторным. Пожалуй, не теснее, чем дом, где когда-то жили они с матерью. Шаол направился в свой. Хромал он сильнее, чем утром. Даже трость не помогала. Ириана видела, как тяжело он слезал с этой жуткой лошади.

– Понимаю, ты спешишь вымыться, – сказала она. – Но вначале мне нужно тебя осмотреть. Спину, ноги. После недавней скачки это просто необходимо.

Задним числом Ириана сожалела, что согласилась на гонку. Она и не помнила, кто из них первым пересек границу оазиса. Ей запомнились лишь свои ощущения. Казалось, она выходит из тела. Возможно ли пережить это еще раз? А еще она следила за выражением лица Шаола. Там было столько света.

Шаол остановился возле входа. Его трость вихляла, словно под непомерной тяжестью. Но вид у него был довольный.

– Где тебе удобнее? – спросил он, и вопрос вызвал у нее легкое беспокойство. – У меня или у тебя?

– У меня, – ответила Ириана, помня, что вокруг полно гостей и слуг.

Они вряд ли знали, в чью честь устроена поездка сюда. Зато угодливо сообщат, как видели целительницу заходящей в чужой шатер.

Шаол кивнул. Ириана смотрела, как он ступает, следила за движениями туловища и опорой на трость.

– Между прочим, я выиграл, – прошептал он, входя в шатер.

Солнце начало свой пока еще неспешный спуск. Ириана взглянула на светило. От слов Шаола внутри у нее все напряглось.

Поездка в Аксарский оазис не прошла для Шаола даром, но, к счастью, он не утратил способности ходить. Тщательный осмотр, произведенный Ирианой, это подтвердил. Она заставила Шаола проделать упражнения для растяжки ножных и спинных мышц, после чего принялась их массировать.

Шаол отчетливо чувствовал: Ириана играет с ним, хотя внешне это выглядело обычными действиями целительницы, равнодушной к личности пациента.

Набравшись смелости, Ириана даже позвала слугу и попросила кувшин с водой.

Шатер вполне отвечал запросам принцессы Дувы. Посередине, на возвышении, стояла большая кровать. Пол был устлан красивыми коврами. Повсюду виднелись мягкие подушки для сидения. Занавеска отгораживала уголок с умывальней и отхожим местом. Куда ни глянь – везде блестело золото.

Возможно, слуги привезли все это не далее как вчера. А может, кочевые племена, обретавшиеся в здешних местах, трепетали перед хаганатом и не осмеливались даже подходить к оазису. Или же хаган заботился об их благосостоянии, и у них не возникало и мысли о воровстве.

Когда Шаол с Ирианой вышли из шатра, дабы заняться поисками, все плескались в пруду. Еще в шатре они шепотом обменялись впечатлениями. Среди увиденного ничто не привлекало внимания. Едва ли пещера или развалины могут находиться вблизи пруда, где сейчас резвились дети хагана и их друзья. Все они наслаждались купанием и держались совершенно свободно. В Адарлане о такой свободе можно было только мечтать. Шаол не страдал наивностью. Он понимал: даже здесь, в прохладной воде, плетутся интриги и вынашиваются замыслы. Но ему не приходилось слышать об адарланской знати, наслаждающейся купаниями.

В бескорыстное желание Хасары подарить Ириане праздник он не верил. Все было затеяно с какой-то целью. Настораживало уже то, что принцесса собрала здесь людей, которых Ириана почти не знала.

Ириана остановилась на краю полянки, поглядывая на Шаола из-под опущенных ресниц. Такой взгляд назвали бы робким или застенчивым. Возможно, ей не хотелось раздеваться и оставаться в такой же сорочке, как у Рении. Не хотела, чтобы купающиеся забыли, кто она. А ведь для целительницы было привычно видеть полуголые и совсем голые тела своих пациентов.

– Что-то я не настроена купаться, – призналась Ириана под смех и плеск, долетавшие из пруда. – Может, прогуляемся?

Тон ее был вполне учтивым, а вопрос звучал невинно. Подбородок Ирианы показывал в сторону густых зарослей слева. Она не причисляла себя к придворным, но лгать умела не хуже придворных дам. Наверное, для целительницы это умение отнюдь не лишнее.

– С удовольствием, – ответил Шаол, протягивая ей руку.

Ириана вновь остановилась и, обернувшись, взглянула на пруд. Сейчас она была олицетворением скромности. Гости с любопытством ждали, в том числе и Кашан.

Пусть сама решает, когда и как объяснить принцу (причем снова), что ее не влекут близкие отношения с ним. И все же Шаол ощущал легкие угрызения совести, когда Ириана взяла его под руку и повела в сумрак зарослей.

Кашан – хороший человек. Вряд ли он кривил душой, говоря о желании пойти на войну. Шаолу не хотелось настраивать принца против себя, выставляя напоказ свои отношения с Ирианой. Он покосился на нее. Его трость утопала в мягкой земле, поддевая корни. Ириана слегка улыбнулась в ответ. Ее щеки по-прежнему оставались красными от жгучего солнца.

Настроит это принца против него или нет – Шаолу вдруг стало все равно.

К журчанию ручья, питавшего оазис, примешивался шелест пальм над головой. Мелкое зверье и насекомые, потревоженные людьми, разбегались и разлетались. Шаол с Ирианой не знали, куда идти, и брели наугад.

– В Аньеле вся долина возле Серебряного озера была усеяна горячими источниками, – сказал Шаол. – Они вытекали из недр земли, поэтому вода в них никогда не остывала. Когда я рос, после дневных упражнений мы любили в них греться. Смывали пот, давали отдых мышцам.

Шаола потянуло рассказать о себе. Памятуя это, Ириана осторожно спросила:

– Не эти ли упражнения вдохновили тебя на службу в королевской гвардии?

– Отчасти, – признался Шаол. – Просто у меня это хорошо получалось. И сражение на мечах, и рукопашный бой, и стрельба из лука. Вообще все. Меня ведь обучали как наследника местного правителя. Жители Аньеля и окрестных селений… словом, это была жизнь на границе, где в любой момент можно ожидать набега дикарей с Белоклычьих гор. Но настоящее обучение началось уже в Рафтхоле, когда я поступил в королевскую гвардию.

Ириана замедлила шаг. Шаолу требовалось преодолеть хитросплетения корней. Пока они не миновали этот участок, он думал только о том, куда поставить ногу и упереть трость.

– Наверное, твои упрямство и упорство сделали из тебя хорошего ученика.

Шаол усмехнулся, слегка толкнув ее локтем:

– Конечно. Я первым появлялся на учебном плацу и последним уходил. Но не думай, что меня гладили по голове за

усердие. Мне ежедневно доставалось.

Шаолу сдавило грудь. Ему вспомнились лица наставников. Людей, не дававших ему спуску. Из-за них он расквашивал нос и ударялся коленками, отчего потом прихрамывал. Но вечером наставники не забывали ободряюще похлопать его по спине и позаботиться, чтобы его пообильнее и повкуснее накормили. Это называлось у них «штопкой».

Суровые люди, хотя ему они стали как братья. В память о них он сказал:

– Знаешь, Ириана, там ведь не все были плохими. Те, с кем я рос, кем потом командовал… Они были достойными людьми.

В памяти всплыло лицо Ресса. Молодой гвардеец всегда краснел в присутствии Аэлины. У Шаола защипало глаза.

Ириана остановилась. Заросли шелестели, звенели и гудели своей жизнью. Спина и ноги Шаола обрадовались этой передышке. Ириана коснулась его щеки:

– Если они помогли тебе стать… таким. – Она привстала на цыпочки и приникла губами к его рту. – Тогда это действительно достойные люди.

– Были, – выдохнул Шаол.

Были. Слово быстро затерялась в окрестных зарослях. У Шаола подогнулись ноги. Были.

Он еще мог отступить. Отойти от невидимой пропасти, разверзшейся перед ними. Ириана стояла рядом. Рука замерла возле его сердца. Рассказывать ли дальше – это решение целиком принадлежало ему.

Возможно, потому, что ее рука лежала у самого его сердца, Шаол прошептал:

– Весной их несколько недель подряд зверски пытали. Затем убили и повесили тела на воротах замка.

Глаза Ирианы наполнились ужасом и горем. Она горевала над участью людей, которых никогда не видела. И потому Шаол продолжил рассказ:

– Никто из них не дрогнул. Когда король и другие…

Шаол не мог заставить себя договорить. Не сейчас. Быть может, никогда. Он боялся, что его подозрения окажутся правдой.

– Гвардейцев расспрашивали обо мне. Никто меня не выдал.

Их мужество. Их самопожертвование. У него не находилось слов.

У Ирианы дрогнуло горло. Рука переместилась к его щеке.

И Шаол нашел в себе силы поведать страшную правду:

– Это была моя вина. Король через них наказал меня. За бегство, за помощь рафтхольским мятежникам. Он… все это случилось из-за меня.

– Не нужно себя винить.

Простые, честные слова. Но только не применительно к нему.

Эти слова привели его в чувство быстрее, нежели ведро холодной воды, вылитой на голову.

Шаол отступил на шаг.

Нельзя было рассказывать ей об этом. Нельзя было продолжать разговор. И когда! В день ее рождения! Особенно если вспомнить, что они отправились не на прогулку, а искать сведения. Любые сведения, способные им помочь.

Шаол захватил с собой в оазис меч и кинжал. Убедившись, что оружие прикреплено к поясу, он шагнул в заросли папоротников. Ириане не оставалось иного, как двинуться следом. Шаол ощупывал ножны, ибо ему нужно было чем-то занять дрожащие руки и успокоить потревоженную душевную рану.

Он спрятал поглубже слова и воспоминания. Еще глубже. Запечатал их там, пока пальцы попеременно теребили то кинжал, то меч.

Ириана молча шла за ним. Заросли оказались обширнее, чем Шаолу думалось на подъезде к оазису. Здесь вполне бы уместилось крупное селение. Но ни у кого не возникало и мысли поселиться среди этого зеленого буйства. Неизвестно, когда сюда в последний раз ступала нога человека. Неудивительно, что тут не было никаких троп. Ничто не указывало и на Город Мертвых, скрытый растительностью.

И вдруг его трость наткнулась на обломки светло-серых колонн, застрявшие среди кустов и корней. Шаол счел это хорошим знаком. Если пещера действительно существует, она должна находиться где-то вблизи древнего жилья.

Однако внешний вид обломков, через которые приходилось переступать и перебираться, заставил Шаола двигаться с большей осторожностью.

– Сомневаюсь, что эти люди жили в пещерах и хоронили своих мертвецов в пещерных нишах.

– Хасара говорила о Городе Мертвых, – напомнила Ириана, хмуро поглядывая на узорчатые колонны и обломки камней, украшенные резьбой. Нынче их облюбовали пушистые мхи. – Он у нас под ногами.

Шаол вглядывался в замшелые куски камня.

– Я слышал, что еще у предков хагана возник обычай класть умерших под открытым небом, в самом сердце родных степей.

– Они так и поступают, – сказала Ириана, водя рукой по резным изображениям зверей и странных существ. – Но это место появилось раньше хаганата. Раньше Торры и Антики. Его строили

те, кто жил здесь в незапамятные времена.

Среди кустов виднелось каменное возвышение. Туда вели ветхие ступени. На самом возвышении давно обосновались деревья. Это они опрокинули и сбросили резные колонны, мешавшие росту.

– Хасара говорила, что туннели изобилуют хитроумными ловушками. Возможно, для отпугивания грабителей. Или чтобы не выпускать мертвых наружу.

Жара жарой, а у Шаола похолодела спина.

– И ты только сейчас сообщаешь мне об этом? – упрекнул он Ириану.

– Мне думалось, что Нуша говорила о чем-то другом. Речь шла о пещере. Если бы пещера каким-то образом была связана с развалинами, Нуша бы об этом упомянула.

Ириана поднялась на возвышение. Шаол двинулся следом, с усилием передвигая упрямые ноги.

– Но я не вижу никаких каменных глыб. Никаких признаков пещеры. Весь камень только отсюда.

От широких ворот, ведущих в подземный Город Мертвых, о котором говорила Хасара.

Они разглядывали остатки внушительной постройки. Часть громадных колонн рухнула и разбилась. Те, что уцелели, были густо опутаны корнями и ползучими растениями. Воздух под зеленым куполом был намного прохладнее. Шаола поразила полная тишина. Казалось, птицы и насекомые не отваживались сюда залетать.

– У меня тревожные ощущения от этого места, – призналась Ириана.

Двадцать гвардейцев неподалеку. Стоит только крикнуть. Но рука Шаола потянулась к мечу. Если у них под ногами простирается Город Мертвых, возможно, Хасара была права. Нельзя тревожить их сон.

Ириана обвела глазами все место: колонны, обломки. Никаких пещер. Не было даже намека на их существование.

– Однако Нуше известно местоположение, – вслух рассуждала она. – Должно быть, это значимое место… для Торры.

– Но его значимость потерялась в глубине веков. Или же первоначальный смысл успели исказить. Осталось лишь место и ощущение чего-то важного.

– Целительниц всегда сюда тянуло, – отрешенно произнесла Ириана, водя рукой по колонне. – Сама земля наделяла их магической силой. В других местах такого не было. Как будто здесь нечто вроде колыбели целительства.

– Почему?

Рука Ирианы медленно скользила по изображению на колонне.

– А почему в одних условиях растения разрастаются ввысь и вширь? Потому что там все способствует их росту.

– Ты хочешь сказать, что Южный континент благоприятен для целителей?

Ириана что-то заметила, и это заставило ее произнести ответ скороговоркой:

– Возможно, здесь было святилище.

Шаол подошел к ней, морщась от острой боли в спине. Но стоило ему приглядеться к изображению под рукой Ирианы, как он тут же забыл про боль.

На широкой поверхности колонны были изображены две противоборствующие силы: слева – рослые, широкоплечие воины, вооруженные мечами и щитами. Их окружали языки пламени и потоки воды. Вокруг – разные звери. В воздухе – птицы. Воинов можно было бы посчитать людьми, если бы не заостренные уши.

Им противостояли…

– Ты говорил, что совпадений не существует, – сказала Ириана, указывая на тех, кто намеревался вступить в бой с фэйской армией.

Эти были ниже ростом, с коренастыми телами. У них имелись когти и клыки. В когтистых руках – кривые мечи с зазубренными лезвиями.

– Валги, – прошептала Ириана.

Боги милосердные!

Ириана бросилась к другим колоннам, принялась обрывать с них стебли и счищать землю. И там тоже были фэйские лица. Фигуры рослых воинов. Колонны запечатлели поединки с валгами. Судя по изображениям, победу одерживали то одни, то другие.

Шаол старался не отставать от Ирианы. Он смотрел во все глаза, пока не увидел… В густой тени невысоких широкоствольных пальм притаилось прямоугольное, сильно разрушившееся строение. Нечто вроде мавзолея.

– Пещера, – прошептала Ириана.

Или то, что впоследствии, когда потерялся изначальный смысл, стали называть пещерой.

Опираясь на палку, другой рукой Шаол обрывал стебли ползучих растений. Спина возмущенно откликалась на каждое движение. Он освобождал колонны, пристально всматриваясь в изображения, вырезанные на воротах в Город Мертвых.

– Насколько помню, Нуша вскользь упомянула какую-то легенду. Если верить легенде, часть свитков попала в библиотеку

Торры отсюда, – сказал Шаол. – Из места, где полным-полно Знаков Вэрда и резных изображений фэйцев и валгов. Но этот город – не для живых. Возможно, свитки хранились в подземных архивах, соседствуя с гробницами. Потом их пришлось отсюда удалить.

Вынести через те самые ворота.

– Но здесь не хоронили людей, – тихо сказала Ириана.

Судя по знакам на каменных, плотно закрытых воротах…

– Древний язык.

Такие же знаки он видел на лице и руках Рована.

Здесь хоронили не людей. Фэйцев. Это было их кладбищем.

– Раньше я думал, что Доранеллу покинул только один отряд фэйцев, – сказал Шаол. – Тех, кто вместе с Брэнноном основали Террасен.

– Возможно, другая часть обосновалась здесь во время какой-то древней войны.

Не какой-то. Самой первой войны с демонами. Она бушевала еще до рождения Элианы и Гавина, до создания Террасена.

Шаол смотрел на побледневшее лицо Ирианы:

– Быть может, они хотели здесь что-то спрятать.

Ириана вперилась в траву под ногами, словно умела смотреть сквозь землю и видела гробницы.

– Спрятать? Сокровище?

– Да. Только иное.

Ириана смотрела на застывшего Шаола. У него изменился голос. Ее сердце наполнилось страхом, похожим на острые льдинки.

– Я не понимаю, – тихо призналась она.

– Фэйская магия передается из поколения в поколение. Она не появляется просто так, сама по себе. Предположим, фэйцы зачем-то приплыли на Южный континент. Постепенно остальной мир забыл о них. Силы добра и силы зла в равной степени. Возможно, те фэйцы знали: континент находится слишком далеко, и войны его не затронут. Войны будут полыхать в других местах. Воевать они предоставили вот этим.

Он кивнул на резную фигуру валгского солдата:

– Южный континент населяли преимущественно смертные люди. Но фэйцы оставили свое наследие в крови человеческих родов. Так появились целители, наделенные особой магической силой и склонные к врачеванию.

– Интересное рассуждение, – согласилась ошеломленная Ириана. – Однако ты не знаешь, насколько оно соответствует действительности.

– Если бы ты хотела спрятать нечто ценное, разве ты не

поместила бы это у всех на виду? В таком месте, которое надежно защищено? В пределах мощного государства. Скажем, империи. И не важно, что одна сменяла другую. Главное, на протяжении всей своей истории на Южном континенте не появлялись захватчики извне. Местные правители, как бы они ни назывались, понимали особую ценность целителей. Целителей берегли, считая, что их дар предназначен для одной-единственной цели – спасать людей. Никому и в голову не приходило, что целители – сокровище, ждущее, когда проявится другая его сторона. Целители могут быть еще и оружием.

– Мы никого не убиваем.

– Естественно, – сказал Шаол, чувствуя, как в жилах стынет кровь. – Но ты и все здешние целительницы… Во всем мире есть еще только одно такое же место. Его тщательно охраняет не менее могущественная сила.

– Доранелла. Да, там есть фэйские целители.

Есть. И Маэва их зорко стережет. Достаточно вспомнить, что Маэва сражалась в той первой войне против валгов.

– Что все это значит? – едва слышно спросила Ириана.

Шаолу показалось, будто земля уходит у него из-под ног.

– Меня отправляли сюда с заданием собрать армию. Но мне почему-то кажется… возможно, иная сила послала меня сюда с другой целью. И я не знаю, какая из них важнее.

Ириана вложила в его руку свою. Молчаливое обещание, о котором он будет раздумывать потом.

– Я начинаю понимать, почему вторгшиеся в Торру охотились за мной, – прошептала Ириана. – Если их послал сюда Морат… Там не хотят, чтобы мы через твое исцеление раскрыли древние тайны.

Шаол сжал ее пальцы:

– И те свитки в библиотеке… они почти наверняка попали туда отсюда. Достоверные сведения забылись. Осталась лишь легенда об их происхождении. И о происхождении здешних целителей.

Важен был не сам Город Мертвых. Куда важнее были фэйцы, строившие его.

– Свитки, – торопливо произнесла Ириана. – Если по возвращении мы найдем того, кто сумеет их прочитать…

– Мы получим недостающие знания. Поймем, что́ могут делать целители в войне против валгов.

– Хазифа! – воскликнула Ириана. – Может, она что-то знает об этих свитках? Главная целительница обладает не только властью, но и знаниями. Она сама как ходячая библиотека. Хазифа многому научилась у своей предшественницы. Ей

известно то, о чем больше никто в Торре не знает… По-моему, стоит показать Хазифе несколько свитков. Проверим, знает ли она что-то о них.

Делиться подобными сведениями еще с кем-то было опасной игрой, но Шаол не считал риск неоправданным. Он кивнул.

Со стороны пруда донесся чей-то пронзительный смех, нарушив тишину Города Мертвых.

– Рядом с ними нам придется улыбаться и делать вид, что мы наслаждаемся празднеством. А рано утром мы вернемся в Антику.

– Я незамедлительно отправлю послание Несарине. Ей пора возвращаться. Вряд ли есть смысл дальше ждать помощи хагана. Время действительно поджимает.

– И все же мы попытаемся его убедить, – пообещала Ириана.

Шаол удивленно вскинул голову.

– Пойми, Шаол: тебе придется победить в этой войне, – тихо сказала она. – Какую бы роль мы в ней ни сыграли.

– А у меня нет и не было намерений терпеть поражение. – Он погладил Ириану по щеке.

После потрясения от увиденного в зарослях трудно было делать вид, будто на прогулке ничего особенного не произошло. Все внутри продолжало бурлить и звенеть.

Хасаре наскучило купание. Она потребовала музыки, танцев и угощения. Несколько часов все сидели в тени, слушали музыкантов, следили за движениями танцоров и насыщались деликатесами. Ириана немало удивлялась расторопности слуг, сумевших довезти все это сюда.

Едва зашло солнце, гости поспешили в шатры – переодеваться к праздничному обеду. После открытий, сделанных в зарослях, Ириане тяжело было даже недолгое время оставаться одной. Но она заставила себя умыться и переоделась в пурпурное платье из тонкой ткани, которое припасла для нее Хасара.

Шаол ждал ее за стенами шатра.

Хасара подобрала наряд и для него – сочного темно-синего цвета, который делал его карие глаза золотистыми и оттенял загорелую кожу.

Поймав взгляд Шаола, прикованный к вырезу ее платья, Ириана покраснела. Затем его глаза скользнули ниже, где складки ткани окружали ее талию и подчеркивали изгиб бедер. В платье были искусно вшиты многочисленные серебристые и прозрачные бусинки, отчего наряд Ирианы сверкал, как усеянное звездами вечернее небо.

Вокруг пруда зажгли факелы и фонари, расставили столы и диванчики с мягкими подушками. Вновь заиграла музыка. Гости

быстро рассаживались и приступали к праздничным кушаньям. Здесь не было возвышения, как во дворце хагана, но Хасара, чувствуя себя королевой, заняла стол посередине, у самой кромки подсвеченного пруда.

Заметив Ириану, принцесса подозвала ее к себе. Шаола тоже.

Справа от Хасары пустовали два стула. У Ирианы возникло ощущение, что Шаол внимательно разглядывает не только их, но и все пространство вокруг. Хасара вполне могла устроить какой-нибудь подвох. Вскоре его рука коснулась спины Ирианы. «Опасаться нечего», – говорил этот жест.

– Неужели ты думала, что я забуду про свою почетную гостью? – Хасара поцеловала Ириану в обе щеки.

Шаол поклонился принцессе, насколько позволяла уставшая спина, и сел по другую сторону от Ирианы, прислонив трость к столу.

– Сегодня был поистине удивительный день, – сказала Ириана, и это было правдой. – Спасибо тебе за этот праздник.

Хасара с непривычной нежностью посмотрела на целительницу.

– Знаю: поладить со мной нелегко, а подружиться – и того сложнее, – сказала принцесса, наконец-то встретившись глазами с Ирианой. – Я это чувствовала рядом с другими. А вот рядом с тобой – никогда.

От удивительной откровенности этих слов у Ирианы перехватило горло. Хасара кивнула в сторону гостей:

– Я умею ценить дружбу. И это – самое малое, что я могу сделать в честь своей подруги.

Рения осторожно погладила руку Хасары, выражая свое полное согласие и понимание.

Слова принцессы требовали ответа.

– Есть люди, которых называют легкими в общении, – начала Ириана, поклонившись Хасаре. – Есть те, с кем легко подружиться. Но такие люди меня не занимают. Их дружба легко начинается и столь же легко обрывается. А вот тем, с кем поначалу бывает трудно, я больше доверяю.

Хасара заулыбалась. Потом, оглядев Шаола, лениво протянула:

– А господин Эстфол сегодня недурно выглядит.

– Куда мне до вас, принцесса? Вы – настоящая красавица.

Он лукавил. Даже самые дорогие и изысканные наряды не делали Хасару красивой. Однако принцесса приняла комплимент. Ее кошачья улыбка напомнила Ириане о незнакомке. Как и та, Хасара знала: красота преходяща, а вот сила – более ощутимое достояние.

Празднество началось. Тост Хасары, произнесенный в честь Ирианы, лишь выглядел импровизацией. Нет, принцесса хорошо его продумала, восхваляя свою «дорогую, верную, умную подругу». Однако Ириана выпила наравне со всеми. Шаол тоже. Их бокалы тут же вновь наполнились вином и хмельным медом. Вышколенные слуги двигались бесшумно, словно призраки.

Прошло целых полчаса, прежде чем заговорили о войне.

Начал Аргун. Он предложил, как бы в шутку, тост за покой и безопасность в столь неспокойные времена.

Ириана выпила, постаравшись скрыть удивление. Схожим образом вел себя и Шаол, нацепивший на лицо легкую учтивую улыбку.

В разговор включилась Хасара, принявшись рассуждать о Западном крае. Сейчас внимание воюющих сторон сосредоточено на восточной части Эрилеи. Не появится ли кто-то третий, у кого возникнет желание захватить Западный край?

Шаол лишь пожал плечами. Побывав в Городе Мертвых, он пришел к какому-то выводу. Что-то понял о сути этой войны и роли в ней детей хагана. Так показалось Ириане.

Хасара тоже что-то заметила. Словно забыв про повод, собравший их здесь, она продолжила рассуждать вслух, ни к кому не обращаясь:

– Наверное, Аэлине Галатинии стоило бы отправить свою драгоценную персону на наш континент и выбрать в мужья кого-нибудь из моих братьев. Тогда мы бы задумались, не помочь ли ей. Конечно, если ее влияние не угасло бы в нашей семье.

Намек был понятен: весь огонь, всю жестокую необузданную силу Аэлины стоило привязать к Южному континенту, влить в потомство хагана, навсегда исключив угрозу.

– Естественно, моим братьям пришлось бы привыкать к жизни с такой женщиной, как она, – продолжала принцесса. – Но они – вовсе не слабаки, даже если кому-то и кажутся таковыми.

Она мельком взглянула на Кашана. Тот сделал вид, что не слышал слов сестры. Аргун хмыкнул. Ириана удивлялась самоуверенности Хасары. Плохо же та знала Кашана. Он прекрасно различал бросаемую наживку и не позволял втянуть себя в козни старших брата и сестры. Просто не обращал внимания на их ухищрения.

Ответные слова Шаола звучали вполне учтиво:

– Да, интересно бы было взглянуть, как Аэлина Галатиния общается с вами…

Слова сопровождались легкой улыбкой. Казалось, Шаол знал исход и предвкушал зрелище. Они рассчитывали заманить Аэлину в свои сети. Но как бы принцам и принцессам самим не

сделаться дичью.

– Но брак ее не интересует, – добавил Шаол.

– Брак с мужчиной? – удивилась Хасара.

Рения сердито посмотрела на нее. Принцесса словно не видела этого всплеска ревности.

– Ни с кем, кроме ее возлюбленного, – усмехнулся Шаол.

– Короля Дорина, – подхватил Аргун, покачивая вино в бокале. – Удивлен, как она его выдерживает.

Шаол сжался, но покачал головой:

– Нет. Другого. Могущественного принца из далеких краев.

Дети хагана затихли. Даже Кашан повернулся в сторону Шаола.

– Будь добр, назови его имя, – попросила Хасара.

Она небрежно потягивала вино, однако Шаол видел, как потемнели хитрые, проницательные глаза принцессы.

– Это доранелльский принц Рован из клана Боярышника. Бывший командующий армией Маэвы и член ее королевской свиты.

Лицо Аргуна мгновенно побледнело.

– Неужто Аэлина Галатиния замужем за Рованом из клана Боярышника?

Судя по тому, как он произносил имя принца, Аргун явно слышал об этом Роване.

Ириана тоже неоднократно слышала о Роване. Шаол говорил, что тот сумел поправить его позвоночник, пусть и не до конца. Фэйский принц. Возлюбленный Аэлины.

Шаол пожал плечами:

– Их связывает то, что у фэйцев называется карранам. Рован принес ей клятву на крови.

– Такую же клятву он приносил Маэве, – возразил Аргун.

– Верно. – Шаол откинулся на спинку стула. – Но Аэлина заставила Маэву освободить Рована от прежней клятвы, чтобы он смог принести новую. На глазах у Маэвы.

Аргун и Хасара переглянулись.

– Каким образом? – спросила принцесса.

Шаол улыбнулся одними губами:

– Тем же, каким Аэлина добивается всех своих целей. – Он выразительно посмотрел на Хасару. – Она взяла город Маэвы в огненное кольцо, а когда Маэва заявила, что Доранелла выстроена из камня, Аэлина просто ответила: «Только вот жители отнюдь не каменные».

По спине Ирианы пополз холодок.

– В таком случае Аэлина – жестокая особа да еще и не в себе, – поморщилась Хасара.

– Вы так думаете, принцесса? – спросил Шаол. – А кто еще решался говорить с Маэвой на равных и уходил живым? Более того, получал желаемое?

– Ради одного мужчины она была готова уничтожить целый город, – огрызнулась Хасара.

– Только это не просто фэец, а наиболее могущественный чистокровный фэец, – невозмутимо парировал Шаол. – Достойное приобретение для любого двора. Особенно притом, что Рован и Аэлина любят друг друга.

Он говорил легко, будто расписывал достоинства своих друзей, однако в последних словах сквозило напряжение. Аргун ухватился не за эмоции, а за смысл сказанного.

– Если они – истинная пара, тогда должны понимать: чтобы наказать ее, враги устроят охоту на Рована.

Судя по улыбке, можно было подумать, что Аргун уже подумывает о таком шаге.

Шаол фыркнул. Чувствовалось, старший сын хагана не привык, чтобы над его словами смеялись.

– Всякому, кто попытается устроить охоту на Рована из клана Боярышника, я искренне желаю удачи… если доживет.

– Ты намекаешь на месть Аэлины? Конечно, ей же ничего не стоит сжечь их дотла, – подхватила Хасара, маскируя мелодичностью голоса яд произнесенных слов.

Ей неожиданно ответил Кашан:

– Вмешательства Аэлины не понадобится. Рован из клана Боярышника известен тем, что выходил победителем из всех поединков и стычек. Его противники в лучшем случае отделывались ранами. Но таких счастливчиков было не много.

Хасара умолкла. Правда, ненадолго.

– Ну что ж, если Аэлина не явится сюда в качестве невесты, обратим наши взоры в другую сторону. – Она хищно улыбнулась Кашану. – Возможно, вместо террасенской королевы моим братьям вполне бы подошла Ириана Торас.

– Я не знатного рода, – вырвалось у Ирианы. – И тем более не королевского.

Неужели Хасаре вино ударило в голову? Или она не могла устроить празднество без ядовитой приправы?

Хасара пожала плечами:

– Господин Эстфол – главный советник своего короля. Уж он-то сможет добыть для тебя титул. Сделает герцогиней, графиней или как это там у вас еще называется. Разумеется, мы будем помнить, что когда-то ты немногим отличалась от молочницы, наряженной в шелка и обвешанной драгоценностями, но это не выйдет за пределы нашего круга… Уверена: найдутся те, кого не

волнует твое скромное происхождение.

Принцесса явно ссылалась на историю Рении, которую сама возвысила до положения благородной дамы.

С лица Шаола разом слетела маска учтивости.

– Вас послушаешь, принцесса, и складывается ощущение, будто вы решили примкнуть к войне.

– Я просто рассуждаю о возможностях, – отмахнулась Хасара. Она пристально посмотрела сначала на Ириану, затем на Кашана, отчего вся пища в желудке Ирианы сделалась куском свинца. – Я всегда говорила, что у вас родились бы замечательные детки.

– Если бы ваш новый хаган сохранил им жизнь, – буркнула Ириана.

– Такие вещи довольно просто решаются… в свое время.

– По-моему, сестра, ты выпила лишнего. – Кашан подался вперед.

– А что такого? – наивно вытаращила глаза Хасара. – Ириана – неофициальная преемница верховной целительницы. Это власть, и немалая. А если господин Эстфол раздобудет ей титул – скажем, сочинит маленькую историю о ее недавно обнаружившемся королевском происхождении, – то она вполне сможет выйти за тебя, Ка…

– Но не выйдет.

Слова Шаола были тяжелыми, как обломки каменных плит в Городе Мертвых.

– Это почему же, господин Эстфол? – спросил побледневший Кашан.

Шаол выдержал его взгляд.

– Не выйдет, и все, – повторил он, не объясняя причин.

– Думаю, Ириана еще не разучилась говорить за себя, – улыбнулась Хасара.

Ириане захотелось опрокинуть стул прямо в пруд и погрузиться на самое дно. Лучше до конца дней жить под водой, чем смотреть на принца, ждущего ответа, выдерживать дьявольскую улыбку Хасары и гадать, как поведет себя охваченный гневом Шаол.

Но если предложение Хасары было серьезным, если подобный шаг привел бы на Эрилею всю мощь армий Южного континента, и это явилось бы помощью и спасением для…

– Нечего слушать всякую чушь, – с нарочито спокойным тоном посоветовал Ириане Шаол. – Принцесса сама не знает, что́ несет.

Послышались удивленные возгласы. Хасара ответила коротким смешком.

– Изволь говорить о моей сестре с уважением, а не то опять

останешься без ног! – рявкнул Аргун.

Шаолу было плевать на угрозы принца. Ириане пришлось спрятать дрожащие руки под столом. В голове мелькали мысли одна мрачнее другой. Неужели принцесса устроила поездку сюда совсем с другой целью – загнать ее в угол и заставить согласиться на брак с Кашаном? Или же это всего лишь каприз скучающей Хасары, желание поиздеваться над Шаолом?

Казалось, Шаол вот-вот откроет рот и скажет еще что-то, дабы выгнать из ее головы эту нелепую мысль. Но он молчал.

Вовсе не потому, что соглашался с Хасарой. Он хотел, чтобы Ириана сама сделала выбор. А ведь он привык отдавать приказы. Привык, что другие ему подчиняются. Ириане показалось: нынешнее состояние ново и для него. Терпение. Доверие к ней.

Ириана верила ему. Шаолу нужно выполнить задуманное и найти способ уцелеть в этой войне. Возможно, при поддержке армии хагана или какой-то другой. Если у него ничего не получится здесь, он отправится искать помощь в иных местах.

Ириана мельком взглянула на Хасару, Кашана и остальных. Кто усмехался, кто торопливо прятал свое недовольство. Сильнее всех слова Хасары задели Аргуна. Для него брак Кашана с Ирианой выглядел как нарушение чистоты крови его семьи.

Ириана верила Шаолу и совсем не доверяла детям хагана. Но она знала, как вести себя с ними. И потому Ириана улыбнулась Хасаре, потом Кашану:

– Разговор этот слишком серьезен, чтобы вести его в мой день рождения. И почему сегодня я должна выбрать одного, когда меня окружает столько прекрасных, обаятельных мужчин?

Она почти видела судорогу облегчения, пробежавшую по телу Шаола.

– И то правда, – промурлыкала Хасара.

Принцесса улыбалась, однако ее улыбка становилась все острее. Ириана так и чувствовала невидимые ядовитые зубы.

– Какая гадость эти помолвки. Да и браки… Вспомните нашу бедняжку Дуву. Ни на шаг не отходит от своего задумчивого принца с печальными глазами.

Разговор продолжался. Ириана не смотрела на Кашана и остальных. Она вообще старалась не поднимать головы, глядя лишь в свой бокал, который исправно наполнялся. Не склонная к выпивке, сегодня она добросовестно осушала один бокал за другим. Ей казалось, что Шаол подумывает столкнуть Хасару в пруд.

Пир тоже продолжался. Ириана пила, пила, пила. Встав после десерта, она не представляла, насколько пьяна. Окружающий мир клонился набок и раскачивался. Шаол поддерживал ее под

локоть, хотя сам не слишком твердо стоял на ногах.

– Похоже, на Северном континенте не умеют пить, – с усмешкой произнес Аргун.

– Я бы посоветовал не говорить подобных вещей уроженцам Террасена. – Шаол тоже усмехнулся.

– Им-то, конечно, чем еще развлекаться, живя в снегах? – процедил Аргун, разваливаясь на стуле. – И овец пасти – занятие тоскливое. Невольно запьешь.

– Возможно, и так. – Шаол коснулся спины Ирианы, намереваясь проводить ее до шатров. – Но это не помешает Аэлине Галатинии или Эдиону Ашериру перепить вас. И не заметите, как окажетесь под столом.

– А почему не под креслом вроде твоего? – издевательски спросила Хасара.

Возможно, причиной было вино. Или жара. Или рука Шаола у нее на спине. Или сознание мучений, которые ему пришлось выдержать, чтобы встать на ноги. И ведь он ни разу не пожаловался.

Ириана метнулась к принцессе.

Если Шаол ограничился желанием столкнуть Хасару в воду, Ириана перешла к делу.

Только что Хасара с нагловатой усмешкой смотрела на нее, а уже в следующее мгновение оазис и дюны огласились пронзительным криком. Взлетев вверх ногами, принцесса в блеске своих драгоценностей плюхнулась в воду – Ириана столкнула ее вместе со стулом.

45

Этот день рождения вполне мог стать последним днем в жизни Ирианы. Она это поняла, когда Хасара погрузилась в темную воду и все вокруг повскакали с мест, крича и хватаясь за оружие.

Шаол мгновенно оттеснил Ириану назад. Его меч был наполовину вытащен из ножен. Ириана не заметила, когда он успел протянуть руку к эфесу.

Пруд был неглубоким. Хасара быстро встала: мокрая насквозь, разъяренная, с оскаленными зубами и сбившимися в бесформенный комок волосами. Ее рука указывала на Ириану.

Все молчали.

Рука Хасары замерла. Ириана тоже замерла, чувствуя, что сейчас принцесса прикажет ее убить. И убьют сначала ее, а потом и Шаола за попытку ее защитить.

Он оценивал обстановку и вероятных противников: гвардейцев, принцев, визирей. Всех, кто может оказаться на пути к лошадям и вступить с ним в схватку.

За спиной Ирианы послышалось негромкое шипение. Она обернулась. Рения держалась за живот, другой рукой зажимая рот. Потом, глядя на свою возлюбленную, Рения не выдержала и завыла от смеха.

Хасара сердито повернулась к Рении, но та лишь показывала на принцессу пальцем и тряслась от смеха. Трудно представить, чем это могло ей грозить, но смеялась Рения взахлеб. До слез.

Потом и Кашан, запрокинув голову, расхохотался во все горло.

Ириана и Шаол замерли, не осмеливаясь шевельнуться.

Так продолжалось, пока Хасара не отпихнула слугу, прыгнувшего в воду, дабы ей помочь, и сама не вылезла из пруда. Принцесса буравила Ириану взглядом, в котором собрался гнев всех могущественных хаганов, правивших до ее отца.

И снова тишина.

– Я все думала, когда же у тебя появится хребет, – насмешливо бросила принцесса.

Хасара удалилась, оставляя мокрые следы. Рению обуял новый приступ смеха.

Ириана перехватила взгляд Шаола. Его рука медленно вернула меч в ножны. Зрачки сузились. Он сообразил – их не убьют.

– Думаю, пора идти спать, – тихо сказала Ириана.

– Я бы поторопилась сделать это до ее возвращения, – посоветовала Рения, продолжая захлебываться от смеха.

Ириана кивнула. Взяв Шаола за руку, она повела его к шатрам. В темноту с точками мерцающих факелов.

Чем же был смех Рении и Кашана? Все мысли Ирианы сосредоточились на этом. Отчасти их удивил ее поступок. А помимо удивления… они сделали ей подарок. Подарок ко дню рождения: спасли ее и Шаола от виселицы. И принц, и Рения отлично знали, насколько опасными бывают скачки́ настроения Хасары.

Идя к шатру, Ириана мысленно благодарила обоих за этот прекрасный подарок.

Наорать на Ириану было бы проще всего. Спросить, как ей вообще могло взбрести в голову столь безрассудно рисковать жизнью. Несколько месяцев назад он бы наорал, не задумываясь. Такое желание не оставляло его и сейчас.

Оказавшись в просторном шатре Ирианы, Шаол продолжал

успокаивать внезапно пробудившийся инстинкт бойца. Все его навыки мгновенно ожили, едва он увидел, как его и Ириану со всех сторон окружают гвардейцы охраны, готовые пустить в ход свои мечи.

В самой глубине души он был до дрожи в коленях благодарен судьбе, что ни с кем из этих караульных он не упражнялся на плацу. Случись что, ему бы не пришлось делать нелегкий выбор, пересекая опасную черту.

Но Шаол видел ужас в глазах Ирианы, когда та сообразила, что́ сейчас произойдет. И произошло бы, не вмешайся возлюбленная принцессы и Кашан. Они разрядили опасную напряженность.

Ириана сделала это для него. Отплатила за отвратительные, издевательские слова Хасары. И по тому, как она ходила по шатру, кружа между диванчиками, столиками и подушками, Шаол понимал: она догадывалась, что именно он хочет ей сказать.

Он присел на изогнутый подлокотник кресла, упер трость в пол и стал ждать.

Ириана подошла к нему. В этом пурпурном платье она была завораживающе красива. Накануне обеда, увидев ее в нем впервые, Шаол лишился дара речи. И не только оттого, насколько ей шло это платье. Оно удивительно подчеркивало соблазнительные округлости ее тела и оттеняло цвет кожи.

– Прежде чем ты начнешь на меня кричать, – заявила Ириана, – должна тебе сказать: случившееся еще раз доказало, что мне не следует выходить за принца.

– Пожив бок о бок с другим принцем, я бы тебе возразил.

Ириана взмахнула рукой и снова принялась ходить взад-вперед:

– Я знаю: это было глупо.

– Не то слово. Чудовищно глупо.

Ириана зашипела. Не на него. На событие, едва не стоившее ей жизни. На свой характер.

– Но я ни о чем не жалею.

Шаол улыбнулся одними губами:

– Эту картину я запомню до конца своих дней.

Он не преувеличивал. Зрелище летящей вверх тормашками Хасары, перекошенное лицо и истошный вопль перед падением в воду.

– Неужели это тебя так забавляет?

– То, что ты рисковала жизнью? Ничуть. Но я получил большое удовольствие, наблюдая, как ты дала волю своему необузданному характеру. Особенно приятно, что взрыв был

направлен не на меня.

– Я не считаю свой характер необузданным.

Шаол прищурился, глядя на нее:

– Я знаю достаточно людей, чьи характеры отнюдь не шелковые, и ты, Ириана Торас, занимаешь среди них одно из самых высоких мест.

– Наряду с Аэлиной Галатинией.

По его лицу пробежала тень.

– Ее бы очень позабавил вид Хасары, летящей вверх тормашками в пруд.

– Она и в самом деле выходит замуж за того фэйского принца?

– Возможно. У них все шло к тому.

– Тебя это огорчает?

Ириана постаралась, чтобы Шаол счел ее вопрос обыкновенным любопытством, от которого не свободны даже целительницы. Но он, отвечая, обдумывал каждое слово.

– Аэлина была очень важна для меня. Она и сейчас важна, хотя в другом качестве. А какое-то время мне было тяжело. Мечтал, строил замыслы на будущее, и вдруг – резкий поворот. Особенно когда мечты касались ее.

Ириана наклонила голову. Свет фонаря плясал на ее локонах.

– Почему?

– Когда я встретил Аэлину, когда полюбил ее, она была не… Словом, тогда она звалась другим именем. И была другим человеком. Наши отношения разрушились раньше, чем я узнал правду, но я догадывался. Мне так казалось. Когда я узнал, что она и есть Аэлина, что между нею и Дорином…

– Ты ведь ни за что не оставил бы Адарлан. И его.

Шаол водил пальцами по гладкой поверхности трости:

– Думаю, она тоже это знала. Раньше меня. Но она все равно… Наступил момент, и она уехала. Долго рассказывать. Она поплыла на Вендалин одна. Там она и встретила принца Рована. А из уважения ко мне, поскольку наши отношения не полностью оборвались, она ждала. Они оба ждали. Когда же Аэлина вернулась в Рафтхол, все кончилось. В смысле между нами. Можно сказать, мы официально расстались. Отвратительным образом. Я вел себя скверно, и она не лучше, поэтому… Потом мы помирились, и они ушли вместе. Так и должно было случиться. Они… если ты когда-нибудь их встретишь, сама поймешь. Аэлина чем-то напоминает Хасару. С нею рядом нелегко. И понимать ее непросто. Аэлина всех пугает. Но только не его.

Шаол усмехнулся:

– Потому Аэлина и полюбила Рована, хотя поначалу была

готова его пришибить. Рован видел и видит ее насквозь, и он не испугался.

– А ты, значит, испугался? – помолчав, спросила Ириана.

– В моей жизни это было тяжелое время. Все привычное рушилось. И она… Изрядную долю вины за происходящее со мною я возлагал на нее. Даже начал считать ее чудовищем.

– Так она чудовище или нет?

– Это смотря кого спрашивать. – Шаол разглядывал затейливый красно-зеленый узор ковра под ногами. – Сейчас я так о ней не думаю. Никому другому я бы не доверил вести эту войну. Кроме Аэлины, я бы никому не доверил разгром Мората. Даже Дорину. Если существует способ победить, она найдет этот способ. Возможно, дорого заплатив, но найдет.

Он покачал головой:

– Мы как-то забыли про твой день рождения. Поговорим о чем-нибудь более приятном.

Ириана не улыбнулась:

– Ты ведь ждал Аэлину, пока ее не было. Ждал? Знал, кто она на самом деле, и все равно ждал.

В этом Шаол не признавался себе даже в мыслях.

– Да, – глухо ответил он.

Теперь Ириана разглядывала узоры ковра.

– Но ты больше ее не любишь?

– Нет, – сказал Шаол, стараясь, чтобы его ответ воспринимался однозначно. – И Несарину тоже, – тихо добавил он.

Последние слова удивили Ириану. Шаол обхватил трость, уперся в пол, с легким стоном поднялся на ноги и пошел к ней. Ириана следила за каждым его движением. Она и сейчас не могла перестать смотреть на него глазами целительницы. Смотрела, как он переставляет ноги, как шаги отражаются на пояснице и насколько тяжело он опирается о трость.

Остановившись в шаге от Ирианы, Шаол достал из кармана сверток и молча протянул ей. Черный бархат был таким же волнистым, как дюны.

– Что это?

– Шкатулки подходящей не нашлось. Я решил, будет лучше просто завернуть.

Ириана осторожно взяла сверток, который Шаол носил с собой весь день. У нее слегка дрожали пальцы. Она развернула бархат.

Свет шатровых фонарей заиграл на серебряной поверхности медальона. Ириана зажала цепочку между пальцами, поднесла подарок к округлившимся от изумления глазам.

– Я не могу взять такой дорогой подарок.

– Можешь, – возразил Шаол, опуская овальный медальон ей на ладонь. – Тем более что там выгравированы твои инициалы.

Ее пальцы повторяли изящные завитки букв, выгравированных искусным столичным ювелиром. Потом Ириана перевернула медальон и чуть не вскрикнула. Ее рука взметнулась вверх и застыла на шее, над самым шрамом.

– Горы и моря, – прошептала она.

– Чтобы ты никогда не забывала, как преодолевала горы и переплывала моря. Ведь только твоя решимость привела тебя в Антику.

Она тихо засмеялась. Ее смех был полон чистой радости. Других звуков Шаол не слышал. Точнее, не позволял себе слышать.

– Я намеренно захватил подарок сюда. Положи туда то, что ты вечно носишь в кармане. Тогда тебе не придется перекладывать это из платья в платье.

Глаза Ирианы удивленно вспыхнули.

– Ты знаешь?

– Я не знаю, что́ лежит у тебя в кармане, но постоянно вижу, как ты опускаешь туда руку.

Не знал он и точных размеров потайной вещицы, но предполагал, что она невелика и в выбранный им медальон поместится. Все другие предметы, оказывавшиеся в карманах Ирианы, заметно выпирали или оттягивали карманы. А с этой вещью они оставались плоскими. Наверное, локон или камешек.

– Конечно, мой подарок не сравнится с празднеством в оазисе, – усмехнулся Шаол.

– После одиннадцати лет мне никто ничего не дарил.

После того, как не стало ее матери.

– Я хотела сказать, на день рождения, – пояснила Ириана. – Я…

Она просунула голову в серебряную цепочку. Несколько растрепавшихся прядок мешали. Тогда Ириана приподняла волосы. Цепочка скользнула ей на шею, а медальон оказался у самого начала ложбинки между грудями. На фоне янтарно-медовой кожи подарок Шаола выглядел сгустком ртути. Тонкие пальцы Ирианы теребили медальон, водя по гравированным инициалам.

Подняв голову, Шаол увидел другое серебро. Оно блестело в глазах целительницы. У него сдавило грудь.

– Спасибо, – прошептала она.

Он лишь пожал плечами, не зная, нужно ли отвечать.

Ириана подошла к нему. Руки коснулись его щек. Глаза

безотрывно смотрели на него.

– Я рада, что ты больше не любишь террасенскую королеву и Несарину, – призналась она.

У Шаола заколотилось сердце.

Привстав на цыпочки, Ириана поцеловала его в губы. Поцелуй был легким, как прикосновение перышка. В ее глазах Шаол прочитал то, что она не решалась произнести вслух. Может, она прочла и его невысказанные слова?

– Я всегда буду это помнить, – промолвила она.

Шаол знал: речь идет не только о его подарке. Ириана дотронулась до его груди. Рука остановилась там, где внутри билось сердце.

– Какая бы судьба ни выпала на долю мира. – Еще один легчайший поцелуй. – Какие бы океаны, горы и леса ни встретились на пути…

Все невидимые путы внутри Шаола порвались. Трость упала на пол. Шаол обнял Ириану за талию, гладя открытую полоску ее нежной кожи. Другой рукой он зарылся в ее роскошные, тяжелые волосы и слегка запрокинул ей голову. Он смотрел в ее золотистые глаза, в которых бурлили едва сдерживаемые чувства.

– Знаешь, Ириана, я тоже рад, что больше не люблю их, – прошептал он возле самых ее губ.

Потом их уста сомкнулись, и от шелковистого жара ее рта Шаол застонал.

Руки Ирианы странствовали по его волосам, спускались к плечам, скользили по груди и шее. Казалось, она хочет, но никак не может ощутить его целиком.

Шаол наслаждался ощущением от ее пальцев, впившихся ему в одежду. Они были напористыми, как когти, ищущие добычу. Он провел языком по ее языку. Ириана застонала и прижалась к нему.

Шаол повел ее к кровати, где белые простыни блестели в свете фонарей. Его шаги были сбивчивыми, ковыляющими, но он этого даже не замечал. Он смотрел на платье, сотканное из паутины и тумана. Их губы не разлучались ни на мгновение. Он просто не мог оторваться от губ Ирианы.

Лишь когда ее колени уперлись в перину, она отстранила лицо.

– Твоя спина… – вяло возразила Ириана.

– Выдержу.

Шаол вновь приник к ее губам. Поцелуй Ирианы прожег ему все тело – до самой души.

Она была его женщиной. Его. Ни об одной женщине, прошедшей через его жизнь, он не думал как о своей. Никого не

хотел так называть.

Шаол не мог оторваться от ее губ, а потому не мог спросить, считает ли и она его своим мужчиной. Собственный ответ он знал, пожалуй, с того самого момента, когда она вошла в гостиную и посмотрела на него без тени жалости и грусти.

Шаол осторожно толкнул ее бедрами. Ириана позволила уложить себя на кровать. Шаол сделал это с нежностью и почтением.

Она потянулась к нему и помогла, втащив на себя. Губы Шаола касались ее теплой шеи, где кожа была нежнее шелка. Ему хотелось смеяться, видя, как Ириана возится с его пуговицами и пряжками. Она извивалась под ним. Шаол старался поменьше давить на нее тяжестью своего тела и удивлялся, как гармонично все жесткое и твердое в его теле соприкасается во всеми мягкими изгибами в теле Ирианы…

Он был готов вывернуться наизнанку.

Ириана дышала ему прямо в ухо. Ее руки стаскивали с него рубашку, пытаясь добраться до спины.

– Я думал, тебе осточертело дотрагиваться до моей спины.

Ириана закрыла ему рот таким неистовым поцелуем, что на какое-то время Шаол забыл про слова.

Он забыл свое имя, титул и вообще все. Забыл обо всех, кроме нее.

Ириана… Ириана… Ириана…

Его рука скользнула под складки ее платья, коснулась бедра. Ириана застонала. Пальцы Шаола коснулись другого бедра. И снова стон. Он покусывал ей губы, а пальцы лениво кружили по ее восхитительным бедрам, начиная с внешней стороны и перемещаясь туда, где бедра смыкались.

Ириане подобные игры не нравились. Она хотела действий. Она обняла спину Шаола. Его тело целиком отозвалось на прикосновение. То была не просто женская рука, ласкающая ему спину. Рука Ирианы. Ириана его ласкала!

Мысли путались. Шаол мог лишь ласкать и поддаваться ласкам, наслаждаясь вкусом и запахом ее губ.

И все же слова нашлись. Их хватило на половину вопроса:

– Ты когда-нибудь…

– Да, – резко выдохнула она, поняв его. – Один раз.

Губы Шаола оказались напротив шрама на ее шее. Шрам казался темным ручейком. Шаол поцеловал шрам, затем облизал. Его губы двинулись к ее подбородку, и он, не отрываясь, спросил:

– Ты хочешь…

– Продолжай.

Но Шаол заставил себя прерваться. Приподнялся, желая

увидеть ее лицо. Руки застыли на ее изящных бедрах. Ириана продолжала гладить его спину.

– Значит, да?

Глаза Ирианы вспыхнули золотистым пламенем.

– Да, – выдохнула она и приподнялась, чтобы нежно поцеловать Шаола. – Да, – повторила она.

От двух ее «да» он содрогнулся всем телом. Шаол сжал ей бедро возле ягодицы. Ириана убрала руку и приподнялась, чтобы прижаться к нему, почувствовать его сквозь тончайшую ткань платья, под которым не было ничего.

Шаол сдвинулся в сторону, задрав ей платье. Он наклонил голову. Ему хотелось вдоволь насмотреться на нее, потрогать, вкусить и узнать, отчего Ириана Торас теряет самообладание.

– Потом, – хрипло попросила его Ириана. – Позже.

Он не мог ни в чем ей отказать. Женщине, державшей в своих прекрасных руках все, чем он был и что в нем осталось.

Шаол быстро сбросил рубашку. Для снятия штанов требовались более хитроумные действия, но и штаны полетели на пол. Затем он освободил Ириану от пурпурного платья, которое превратилось в кучу лоскутов, замерших возле кровати.

На Ириане не осталось ничего, кроме подаренного медальона. Шаол видел каждый уголок ее тела, забывая дышать.

– И я всегда буду это помнить, – прошептал Шаол, медленно и глубоко входя в нее. Его спину пронзила судорога наслаждения. – Какая бы судьба ни выпала на долю мира.

Ириана целовала ему шею, плечо, подбородок.

– Какие бы океаны, горы и леса ни встретились на пути.

Шаол остановился, глядя ей в глаза и давая освоиться с ощущениями. Он и сам осваивался с новым ощущением. Ось его мира сдвинулась. Глядя в сияющие глаза Ирианы, он мысленно спрашивал себя, испытывает ли и она те же чувства.

Ириана снова поцеловала его. То был ответ и молчаливая просьба. Шаол начал двигаться в ней. Здесь, среди дюн, под звездами… в сердце чужого континента… Здесь, с нею, он был дома.

46

Случившееся сломало прежнюю Ириану, рассыпало на куски, чтобы возродить заново.

Была глубокая ночь. Лежа на груди Шаола и слушая гулкие удары его сердца, Ириана по-прежнему не находила слов, дабы выразить то, что произошло между ними. Не телесное

соприкосновение, не их повторяющиеся любовные слияния. Само ощущение его. Чувство принадлежности ему.

Она и не подозревала, каким удивительным это может быть. В первый раз она познала телесную близость минувшей осенью. Все произошло быстро, бесцветно, и потому она не жаждала повторения. Но с Шаолом…

Он старался доставить ей наслаждение, причем не один раз, прежде чем вспоминал о себе.

Ощущения, захлестывавшие Ириану, превосходили телесные. Они были вызваны не столько мужскими качествами Шаола, сколько его личностью.

Ириана неспешно целовала мускулистую грудь Шаола, наслаждаясь ощущением его пальцев, без устали ласкающих ей спину.

Рядом с ним ей было легко и спокойно. Она знала: что бы с ними ни случилось, Шаол не отступит, не дрогнет. Ириана уткнулась в его грудь, тая от блаженства.

Разум подсказывал ей: такие чувства опасны. Шаолу не требовались слова. Заглядывая ей в глаза, он видел, что она без остатка отдает ему сердце. Но медальон, который он так заботливо и со вкусом выбрал ей в подарок… А с каким изяществом выгравированы ее инициалы, не говоря уже о горах и волнах… Неизвестный ей ювелир был настоящим мастером.

– Это не совсем моя заслуга, – прошептала Ириана, своим дыханием согревая ему кожу.

– Ты о чем?

Ириана погладила его крепкий живот и привстала на локте. Предрассветный сумрак не позволял ей разглядеть лицо Шаола. Фонари давно погасли. Оазис погрузился в тишину, лишь жужжали насекомые в кронах пальм.

– О приезде в Антику. Горы я преодолела сама, а вот моря… Мне помогли.

– Кто?

В глазах Шаола появилась знакомая настороженность.

Ириана приподняла медальон. Между всплесками их любовных слияний, когда Шаол попросил подвинуть трость ближе к кровати, она сумела положить внутрь медальона записку незнакомки. Не видя записки, Шаол потрясающе сумел подгадать размеры. Клочок пергамента лег так, словно медальон делался специально под него.

– Я застряла в Иннише. Хозяин постоянно обирал меня, а с теми деньгами, что удалось скопить, плыть в Антику я не решалась. Однажды вечером на постоялый двор заглянула женщина. По виду – моя ровесница. В ней… было все, чего не

было у меня. Качества, о которых я успела забыть. Она ждала корабль и задержалась у нас на три дня. Ожидание тяготило ее. Мне казалось, что она была не прочь развлечься потасовкой и даже подзадоривала местных бродяг и ворье, чтобы те попытались ее ограбить. Но в разговоры ни с кем не вступала и вообще держалась особняком. Мне часто приходилось убирать зал одной. И в тот вечер тоже…

Рука Шаола, лежавшая на ее спине, напряглась, но он молчал.

– К нам забрели солдаты-наемники. Задирались, приставали ко всем. Ко мне тоже. Говорили, что мне с ними понравится. Я довольно резко отказалась. Потом они ушли. Я думала, на этом все кончится, а когда сунулась в переулок выплеснуть помои, там они меня и подстерегли.

Шаол превратился в статую.

– Они хотели…

Ириану передернуло. Прошли годы, но ледяная хватка ужаса осталась.

– Эта женщина… или девушка… не знаю, как ее назвать. Словом, она вмешалась раньше, чем те успели протянуть ко мне руки. Она заставила их надолго запомнить встречу с нею. А потом начала учить меня самозащите.

– И так ты набралась необходимых знаний, – заключил Шаол и снова стал гладить Ириану по спине.

– Не только знаний. – Она потрогала шрам на шее. – Один из побитых наемников пожаловался дружкам, и те явились мстить. Один приставил мне нож к горлу и потребовал от незнакомки бросить оружие. Она отказалась. Тогда я сделала так, как она меня научила, сбила напавшего мерзавца с ног и отобрала у него нож.

Шаол удивленно выдохнул, взъерошив ей волосы.

– Для незнакомки то, что случилось потом, было проверкой моих знаний. Она заметила вторую группу наемников и сказала какие-то странные слова. Дескать, мне нужно пройти через… управляемый опыт. Смешно звучит, правда?

Похоже, незнакомка из рассказа Ирианы была либо очень умной и проницательной, либо сумасшедшей. Возможно, всё вместе.

– Потом она мне говорила… Она сказала, что лучше терпеть лишения на улицах Антики, чем в Иннише. Если я хочу туда попасть, надо ехать. Нельзя провести жизнь в пустых мечтаниях. Она призвала меня бороться за свою жизнь, иначе я так и останусь на дне ямы.

Вспотевшие волосы Шаола лезли ему в глаза. Ириана откинула мокрые прядки и продолжила рассказ:

– Наемники нанесли ей несколько мелких ран. Я промыла их, смазала, и мы расстались. Когда я вернулась в свою каморку… Она оставила мне мешочек с золотыми монетами. И еще – золотую брошь с крупным рубином. Не меньше яйца малиновки. Это предназначалось для путешествия сюда и обучения в Торре.

Шаол удивленно моргал.

– Наверное, она была богиней, – дрожащим шепотом продолжала Ириана. – Кто бы еще смог такое? Золота в мешочке осталось совсем мало. А вот брошь… Брошь я не решилась продать. Так и храню.

Шаол покосился на свой подарок, считая, что брошь вряд ли уместится в медальоне.

– Нет, в кармане я носила не брошь… Наутро я покинула постоялый двор. Взяла свои нехитрые пожитки, подарки незнакомки, нашла корабль, плывущий в Антику, и… Так что без этой незнакомки никакого плавания по морям у меня не было бы…

Ириана потрогала волны на медальоне:

– Я оказалась здесь только благодаря ей. Я учу целительниц Торры, поскольку она просила передавать эти знания каждой женщине, которая согласится слушать. Я учу их, и у меня возникает ощущение, будто я маленькими частями возвращаю незнакомке долг.

Палец Ирианы застыл на выгравированных инициалах.

– Имени своего она мне не назвала, а я не спросила. К своим подаркам она приложила записку на клочке пергамента. Всего две строчки: «Куда бы ты ни отправилась, это тебе на дорогу и на обустройство. Миру требуется больше целителей». Этот клочок я и носила с собой, перекладывая из платья в платье. Теперь он здесь.

Ириана постучала по крышке медальона:

– Знаю, это глупо, но ее записка придает мне мужества. Когда мне бывало тяжело, я черпала там силы. И до сих пор черпаю.

– В этом нет ничего глупого, – возразил Шаол, целуя ее в лоб. – Кем бы ни была та женщина, я всегда буду ей благодарен.

– Я тоже, – прошептала Ириана, чувствуя его дыхание у себя на подбородке и поднимающуюся волну страсти. – Я тоже.

47

Проход между дагульскими горами-близнецами оказался длиннее, чем думалось поначалу. Лабиринт высоких зубчатых скал тянулся все дальше, и конца ему не было видно. Несарина и

Сартак не решались остановиться. Кое-где путь им преграждала паутина. Иногда она висела над самыми головами. Но они продолжали бежать вперед, одновременно ища просвет, который позволил бы выбраться из западни. А там Кадара понесла бы их домой. Опуститься в проход рукка никак не могла – застряла бы между стенами. Единственным шансом спастись было выбраться на какой-нибудь выступ или площадку.

Несарина по-прежнему не решалась выпустить Фалкана. При возникшей сумятице, когда события приняли совсем не тот оборот, паукам незачем знать о припрятанной козырной карте. Риск должен быть оправданным.

Умом Несарина это понимала, хотя искушение нашептывало ей противоположное. Стены были гладкими – не за что зацепиться. Меж тем они пробирались здесь уже не первый час. Даже Сартак устал. Эхо повторяло его шумное, натужное дыхание.

Принц был не в состоянии карабкаться по отвесному склону. Он едва стоял на ногах и удерживал меч в руке. Лук Несарины находился в постоянной готовности. Опасность могла появиться за каждым поворотом. Но она упрямо задирала голову, глядя вверх.

Местами проход был настолько узким, что приходилось протискиваться. Небеса сузились до блеклой полоски на недосягаемой высоте. Несарина и Сартак шли молча, стараясь не сбавлять скорости. Лишь звук дыхания выдавал их присутствие.

Это ничего не меняло. Каждый шаг, каждый поворот подтверждал Несарине: западня иногда бывает очень длинной, а они угодили в западню. Харанкаи точно знали, в какой части скального коридора находится их добыча, и неторопливо гнали ее туда, куда им нужно.

Сколько же времени прошло с тех пор, как они в последний раз слышали шум крыльев Кадары? А свет начинал тускнеть…

Когда стемнеет, когда станет слишком темно для паучьих маневров… Несарина потрогала карман с Фалканом. Когда здесь воцарится темнота, можно будет выпускать оборотня.

Они достигли места, где два громадных валуна стояли почти впритык. Протиснуться здесь можно было только боком.

– Похоже, конец прохода близко, – выдохнул Сартак.

Несарина не пожелала делиться с ним своими сомнениями. Паучих не упрекнешь в глупости. Не станут они выпускать людей наружу, прямо под носом у ожидающей Кадары. И даже если бы такое случилось, сможет ли покалеченная рукка лететь с седоками?

Несарина упрямо двигалась вперед. Проход чуть расширился.

Она считала вдохи и выдохи. Вероятно, последние в ее жизни.

Такие мысли еще никому и ни в чем не помогали. Не далее чем этим летом она была на грани смерти, когда к ней устремилась волна осколков стеклянного замка. Была и уцелела. Возможно, и сейчас повезет.

Сартак шел, цепляясь ногами за камни. Он дышал еще тяжелее. Обоим отчаянно хотелось пить. Нужно было перевязать принцу раны. Если паучихи их не найдут, велика вероятность умереть от жажды среди камней, где нет даже крохотного ручейка. И случится это намного раньше, чем эридунские руккины отправятся им на подмогу.

Несарина принуждала себя переставлять ноги. Проход опять сузился, приходилось идти впритык. Несарина то и дело поворачивалась и протискивалась боком. Ее мечи царапали по камню.

Сзади послышались проклятия и сдавленное признание Сартака:

– Я застрял.

Несарина обернулась. Широкоплечего Сартака заклинило между стенами прохода. Он дергался взад-вперед, пытаясь протиснуться. Его раны, начинавшие затягиваться, открылись, и оттуда текла кровь. А он упрямо старался вырваться из каменного плена.

– Прекрати, – велела она. – Это ничего не даст. Попробуй вывернуться.

Она понимала: узкое место не обойти ни сбоку, ни сверху. Разве что снять с него оружие.

Несарина перехватила взгляд его темных глаз и прочла в них: «Иди одна».

– Сартак, – прошептала она.

В этот момент они услышали знакомый стук когтей. Знакомое шуршание.

Паучих было много. Слишком много. Они шли следом за людьми, выжидая. Зная, когда и где те начнут выдыхаться.

Несарина схватила принца за руку и потащила на себя.

– Лезь, – шептала она. – Лезь давай!

Сартак стонал от боли. Жилы у него на шее напряглись. Он изо всех сил пытался протолкнуться сквозь каменное горло. Сапоги скребли по вертким кускам сланца.

Несарина упиралась ногами, стискивала зубы и продолжала тащить Сартака.

Цок-цок-цок…

– Сильнее, – требовала Несарина.

Сартак наклонил голову, послушно проталкиваясь сквозь

каменную ловушку.

– Какое угощение неожиданно пожаловало к нам, – прошипел негромкий женский голос. – И настолько обильное, что даже не может двигаться по нашему проходу. Славно же мы попируем.

Несарина упорствовала. Ее рука стала липкой от пота и собственной крови. Она впилась в запястье Сартака с такой силой, что рисковала сломать ему кости.

– Беги, – прошептал он, продолжая безуспешные попытки. – Убегай отсюда.

Фалкан ерзал в кармане Несарины, пытаясь выбраться. Но карман упирался в каменную стену, и оборотню было не высунуть свою мышиную мордочку.

– Дивная парочка, – продолжала паучиха. – Как сияют ее волосы. Это сияние видно даже в безлунную ночь. Вы оба – наши почетные гости, и мы проводим вас в наш дом.

– Пожалуйста, – всхлипнула Несарина.

Она глядела вверх. Отвесные склоны гор-близнецов кое-где имели узкие выступы, но туда не доберешься. Несарина исступленно все еще пыталась протащить Сартака сквозь каменную щель.

– Пожалуйста, – умоляла она, сама не понимая, к кому обращены ее мольбы.

Но лицо Сартака вдруг стало удивительно спокойным.

Он оставил попытки протиснуться между стенками. Прекратил толкать застрявшее тело. Несарина покачала головой и снова дернула его за руку. Принц не шевельнулся. Тогда она посмотрела ему в глаза. Там не было ни капли страха. Потом Сартак сказал ровным, спокойным голосом:

– Я слышал рассказы шпионов хаганата о тебе – бесстрашной бальрунийской женщине, живущей в Адарланской империи. Тебя называли Стрелой Нейты. И я знал…

Несарина всхлипывала, продолжая тянуть его руку. Сартак нежно и ласково улыбался ей. Такой улыбки у него она еще не видела.

– Я полюбил тебя раньше, чем увидел, – признался он.

– Пожалуйста, – всхлипывала Несарина.

– Жаль, нам не хватило времени, – сказал он, сжимая пальцы.

У принца за спиной раздалось шипение. Блеснул черный панцирь.

Сартак исчез. Его руку вырвали из ее руки.

Будто его и не было никогда.

Слезы застилали Несарине глаза. Она шла дальше, протискиваясь между стенками прохода, перелезая через камни.

Руки гудели от напряжения. Удивительно, но больше она ни разу не поскользнулась.

«Идти и не останавливаться». Эти слова звучали у нее в крови и в костях, подгоняя и не давая передышки.

Идти дальше, чтобы выбраться отсюда и найти помощь.

Наконец проход расширился. Тяжело дыша, Несарина вышла в пространство, где можно было повернуться. Поднеся к лицу потные ладони, она содрогнулась: их густо покрывала кровь Сартака. Принц так и стоял у нее перед глазами.

Расширившийся проход вел дальше. Несарина побрела по нему. Фалкан высунул мышиную мордочку. Несарина всхлипывала, глядя на извертевшегося оборотня. За спиной послышался знакомый звук когтей, царапающих камень, и такое же знакомое шипение.

Все кончено. Можно сказать, она погубила Сартака. Сюда вообще нельзя было лететь. Или же – не втроем, а большим отрядом.

Несарина бросилась по изгибающему проходу. Из-под сапог разлетались обломки сланца. И вдруг ей вспомнились слова паучихи: «Мы проводим вас в наш дом»… Проводим. Значит… живыми. Их живыми доставят в паучье логово, и там начнется пиршество. Скорее всего, не сразу. Эти твари захотят поиграть со своими жертвами. Если паучиха не соврала…

Несарина хлопнула по карману. Фалкан недовольно запищал.

– Пока рано, – едва слышно произнесла она. – Потерпи еще немного, приятель.

Она замедлила шаг, потом и вовсе остановилась, шепотом излагая оборотню свой замысел.

Харанкаи и не пытались скрыть свое появление. Шипя и смеясь, они вывернули из-за угла и остановились, увидев Несарину.

Тяжело дыша, она стояла на коленях. Кровь сочилась из многочисленных порезов на руках и плечах. Весь воздух пропах ее кровью и отчаянием. Пауки, конечно же, заметили забрызганные кровью камни. Это Несарина тоже видела.

Внешне все выглядело так, словно она очень неудачно упала и не может идти дальше.

Цокая языками и оживленно переговариваясь, паучихи окружили ее. Возникла стена древних, отвратительно пахнущих лап, клыков и громадных раздутых животов. И конечно же, глаза. Больше глаз, чем она могла сосчитать. Везде – ее отражение.

Изображать дрожь Несарине не пришлось – ее трясло на самом деле.

– Жаль, что мы мало развлеклись, – посетовала одна паучиха.

– Потом наверстаем, – успокоила ее другая.

Несарину затрясло еще сильнее.

– Как свежо пахнет ее кровь, – вздохнула третья тварь. – И как чисто.

– П-пожалуйста, – запинаясь, произнесла Несарина.

Харанкаи лишь посмеялись.

Потом Несарину сильно толкнули в спину. Пригвоздили к каменному полу. Сланец царапал ей лицо и руки. В спину вонзились паучьи когти. Несарина закричала. Она сумела глянуть через плечо. Паучихи застыли над ее ногами. Из прядильных щелей уже полз шелк. Оставалось лишь скрутить его в веревки и крепко ее связать.

Очнулась Несарина от сильного укуса. Резко села, готовая закричать. Крик затих, когда она увидела, кто кусает ее за шею и ухо, пытаясь разбудить. Это был Фалкан. Несарина поморщилась. Голова гудела от всплесков боли. В горле стояла желчь.

Она пощупала голову. К счастью, паучьи зубы не оставили там отметин. Но она вся была опутана шелком, от нитей которого исходило такое же зловоние, как и от паучих. Несарина осмотрелась. Пещера, где она находилась… Нет, не пещера. Отрезок прохода, имеющий крышу. Сверху падал тусклый лунный свет.

Пятно света было узким, в нескольких шагах от него властвовала тьма. Каменная арка над головой не отличалась шириной – локтей тридцать, не больше. Потом взгляд Несарины снова упал на пол… Неподалеку, весь опутанный паучьим шелком, лежал Сартак. Лицо его покрывала корка крови. Глаза были закрыты. Но его грудь поднималась и опускалась.

Несарина едва удержалась, чтобы не заплакать. Фалкан, выбравшийся на свободу, перегрызал нити своими острыми мышиными зубками. Подгонять оборотня не требовалось. Несарина разглядывала проход и неяркие звезды в далеком небе.

Их с Сартаком перенесли в другое место. Стены здесь были гладкими. Отполированными и покрытыми резными знаками и изображениями: незатейливыми и очень древними.

Фалкан неутомимо грыз паучий шелк. Нить за нитью.

– Сартак, – шепотом позвала Несарина. – Сартак!

Принц даже не шевельнулся.

Сзади послышалось ненавистное царапанье когтей по камню.

– Повремени, – шепотом приказала Фалкану Несарина.

Оборотень послушно замолк и спрятался в складках ее доспехов.

Трудно сказать, появилась ли паучиха сзади или, наоборот, спереди. Несарина не знала, в какой стороне здесь север. Не знала она и где они сейчас находятся: в том проходе или на вершине другой горы.

Эта паучиха была несколько крупнее остальных и гораздо чернее, словно звездный свет избегал даже прикасаться к ней.

Заметив, что Несарина смотрит на нее, харанкаиха остановилась.

Несарина успокаивала дыхание, лихорадочно придумывая хоть какую-нибудь уловку, чтобы выиграть время. Себе, Сартаку и

Фалкану…

– Так вот кого занесло в забытые и запретные места, – красивым звучным голосом произнесла паучиха, говорившая на халхийском.

Несарина делала глотательные движения, пытаясь смочить язык остатками слюны. Напрасно. Язык оставался шершавым, как кусок необработанного пергамента. Понимая, что паучиха ждет ответа, она сказала:

– Да.

– И чего же вы ищете?

Фалкан ущипнул Несарину за спину. То было предостережение и молчаливый приказ всячески отвлекать противницу, пока он перегрызает оставшиеся нити.

– Нам заплатил один торговец. Он торговал с вашими сестрами на Северном континенте. Там их называют стигианскими пауками.

– Сестрами? – сердито зашипела паучиха. – У нас с ними родство по крови, но никак не по духу. Мягкосердечные дуры – вот они кто! Торгуют со смертными. Торгуют, когда мы рождены, чтобы пожирать вас.

У Несарины дрожали руки, связанные за спиной.

– П-потому он нас и послал с-сюда. Они его р-разочаровали. Г-говорил, что они не с-соответствуют легендам…

Несарина сочиняла на ходу, не зная, куда заведет ее это вранье.

– Он велел нам разыскать вас и узнать… может, с вами т-торговля пойдет успешнее.

Фалкан добрался до ее связанных рук. Пусть и малое, но все же утешение.

– Торговать? Нам нечем торговать… разве что костями ваших сородичей.

– Значит, в здешних местах нет паучьего шелка?

– Нет. Но мы с удовольствием угостимся твоими мечтаниями. И твои годы – тоже неплохой деликатес. А потом тебе настанет конец.

Может, они уже попировали на Сартаке? Не это ли причина его неподвижности?

Мышиные зубы Фалкана грызли не так быстро, как требовалось Несарине.

– Тогда зачем вы здесь? – спросила Несарина, продолжая тянуть время.

Паучиха сделала шаг в ее сторону. Несарина замерла, опасаясь, что вопрос оборвет ей жизнь. Но паучиха подняла тонкую когтистую лапу и указала на одну из сверкающих стен:

– Мы ждем.

Глаза Несарины успели привыкнуть к темноте. Она увидела, куда указывала лапа паучихи. Резная арка. Ворота. И фигура, закутанная в плащ.

Несарина прищурилась, стараясь разглядеть, кто же изображен на воротах.

– К-кого вы ждете?

Хулуна рассказывала, что когда-то валги проходили через эти места.

Лапа паучихи смела корку сора, покрывавшую фигуру. Несарина увидела длинные волнистые волосы. А то, что она приняла за плащ, оказалось платьем.

– Нашу королеву, – ответила паучиха. – Мы ждем момента, когда ее темное величество наконец-то вернется.

– Значит, не Эраван?

Хулуна говорила о слугах темной короны…

Паучиха плюнула. Комок ядовитой слюны упал возле ног Сартака, плотно опутанных шелком.

– Нет, не он. Стали бы мы его ждать.

– Тогда кто?

– Мы ждем королеву валгов, – с благоговением произнесла паучиха, продолжая очищать резное изображение. – В вашем мире ее зовут Маэвой.

49

Королева валгов.

– Маэва – королева народа фэ, – осторожно возразила Несарина.

– Она заставила их в это поверить, – негромко и зловеще рассмеялась паучиха.

«Думай, – мысленно приказала себе Несарина. – Думай. Думай».

– В таком случае… какая же она могущественная королева, если правит и фэйцами, и валгами, – заплетающимся языком произнесла Несарина.

Фалкан яростно грыз нити. Они поддавались, но медленно. Слишком медленно.

– Расскажешь мне ее историю?

Паучиха смерила ее взглядом. Глаза твари были бездонными, будто вели прямо в ад.

– Этим, смертная девчонка, ты не спасешь свою жизнь.

– Я з-знаю. – Несарину затрясло еще сильнее. Слова

выкатывались из нее, как камешки. – Но истории… Я всегда любила истории. Особенно об этих краях. Мама звала меня «искательницей ветра», потому что я всегда устремлялась туда, куда меня звал ветер. Я всегда мечтала оказаться в краю, о котором слушала. И вот… ветер принес меня сюда. Я бы с удовольствием послушала последнюю историю. Это скрасит мой конец.

Паучиха задумалась. Потянулись секунды. Потом она устроилась под аркой Врат Вэрда.

– Считай это моим подарком за то, что у тебя хватило смелости просить.

Несарина промолчала. Удары сердца отзывались во всем ее теле.

– Давным-давно, – начала своим красивым мелодичным голосом паучиха, – в другом мире, в другой жизни существовала земля, где было холодно, темно и ветрено. Правили ею трое королей, искусных по части плетения теней и причинения боли. Трое братьев. Мир не всегда был таким. Он и не создавался таким. Но они затеяли большую, неслыханную войну. Такую, чтобы положить конец всем войнам. И братья победили в той войне. Все, что они завоевали, превратилось в бесплодную пустыню, но для живущих во тьме это был рай. Правили братья целых тысячу лет, равные по силе и власти. Их сыновья и дочери расселились повсюду, дабы упрочить власть отцов. Так продолжалось, пока не появилась королева. Ее сила была подобна новой темной песне, прозвучавшей в мире. А какие удивительные, чудесные дела могла она творить своей силой. Обворожительно ужасными были эти дела…

Паучиха вздохнула:

– Все трое королей возжаждали ее. Докучали ей, уговаривали. Но в союз она вошла только с самым сильным из них.

– С Эраваном, – догадалась Несарина.

– Нет. То был Оркус – старший из валгских братьев-королей. Маэва стала его женой, но не обрела удовлетворения. Имея неугомонную натуру, наша королева долгими часами раздумывала над загадками мира, в котором жила, и тайнами других миров. Обладая многочисленными способностями, она нашла способ заглянуть в другой мир. Она прорвала завесу между мирами. И увидела, что мир, куда она попала, полон зелени, света и песен.

Паучиха плюнула, словно ей самой все это было ненавистно.

– И вот однажды, когда Оркус отправился проведать братьев, она прошла в щель между мирами. Покинула свой и оказалась в другом.

– К-как? – спросила Несарина, чувствуя, как холодеет кровь.

– Она была очень наблюдательной. И потом, она знала о подобных щелях между мирами. Эти щели – нечто вроде двери, которую можно открывать и закрывать по своему желанию, если знаешь нужные слова.

Черные глаза паучихи вспыхнули.

– Мы пришли вместе с нею. Ее любимые служанки. Вместе с нею мы оказались в этом месте. Вот здесь.

Несарина взглянула на полированные каменные стены. Даже Фалкан перестал грызть и тоже вперился в них мышиными глазками.

– Она велела нам остаться и сторожить ворота, дабы никто не посмел ее преследовать. Она решила, что не хочет возвращаться назад – к своему мужу, в тот мир. И она пошла познавать этот. Миновало сколько-то времени, и до нас стали долетать отголоски сведений от наших сестер и младших сородичей.

Паучиха умолкла.

– Каких сведений? – спросила Несарина, боясь, что рассказ на этом оборвется.

– О том, что сюда прибыл Оркус и оба его брата. Оркус узнал об исчезновении жены и сумел понять, как она это сделала. Он превзошел ее и отыскал способ управлять переходом между мирами. Для этого Оркус изготовил Ключи – себе и братьям. Три Ключа для трех королей.

Паучиха снова умолкла. Несарина сжалась.

– Они переходили из мира в мир, открывая Врата по своему желанию. Они приводили с собой армии и обращали в пустыни и развалины миры, где они искали королеву. Так продолжалось, пока они не попали в этот мир.

– И короли нашли ее? – шепотом спросила Несарина.

– Нет, – ответила паучиха, и в ее голосе Несарина ощутила торжество. – Ее темное величество покинула эти горы, нашла иные земли и хорошо подготовилась. Она знала, что однажды ее найдут, и решила спрятаться у всех на виду. Она нашла красивый народ, почти бессмертный, которым управляли две сестры-королевы.

Мэба и Мора. Несарина поняла, что речь идет о них. Боги милосердные!

– С помощью своих способностей наша королева проникла в их разум. Заставила их поверить, что у них есть старшая сестра, которая правит вместе с ними. Три королевы… как раз для трех королей, которые однажды могут появиться. Когда они вернулись в свой дворец, Маэва внушила те же мысли всем, кто там обитал. И всем, кто туда приходил и приезжал. Словом, укоренила мысль

о том, что третья королева всегда существовала и всегда правила. А если кто-то пытался ей сопротивляться, она находила способы уничтожить противников.

Паучиха снова усмехнулась. Чувствовалось, ее восхищали все поступки и замыслы королевы.

Несарина слышала легенды о темной, неведомой силе Маэвы. О тьме, способной пожирать звезды. О том, что за фэйским обличьем Маэвы всегда ощущалось нечто темное и смертельно опасное. Легенды повествовали о ее необычайном долголетии. Она жила значительно дольше любого фэйца. Долгожительством она могла сравниться только с… Эраваном.

Необычайно долгая жизнь, свойственная валгам. Валгская королева – не исключение.

Паучиха в очередной раз умолкла. Фалкан почти добрался до рук Несарины, но их стягивало слишком много паучьих нитей.

– Значит, валгские короли появились в нашем мире и не знали, кто противостоит им в войне? – спросила Несарина.

– Вот именно, – воркующим голосом подтвердила паучиха. – Она спряталась в фэйском теле, и эти глупцы ее не узнали. Зато она превратила их неведение в мощнейшее оружие. Она знала, как действуют их армии и где можно наносить самые ощутимые удары. А когда Маэва узнала про Ключи, она пожелала завладеть ими. Ее целью было изгнать королей или, что еще лучше, убить их и пользоваться Ключами так, как она сочтет нужным. И в этом мире, и во всех прочих мирах.

– Она завладела Ключами? – спросила Несарина сбившимся голосом.

– Разумеется. Пробралась и взяла. Окружила себя отборными фэйскими воинами, чтобы ее не спрашивали, откуда она столько всего знает. Наша королева с ее проницательным умом заранее предвидела подобные вопросы и отвечала, что общалась с неким духом мира и тот ей раскрыл местонахождение Ключей. Но она… знала. Знала устройство военных лагерей. Знала особенности характера каждого из трех королей. Словом, она выкрала Ключи. Двух королей, в том числе и Оркуса, она сумела отправить за пределы этого мира. Оставался третий, самый младший, который горячо любил братьев. Но перед тем, как изгнать и его, королева лишилась Ключей. Их у нее отобрали.

Паучиха негодующе зашипела.

– Брэннон, – шепнула Несарина.

– Да. Огненный король. Он видел в Маэве тьму, но сути не распознал. Он подозревал, догадывался, да только что́ он знал о нашем народе? Он видел лишь валгов-мужчин: солдат, слуг, принцев и королей. Откуда ему знать, что валгская женщина…

насколько удивительна валгская женщина и как она не похожа на валгов-мужчин. Даже Брэннон попался в ее сети. Она проникла в его разум и сумела пустить его мысли по безопасному для нее руслу. Даже сейчас, – восхищенно засмеялась паучиха. – Даже сейчас его докучливый дух не знает правды. Ему это грозит погибелью и остальным – тоже.

Горло Несарины вновь наполнилось желчью. Аэлина! Террасенская королева и не подозревала, что обречена.

– И хотя Брэннон не сумел докопаться до истинного происхождения нашей королевы, он знал, что его огонь… Она очень боялась его огня. И все настоящие валги боялись.

Несарина крепко запомнила эту важную особенность.

– Брэннон отправился на другой континент и там создал свое королевство. Маэва строила свои линии обороны. Много хитроумных линий на случай, если Эраван вдруг снова поднимется и обнаружит, что жена брата, которую он помогал ему искать, завоевывая миры, все это время находилась здесь, собирала фэйские армии и стравливала их между собой.

Паучиха, соткавшая чудовищную паутину, – вот кем была Маэва.

Фалкан торопливо перегрызал последние нити, стягивающие запястья Несарины. Сартак, лежащий в нескольких шагах от паучихи, по-прежнему был без сознания.

– Значит, вы тысячи лет ждали ее возвращения в эти горы?

– Она приказала нам оборонять проход и стеречь Врата. Мы выполняли и будем выполнять ее приказ, пока она снова не призовет нас к себе.

У Несарины голова шла кругом. Маэва… О Маэве она будет думать потом. Если они выберутся отсюда.

Она легонько толкнула Фалкана пальцами. Повинуясь сигналу, оборотень соскользнул с нее и растворился в темноте.

– Теперь ты знаешь, как и почему здесь появился Черный дозор. – Паучиха стремительно поднялась. – Надеюсь, Искательница Ветра, эта история скрасила твой конец.

Открыв рот, Несарина вращала освобожденными запястьями. Руки затекли, и нужно было как можно быстрее вернуть им подвижность. Паучиха направилась к ней.

– Сестра, – прошипел из темноты другой женский голос. – Сестра, есть разговор.

Паучиха остановилась, повернулась на голос. Ее внушительный живот колыхался.

– Что там еще? – спросила она.

Несарина уловила оттенок страха.

– Неожиданное затруднение, сестра. Даже угроза.

Паучиха подскочила к соплеменнице:

– Говори, не тяни.

– С северной стороны на горизонте замечены рукки. Не меньше двадцати.

– Охраняй смертных, – прошипела паучиха. – Птичками я сама займусь.

Когти паучихи застучали по сланцу. Несарина сгибала и разгибала онемевшие пальцы. У нее колотилось сердце.

– Сартак, – прошептала она.

Его глаза открылись. Живые. Спокойные.

Появилась другая паучиха. Эта была поменьше предводительницы. Сартак напрягся всем телом, словно хотел разом вырваться из шелковых пут. Но паучиха лишь шепнула ему:

– Поторапливайся.

50

Услышав голос Фалкана, исходящий из отвратительной пасти харанкая, Сартак успокоился.

Несарина полностью высвободила руки из обрывков паутины, успевших больно врезаться ей в кожу. Должно быть, у Фалкана вообще свело челюсти и язык.

Мышонок исчез. Над Сартаком навис паук, разрывая когтями слои шелка, которыми был опутан принц. Освобождение, увы, не обошлось без боли и крови.

– Быстрее, – поторапливал их оборотень. – Ваше оружие в том углу.

Несарина заметила слабый лунный отблеск, играющий на изгибе ее лука и серебряной поверхности астерионского короткого меча.

За считаные минуты Фалкан справился с путами Сартака. Принц вскочил на ноги, сбрасывая с себя остатки паутины. Его шатало. Пришлось опереться о камень. Он был весь перепачкан кровью.

Но Сартак тут же подбежал к Несарине и принялся рвать нити, связывавшие ее ноги.

– Они тебя не покалечили? – спросил он.

– Быстрее, – требовал Фалкан, – глядя на арку у себя за спиной. – Очень скоро эта паучиха убедится, что сюда никто не летит.

Сартак оборвал последние нити и поставил Несарину на ноги.

– Ты слышал, что́ она рассказывала про Маэву?

– Слышал, – коротко ответил принц, подавая Несарине лук, колчан и фэйский меч. – Куда бежать? – спросил он у Фалкана, поднимая с пола свое оружие.

Оборотень устремился вперед, мимо вырезанного изображения Маэвы:

– Сюда. Здесь склон, ведущий вверх. Мы на другой стороне прохода. Если сумеем забраться достаточно высоко…

– Кадару видел?

– Нет, – ответил оборотень. – Но…

Им было некогда дослушивать его ответ. Стараясь двигаться бесшумно, Несарина и Сартак выбрались из крытой части в открытую, залитую звездным светом. Казалось, каменный проход, начавшись у подножия гор, вел прямо к звездам.

Подниматься было непросто. Обломки сланца под ногами скользили, замедляя продвижение. Откуда-то из-за горы донесся пронзительный крик, похожий на крик рукки. Но в небе были только звезды и никаких признаков Кадары.

Поскорее бы достичь вершины! Оттуда можно будет хоть что-то увидеть.

– Огонь, – прошептала Несарина. – Паучиха говорила, что все валги ненавидят огонь. Значит, и эти твари тоже.

Для пауков, пожирающих жизнь и души… Они были такими же валгами, как Эраван. Явились из той же темной преисподней.

– Доставай кремень, – велела принцу Несарина. – Он у тебя в кармане, если они не вытащили.

Вершина горы была совсем узкой, похожей на изогнутый рог.

– Кремень на месте. Но что мы будем поджигать? – спросил Сартак, глядя на ее стрелы. – Мы заперты здесь. Вряд ли это даст нам преимущества.

Несарина молча убрала стрелу, повесила лук на плечо, затем сунула руку под свои доспехи и выдернула лоскут из подола рубашки. Лоскут она разорвала пополам и одной половиной обмотала древко стрелы.

Кремень в кармане Сартака уцелел, но куда-то делась трутница.

– Сама эта тряпка не загорится, – сказала Несарина.

Сверкнул нож, и в протянутой руке принца оказалась часть его косы. Не мешкая, Несарина обмотала косу вокруг ткани. Сартак раз за разом ударял кремнем по кресалу. Искры разлетались и гасли.

Одна из искр достигла цели. Волосы начали тлеть и вспыхнули. А внизу, двигаясь вплотную друг к другу, к ним спешили паучихи. Не меньше двух десятков.

Несарина вложила стрелу, оттянула тетиву. Стрела полетела

не в паучих, а в небо, туда, где мерцали холодные звезды.

Паучихи остановились, настороженно следя за полетом стрелы. Та достигла зенита и стремительно понеслась вниз.

– Давай еще, – сказала Несарина, наматывая тряпку на древко второй стрелы.

В колчане оставались три последние. Сартак срезал еще часть косы, поместил ее возле наконечника стрелы. Снова посыпались искры, снова вспыхнуло и разгорелось пламя. Видя, что первая стрела заставила паучих отступить, Несарина выпустила вторую.

Паучихи смотрели только вверх, забыв смотреть вперед. Предводительница, рассказавшая Несарине историю Маэвы, оторопела. И не напрасно. Горящая стрела Несарины глубоко вонзилась в живот паучихи. От истошных воплей предводительницы задрожали камни.

– Еще, – потребовала Несарина, вытаскивая третью стрелу.

Сартак отрывал лоскут от своей рубашки.

– Быстрее! – торопила его Несарина.

В тот момент она не думала, что отсюда им никуда не выбраться, а огненные стрелы лишь на время задержат атаку паучих.

Фалкан следил за испуганными паучихами. Те толпились возле предводительницы. Мелодичный голос исчез. Она кричала, сыпала ругательствами и требовала погасить огонь.

– Не мешкай, – сказала Фалкану Несарина. – Если собираешься в кого-то превращаться, делай это сейчас.

Оборотень повернулся к ним. Паучья морда внушала отвращение, пусть они и знали, что это Фалкан. Сартак срезал еще одну часть косы для третьей стрелы.

– Я их задержу, – пообещал Фалкан.

Искры воспламенили третью стрелу.

– Капитан, исполни мою просьбу, – вдруг сказал Несарине оборотень.

Какие просьбы? У них не оставалось времени.

– Когда мне было семь, мой старший брат сошелся с какой-то рафтхольской беднячкой. Жениться на ней он не собирался, а когда та женщина родила дочку, бросил обеих. Это произошло двадцать лет назад. Когда я вырос и стал заниматься торговлей, я приехал в Рафтхол и стал повсюду искать племянницу. Ее я не нашел, зато разыскал ее мать. Увы, уже при смерти. Она едва шевелила языком. Оказалось, что дочку она выгнала и вычеркнула из жизни. Я спросил имя племянницы. Ее мать умерла, не успев мне ответить.

У Несарины дрожали руки. Она целилась в паучиху, пытавшуюся обойти горящую соплеменницу.

– Стреляй! – торопил Несарину Сартак.

– Если моя племянница выжила и выросла, думаю, что и она унаследовала способности оборотня. Но мне все равно, есть они у нее или нет. Важно другое… Она моя родня. То, что у меня осталось от семьи. Я так долго ее искал.

Несарина выпустила третью стрелу. Еще одна паучиха закричала от боли и ужаса, получив огненный подарок.

– Найди ее, – попросил Фалкан, делая шаг к скопищу паучих. – Мое богатство целиком принадлежит ей. При жизни нам с племянницей было не суждено встретиться. Но мне будет легче умереть, зная, что ее найдут, о ней позаботятся.

Несарина открыла рот, сомневаясь, что оттуда вырвется хоть одно слово.

Фалкан прыгнул вниз и оказался прямо перед горящими паучихами.

Сартак схватил Несарину за локоть, указывая на отвесную скалу:

– Там…

Сартак оттеснил Несарину назад и выхватил меч. Она чуть не упала, отчаянно пытаясь устоять. Какая-то паучиха решила перехитрить людей и подобралась к ним с другой стороны. Она злобно шипела, оскалив пасть. С клыков капал яд.

Взмахнув передними лапами, паучиха бросилась на Сартака. Принц отскочил в сторону и ударил мечом по ближайшей лапе. Хлынула черная кровь. Паучиха взвыла, однако успела глубоко вонзить коготь Сартаку в бедро.

Несарина повернулась. Ее четвертая стрела влетела паучихе в глаз. Следом полетела пятая и последняя – в открытую пасть. Тварь закричала и перекусила стрелу пополам. Бросив лук, Несарина выхватила фэйский меч и загородила Сартака. Снизу доносились крики харанкаев. Несарина не решалась взглянуть на сражающегося Фалкана. Если он еще сражался.

Несарину отделяло от паучихи только лезвие меча, по которому растекался лунный свет. Раненая паучиха двинулась к ней. Несарина отступила. Сартак силился подняться и встать рядом.

– Я заставлю тебя просить о смерти, – злобно произнесла паучиха, делая еще шаг.

Она остановилась, приготовившись к прыжку.

«Рассчитай удар, – приказала себе Несарина. – Бей наверняка».

Паучиха прыгнула и… кувырком полетела вниз, сброшенная яростно клекочущей темной руккой.

Не Кадарой. Аркасой, в седле которой восседала Борта.

Аркаса превратилась в вихрь гнева. Взмыв вверх, она тут же стала снижаться. Эхо многократно повторяло боевой клич Борты. Рукка понеслась к харанкаям, чтобы вызволить одного. Он был единственным, у которого из ран лилась красная кровь.

Ночную тьму прорезал еще один пронзительный крик. Этот голос Несарина знала не хуже собственного. Кадара! Рукка Сартака торопилась к ним. За нею летели еще две птицы.

Несарине показалось, что Сартак всхлипнул. В этот момент одна из птиц, летевших сзади, нырнула вслед за Бортой и врезалась в ряды харанкаев. Несарина успела заметить темно-коричневое, почти черное оперение и молодого парня в седле.

Еран.

Второго всадника она не знала. Золотистые перья Кадары были забрызганы кровью, но рукка летела уверенно. Похоже, Кадара задумала какой-то маневр, и другая птица ей в этом помогала.

– Не шевелись и не бойся выпасть, – шепнул Сартак, дотронувшись до щеки Несарины.

Луна освещала его лицо, покрытое коркой грязи и крови. По глазам чувствовалось, что ему больно. Однако…

Еще через мгновение луну заслонила стена крыльев и растопыренных когтей. Эти когти схватили Несарину за талию и подняли в воздух. Когти второй лапы проделали то же с Сартаком, и могучая птица взмыла в воздух.

Вокруг гремел и рокотал ветер, но рукка поднялась еще выше. Кадара замкнула строй, охраняя тылы. Коса Несарины давно расплелась. Волосы мешали смотреть, но поправлять их Несарина не решалась. Повернув голову, она взглянула на проход, усеянный огненными точками.

Борта и Еран поднимались в небо. В когтях его рукка застыло неподвижное паучье тело. Однако Борта не считала миссию законченной. Вскоре из ее лука вылетела огненная стрела. Не вниз. Вверх.

«Сигнал», – догадалась Несарина. Окружающее пространство наполнилось хлопаньем крыльев. Стрела Борты не погасла. Она упала в паутину, и та вспыхнула огненной цепью. А в небо взвились сотни огненных стрел.

Сюда прилетела едва ли не целая армия руккинов. И каждый всадник пускал огненную стрелу.

Это было похоже на звездопад. Стрелы разрывали тьму Дагульских гор. Они падали на паутину и деревья. И везде вспыхивали новые очаги пожара.

Так продолжалось, пока вокруг не стало светло. Пока воздух не наполнился дымом вперемешку с криками, несущимися с горных склонов и со стороны леса.

Воздушная армия повернула на север. Несарина дрожала, хватаясь за когти, которые крепко держали ее. Сартак перехватил ее взгляд. Ветер трепал непривычно короткие волосы принца. Зарево придавало его ранам на лице, шее и руках зловещий оттенок. Кожа Сартака потеряла обычный румянец. Губы побледнели. В глазах читалась неимоверная усталость и такое же неимоверное облегчение. Но он… улыбался. И ветер переносил слова принца, обращенные к Несарине.

Ей было не отвести глаз от него. И не хотелось. Она молчала и тоже улыбалась.

А позади полыхали Дагульские горы. И никто не знал, когда погаснет этот пожар.

52

Рано утром Шаол и Ириана поспешили вернуться в Антику. Они оставили Хасаре записку с благодарностью за праздник и объяснением, что Ириане нужно следить за состоянием тяжелобольного пациента. Солнце только всходило, когда они уже неслись по пустыне.

Оба почти не спали, но если их предположение о целителях было верным, дорога́ каждая минута.

У Шаола еще от вчерашней поездки болела спина. К этому добавились и события минувшей ночи, где он неоднократно совершал движения иного рода. Когда впереди появились белые стены и минареты Антики, Шаол тихо застонал сквозь зубы.

Пока ехали по запруженным улицам во дворец, Ириана поглядывала на его спину и хмурилась. Они не обсуждали, где проведут следующую ночь, но Шаол не возражал пройти все многочисленные ступеньки лестницы Торры, чтобы оказаться в комнате Ирианы. Пусть выбирает, в чьей постели они будут спать. Сама мысль о том, чтобы расстаться с нею хотя бы на несколько минут, была для него невыносима.

Морщась, Шаол слез с Фараши. Черная кобыла вела себя подозрительно спокойно – возможно, радовалась возвращению в дворцовую конюшню. Подошедший конюх подал ему трость, достав ее из-за седла Ирианы.

Шаол подошел к ней. Его хромота заметно усилилась. Ириана предостерегающе махнула рукой:

– Только не вздумай снимать меня с лошади, нести на руках

и… все остальное.

Шаол подчинился, однако лукаво посмотрел на нее и спросил:

– И даже «все остальное»?

Ириана слегка покраснела. Она спешилась и отдала поводья конюху. Тот явно обрадовался, что ему не придется вести в конюшню норовистую Фарашу. Черная кобыла поглядывала на другого конюха, которому выпала эта участь. «А не закусить ли мне им?» – было написано на лошадиной морде. Нет, ее точно сотворили в кузницах Хелласа.

– Да, и «все остальное», – ответила Ириана, расправляя складки. – Сдается мне, как раз из-за «всего остального» ты сегодня и хромаешь сильнее обычного.

Шаол пошел рядом с нею и, рискуя сломать трость, все же поцеловал Ириану в висок. Ему было ровным счетом наплевать на то, что кто-то это увидит и кому-то донесет. Пусть все эти шпионы и доносчики отправляются в преисподнюю. Но честное слово, он спиной чувствовал, как Шен и другие караульные улыбаются во весь рот.

– Тогда, Ириана, ты поскорее меня исцели, – подмигнул он ей. – А то у меня на эту ночь намечено великое множество «всего остального».

Ириана покраснела еще сильнее, однако чопорно вскинула голову:

– Вообще-то, олух, мы спешили сюда из-за свитков. Ими вначале и займемся.

Шаол тоже улыбнулся во весь рот. Наверное, так он улыбался только в раннем детстве. Каждый уголок его саднящего тела ощущал эту улыбку.

Их радость была недолгой.

Едва они свернули в ту часть дворца, где находились покои Шаола, он почувствовал неладное. О чем-то перешептывались караульные. Слуги не поднимали головы, торопясь проскочить мимо. Ириана тоже это почувствовала. Переглянувшись, они прибавили шагу. Естественно, насколько позволяли ноги Шаола. А его ноги уже горели огнем, и каждый шаг посылал волны боли в спину и бедра. Но если что-то случилось…

Входная дверь была приоткрыта. Двое караульных, стоявших напротив, посмотрели на него с сочувствием и ужасом. У Шаола свело живот.

Первая мысль была о Несарине. Если она вернулась. Если с нею что-то произошло… валг, охотящийся за ними…

Шаол почти вбежал внутрь. Страдания тела отошли на

задний план. В голове установилась звенящая тишина.

Дверь в спальню Несарины была распахнута… и только. Ни мертвого тела на кровати, ни пятен крови на стенах и ковре.

Его спальня тоже пустовала. Но в обеих комнатах все было перевернуто вверх дном. Казалось, на дворец обрушился ураган, который разбил окна и учинил разгром внутри.

Заглянув в гостиную, Шаол и вовсе оторопел. Золотистая обивка дивана была вспорота. Картины – сорваны со стен. Вазы и безделушки – сметены на пол, покрыты трещинами или разбиты.

Все, что находилось на поверхности и в ящиках письменного стола, частично исчезло, а частично валялось на полу. Роскошные ковры во многих местах были загнуты.

В углу на коленях стояла Каджа, собирая куски разбитой вазы.

– Осторожно! – крикнула ей Ириана, увидев, что служанка собирает осколки голыми руками. – Лучше возьми тряпку и метелку с совком.

– Кто это сделал? – тихо спросил Шаол.

Каджа поднялась. В глазах сквозил страх.

– Утром, когда я пришла… это уже было.

– И ты ничего не слышала? – недоверчиво спросила Ириана.

Нескрываемое сомнение в голосе Ирианы заставило Шаола напрячься. Она никогда не доверяла служанке, придумывала нелепые поручения, только бы услать Каджу из покоев. Но чтобы Каджа могла одна учинить такой разгром…

– Господин Эстфол, я не ночевала во дворце. Раз вы уехали, я пошла навестить родителей и осталась у них.

Шаол постарался не скривиться. Он ведь ни разу не спросил, есть ли у нее семья, родственники.

– И твои родители могут клятвенно подтвердить, что вечер и ночь ты провела у них?

– Ириана! – не выдержал Шаол.

Ириана даже не взглянула на него. Она пристально смотрела на Каджу. Служанка сникла, не выдержав сурового взгляда целительницы.

– Было бы куда разумнее оставить дверь незапертой. И для непрошеных гостей легче.

Каджа сжалась, понурив плечи.

– Ириана, сюда могли вторгнуться откуда угодно. И кто угодно.

– Да, кто угодно. Особенно тот, кто что-то ищет.

Что ж, слова Ирианы правдоподобно объясняли причину этого хаоса.

– Не надо ничего здесь убирать, – сказал служанке Шаол. –

Пусть знающие люди посмотрят. Быть может, поймут, кто все это учинил. Кстати, ты много успела прибрать?

Судя по состоянию гостиной, не много.

– Я только начала. Думала, вы раньше вечера не вернетесь, и потому…

– Ты не волнуйся. – Шаолу стало жаль съежившуюся Каджу. – Сходи к родителям. Пусть у тебя будет второй выходной. Хорошо, что тебя не было, когда сюда вломились.

Ириана выразительно посмотрела на него. «А ты не думаешь, что из-за этой девчонки все и случилось?» – говорил ее взгляд. Однако вслух она ничего не сказала. Не прошло и минуты, как служанка ушла, тихо закрыв входную дверь.

– Они забрали все! – чуть не плача, воскликнула Ириана. – Понимаешь? Все.

– Все ли? – спросил Шаол.

Он похромал к письменному столу, оперся о крышку, глядя на распотрошенные ящики. Спина отчаянно болела.

Ириана подскочила к золотистому дивану, подняла вспоротые подушки:

– Все эти книги, свитки…

– Наш отъезд не был тайной.

Шаол привалился к столу. Спине сразу стало легче.

Ириана проверила все места, где она прятала книги и свитки:

– Все забрали. Даже «Песню Начала».

– А в спальне?

Ириана выбежала из гостиной. Шаол, как мог, растирал саднящую спину, кряхтя от боли.

– Надо же! – донеслось из спальни.

Ириана вернулась, размахивая его сапогом:

– Хоть это не унесли.

Первый из найденных свитков.

– Спасибо, что оставили, – невесело усмехнулся Шаол.

Ириана прижимала к груди его сапог, словно ребенка:

– Наши противники становятся все отчаяннее. Мы подвергаем риску других. Нам нельзя здесь оставаться.

– Ты права, – согласился Шаол, оглядывая следы учиненного погрома.

– Тогда без промедления отправимся в Торру.

Взгляд Шаола упал на открытую дверь спальни Несарины.

Вскоре истечет второй трехнедельный срок, и она вернется. А вернувшись, обнаружит, что он исчез. Ушел с Ирианой… Шаола вновь начала грызть совесть. С Несариной он обращался немногим лучше, чем со служанкой. Забыл все свои обещания; всё, о чем говорил ей в Рафтхоле и на корабле. Пусть Несарина и

не требовала от него выполнения обещаний, он их столько нарушил.

– В чем дело? – шепотом спросила Ириана.

Шаол закрыл глаза, чувствуя себя придурком и мерзавцем. Он притащил Несарину сюда и, по сути, обманул. Пока она, рискуя жизнью, искала ответы, пока цеплялась за любую возможность собрать армию… Нужно немедленно отправить ей сообщение. Пусть возвращается как можно скорее.

– Ты вот что… Думаю, тебе лучше отправиться в Торру и заночевать там. Здесь теперь все подходы охраняются. Едва ли кто-то сунется.

Увидев изменившееся лицо Ирианы, он торопливо добавил:

– Не хочу, чтобы наши враги думали, будто я испугался и сбежал. И потом, дети хагана начали проявлять ко мне интерес. Действия Аэлины беспокоят их и заставляют теряться в догадках. Надо попробовать воспользоваться их беспокойством.

Он перебрасывал трость из одной руки в другую, чувствуя, что его слова не слишком-то убедили Ириану.

– Я останусь здесь. А ты возвращайся в Торру.

Ириана хотела возразить, но сдержалась. Она расправила плечи. Глаза холодно блеснули.

– Тогда я сама отнесу свиток Хазифе.

Шаол кивнул, но ему было ненавистно слышать металлические нотки в ее голосе и смотреть на погасшие глаза. Он ведь и с Ирианой повел себя не так, как надо. Завел их отношения слишком далеко, не обговорив все с Несариной. Запутался сам и их обеих запутал.

Дурак. Как же глупо было думать, что он может подняться выше этого. Уйти от себя прежнего и от прежних ошибок.

Одно слово – дурак.

53

Ириана неслась вверх по винтовой лестнице Торры, старясь не помять драгоценный свиток. По дороге сюда и сейчас она думала о Шаоле. Его потряс разгром, устроенный в покоях. Ее тоже потряс, однако Шаолом двигал не страх, что его могут покалечить или убить. Нечто иное.

Левая рука Ирианы сжала медальон, чувствуя тепло, исходящее от серебряной поверхности.

Они с Шаолом приблизились к открытию чего-то важного – того, что их противники хотели сохранить в тайне. Ставленники валгов или иные враждебные силы это знали. Во всяком случае,

подозревали, почему и решились уничтожить все вероятные источники знаний. А после прогулки к развалинам в самом сердце Аксарского оазиса…

Ириана постаралась успокоиться. Нельзя разговаривать с Хазифой в таком состоянии. Она остановилась на последней ступеньке, отирая пот со лба. Жара никак не хотела уходить из Антики.

Хазифу она застала в личной мастерской. Ворча себе под нос, та готовила какое-то снадобье. Из склянки с кипящей жидкостью шел густой дым.

– Здравствуй, Ириана, – произнесла Хазифа, даже не обернувшись, поскольку в этот момент по каплям добавляла в свое варево другую жидкость.

Рабочий стол был заставлен склянками, круглыми и продолговатыми мисками. Тут же лежали раскрытые книги, между которыми поблескивало несколько песочных часов в бронзовых оправах, позволявших измерять разные отрезки времени.

– Как прошел твой праздник?

– Прекрасно, – ответила Ириана, хотя у нее на языке вертелось другое слово.

– Полагаю, этот молодой господин наконец отдал тебе свое сердце.

Ириана кашлянула.

Хазифа подняла голову.

– Я так и знала, – улыбнулась она.

– Мы не… то есть ничего официального.

– Судя по медальону, я бы так не сказала.

Ириана зажала в руке медальон. Щеки у нее покраснели.

– Он не… тут ничего особенного.

Хазифа изумленно посмотрела на нее. Ириана начинала терять самообладание. Не хватало еще, чтобы в Торре начали судачить о ее жизни и биться об заклад, как скоро там наступят перемены.

– Он посланец Адарлана, – пробормотала Ириана, как будто это что-то объясняло.

– Ну и что?

– А то, что он… оттуда.

– Я думала, ты уже это преодолела, – покачала головой верховная целительница.

Возможно, да. А может, и нет.

– Здесь не о чем беспокоиться.

– Вот и хорошо, – понимающе улыбнулась Хазифа.

Ириана шумно втянула воздух.

– Я-то думала, ты расскажешь мне пикантные подробности. Но увы, ты пришла по другому поводу.

– Да, совсем по другому, – ответила Ириана и поморщилась.

Хазифа отмерила и влила в кипящую жидкость еще несколько капель. Затем перевернула десятиминутные песочные часы. За старинным стеклом потекла струйка белого песка.

– Думаю, дело касается этого свитка.

Ириана плотно притворила дверь. Затем, не спрашивая разрешения, закрыла окна. Хазифа успела снять свое варево с огня. Ее морщинистое лицо было предельно серьезным.

Ириана рассказала о погроме, учиненном в дворцовых покоях Шаола. О похищенных книгах и свитках. О развалинах в зарослях оазиса и наконец о странном предположении, появившемся у них с Шаолом. Оно касалось самых первых целительниц. Похоже, они не родились здесь, а тайно были перенесены на континент, чтобы противостоять валгским королям и королевским подручным.

Смуглое лицо старухи побледнело. Ясные темные глаза округлились. Такой Хазифу она видела впервые.

– Ты уверена, что это те же силы, что собираются на вашем континенте? – спросила Хазифа, присаживаясь на стульчик у стола.

– Да. Господин Эстфол видел их. Сражался с ними. Потому он и приплыл сюда. Ему нужна армия не для сражения с людьми, верными прежней Адарланской империи. Это война против демонов в человеческом обличье. Демонов, которые выводят чудовищ, чтобы подчинить себе наш континент, а потом и весь мир. Противники эти настолько многочисленны и опасны, что всей мощи Аэлины Галатинии и Дорина Хавильяра недостаточно для победы над ними.

Хазифа качала головой, заставляя колыхаться копну седых волос.

– И у вас появилось предположение, что целительницы должны сыграть во всем этом какую-то роль?

– Возможно, – ответила Ириана, которой не стоялось на месте. – На Эрилее целителей преследовали и безжалостно уничтожали. Мои слова могут показаться бредом, но представь. Давным-давно на этом континенте вдруг появились фэйцы, чьим ремеслом было целительство. Возможно, они были первыми, кто стал обживать Южный континент. Возникает вопрос: зачем они это сделали? Зачем покидать Доранеллу, отправляться в дальние края, потом почти бесследно исчезнуть, но позаботиться, чтобы целительское наследие прижилось и пустило корни?

– И потому ты явилась ко мне с этим свитком, – заключила Хазифа.

Ириана положила свиток на стол:

– Нуша знает лишь туманные легенды. Язык свитка ей незнаком. Я подумала: если кому и известна правда, так это тебе. Возможно, ты даже сумеешь прочесть свиток и расскажешь, о чем там говорится.

Хазифа осторожно развернула свиток, подперев края несколькими склянками. Морщинистый палец верховной целительницы скользил по странным черным письменам.

– Я не умею читать на этом языке, – сказала она.

Ириана понурила плечи:

– Но свиток напоминает мне…

Хазифа повернулась в сторону книжных шкафов со стеклянными дверцами. Она встала и прихрамывая направилась не к ним, а к другому шкафу. Он стоял в дальнем углу, куда не доставал солнечный свет. Этот шкаф был целиком железным, с железными дверцами.

Хазифа сняла с шеи цепочку с ключом, открыла шкаф и жестом подозвала Ириану. Та бросилась к ней, едва не споткнувшись от спешки. Книги были настолько древними, что их корешки почти сгнили. На нескольких виднелись…

– Знаки Вэрда, – пробормотала Ириана.

– Мне было сказано, что эти книги – не для человеческих глаз. Там собраны знания, которые нужно держать под замком. Лучше вообще забыть об их существовании, иначе они вырвутся в мир.

– Почему?

Хазифа пожала плечами. Она лишь смотрела на корешки, не решаясь дотронуться до книг.

– Я передаю тебе слова моей предшественницы. «Они – не для человеческих глаз». Было у меня пару раз по молодости. Мы ведь тоже любили праздники. А вино, как ты знаешь, добавляет человеку безрассудства. Так вот: заходила я сюда, и меня охватывало искушение заглянуть в книги. Но стоило мне вытащить ключ…

Хазифа качнула цепочку, на которой качался черный ключ. Такими же черным был и сам шкаф.

– Меня хватало лишь на то, чтобы открыть шкаф. А дальше… невзирая на хмель, чувствовала: любопытство может стоить мне жизни.

Хазифа покачивала ключ на ладони, словно проверяя его тяжесть.

– Я не могу читать эти книги и не знаю, на каком языке они написаны. Но если книги и свитки, похищенные из покоев господина Эстфола, находились в библиотеке, а эти заперты

здесь… Не удивлюсь, если за сведения, содержащиеся в них, кто-то пойдет на что угодно.

Ириану прошиб озноб.

– Шаол… господин Эстфол говорил, что Аэлина Галатиния сведуща в этих Знаках. Быть может, надо показать ей свиток и книги из черного шкафа.

Хазифа поджала губы. Дверцы шкафа закрылись. Тяжело щелкнул замок.

– Об этом, Ириана, я должна крепко подумать. Оценить риск и решить, можно ли выпускать эти книги за пределы Торры.

– Конечно, – кивнула Ириана. – Но боюсь, у нас осталось мало времени.

Хазифа спрятала ключ под одеждой и вернулась к столу. Ириана пошла за нею.

– Кое-что мне известно, – призналась верховная целительница. – Правда, не слишком много. Я считала это мифом, но моя предшественница рассказала мне, когда я была совсем молодой. Моложе тебя. Мы отмечали праздник Зимней луны. Я решила ее подпоить и выведать тайны. Но услышала впечатляющий урок истории.

Хазифа фыркнула, тряхнув седыми волосами:

– Урок крепко врезался мне в память. Не столько своим содержанием. Я была сильно раздосадована. Все деньги, что у меня тогда были, я ухлопала на три бутылки очень дорогого вина. А взамен – какие-то крохи.

Ириана прислонилась к старинному столу. Хазифа села, сложив переплетенные пальцы на коленях:

– Предшественница рассказала мне, что в незапамятные времена, когда здесь еще не было людей, не скакали лошади и не летали рукки, эта земля действительно принадлежала народу фэ. Они жили в небольшом уютном королевстве, столица которого находилась на месте Антики. Антика построена на развалинах фэйской столицы. Фэйцы строили храмы своим богам повсюду: в горах, в речных поймах, в песках.

– Вроде Города Мертвых в Аксарском оазисе?

– Да. Предшественница рассказывала, что фэйцы не сжигали мертвецов, а клали в саркофаги с толстыми каменными стенами. Открыть их было невозможно никакими орудиями, поскольку саркофаги имели хитроумные замки, дополнительно усиленные заклинаниями. Словом, однажды закрытые, саркофаги более не подлежали открытию.

– Почему?

– Я тоже спрашивала. Эта пьяная коза… ты уж прости, что я так говорю о своей предшественнице… Она сказала, что фэйцы

боялись, как бы кто-то не пришел и не забрал их тела.

У Ирианы подгибались колени. Хорошо, что она опиралась о стол.

– Сейчас валги тоже поселяются в человеческих телах, и от человека остается только оболочка.

Хазифа кивнула:

– Я услышала от предшественницы, каким образом фэйцы оставили свои знания об исцелении, чтобы однажды их нашли. Оказывается, фэйцы их тоже откуда-то позаимствовали, а проще сказать – украли. Их знания легли в основу Торры. Камала была сведуща в их знаниях. В гробницах и катакомбах находили фэйские свитки, когда от самих фэйцев не осталось даже воспоминаний. Уж не знаю, откуда Камала знала язык фэйцев. Она собирала вокруг себя женщин, наделенных целительским даром. Вот так и появилась Торра. Они поклонялись Сильбе, поскольку у фэйцев эта богиня тоже ведала целительством.

Кивком головы Хазифа указала на резные изображения сов, украшавших ее рабочую комнату.

– Так что ваши предположения не беспочвенны. Предшественница не знала, почему фэйцы явились на континент и куда потом исчезли. Но они были здесь и, как говорила она, оставили после себя знания и силу.

Хазифа хмуро покосилась на запертый железный шкаф.

– И теперь кто-то пытается уничтожить эти знания, – вздохнула Ириана, сглатывая. – Нуша убьет меня, когда услышит, что книги и свитки похищены.

– На Нушу это похоже. Но вначале, думаю, она устроит охоту за похитителями.

– Я одного не пойму: кто за всем этим стоит?

Хазифа вспомнила о своем зелье. Песка в верхней половине часов почти не осталось.

– Ответ придется искать тебе самой. И… ему.

Хазифа капнула еще несколько капель в приготовляемое снадобье и перевернула маленькие часы, которые отмеряли одну минуту.

– А насчет книг я подумаю.

Ириана вернулась к себе, настежь распахнула окно, чтобы ветер выдул удушающее тепло. Она присела на кровать и почти сразу вскочила.

Свиток она оставила у Хазифы, посчитав железный шкаф более надежным местом хранения. Но сейчас, когда она бежала вниз по лестнице, ее мысли были заняты отнюдь не свитками и древними книгами.

Успех в исцелении Шаола. Стоило ему встать на ноги и начать ходить, как следом – погром в его покоях.

В его покоях, а не в их общих. Ириана помнила, как он это подчеркнул.

Ее шаги были твердыми, хотя после этих скачек в оазис и обратно ноги болели и требовали отдыха. Должна же существовать какая-то связь между успехами Шаола и этими дерзкими нападениями.

Случившееся требовало тщательного обдумывания. Но Ириана не могла думать у себя в душной комнате. И библиотека была не лучшим местом. Там бы она вздрагивала от каждого шага и мяуканья какой-нибудь любопытной бастинской кошки.

Но в башне существовало тихое и безопасное место, где никто не помешает ей заняться распутыванием клубка событий.

Чрево Сильбы в этот час пустовало. Ириана вымылась, переоделась в тонкий халат лавандового цвета и вошла в зал, наполненный клубами пара. Ее взгляд сам собой устремился к купели у дальней стены, где почти два месяца назад ей встретилась плачущая женщина. А через несколько часов той не стало.

Ириана потерла лицо, несколько раз глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

Купели вдоль стен манили. Вода пузырилась, обещая снять боль и усталость ног. Но Ириана стояла посередине пещерного зала, среди негромко позвякивающих колокольчиков и смотрела вверх. В темноту.

Оттуда, с невидимого сталактита, ей на лоб упала холодная капля. Ириана закрыла глаза, не делая попыток стереть каплю.

Колокольчики пели и нашептывали. Голоса давно умерших сестер. Где-то находился и колокольчик целительницы, погибшей в библиотеке. Ириане стало стыдно: она ведь так и не спросила имени той женщины.

Она всматривалась в ближайшую цепь колокольчиков, разных по форме и величине. Где-то среди них и ее колокольчик…

Бесшумно ступая босыми ногами, Ириана подошла к маленькому сталагмиту, поднимающемуся из пола возле стены. Между ним и соседним, находящимся в нескольких локтях, была протянута цепь с восьмью колокольчиками. Свой Ириана знала очень хорошо.

Она улыбнулась своему колокольчику – маленькому серебряному, купленному на деньги незнакомки. Там было выгравировано ее имя. Возможно, тем же ювелиром, у которого Шаол нашел медальон для нее. Даже здесь Ириана не хотела

расставаться с его подарком.

Она слегка дотронулась до колокольчика. Кроме имени, там была обозначена дата ее поступления в Торру.

Раздался тихий, мелодичный звон. Стены ответили эхом. Потом отозвались другие колокольчики.

Ее колокольчик продолжал звенеть. Ириана кружилась вместе со звуком. Когда он умолк, она снова качнула колокольчик. Тот зазвенел громче и чище. Пространство наполнилось звоном. Ириане казалось, что она видит звуки.

Потом звон снова стих, но еще раньше на него отозвалась ее магическая сила.

К ее рукам присоединились другие, невидимые. И две пары рук качнули колокольчик в третий раз. Когда зал наполнился звоном, Ириана пошла вслед за звуком. Куда звук, туда и она. Босые ноги шлепали по влажному камню. Она выслеживала звук, петляющий по Чреву Сильбы, словно кролика.

Ириана обходила сталагмиты, торчащие из пола, ныряла под нависающие сталактиты, пересекала зал, скользила вдоль стен, заставляя дрожать пламя свечей. Гонка за звуком продолжалась.

А вокруг звенели колокольчики многих поколений целительниц. Ириана дотрагивалась и до них. Ей отвечала волна звуков.

«Ты должна войти туда, куда боишься ступить».

Ириана шла дальше. Колокольчики звенели, звенели, звенели. Но ясный звук ее колокольчика звал дальше. Тянул за собой.

Мысли опять вернулись к Шаолу. К тьме, обитавшей в его ране. Они вдвоем сражались с его тьмой, но та не отступала. Вчера он рассказал ей жуткие вещи, однако это была еще не вся история.

А вдруг победа над остатками валгской тьмы зависела не только от столкновения с воспоминаниями? Вдруг слепые удары ее магии ничего не давали?..

Звук серебряного колокольчика привел ее в ту часть зала, куда она никогда не заглядывала. Цепи здесь давно заржавели. Многие колокольчики покрывал зеленый налет. В этом месте ее колокольчик умолк.

Нет, не умолк. Он с тихим жужжанием ждал в каменном углу.

В конце цепи Ириана увидела маленький колокольчик. Его поверхность настолько позеленела, что прочитать имя целительницы было почти невозможно. Но Ириана все же прочитала.

«Яфа Торас».

Ириана упала на колени и даже не почувствовала, как они

ударились о жесткий камень. Она прочитала не только имя, но и дату двухсотлетней давности.

Женщина из рода Торас. Целительница. Здесь, с нею. Все годы, что Ириана жила здесь, колокольчик ее далекой родственницы звенел во Чреве Сильбы. Получается, она вовсе не была одинока в этом месте.

Яфа. Ириана произнесла имя, приложив руку к сердцу.

«Ты должна войти туда, куда боишься ступить»…

Задрав голову, Ириана всматривалась в темноту Чрева.

Шаол служил кормом для остатков валгской силы, застрявшей в нем. Поддерживал ее своими жизненными соками…

Ириане показалось, что темнота ответила ей: «Да». Оттуда не упало ни одной капли. Ни один колокольчик не зазвенел. Ириана посмотрела на руки, замершие по бокам. Вызвала неяркое белое свечение своей магической силы, позволила ему заполнить зал. Свечение стало эхом песни колокольчиков, голосами тысяч ее сестер, голосом женщин из рода Торас, приходивших сюда до нее.

«Ты должна войти туда, куда боишься ступить»…

Не в пустоту, притаившуюся внутри Шаола. В ее собственную пустоту, появившуюся в тот день, когда солдаты окружили их дом и вытащили ее за волосы на сочную зеленую траву.

Неужели дух Яфы, обитавший в этом подземелье, знал, что́ произошло тогда далеко отсюда? Может, и эти два месяца Яфа наблюдала за нею, молчаливо, но настойчиво призывая заглянуть внутрь себя?

«Знаешь, Ириана, там ведь не все были плохими».

Не все. Люди, которыми он командовал, с кем упражнялся. Они носили одинаковые мундиры и подчинялись тому же королю, что и солдаты, расправившиеся с ее матерью…

Были выродки. Они есть везде. Но не может же Адарлан состоять из сплошных мерзавцев и негодяев. Там хватает хороших людей, за спасение которых стоит сражаться. Эти люди не были и не являются ее врагами. Возможно, она знала это гораздо раньше, чем услышала от Шаола в оазисе. Знала, однако не хотела соглашаться.

Но остатки чужой силы внутри Шаола, остатки демона, по чьему приказу все это происходило…

«Я знаю, кто ты», – мысленно произнесла Ириана.

Точно такая же сила все эти годы жила и в ней, поддерживая ее и одновременно питаясь ею. Пусть и не валг, однако ее демон имел схожую природу.

Ириана втянула магическую силу внутрь. Сияние померкло. Запрокинув голову, Ириана смотрела в темноту. В этой темноте не было ничего зловещего. «Теперь я понимаю».

Сверху ей на лоб упала еще одна холодная капля.

Улыбаясь, Ириана протянула руку к колокольчику Яфы Торас и качнула его.

54

Проснувшись на следующее утро, Шаол едва мог двинуться.

Слуги и придворные ремесленники навели порядок в его покоях и починили все, что требовалось. Под вечер, когда из оазиса вернулись дети хагана, ничто не напоминало о погроме.

Ириана вчера больше не появлялась. Должно быть, верховная целительница сумела прочитать свиток и там действительно оказались важные сведения. Шаол терпеливо ждал. Когда она не пришла и к обеду, он послал Каджу к Шену за сведениями.

Каджа вернулась не одна. Шен, слегка краснея (должно быть, от красоты сопровождавшей его служанки), сообщил: Ириана благополучно добралась до Торры и с тех пор не покидала башню.

Это успокоило душу Шаола, но никак не его спину. Та разболелась настолько, что даже с тростью он не мог сделать ни шагу. Он хотел уже послать за Ирианой, однако послушался голоса рассудка. Ей оставаться в его покоях небезопасно. А если Несарина вернется и застанет их вдвоем…

Мысли о Несарине и об обманутом доверии не давали ему покоя.

Перед сном он сумел забраться в купель, рассчитывая горячей водой успокоить ноющие мышцы. Увы, ему стало еще хуже, и он едва смог доползти до кровати.

Проснувшись рано утром, Шаол потянулся к трости и застонал от боли в спине. Ему давно не было так страшно. Скрипя зубами, он решил побороть страх действиями. Проверить подвижность ног.

Пальцы ног. Их он ощущал и мог двигать ими. Затем он подвигал лодыжками и коленями. Но стоило их поднять, как шею пронзила острая боль. И так было всякий раз, когда он пытался двигать бедрами и поясницей.

Вот и расплата за поспешность, за то, что перегрузил неокрепшие ноги.

Дверь стремительно распахнулась. На пороге стояла Ириана. Сегодня она была в пурпурном платье. Увидев его, она округлила глаза, но быстро совладала с собой. Кажется, она собиралась ему о чем-то рассказать. Ириана поправила пучок волос, подошла к кровати и спросила:

– Двигаться можешь?

– Могу, но это очень больно…

От этой боли он едва ворочал языком.

Принесенный мешок Ириана опустила на ковер, закатала рукава и задала новый вопрос:

– Перевернуться сможешь?

Нет. Шаол попытался и застонал.

Не дожидаясь ответа, Ириана потребовала:

– Расскажи подробно обо всем, что ты вчера делал после моего ухода и до этого момента.

Шаол стал добросовестно перечислять. Услышав про горячее купание, Ириана забористо выругалась:

– Нужно было лед приложить. Он помогает перенапряженным мышцам, но никак не горячая вода. А сейчас тебе придется перевернуться на живот. Будет ужасно больно, поэтому не затягивай.

Стиснув зубы, Шаол перевернулся на живот. Из его горла вырвался крик, но руки Ирианы тут же обхватили его щеку, погладили волосы. Губы чмокнули в висок.

– Хорошо, – не отрывая губ, похвалила она. – Ты у меня стойкий.

Ничего снимать с себя не понадобилось. Он спал почти голым. Руки Ирианы застыли над его поясницей и начали медленно двигаться к затылку.

– Та сила… заняла прежние позиции, – прошептала она.

– Ничего удивительного, – сквозь зубы ответил Шаол.

Ему дали временную передышку.

– Почему? – убирая руки, спросила Ириана.

– Делай то, что собралась делать с моей спиной, – сказал он, водя пальцем по вышитому покрывалу.

Такая обреченность несколько удивила Ириану. Порывшись в мешке, она достала кляп:

– Сейчас я начну.

– Начинай.

– Ты не понял. Я начну, и твои мучения кончатся. Сегодня. Сейчас.

До Шаола не сразу дошел смысл ее слов и того, что они подразумевали.

– А если не смогу? – спросил он.

«Если не выдержу?» – хотел спросить он, но не решился.

В глазах Ирианы не было ни капли страха. Только спокойная решимость.

– Не мне отвечать на этот вопрос.

Конечно не ей. Сегодня, как и раньше, ответ давать ему

самому. Блики солнца плясали на медальоне Ирианы, высвечивая горы и моря. Она столько раз проникала в глубины его души, но так и не увидела, сколько поражений он потерпел за свою жизнь. Скольких людей подвел и обманул. И это продолжалось из года в год…

Следом пришла другая мысль. Они с Ирианой проделали длинный путь. Вместе. И ни разу она не отступила, не повернула назад. Сегодняшний день не будет исключением.

У Шаола сдавило горло.

– Если ты слишком долго задержишься… в моей тьме… можешь сама пострадать.

И снова – ни капли страха и сомнений.

– У меня появилась догадка. Хочу ее проверить.

Ириана вложила кляп в его рот и добавила:

– А ты – единственный, на ком я могу проверить эту догадку.

Ее ладони легли на спину Шаола. Он вдруг понял, почему Ириана решила проверять догадку именно на нем, однако что-либо сказать уже не мог. Боль и темнота обступили его со всех сторон.

Ириану это не остановило. Ее магия стремительно вошла в тело Шаола. Сверкающий белый свет окутал их обоих снаружи и разлился внутри.

Чужеродная сила валга гнилой занозой сидела в его теле. Настало время окончательно вырвать эту занозу.

Не мешкая, Ириана двигалась вниз по лестнице его позвоночника, по коридорам костей и кровеносных жил. Она была светоносным копьем, проникшим во тьму. Копьем, нацеленным в зловещую тень, которая вновь попыталась вернуть себе былую власть над телом Шаола.

С криком Ириана ударила по тьме. Та ответила гневным ревом. Они сцепились в поединке. Ее противница была чужеродной, холодной и пустой. Тьма пахла гнилью, ветром и ненавистью.

Ириана полностью вошла во тьму.

Где-то высоко, словно отделенный громадным пространством черной воды, кричал Шаол. Ему было нестерпимо больно.

Сегодня. Все это кончится сегодня.

«Я знаю, кто ты».

Ириана вела сражение с тьмой, и та пока не думала отступать.

Его терзала боль. Бесконечная. Бездонная. Шаол потерял сознание. Вернее, переместился в другое сознание. Там он падал и падал в глубокую яму. На самое дно, скрытое где-то в недрах горы.

Вот где все заперто и погребено. Отсюда все начинается. Отсюда растут корни.

Пустое основание, успевшее разрушиться и осыпаться в яму.

Никчемность… Никчемность… Никчемность.

Полная никчемность.

Первым он увидел отца. Потом мать, младшего брата и их вечно холодное горное жилище. Увидел обледенелую лестницу и снег в пятнах крови. Увидел человека, которому охотно продался, думая, что его поступок обеспечит безопасность Аэлины. Точнее, Селены.

Он отправил любимую женщину в безопасное место, где ее ждали новые потрясения и разрушения. Он отправил ее на Вендалин, думая, что там ей будет лучше, чем в Адарлане. Но тот человек видел ее миссию по-своему и приказал ей убить тамошнюю королевскую семью.

Из темноты появился его отец. Таким мог бы стать и он, если бы избрал другой путь. Когда отец смотрел на своего незадачливого сына, на лице не было ничего, кроме отвращения и разочарования.

Цена, запрошенная отцом… Он думал, это будет заключение в тюрьму.

Возможно, отец считал это попыткой дать ему свободу. Уберечь своего никчемного, непутевого сына от зла, которое вот-вот вырвется наружу и накроет их континент. Отец подозревал, что так случится.

Он обманул отца, не сдержав обещания.

Он ненавидел отца, однако его отец – этот ужасный, невыносимый, деспотичный человек – выполнил свою часть их договора.

А он свою… нет.

Клятвопреступник. Предатель.

Аэлина порвала в клочья все, чего он достиг и чем даже гордился. И начала она с его чести.

Ее подвижность, текучесть, странный мир, в котором она до этого жила… Он нарушил данные ей клятвы. Сумел разломать всё, кем и чем был для нее.

Она тоже была здесь, в этой тьме. Золотистые волосы, бирюзовые глаза, ставшие последним ключом, последним фрагментом головоломки.

Лгунья. Убийца. Воровка.

Она нежилась в лучах солнца, сидя на балконе своих дворцовых покоев. На коленях лежала открытая книга. Склонив голову набок, она с ленивой полуулыбкой смотрела на него. Кошечка, чей отдых потревожили.

Он ненавидел ее.

Ненавидел это лицо с острыми скулами и выражением легкого изумления. Ненавидел переменчивость характера и безудержную жестокость, когда она могла изрубить кого-то на куски, не сказав ни слова и едва взглянув на свою жертву. Она любила действовать молча.

Она наслаждалась подобными занятиями. Смаковала их.

А он попал под чары этой женщины, которая была живым пламенем. Ради нее он был готов отбросить и забыть все. Честь. Клятвы.

Он ломал себя ради этой надменной, бравирующей, самоуверенной женщины. А потом она ушла, отшвырнув его, как сломанную игрушку.

Ушла в объятия того фэйского принца. Принц тоже появился из тьмы, вышел на балкон и присел на краешек кресла.

Ее полуулыбка изменилась. Глаза засверкали. На принца она смотрела с интересом хищника, оценивающего жертву. Лицо просияло. Ленивая поза сменилась на более сосредоточенную. И сама она стала более живой.

Огонь и лед. Конец и начало.

Они не прикасались друг к другу. Только сидели в кресле-качалке, ведя мысленный разговор. Со стороны это выглядело так, словно они наконец-то увидели в окружающем мире отражение себя.

Он ненавидел их. За эту легкость, за поглощенность и чувство полноты.

Она поломала его, разрушила ему жизнь, а затем отправилась к этому принцу, словно перейдя из одной комнаты в другую.

И когда все это рухнуло в ад, когда он повернулся спиной к тому, что прежде составляло его мир, когда ради сохранения ее тайн он солгал тому, кто так много значил в его жизни, – она не вступилась за него. Не помогла.

Она пришла через несколько месяцев и в лицо заявила ему о его бесполезности и никчемности.

«Ты напоминаешь мне о том, каким следует быть миру. Каким мир может быть».

Вранье. Слова девчонки, благодарной ему за то, что предложил ей свободу, а затем неутомимо муштровал ее, пока весь мир не превратился в ее противника.

Девчонки, переставшей существовать в тот вечер, когда на

окровавленной постели они нашли изуродованное тело эйлуэйской принцессы.

Когда она полоснула ногтями ему по лицу и попыталась вонзить кинжал в сердце. Хищник, проглядывавший в ее глазах, вырвался на свободу. Ее было ничем не остановить. Такие понятия, как «честь», «долг» и «доверие», исчезли.

Потом она убила в подземелье того куртизана. Тело убитого сползало с ее меча, а она стояла, закрыв глаза, и лицо у нее было таким, каким бывало в минуты страсти. Когда же она снова открыла глаза…

Убийца. Лгунья. Воровка.

Она по-прежнему сидела в кресле-качалке. Фэйский принц – рядом с нею. Оба смотрели на происходящее в подземелье как на захватывающий спектакль… Вот Аркер Фэнн сполз на осклизлый каменный пол, истекая кровью. Его лицо было перекошено ужасом и болью. Они смотрели на молчаливого Шаола, застывшего неподалеку. А она вдыхала запах смерти, запах отмщения.

Они смотрели, как исчезает Селена Сардотин, распадаясь на куски.

Он и тогда пытался ее защитить. Вытащить из беды. Искупить свою вину.

«Ты всегда будешь моим врагом».

В этих словах клокотал гнев, копившийся в ней десять лет. Она думала так, как говорила. Ее слова мог повторить любой ребенок, которому рука Адарлана не принесла ничего, кроме страданий и гибели близких.

Ириана тоже могла их повторить.

В другом углу тьмы появился сад, домик, смеющаяся девочка и ее мать.

Ириана.

Он никак не ожидал увидеть ее здесь. Во тьме. А она… была.

И с нею он вел себя не лучшим образом, не говоря уже о Несарине.

Нужно было подождать. Проявить уважение к ним обеим, закончив отношения с одной и начав с другой. Он же подвел ту и другую.

Аэлина и Рован по-прежнему грелись на солнце в кресле-качалке.

Фэйский принц осторожно, благоговейно взял руку Аэлины, повернул ладонью вверх. Солнце осветило ее запястье и успевшие побледнеть следы кандалов.

Он видел, как Рован провел пальцем по этим шрамам. Видел потемневшие глаза Аэлины. Рован продолжал гладить ее шрамы.

Наконец с лица Аэлины сползла маска.

Ее лицо пылало. Гневом. Коварством. Но там были и другие чувства. Печаль. Страх. Отчаяние. Ощущение вины. Стыд.

Гордость, надежда, любовь. Тяжелая ноша, от которой она долго убегала, но сейчас…

«Я люблю тебя».

«Я виновата».

Она пыталась объяснить. Пыталась рассказать. Сообщить ему правду, чтобы он, когда ее здесь не будет, все спокойно обдумал и понял. Говоря: «Я виновата», она не обманывала.

Она сожалела о вранье. О том, что сделала с ним и его жизнью. О клятве, что непременно выберет его. Только его, что бы ни случилось. Всегда.

Ему хотелось возненавидеть ее за эту ложь. За лживое обещание, о котором она позабыла в туманных лесах Вендалина.

И тем не менее… Здесь, рядом с фэйским принцем, без маски… Это было дно ее ямы.

Она пришла к Рована с покалеченной душой. Принцу она показала те стороны души, какие не показывала больше никому. Оттуда она вернулась цельной. И потом ждала, чтобы быть с ним.

Шаол возжаждал Ириану, уложил в постель, даже не подумав о Несарине. И все же Аэлина…

Сейчас они с Рованом смотрели на него. Оба замерли, как лесные звери. Но их глаза были полны понимания. Они знали, каково ему.

Аэлина полюбила другого и жаждала его столь же сильно, как Шаол жаждал Ириану. Но Аэлина – не признающая богов и приличий – относилась к нему с бóльшим почтением, нежели он к Несарине.

Аэлина слегка кивнула, словно сказав «да».

А Рован… Принц отпустил ее в Адарлан улаживать отношения с королевством. Решать, чего же она хочет для себя. С кем хочет быть. И если бы она выбрала Шаола… В глубине души Шаол знал: Рован отошел бы в сторону. Если бы это сделало Аэлину счастливой, Рован отступил бы, ни словом не обмолвившись о своих чувствах.

Шаола окутало густым, липким, отвратительным стыдом.

Он назвал ее чудовищем за ее силу, за действия. Однако…

Он не обвинял ее. Он понял. Обещая ему, она была вполне искренней, но потом изменилась. Изменился ее путь.

Он понял. Он ведь тоже обещал Несарине. Или думал, что обещает. А когда он изменился, когда изменился его путь и в его жизни появилась Ириана…

Он понял.

Аэлина дружески улыбнулась ему. Потом она и Рован нырнули в солнечный луч и исчезли. Остался красный мраморный пол с лужей крови. И отрубленная голова, подпрыгивающая на мраморных плитах. Появился принц, кричащий от душевной боли, гнева и отчаяния.

«Я люблю тебя».

«Уходи».

В тот момент с ним и произошло расщепление. Когда он повернулся и убежал, бросив в зале своего друга и брата. Убежал от сражения и смерти.

Дорин его простил и не держал на него зла.

Но он чувствовал, что его бегство не кончилось. Оно продолжалось и сейчас.

Все, что он замышлял, над чем трудился во имя спасения, ломалось и рушилось.

Дорин стоял перед ним, держа руки в карманах и улыбаясь одними губами.

Он был недостоин служить такому человеку. Такому королю.

Тьма наступала, показывая ему жуткую комнату для совещаний. Принца и прежнего короля, которому он служил. Показывая, как они обошлись с его гвардейцами.

Он увидел пыточную камеру в подземелье замка и улыбающегося Дорина. Улыбка была совсем другой. Дорин улыбался, слушая крики истязаемого Ресса. Улыбался, даже когда Брулло плюнул принцу в лицо.

Вся вина лежала на Шаоле. Он был причиной их пыток и казни…

Тьма показала ему руки Дорина, державшие орудия пыток. Хлещущую кровь, ломающиеся кости. Руки Дорина были безупречно чистыми. Принц улыбался.

Он знал. Знал давно. Догадывался, что последствия этих поступков ему не залатать. Одержимость Дорина. Казнь гвардейцев. Ему придется жить, помня, что все это случилось по его вине.

Он сбежал, бросив Дорина в стеклянном замке. Тьма снова и снова показывала ему картины событий. Стойкость Дорина. Попытка противостоять отцу силой своей магии. Принц выиграл для него время, подписав себе смертный приговор.

Он вдруг понял, как же всего боялся. Магии, потерь – всего. Но страх все равно столкнул его и с магией, и с потерями. Какое-то время он упирался, цеплялся за старое, шел против судьбы – и это стоило ему всего. Ясное зрение открылось в нем слишком поздно.

Потом случилось самое страшное. Черный каменный обруч

на шее Дорина. Изуродованные тела гвардейцев, висящие на воротах замка. Воронье, пирующее на трупах его соратников… Когда он все это увидел, через его душу протянулась глубокая трещина, достигнув самых основ. Этой ямы в недрах горы, где горой был он сам.

Он распался на куски и даже не заметил когда.

В Рафтхоле, уже после увечья, он познал недолгий покой. Однако это было все равно что закрыть тряпкой ножевую рану в живот.

Он не исцелился. Переполненный гневом, без внутреннего якоря, он не захотел исцеляться по-настоящему. Телом – да, но даже здесь часть его личности нашептывала ему, что все это заслуженно. А что касалось его душевной раны – она продолжала гнить, и его это устраивало.

Неудачник. Лжец. Клятвопреступник.

Тьма густела. Ветер раскачивал ее слои. Он мог бы остаться здесь навсегда. В этой тьме, не имеющей возраста. «Да», – шептала ему тьма. Он мог бы остаться, предаваясь гневу и ненависти. Превращаясь в тень.

Но Дорин по-прежнему стоял рядом и все так же улыбался одними губами. Ждал. Ждал его.

Среди данных обещаний было одно, которое он пока не нарушил. Обещание спасти их: своего друга, их королевство. Это обещание оставалось в силе. Даже здесь, на самом дне кромешного ада, оно оставалось с ним.

И дорога, по которой он пока еще шел… Нет, он не станет оглядываться назад.

«Что, если, идя дальше, мы столкнемся лишь с новой болью и отчаянием?»

Этот вопрос он когда-то задал Аэлине. Они оба стояли на крыше ее рафтхольского жилища. Он тогда и не подозревал, а она уже знала, что он попадет в эту яму и ответ узнает сам.

«Тогда это не будет концом пути».

Это не было концом. Трещина в нем, дно… еще не конец.

У него осталось одно невыполненное обещание, которое он выполнит.

«Это не конец».

Он улыбнулся Дорину, чьи сапфировые глаза вспыхнули радостью и любовью.

– Я возвращаюсь домой, – прошептал он своему брату и королю.

Дорин лишь кивнул и исчез во тьме.

Рядом с ним оставалась только Ириана. Словно новорожденная звезда, она сияла ярким белым светом.

– Эта тьма принадлежит тебе. Делай с ней что пожелаешь. Ты можешь наделить ее силой или сделать безвредной.

– Если уж на то пошло, валгский ли демон породил эту тьму? – спросил он и не услышал эха.

– Да. Но сейчас здесь распоряжаешься ты. Это место – последний оплот тьмы.

Последний оплот, который останется в нем. Шрамом. Напоминанием.

– Тьма может разрастись опять?

– Только если ты ей позволишь. Только если не заполнишь ее чем-то более значимым и достойным. Только если не простишь.

«Прежде всего самого себя». Ириана не произнесла этих слов, но он их услышал.

– Но если ты добр к себе, если любишь себя… – Губы Ирианы дрогнули. – Если ты любишь себя столь же крепко, как я люблю тебя…

Его ударило в грудь. Здесь, в яме, барабанная дробь была совершенно неслышимой.

Ириана протянула ему руку. Ее сияние теснило тьму.

«Это не конец».

– Больно будет? – хрипло спросил он. – Я про возвращение. Про выход.

Про путь к себе, в жизнь.

– Да, – прошептала Ириана. – Но в последний раз. Тьма не хочет с тобой расставаться.

– Я не могу ответить ей взаимностью, – попытался пошутить он.

Улыбка Ирианы была ярче, чем сияние ее тела. Звезда. Она была упавшей звездой.

Она вновь протянула руку. Молчаливое обещание того, что ожидало его по другую сторону тьмы. У него еще оставалось много незавершенных дел. Невыполненных обещаний.

И глядя на Ириану, на ее улыбку…

Жизнь. Он вправе наслаждаться жизнью. Сражаться за жизнь.

Разлом, начавшийся и оканчивающий здесь… Да, этот разлом принадлежал ему. Судьба позволила ему сломаться, чтобы потом началось созидание.

Чтобы он мог все начать заново. Это был его долг перед королем и родиной.

И перед самим собой.

Ириана кивнула, словно говоря «да».

И тогда Шаол встал. Вгляделся во тьму – часть его души. Не ужаснулся, не попятился назад.

Улыбаясь Ириане, он взял протянутую руку.

Была боль, отчаяние и страх. Была радость, смех и покой. Это называлось жизнью во всей ее полноте, и, когда тьма атаковала Шаола и Ириану, он не испугался. Он смотрел во тьму и улыбался.

Он не был сломлен. Он созидался заново. И когда тьма взглянула на него, Шаол дотронулся до ее щеки. Поцеловал тьму в лоб.

Тьма ослабила хватку и убралась в яму. Там она свернулась на каменном полу, внимательно и осторожно поглядывая на Шаола.

У него появилось ощущение подъема, словно его тянули через совсем тонкую дверь. Ириана тащила его за собой, не отпуская. Она ни разу не споткнулась. Вверх. Они поднимались вверх. Упавшая звезда неслась в ночное небо.

Отовсюду брызнул белый свет… Нет, это был обычный дневной свет.

Приоткрыв глаза, Шаол снова зажмурился. Свет показался ему ослепительно-ярким.

Его поразило отсутствие ощущений. Никакой боли. Никакого онемения. Утомленные мышцы больше не саднили.

Все это ушло.

Его ноги… Шаол шевельнул правой. Нога двигалась без малейшего напряжения и боли. Двигалась плавно, как по маслу.

Он посмотрел туда, где всегда сидела Ириана. Она молча улыбалась.

– Как? – хрипло спросил он.

Ее глаза вспыхнули радостью.

– Моя догадка подтвердилась. Я тебе потом объясню.

– А пятно?

– Уменьшилось, но не исчезло. – Ириана дотронулась до пятна. – Теперь это просто пятно. Я трогаю его и ничего не чувствую. Совсем ничего.

Оно осталось как напоминание. Словно кто-то из богов хотел, чтобы Шаол помнил о случившемся. О том, как все было.

Он сел на постели, удивляясь легкости движений. Прежняя скованность пропала.

– Ты меня исцелила.

– На этот раз мы делали это вдвоем.

Шаол только сейчас заметил, что губы Ирианы побледнели, а кожа потеряла блеск.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – Он погладил ее по щеке.

– Устала. А так – прекрасно. Лучше скажи, как ты себя

чувствуешь?

Он усадил Ириану себе на колени и уткнулся носом ей в шею:

– Прекрасно. Я могу повторить это тысячу раз.

В груди появилась забытая легкость. И в плечах тоже.

– На первых порах осторожность не помешает. Ты думаешь, что уже можешь бегать и прыгать. Пока это опасно. Сделаешь себе только хуже. Телу нужно отдохнуть и приспособиться.

– И в чем именно будет заключаться отдых? – с любопытством спросил Шаол.

Улыбка Ирианы стала лукавой.

– В постижении того, что доступно лишь избранным пациентам.

Шаол напрягся всем телом, но Ириана соскользнула с его колен:

– Перво-наперво, думаю, тебе захочется вымыться.

Шаол оглядел себя, затем кровать и поморщился. Простыни и его левая рука были забрызганы блевотиной.

– Когда?

– Сама не знаю.

Сад купался в желтовато-оранжевых лучах закатного солнца. По полу спальни протянулись длинные тени.

Ириана провела здесь весь день, час за часом вытаскивая его из каменной ямы.

Шаол без усилий спрыгнул с кровати, не переставая удивляться забытой легкости движений. Он преодолевал пространство, словно острый нож, разрезающий слои тонкого шелка.

Он чувствовал, что Ириана следит за каждым его шагом.

– А теперь мне можно лезть в горячую воду? – спросил Шаол, сбрасывая с себя одежду и погружаясь в манящую купель.

– Да, – крикнула Ириана. – У тебя же ничего не болит.

Шаол нырнул под воду и там оттирал кожу. Каждое движение… когда-то он даже не задумывался о таких вещах.

Когда он высунул голову и отер воду с лица, Ириана стояла в дверном проеме. Ее глаза были подернуты дымкой. Увидев их, Шаол замер.

Ириана медленно развязала все завязки на своем пурпурном платье. Оно упало на пол вместе с бельем.

У Шаола пересохло во рту. Ириана шла к лесенке, не сводя с него глаз и покачивая бедрами. Когда она стала спускаться, в ушах Шаола зашумело от прилившей крови.

Шаол крепко обнял ее, не дожидаясь, пока она целиком окажется в воде.

Они пропустили обед. И десерт. И полуночный кахаве. Пока они плескались, Каджа быстро сменила постельное белье. Вероятно, служанка слышала все, что доносилось из купальни. Они вели себя там отнюдь не тихо. Раньше Ириана сгорела бы со стыда, а сейчас это ее совсем не пугало и не волновало.

И в последующие часы они тоже не заботились о тишине.

Когда они разомкнули объятия, Ириана вся обмякла от усталости. Вспотела она так, что впору было снова идти в купальню. Сейчас она могла лишь смотреть на вздымающуюся и опадающую грудь Шаола.

В пустыне он был просто бесподобен. Но сегодня, забывший о боли в спине и ногах, а главное – исцеленный от страшной душевной раны, которая вплоть до этого дня гнила в глубине его души…

Он поцеловал вспотевший лоб Ирианы. Губы поймали и закусили завиток ее волос. Его рука лениво кружила на ее пояснице.

– Помнится, в той яме ты что-то сказала, – пробормотал он.

Ириана слишком устала и в ответ могла лишь промычать.

– Ты сказала, что любишь меня.

Она чуть не подпрыгнула. Блаженной истомы – как не бывало.

– Не считай себя обязанным…

Она не договорила, поймав его внимательный взгляд.

– Это правда?

Ириана дотронулась до шрама на его щеке. Самое начало она пропустила и проникла в его воспоминания, лишь когда там появился улыбающийся темноволосый молодой человек. Дорин. Тот улыбался Шаолу. Но она догадалась о том, кто полоснул его по щеке, оставив шрам.

– Да, – тихо ответила Ириана, готовая подтвердить ответ каждым уголком своей души.

Губы Шаола расплылись в улыбке.

– Я и не считаю себя обязанным. Так уж получилось, что и я тебя люблю, Ириана.

От переполнявших душу чувств у нее сдавило грудь.

– Похоже, с того дня, когда ты впервые переступила порог гостиной. Думаю, я понял это уже тогда, но не захотел себе признаваться.

– Ты не преувеличиваешь? Я была для тебя совершенно незнакомой женщиной.

– Ты смотрела на меня без капли жалости. Ты видела меня самого. Не кресло и не мое увечье. Повторяю, ты видела меня. И я вдруг впервые за долгое время почувствовал себя…

проснувшимся.

Ириана целовала его в грудь, губами ощущая биение сердца.

– Ну как я могла устоять перед такими мышцами?

Шаол затрясся от смеха:

– Целительница до мозга костей.

– Мне будет не отбиться от вопросов. Особенно девчонок. Хазифа уже сама не своя от радости.

– Когда Несарина вернется, я все ей объясню. Хотя она это знала раньше, чем я.

Ириана кивнула, стараясь побороть дрожь, охватившую ее при упоминании о Несарине.

– А в остальном выбор за тобой, Ириана. Как и когда – решай сама. Если ты действительно хочешь что-то менять в своей жизни.

Ириана напряглась.

– Но если ты выберешь жизнь со мной, на моем корабле для тебя найдется место.

– Какое место? – осторожно спросила она, водя пальцем вокруг его соска.

Шаол потянулся, словно довольный кот, заложил руки за голову:

– Обычное место, уготованное женщине: стряпня, стирка и прочие домашние дела.

Ириана пихнула его под ребра. Шаол снова засмеялся. Она наслаждалась звуками его смеха. Потом карие глаза Шаола потеплели.

– А какое место ты бы хотела занять? – спросил он, обхватив ее лицо ладонями.

От самого вопроса и интонаций его голоса у Ирианы заколотилось сердце. Но она усмехнулась и сказала:

– Меня устроит любое, где я могу орать на тебя, когда ты чересчур перенапрягаешься.

Она выразительно провела по его спине и ногам. Напоминание о необходимости проявлять разумную осторожность, пока не окрепнет.

Шаол притянул ее к себе:

– Пожалуй, я даже знаю, как это место называется.

57

Их возвращение превратило Эридунское гнездо в сумасшедший дом. Фалкан был чуть живой. Его появление так разъярило птиц, находившихся в Альтунском зале, что Хулуне пришлось загородить собой покалеченного паука, иначе рукки

порвали бы его на куски.

Сартак едва держался на ногах. Но у него хватило сил обнять Кадару и распорядиться, чтобы ею немедленно занялись целители. Потом он обнял Борту. Та была с ног до головы забрызгана черной кровью, что не мешало ей улыбаться во весь рот. Сартак крепко пожал руку Ерану, которого Борта подчеркнуто игнорировала. Несарина посчитала это добрым знаком по сравнению с прежней открытой враждебностью.

– Как? – коротко спросил у Борты Сартак.

Несарина встала рядом с Хулуной возле бездыханного Фалкана, не доверяя благоразумию рукков.

Отряд берладских руккинов вернулся в свое гнездо. Еран тоже не собирался здесь задерживаться.

– Ко мне вдруг прилетела Борта. Сказала, что собирается в опасное до глупости путешествие и что я могу либо позволить ей умереть в одиночку, либо лететь с ней.

Сартак хрипло рассмеялся.

– Тебе же запретили туда соваться, – сказал он Борте, поглядывая в сторону Хулуны.

Мать-по-очагу стерегла Фалкана и, казалось, решала, радоваться ей благополучному завершению опасного путешествия или гневаться на внучку.

Борта хмыкнула:

– Поскольку в настоящее время я помолвлена с капитаном Берладского гнезда, – (от слов «в настоящее время» Еран заметно сник), – я отчасти подчиняюсь еще и тамошней матери-по-очагу. Она не имеет ничего против того, чтобы я виделась со своим суженым. Вот я и пригласила его на свидание… с пользой для дела.

– Мы с нею переговорили, – рассерженно бросила Хулуна.

Поднявшись, она приказала нескольким руккинам отнести Фалкана подальше от птиц. Воины повиновались и, кряхтя, подняли его. В облике паука Фалкан был намного тяжелее.

Борта пожала плечами, приготовившись пойти вслед за Хулуной:

– Его мать-по-очагу согласилась, что свидания с пользой для дела лучше пустой болтовни.

Уходя, Борта тайком улыбнулась Ерану. Несарина видела это собственными глазами. Еран проводил Борту взглядом, потом криво усмехнулся.

– Борта обещала назвать дату свадьбы. Потому моя мать-по-очагу и согласилась. Жаль, я не успел ей сказать, что эта дата меня совсем не устраивает, – сказал он, подмигнув Сартаку.

Еран догнал Борту, и та обрушила на него поток резкостей. А

исчерпав их, позволила ему идти рядом.

Повернувшись к Сартаку, Несарина увидела, что принца шатает. Она бросилась к нему, подхватила за талию и поморщилась от резкой боли во всем теле. Кто-то крикнул, подзывая целителя. Но принц устоял на ногах.

Несарине очень не хотелось убирать руки с его талии. Сартак смотрел на нее и снова улыбался той нежной улыбкой:

– Ты спасла меня.

– Мне не хотелось, чтобы истории о Крылатом Принце вдруг кончились столь нелепым образом. А сейчас тебе лучше сесть, – сказала она, косясь на его раненую ногу.

Несарину отвлекла вспышка света и крики… Черный паук исчез. Вместо него на полу лежал израненный, окровавленный человек. Когда она снова повернулась к Сартаку, принц внимательно смотрел на нее.

У нее сдавило горло. Губы сомкнулись и задрожали. Несарина только сейчас осознала: они здесь, в Альтунском зале. Живые – раны не в счет. Никогда еще она не испытывала такого ужаса и отчаяния, как в те минуты, когда паучихи разлучили ее с Сартаком.

– Не плачь, – прошептал принц, слизывая ее слезы. – Что люди скажут про Стрелу Нейты? Разревелась, когда надо радоваться.

И она засмеялась. Пусть и сквозь слезы, но засмеялась. А потом крепко обняла Сартака и положила голову ему на грудь. Он молча гладил ее по волосам.

Через пару дней, на рассвете, собрался Совет кланов. В Альтунский зал со всех гнезд прилетели матери-по-очагу и их капитаны. Давно уже здесь не видели столь многолюдного и внушительного собрания.

Весь предыдущий день Несарина проспала, но не в своей комнатке, а в одной постели с принцем. Они и сейчас стояли вместе перед собравшимися.

Они смыли с себя всю кровь паучих. Целители подлатали их раны. И хотя Сартак всего лишь поцеловал ее, Несарина не возражала, когда он взял ее за руку и, прихрамывая, повел в свою спальню.

Их разбудили. Им заново перевязали раны. Выйдя в зал, Несарина и Сартак обнаружили, что там полным-полно руккинов. Возле дальней стены сидел Фалкан. Рука у него была на перевязи, но глаза смотрели ясно. Несарина лишь улыбнулась оборотню. Сейчас было не время для разговоров. О своей догадке она расскажет потом.

Хулуна приветствовала гостей, называя каждого по имени. Это заняло какое-то время. Когда приветствия окончились, в зале установилась тишина. Несарина стояла плечом к плечу с Сартаком. Его волосы были непривычно короткими. В спальне, поймав ее хмурый взгляд, он усмехнулся и сказал: «Раз голова цела – волосы отрастут».

Взгляды собравшихся были устремлены на них. Кто смотрел тепло и дружески, кто с беспокойством. Попадались и холодные, жесткие взгляды.

– Харанкаи снова зашевелились, – начал Сартак.

Вокруг зашептались.

– И хотя мужество и решительные действия Берладского клана задали паучихам жару в самом прямом смысле, это лишь временная передышка. Скорее всего, паучихи вернутся. Они слышали призыв темных сил, разнесшийся по миру, и намерены откликнуться.

Несарина вышла вперед. Вскинула голову. Слова, которые она готовилась произнести, пугали ее, но голос ни разу не дрогнул.

– Мы много чего услышали и узнали, пока находились в Дагульском переходе. – Голос Несарины зазвенел. – Эти сведения изменят ход войны на севере. Изменят наш мир.

Теперь все смотрели на нее. Хулуна кивала. Борта, сидевшая рядом, ободряюще улыбалась. Еран неподалеку от нее внимательно слушал, успевая поглядывать на свою суженую.

Сартак крепко сжал пальцы Несарины. В этом пожатии была просьба рассказать этим людям все. И обещание.

– На Северном континенте нам противостоит армия, состоящая не из людей, а из демонов, – продолжала Несарина. – И если мы не поднимемся навстречу этой угрозе, если не встретим ее все вместе, забыв о различиях между народами и расстояниях между континентами, – тогда мы обречены.

Несарина рассказала им почти все, что узнала от паучихи. Об Эраване. О Маэве. Умолчала она лишь о поиске Ключей. Когда ее рассказ подошел к концу, кланы возбужденно перешептывались.

– Выбор я оставляю за вами, – все тем же уверенным голосом заговорил Сартак. – Ужасы, с какими мы столкнулись в Дагульских горах, – только начало. Если вы решите остаться, я ни единым словом вас не упрекну. Но все, кто полетит со мной, будут сражаться под знаменем хагана. У вас есть время все обсудить между собой.

С этими словами Сартак взял Несарину за руку и повел из зала. Фалкан заковылял следом. Хулуне и Борте, возглавляющим Эридунский клан, надлежало остаться. Несарина знала: их клан

отправит своих руккинов на север. А вот другие кланы…

Когда все трое добрались до комнатки, служащей Сартаку чем-то вроде гостиной, шепот руккинов перерос в громкие и шумные споры. Принц объявил, что сходит на кухню и принесет поесть, после чего подмигнул Несарине и ушел.

Оставшись наедине с оборотнем, Несарина подошла к огню, чтобы согреть озябшие руки.

– Как ты? – спросила она Фалкана, плюхнувшегося на стул с низкой спинкой.

– Везде болит, – поморщился Фалкан, потирая ногу. – Это мне напоминание, чтобы больше не совершал героических поступков.

– Но ты здорово нам помог. Если бы не ты, неизвестно, чем бы все кончилось. И хорошо, что тебя удалось дотащить сюда живым.

– А кто бы горевал по мне? – Фалкан вздохнул.

У Несарины снова сдавило горло.

– Если мы полетим на север: сначала в Антику, а потом на Эрилею, – она не могла заставить себя произнести слово «домой», – ты присоединишься к нам?

Оборотень долго молчал.

– Неужели кому-то из вас я там нужен?

Несарина повернулась к нему:

– Хочу кое-что тебе рассказать.

Фалкан плакал. Обхватив голову, он всхлипывал, слушая предположения Несарины. Она мало знала о жизни Лисандры, но возраст и место совпадали. Не совпадало лишь описание. Мать Лисандры говорила о заурядного вида девчонке с каштановыми волосами. А Несарина помнила Лисандру черноволосой, зеленоглазой красавицей.

Все сомнения Фалкана отпали. Да, он полетит с ними. На войну. На поиски племянницы, которую он и так искал год за годом.

Сартак принес еду. Через полчаса они втроем вернулись в зал.

Кланы определились с решением.

Сартак снова взял Несарину за руку (что было нелишне, поскольку руки у нее дрожали). Фалкан с трудом поднялся и, отирая слезы, двинулся тоже.

Они успели пройти совсем немного, как едва не столкнулись с бегущей посыльной. Несарина отступила, считая, что запыхавшаяся девица с выпученными глазами привезла сообщение для принца. Но та протянула ей письмо. Руки Несарины вновь затряслись. Она узнала почерк Шаола.

Сартак, тоже узнавший его почерк, деликатно отошел, чтобы не мешать.

Несарина перечитала письмо дважды. Потом втянула в себя воздух, подавляя тошноту.

– Он… просит меня вернуться в Антику. Чуть ли не умоляет, – сказала она, зажав послание в дрожащих пальцах. – Просит нас вернуться немедленно и лететь со скоростью ветра.

Сартак взял у нее письмо и прочел сам. Фалкан стоял в сторонке и видел, как принц морщит лоб. Окончив читать, Сартак даже выругался.

– Что-то там неладно, – сказал он Несарине.

Она кивнула. Шаолу было несвойственно просить о помощи. Он не хотел, чтобы ему помогали. Но если сейчас он настоятельно просил их поторопиться… Она посмотрела в сторону собравшихся. Совет кланов ждал, чтобы огласить свое решение, однако Несарина задала принцу другой вопрос:

– Как скоро мы сумеем вылететь в Антику?

58

Наступило утро и превратилось в день, а Ириана не торопилась вылезать из постели. Шаол тоже. Они все же переместились в гостиную, чтобы поесть, но и там сидели полуодетыми.

Не стоит торопить Хазифу. Она все обдумает, взвесит и решит, отдавать ли им книги. Нужно спокойно дожидаться ее решения. А потом снова ждать, пока судьба не столкнет их с Аэлиной Галатинией или кем-то другим, кто в состоянии эти книги прочесть и понять. Так Ириане сказал Шаол, когда она ему пересказала услышанное от Хазифы.

– Должно быть, те книги полны очень важных сведений, – рассуждал вслух Шаол, не забывая жевать рубиновые зерна граната.

– Если мы не ошиблись в предположениях и книги действительно очень древние; если многие из них попали в Торру из Города Мертвых и подобных мест, железный шкаф Хазифы – настоящая сокровищница, – сказала Ириана. – Мы сможем узнать о валгах и о том, как целительницы с ними связаны.

– Аэлине повезло. В Рафтхоле, в королевской библиотеке, она наткнулась на похожие книги.

Минувшей ночью Шаол рассказал Ириане о женщине-ассасине по имени Селена, оказавшейся террасенской королевой Аэлиной. Рассказанная без утайки история эта была длинной и

печальной. Голос Шаола даже охрип, когда он рассказывал о Дорине. О каменном ошейнике и валгском принце. Шаол говорил о тех, кого они потеряли. Не умолчал он и о своей роли, о принесенных им жертвах, о нарушенных обещаниях… Словом, обо всем.

И если бы Ириана не полюбила его раньше, она бы сделала это теперь, узнав правду. Видя, как утраты и страдания изменили его.

– Должно быть, прежний адарланский король не заметил этих книг, когда искал трактаты по древней магии. Чтобы подавить магию на всем континенте, ему нужно было основательно подготовиться.

– А может, кто-то из богов сделал так, чтобы король их не заметил, – предположила Ириана. – Сомневаюсь, что в той библиотеке водятся бастинские кошки.

Шаол покачал головой, вертя в руках опустошенную кожуру граната:

– Боги всегда сопровождали Аэлину. Сейчас меня это ничуть не удивляет.

– Что случилось с прежним королем? Валгский демон погиб вместе с ним?

Лицо Шаола помрачнело. Он откинулся на спинку дивана, которым заменили их любимый золотистый, располосованный во время погрома. Этот был жестким и неудобным.

– Аэлина его исцелила.

– Каким образом? – встрепенулась Ириана.

– Выжгла из него демона. Они с Дорином сделали это вместе.

– И человек – настоящий король – это пережил?

– Нет. То есть вначале да. Аэлина и Дорин очень скупо рассказывали про события на мосту. Королю хватило времени рассказать им о причинах своих десятилетних зверств, но мне думается, он быстро угасал. А затем Аэлина уничтожила замок. И короля вместе с замком.

– Но огонь выжег валгского демона, обитавшего внутри?

– Да. По-моему, это помогло и спасению Дорина. Хотя бы дало ему свободу разделаться со своим демоном… А почему ты спрашиваешь?

– Потому что мои догадки…

Она привычно оглядела гостиную, затем двери. Никого.

– Я думаю… – Она наклонилась к уху Шаола, сжав ему колено. – Валги – паразиты. Они похожи на заразные болезни.

Шаол изумленно открыл рот, но Ириана продолжала:

– Вскоре после моего поступления в Торру Хазифа взяла меня во дворец. Я помогала ей извлекать ленточного червя из живота

Хасары. Такие черви кормятся за счет тех, в ком поселились. Валги похожи на червей. Они поселяются в человеке, высасывают из него все соки, а когда кормиться больше нечем, просто убивают.

Шаол затих, обдумывая услышанное.

– Но валги устроены сложнее, чем безмозглые черви.

– Да, и в этом я вчера хотела убедиться. Вместе с тобой. Хотела узнать, насколько разумна тьма. Величину ее силы. А главное – остались ли какие-либо паразиты в твоей крови. Не осталось, но… Там обитал другой паразит, кормившийся тобой. Он-то и давал тьме возможность управлять.

Шаол молчал.

– Я это поняла позавчера, – сообщила Ириана. – Обнаружила, что паразиты живут и во мне. Ненависть, гнев, страх и боль.

Она откинула выбившуюся прядку:

– Все эти годы они питались мною. Поддерживали и одновременно сжирали.

И когда она поняла, что место, куда она больше всего боялась ступить, находилось внутри ее… Ей нужно было не только войти туда, но и признаться самой себе, кто́ живет у нее внутри.

– Когда я поняла, что́ делаю, мне открылось, чем являются валги. Чем являются твои тени. То и другое – паразиты. Неделями ты выдерживал их натиск, а нужно было встретиться с ними лицом к лицу. И тогда я атаковала их, как сделала бы с любым паразитом. До сих пор они сражались со мной. Я заставила их переключиться на тебя, чтобы ты их увидел и уничтожил. Как и мне, тебе нужно было войти туда, куда до сих пор ты отчаянно боялся входить. Войти и наконец решить, что ты готов дать им бой.

Глаза Шаола ярко сверкали.

– Это громадное достижение, – сказал он.

– Согласна.

Ириана задумалась над его словами об Аэлине и демоне внутри прежнего короля:

– Огонь выжигает и очищает. Но целители редко его используют. Огонь слишком неуправляем. Вода больше отвечает потребностям целителей. Однако есть целительские способности, выбивающиеся из общего ряда. Вроде моего.

– Свет, – сказал Шаол. – Я видел целый рой маленьких точек света, атакующих тьму.

Ириана кивнула:

– Аэлина сумела освободить Дорина и его отца. Она действовала жестко, грубо, и один из них не выжил. Но если бы этим занималась целительница, имеющая дар, схожий с моим?

Если бы мы лечили зараженных валгами? Каменные кольца и ошейники – не более чем орудия насаждения. Нечто вроде лужицы гнилой воды или такой же пищи. Они – всего лишь сосуды, в которых есть частицы демонов. Попав в организм человека, демоны начинают разрастаться. Снятие кольца или ошейника – первый шаг. Ты сам говорил, что это не мешает демону оставаться внутри хозяина.

Шаол кивнул. Он волнения у него сбилось дыхание.

– Думаю, я могу их исцелить, – прошептала Ириана. – Мне думается, валги – разновидность паразитов, а я умею освобождать людей от заражения.

– Тогда все, кого пленил Эраван, кого он удерживал этими кольцами и ошейниками…

– Вероятно, мы смогли бы их освободить.

Шаол сжал ее руку:

– Но тебе нужно подойти к ним вплотную. А недооценивать их силу опасно.

– Вот здесь-то мне и помогла бы сдерживающая сила Аэлины и Дорина. Конечно, это лишь предположение.

– И его проверка сопряжена со значительным риском. – Челюсти Шаола напряглись. – Должно быть, потому ставленник Эравана и охотится за тобой. Им нужно стереть знания об этом. Не допустить, чтобы мое исцеление натолкнуло тебя на важные открытия. И главное – не дать тебе рассказать об этом другим целительницам.

– Если все так, как ты говоришь… Почему сейчас? Зачем понадобилось столь долго ждать?

– Сначала Эраван даже не задумывался о такой угрозе. Все изменилось, когда Аэлина избавила от валгских демонов Дорина и короля… Но есть некое кольцо. Оно принадлежало Атрилу – другу короля Брэннона и возлюбленному Маэвы. Кольцо давало Атрилу защиту от валгов. Такое кольцо было всего одно. Долгое время его считали безвозвратно потерянным. Аэлина нашла кольцо. Маэва так жаждала его заполучить, что в обмен на кольцо освободила Рована от клятвы верности и позволила уйти вместе с Аэлиной. Легенда гласит, что кольцо изготовила Атрилу сама Мэла. Но Мэла любила не Атрила, а Брэннона.

Шаол вскочил с дивана и стал ходить по гостиной. Ириана следила за каждым его шагом.

– В королевском замке, в покоях Аэлины висела старинная шпалера с изображением оленя. Под шпалерой скрывалась дверь. Дверь вела в подземелье, где Брэннон спрятал один из Ключей Вэрда. Это был первый толчок, заставивший Аэлину двинуться по этому пути.

– Наверное, на шпалере было что-то еще? – догадалась Ириана.

– Там были разные звери и птицы. Среди них – сова. Сова была животным обличьем Атрила, а не Брэннона. Там все было зашифровано: и шпалера, и гробница. Символы на символах. Но сова… Мы даже не задумывались. Нам и в голову не приходило.

– Не задумывались… о чем?

Шаол остановился посреди гостиной:

– Ведь сова могла быть не только животным обличьем Атрила, но еще и знаком его верности кому-то.

В гостиной было очень тепло, однако Ириана зябко поежилась:

– Верности Сильбе.

– Богине исцеления, – кивнул Шаол.

– Значит, кольцо, уберегающее от валгов, сделала вовсе не Мэла.

– Нет, не она.

Его изготовила Сильба.

– Нужно отправляться к Хазифе, – тихо и решительно проговорила Ириана. – Даже если она не разрешит нам взять книги, мы попросим позволения взглянуть на них. Посмотрим своими глазами на то, что пережило столько веков. Узнаем, чему фэйские целители могли научиться во время той войны.

– Тогда одеваемся и идем.

Но дверь открылась, и в гостиную вошла Хасара. На ней было просторное золотисто-зеленое платье.

– Ну-ну, – усмехнулась она, глядя на полуодетых Ириану и Шаола и их всклокоченные волосы. – Уютно устроились.

Принцесса улыбнулась Шаолу. Ириана почувствовала, что земля уходит из-под ног.

– А мы получили известия из твоих земель.

– Какие известия? – спокойно спросил Шаол.

Прежде чем ответить, Хасара полюбовалась своими ногтями:

– Так, ничего особенного. Армаде королевы Маэвы удалось обнаружить армию, которую Аэлина Галатиния втайне собирала по кускам. Произошло сражение.

Шаолу хотелось задушить ухмыляющуюся принцессу. Но он совладал с этим желанием. Его руки не шевельнулись. Он стоял с гордо поднятой головой, ничуть не смущаясь, что полуодет.

– Что… произошло? – с расстановкой спросил он.

Произошло морское сражение. Аэлина против Маэвы. Получается, он смотрел на меч, висящий над головой, и ждал, когда тот упадет. Если он непоправимо запоздал…

– Зрелище было поистине внушительное, – продолжала Хасара, отрываясь от разглядывания ногтей. – Фэйская армада против разношерстных сил людей.

– Хасара, не тяни, – взмолилась Ириана.

Принцесса вздохнула, глядя на потолок:

– Можете радоваться. Маэва была разбита.

Шаол плюхнулся на диван.

Аэлина… Хвала богам, Аэлина сумела найти способ.

– Хотя там есть множество интересных подробностей.

Насладившись произведенным впечатлением, Хасара скороговоркой изложила полученные сведения. Треть армады Маэвы, шедшая под флагом клана Боярышника, обратилась против своих и примкнула к террасенскому флоту. Дорин сражался на передовой вместе с Рованом. Затем невесть откуда появилась стая драконов, и тоже на подмогу Аэлине.

Манона Черноклювая. Шаол был готов побиться об заклад и даже предложить в качестве ставки собственную жизнь, что эта ведьма появилась там неспроста. Кому она решила оказать услугу – Аэлине или Дорину, – он не знал. Но вмешательство отряда ведьм, вероятно, и изменило ход сражения.

– Рассказывают, что такого впечатляющего применения магии еще не видели, – продолжала Хасара. – Лед, ветер и вода. – («Дорин и Рован», – подумал Шаол.) – Если верить слухам, там и без оборотня не обошлось. – («Значит, и Лисандра была там».) – Но никакой тьмы, или чем там сражалась Маэва. И никакого огня.

Шаол вдавил ладони в колени.

– Правда, в части донесений сообщается, что пламя и тени были замечены далеко от места сражения. На берегу. Вспышки огня. Пелена теней. Но на кораблях ни Аэлины, ни темной королевы не было.

Он вполне понимал стратегический замысел Аэлины. Перенести поединок с Маэвой на берег, дабы уменьшить число возможных жертв. Аэлина выбрала место, где можно было, не

оглядываясь, применить всю мощь ее магии.

– Как я уже говорила, силы людей победили, – сказала Хасара, расправляя оборки на платье. – Через несколько часов Аэлину заметили возвращающейся к своей армаде. Оттуда ее корабли поплыли на север.

Шаол мысленно вознес благодарственную молитву Мэле и поблагодарил всех богов, хранивших Дорина.

– Потери были велики?

– Среди простых воинов – да, но только не среди заинтересованных игроков, – ответила Хасара, и Шаола обдало новой волной ненависти. – Но Маэва бесследно исчезла. Может, поплывет сюда зализывать раны, – добавила принцесса, хмуро взглянув на окна.

Шаол молил всех богов, чтобы этого не случилось. Если к моменту возвращения армада Маэвы по-прежнему будет находиться в Узком море…

– Куда поплыли остальные корабли? – спросил он, мысленно добавив: «Где я найду моего короля и брата?»

– Наверное, в Террасен. Теперь ведь у Аэлины есть собственная армада. И еще другая.

Хасара улыбалась ему. Ждала, что Шаол засыплет ее вопросами и будет умолять ответить.

– Какая еще другая армада?

Хасара пожала плечами, намереваясь покинуть гостиную:

– Оказывается, братство Молчаливых ассасинов из Красной пустыни задолжало Аэлине, и она напомнила им о долге.

У Шаола жгло глаза.

– И на Вендалине у нее должники нашлись.

У него затряслись руки.

– Сколько кораблей? – шепотом спросил Шаол.

– Все, – ответила Хасара, берясь за дверную ручку. – Приплыла вся вендалинская армада под командованием наследного принца Галана.

Аэлина… Кровь Шаола бурлила. Ириана сияла. Глаза целительницы были широко распахнуты и полны такой же сияющей надежды.

– Не думала, что у Аэлины окажется столько сторонников, – нехотя призналась Хасара. – И что товар, который она предлагает, пользуется спросом.

– Какой еще товар? – не поняла Ириана.

– Думаю, тот же, который она пыталась продать и мне. Месяца два с лишним назад я получила от нее послание, где она просила о помощи. Одна принцесса – другую.

– И что Аэлина тебе обещала? – судорожно вздохнув, спросил

Шаол.

– Более совершенный мир, – усмехнулась Хасара.

60

Ириана с Шаолом протискивались сквозь людской поток, заполнивший узкие улицы Антики. Был вечер, и люди спешили домой. Внутри Шаола все бурлило, но не от гнева. Его цель вдруг начала обретать очертания.

Аэлине удалось собрать армию. Если хаган даст им хотя бы несколько отрядов… В глазах Шаола не угасала надежда. Ириана это видела. Казалось, он вновь обрел смысл жизни.

На войне никакая помощь не бывает лишней. Но вначале нужно убедить детей хагана.

Последний рывок – так называл это Шаол. Они добрались до прохладного коридора Торры и теперь быстро поднимались по лестнице. Шаол признался, что готов ползать перед хаганом. Он обязательно сделает еще одну попытку убедить хагана. Вероятно, последнюю.

Но сейчас самое главное – поговорить с Хазифой. Знания из книг в черном шкафу могут оказаться более действенным оружием, чем мечи и стрелы.

Шаол с поразительной легкостью шел по бесконечной спирали лестницы. Им предстоял серьезный разговор, однако он не удержался и шепнул Ириане:

– Неудивительно, что от постоянной беготни вверх-вниз у тебя такие крепенькие и соблазнительные ножки.

– Нахал, – отмахнулась покрасневшая Ириана.

Лестница не пустовала. Был час обеда, и целительницы спускались в трапезную. Несколько женщин улыбнулись Шаолу. Молодые девчонки хихикали. Шаол всем тепло улыбался, заставляя девчонок краснеть и вздыхать.

«Мой. Он только мой!» – хотела крикнуть им Ириана. Этот красивый, смелый, бескорыстный мужчина принадлежал ей. И вместе с ним она отправится домой.

Эта мысль несколько притушила ее ликование. Вскоре ей уже не придется взбираться по винтовой лестнице. Неизвестно, когда она снова вдохнет аромат лаванды и запах свежеиспеченного хлеба. Когда услышит беспечный девчоночий смех.

Шаол угадал ее мысли. Он погладил ее по руке. Ириана крепко сжала его пальцы. Да, часть ее останется здесь. Но зато она возьмет с собой… Улыбаясь этой мысли, Ириана не заметила, как они поднялись на самый верх Торры.

Подъем все-таки утомил Шаола. Он шумно дышал, упираясь в стену площадки. Дверь кабинета Хазифы была приоткрыта, и оттуда тянулись последние лучи закатного солнца.

– Такую высоченную башню могла построить только отъявленная мучительница, – сказал Шаол.

Ириана засмеялась и постучала в дверь:

– Башню строили по замыслу Камалы. Ходят слухи, что она…

Ириана привычным движением распахнула дверь. В кабинете верховной целительницы было пусто. Дверь рабочей комнаты тоже была приоткрыта.

– Хазифа! – крикнула Ириана.

Не получив ответа, она все равно открыла дверь.

И здесь пусто. Железный шкаф, к счастью, был заперт.

Наверное, делает обход больных в прилегающем здании. Или на обеде. Но ведь они с Шаолом видели всех, кто спешил на зов обеденного колокольчика. Хазифы среди них не было.

– Подожди здесь, – сказала Ириана.

Она спустилась этажом ниже.

– Эреция, ты у себя? – спросила она, открывая дверь комнатки.

– А где же мне быть? – проворчала та. – Обаятельные мужчины давно уже проходят мимо меня. Один только что промелькнул.

Сверху донеслось громкое покашливание Шаола. Ириана усмехнулась:

– Ты не знаешь, где сейчас Хазифа?

– В своем святилище, – не поворачиваясь, ответила Эреция. – Весь день там провела.

– Ты… уверена?

– Да. Собственными глазами видела, как она входила. Вошла, дверь закрыла и пока не появлялась.

– Дверь там не заперта, но Хазифы нет.

– Значит, проскользнула мимо, а я даже не заметила.

Проскользнула, не сказав ни слова? Хазифа обычно так не поступала.

Ириана чесала в затылке, оглядывая площадку. На этаже было еще две комнаты. Ничего не сказав Эреции, Ириана постучалась в первую. Комната пустовала. Во второй целительница повторила слова Эреции: Хазифа занята у себя в рабочей комнате.

– Никто ничего не знает? – спросил Шаол, когда она поднялась к нему.

Ириана раздраженно постукивала ногой по полу. Возможно, ей уже мерещится, однако…

– Давай заглянем в трапезную, – только и сказала она.

Глаза Шаола понимающе блеснули. Видно, он тоже что-то почуял.

Они спустились на два этажа. Комната Ирианы находилась здесь. Дверь была заперта, но под дверью что-то застряло, словно кто-то шел и отпихнул ногой этот предмет.

– Что это?

Шаол молниеносно выхватил меч. Его движение напоминало танец. Ириана нагнулась и вытащила предмет. Послышался скрежет металла по камню.

Следом показалась цепочка… То был ключ от железного шкафа Хазифы.

Шаол внимательно разглядывал дверь и лестницу. Ириана дрожащими пальцами надела цепочку на шею.

– Хазифа не могла случайно обронить этот ключ, – сказала она.

Верховная целительница как будто намеренно затолкнула ключ, желая спрятать.

– Она как знала, что с нею случится неладное.

– Обе двери наверху целы, – возразил Шаол. – Никаких следов нападения.

– Возможно, что-то ее напугало. Но бездумные поступки Хазифе не свойственны.

Шаол легонько подтолкнул Ириану к лестнице:

– Нужно сообщить караульным и начать поиски.

Ириану замутило. Она боялась, что ее вывернет прямо на ступени.

Если она навлекла беду еще и на Хазифу…

Паника никогда и никому не помогала. Ириана заставила себя глубоко вдохнуть. Потом еще раз.

– Нужно действовать быстро. Как твоя спина?

– Не волнуйся, не болит. Я выдержу.

Ириана придирчиво осмотрела его:

– Тогда побежали.

Спускаться было значительно легче. Всех, кто встречался им на лестнице, они спрашивали насчет Хазифы. Кто пожимал плечами, кто говорил: «У себя в рабочей комнате». Казалось, верховная целительница попросту растворилась в воздухе. Или превратилась в тень.

Шаол много чего успел повидать и выдержать. Это приучило его слушать свою интуицию. А она говорила: с Хазифой что-то произошло или происходило сейчас.

Лицо Ирианы было белым от ужаса. Спустившись вниз,

Ириана обратилась к дежурному гвардейцу и лаконично сообщила, что верховная целительница пропала.

Шаол знал по собственному опыту: пока караульные соберутся, пока начнут поиски, будет потеряно драгоценное время. А в ближайшие минуты и даже секунды могло случиться что угодно.

В людном коридоре первого этажа Ириана окликнула нескольких целительниц и спросила о местонахождении Хазифы. В трапезной ее не видели. В огороде лекарственных трав – тоже. Оба места целительницы покинули считаные минуты назад.

Торра с прилегающими зданиями и землями была городом в городе.

– Если разделиться, поиски пойдут вдвое быстрее, – сказала Ириана, вглядываясь в пространство коридора.

– Нет. Возможно, противник на то и рассчитывает. Надо держаться вместе.

Ириана вытерла вспотевший лоб:

– И рассказывать всем об исчезновении Хазифы нельзя. События в библиотеке еще не забылись. Начнется переполох, и это лишь подхлестнет нашего противника… или противников. Толкнет на отчаянные действия. Поэтому надо действовать тихо.

Шаол кивнул.

– Откуда начнем? Она могла уехать в город. А могла…

Слово «погибнуть» Ириана произнести не решилась.

– Сколько ворот у Торры со стороны улиц?

– Двое. Главные и боковые, для грузов. Те поменьше. Все тщательно охраняются.

Разговор с караульными у ворот занял не много времени. Гвардейцы имели отличную выучку. Не полагаясь на память, они записывали всех, кто входил и выходил. Хазифу они не видели. Повозок вообще не было с раннего утра. С тех самых пор, как Эреция в последний раз видела верховную целительницу.

– Тогда Хазифа должна находиться в башне или в одном из прилегающих зданий, – сказал Шаол, обводя глазами лечебное строение. – Если, конечно, вход и выход ограничивается теми воротами. Может, есть какие-то другие, о которых ты забыла?

Ириана замерла. В наступающих сумерках ее глаза светились, как два золотистых уголька.

– Библиотека, – прошептала она и бросилась бежать.

Какой же быстрой она была! Шаолу не оставалось иного, как пуститься следом. Он бежал! Боги милосердные, он был снова способен бегать…

– Если верить слухам, под библиотекой есть туннели, – на бегу рассказывала Ириана. Они бежали уже по главному

коридору. – Находятся очень глубоко. Куда-то ведут. Куда – мы не знаем. Опять-таки слухи утверждают, что туннели замурованы, но…

У Шаола заколотилось сердце.

– Тогда понятно, почему валги могли незаметно появляться и исчезать.

Если старуху утащили в туннель…

– Но как они могли увести Хазифу вниз? Это же было днем. Все сразу заметили бы.

Шаолу не хотелось отвечать на ее вопрос. Окутать пространство тенями – для валгов нет ничего проще. За тенями легко спрятаться и спрятать свою жертву. И безобидные с виду тени в любой момент могли оказаться смертельно опасными.

Возле стола главной библиотекарши Ириана остановилась. Точнее, схватилась за край, чтобы не упасть на невероятно гладком мраморном полу.

– Ты Хазифу видела? – выпалила Ириана.

Нуша посмотрела на них с Шаолом. Увидела меч в его руке:

– Что случилось?

– Как нам попасть в туннели? Я слышала про замурованные туннели. Где они находятся?

У нее за спиной темно-серая бастинская кошка спрыгнула с кресла возле очага и помчалась по библиотечному коридору.

Взгляд Нуши переместился на старинный колокольчик размером с дыню. Он дремал на подставке. Рядом лежал молоточек. Главный библиотекарь протянула к нему руку, однако Ириана перехватила ее ладонь:

– Не надо. Звон лишь предупредит наших противников. Это мы уже знаем.

Смуглая кожа Нуши побледнела.

– Спускайтесь на самое дно. Идите прямо к стене. Там будет поворот налево. Идите по проходу, пока он не кончится. Вы увидите: камень в том месте уже грубый, без блеска. Оттуда сверните направо. В том месте и начинаются туннели.

Ириана тяжело дышала и лишь кивала, повторяя себе направление. Шаол запоминал молча, набрасывая мысленный чертеж.

– Позвать караульных? – Нуша встала из-за стола.

– Да, – ответил ей Шаол. – Но действуйте тихо. Пошлите их следом за нами. Чем быстрее, тем лучше.

– В эти туннели сотни лет никто не заглядывал, – предупредила Нуша. У нее тряслись руки. – Будьте осторожны. Даже мы не знаем, куда они ведут и что там может скрываться.

Шаол хотел ей сказать о бесполезности туманных

предостережений перед битвой, но раздумал. Он взял Ириану за руку, и они пустились бегом по коридору.

61

Ириана считала каждую ступеньку. Ей это ничем не помогало. Мозг сам называл цифры бесконечного списка.

Один, два, три… Сорок… Триста… Четыреста двадцать четыре… Семьсот двадцать один.

Они спускались все ниже, вглядываясь в каждый проход и нишу, в каждый закуток читальных залов. Ничего. Только девчонки-ученицы, погруженные в чтение. Многие складывали книги, готовясь отправиться наверх. И как назло, ни одной бастинской кошки.

Восемьсот тридцать… Одна тысяча три…

Они достигли самого нижнего этажа библиотеки. Свет здесь был гораздо тусклее. От него веяло сонливостью. Зато тени были подвижнее, чем наверху. В каждой Ириане виделись лица.

Шаол шел первым. Он хорошо помнил указания Нуши. Лезвие меча блестело, как ртуть.

Воздух стал холоднее. Светильников стало меньше, а расстояние между ними увеличилось. Книги в кожаных переплетах сменились ветхими свитками. Потом свитки уступили место дощечкам с вырезанными письменами. Исчезли деревянные полки. Дощечки лежали в нишах, вырубленных прямо в стенах. Кончились мраморные полы. Исчезла облицовка стен. Теперь снизу, сверху и по бокам был сплошной необработанный камень.

– Здесь, – прошептал Шаол, останавливаясь и поднимая меч.

Ириана тоже остановилась. Они попали в подобие зала, освещенного единственной свечой, которая стояла прямо на полу. Вдоль дальней стены виднелись четыре входа в туннели. Три были заложены тяжелыми каменными плитами, а четвертый – открыт. Его плита – сдвинута в сторону. У входа горела другая свеча. За ней простиралась кромешная тьма.

Туннель. Он был протяженнее Чрева Сильбы. Длиннее любого подземного этажа Торры. Пол стал земляным.

– Видишь следы? – спросил Шаол указывая на две цепочки следов, идущих рядом.

Следы в рыхлой земле не могли сохраняться годами. Они были совсем свежими.

– Ты останешься здесь, – распорядился Шаол. – А я…

– Нет, – тихо, но решительно возразила Ириана. – Вместе. Мы пойдем туда вместе.

Шаол задумался, потом кивнул. И осторожно повел Ириану к входу в туннель, показывая, куда ступать, чтобы не задевать обломки камня и не шуметь.

Свеча манила обойти ее и ступить в темноту. Приглашение в неизвестность. Шаол наклонил меч, и лезвие направило отраженный свет в начало туннеля… Ничего, кроме каменных обломков скрывающегося во тьме прохода.

Ириана вдыхала носом, выдыхала ртом. Хазифа. Где-то здесь находилась Хазифа. Ее могли… С ней могли сделать что угодно.

Шаол крепко взял Ириану за руку и повел в темноту.

Трудно сказать, сколько времени они молча, маленькими шажками шли по туннелю. Свеча у входа превратилась в крошечную точку и исчезла, зато впереди появилась такая же мерцающая точка. Казалось, тот светильник стоял где-то за углом.

За углом, где их ждали.

Шаол знал: это ловушка. Верховная целительница послужила приманкой. Но если они запоздали… Нет, такого допустить нельзя.

Они пошли дальше, на огонек второй свечи. Рука об руку. Сознавая, что́ может их там ожидать.

Свет делался ярче. То, что они приняли за свечу, было золотистым светом, льющимся из прохода. Большим пятном на каменной стене. Ириана порывалась бежать, но Шаол крепко держал ее за руку. Он ступал тихо, уверенно. Должно быть, о скором их появлении уже знали.

Туннель делал поворот. Здесь Шаол остановился, приглядываясь к освещенной стене и пытаясь разглядеть тени или иные следы присутствия. Ничего. Только свет.

Шаол осторожно заглянул за угол. Ириана тоже.

У нее перехватило дыхание. Даже Шаол, достаточно навидавшийся за минувший год, несколько оторопел…

Размер помещения не уступал бывшему тронному залу в стеклянном замке Рафтхола. Возможно, даже превосходил. Потолок держался на резных колоннах, ряды которых уходили в темноту. Помещение располагалось ниже туннеля, и к нему вела лестница. Шаол мгновенно разгадал загадку золотистого оттенка света. Он и не мог быть иным, потому что факелы освещали… груды золота.

Зал был сокровищницей, хранившей богатства некоей древней империи. Сундуки, набитые золотом. Золотые статуи, фигурки и вещицы. Доспехи. Мечи. Помимо сокровищ, в зале находились саркофаги, но не золотые, а из крепкого,

несокрушимого камня.

Это была гробница, впоследствии ставшая еще и сокровищницей. И на самой границе света и тьмы возвышался помост…

Ириана сдавленно вскрикнула, увидев золотой трон и на нем – связанную Хазифу с кляпом во рту. Шаол лишь мельком взглянул на плененную целительницу. Кровь застыла в его жилах, когда рядом с троном он увидел беременную женщину. На ее внушительном животе покоился кинжал.

Дува. Младшая дочь хагана. До смерти Тумелуны она была средней.

Она улыбалась пришедшим, и выражение ее лица было отнюдь не человеческим.

Дува находилась во власти валгского демона.

62

– Долго же вы сюда добирались, – посетовал демон, обитавший внутри Дувы.

Эхо от стен и статуй несколько раз повторило его слова.

Шаол вглядывался в пространство зала, оценивая каждый предмет, мимо которого они проходили. Замечая все, что могло сгодиться в качестве оружия, и возможные пути отступления.

Хазифа даже не шевельнулась и только смотрела, как Шаол с Ирианой идут по широкому проходу между сверкающими золотыми статуями и темными саркофагами. Еще один Город Мертвых. А может, часть огромного подземного города, простирающегося от Антики до Аксарского оазиса.

Дува не поехала на празднество, сказав, что в ее положении это слишком утомительно… Простая, безотказно действующая уловка. Кто бы мог подумать?

Ириана негодующе зашипела. Шаол понял, что и ей пришла та же мысль. Он быстро оценил ситуацию. Принцесса, одержимая валгом, вооруженная ножом и, возможно, черной магией. И верховная целительница, привязанная к трону…

А рядом с ним – Ириана.

– Как вижу, господин Эстфол вовсю раздумывает над своими действиями. Можешь не ломать голову. Я сам назову возможности, доступные тебе.

Было странно слушать Дуву, говорящую о себе в мужском роде. Тем более глядя на ее выпирающий живот, по которому она лениво водила кинжалом, почти не задевая ткани платья.

– Тебе придется выбирать между мной, верховной

целительницей и Ирианой Торас… Да, и между нею тоже, – улыбнувшись, прошептала Дува.

Этот голос… Принцесса говорила совсем не так. Ее нынешний голос шел из глубин ночи. Ириана содрогнулась, но тут же напомнила себе: она шла сюда не за тем, чтобы дрожать от страха.

Они с Шаолом остановились у возвышения. Ириана запрокинула голову и с невозмутимостью королевы спросила:

– Так чего же ты хочешь?

Дува посмотрела на нее. Глаза принцессы были совсем черными. Шаолу сразу вспомнились глаза валгов.

– А ты не догадываешься?

– Раз ты решил избавить меня от выбора, так избавь еще и от лишних вопросов.

Дува раздраженно сощурилась и издала смешок:

– Эти туннели соединяют Торру с дворцом хагана. Высокомерные фэйцы жили очень долго, но бессмертными не были. Когда кто-то из их знати умирал или погибал, их хоронили здесь. Отступников из благородной династии Моры.

Дува обвела рукой зал:

– Хаган бы спятил, узнав, сколько золота лежит совсем рядом с его дворцом. Когда наступит время, оно нам очень пригодится.

Ириана следила за Хазифой. Та держалась с удивительным спокойствием, словно зная, что близится ее конец, и не желая выглядеть в глазах Ирианы трусихой.

– Я ждал, когда же вы догадаетесь, что все это – моих рук дело, – голосом валга продолжала Дува. – Когда я уничтожил все эти драгоценные книги и свитки, мне думалось: теперь-то вы сообразите. Дува была единственной, кто не поехал в оазис. Но потом я понял ошибочность своих мыслей. Разве кому-нибудь придет в голову заподозрить кроткую беременную принцессу?

Она погладила выпирающий живот. Шаол понял, почему демон выбрал ее – эту милую, кроткую Дуву. Слишком мягкую, чтобы претендовать на трон и бороться за власть.

На лице Дувы появилась змеиная улыбка.

– А вы знаете, что кольцо едва не попало к Хасаре? Она заприметила его в числе свадебных подарков, посланных Перангтоном, и хотела взять себе. Но Дува ее опередила.

Принцесса растопырила пальцы, показывая широкое серебряное кольцо. Ни намека на Камень Вэрда.

– Камень под серебром, – прошептала Дува. – Маленькая хитрость, чтобы не вызывать подозрений. И когда она произносила клятвы верности своему дорогому, одуревшему от любви принцу, кольцо само наделось ей на палец.

Дува усмехнулась:

– Никто даже не заметил… Вернее, никто, кроме ее остроглазой младшей сестрицы.

Принцесса щелкнула языком:

– Тумелуна заподозрила неладное. Стала следить. Подкарауливала в местах, куда раньше Дува и не сунулась бы. Выходит, я поймал их обеих. – Валгский демон отвратительно хихикнул. – Но мне требовалась только одна. Любопытную Тумелуну я руками сестры столкнул с балкона.

Ириана едва не вскрикнула.

– Чего жалеть эту необузданную принцессу? – лениво протянул демон. – Только всех донимала скачками настроения. Того и гляди, отправится к родителям и начнет выкладывать свои подозрения насчет Дувы. Сами посудите, разве я мог это позволить?

– Ну ты и сука, – вырвалось у Ирианы.

– Ты вторая, кто называет так бедняжку Дуву, – ответил демон. – Первой была Тумелуна. Наговорила Дуве разных гадостей.

Дува погладила живот, затем постучала себе по голове:

– Слышали бы вы, как она кричала… как Дува кричала, когда я заставил ее столкнуть эту маленькую негодницу с балкона. Но я быстро заткнул ей рот. Правда? А Тумелуна умерла, даже не вскрикнув.

Принцесса слегка почесала кинжалом живот.

– Зачем ты здесь? – спросила демона Ириана. – Чего ты хочешь?

– Правильнее спрашивать: кого? Тебя.

Сердце Шаола сбилось с ритма.

Дува выпрямилась. Ее глаза торжествующе блеснули.

– До темного короля дошли слухи о целительнице, имеющей дар Сильбы. Сама она даже не подозревала и просто явилась в Торру учиться. Но короля эти слухи очень и очень насторожили.

– Потому что я способна изгонять таких паразитов, как ты?

Шаол предостерегающе посмотрел на Ириану. Дува вертела в руках кинжал, рассматривая узоры лезвия.

– Маэва всегда зорко следила за своими целителями, не выпуская их за пределы королевства. Его границы тщательно охранялись и охраняются по сей день. Спрашивается: почему? Прихоть королевы? Нет, она знала, что мы вернемся. Ей не хотелось быть застигнутой врасплох. И потому она холила и лелеяла своих доранелльских целителей. Ее тайную армию.

Дува ухмылялась, указывая ножом на гробницы.

– Эти фэйцы оказались смышлеными. Когда кончилась

последняя война, они вырвались из когтей королевы. Бежали сюда, подальше от Маэвы. Знали, что иначе она запрет их, как скот в хлеву. Они принесли сюда магию и начали делиться знаниями со смертными. Взращивали силы, способные сделать так, чтобы этот континент всегда оставался сильным и защищенным. А потом фэйцы исчезли, унеся под землю сокровища и летописи. Удостоверились, что внизу их забыли, но их садик, оставленный наверху, не завял.

– Зачем? – только и спросил Шаол.

– Чтобы те, на кого Маэва не обращала внимания, смогли сражаться против Эравана, если он вдруг вернется.

Дува снова цокнула языком:

– Эти фэйские отступники страдали избытком благородства… Так появилась Торра. А его темное величество и в самом деле поднялся снова, затем пал и был погружен в сон. Даже он забыл, на что способны те, кто наделен особыми способностями. Однако потом Эраван опять проснулся и вспомнил про целителей. Он постарался вычистить их с континента, который вы зовете Эрилеей.

Демон заставил Дуву холодно улыбнуться Ириане. Улыбка была пронизана ненавистью.

– Но оказалось, что одна маленькая юркая целительница ускользнула от палачей. Потом подросла и проделала неблизкий путь сюда. А здесь попала под защиту империи хагана.

У Ирианы сбилось дыхание. В ее глазах читался ужас и чувство вины. Своим появлением в Антике она принесла беду на Южный континент. Тумелуна. Дува. Торра. Наконец, весь хаганат.

Но то, чего сейчас не понимала Ириана, отчетливо понимал Шаол. Он вдруг ощутил у себя на плечах тяжесть этого континента… нет, тяжесть всего мира. Раз Эраван отправил сюда одного из ближайших сподвижников, валгский король был не на шутку испуган.

Ириана, ее магическая сила, которую наверняка чувствовал этот наглый, самоуверенный валг, была… Надеждой.

Перед демоном сейчас стояла не кто иная, как надежда. Антика два года оберегала эту надежду, пряча ее внутри крепких стен Торры. А еще раньше боги оберегали Ириану от сил, способных ее погубить, чтобы она смогла вырасти и отправиться сюда.

Крупица надежды.

Самый действенный вид оружия против Эравана и древней тьмы валгов.

Надежда спасти родину и соотечественников привела Шаола на этот континент. Надежда защитить их. Оружие, силой

превосходящее любую армию. Ириана была их единственным шансом на спасение.

Их надеждой.

– Тогда почему меня не убили сразу? – спросила Ириана. – Это можно было сделать еще давным-давно.

Шаол не осмелился бы задать такого вопроса. Даже подумать об этом.

Дува вновь уложила кинжал себе на живот:

– Потому что ты, Ириана Торас, гораздо полезнее Эравану живая.

Ириану трясло с ног до головы.

– Я никто, – прошептала она.

Кинжал застыл на животе Дувы. Хазифа все с тем же спокойствием наблюдала за происходящим.

– Да неужто? – издевательски-елейным голосом спросил демон. – Всего два года в Торре – и такой головокружительный взлет. Разве не так, верховная целительница?

Демон внутри Дувы насмешливо смотрел на Хазифу. Ириану чуть не вытошнило. Хазифа спокойно выдержала этот взгляд.

– Она знала, – тихо рассмеялся демон. – Она сама мне это сказала, когда сегодня я заставил Дуву подняться в ее логово. Старуха знала, что я пришел за тобой, наследница Сильбы.

Ириана дотронулась до медальона. До записки, лежащей внутри. «Миру требуется больше целителей».

Не сама ли Сильба явилась к ней той ночью в Иннише? Не богиня ли послала ее сюда и оставила записку, истинный смысл который она поняла только потом?

Чтобы сражаться с Эраваном, миру требовалось больше целителей.

– Потому-то Эраван и послал меня, – лениво продолжал демон. – Быть его шпионом и следить, не появится ли в Торре целительница с особыми способностями. А если появится, не дать ей узнать слишком много.

Дува пожала плечами:

– Разумеется, убийства дурочки-принцессы и ни в чем не повинной целительницы были… ошибками. Но его темное величество наверняка меня простит, когда мы с тобой к нему вернемся.

В голове гудело так, что Ириана едва слышала слова, бросаемые демону:

– Если ты намеревался забрать меня к Эравану, зачем убивать целительницу, которую ты спутал со мной? А может, тебе стоило истребить всех здешних целительниц? Глядишь, меньше хлопот

твоему хозяину и его прихвостням вроде тебя.

Дува хмыкнула, взмахнув кинжалом:

– Потому что это породило бы слишком много вопросов. Почему вдруг Эраван ополчился на целительниц? Главные игроки явно насторожились бы. Торру пришлось на время оставить в покое и неведении. Пусть себе сидят здесь безвылазно и не суются на север. Можешь не волноваться. Мой хозяин успеет добраться и до здешней империи.

Дува улыбнулась так, что кровь в жилах Ирианы заледенела:

– Что до той целительницы… Я вовсе не спутал ее с тобой. Ее угораздило оказаться не в том месте и не в то время. Зато для меня оно было самым подходящим. Я изрядно проголодался, но не мог утолить голод незаметно для окружающих. Впрочем, я не только славно закусил. Мне удалось нагнать на тебя страху. Я думал, ты поймешь всю глубину опасности и перестанешь возиться с этим адарланским дурнем. Однако ты не прислушалась к предостережениям. Я правильно говорю?

Ириана сжала кулаки.

– Очень плохо, Ириана Торас, – продолжал демон устами Дувы. – Очень плохо для тебя. Чем больше ты трудилась над своим Шаолом, чем успешнее двигалось исцеление, тем яснее становилось, что ты и есть целительница, столь необходимая темному королю. А когда шпионы Дувы сообщили, что ты полностью исцелила адарланца и он снова может ходить, дальнейших подтверждений мне уже не требовалось. Мои поиски успешно завершились…

Дува с наглой ухмылкой посмотрела на Хазифу. Ириане захотелось подскочить к принцессе и вцепиться ей в лицо.

– Я понимал: атаковать в открытую было бы сложно. А вот заманить тебя сюда – проще простого. Я даже слегка раздосадован. А теперь, – Дува взмахнула кинжалом, – ты, Ириана Торас, отправишься со мной в Морат.

– Ты кое-что забыла… точнее, забыл, – сказал Шаол, выходя вперед и заслоняя собой Ириану.

– Это что же? – изогнула ухоженную бровь Дува.

– Ты пока еще не победил.

«Беги, – хотела сказать Шаолу Ириана. – Убегай отсюда».

Вокруг рукоятки кинжала и пальцев Дувы начинала клубиться темная сила.

– Ты не перестаешь меня поражать, господин Эстфол, – сказала Дува, глядя на него с тронного возвышения. – По своей наивности ты думаешь, что сумеешь выиграть время, пока сюда не подоспеют караульные. Но к тому времени ты будешь уже мертв. Никто не посмеет усомниться в словах принцессы, когда я

расскажу, что ты пытался нас убить. Мы мешали тебе забрать это золото и увезти в свое маленькое жалкое королевство. Ты же поиздержался, заказав у визиря дорогостоящее оружие. А на то, что собрано здесь, ты смог бы купить себе тысячу армий.

– Мы дадим тебе бой, – бросила Дуве Ириана.

– Конечно. Вот только…

Дува полезла в карман платья и достала оттуда другое кольцо – каменное. Из особого камня, не отражавшего, а поглощавшего свет. Наверное, прислали прямо из Мората.

– Едва это колечко окажется на твоем пальчике, ты сделаешь все, что я скажу.

– Почему я должна…

– Потому, – насмешливо ответила Дува, приставив кинжал к горлу Хазифы.

Ириана посмотрела на Шаола. Тот снова оглядывал зал, намечая пути отхода.

Вокруг пальцев Дувы змеились щупальца темной магической силы.

– Итак, – сказала Дува, опустившись на ступеньку ниже. – Начнем.

Шаол не шевельнулся. А Хазифа вдруг опрокинула трон, упала вместе с ним и покатилась по ступенькам. Прямо на Дуву.

Ириана с криком бросилась к ним. Шаол тоже.

«Хазифа и ребенок, – стучало в голове Ирианы. – Ребенок и Хазифа».

Верховная целительница вместе с принцессой катились по крутым ступеням. Слышался треск ломающегося дерева. Трон, который они посчитали золотым, оказался из позолоченного дерева. Теперь он разлетался на куски. Дува истошно кричала. Хазифа не проронила ни звука, хотя кляп изо рта у нее вылетел.

Обе с шумом ударились о каменный пол. У Ирианы дрогнуло сердце.

Дува распростерлась на полу. Шаол подбежал не к ней, а к неподвижной Хазифе, перевернул старуху на спину. Из порванной одежды верховной целительницы торчали занозы. На конечностях висели обрывки веревок. Рот Хазифы был открыт. Потом открылись и глаза.

Всхлипывая, Ириана схватила Хазифу за другую руку. Вместе с Шаолом они подтащили ее к высокой статуе фэйского воина.

Дува приподнялась на локтях. Волосы заслоняли ей лицо.

– Вы, кучи гниющего дерьма, – злобно прошипела она.

Шаол пружинисто выпрямился и выставил вперед руку с мечом. Ириана собирала магическую силу, чтобы помочь старческому, хрупкому телу Хазифы. Но та сумела схватить ее за

руку. «Уходите», – говорил жест Хазифы.

Кряхтя, Дува встала на ноги. В ее шее застряло несколько длинных заноз. Изо рта капала кровь. Черная кровь.

Шаол оглянулся на Ириану. «Выбирайся отсюда и забирай с собой Хазифу», – говорил его взгляд.

Ириана хотела возразить, но он снова повернулся к принцессе. Порванное платье Дувы обнажило плотный круглый живот. Упасть с такой высоты, да еще с ребенком во чреве…

С ребенком.

Подхватив под мышки легкое тело Хазифы, Ириана потащила ее к лестнице. Она знала: Шаол не убьет Дуву.

Слезы катились по щекам Ирианы. Она продолжала тащить Хазифу к лестнице. Мимо золотых статуй, равнодушно взиравших на суету смертных.

Шаол найдет способ остановить Дуву, не причинив ей особого вреда. Он думает о ребенке принцессы. Зал наполнялся негромким гудением магической силы. Шаол будет лишь обороняться, выигрывая время для Ирианы, чтобы она выбралась отсюда вместе с Хазифой.

– За это вам обоим будет очень больно, – пообещала Дува.

Ириана отпрянула, и в то же мгновение с рук принцессы слетело облако теней. Дува целилась в Шаола. Он метнулся в сторону. Облако пролетело мимо и ударилось в статую, за которой он прятался.

– Дешевый спектакль, – процедила Дува.

Ириана спешила дотащить Хазифу до лестницы, оставляя Шаола сражаться одного. Но краешком глаза она видела, как упавшая статуя преградила путь принцессе. Дува мгновенно разметала статую. На крышки саркофагов гулко посыпался дождь золотых обломков.

– Мне это начинает надоедать, – в той же манере заявила Дува.

Новое темное облако понеслось туда, где, по мнению принцессы, находился Шаол. Зал содрогнулся. Ириана споткнулась и едва устояла на ногах.

Последовал еще один удар. И еще.

Дува злобно шипела, огибая саркофаг. Решив, что Шаол прячется там, она била наугад.

Шаол появился, но совсем не оттуда, держа в другой руке щит. Нет, не щит. То было древнее зеркало. Темная сила отразилась от металла, разбила вдребезги стекло и понеслась обратно к принцессе.

Шаол и принцесса оба были в крови. Он с ужасом смотрел, как Дуву отбросило назад и она ударилась о каменную стенку

саркофага. Хрустнули кости.

Дува упала на пол и застыла. Выждав несколько секунд, Ириана опустила Хазифу на пол и бросилась к Шаолу. Он испуганно смотрел на бездыханную принцессу.

– Что я наделал, – прошептал он, боясь отвести взгляд он неподвижной Дувы.

Его ранило осколками зеркала, но раны были мелкими и опасности не представляли. А вот Дува… Ириана устремилась к ней. Если Дува потеряла сознание, нужно попытаться выгнать из принцессы валгского демона, а затем врачевать ее тело.

Ириана перевернула Дуву на спину и застыла. Принцесса хищно улыбалась ей.

Дальнейшее произошло ужасающе быстро. С ладоней Дувы сорвались клочья темой силы, готовые впиться Ириане в лицо и черным обручем обхватить горло.

Но Ирианы на том месте уже не было. Шаол отбросил ее на камни пола, загородив от удара принцессы. Не щитом или мечом. Собой. Спиной, принявшей на себя всю силу валгского удара.

63

Боль обожгла ему спину. Добралась до ног, потом до рук. До кончиков пальцев.

Когда рушился стеклянный замок, было больно, но не так. Больно было и в долгие часы исцеления. Однако ни в Рафтхоле, ни во дворце он не испытывал такой боли, как сейчас.

Дува метила Ириане в сердце. Шаол успел это увидеть. Успел оттолкнуть Ириану.

Он рухнул на пол и сквозь оглушающую боль услышал пронзительный крик Ирианы: «Вставай! Вставай! Вставай!»

– Столько времени она на тебя ухлопала, и все пошло насмарку, – ликующим тоном объявил демон внутри Дувы. – Как мне жаль твою бедную спинку.

Темная сила вновь ударила по его спине. Внутри что-то хрустнуло. Раз, другой, третий.

Первыми он перестал чувствовать ноги.

– Прекрати! – всхлипывала, стоя на коленях, Ириана. – Остановись!

– Беги! – выдохнул Шаол.

Он уперся ладонями в пол, силясь приподняться на руках.

Дува вновь достала из кармана черное кольцо:

– Ты знаешь, каким образом это можно остановить.

– Нет! – прорычал Шаол.

Его спина тоже зарычала от боли, когда он безуспешно попытался встать на бесчувственные ноги.

Ириана отползла на шаг. Потом еще на шаг. Она смотрела то на Шаола, то на принцессу.

Только не это. Однажды такое уже случилось на глазах Шаола. Он знал, что попросту не переживет повторения.

Потом он увидел, что́ сжимает Ириана в правой руке и почему ползет. Его меч. Усмехаясь, Дува переступила через его вытянутые неподвижные ноги и двинулась на Ириану. И тогда Ириана встала и подняла меч. Лезвие дрожало. Плечи Ирианы тоже дрожали. Она всхлипывала сквозь сжатые зубы.

– Разве ты что-то сможешь сделать против этого? – издевательски спросила Дува, и с ее ладоней слетели новые облака темной силы.

– Нет! – застонал Шаол, и с ним застонало все тело.

Боль туманила ему глаза, гасила сознание. Дува подняла руку для удара. Ириана метнула меч. Отчаянный бросок и совершенно неумелый. Дува пригнулась. Ириана бросилась бежать. Быстрая, как олень, она понеслась по лабиринту саркофагов и сокровищ.

Дува зарычала, словно гончая, взявшая след, и пустилась в погоню.

У нее не было ни замысла, ни стратегии. Вообще ничего. Но главное – у нее не было выбора.

Позвоночник Шаола. Его ноги. Тяжелая работа стольких недель… Демон, владевший Дувой, все уничтожил за считаные секунды.

Ириана бежала между сундуками с золотом, пытаясь найти хоть какое-нибудь решение. Дува била по ней тенями, промахивалась, крошила золото, отчего воздух наполнился золотой пылью.

В каком-то сундуке Ириана увидела короткий меч и схватила его. Если она сумеет заманить Дуву в ловушку и сбить с ног… Волна валгской магии ударила в каменный саркофаг.

Удар каменного обломка Ириана ощутила не сразу. Вначале она услышала глухой стук. Голова раскалывалась от боли. Мир накренился. Только бы не упасть. Только бы устоять на ногах. И ноги ее не подвели. Она побежала дальше, выигрывая время. Для Шаола, для Хазифы. Для себя.

Обогнув внушительную статую, Ириана едва не налетела на Дуву. Короткий меч застыл в опасной близости от живота принцессы. Но Дува оказалась проворнее. Она схватила Ириану за шею и талию. Меч выпал.

– Это тело не любит беготни, – ворчала принцесса, таща Ириану в проход.

Ириана вырывалась, но Дува держала крепко. Слишком крепко для невысокой хрупкой принцессы.

– Хочу, чтобы ты это видела, – издевательски шептала принцесса Ириане на ухо. – Вы оба.

Шаол полз им навстречу. За ним тянулся кровавый след. Ноги снова его не держали, но у него остались руки, чтобы помочь Ириане. Увидев Дуву, он замер. Кровь капала у него изо рта. Ириана оказалась в плену у Дувы. У валга.

– Что же мне выбрать? Заставить тебя смотреть, как я его убиваю? Или заставить его смотреть, как я надеваю тебе это миленькое колечко?

Пальчики Дувы больно сдавливали Ириане горло.

– Не смей его трогать, – прохрипела Ириана.

Шаол стиснул окровавленные зубы, напряг руки и снова попытался встать. Ноги его не держали.

– Жаль, что у меня не два кольца, – протянула Дува. – Твои друзья заплатили бы за тебя щедрый выкуп. – Она фыркнула. – Но я поберегу их денежки. Представляю, как их потрясет твоя смерть.

Дува убрала руку с талии Ирианы, намереваясь ударить по Шаолу темной магией.

Не теряя ни секунды, Ириана наступила принцессе на ногу. Она знала, куда давить, чтобы было больнее. Дува качнулась. Ириана ударила локтем по руке, сжимавшей ее горло. Уроки незнакомки не пропали даром. Развернувшись, Ириана тем же локтем ударила Дуву в лицо.

Принцесса рухнула, как камень. Потекла кровь.

Ириана потянулась за кинжалом на поясе Шаола. Со звоном выхватила кинжал из ножен и взгромоздилась на поверженную принцессу. Рука с кинжалом взметнулась вверх, чтобы ударить в шею Дувы, а потом отделить голову принцессы от туловища.

– Остановись, – с трудом проговорил Шаол, разбрызгивая кровь.

Дува уничтожила его выздоровление. Уничтожила все.

У него горлом шла кровь. Ириана плакала. Кинжал по-прежнему застыл над шеей принцессы.

Шаол умирал. Удар Дувы повредил одну из главных кровеносных вен.

Брови Дувы слегка дернулись. Она шевельнулась. Ириана понимала: второго такого мгновения не будет. Это надо сделать сейчас. Вонзить кинжал в шею принцессе. Оборвав жизнь Дувы, она сможет спасти Шаола. Остановит смертельно опасное

внутреннее кровотечение. Но его позвоночник. Его ноги…

Она ведь давала клятву никогда не обрывать ничью жизнь. Она могла ненавидеть Дуву, однако во чреве принцессы находилась еще одна жизнь.

Кинжал опустился. Она была готова это сделать и…

– Ириана, – прошептал Шаол.

Столько боли в ее имени. Какого-то потустороннего спокойствия.

Она опоздала. Упустила драгоценные минуты. Магия Ирианы чувствовала смерть. Она не говорила Шаолу об этом жутком даре целителей – ощущать приближающуюся смерть. Недаром Сильба была не только богиней исцеления, но и богиней благословенной смерти.

Если убить Дуву и ее ребенка, их смерти не будут благословенными. И смерть Шаола тоже не назовешь благословенной.

Но она… Она.

Принцесса была совсем молодой. Младше Ирианы. И жизнь, которую Дува носила во чреве…

Ириана бросила кинжал. Он заскользил по полу, натыкаясь на золотые обломки.

Шаол закрыл глаза. Как ей показалось, с облегчением.

Ириану тронули за плечо. Она знала это прикосновение. Хазифа. Ириана обернулась, и слезы снова хлынули у нее из глаз. За спиной верховной целительницы стояли два человека, поддерживая старуху. С их помощью Хазифа склонилась к принцессе и магическим дуновением погрузила ее в глубокий сон.

Волосы Несарины топорщились во все стороны. Обветренные щеки раскраснелись от бега. Волосы Сартака стали гораздо короче. Он весь напрягся, глядя на сестру. Порванное платье, кровь на лице и руках. Здесь произошло что-то страшное. Но что?

– Мы опоздали, – упавшим голосом прошептала Несарина.

Ириана бросилась к Шаолу. Она не чувствовала боли в отбитых коленях, не замечала крови, сочащейся из рассеченного виска. Приподняв Шаола, она положила его голову себе на колени и закрыла глаза, призывая магическую силу.

Вспыхнул белый свет, но все вокруг было окрашено черным и багрово-красным.

Слишком много переломов и разрывов. Его грудь едва поднималась. Глаза он не открывал.

– Просыпайся, – дрожащим голосом приказала Ириана.

Она вошла в поток своей магической силы, но увечья, нанесенные Дувой… Ириане казалось, что она пытается залатать

пробоины в тонущем корабле.

Валгский демон измолотил Шаола вдоль и поперек, не оставив живого места.

Вокруг слышались шаги и крики, но Ириана не открывала глаза.

Жизнь Шаола истончалась и превращалась в туман, и ее магия была бессильна. Смерть кружила над ними, точно орел, заприметивший добычу.

– Сражайся за жизнь! – всхлипывала Ириана, тряся его. – Слышишь, упрямый придурок? Зачем тебе умирать?

Неужели все оборвется сейчас, когда они прошли такой путь, когда впереди еще столько…

– Я прошу тебя, – шептала Ириана.

Грудь Шаола поднялась в последнем вдохе… Ириана чувствовала, что не выдержит этого. Почему у нее должна быть отнята едва возникшая любовь?

Среди черно-красного пространства вспыхнул огонек. Тоненький, как пламя свечи.

Потом еще один. Еще. Темное пространство стало заполняться огнями. И там, где они вспыхивали, соединялись разорванные мышцы и жилы. Срастались сломанные кости. Огней становилось все больше. Они мелькали повсюду.

Грудь Шаола поднималась и опускалась. Он дышал. А среди темноты и множащихся огней звучал женский голос, знакомый и одновременно незнакомый. Хазифа – и кто-то еще. Второй голос не был человеческим – ни сейчас, ни когда-либо. Оба голоса сливались в один, наполняя темноту.

«Повреждения слишком велики. За восстановление его тела придется платить».

Все огоньки замерли, прислушиваясь к этому голосу из иного мира.

Ириана стремительно шла мимо них, как идут через поле белых цветов. Огоньки покачивались, словно на ветру. Кто занес их в это тихое место, пронизанное болью?

Этими огоньками были целительницы Торры.

Ириана узнавала оттенки их света. Ближе всех к ней находилась Эреция.

Голос, принадлежавший Хазифе и Другой, заговорил снова: «За это придется платить».

За увечья, нанесенные демоном руками принцессы… Ириана понимала: в этот раз ей одной не справиться.

«Я готова платить», – ответила Ириана пространству, сотканному из боли, тьмы и света.

«Дочь Фенхару заплатит долг сына Адарлана?»

«Да».

Ее лица коснулась теплая, нежная рука. Ириана знала: эта рука не принадлежала ни Хазифе, ни Другой, ни кому-либо из ныне живущих целительниц.

Это была рука той, которая никогда не покидала ее… Даже обратившись в прах и пепел, развеянный ветром.

«Ты предлагаешь это добровольно?» – спросила Другая.

«Да. От всего сердца».

Ее сердце все равно принадлежало ему с самого первого дня.

Эти любящие призрачные руки еще раз коснулись ее щеки и исчезли.

«Я сделала выбор, – сказала Другая. – Ты заплатишь долг, Ириана Торас. Надеюсь, ты поймешь, чем на самом деле является этот долг».

Ириана попыталась говорить вслух, но мягкий, успокаивающий свет не давал ей раскрыть рта. Свет делался все ярче, становился ослепительным, наполняя ее изнутри и снаружи. Он не мешал ей склоняться над головой Шаола, цепляясь за рубашку. А сердце Шаола под ее ладонью билось все увереннее. И дыхание согревало ей ухо.

На плечи Ирианы легли другие руки, вполне осязаемые. Надавили, передавая молчаливое повеление поднять голову. Ириана повиновалась.

Возле ее левого плеча стояла Хазифа. Возле правого – Эреция. Обе держали руки на ее плечах. А на их плечах лежали руки других целительниц. За теми – еще. И так – громадная цепь.

Живая цепь магической силы.

В этом зале, полном золота и каменных гробниц с костями, собрались все целительницы Торры, молодые и старые.

Все передавали свою силу Ириане, руки которой по-прежнему крепко сжимали Шаола.

Несарина и Сартак стояли неподалеку. Несарина на всякий случай зажимала рот рукой, чтобы не вскрикнуть. А повод был, потому что Шаол…

Целительницы Торры опустили руки. Мост перестал существовать, потому что Шаол шевельнул ногами. Потом коленями.

Открыв глаза, он смотрел на Ириану. Ее слезы капали ему на лицо, скользя по корке запекшейся крови.

– Я что, умер? – спросил Шаол, протягивая руку к ее губам.

– Ты жив, – ответила она, приникая к нему лицом. – Даже очень.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Шаол.

Ириана подняла голову. Шаол улыбнулся снова. Корка

запекшейся крови потрескалась и опала. И там, где еще недавно по щеке тянулся шрам, была ровная, гладкая кожа.

64

У Шаола болело все тело, но это была боль обновления. Боль уставших, а не порванных мышц. И воздух в легких уже не обжигал при вдохе. Вот только голова отчаянно кружилась. Чувствуя это, Ириана помогла ему сесть.

Целительницы расходились. Шаол поискал глазами Несарину и Сартака. Лица обоих были серьезными и даже хмурыми. Длинную косу принца сменили свободно висящие волосы до плеч. На Несарине были кожаные руккинские доспехи. Шаола поразили ее глаза. Сейчас обстановка не располагала к веселью, и тем не менее таких сияющих глаз он у своей соратницы еще не видел.

– Как… – хрипло спросил Шаол.

– Ты же послал записку и попросил немедленно возвращаться, – напомнила ему Несарина. Вопреки выражению глаз, лицо ее было мертвенно-бледным. – Мы летели почти без остановок. Во дворце узнали, что вы с Ирианой отправились в Торру. Гвардейцы спешили сюда вслед за нами, но потом мы их опередили. Правда, чуть не заблудились в этих лабиринтах. Хорошо, кисы показали дорогу.

Несарина обернулась туда, где на ступеньках лестницы сидели пять-шесть зеленоглазых кошек. Почувствовав на себе внимание людей, кошки прервали умывание и, задрав хвосты, скрылись в темноте.

– Мы подумали, что вам понадобится помощь целительниц, и кого видели, тех звали с собой. Но их пришло намного больше.

Шаол повернулся к лестнице. Похоже, здесь побывали все целительницы Торры. Явились все, кто смог.

А за спиной Шаола и Ирианы Эреция хлопотала над Хазифой. Верховная целительница была жива и находилась в сознании, но случившееся не прошло даром для хрупкого старческого тела.

Эреция выговаривала Хазифе за чрезмерный героизм, а у самой в глазах блестели слезы. Хазифа протянула руку и смахнула те, что успели упасть на щеку Эреции.

– Что с ней? – спросил Сартак, указывая на распростертую Дуву.

– Я погрузила ее в особый сон, – ответила верховная целительница. – Будет спать, сколько понадобится.

– Даже с валгским кольцом? – удивилась Несарина.

Сартак хотел было взять сестру на руки. Несарина остановила

его, обняв за талию. Принца это очень удивило. Шаол только сейчас заметил у обоих следы недавних ран. К тому же Сартак прихрамывал на ходу. Видно, и у них что-то произошло.

– Я же сказала: это особый сон, – пояснила Хазифа. – Кольцо ей не помешает.

Ириана смотрела на принцессу. Рядом валялся кинжал. Сартак его тоже заметил.

– Спасибо, что пощадила ее, – тихо сказал он Ириане.

Ириана уткнулась Шаолу в грудь. Он погладил ее по волосам, удивившись, что они мокрые:

– У тебя рана на голове.

– Пустяки.

Шаол отстранился и увидел, что это кровоточит рассеченный висок.

– Ничего себе пустяки, – проворчал он и обратился к Эреции: – У Ирианы рана на виске.

Чувствовалось, Эреция вернулась в свое прежнее состояние.

– Приятно видеть, что недавние события не сказались на вас.

Шаол хмуро посмотрел на нее, ничего не ответив.

– Ты уверена, что этот бесцеремонный парень стоил внесенной платы? – лукаво спросила выглянувшая из-за плеча Эреции Хазифа.

– Какой еще платы? – насторожился Шаол, не дав Ириане ответить.

Вокруг стало тихо. Ириана смотрела на Хазифу, освободившуюся от заботливой Эреции.

– У тебя были очень значительные повреждения, – тихо пояснила верховная целительница. – Даже при наших совместных усилиях смерть крепко держала тебя за руку.

Шаола пронизал ужас.

– Что ты сделала? – спросил он у Ирианы.

– Скорее всего, изрядную глупость, – огрызнулась Эреция. – Согласилась платить, даже не зная, в чем состоит плата. Торопилась спасти твою шкуру. Мы все слышали.

За такие слова Шаолу хотелось свернуть Эреции шею, однако он погасил раздражение и со всем спокойствием, на какое был способен, спросил:

– Плату… кому?

– Это не плата, – поправила Хазифа, касаясь плеча Эреции и удерживая ее от дальнейших неуместных замечаний. – Это восстановление равновесия, надобного той, кому оно важно. Она говорила через меня, когда мы все помогали возвращать тебя к жизни.

– Я спрашивал про цену, – напомнил Шаол.

Что бы Ириана ни отдала, он найдет способ это вернуть. Чем платить – его не волновало.

– Чтобы удержать твою жизнь в этом мире, нам пришлось связать ее с другой жизнью. С жизнью Ирианы. Теперь обе жизни имеют общую нить, – пояснила Хазифа. – Но даже при таком условии…

Она указала на ноги Шаола, на его ступню, упиравшуюся в пол.

– Демон сумел раскрошить тебя на множество кусков. Нанесенное увечье было куда серьезнее того, что привело тебя в Антику. Дабы спасти в тебе все, что только возможно, тоже пришлось платить.

Ириана замерла:

– Ты о чем?

– В позвоночнике остались повреждения, что будет сказываться на нижних частях ног, – Хазифа отвела взгляд. – Этого даже мы не смогли исцелить.

Шаол посмотрел на верховную целительницу, затем на свои ноги. У него шевелились пальцы, двигались ступни. Он даже уперся ступнями в пол, и они выдержали тяжесть его тела.

– Отныне вы связаны одной жизненной нитью, – продолжала Хазифа. – Жизненная сила Ирианы втекает в тебя и создает нечто вроде второго позвоночника. Уравновешивает повреждение. Когда Ириана полна магических сил, твои ноги ничем не отличаются от ног любого здорового человека.

Шаол внутренне собрался, приготовившись услышать «но». Наверное, Хазифа прочитала его мысли и невесело улыбнулась:

– Но когда магия Ирианы слабеет, когда она сама устала или истощена, твое увечье получит власть над тобой. В такие дни в лучшем случае тебе придется ходить, опираясь на трость, а в худшем – передвигаться в кресле. И таких дней может быть много. Повторяю: мы при всем желании не могли полностью исцелить твой позвоночник.

Шаол переваривал услышанное. Основательно, не торопясь. Ириана молчала и не двигалась, как зачарованная.

– Разве я не могу снова исцелить Шаола?

Ириана наклонилась к нему, будто собиралась немедленно этим заняться.

– Эта плата – часть равновесия. – Хазифа покачала головой. – Не испытывай пределы сострадания той силы, что вытащила Шаола из рук смерти.

– Ириана, это вовсе не тяжкая ноша. – Шаол коснулся ее руки. – Мне подарили жизнь. А временные неудобства приходится переносить каждому.

– Но я…

Ириана кусала губы. В глазах уже блестели слезы.

– Кресло на колесах – не наказание. Оно – не тюрьма и никогда тюрьмой не было, – сказал ей Шаол. – В кресле или с тростью, я остаюсь тем же, что и на ногах.

Он смахнул слезинку, катящуюся по ее щеке.

– Я хотела тебя исцелить, – прошептала она.

– Ты и исцелила, – улыбнулся он. – Ириана, все мои серьезные увечья ты исцелила.

Он смахнул остальные слезы и поцеловал горячую щеку Ирианы.

– У сделки, которую заключила Ириана, есть еще одна особенность, – сказала Хазифа. Все повернулись к ней. – Когда настанет время, смерть может быть легкой или жестокой, но она заберет вас обоих сразу.

Золотистые глаза Ирианы были по-прежнему обрамлены серебром. Но с ее лица исчез страх. Исчезла печаль.

– Вместе, – тихо сказал ей Шаол, переплетая пальцы с ее пальцами.

Ее сила станет его силой. А когда жизненный путь Ирианы закончится, он уйдет вместе с нею. Но если он вдруг умрет раньше…

От ужаса у него свело живот.

– В этом и заключается истинная плата, – сказала Хазифа, уловившая состояние Шаола. – Не страх за свою жизнь, а понимание, чем твоя смерть обернется для твоей половины.

– В таком случае самое разумное для вас обоих – не соваться на войну, – проворчала Эреция.

Ириана покачала головой.

– Мы обязательно пойдем на войну, – расправив плечи, объявила она. Потом, указав на Дуву, добавила: – Вот на что способен Эраван. И вот что он сделает со всеми вами, если мы не пойдем на войну.

Последние слова были обращены к Сартаку.

– Знаю, – тихо ответил Сартак.

Принц повернулся к Несарине. Шаол видел, как сверкнули глаза обоих. Там тоже появлялась связующая нить. Пока еще тонкая, дрожащая. Но она появилась не на пустом месте. Эти раны объединили их.

– Знаю, – повторил Сартак, беря Несарину за руку.

Глаза Несарины и Шаола встретились. Она нежно улыбнулась своему соратнику. Шаол еще не видел Несарину такой умиротворенной. Такой счастливой. Он сглотнул и мысленно произнес: «Прости».

Несарина покачала головой. Сартак нагнулся, взял на руку спящую Дуву и невольно застонал. Раненая нога давала себя знать.

«Тебе не за что извиняться», – прочитал Шаол в глазах Несарины. «Тогда я рад за тебя».

У Несарины округлились глаза, когда она увидела Шаола встающим на ноги. Он протянул руку, помогая Ириане встать. Его движения были плавными и уверенными, словно и не существовало невидимых постромок из магии Ирианы, обеспечивающих эту плавность и уверенность.

Несарина вытерла навернувшиеся слезы. Шаол подошел и крепко обнял ее.

– Спасибо, – шепнул он ей на ухо.

Несарина ответила таким же крепким объятием:

– Это тебе спасибо, что привез меня сюда. И вообще за все.

За принца. Шаол чувствовал, какой огонь страстей полыхает в душе Сартака.

– Нам надо многое вам рассказать, – добавила Несарина.

– И мы вам многое расскажем, – ответил ей Шаол.

Он отошел, уступая место Ириане, которой тоже хотелось обнять Несарину.

– Что будем делать со всем этим золотом? – спросила Эреция, уводя Хазифу из зала.

В туннеле ярко горели факелы. На всем протяжении стояли гвардейцы, следя, чтобы все покинули это место сокровищ и смерти.

– Ну и вкусы у них были, – продолжала ворчать Эреция, косясь на высокую статую фэйского воина.

Шаол засмеялся. Ириана тоже. Обнявшись, они пошли вслед за целительницами.

Он шел рядом с нею. Живой. Когда поднимались по ступенькам, Шаол по-настоящему ощутил себя живым.

Сартак отнес Дуву в покои хагана, позвав братьев и сестру. Ириана, Шаол и Хазифа настояли на том, что хаган и его дети должны видеть это своими глазами.

Ириана впервые заметила на лице хагана проблеск искренних чувств. Увидев бездыханную, окровавленную Дуву, он рванулся навстречу Сартаку. За спиной хагана теснились визири. Хасара вскрикнула. Ириане подумалось, что и в принцессе впервые прорвались настоящие чувства.

Сартак не позволил отцу притронуться к Дуве. Не подпустил никого, кроме Несарины. Он положил спящую сестру на низкий диван.

Ириана держалась поодаль, молча наблюдая за поведением правящей семьи. Шаол стоял рядом. Эта нить между ними… Ириана почти осязала живую полосу прохладного шелковистого света, текущего от нее к нему.

Спокойствие Шаола не было наигранным. Он без волнения принял то, что часть позвоночника до конца дней останется поврежденной. Да, он мог передвигаться. Даже сейчас, когда Ириана истощила запас магической силы. А вот стоять на ногах – нет. Довольно скоро они узнают, при каком ее состоянии Шаол легко может ходить, когда ему понадобится трость и когда – кресло.

Но Шаол был прав. Шел ли он легко и пружинисто, брел ли, опираясь на трость, или сидел в кресле, он оставался тем же самым. Она ведь полюбила его гораздо раньше, чем он встал. И будет любить вне зависимости от способа передвижения.

– А если мы поссоримся? – спросила она Шаола по пути сюда. – Что тогда?

– Мы и до этого постоянно ссорились. – Он поцеловал ее в раненый висок. – Ничего нового. Неужели ты думаешь, что я бы захотел связать жизнь с женщиной, которая смотрит мне в рот и постоянно старается угодить?

Ириану его слова не убедили.

– Ириана, пойми: эта связующая нить ничего не меняет в наших отношениях. Мы не сможем каждую минуту находиться вместе. Тебе понадобится свое пространство. Мне – свое. Не думай, будто тебе придется каждый раз выдумывать нелепые предлоги, чтобы на время уйти по своим делам. Или хуже того – терзаться угрызениями совести.

Ириана пихнула его локтем под ребра:

– Можно подумать, что я молоденькая, по уши влюбленная дурочка, которая только и мечтает весь день торчать возле тебя и заглядывать в глазки!

Шаол засмеялся и крепче обнял ее.

– Думаю, ты великолепно умеешь обходиться без моей помощи, – сказала Ириана.

Он поцеловал ее в лоб. Дальнейшее обсуждение пришлось отложить: они были возле покоев хагана.

Сейчас они стояли, переплетя пальцы. Сартак откашлялся. Затем поднял вялую руку Дувы, чтобы все видели обручальное кольцо.

– В кольце, посланном Перангтоном, обитал демон. Он поработил нашу сестру.

Визири задвигались и зашептались.

– Чушь, – презрительно бросил брату Аргун.

– Мы привыкли считать Перангтона человеком. Но он – не более чем человеческая оболочка, под которой находится Эраван. По сути, он и есть Эраван, – заявил Сартак, не обращая внимания на выпад старшего брата. – Валгский король.

Ириана подумала и поняла: об этом принц мог узнать только от Несарины.

Не выпуская руку Ирианы, Шаол добавил к словам Сартака:

– Эраван послал это кольцо в качестве свадебного подарка, зная, что Дува непременно наденет его. И не когда-нибудь, а в день свадьбы. Так день бракосочетания стал днем ее порабощения демоном.

Второе кольцо было припрятано в подземельях Торры, в сундуке с сокровищами, и ждало своего часа.

– Что с ребенком? – спросил хаган.

Он смотрел на округлый живот дочери, едва прикрытый изорванным платьем, и поцарапанную шею, откуда Хазифа успела вытащить самые крупные занозы.

– Все это – гнусная ложь, – негодовал Аргун. – Иноземцы отчаялись втянуть нас в войну и решили прибегнуть к коварству.

– Нет, не ложь, – резко возразила Хазифа. – У нас полно свидетелей, который скажут вам обратное. Если вы, принц, не верите нам, послушайте, что скажут гвардейцы, целительницы и ваш брат.

Спорить с верховной целительницей не смел даже Аргун. Он нехотя замолчал.

Вперед, отпихнув Хасару, протиснулся Кашан.

– Теперь я понимаю… – пробормотал он, глядя на спящую сестру. – Мне все время казалось, что она изменилась.

– Конечно изменилась! – язвительно бросил ему Аргун. – Забеременела. А в остальном осталась такой же, как была.

– Тебе же вечно некогда. – Кашан гневно посмотрел на старшего брата. – А если бы ты провел с нею хотя бы час и внимательно понаблюдал, сразу бы почувствовал разницу. Я-то думал, будто ее уныние вызвано этим сватовством. Потом приписывал ее состояние беременности.

Кашан сокрушенно покачал головой. Его глаза были полны искреннего горя.

– Это ведь ее рук дело? – спросил он у Шаола. – Это она убила Тумелуну?

По залу прокатилась волна недоумения и ужаса. Все смотрели на Шаола. Он же повернулся к хагану. Тот был совершенно бледен и… Для его состояния вряд ли подходило слово «потрясен». Потерять дочь и узнать, что она была убита руками другой его дочери…

– Да, – наконец ответил Шаол, поклонившись хагану. – Демон признался в этом. Но убийство вашей младшей дочери совершил он, хотя и руками Дувы. Он рассказал, как Дува сопротивлялась ему до последнего. Она не хотела убивать сестру.

Хаган надолго закрыл глаза.

Кашан простер к Ириане руки и отчаянно взмолился:

– Ты можешь исцелить ее? Там, внутри, еще что-то осталось от настоящей Дувы?

Он обращался не как принц к целительнице, а как друг к другу. Ведь они когда-то были друзьями. Ириана надеялась, что их дружба восстановится.

Теперь взоры собравшихся сосредоточились на Ириане. Она стояла, прямая как стрела, не позволяя себе и тени сомнения.

– Я попытаюсь.

– Великий хаган, есть сведения, которые вам необходимо знать. Они касаются Эравана и опасности, которую представляют он и его подручные. Война потребует от вас определенных расходов. Но после ее окончания вы получите ощутимые преимущества.

– Ты даже сейчас, в такой момент, не забываешь о своих интересах? – крикнул Шаолу Аргун.

– Я не забываю о наших общих интересах, принц, – спокойно возразил ему Шаол. – Вас может не трогать участь Эрилеи. Но посмотрите на положение вашего континента. Морат достиг ваших берегов. Его ставленник убил одну вашу сестру, а вторую превратил в послушное орудие. Если мы не поднимемся и сообща не ответим на эту угрозу… – Рука Шаола еще крепче сжала пальцы Ирианы. – Тогда принцесса Дува окажется лишь первой в цепи порабощенных Эраваном. А принцесса Тумелуна – не последней жертвой валгского короля и его демонов.

– Великий хаган, мы только что вернулись с юга. События, начавшиеся там, крайне тревожны. Харанкаи вновь пришли в движение, услышав призыв их темного хозяина.

Многих в зале покоробило слово «хозяин», употребленное Несариной. Иные недоуменно переглядывались.

– Харанкаи – это исчадия тьмы, проникшие в наш мир из мира валгов. Так что война уже добралась и до ваших земель.

Какое-то время в зале слышались перешептывания и шелест одежд.

Хаган продолжал глядеть на неподвижное тело дочери.

– Спаси ее, – обратился он к Ириане.

Хазифа едва заметно кивнула ей, веля выйти вперед. Ириана поняла смысл знака: ей предстоит испытание, последнее и окончательное. И проверку ей устраивает не верховная

целительница, а сила куда более высокого порядка.

Возможно, та сила привела Ириану в Антику, помогая преодолевать страны, горы и моря.

Валгский демон. Зараза. Паразит. Следы присутствия такого паразита она устраняла у Шаола. Но сейчас ей предстояло иметь дело с живым демоном… Ириана подошла к спящей принцессе.

И начала.

65

Ее руки не тряслись, когда она протянула их к дивану, где лежала Дува. Белый свет окружал пальцы Ирианы, служа магической защитой. Она осторожно взяла руку спящей принцессы. Такую тоненькую, почти детскую руку. Не верилось, что эта рука творила ужасающие злодеяния.

Ириана потянулась к фальшивому обручальному кольцу. Волны ее магической силы подернулись рябью и искривились, словно кольцо было магнитом, искажающим пространство.

Рука Шаола покоилась на ее пояснице как знак молчаливой поддержки.

Ириана внутренне сосредоточилась, втянула воздух. Ее пальцы сомкнулись вокруг кольца.

Ее нынешний противник был гораздо серьезнее. Несравненно серьезнее, чем тьма, с которой она сражалась внутри Шаола.

Там она имела дело с тенью. Здесь – с черным омутом. Бесконечным злом. Противоположностью всему, что существовало в этом мире.

Ириана дышала сквозь зубы. Ее магия разрасталась. Свет делался ярче. Становился защитной перчаткой, уберегающей ее руку от кольца. Взявшись за кольцо, Ириана потащила его вверх, прочь с пальца Дувы.

Кольцо соскользнуло. Дува закричала во сне. Ее тело, до этого неподвижное, начало извиваться. Сартаку пришлось держать ноги сестры, а Кашану – плечи.

Два принца не без труда справлялись с беснующейся Дуву. Она кричала, как зверь, ибо все еще находилась в бессознательном состоянии благодаря заклинанию Хазифы.

– Вы ее покалечите! – крикнул всем троим хаган.

Ириана даже не взглянула на него. Внимание целительницы было полностью направлено на бьющуюся в судорогах принцессу.

– Не мешай, – шикнула на отца Хасара. – Если ее не держать, Ириана не сможет работать. Пусть позовут ремесленника. Если это чертово кольцо не снимается, надо его распилить.

Окружающий мир потерял ясность очертаний. Все звуки слились в общий гул. Краешком глаза Ириана увидела мужа Дувы. Тот мчался к дивану, зажимая рот, чтобы не закричать. Несарина перехватила его, не дав приблизиться к принцессе.

Шаол оставался рядом с Ирианой, стоя на коленях. Почувствовав, что его прикосновение мешает, он убрал руку с ее поясницы. Ириана продолжала наблюдать за корчащейся принцессой.

– Она себя поранит! – возмущенно крикнул Аргун. – Прекратите это издевательство!

Для Ирианы его слова звучали откуда-то издали. Она смотрела на поработителя Дувы. Настоящий паразит. Живая тень внутри принцессы. Валг отравлял Дуве кровь и управлял разумом. Ириана чувствовала всю злость и негодование демона.

Ириана подняла руки. Белый свет растекся по ее коже. Она сама стала светом в границах своего тела, которые никогда еще не были такими опасно хрупкими.

Кто-то сдавленно вскрикнул. Ириана протянула сверкающие руки к груди принцессы. Ей казалось, что ее руки подчиняются невидимым подсказкам.

Близость света вызвала у демона панику.

Кажется, Сартак выругался. Затем треснула спинка дивана – Дува ударила по ней ногой.

Для Ирианы сейчас существовал только беснующийся валг, который отчаянно боролся за свою власть над принцессой, и только светящиеся руки, протянутые к Дуве.

Ириана положила их принцессе на грудь. Вспыхнувший свет напоминал маленькое солнце. Послышались удивленные и испуганные крики.

Свет почти сразу погас. Часть его вернулась в Ириану. Другую часть втянуло в Дуву – вместе с Ирианой.

Внутри принцессы бушевала буря: неистовая, холодная и древняя. Ириана ощущала источник бури. Он был повсюду и, как ленточный червь, опоясывал Дуву.

«Вы все погибнете», – заверещал валгский демон.

Ириана ударила по нему своей магией. Вихрь белого света проник во все жилы, кости и кровь Дувы. Это не была река, скорее, полоса света, составленная из бесчисленных зернышек магической силы. Целый легион, проникающий во все темные углы, трещины и щели, заполненные злобой.

Снаружи, далеко от поля битвы, появился ремесленник. До слуха Ирианы донеслись слабые удары молотка по металлу.

Хасара зарычала. Этот звук передался через Шаола прямо в ухо Ирианы. Словно в тумане, она увидела черный сверкающий

Камень Вэрда, скрытый под серебром. Теперь Камень лежал на чьем-то носовом платке, и все с опаской на него поглядывали.

Валгский демон взвыл, чувствуя, как магия Ирианы гасит его силу. Но сдаваться он не собирался и предпринял новую атаку.

Шаол опять гладил ее по спине, успокаивая и добавляя уверенности.

Еще одна часть окружающего мира растворилась и исчезла.

«Я тебя не боюсь, – сказала тьме Ириана. – И бежать тебе некуда».

Дува колотилась, пытаясь сбросить руки целительницы. Но Ириана лишь сильнее давила ей на грудь.

Время замедлилось. У Ирианы саднили колени, затекла спина. Но эта боль была где-то далеко. Там, где Сартак и Кашан удерживали тело принцессы, не соглашаясь, чтобы их сменили.

А Ириана продолжала вливать свою магию в Дуву, наполняя принцессу всепоглощающим светом. Вопли демона не прекращались ни на мгновение.

Шаг за шагом Ириана заставляла демона отступать. Гнала до тех пор, пока тот не оказался в самой сердцевине существа принцессы. Пока Ириана не увидела его истинное обличье. Как она и ожидала, зрелище было отвратительным.

В клубах дыма мелькали длинные тонкие конечности с когтями. Серая осклизлая кожа почти не имела волос. Не было их и на голове. На Ириану смотрели огромные черные глаза, полные гнева. Ей не померещилось. Она действительно видела глаза валга.

«Ваш мир все равно падет, – шипел демон, обнажая мелкие острые зубы. – До вас мы уничтожили немало миров. И столько же еще уничтожим, расправившись с вами».

Демон вцепился когтями во тьму. Дува закричала.

– Жалкое зрелище, – сказала Ириана.

Должно быть, она произнесла эти слова вслух, так как в зале установилась тишина.

Ириана чувствовала, как связующая нить с Шаолом утончается. Он убрал руку с ее спины.

– Крайне жалкое зрелище, – повторила Ириана. Позади нее нарастала могущественная белая волна. – Слаб ты, принц, если избрал своей добычей беспомощную женщину.

Демон, пятясь, отступал, цепляясь за тьму, словно она была туннелем внутри Дувы.

Ириана усилила натиск, обрушив на демона стену своей магии.

И когда ее сила ударила по последнему живому куску демона, тварь засмеялась: «Знай, глупая девчонка: я не принц, а

принцесса. Мои сестры скоро тебя разыщут».

Свет Ирианы рвал в клочья и поглощал последние островки тьмы. Ириана вернулась в свое тело и рухнула на пол. Шаол выкрикнул ее имя. Подскочила Хасара и поддержала Ириану.

Ириана готовилась нанести завершающий удар. Дува кашляла, давилась слюной и пыталась повернуться на бок.

– Поверните ее, – велела принцам Ириана.

Те послушно повернули Дуву на бок. Грудь принцессы вздымалась все сильнее. Затем Дува открыла рот, и на пол хлынула отвратительная зловонная жижа. Ириане забрызгало колени, но она даже не вздрогнула. Она внимательно рассматривала состав жижи. В основном это была исторгнутая пища и капельки крови.

Дуву продолжало выворачивать. Она надсадно кашляла, исторгая новый поток зловонной жижи. Изнутри шел черный дым. Так повторилось несколько раз, а потом на зеленый пол выскользнуло черное щупальце.

Видя этот сгусток тени, Ириана чувствовала: сражение закончено. Она почти целиком исчерпала свою магическую силу, но победа была за нею. Последний остаток валгского демона исчез, как под лучами солнца исчезает роса.

Ириане стало зябко. Навалилась боль уставшего тела. Внутри было совсем пусто. Ни капельки магической силы.

Только сейчас Ириана заметила людскую стену вокруг дивана. Сыновья хагана стояли по обе стороны от отца. Их руки замерли на эфесах мечей. На лицах – гнев и желание мстить. Не Ириане и не Дуве, а тому, кто послал горе их дому и семье.

С лица Дувы исчезла злобная гримаса. На щеках появился румянец. Принцесса спокойно выдохнула.

Муж Дувы снова рванулся к жене, но теперь уже Ириана задержала его, подняв руку. Усталая рука казалась свинцовой, и все же Ириана не опускала ее, глядя в испуганные глаза иноземного принца. Тот смотрел не столько на лицо Дувы, сколько на живот. Ириана кивнула. «Я проверю», – говорил ее жест.

У нее еще нашлось несколько капель магической силы. Собрав их, Ириана положила руки на круглый, выпирающий живот Дувы и направила силу внутрь. Ей ответило что-то радостное. Новая жизнь.

Ответ был зримым. Ребенок ударил в материнский живот. Дува ойкнула и открыла глаза.

Принцесса смотрела на собравшихся. На Ириану, рука которой все еще лежала на ее животе.

– Мой ребенок… – с трудом ворочая языком, произнесла

Дува.

– Вполне человеческий и здоровый, – улыбнулась Ириана.

У нее самой в груди стоял комок. Облегчение не всегда бывает приятным.

Дува молча смотрела на Ириану. Потом из глаз принцессы потекли слезы. Ее муж рухнул на соседний стул и спрятал лицо в ладонях. У него вздрагивали плечи.

Через мгновение рядом с диваном стоял хаган. Самый могущественный человек в мире опустился на колени перед диваном, протянул руки и крепко прижал дочь к себе.

– Дува, это правда? – спросил стоявший возле изголовья Аргун.

Ириана едва удержалась, чтобы не напомнить принцу, что его сестра пережила тяжелейшее потрясение и все вопросы нужно оставить на потом. Сартак был менее щепетилен.

– Заткнулся бы ты, братец, – бросил он Аргуну.

Прежде чем Аргун успел прошипеть ответ, Дува подняла голову с отцовского плеча.

Слезы текли по ее щекам. Дува посмотрела на Сартака с Аргуном. Потом на Хасару. На Кашана. И наконец на мужа, который сам только что поднял голову.

Красивое лицо Дувы потемнело, но уже не от валгских теней. От пережитого.

– Это правда, – дрожащим голосом подтвердила Дува, глядя на братьев и сестру. – Все до последнего слова.

И когда до хагана дошел смысл сказанного, он вновь обнял Дуву и стал нежно ее качать, ни о чем не спрашивая и давая ей выплакаться.

Хасара стояла у изножья дивана. В отличие от братьев, она не торопилась обнимать сестру. Лицо Хасары было сосредоточенным и решительным. Поймав взгляд Ирианы, она прошептала:

– Спасибо.

Ириана лишь кивнула и пошла туда, где возле колонны сидел Шаол. Не на стуле, а в своем кресле на колесах. Должно быть, попросил слуг сходить в покои за креслом, когда вся магическая сила Ирианы устремилась на спасение Дувы.

Шаол поехал навстречу Ириане, всматриваясь в ее усталое лицо. Но на его лице не было ни малейших признаков горя или досады.

Только восхищение перед ее даром и такое обожание, что у Ирианы перехватило дыхание. Она села к нему на колени. Шаол обнял ее и поцеловал в щеку.

Одна из боковых дверей распахнулась. Послышался шелест одежд, торопливые шаги и рыдания. Великая хагания спешила к

дочери. Кашан перехватил мать почти у самого дивана, обняв за талию. От внезапной остановки белое платье хагании надулось, словно колокол. Она говорила по-халхийски и слишком быстро. Ириана понимала лишь отдельные слова. Кожа супруги хагана была пепельно-серой. Иссиня-черные волосы делали это особенно заметным. Женщина слушала объяснения Кашана, но смотрела только на дочь. Потом, не дослушав, подбежала к дивану, упала на колени и обняла Дуву.

При виде матери и дочери, плачущих от горя и радости, внутри Ирианы шевельнулась давняя душевная боль. Шаол молча стиснул ей плечо. Они повернулись, намереваясь покинуть зал.

– Все что угодно, – сказал хаган, оглядываясь на Ириану.

Он по-прежнему стоял на коленях возле Дувы. К ней наконец подбежала Хасара, чтобы обнять сестру. Потом мать прижала к себе обеих принцесс, целуя их щеки и лбы.

– Все что угодно, – повторил хаган. – Проси и получишь.

Ириана не раздумывала над ответом.

– Я прошу о помощи, великий хаган, – вырвалось у нее само собой. – Помогите нашему континенту.

Дворец бурлил. Хорошо, что отведенные Шаолу покои находились в тихой его части. Они с Ирианой радовались возможности снова оказаться в гостиной. Туда же пришли Несарина и Сартак.

Несарина с принцем присоединились к ним еще в коридоре. Дорога из покоев хагана была длиннее, чем из трапезного зала. Шаол ехал рядом с Ирианой. Ее пошатывало от усталости, но упрямство мешало в этом признаться. Она даже устроила Шаолу придирчивый осмотр, расспрашивая об ощущениях в спине и ногах. Со стороны казалось, что это он занимался изгнанием демона и полностью выплеснул свою силу.

Едва Ириана направила волны магии в тело Дувы, Шаол сразу ощутил, как меняется его состояние. В спине, а потом и в ногах появилось болезненное напряжение. Только тогда Шаол решился отойти. Он доковылял до ближайшего дивана, прислонился к спинке и попросил слугу прикатить кресло на колесах. Когда тот вернулся, ноги уже не держали Шаола. Он мог двигать ими, но стоять на них не мог.

Однако Шаола это не злило и не удручало. Отныне у него переменчивая способность двигаться, и такой она останется до конца дней. Это изменившееся естественное состояние его тела, а вовсе не наказание.

Им с Ирианой нужно будет продумать, как чередовать время его сражений со временем ее целительства. Он ни в коем случае

не останется в стороне от битв. В те моменты, когда магическая сила Ирианы будет истощаться, он продолжит сражаться, передвигаясь верхом или даже в кресле.

А когда Ириане понадобится вся ее целительская сила, когда магия позовет ее на поля сражений и связующая нить истончится – его устроит и трость, и кресло. Ноги – не повод уклоняться от войны.

Если он уцелеет на этой войне. Если они с Ирианой… если все уцелеют.

Новый диван был скверной заменой прежнему. Они уселись, найдя более или менее уютные места. Шаол хотел попросить разрешения увезти тот диван в Адарлан. Даже в изуродованном виде, со вспоротой обивкой. Несарина и принц предпочли стулья, сев не рядом, а на некотором расстоянии друг от друга. Шаол старался не показывать своего удивления.

– Как вы вообще узнали, что мы в беде? – наконец спросила Ириана. – Это ведь потом вы примкнули к гвардейцам.

Сартак моргнул, вынырнув из своих мыслей.

– Каджа, – сказал он, указав на служанку, которая расставляла чайную посуду. – Это она увидела Дуву спешащей к туннелю. Каджа… работает на меня.

Каджа не показывала виду, что слышит.

– Спасибо, – сказал ей Шаол.

Но Ириана подошла к Кадже и крепко пожала руку:

– Мы тебе обязаны жизнью. Чем нам отплатить за твою помощь?

Каджа лишь покачала головой и неслышно вышла из гостиной. Все смотрели ей вслед.

– Аргун наверняка потребует наказать ее, – задумчиво произнес Сартак. – С одной стороны, ее подсказка спасла Дуву. С другой… он зол, что Каджа ничего ему не сообщила.

Несарина нахмурилась:

– Тогда нам нужно будет найти способ защитить ее. Раз твой брат такой неблагодарный.

– Ты и сама успела в этом убедиться, – ответил Сартак.

Шаол и здесь постарался скрыть удивление, хотя его поразила непринужденность их общения и это «мы», произнесенное Несариной.

Одно слово Шену, и Каджа на всю жизнь обретет верного защитника. Шаол хотел подсказать принцу, но удержался.

– Что теперь? – спросила Ириана.

Несарина запустила пальцы в волосы. Да, она сильно изменилась. Можно сказать, неузнаваемо. Она взглянула на Сартака – не ради позволения говорить, а из желания убедиться,

что он здесь.

– Маэва – валгская королева.

Пожалуй, от таких слов Шаол не устоял бы и на здоровых ногах.

Потом она начала спокойно, обстоятельно рассказывать, что́ они с Сартаком узнали за эти полтора месяца. О стигианских пауках, которые на самом деле были валгскими солдатами. Об оборотне – возможно, родном дяде Лисандры. И наконец, о валгской королеве. О том, как она тысячи лет скрывалась под личиной фэйской королевы, прячась от королей-демонов, от которых она когда-то сбежала и которые повсюду ее разыскивали, но так и не нашли.

– Теперь понятно, почему древние фэйские целители скрылись от нее, – подхватила Ириана, когда Несарина закончила рассказ. – И почему на Вендалине ее целители живут у самой границы с землями смертных. Вовсе не ради помощи нуждающимся людям. Это ее пограничный отряд против валгов, если те вдруг попытаются проникнуть в ее владения.

А ведь валги, сами того не зная, находились совсем близко от земель Маэвы. Аэлина, сражавшаяся с демонами-принцами на Вендалине, и подумать не могла, что между валгами и фэйской королевой существует самая прямая связь.

– Я припомнила рассказ Аэлины о ее первой встрече с Маэвой, – сказала Несарина. – Тогда рядом с королевой сидела сова. Аэлине это показалось всего лишь причудой.

Ириана встрепенулась.

– Скорее всего, это фэйский целитель или целительница в обличье совы, – возбужденно проговорила она. – Маэве сова служила телохранителем. А все вокруг думали, это просто ручная птица…

У Шаола шла кру́гом голова. Сартак понимающе на него посмотрел.

– А что происходило здесь? – спросила Несарина. – До нашей встречи с вами в подземелье…

Ириана крепко сжала руку Шаола. Настал его черед рассказать о том, какие открытия они сделали и через что прошли. Невзирая на все замыслы Маэвы, Эраван оставался их главной угрозой.

Когда Шаол умолк, Ириана воспользовалась паузой и сказала:

– Когда я сражалась с демоном внутри Дувы…

Шаол посмотрел на нее. Он помнил каждое мгновение исцеления принцессы. Ослепительно сверкающие руки Ирианы. Выражение ее лица, исполненное священного благоговения. Ему даже показалось, что перед ним – богиня Сильба.

– Так вот, валгский демон сообщил, что он – не принц, а принцесса.

Все замолчали. И друг Несарина хлопнула себя по лбу:

– Паучиха! Она же рассказывала, что у валгских королей были сыновья и дочери. Принцы и принцессы.

Шаол выругался. Ему хотелось вскочить. Увы! Колодец магической силы Ирианы наполнялся вновь, но до обидного медленно.

– Похоже, без Огненосицы нам никак не обойтись, – сказал он. – Нужно ее разыскать.

О том, что им нужна помощь Аэлины в переводе древних книг, он умолчал. Главное, Хазифа пообещала отдать книги.

– Аэлина сейчас плывет на север, в Террасен, – сказала Несарина. – С нею армада и ведьмы.

– Или только Отряд тринадцати, – возразил Шаол. – Донесения не сообщили подробностей. Возможно, эти ведьмы даже не из шабаша Маноны Черноклювой.

– Оттуда, – сказала Несарина. – Спорю на что угодно.

Она посмотрела на Сартака. Тот кивнул, давая молчаливое разрешение рассказать еще о чем-то. Несарина уперлась ладонями в колени:

– Мы хотя и торопились сюда, но прилетели не одни.

– Сколько? – быстро спросил Шаол, глядя на них с Сартаком.

Лицо Сартака приняло серьезное выражение.

– Руккины играют важную роль в защите нашего континента. Я рискнул взять с собой лишь половину.

Шаол ждал.

– С нами прилетела тысяча.

Шаол по-настоящему радовался, что сейчас сидит. Тысяча руккинов… Он почесал подбородок:

– Если мы присоединимся к силам Аэлины вместе с Отрядом тринадцати и всеми остальными ведьмами, которых Манона Черноклювая сумеет склонить на нашу сторону…

– Мы получим воздушный легион, способный сражаться с воздушными силами Мората, – докончила его мысль Несарина.

Ее глаза сверкали, однако в них была не только надежда. Ужас, поскольку Несарина понимала: неминуемые сражения не обойдутся без потерь. Но чувствовалось, оснований для надежд у нее больше.

– Если Ириана сумеет исцелить солдат, одержимых валгами…

– Нам все равно вначале придется нанести по ним сокрушительные удары, – возразил Сартак. – И сделать это не раз и не два. Только потом Ириана и ее помощницы смогут заняться

лечением.

Его слова несколько охладили пыл Несарины.

– По-моему, мы упустили еще одно важное преимущество, – просияла Ириана. – Аэлина Огненосица воюет на нашей стороне. А если ее магия способна создавать пламя, ей ничего не стоит создать и дым. У меня появились некоторые соображения.

Но поделиться соображениями она не успела. Хлопнула входная дверь. Стремительно распахнулась дверь гостиной, и влетела Хасара. Увидев Сартака, она остановилась:

– Кажется, я опоздала на военный совет.

– А с чего ты взяла, что мы здесь обсуждаем войну? – спросил Сартак, закидывая ногу на ногу.

Хасара уселась напротив и насмешливо тряхнула головой:

– А рукки, загадившие все крыши, прилетели сюда для пущей важности? Чтобы подчеркнуть твое величие?

– Не все же тебе подчеркивать твое величие, сестричка, – засмеялся Сартак.

Принцесса посмотрела на Ириану, затем на Шаола и заявила:

– Я отправлюсь вместе с вами.

Шаол замер.

– Одна? – спросила Ириана.

– Не одна. – С лица Хасары исчезла привычная насмешливость. – Ты спасла жизнь Дувы. И наши жизни, если бы демон в ней набрал больше силы.

Она посмотрела на Сартака. Принц не скрывал своего изумления.

– Дува – лучшая из нас. Она гораздо лучше меня, – призналась Хасара, и на шее принцессы дернулась жилка. – И потому я отправлюсь вместе с вами. Сколько кораблей сумею собрать – все поплывут со мной. Я сделаю это, чтобы моей сестре больше не пришлось оглядываться назад и замирать от страха.

«За исключением страха перед своими ближайшими родственниками», – подумал Шаол.

Хасара по глазам угадала его мысли.

– Не ей, – тихо сказала Хасара. – Всем остальным – да.

Принцесса вперилась взглядом в Сартака. Тот угрюмо кивнул:

– Всем остальным, но только не Дуве.

Шаол догадался: среди детей хагана достигнута негласная договоренность по отношению к младшей сестре.

– А тебе, господин Эстфол, придется еще какое-то время терпеть мое общество, – сказала Хасара, в улыбке которой уже не было прежней язвительности. – В память о Тумелуне и ради благополучия Дувы я появлюсь с моим сульде перед воротами Мората и заставлю этого мерзавца-демона заплатить за все.

Поймав удивленный взгляд Ирианы, Хасара добавила:

– Что же касается тебя, Ириана Торас… В благодарность за спасение Дувы я помогу тебе спасти твою родину.

Ириана встала. У нее дрожали руки. Не говоря ни слова, она подошла к стулу, где сидела Хасара, и крепко обняла принцессу.

66

Несарина устала настолько, что ей хотелось завалиться спать на целую неделю. Или на месяц. Но вместо этого она в одиночку брела по коридорам дворца, держа путь к минарету Кадары.

Сартак отправился на разговор с отцом. С ним пошла и Хасара. Несарина вполне могла бы улечься спать в своей прежней спальне, Шаол и Ириана не стали бы возражать. Но она не захотела мешать их уединению. Как-никак Шаол побывал на пороге смерти. Несарина не сомневалась насчет того, что́ происходило сейчас в их покоях.

Придется искать себе пристанище. И не только себе. Нужно устроить на ночлег Борту. На подлете та шумно восхищалась Антикой и морем. Но летать над городом, разглядывая красоты, было некогда. Они неслись на зов Шаола с быстротой ветра. Фалкан летел в обличье полевой мыши, сидя у Борты в кармане. Еран был от этого не в восторге. Во всяком случае, Несарине так показалось, когда она в последний раз видела парня в Эридунском гнезде. Сартак быстро оповестил матерей-по-очагу и их командиров, приказал собирать руккинов и лететь в Антику.

Возле самой лестницы, ведущей на минарет, Несарину догнал посыльный. Мальчишка весь запыхался, но все же сумел отвесить изящный поклон и подал ей письмо. Оно пришло во дворец две недели назад. Несарина узнала дядин почерк. Дрожащими пальцами сломала печать и… едва дочитав, понеслась вверх.

Красно-коричневый рукк летел над домами и улицами Антики, сопровождаемый восторженными и удивленными криками горожан. Несарина увещевала рукка, призывая его не бояться города и показывая, куда лететь. А летели они в Рунни, подгоняемые соленым морским ветром.

Решение стать новой хозяйкой осиротевшего рукка пришло к ней внезапно, накануне вылета из Эридунского гнезда. Несарина пришла туда, где он понуро сидел у стены и все еще ждал своего умершего хозяина. Заглянув в золотистые глаза птицы, Несарина сказала, что тот, кто прежде летал на нем, больше не вернется, ибо теперь летает в просторах иного мира. Она сообщила, что ее

зовут Несариной Фелак и она – дочь Сайеда и Сибелы Фелак. Она готова стать его новой хозяйкой, если он согласится ее принять.

Сальхи (так звали рукка) склонил голову. Знал ли он, что глаза Несарины в тот момент слезились не только от пронизывающего ветра?

Несарина не пожалела о принятом решении. Сальхи легко летел вместе с Кадарой во главе отряда руккинов, торопящихся в Антику.

Сейчас он плавно опустился на улице перед дядиным домом, напугав нескольких торговцев. Побросав тележки, те в ужасе разбежались. Уличная ребятня, позабыв про игры, глазела на диковинную птицу. Всем понравилось, как Несарина, погладив шею рукка, спрыгнула на землю.

Ворота дядиного дома распахнулись. Во дворе стоял отец Несарины. Мимо него проталкивалась ее сестра, а к рукку уже бежали орущие от восторга племянники и племянницы…

У Несарины подкосились ноги. Она опустилась на колени и заплакала.

Сартак разыскал ее через два часа. Как – Несарина могла только догадываться. Впрочем, рукк, сидящий на городской улице, конечно же, привлекал к себе внимание и был легко заметен с воздуха.

А до появления принца Несарина невесть сколько времени, плача и смеясь, обнимала родных. Сальхи невозмутимо наблюдал за странным поведением хозяйки.

Наконец ее тетка (самая здравомыслящая из всей родни) объявила, что плакать приятнее за чаем, и повела Несарину в дом. Там она услышала о приключениях, сопровождавших ее семью на пути в Антику. Были и бури, трепавшие корабль, и вражеские суда, которые он обходил стороной. Главное, все родные Несарины целыми и невредимыми добрались до Антики, где и останутся, пока на Эрилее полыхает война. Так сказал отец Несарины. Дядя и тетка одобряюще кивали.

Несарина была безмерно рада встрече с семьей. Хоть эту тревогу она могла оставить в прошлом. Но разговоры, прерываемые восклицаниями, взрывами смеха или потоком слез, так ее утомили, что захотелось подремать в каком-нибудь тихом уголке. Отговорившись делами, она стала прощаться. Отец заявил, что честь проводить ее до Сальхи принадлежит ему. Предварительно он отправил старшую дочь «прекратить этот детский балаган» в доме.

Выйдя за ворота, Несарина сделала несколько шагов и остановилась как вкопанная. Отец, шедший следом, едва не

налетел на нее.

Рядом с Сальхи она увидела улыбающегося Сартака. А рядом с рукком терпеливо ждала Кадара. Птицы смотрелись красивой, гордой парой.

У отца округлились глаза. Казалось, он узнал рукку прежде, чем принца. Но потом, увидев Сартака, низко поклонился.

О своем пребывании в клане руккинов Несарина рассказывала скупо, по понятным причинам упуская многие подробности. Сестра и тетка отнеслись к ее рассказу настороженно. Зато детвора тут же объявила, что они тоже станут руккинами. Возбужденные рассказом «тети Несарины», дети принялись скакать по дому, изображая птиц. Они пронзительно кричали, размахивали руками и прыгали со стульев и диванов.

Заметив отца Несарины, Сартак зашагал ему навстречу. Подойдя, протянул руку:

– Мне сообщили, что семья капитана Фелак наконец-то благополучно прибыла в Антику. Я решил сам поздравить вас с приездом.

Сартак слегка поклонился ее отцу. У Несарины до боли защемило сердце.

Сайед Фелак выглядел так, словно вот-вот упадет замертво. Неизвестно, что́ подействовало на него больше: знак уважения, оказанного принцем, или близость знаменитой Кадары. А его внуки и племянники не испытывали ни малейшего страха. Они с интересом разглядывали принца, пока сзади не раздался восторженный вопль:

– Кадара!

Это кричал четырехлетний малыш – самый младший из дядиных и теткиных детей. Теперь даже те, кто не подозревал о столь удивительном событии на их улице, выходили и выбегали поглазеть.

Сартак засмеялся. Дети пронеслись мимо отца Несарины, торопясь к золотистой птице. Ее сестра устремилась следом, крича, что это опасно. Но Кадара распласталась на земле. Сальхи тоже. Детвора замерла. Благоговейно взирая на могучих птиц, дети протягивали руки и осторожно их гладили.

Делара облегченно вздохнула, но потом, сообразив, кто́ стоит рядом с Несариной и отцом, покраснела. Расправила платье, словно это могло скрыть пятна, оставшиеся после кормления ее младшего ребенка. Не зная, о чем говорить с его высочеством, Делара сочла за благо удалиться в дом. Она пятилась, не переставая кланяться.

Сартак снова засмеялся, но не раньше, чем Делара скрылась в доме, сердито посмотрев на сестру. «Втрескалась в него так, что

даже не смешно», – говорил ее взгляд. Несарина показала ей неприличный жест. Отец предпочел этого не заметить.

– Принц, вы уж простите моих внуков и племянников, – сказал он. – Они еще слишком малы и не понимают разницы между вашей руккой и курами во дворе.

Однако Сартак только улыбался. За время, проведенное с ним, Несарина еще не видела у него столь открытой улыбки.

– Между прочим, у Кадары, при всем внешнем благородстве ее облика, много общего с наседкой. Она обожает птенцов.

Кадара распушила перья, что вызвало новый взрыв восторженного детского визга.

– С вашего позволения, пойду послежу, чтобы никто из сорванцов не попытался на ней взлететь, – сказал отец Несарины, коснувшись плеча дочери.

Несарина и Сартак остались одни. На улице, напротив дядиного дома. На виду у глазеющей Антики. Казалось, принц этого не замечал. Явно не замечал, если он предложил:

– Пойдем прогуляемся.

Несарина оглянулась. Ее отец бдительно пресекал попытки ребятни забраться в седла Кадары и Сальхи. Она кивнула.

Они свернули в тихий чистый переулок за дядиным домом, молча прошли несколько шагов.

– Я говорил с отцом, – сообщил Сартак.

Несарина еще раньше думала об исходе встречи. Ей не очень-то верилось в благоприятный исход. Что, если хаган прикажет руккинам вернуться в их гнезда? В горах все было проще. Там Несарина рисовала себе будущую жизнь рядом с принцем, и эта жизнь представлялась ей такой же прекрасной, как горы. Возможно, в горах ее мечты и остались, а действительность, ожидавшая их с Сартаком, была иной.

Он – принц. А она… Да, Несарина любила свою семью и гордилась ею. Но в их родословной не было ни капли благородной крови. Не считая Несарины, ее отец оказался первым в династии Фелак, кто удостоился рукопожатия наследного принца. Однако это не добавляло знатности самой семье.

– И что? – отважилась спросить Несарина.

– Мы обсуждали… разные дела.

Ликования – как не бывало.

– Понимаю, – упавшим голосом произнесла Несарина.

Сартак остановился. Под ногами хрустел песок. Через заборы перевешивались ветви жасминовых кустов, в которых жужжали пчелы. Позади, за таким же забором, находился уединенный двор, принадлежащий дяде. Несарине отчаянно захотелось перемахнуть через забор и спрятаться. Лучше так, чем слушать то, что сейчас

она услышит.

Но Несарина заставила себя не опускать головы. Меж тем принц внимательно смотрел на нее.

– Я сказал отцу, что намереваюсь повести руккинов против Эравана и сделаю это, даже если не получу его согласия.

Картина их будущего становилась все мрачнее. Лицо Сартака, как назло, было непроницаемым.

– Отец спросил меня о причинах.

– Надеюсь, ты рассказал ему, что от этого может зависеть судьба всего мира.

– Конечно, – усмехнулся принц. – А еще я ему сказал, что моя любимая женщина намерена воевать с Эраваном и я последую за нею.

Несарина не верила своим ушам. Она боялась даже думать об услышанном. Пусть вначале Сартак договорит до конца.

– Отец напомнил мне, что ты – незнатного происхождения и что возможному преемнику хагана надлежит жениться на принцессе или на знатной даме, у которой есть богатства, земли и влиятельные союзники.

Несарина была готова заткнуть уши, только бы не слушать остальное. Но Сартак взял ее за руку:

– И тогда я сказал отцу: если ради возможности… только лишь возможности… стать хаганом я должен отказаться от дорогого мне человека, пусть вычеркивает меня из числа преемников. Повернулся и ушел.

– Ты что, с ума сошел? – спросила ошеломленная Несарина.

– К счастью для хаганата, нет, – слегка улыбнулся Сартак и притянул ее к себе. – Я не успел дойти до двери, как отец объявил меня преемником.

Несарина не чувствовала своего тела. Странно, что она еще ухитрялась дышать.

Когда же она попыталась ему поклониться, Сартак крепко сжал ее плечи.

– Ты никогда не будешь мне кланяться, – тихо сказал он.

Преемник. Хаган сделал Сартака преемником. Будущим владыкой громадной страны, которую она любила и очень хотела познать.

Мозолистая ладонь Сартака коснулась ее щеки.

– Мы полетим на войну. Впереди – сплошные неожиданности. Неопределенность во всем. Кроме одного. – Его губы прижались к ее губам. – Кроме моих чувств к тебе. Этого не изменит никакая армия демонов, никакой темный король или королева.

Несарина вздрогнула. Она снова отказывалась верить своим ушам.

– Сартак, ты теперь преемник. А я…

– А ты, Несарина Фелак, – та, с кем я полечу на войну. И когда мы разгромим Эравана и его армии, когда тьма навсегда будет изгнана из нашего мира, тогда мы вернемся сюда. Вместе.

Он поцеловал Несарину. Поцелуй был совсем легким.

– И будем здесь жить до конца наших дней.

Обещание. Мир, который он возлагал к ее ногам. Эти слова вновь вызвали у нее дрожь. Какая щедрость, какое бескорыстие. Сартак предлагал ей не хаганат и корону, а свою жизнь. Свое сердце.

Знал ли он, что ее сердце принадлежало ему с их первого совместного полета на Кадаре? Сартак улыбнулся. Похоже, что знал.

Несарина обняла его за шею и поцеловала. Поцелуй был нежным, осторожным и полным изумления. Ей показалось, будто она пробует Сартака на вкус, улавливая оттенки ветра, горного ручья и родного дома.

Зажав его лицо в ладонях, она отстранилась, запоминая каждую его черточку:

– Летим на войну, Сартак. А что будет дальше, узнаем потом.

Сартак ответил ей самоуверенной улыбкой. Похоже, он уже решил, что́ будет дальше, и никакие ее слова не могли его переубедить.

А со двора доносился крик сестры, который слышали все соседи:

– Отец, я тебе говорила!

67

Прошло две недели. Ранним утром Ириана расположилась на палубе большого красивого корабля и в последний раз любовалась восходом солнца над Антикой. Вокруг кипела работа, но Ириана стояла у перил и считала минареты дворца. Потом обвела взглядом знакомые уголки города, просыпающиеся в свете нового дня.

Осенние ветры укрепляли свою власть над морями. Качка ощущалась даже здесь, в гавани. Что же будет на открытом просторе? Это Ириану не пугало. Сегодня они поплывут на Эрилею. Домой.

Тех, с кем Ириана простилась, было не много. Да она и не хотела превращать свой отъезд в событие. Однако Кашан нагнал ее уже в гавани. Спрыгнув с лошади, Ириана передала поводья Шаолу. Тот кивнул принцу и повел лошадь на корабль.

Кашан смотрел на их судно и другие корабли, заполнившие гавань.

– Я жалею о словах, что произнес той ночью в степи, – тихо признался он.

Ириана покачала головой, не зная, как ему ответить.

– Я скучал по тебе как по другу, – продолжал Кашан. – Я не могу похвастаться обилием друзей.

– Знаю, – не без усилия произнесла Ириана и добавила: – И я скучала по тебе как по другу.

Кашан всегда помогал ей, а теперь был готов помочь и ее соотечественникам.

Ириана взяла Кашана за руку, крепко пожала. В глазах принца и на его обаятельном лице еще ощущалась боль, но там же было и понимание. И ожидание, с каким он смотрел в сторону севера.

Кашан ответил таким же крепким рукопожатием:

– Еще раз спасибо тебе за Дуву. Мы обязательно встретимся снова, Ириана Торас, – сказал он, улыбаясь горизонту. – Я в этом уверен.

Ириана молча улыбнулась. Кашан разжал пальцы и подмигнул ей:

– Мое сульде указывает на север. Откуда мне знать, что́ ожидает меня впереди? Особенно теперь, когда отец определился с преемником. Эта ноша легла на плечи Сартака, а я свободен делать все, что пожелаю.

Город бурно переживал весть о назначении преемника. Кто радовался и праздновал, кто спорил и сомневался. Все это продолжалось и поныне. Ириана не знала, как отнеслись к отцовскому решению остальные дети хагана, но в глазах Кашана был покой. И в глазах его братьев и сестер. Быть может, Сартак преуспел по части прекращения родственных междоусобиц? Вначале заключил негласное соглашение о неприкосновенности Дувы и ее потомства, которое затем распространится и на всех детей хагана? Не все традиции древности достойны сохранения.

Ириана вновь улыбнулась принцу. Ее другу.

– Спасибо за всю твою доброту.

Кашан лишь поклонился и зашагал обратно, растворившись в сероватом утреннем свете.

С тех пор миновал час с небольшим. Поднявшись на палубу, Ириана смотрела на просыпающийся город. А в трюмах и на палубах продолжалась подготовка к отплытию.

Она вдыхала запах моря, запахи Антики, звуки почти проснувшегося города. Втягивала их в себя, откладывая в закрома памяти. Ее глаза застыли на таких знакомых очертаниях Торрье-

Кесме. Стены громадной башни прощались с нею.

Даже в лучах утреннего солнца башня напоминала маяк. И еще – копье на страже надежды и спокойствия.

Доведется ли ей когда-нибудь снова увидеть Торру? Ведь то, что ожидало их на Эрилее…

Порыв ветра качнул корабль, заставив Ириану вцепиться в перила. Этот ветер прилетел с суши, словно все тридцать шесть богов Антики посылали им напутствие, направляя к родным берегам. Через Узкое море. На войну.

Ириана не слышала, как матросы подняли якорь. Корабль стал медленно отходить от причала. Она по-прежнему не замечала окружающей суеты, хаоса звуков и красок. Она стояла и смотрела, как город становится все меньше и меньше.

И даже когда берег превратился в узкую, едва видимую полоску, Ириане отчетливо видела белый силуэт Торры. Громадную руку, поднятую в прощальном приветствии.

68

Ни один шаг не казался Шаолу Эстфолу чем-то обыденным. Даже если эти шаги вели к ведру, куда его выворачивало несколько первых дней плавания. Но рядом с ним находилась целительница, и это давало неоспоримое преимущество. Ириана с легкостью утихомиривала его бунтующий желудок. После двух недель плавания, когда корабль лавировал между яростными штормами (капитан называл их «кораблекрушителями»), желудок Шаола наконец смилостивился.

Ириана стояла на носовой палубе, глядя в сторону берега. Точнее, туда, где находился бы берег, решись они подплыть ближе. Но пока они старались держаться подальше от береговой линии Эрилеи. Прежде чем пройти к Ириане, Шаол переговорил с капитаном и спросил, где сейчас они находятся. Оказалось, напротив северной части Эйлуэ; примерно там, где королевство граничило с Фенхару.

За все эти дни им не встретилось никаких признаков Аэлины и ее армады. Ничего удивительного, если учесть, сколько времени прошло между морской битвой и их отплытием из Антики.

Шаол отбросил тревожные мысли. Подойдя к Ириане, он обнял ее за талию и поцеловал в затылок. Ириана лишь слегка замерла от прикосновения. Она научилась распознавать его шаги и, как сам Шаол, не считала их обыденностью, которую не замечаешь.

Спина Ирианы прижалась к его груди. Ее руки легли поверх

его рук, сжавших перила.

После спасения Дувы Шаол еще целый день мог передвигаться только в кресле. Потом, встав на ноги, едва ковылял, опираясь на трость. И снова у него до боли напрягалась спина, а каждый шаг требовал сосредоточенного внимания. Сжимая зубы, Шаол вновь осваивал простые движения. Ириана была рядом, всячески его ободряя. Спустя день хромота уменьшилась, а на следующий день он уже ходил легко.

За две недели плавания Ириана почти не тратила свои магические силы на исцеления. Помимо взбунтовавшихся желудков и солнечных ожогов, иных хворей не появлялось. И все равно Шаол держал трость в каюте. Кресло плыло в трюме.

Он заглядывал через плечо Ирианы на их переплетенные пальцы. Там поблескивали два одинаковых кольца.

– Можешь до одури смотреть на горизонт, но скорости нам это не добавит, – сказал Шаол, не отрывая губ от ее шеи.

– И твои подтрунивания над женой тоже не заставят корабль плыть быстрее.

– Ну чем еще мне развлекаться в томительно длинные часы плавания, как не подтрунивать над тобой, госпожа Эстфол?

Ириана фыркнула, что делала всегда, слыша свой титул. Но для Шаола он звучал как музыка. Лучше были только слова брачной клятвы, которые они две с половиной недели назад произнесли в храме Сильбы. Храм находился в Торре. Сама церемония была скромной, однако Хасара настояла на пышном празднестве во дворце. Своим великолепием оно затмило многие дворцовые пиры. Этого у принцессы не отнять – устраивать торжества она умела.

Командовать армадой – тоже. Только боги знали, что́ произойдет, когда Хасара встретится с Эдионом.

– Странное дело: ты сам терпеть не можешь, когда тебя называют господином Эстфолом, – напомнила мужу Ириана. – Но слышать «госпожа Эстфол» тебе почему-то очень нравится.

– Тебе это подходит, – сказал Шаол, снова целуя ее в затылок.

– Настолько подходит, что Эреция не прекращает донимать меня своими шутовскими поклонами и реверансами.

– По правде говоря, Эрецию я бы с радостью оставил в Антике.

Ириана засмеялась и ущипнула мужа за руку:

– Когда мы сойдем на берег, ты обрадуешься, что она с нами.

– Хотелось бы надеяться.

Ириана вновь его ущипнула. Шаол поймал ее за руку и перецеловал все пальцы.

Жена. Его жена. Никогда еще Шаол не видел свое будущее

так отчетливо, как три недели назад. Ириана спустилась в сад, и, глядя на нее, он вдруг понял. Понял, чего же хочет. Он подошел к ее стулу, опустился на колени и просто спросил:

– Ириана, ты выйдешь за меня? Ты будешь моей женой?

Она обняла его, и они, не удержавшись, опрокинулись в фонтан, где самозабвенно целовались, вызывая недовольство рыб, которые обитали в его чаше. Только деликатное покашливание проходившего мимо слуги вернуло его и Ириану к действительности.

Шаол смотрел, как морской ветер играет завитками ее волос, а солнце высвечивает веснушки на носу и щеках. Смотрел и улыбался. Ответная улыбка Ирианы была ярче солнца.

Шаол все-таки забрал на корабль их пострадавший любимый золотистый диван и исполосованные подушки. Когда диван тащили по сходням в трюм, Хасара не скупилась на язвительные замечания. Шаола это не волновало. Если они уцелеют на войне, он построит Ириане дом, а диван поставит в гостиной. И конюшню для Фараши. Пока что Фараша мучила бедняг-солдат, приставленных чистить ее стойло. Лошадь была свадебным подарком Хасары. Ириане принцесса подарила муникийскую кобылу. Шаол чуть было не отказался от подарка, но затем передумал. Он представил себя сражающимся против моратских солдат верхом на свирепой лошади с нежным именем Бабочка. В этом определенно что-то было.

Ириана потрогала медальон на шее. С подарком мужа она расставалась только во время купания. Шаол всерьез подумывал, нельзя ли заменить на выгравированных инициалах одну букву. Ведь Ириана Торас стала Ирианой Эстфол.

На поверхность медальона, освещенную полуденным солнцем, было больно смотреть – так ослепительно она сверкала.

– Наверное, эта записочка мне больше не нужна, – улыбаясь, сказала Ириана.

– Почему?

– Потому что я уже не одна, – ответила она, водя пальцами по разогретому металлу. – И с тех пор я научилась быть смелой.

Шаол молча поцеловал ее в щеку. Ириана откинула крышку медальона и достала кусочек пергамента, успевшего приобрести коричневатый оттенок. Ветер попытался вырвать у нее записку незнакомки, но пальцы Ирианы не позволяли.

Она в тысячный раз перечитала записку:

– Я часто думаю, будет ли эта незнакомка сражаться на нашей войне. Уж не знаю, кто она такая, но она говорила об империи, похожей на…

Ириана покачала головой и сложила записку:

– Мне почему-то кажется, что она не останется в стороне от войны. Даже если судьба занесла ее далеко от этих мест, она вернется.

Ириана протянула Шаолу записку и продолжила всматриваться в горизонт.

От ее постоянных прикосновений к записке пергамент стал похож на тонкий мягкий бархат. Шаол развернул записку:

«Куда бы ты ни отправилась, это тебе на дорогу и на обустройство. Миру требуется больше целителей».

Волны успокоились. Казалось, даже корабль перестал по ним скользить. Ириана безмятежно улыбалась морю. Взглянув на нее, Шаол вернулся к записке. Этот почерк был ему знаком не хуже собственного.

– Что-то случилось? – насторожилась Ириана, заметив слезы на щеках мужа.

Шаол даже не пытался их смахнуть. «Сколько же ей тогда было? – думал он. – Почти семнадцать. И если она оказалась в Иннише…»

Такое вполне могло быть. Она направлялась в Красную пустыню, на выучку к Молчаливым ассасинам. Шрамы, о которых рассказывала Ириана, – это следы побоев, нанесенных Аробинном Хэмелом. Наказание за освобождение рабов Рульфа и разгром, учиненный в Бухте Черепов.

– Шаол, что с тобой?

«Куда бы ты ни отправилась, это тебе на дорогу и на обустройство. Миру требуется больше целителей».

В этих словах, написанных торопливым почерком…

Шаол поднял голову, смахнул слезы. Посмотрел на жену, заглянул в ее золотистые глаза.

Подарок.

Подарок королевы, находившейся тогда не в лучшем положении. Но, увидев в беде другую женщину, почти сверстницу, она протянула руку помощи. То было проявлением милосердия, прикосновением к чужой судьбе. Она и не думала, что сделанное добро когда-нибудь к ней вернется…

Аэлина просто спасла служанку с постоялого двора от мерзавцев-наемников, обучила, насколько позволяло время, основным приемам самозащиты и поделилась с нею золотом, добавив короткую записку. Даже проницательная Аэлина не могла себе представить, каким будет ответ на проявленную доброту. Мало того что спасенная ею служанка превратилась в искусную целительницу, благословенную Сильбой и узнавшую, как навсегда избавить мир от валгов… Эта целительница возвращалась в родные края не одна, а с тремя сотнями сестер,

посланных Торрой. Они плыли в составе тысячи кораблей, которые отправил хаган.

Ириана спасла горячо любимую дочь хагана. За это хаган пообещал исполнить любое ее желание. Она попросила помочь спасти ее соотечественников.

Шаол помнил, как она стояла на коленях перед хаганом. «Я прошу о помощи, великий хаган. Помогите нашему континенту». Это все, о чем она просила могущественнейшего из правителей.

И хаган ответил на ее просьбу. Тысячью кораблей из армады Хасары и его собственной. Они везли солдат Кашана и дарганцких конников.

Ириана и Шаол плыли на флагманском корабле. В небе над ним, растянувшись до самого горизонта, летела тысяча руккинов, ведомых Сартаком и Несариной. Там были воины из всех кланов и гнезд.

Это была грозная сила, способная противостоять Мората. А в Антике, под командованием Кашана, собирался второй кулак этой силы. Принц обещал управиться за две недели и предлагал немного обождать, чтобы двинуться всем вместе. Но, зная о коварстве осенних бурь, Шаол не захотел рисковать. Пусть к берегам Эрилеи плыла и летела лишь половина объединенной армии. Но и она представляла собой внушительное зрелище.

Шаол аккуратно сложил обветшавшую записку и убрал в медальон Ирианы.

– Пусть это послание полежит у тебя еще немного, – сказал он. – Думаю, кое-кому будет интересно на него взглянуть.

В глазах Ирианы промелькнуло любопытство, но она не стала донимать мужа вопросами. Тем более что ей было так уютно в его объятиях.

Как странно. Аэлина познакомилась с ним и Ирианой раньше, чем они встретились. Сколько же вех было на дороге, приведшей его к Ириане? Шаол помнил их все, начиная с самой первой. Лицо отца, суровое, как окружающие скалы. Изгнание из родного дома. Гвардейские будни в королевском замке. Соляные копи Эндовьера, где женщина-ассасин, с глазами, полными неистового огня, дерзко усмехалась ему. Год, проведенный в аду, не сломил ее духа.

А полутора годами ранее этому же ассасину встретилась его будущая жена. Возможно, они обе нашли друг друга: благословленные богами, странствующие среди мрачных развалин прежнего мира. Вряд ли они тогда понимали, что дальнейшая судьба мира зависит от них.

Каждый шаг. Каждый отрезок извилистого пути во тьме. Каждое мгновение отчаяния, гнева и боли. Все это привело Шаола

именно туда, где ему требовалось быть. Где он хотел быть.

Та, чье ремесло обрывало жизни, проявила доброту к той, чье ремесло их спасало.

Шаол почувствовал, как островок тьмы внутри его съежился и стал уменьшаться. Тьма крошилась, превращаясь в пыль. Морской ветер подхватывал ее и нес прочь мимо тысячи горделивых и гордых кораблей, плывших за флагманским судном. Мимо целительниц, солдат и лошадей, находившихся на этих кораблях. Когда Ириана попросила сестер помочь ее родному континенту, откликнулись все. Сама Хазифа возглавляла этот внушительный отряд. А ветер уносил пыль, еще недавно бывшую тьмой, все дальше, поднимая ее все выше; туда, где в небе летели руккины, неся воздушный дозор.

Ириана с некоторой тревогой наблюдала за мужем. Шаол поцеловал ее. Потом еще.

Он ни о чем не жалел и не оглядывался назад. Да и зачем, когда Ириана – рядом, в его объятиях? Когда записка в ее медальоне – еще одно подтверждение, что он оказался там, где ему и надлежало быть? Вся прежняя жизнь неизменно толкала его к этому моменту.

– Я что-то не замечала за тобой слезливости, – нарушила молчание Ириана. – Хотелось бы знать: ты мне расскажешь, что́ вдруг довело тебя до слез? Или так и будешь весь день молча меня целовать?

– Это долгая история, – расхохотался Шаол. Он встал рядом с Ирианой и, обнимая ее за талию, смотрел на горизонт. – Такие истории лучше слушать сидя.

– Обожаю истории, которые надо слушать сидя, – ответила она, подмигивая ему.

Шаол снова засмеялся. Смех пронизывал все его тело, чистый и звонкий, как колокол. Их последние спокойные, радостные мгновения. Затишье перед скорой бурей войны.

А на кораблях вовсю готовились к битве и кровопролитию. Матросы Хасары трудились наравне с солдатами Кашана.

– Идем в каюту, – сказал Шаол. – За едой я тебе все расскажу.

Ириана приподнялась на цыпочки, поцеловала мужа, и они пошли в свою просторную каюту.

– Надеюсь, это сто́ящая история, – лукаво улыбнулась Ириана.

Шаол тоже улыбнулся. Жене. Свету, к которому он, сам того не зная, шел всю жизнь. Даже когда вокруг была сплошная тьма.

– Сто́ящая, – тихо ответил он. – Тебе понравится.

Огненное сердце

Ее заключили в темноту и железо…

Она спала, ибо ее заставляли спать, примешивая к воздуху сладковатый дым. Он проникал внутрь ее гроба через хитроумно скрытые отверстия для доступа воздуха. Они располагались сверху, снизу и по бокам.

Гроб, сделанный древней королевой для пленения солнца.

Окруженная со всех сторон железом, она спала и видела сны. В них она странствовала через моря, тьму и огонь. Принцесса без родины и имени.

Эта принцесса пела тьме и пламени. И они отвечали.

Не было ни начала, ни конца, ни середины. Только песня, море и железный гроб, ставшей ее жилищем.

Так продолжалось, пока ее пленители не достигли места назначения. Пока в темную, сонную темноту не хлынул ослепительный свет. Пока туда же не ударил прохладный, пахнущий дождем ветер.

Но ее лицо не ощущало ни ветра, ни дождя. Его скрывала железная маска. Маска смерти.

Она приоткрыла глаза. После долгого пребывания во тьме она видела только свет, не различая цветов и очертаний.

Но вскоре над откинутой крышкой железного гроба склонилось чье-то лицо. Темные струящиеся волосы. Белая, с лунным отливом кожа. Губы цвета крови.

Рот древней королевы раскрылся в улыбке, обнажая зубы. Белые, словно кости.

– Смотрю, ты пробудилась. Прекрасно.

Голос звучал мелодично, но холодно. Этот голос был способен пожирать звезды.

Оттуда же, откуда бил ослепительный свет, к гробу потянулись чьи-то грубые, испещренные шрамами руки. Схватили цепи, которыми она была скована. Подручный королевы. Ее живой меч.

Он поставил принцессу на ноги. Ее тело находилось где-то далеко, полное боли. Она не хотела возвращаться в тело, сражалась с ним, цеплялась за тьму и огонь. Но те убегали от нее, как уходит волна в час утреннего отлива.

Однако подручный толкал ее ближе к этому прекрасному и жестокому лицу, взирающему на нее с паучьей улыбкой. Хватка подручного была крепкой.

– Что ж, начнем, – непринужденно произнесла древняя королева.

Благодарности

И вновь я сталкиваюсь с нелегкой и даже пугающей задачей, стараясь поблагодарить великое множество удивительных людей, проявившихся в моей жизни и сделавших эту книгу реальностью. Постараюсь никого не забыть.

Начну с моего мужа Джоша. Ты – мой свет, моя скала, лучший друг, надежная гавань… словом, ты мое всё. Спасибо тебе за любовь и заботу, за то, что вместе со мной отправился в это невероятное путешествие. Твой смех – мой самый любимый звук среди всех звуков мира.

Моя собака Энни. Ты месяцами сидела рядом, пока я писала и редактировала эту книгу. Порою мне кажется, что твое имя должно было бы красоваться на обложке рядом с моим. Но пока издательства не признали собачье сотворчество с их хозяевами, достаточно будет упоминания о тебе. Я люблю тебя, моя дорогая псина. Люблю твой пушистый хвост, уши как у летучей мыши, твой далеко не сахарный характер и неукротимую бодрость духа… Словом, люблю в тебе всё. Впереди у нас с тобой еще много книг и не меньше крепких объятий.

Мой литературный агент Тамара. Я написала уже десять книг и до сих пор не смогла должным образом выразить, насколько я тебе благодарна. Нескончаемое спасибо за то, что ты встретилась на моем пути, за твою усердную работу и готовность не давать мне спуску ни в чем.

Лора Бернье, ваши советы, мудрость и искреннее желание выпустить эту книгу превратили работу над нею в удовольствие. Огромное вам спасибо за редакторскую помощь. Ваше участие заметно преобразило книгу.

Международная команда издательства «Блумсбери»: вы лучшее издательство на нашей планете. Называю тех, кому эта книга обязана выходом в свет: Бетани Бак, Синди Ло, Кристина Джилберт, Кэтлин Фаррар, Найджел Ньютон, Ребекка Макналли, Соня Пальмизано, Эмма Хопкин, Айен Лэм, Эмма Брэдшоу, Лиззи Мейсон, Кортни Гриффин, Эрика Бармаш, Эмили Риттер, Грейс Хоули, Эшани Аграваль, Элис Григг, Элиза Бернс, Дженни Коллинз, Бет Эллер, Керри Джонсон, Келли де Грот, Эшли Постон, Люси Макей-Сим, Хали Баумстайн, Мелисса Кавонич, Уна Патрик, Дайана Аронсон, Донна Марк, Джон Кэнделл, Николас Чёрч, Анна Бернар, Шарлотта Дэвис, а также вся команда в зарубежных странах. Как всегда, огромное спасибо за то, что вы делаете для меня и моих книг. Работать с каждым из вас – большая честь для меня.

Джон Кэссир, Кира Снайдер, Анна Фёрстер и команда Марка Гордона: ребята, вы лучшие. Я безмерно рада, что эти книги проходят через ваши руки.

Кэсси Хомер: бесконечная благодарность за все, что вы делаете. Вы фантастический человек. Дэвид Арнтцен: вы с самого начала прикрываете наши тылы. Спасибо вам за титанический труд и доброту. И моя обильная благодарность несравненным женщинам, которых зовут Мора Уоган и Виктория Кук, – лучшим юристам, каких я знаю.

Линетта Нони: я неизмеримо счастлива, что несколько лет назад мы с вами познакомились на выставке фан-сообщества Supanova! Космическое вам спасибо за помощь в выходе этой книги, за фонтанирующие идеи и просто за то, что вы такая, какая есть.

Рошани Чакши: прежде всего ты моя стена. Спасибо за твой смех, весомые советы и умение быть лучом света. Я счастлива называть тебя своей подругой.

Стеф Браун: ты моя партнерша по фанатским делам. Спасибо тебе за дружбу и поддержку. То и другое значит для меня больше, чем можно выразить словами. Жду не дождусь нашего следующего марафона, посвященного «Властелину колец».

Искренне благодарю Дженнифер Арментраут за ее редкую душевную теплоту и щедрость. Столь же искренне благодарю Рене Адье за обеды, сопровождающиеся обилием смеха и шуток. Спасибо Элис Фанчан за доставленную фанатскую радость. Спасибо Кристине Хоббс и Лорен Биллингс за то, что входите в число моих любимых людей.

Вот я добралась и до вас, Чарли Боуотер. С чего же начать? Огромное спасибо за восхитительные карты (эту и прошлые). Ваше искусство не перестает меня удивлять и вдохновлять. Спасибо вам за все. Вы даже не представляете, какой честью я считаю работу с вами и как много ваше искусство значит для меня.

Кэти Гарднер и Эвери Олмстед: от всего сердца благодарю вас за плодотворную обратную связь и интуицию. Вы не представляете, как много для меня это значит и в какой мере ваша поддержка повлияла на создание книги. Помимо всего мне просто приятно общаться с вами.

Моя искренняя благодарность Джеку Уэзерфорду, чья книга «Чингисхан и создание современного мира» (Genghis Khan and the Making of the Modern World) изменила мой взгляд на историю и подарила немало идей, касающихся хаганата. Благодарю Пола Кана за его блистательную адаптацию «Тайной истории монголов» (Secret History of the Mongols) и Кэролайн Хамфри за ее

статью «Ритуалы смерти в Монголии» (Rituals of Death in Mongolia).

Дорогие мои родители и родственники, безмерное спасибо вам всем за радость, любовь и поддержку, приносимые в мой мир. И тебе спасибо, моя новорожденная племянница. С твоим появлением моя жизнь стала светлее. Надеюсь, что, когда ты вырастешь, в тебе проявятся черты моих своенравных героинь.

Лавина благодарности вам, мои удивительные подруги: Дженнифер Келли, Алекса Сантьяго, Келли Грабовски, Вильма Гонзалес, Рейчел Доминго, Джессика Рейгл, Лора Эшфорт, Саша Альсберг и Дияна Ван. Что касается Луизы Энг… здесь я чувствую себя заезженной пластинкой со своими нескончаемыми «спасибо». Но ведь ты всегда была и остаешься удивительной и отзывчивой.

И наконец, огромное спасибо вам, дорогие читатели. Вы лучшее подтверждение, что мой нелегкий писательский труд того стоит. Ведь у меня просто фантастическая читательская аудитория. Я вас всех обожаю.